

Россия: подноготная любви

Вождь и исполнители – стая

Меняйлов Алексей Александрович

М50 Россия: подноготная любви. Психоанализ Великой Борьбы (Катарсис-2). – М., 1999. – 576 стр.

ISBN 5-900889-67-X.

«Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава...» — эти слова знаменитого историка, географа и этнолога Льва Николаевича Гумилева, венчающие его многолетние исследования, известны.

Привлечение к сложившейся теории евразийства ряда психологических и психоаналитических идей, использование массива фактов нашей недавней истории, которые никоим образом не вписывались в традиционные историографические концепции, глубокое знакомство с теологической проблематикой — все это позволило автору предлагаемой книги создать оригинальную историко-психологическую концепцию, согласно которой Россия *в самом главном* весь XX век шла от победы к победе.

Одна из базовых идей этой концепции — расслоение народов по психологическому принципу, о чем Л. Н. Гумилев в работах по этногенезу упоминал лишь вскользь и преимущественно интуитивно. А между тем без учета этого процесса самое главное в мировой истории остается непонятым.

Для широкого круга читателей, углубленно интересующихся проблемами истории, психологии и этногенеза.

ББК 88.5

Глава первая

ПОЧЕМУ ШИМПАНЗЕ, ДАЖЕ ГОЛОДНЫЙ, ДАЛЕКО НЕ ВСЕГДА ДОСТАЕТ ИЗ «ХИТРОГО» ЯЩИКА БАНАН?

Обезьяна — обезьяне: «Условный рефлекс — это когда ты при зажженной красной лампочке хватаешь банан, а все эти упрямые за решетку белохалатники рефлекторно визжат от восторга».

Праздник мысли — продолжим.

Странные порой устанавливаются взаимоотношения у некоторых людей с обезьянами вообще. Они, то есть некоторые люди, имеющие такую дорогостоящую возможность, как научные исследования, готовы подсматривать за обезьянами часами, сутками, страстно — но почему?

Это что — забава? Порок? Или — жизненная необходимость, без которой жизнь утрачивает привкус удовольствия? Ведь не случайно же за право заниматься биологической наукой, этой совершенно безденежной профессией, жесткое соревнование начинается еще до поступления на соответствующий факультет университета?!

Изучение обезьян целесообразно начинать с... людей.

Для чего освежим в памяти значение семи основных понятий психокатарсиса*¹ — вкратце. На трех страницах.

Люди руководствуются, как многие, заблуждаясь, полагают, *разумом (сознанием)*.

Разум — это та часть нашего «я», которая оперирует только *словами* (понятиями) и вне слов не существует. Сознание порой называют *логикой*. Или — логически-цифровым мышлением.

¹ Уважаемый читатель! Всякая книга любого автора есть вольное или невольное продолжение его предыдущей книги. Повторять *все*, сказанное прежде, — есть занятие бессмысленное, поэтому за *подробным* разъяснением смысла ряда употребляемых в «КАТАРСИСе-2» слов (психологических и иных терминов, таких как «психокатарсис», «некрофилия», «биофилия», «психоэнергетическое по-

Однако люди редко поступают логично. В действительности они водимы **подсознанием**. Нередко *подсознание* называют **надсознанием**. Для той и другой приставки есть свои основания.

Нечто, чем руководствуется человек, находится *под* сознанием в том смысле, что слова лишь облачают неосознаваемые стремления и объединяются в конструкции, назначение которых:

во-первых, скрыть от окружающих скверные намерения говорящего;

во-вторых, самооправдаться;

в-третьих, самовозвеличиться.

Нечто, чем на самом деле руководствуется человек, находится *над* сознанием в том смысле, что это нечто намного важнее, чем слова.

Итак, сознание вторично. Оно контролируется подсознанием.

Это — очевидно; тем не менее вера в то, что человек руководим неким *мировоззрением*, которое каждый колхозник в состоянии адекватно выразить на языке понятий (то есть, руководим *сознанием*), есть одно из распространеннейших в мире суеверий. Например, долгое время считалось, да и до сих пор считается, что во Второй мировой войне сражались две идеологии: коммунистическая и фашистская — хотя ни немцы не знали, что такое «новый порядок» (*это так нигде и не было сформулировано!*), за который они отдавали жизни, ни полуграмотным политрукам-сталинцам с семиклассным образованием работы Маркса и Ленина были явно не по силам. Но Вторая мировая война тем не менее была, была и победа: но кого над кем?

Слова отображать действительность, вообще говоря, могут, но только при одном условии: при подсознании, очищенном от деформирующей его внушений.

Слова, произносимые обыкновенным человеком, являются, тем не менее, одним из важнейших источников о нем познания — можно, скажем, определить то учебное заведение, которое он закончил, уровень образования родителей и их специальность, а также историческую эпоху, определившую тот язык, на котором шептались в первую брачную ночь его родители.

Словесное объяснение собственных поступков самим носителем внушений очень метко назвали **рационализацией***, от латинского слова *ratio* — ум, сознание. Рационализация есть словесное построе-

давление» и др.) вы можете обратиться к книге «КАТАРСИС. Подноготная любви: Психоаналитическая эпопея» (М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 640 с.) (далее — «КАТАРСИС»). Все равно, прочитав эту книгу, вы не сможете удержаться и не прочитать предыдущую. Определение терминов вы также можете найти в словаре в конце этой книги — но *краткое*. Звездочка в тексте — дополнительное приглашение заглянуть в словарь.

ние, ложно объясняющее поступки и чувства *без осознанного намерения соврать*. Рационализация имеет мало общего с действительностью, — однако точно выявляет предыдущий жизненный опыт рационализирующего индивида.

Иными словами, **рационализация** есть повторение запомнившегося набора понятий, зацепленных друг за друга слов (это — **идеи** в общераспространенном смысле этого слова), которые объясняют поступки (как правило, благородным образом) — якобы.

Идеи, составляющие рационализации, временны, случайны, ситуационны, но именно они во многом — с точки зрения тех же профессиональных историков — и отличают один народ от другого, одну эпоху от другой, одну цивилизацию от пришедшей к ней на смену. Да, в первую очередь рабами суеверий являются профессионалы.

Подсознание можно разделить на части — условно.

Одну его часть составляют внушения (психические травмы, выявляемые психоаналитически, а вычищаемые — психокатарсически*), *унаследованные* от общего предка. Эти травмы объединяют людей в *общности* — **народ, этнос**. «*Общности*» и разделяют один этнос от другого. Травмы от преступлений — основы «взаимопонимания».

Другая часть подсознания — внушения и травмы, которые приобретены *индивидуально, начиная с детства*, — это отличает одного падшего индивида от другого уже внутри границ этноса.

Под слоем подсознания сокрыта основа, описывая которую библейские пророки прибегают к понятиям двух типов: «**тайна беззакония**» и «**тайна благочестия**». В терминах излагаемой в этой книге *теории стаи* носитель основы первого типа — **индивид**, второго — **личность**. Эта основа — **подподсознание**.

Личность отличается от *индивида*, помимо прочего, страстным желанием освободиться от внушений.

Это необходимый этап на пути приближения к Истине.

Ни в веках, ни в тысячелетиях толпы практически не меняются — они носители и, что самое страшное, **исполнители** внушений.

Толпа состоит из *исполнителей*, индивидов.

Элементы толпы не меняются не только внешне, оставаясь при двух руках, двух ногах и только одной голове с полным отсутствием перьев, — но прежде всего, не меняются внутренне, подподсознательно.

Следовательно, одна цивилизация отличается от другой лишь поверхностно, скажем, цветом военного обмундирования и конструкцией спусковых крючков уставного оружия — и все эти предметы имеют свои собственные обозначающие их слова.

Иными словами, **подподсознание толпы в основе своей в веках остается неизменным, подсознание же индивиды оберегают в его состоянии травмированности, — если что и меняется, то только**

так называемое сознание, которое паразитирует на определенном наборе единиц логико-цифрового мышления, обозначающих события внешнего и внутреннего мира.

Комбинация понятий составляет идею, сумма идей — мировоззрение.

Неужели исключительно ради *идей, набора слов*, как нас тому учат идеологи, идей столь очевидно временных, люди, сколачиваясь в толпы, с такой страстью кидаются друг друга убивать?

Разумеется, не из-за *идей*. Массовые идеи, как при ближайшем рассмотрении выясняется, есть шелуха, лишь прикрывающая внушения. Идеи толп ложны — всегда. Естественно, подобные идеи достойны того, чтобы от них отказаться.

И от них отказываются.

С отказа от очередной идеи и начинается следующая *цивилизация*. Со *своими* войнами.

В «Апокалипсисе» каждая из этих цивилизаций названа «*зверем*».

Очевидно, отнюдь не словесные выражения идей являются причинами войн.

Не они влияют и на ход военных действий.

Внушение — это ядро рационализации. Внушение насильственно внедряют в сознание, когда защищающее *критическое мышление* жертвы отключено (временно, навсегда, или же оно не включалось никогда). (За логически-цифровое мышление [критическое] отвечает, как показал анализ черепно-мозговых травм, левое полушарие мозга, а за ассоциативно-образное [память, внушения] — правое.)

Когда носителем некоего облеченного словами *нового* внушения становится большая часть населения — очередная цивилизация состоялась. Это и есть *историческое событие*.

Внедрение внушений возможно только при безумии субъектов.

Поэтому всемирную историю человечества, которая есть смена *цивилизаций*, можно рассматривать как последовательность массовых безумий.

Смена безумных идей происходит столь же безумно — в этом не сложно убедиться, взяв любой учебник истории, описывающий череду волн насилия.

Бытие человека как вида можно было бы считать замкнутым океаном безумия, если бы не существовало противоположности — Истины.

Той Истины, которая не дается носителям (рабам) цивилизаций.

И которая не дается.

Никогда.

Не потому что жалко, а потому что носителям цивилизаций понимать ее *нечем*.

Для них все — *наоборот*. И, чтобы победителю разобраться в закономерностях жизни, этому «наоборот» надо сделать еще один *наоборот*.

В некотором смысле — взглянуть на белохалатников глазами обезьяны.

Сейчас мы этим и займемся: **опровергнем одну из фундаментальных идей современной цивилизации.**

Основополагающую. Столь значительную, что можно с уверенностью утверждать, что из нее произрастает древо не только современной цивилизации, но и почти всех бытовавших и бытующих на нашей планете культур.

Вдохните глубже — вы, возможно, один из тех, кто, отказываясь быть жертвой внушений, стряхиваете шелуху для вас с этой минуты вырождающейся цивилизации!

«И почему, все-таки, эти недообезьяны так любят за нами подглядывать?»

Итак, есть люди, для которых наибольшее из возможных удовольствий — наблюдение за обезьянами. Они, эти люди, — и притом, далеко не самые глупые в многочисленной человеческой популяции, — это *любят*. Они готовы со страстью подглядывать за тем, при каких условиях обезьяны вытаскивают из «хитрых» ящиков бананы, а при каких — нет, и размышлять над увиденным не только за ничтожное жалование, но и отдавая за эту возможность последнее.

Это — власть чувства.

Влечение, родом из подсознания.

Одно из двух: или это болезненный невроз, или нечто противоположное — *попытка разобраться в неких личных, исключительно человеческих проблемах*.

Голодная обезьяна, оказывается, далеко не всегда вытаскивает банан из «хитрого» ящика, а только при определенных условиях. Попытка разобраться в этих условиях есть реализация потребности личности *понять, почему сам ходишь голодный, когда рядом есть банан*.

Понявший себя может с собой справиться.

А почему объект — *живые существа*?

А потому что они — зеркало.

В сущности, среди людей тысячелетиями циркулировали только две концепции, которые *объясняли схожесть* людей с животными, или наоборот: животных — с элементами толпы.

Все достаточно просто — или мы на них влияем, или они на нас. *Остается ответить на вопрос: кто на кого?*

В силу того, что этих теорий только две, одна из них неизбежно верна. Но какая бы из теорий ни была истинной, в любом случае, наблюдая за хищными пушистиком, бабочками или скорпионами, мы как бы смотримся в зеркало — ибо не можем в их поведении не узнавать самих себя.

Одна из этих двух теорий ныне называется дарвиновской. Она гласит, что жила-была рыбка, она плавала и ныряла в поисках кого бы сожрать, размножалась в своем потомстве, а потом *вдруг — да-да, вдруг!* — ни с того ни с сего стала птичкой. И искать кого бы сожрать уже не поплыла, а полетела.

Это «*вдруг*» в разное время называли по-разному — чудом, колдовством, бредом сивой кобылы, — а теперь называют *мутацией*. Согласно последователям Дарвина, одна мутация следовала за другой — и вот уже все и вся жрут друг друга. *Эволюция* называется. Движение к совершенству.

Противоположная же теория гласит, что все живое создано не «вдруг», а его создал Бог. Если несколько сузить идею до форм начала библейского повествования, то все было ладно и созидательно на нашей планете, перволюди, равно как и все живые существа вокруг них, жизнь любили и ни убийств, ни самоубийственных поступков не совершали — но только до той поры, пока не произошло грехопадение. Вслед за этим между первоженщиной и первомужчиной состоялся первый акт *страстной «любви»**. Естественно, что родившийся таким способом первый же сын убил впоследствии своего первого же младшего брата. Как следствие, все живые существа на нашей планете, подхлестываемые ставшим насилующим *психоэнергетическим полем** убийцы, превратились в зверей и, *будучи теперь водимы*, тоже стали стаптывать и пожирать друг друга. Согласно этой второй теории, человек настолько мощно влияет на окружающий его взаимозависимый мир, что психоэнергетическое поле человека-убийцы создает цепную реакцию насилия и злобы во *всей* биосфере. А так как все люди со времен грехопадения в той или иной мере — убийцы (некрофилы*)¹, то волна злобы и ненависти не спадает до сих пор, определяя тем самым «лицо» (точнее, «оскал») нашего мира.

Сторонники дарвиновской теории стремятся доказать, что раз человек — по большому счету та же обезьяна, поскольку от нее произошел, то он *не может* поступать так же, как поступают все его биологические предки. Дескать, человек — всего лишь мутант в цепи мутаций какого-то хищника.

¹ Подробнее об этом см. в книге «КАТАРСИС».

И потому любые его звериные поступки — естественны.

И пожрать брата поэтому — естественно.

А что естественно, то, как говорится, не безобразно.

Очень научно.

А наука, по меткому выражению Толстого, есть секта, оправдывающая всякую гнусность.

Так что, не сомневайся — хавай.

Хавай и не думай.

Так считают многие вожди и исполнители.

Неугодники же предлагают несогласным начать хотя бы с постижения объектов, которые рядом, например, с домашних кошек и собак. Каждое из этих живых существ, при схожести формы на своего собрата по роду непохоже — *психологически*, в поведении же угадывается характер хозяйки или хозяина. Точнее, группы людей, с которой этот хозяин отождествляется. Некоторое несоответствие поведения домашнего животного с поведением хозяина лишь кажущееся, ведь люди так любят ломать комедию!

Вот и получается, что для внимательного наблюдателя, сознание которого не отягощено дарвинщиной, все тайное становится явным — при наблюдении за кошечками и собачками, а не за внешне благоуханной хозяйкой!

Поведение всех видов животных — есть отражение характера рода человеческого. К сожалению, наиболее из них агрессивных — в первую очередь.

Собаки иные, нежели обезьяны, а те иные, нежели скорпионы, но каждый из этих видов отражает какую-то скрывающую черту стаи хозяев — *homo sapiens*. Принцип этот всеобщий: черепахи отражают одну сторону, зайцы — другую, а обезьяны — третью, особенную.

Вернемся к обезьянам, самоотверженным за ними наблюдателям и тем экспериментам, которые наблюдатели позволяют себе догадаться над обезьянами поставить.

Наблюдатели обратили внимание, естественно, прежде всего на то, что в стае шимпанзе царит строжайшая иерархия, порядки в которой напоминают неуставные схемы подчинения в воинской части или устоявшиеся порядки в преуспевающей торговой фирме. На вершине пирамиды находится одна — явно наиболее подавляющая самостоятельность подчиненных — особь — **вожак, вождь** (далеко не всегда самая физически сильная, и отнюдь не лучший самец-производитель); следующий уровень — несколько его помощников, так сказать, *вице-вожаков, субвождей*; затем — «средний класс» **исполнителей**; совсем внизу, у основания пирамиды — функционеры и вовсе неза-

метные. Нечто вроде *посыльных* из фирм (их все «посылают», и никто им не подчиняется), или, выражаясь латинизмом, — *курьеров*. Стая может быть сколь угодно многочисленной, и хотя шимпанзе не замечены ни в исключительной зрительной памяти, ни в наличии критического мышления, **ни одна особь в стае никогда не путает, который из шимпанзе в иерархии — вождь, а который нет, кто из шимпанзе — выше, а кто — ниже.**

Выявление этой спонтанной субординации, складывающейся отнюдь не по законам логически-цифрового мышления, — результат очень важный.

Очень.

Так вот, во время одного поразительного по результатам эксперимента из стаи шимпанзе изъяли одного «курьера». Белохалатники обучили его сложной последовательности манипуляций, с помощью которых единственно возможно было достать из ящичка душистый банан. Затем вкусными бананами набили такие же «хитрые» ящички и расставили их на территории, контролируемой стаей шимпанзе (суверенное государство?). Стаю лишают всякой пищи, шимпанзе сидят голодные и только принимают запах спрятанных в ящичках деликатесов.

И вот появляется обученный «курьер». Он, отвыкший — что очень важно! — от порядков в своем государстве (цивилизации, стае), подбегает к «хитрому» ящичку, его открывает, достает банан и начинает есть. Потом, довольный, идет к следующему ящичку. И опять ест. Потом к следующему...

А стая, истекая слюной, смотрит...

В результате серии однотипных экспериментов выяснилось, что голодные обезьяны ящички открывать у «курьеров» так не выучиваются. Сколь бы долго голод ни терзал их желудки — ну никак! Максимум на что шимпанзе оказались способны, так это, наголодавшись, у «курьера» банан отнять.

Однако поведение рядовых обезьян принципиальным образом меняется, если, отсадив от стаи, открывать ящички обучают вожака. Как только его, обученного, возвращали в стаю, все обезьяны *моментально* (!) выучивались, как надо добывать себе пищу.

Результат эксперимента трудно переоценить. Ведь получается, что **даже наиважнейший** (так в нашей «дарвиновской» цивилизации внушено считать) **из стимулов — голод — не определяет поведение примата, когда он находится в стае!**

Или выразимся иначе: *вовсе не голод определяет поведение примата в стае! Поступки исполнителей определяются состоянием подчинения вожака стаи.*

Его, среди прочего, дрессированностью.

Иными словами: **всякий поступок члена «коллектива» совершается лишь постольку, поскольку его совершает или согласен совершить вождь стаи!!**

Отсюда следует, если обезьяны с голода не умирают, то только потому, что в ящик забирается или когда-то забирался, чтобы добыть себе жратвы, сам шеф.

Результат эксперимента с курьером примечателен еще и тем, что он разрушает тот сложившийся стереотип мышления, согласно которому примат способен насыщаться по *собственному* желанию. Из эксперимента следует противоположное: индивид действует из *стадного чувства*.

Итак, чтобы разобраться, как же в действительности живем мы, люди, откуда берутся побуждения нас окружающих индивидов, рискуем и еще кое-что назвать своими именами, а именно: **результаты этого эксперимента ставят под сомнение одну из самых основополагающих идей нашей цивилизации, что важнейший инстинкт человека — это инстинкт самосохранения.** Сохранения себя — как личности.

Итак, если не инстинкт самосохранения определяет поведение человека, то все логические построения в рамках существующей цивилизации, сколь бы логически безукоризненны в пределах исходных допущений они ни были, — неверны. Они — чужь!

Жизнь устроена совсем иначе, чем нам то внушают!

Все теоретические выводы гуманитарных наук, вписывающихся в рамки современной цивилизации, — чужь!!

Но если цивилизации существуют, значит это кому-нибудь нужно. Кому?

Очевидно тому, кто способен подчинять внушениями. Вождям.

И их жухлым подобиям — *исполнителям*.

Или попросту — стайным.

Но немногим нестайным заблуждения мешают пребывать в счастье.

То, что нас окружают люди далеко не счастливые, в лучшем случае счастливыми притворяющиеся, — естественное следствие цивилизованности.

Причем, цивилизованности не только современного типа, но и любой из когда-либо существовавших. А также и всех будущих.

В противоположность индивиду, *человеку-личности* никогда не возрасти в счастье, если мыслить он будет *цивилизованно*. Разве не так?

Если читатель интуитивно чувствует, что он обладает достаточной потребностью в критическом мышлении, то читать эту книгу дальше он будет со все возрастающим удовольствием.

Эксперимент с курьером (это французское слово, а по-гречески — *апостол*) в стае, несмотря на скромность языковых средств, использованных для его описания, тем не менее позволяет сделать фундаментальные обобщения. Достаточные для построения *теории стаи*.

Вы, наверное, обратили внимание, что когда в стаю подсадили обученного вожака, то остальные обезьяны научились открывать ящички *моментально*.

Осмысление (логически-цифровое) требует времени. Только из скорости процесса очевидно, что в особо быстрых процессах критическое (логическое) мышление не участвует. Шимпанзе не хватило многих дней, чтобы понять, что у апостола можно научиться доставать бананы.

Зато им хватило мгновения, чтобы разобраться, кто в стае выше, а кто — ниже, в их обезьяньем авторитарном, иерархическом государстве.

Сравнения скоростей этих двух процессов вполне достаточно для того, чтобы понять, что не только среди людей, но и среди обезьян побуждения к действию передаются бессознательно, *психоэнергетически*, причем **яркий подавляющий индивид (вождь, вожак; у людей — *некрофил**) диктует (уже одним своим присутствием!)**, как себя вести более **жухлому**.

К особо быстрым процессам в жизни *людей* мы еще вернемся — чуть позднее. Пока же сосредоточимся на стайности существования как таковой.

Глава вторая

ВАЛАБИ И ВАЛАБИЯНКИ

Пьяным он советовал смотреться в зеркало, чтобы отвратиться от своего безобразия.

Диоген Лаэртский о Платоне

Вожак оказывает влияние не только на процессы пищеварения преданных ему *исполнителей*, но и на процессы, как это ни странно, размножения!

Нет-нет, речь идет вовсе не о прямом осеменении, но о закономерности намного более изящной.

Есть такие очень симпатичные зверьки из отряда сумчатых — валаби. Это маленькие, поменьше кошки, но побольше мышки не то кенгуренки, не то крысенки. Хвостик у них длинный, передвигаются

они на задних лапках прыжками, детеныш за раз, как утверждают, рождается только один. Обитают в Австралии.

Живут валаби в норках парами, у каждой семьи — своя охраняемая территория, появившись на которой посторонний валаби, — немедленно получит отпор. Валаби вокруг приглянувшейся им скалы или холма образуют колонии или, если избегать латинизмов, — поселения. Такая жизнь парами характерна вообще для многих стайных животных — тех же, скажем, улетающих зимовать птиц, которые остаются стайными, хотя и высидивают не чьи-нибудь, а свои яйца.

Эта стайность валаби с традиционных позиций может, конечно, быть объяснена интересами собственно *исполнителей*: дескать, поскольку для супружества подрастающим детенышам нужны, разумеется, не единоутробные братья и сестры, а подросшие детки соседей, до которых было бы нетрудно добраться. Но это всего лишь традиционный взгляд, который выгоден, разумеется, не тем, *кому* он внушен, а тем, *кто* его внушает. Что касается валаби, то, в опровержение традиционных взглядов, в их образе жизни, как и у стаи шимпанзе, есть занятнейшие детали...

Итак, малютки валаби привлекательны, видимо, тем, что среди ученых много лет считалось, что *живущие парами валаби* (мечта самого ученого — моногамный брак с верной женой?) *старательно охраняют свою территорию, посторонних самцов на нее не допуская*.

И вот некий австралийский исследователь выбрал обжитую поселением валаби скалу и все ее подножие усеял шпионской видеоаппаратурой, тем самым получив возможность следить за супружеской жизнью валаби не только днем, но и ночью, — и начал подглядывать. Он фиксировал все: чем супруги питаются и в какое время, как воспитывают детенышей, каким образом покидают дом при вступлении в брак, как валабиянки (валабки? валабихи?) находят себе женихов, и как мужественные женихи в их присутствии вступают в бой друг с другом. (Мы сейчас не будем обсуждать, насколько обоснована вера в то, что самцы, дерущиеся среди прочего и в присутствии самки, действительно, сражаются *за нее*.) Долго ли коротко ли, но австралийский ученый убедился в верности вывода предшествующих поколений исследователей о том, что да, валаби — *моногамны*. Устоявшаяся точка зрения доказана — несомненно, к удовольствию «исследователя».

Разумеется, исследователь отметил, что и на супружеском небосклоне валаби тоже не без штормовых предупреждений: на охраняемой четой территории время от времени появлялись пришлые самцы, всякий раз разные, однако даже тогда, когда самец валаби бывал «на заработках» у границ своих владений и на ситуацию непосредственно никак не влиял, валабиянки с пришельцем под бдительным

оком видеокamer начинали вести себя как пристойные матроны — т. е. враждебно, в результате чего гость спасался бегством. Словом, ни дать ни взять образцовая семья адептов какой-нибудь государственной религии — скажем, самого массового на планете вероисповедания: до изнеможения добывающий корм глава семейства, заботливая (по всеобщему мнению соседских моралистов), все время рожающая мать, пусть даже несколько истеричная, и дети — быстро начинающие претендовать на приоритет в потреблении общих ценностей.

Блаженство австралийского исследователя, любовавшегося на экранах шпионской аппаратуры супружеской идиллией в животном мире (а следовательно, и в параллельном ему мире людей тоже!), было нарушено другим исследователем, биохимиком-генетиком. Генетики среди прочих способов изучения окружающего мира разработали наиточнейший из ныне существующих методов определения истинного отцовства детенышей — не только человеческих, но, разумеется, и всех прочих, в том числе и валаби. Метод настолько точен и неоспорим, что применяется в судебной экспертизе.

Сам факт появления этого метода говорит о том, что у многих мужчин есть основания сомневаться в собственном отцовстве. И это хорошо — ведь отсюда следует, что не все мужчины настолько идиоты, чтобы, изменяя с чужими женами, веровать в верность своей. Да, конечно, большинство супругов со всей страстью комплекса неполноценности веруют, что жены им верны, — а как иначе при вере, что все есть не стайные, но суверенные личности примириться с этой жизнью? — но не все.

Непосредственно на женщинах исследования истинного отцовства статистически проводить затруднительно: хотя женщины и большие любительницы всех и всяческих тестов, но от генетического тестирования на отцовство вдруг шарахаются как черт от ладана, и начинают быстро-быстро бормотать что-то невнятное про оскорбление их человеческого достоинства. Отсюда, единственным объектом для исследования остается зеркальный мир.

Только вот кого наблюдать? Не городских же крыс, которые откровенно занимаются свальным грехом — об этом чуть позже, — следовательно, остаются «фермерские хозяйства» живущих на природе «моногамных» валаби.

Итак, были проведены генетические исследования самих валабиянок, их супругов и детей.

Результаты — поразили и потрясли.

Что же выяснилось?

А выяснилась удивительнейшая вещь. Оказалось, что **каждый третий детеныш в семействах валаби рожден отнюдь не от паши-добытчика!**

Этот неоспоримый результат генетических анализов валаби, как в зеркале отражающий скрываемую жизнь супружеских пар людей, важен чрезвычайно.

Выводов несколько.

Во-первых, валабиянки (валабл..и? валаб..дици?), несмотря на демонстрации агрессивного отношения к редко заходящим на охраняемую территорию пришлым самцам, коитус с ними совершить-таки успевают.

Во-вторых, очевидно существуют некие психические приемы, с помощью которых людям, в частности упомянутому зоошпиону, удавалось даже у телемониторов не заметить распущенности валабиянок. Подсознательно оберегая ощущение собственного семейного благополучия, в *нужный* момент он, видимо, уходил «позвонить» или с помощью каких-нибудь иных приемов от экранов отвлекался, чтобы только *не видеть*. Сомнительно, что адюльтер был незамечен по причине изощренной ловкости валабиянок; по той хотя бы простой причине, что вряд ли в каменном веке у праmaterей кенгуренков была возможность научиться хитрить перед телеобъективами.

Кто знает, может быть, когда чета валаби скрывалась в своей норке, зоошпион торопливо выключал аппаратуру, рационализируя свой поступок тем, что супруга, после того, как муж засыпает, несомненно, остается на супружеском ложе. (Аналогично, долгое время в это, засыпая, веровал сосед автора по многоэтажке, до тех пор пока однажды утром его *совершенно обнаженную* жену, вернее ее тело, не обнаружили сброшенным ночью с верхнего, шестнадцатого, этажа, из окна «черной» лестницы. Следователи потом удивлялись не столько обилию выявленных подозреваемых, сколько чистоте типа супруга.)

Результаты и этого естественнонаучного эксперимента косвенно обесценивают дарвинщину — что не удивительно. Ведь сам собой напрашивается вывод, что мировоззренческая ценность так называемой научной дарвинщины сомнительна — ведь построена она на «фактах», отобранных такими изощренными в приспособлении к своим психическим нуждам естествоиспытателями. Более того, в те времена, когда на радость себе и себе подобным «творил» Дарвин, у исследователей не было ни шпионской аппаратуры, ни методик генетических исследований.

Дарвинщина — не истина, но раз ее внушили *исполнителям*, следовательно, она обслуживает потребности вождей — только какие?

(Как не вспомнить моего ныне покойного отца, доктора геолого-минералогических наук, вулканолога и геофизика, который еще в принудительно-атеистическую эпоху, когда каждая пропахшая табаком училка, лающая с мужем и готовая учить чему прикажут, слово-словила дарвинщину, сказал мне, тогда еще школьнику:

— Да ничего она, эта эволюционная теория, не объясняет! — Мы тогда спустились на дно гигантского каменного карьера, на скальных обрывах которого были отчетливо видны так называемые осадочные слои, которые в прокрустовом ложе современной цивилизации считались ломовым подтверждением дарвинщины.

Кому мне, ребенку, было верить? *Таким* училкам, или отцу?)

Вернемся к валабиянству. Закрадывается такое подозрение, что рядовая валабиянка очень бы удивилась, если бы ей сообщили, что аж двое из каждых трех ее детей принадлежат все-таки ее супругу. Может быть, даже не поверила бы, что так много: *аж двое из трех!*

Интересно, а случись у той шпионской аппаратуры более мужественный в восприятии действительности исследователь и подсчитай он количество коитусов, совершенных каждой валабиянкой со *своим* супругом, а также количество «левых», не вынужден бы был он сделать вывод о *большой восприимчивости к «левому» семени?*

Дело, наверное, не в качествах того или иного самца — ни один объект живой природы нельзя рассматривать в отрыве от всей совокупности бытия; а рассмотрение стай животных рассматривать в отрыве от человеческой популяции и вовсе методологически неверно. И так, корни происходящего в природе следует искать в образе жизни властвующих над природой людей.

Кому выгодно, чтобы дети были не от отца?!

Способному к размножению мужчине? Нет. Для *своих* детей добывать пищу не так утомительно.

Женщине, рискующей при раскрытии истинного отцовства лишиться содержания? Нет. Как говорится, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда. Не говоря уж о том, что пришлый настолько эпизодичен, что о чувстве к *нему* — *именно к нему* — говорить не приходится.

Выгодно соседу? Сомнительно. У него есть своя самка, и ему не выгодно показывать ей «дурной» пример.

Может быть, даме *там* приятно? Не смешите. Сказки она пусть желающим быть обманутыми рассказывает.

Но раз валабиянство существует, значит оно кому-то нужно.

В любовных треугольниках сторон отнюдь не три.

А сколько их — если признать очевидное — что фланирующие по бульвару цивилизованные индивиды стайны?

В качестве четвертой заинтересованной стороны мы получаем того, кем подсознательно только и живут *исполнители* — *вождя*. Как это на первый взгляд ни парадоксально, но **треугольники выгодны только четвертой стороне!**

Уровней выигрыша несколько, обсудим три:

- фундаментальный;
- эмоционально-практический;
- бытовой.

Фундаментальный заключается в том, что деструктивное начало в вожде не может не блаженствовать при виде любого нравственного разложения, любой деградации, любой неестественности во круг.

Эмоционально-практический заключается в том, что, поскольку всякая неестественность деструктурирует и волю, и сознание его исполнителей, — то блуд приводит к сплочению стаи. Структуризация стаи приводит к усилению индуцируемого ею некрополя — что приводит к отключению остатков воли и сознания у самого вождя и, как следствие, к большей его психоэнергетической зависимости от вождя более высокого ранга — а это для элемента иерархии наивысшее из удовольствий.

И, наконец, **бытовая**, та которую можно наблюдать непосредственно.

Обратимся к историческому и медико-психологическому материалу.

Медиками достоверно установлено, что **около 10%** мужчин страдает импотенцией. Но задайте любому мужчине вопрос: так ли это? — и он, знакомый с сотней других мужчин (то есть с десятком импотентов), затруднится ответить — все одинаковые, у всех дети.

И что сильнее всего поражает в жизни обладающих гипнотическими способностями импотентов, так это их *спокойное планирование численности семьи*. Собственной. И то, что эти их планы о числе детей исполняются. Разумеется, не без помощи соседского семени.

(Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и женщины талантливо разыгрывают из себя сверхлюбовниц. Тот же самый самец, который не в состоянии увидеть очевидное в жизни каждого десятого мужчины, перебирая в памяти десятки попавших в его постель женщин, вполне искренне считает, что ни одной фригидной у него не было — хотя их по статистике более 90%!)

Итак, как бы фантастично ни представлял себе жизнь рядовой обыватель, реальность от этого не меняется. Фригидные остаются фригидными, несмотря на утехи комедианства, а импотенты без посторонней помощи обзавестись потомством не в состоянии.

Дети в семьях, где кормилец отнюдь не биологический отец, естественно, в таком случае на «главу семейства» нисколько не похожи, и если чему здесь можно удивляться — так только его спокойствию, когда все вокруг восхищенно ахают — дескать, ну точная копия! (Можно вспомнить и евреев, которые в прежние времена хотя и редко заключали межэтнические браки, тем не менее почему-то становились очень похожи на жителей той местности, в которую переселя-

лись. Они же не сомневаются, что они чистопородные потомки Авраама — каждому из его потомков окружающие говорили, криво улыбаясь, что родившийся ребенок ну вылитый отец!)

Итак, кому же необходимо, чтобы непохожесть отпрыска на номинального отца была вполне привычным явлением?

Все вполне очевидно — тем планирующим численность своей семьи гипнотизерам-импотентам, из которых и получаются вожди (см. «КАТАРСИС»).

То, что эта тема становится навязчивой идеей для гипнотизеров, — жизненный факт. Столь же навязчивой становится потребность спрятать свое истинное лицо — достаточно вспомнить Гитлера с его Евой фон Браун, как они многообразно имитировали обильную половую жизнь (противозачаточные средства в шкафчике, интимные признания подружке, выплаты из партийной кассы и т. п.), хотя оба были на это не способны по хирургическим причинам (см. «КАТАРСИС»).

Выход единственный: подобно тому как труп проще всего спрятать в горе трупов, так и понужденное прелюбодеяние *жены вождя* проще всего спрятать во всеобщем прелюбодеянии.

Желание вождя-«самца» подкрепляется тем, что в «коллективной женщине» стаи психоэнергетически верховодит первая дама, которой остальные непроизвольно уподобляются, — жена *неспособного*.

Странного в главенстве четвертой стороны ровным счетом ничего нет. Достаточно вспомнить, что изголодавшийся индивид жует бананы только постольку, поскольку на то есть воля его вожака. Это касается не только шимпанзе или павианов, но и людей — и здесь от медико-психологического материала переходим к историческому — достаточно вспомнить, как немки во времена гитлеровского «тысячелетнего» рейха в постели с мужьями на пике переживания, которое они по недоразумению называли оргазмом, кричали «*Хайль Гитлер!*»

Вообще говоря, в жизни толп и их вождей достаточно много деталей, которые вне *теории стаи* могут восприниматься как *странности*.

Речь вовсе не о намеренном и осознаваемом комедианстве. «Хайль Гитлер!» — это от сердца.

Просто, *исполнительница* без «Хайль Гитлер!» *не может*.

Она не может быть вне треугольника — без него жжет разочарование невыполненного сердечного желания.

Потому что того хочет вождь.

Она — в стае.

Она — одновременно вождь и его подруга.

Одновременно — *все* и полное *ничто*.

Правда — часть Истины; Истина же чрезвычайно полезна — для избранных. Избранных не по капризу случая, но по согласию в числе таковых оказаться.

Истина воспринимается на двух уровнях: образном и понятийном. Понятийное оформление части Истины есть *теория*.

Истина существует «от начала», следовательно, *теория стаи* как часть Истины существовала всегда.

Интересно то, что знание о стае существовало еще до ее первого воплощения, — выражаясь языком Фрейда, протоорды, — ведь существовало же предзнание о Голгофской смерти Христа еще до грехопадения перволюдей!

Именно стая (противоположность личностного начала) Его и распяла, что закономерно — во все времена в стаях Истина не в чести — умершие и нежить всеми силами стараются ее утратить.

Разумеется, *теорию стаи* воссоздать пытались. Пусть всего лишь некое ее подобие. Различные приближения к Истине в разные эпохи называли по-разному. Например, *психологией масс*.

Если ограничиться только этой формой — современной, — то ее основоположником считают француза Ле Бона, жившего в XIX веке.

Нередко Ле Бону приписывают разве что не демоническую роль в истории: высказывается мнение, что именно изложенные им мысли подтолкнули Европу в пропасть кровавых деспотий XX века. Это мнение пытаются доказать тем, что с книгой Ле Бона о психологии масс были знакомы такие диктаторы (любимцы народов), как Гитлер, Муссолини, Франко, де Голль, и, скорее всего, владевший языками Ленин. Указывают также и на то, что все эти вожди и подвластные им иерархии были *однотипны* и существовали по сформулированным Ле Боном законам.

Мысль о том, что монстры типа начитанного и любящего технику Гитлера получают из обычных людей в результате знакомства их с некоторой философией, с некоторым *внешним* понятийно-цифровым знанием — заблуждение. Но коль скоро это заблуждение о логическом мышлении как побудительной причине поступков человеческих масс засела в наших современниках с *силой внушения, подкрепленного стремлением к самооправданию*, то при выявлении закономерностей существования стаи целесообразно рассмотреть не только для нас еще эмоционально значимых диктаторов типа Гитлера и Сталина, но и какого-нибудь вожака, жившего до Ле Бона. Например, Наполеона, осмысливая события вокруг которого, Ле Бон и создал

психологию масс. Или приглядеться к Ганнибалу. Этот и вовсе жил во II веке до нашей эры.

По стопам Ле Бона изучать психологию обывателя и заново ее излагать взялось великое множество профессоров на всех континентах, субсидируемых не только военными ведомствами, но и гражданскими. Ни к чему особенному их умственные усилия, естественно, не привели (куда им до независимого Ле Бона), разве что взамен прежних лебоновских, *понятных* терминов были введены новые и непонятные, вычурность которых должна была, видимо, подчеркивать избранность профессорской касты (об ангажированных стаей *идеологах* — в другой части книги) и необходимости оплачивать их рассуждения.

Достоин упоминания разве что французский психолог и философ Серж Московичи (он называет *теорию стаи «психологией толп»*, для него *публика* — это все та же толпа, только *рассредоточившаяся*). Под одну обложку он поместил не только взгляды Ле Бона, в соответствии с которыми толпа является игрушкой вождя, но и взгляд противоположный, Фрейда, в соответствии с которым вождь есть всего-навсего исполнитель социального заказа толпы — бессильный клоун. Московичи привлек некоторый психоаналитический материал из творческого наследия Фрейда, тем расширив пространство проблемы, но, по сравнению с Ле Боном, существенно обеднил свою работу конкретно-историческим материалом (возможно, стараясь не выйти за рамки коммерчески выгодного объема книги).

Как бы то ни было, но во всех курсах психологии масс, как бы эти курсы ни назывались, рассматриваются одни и те же вопросы, сводящиеся, в сущности, к следующему:

— почему люди объединяются в братства, которые им явно не на пользу (ни биологически, ни материально)?

— почему в этих толпах (братствах) люди становятся еще глупее, чем когда они рассредотачиваются до состояния публики?

— почему для управления собой братства выбирают вождя; и они ли выбирают?

— почему вождь в общении с публикой всегда патологически лжив?

— чем вождь отличается от остальных людей, исполнителей его воли?

— возможен ли вождь без преступных устремлений?

— почему мертвого вождя часто оплевывают его же при жизни восхвалители (искренние) и, если есть возможность, то и надругиваются над его телом?

— вождь, толпа, агрессия — есть ли альтернатива этому триединству?

— почему эмоции составляющих толпу элементов по отношению к вождю так напоминают невротические процессы?

— есть ли личности, психологически противоположные толпе (публике), как они распознаются по внешним проявлениям (поступкам, выражению лица, предпочитаемым объяснениям картины мироздания) и каково их воздействие на вождя и толпу?

Некоторые из этих вопросов с психокатарсической точки зрения совершенно прозрачны: властвующий над толпой вождь — это тот, кто более других наслаждается процессом убийства (буквального или символического) — потому он и живет, все более и более погружаясь в безысходный омут преступлений. Умножающееся число преступлений неизбежно закономерным образом меняет его душу таким образом, что все вокруг гибнет уже не только от его *действий*, но со временем от одного его *желания*. У многих людей рядом с подобным вождем подавляются все жизненные процессы, в частности критическое мышление, и они или гибнут буквально, либо на оставшееся до гибели время становятся элементом какого-нибудь коллективного органа стаи, — становятся как бы плазмой рук вожака, его ног, глаз, органа размножения и так далее. (Обыватели, как правило, *типы*, — как тут не вспомнить толстовское: «...он относился к тому типу людей...».) Критическое мышление у таких элементов коллективных органов вырождается настолько, что они своего зависимого состояния не осознают, а на логически-цифровом уровне мышления оперируют достаточно случайными конструкциями. Одно из таких внушений мы только что обсуждали — то, что они, *исполнители*, есть якобы психически суверенные личности и их решения к действиям *самостоятельны, результат расчета*.

Каждый элемент стаи, поглощенный тем или иным желанием вождя, естественно, осмысливает себя как потенциального (или, якобы ввиду неудачно сложившихся обстоятельств, несостоявшегося) вождя. (Если обратиться к субтае женщин, то даже уродка и законченная тупица норовит вести себя как королева [первая леди, маруха главаря].)

Управление стоящими в иерархии на более низкой ступени элементами (*исполнителями*) осуществляется *психоэнергетически*, впрямую и непосредственно. Вожди отличаются всего-навсего тем, что одни из них — наиболее сильные — способны обходиться одним только своим *желанием*, а другие — не способны, потому и используют некие искусственные приемы, механические и идеологические, повышающие восприимчивость окружающих: качающиеся маятники, колокольчики, ритмичное жестикулирование при публичных выступлениях, сформулированное с помощью *идеологов** тотальное вранье, перегружающее ослабленное критическое мышление. Естественно, на на-

чальных этапах карьеры кандидаты в вожди кроме «естественных» психоэнергетических средств вынуждены пользоваться механическими и идеологическими приемами.

Важная черта существования толпы (толпа есть стадо плюс вождь): **для психоэнергетической связи между ее элементами остаются несущественны**. Кроме военных примеров массовой паники или единого наступательного порыва можно вспомнить и вполне мирные: в прежние времена, когда отсутствовала электронная связь и промышленный шпионаж, великие открытия подозрительно часто делались в разных частях света **одновременно**. Но из истории науки мы узнаем только о тех особого склада профессорах, которые успевали, растолкав других, опубликоваться первыми. А сколько исследователей осталось в неизвестности! Тех несколько более порядочных, которые долго медлили, перепроверя результаты и ожидая одобрительной оценки от ближайших своих коллег, пока не обнаруживали, что открытое ими только что опубликовано — но другими? Здесь мы вновь наталкиваемся на понятие «тип».

Психология масс (толп) уже к XIX веку выделила ряд признаков, характерных для боготворимых толпой вождей: тотальная лживость, одержимость моноидеями и т. п., — однако для таких обобщений наблюдателям требовались временные отрезки длиной разве что не в десятилетия. Для практического использования в быту это слишком долго.

Но те же результаты о принадлежности индивида к жреческо-вождистской касте получались всего лишь при взгляде на его интимную жизнь. Дедуктивный метод стал особенно осязаем после того, как стали известны подробности жизни Гитлера. Это один из положительных результатов Второй мировой войны — союзниками были захвачены и стали доступными такие архивы Германии, которые во всех других странах или уничтожаются, или столетиями остаются секретными. (Впрочем, и в античную эпоху стремящиеся к знанию не оставались в неведении: скажем, тот же Тит Ливий, характеризуя Ганнибала, ограничился рассказом о его гомосексуальной наследственности и гомосексуальном окружении — вполне достаточная деталь для восстановления всех остальных обстоятельств жизни великого завоевателя).

Финансируемые вождями государств исследования в области психологии масс изначально строились на утверждении, что вожди бывают *плохими* и *хорошими*. Исследователь мог создавать любую теорию, но из нее должно было получаться, что, да, все предыдущие вожди — это мразь, свинарник, а вот нынешний, напротив, — Посланец Неба. Угроза утратить благоволение своего вождя — аргумент для *ис-*

полнителя серьезный. К тому же это сопровождается утратой и содержания.

Кроме того, при сохранении внутростаинного образа мышления в приближениях к *теории стаи* всегда будут выпирать национальные углы зрения — русский, французский, китайский или еврейский, — по причине несовпадения унаследованных от предков неврозоз. Соответственно, будут несколько различаться и выводы. Здесь мы снова обнаруживаем определяющую власть стаи над суждениями виднейших ученых — теперь уже не только и не столько со стороны вождя, сколько по причине предыстории человечества...

В «КАТАРСИСе-2» для построения *теории стаи* используются новые подходы — их вообще несколько. Значим каждый — *совокупность* же этих подходов повышает уровень доказанности. Эта объемность облегчает процесс освобождения от эмоциональных пут внушений.

Основные подходы к *теории стаи* суть следующие:

- биологический;
- психоаналитический (психокатарсический);
- теологический;
- исторический.

Подходы не равноценны.

О возможностях и пределах исторической науки мы поговорим в свое время, при обсуждении новой (для официозных систем знаний) концепции Второй мировой войны. Но и без того понятно, что познание Истины не может зависеть от того, был ли Сталиным или Гитлером составлен тот или иной документ, или нет. Или от того, был ли он вождем уничтожен. Или был ли некий договор заключен с кукишем в кармане или без него. Итак, исторический подход ограничен. Хотя и полезен, поскольку формирует верное мышление о закономерностях поступков людей, облакающихся в конкретные формы событий.

Теологический подход тоже достаточно опорожен — противоположными мнениями богословов по простейшим вопросам. Но и этот подход полезен весьма. В частности, наличием в Библии продублированной системы пророчеств о порядке основных событий человеческой истории.

Психоаналитический подход также не свободен от субъективизма, хотя выгодно отличается тем, что объект, в отличие от сокрытых за стенами архивов документов и в отличие от несуществующих и недостижимых точных переводов Священных Писаний, доступен всегда и всегда находится перед глазами каждого — в истинном, неизменном виде. Искажен он только толкованиями — внушенными или самооправдательными.

Именно доступность объектов психоанализа и вызывает к методу звериную ненависть вождей. (Они терпимы и к истории, и к богословию: Гитлер, не отвергавший богословия [в особенности ему нравился ислам — идеальная, по его мнению, религия для достижения мирового господства; индуизм — это его прихоть эстета], а тем более историков [подвластных ему], сжигал книги Фрейда. Самого Фрейда он не сжег, а только продал — в Англию, за 100 000 фунтов стерлингов, сумму по тем временам просто астрономическую. Справедливости ради надо сказать, что при Сталине психоаналитические труды хотя и не издавались, но изымались из частного пользования только при обысках, и даже сохранялись в спецхранах, недоступных для не совмещающихся с иерархией.)

Четвертый подход — биологический. В его значимости легко убедиться вспомнив ритуальные танцы, которые устраивали университетские комсомольцы — а студенты всегда были наиболее управляемым волей вождей контингентом населения — вокруг костров из учебных пособий по генетике... Именно с помощью биологического подхода мы делаем первый шаг за пределы последней цивилизации...

Впрочем, одни только биологические познания, не обогащенные психоанализом, богословием и историческим знанием, от бредовых желаний вождей ограждают недостаточно... Пока вожака не выдрессируют на открывание ящика с бананом, многие склонны сидеть голыми.

Вообще говоря, Истина — субстанция совершенно иного рода, чем академическое знание — **ее можно постичь даже в ситуации, когда все архивы предусмотрительно сожжены, Священные Писания перевераны переписчиками и переводчиками, а животные (зеркала) перебиты.**

Впрочем, и академическое знание будет использовано.

Теория стаи, если коротко, состоит в следующем:

Стая есть совокупность, состоящая из вожака и стада.

Если стая обезьян, волков или крыс состоит только из вожака и собственно толпы-стада, то род человеческий включает в себя еще и *неугодников*, и *курьеров* — но не от иных *стай*.

Элементы же человеческого рода следующие:

- вождь (вожак);
- *исполнитель* (элемент публики, угодник);
- *неугодник*;
- курьер (вестник, апостол).

«*Вождь*» — он и есть вождь. Как отмечается в некоторых курсах по психологии масс, вождь непременно окружен флером таинствен-

ности, он не «раскрывается» даже в своем семейном кругу (то есть *исполнителям* непонятны мотивы его поступков). С толпой и подчиненными ему *субвождями* он патологически лжив. Одержим моноидеями. Не способен к критическому мышлению.

«*Исполнитель*» — это человек толпы, носитель внушений, объединяющих ее в общность. Главное отличие исполнителя от курьера в том, что *исполнитель* подсознательно не желает очищения от этих внушений.

Исполнители и вожди — некрофилы.

«Курьер» — он и есть курьер, обыкновенный апостол, не просто посланец, но носитель Истины. (Хотя понятие «курьер» и появилось при обсуждении закономерностей поведения стаи обезьян, однако необходимо уточнить, что «курьер» в стае животных — это не «курьер» среди людей. Общее у них то, что стайные не прислушиваются ни к тем, ни к другим. Отличие же в том, что обезьяний «курьер» — шестерка, низший и послушный элемент иерархии, а вот среди людей — это идеал развития человека как *личности*.)

«*Неугодник*» — это человек любого возраста, обладающий некоторой интеллектуальной и эмоциональной обособленностью от вождя. Это — недокурьер. Курьер первой ступени обучения. Партизан, способный драться, находясь в полном окружении, — *против* сверхвождя.

Вожак подсознательно враждебен *неугодникам* вообще, а курьерам в особенности — это очевидно. В определенных условиях вожаку (не достигшему силы сверхвождя) свою ненависть к носителям противоположной неугоднической психики скрывать выгодно.

Очевидно также и то, что всякий вождь одержим желанием стать сверхвождем. Точно так же и продолжающее его волю стадо не может ограничиться собой — оно или отмирает, или стремится к господству над все большим и большим числом соседей-*исполнителей*.

В каком-то смысле каждый некрофил, даже жухлый — вождь. Он — слепок, копия, реплика с действительного вождя. Его цель — карьера, взбирание вверх по ступеням иерархии.

Стая движется к своей гибели — буквальной. И время гибели ее уже приблизилось.

Итак, теория стаи, если предельно коротко, состоит в следующем: все вожди и исполнители (понятия относительные, субвождь — тоже исполнитель) стремятся к мировому господству, отражая лишь желание сверхвождя сформировать единую всепланетную стаю. Однако на пути к этой власти стоят немногочисленные неугодники, которые, провоцируя очередного сверхвождя к приступу паранойи, разваливают всю стаю. Однако всепланетная стая все-таки сформируется, что, как это ни странно, станет

моментом ее гибели. **Негодники же не погибнут, а трансформируются в курьеров.**

Углубляющиеся на наших глазах процессы изменения психики населения планеты — всей — получают полное свое логическое завершение.

Это — основное.

Однако есть еще многие милые сердцу подробности, которые могут не просто стряхнуть с себя «цивилизованное» мировоззрение, но и, взорвав его, испепелить.

Глава четвертая

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОТИВНИК ЧЕЛОВЕКА

К поразительным результатам, развенчавшим прежнее академическое знание о смысле поведения крыс, привела, как и всегда в науке, небрежность экспериментатора — незакрытая вовремя дверка.

Впрочем, и о крысах, и о подсматривающих за ними — по порядку.

Подобно тому, как много лет считалось, что стая валаби (в состоянии — *публика*) есть образец супружеской верности, так и об обыкновенных крысах (состояние — *толпа*), которые откровенно живут в свальном грехе, считалось, что в остальном они пример первохристианской взаимопомощи (о детенышах заботятся все самки, даже не матери; друг друга не грызут, а ласкают и т. п.). Эти воззрения вполне вписывались в дарвинщину (грызня внутри вида при достаточности пищи есть, с точки зрения теории эволюции, чужь).

Кайфоломщиками во второй половине XX века невольно оказались Ф. Штайнигер и (независимо от него) И. Эйбл-Эйбесфельдт, считающиеся первооткрывателями. Их результаты были не менее сногшибательны чем у кайфоломщика-генетика, заглянувшего в семейную жизнь валаби.

Ф. Штайнигер и И. Эйбл-Эйбесфельдт, в отличие от предшествовавших им публикующихся экспериментаторов, которые наблюдали в вольере за *одной* стаей, в один вольер поместили сразу *две* — *разные* — стаи. (Вариант эксперимента: они пространственно совмещали не стаи, а одиночных крыс, *но из разных стай*.)

Результаты экспериментов взяты из книги лауреата Нобелевской премии Конрада Лоренца «Агрессия». Нижеприведенное осмысление наблюдаемого, естественно, противоположно лоренцовскому, оно — в рамках *теории стаи*. Переосмысление «естественно» потому, что выводы Конрада Лоренца в конечном счете были обречены подтвер-

дить *естественность* подчинения одной человеческой особи другой (скажем, при столкновении конкурентов с пути карьериста) — иначе бы уполномоченным присуждать Нобелевскую премию чиновникам книга не понравилась (о закономерностях ассоциативно-эстетических предпочтений — дальше).

Эйбл, следуя простому здравому смыслу, ради того, чтобы хоть что-то узнать достоверное о жизни грызунов, жил с ними в максимально близком контакте: мышей, бегавших по его барраку, он не только не преследовал, но регулярно подкармливал и вел себя так спокойно и осторожно, что в конце концов совершенно приручил их и мог без помех наблюдать за ними с близкого расстояния. Основной объект его наблюдений — серые мыши. Однажды клетка, в которой Эйбл держал мышей иного типа — крупных и темных, так называемых лабораторных (они довольно близки к диким), — оказалась *по небрежности* открытой. Все было спокойно в бараке, но только до тех пор, пока эти мыши не отважились выбраться из клетки и не попытались начать осваиваться в комнате. Немедленно местные (дикие) серые мыши на темных набросились. Лабораторные (темные) защитить себя на чужой территории не смогли и отступили в пределы «своей» территории, в клетку. Этот свой последний оплот им защитить удалось, несмотря на то, что местные туда ворваться попытались. **Любовь к себе подобным, которую приписывали мышам и крысам, не состоялась.**

Другой исследователь, Штайнигер, серых крыс, специально *отловленных в разных местах*, подсаживал в большой вольер с совершенно естественными для крыс условиями. (Еще раз: новизна эксперимента в том, что на ограниченной территории оказалось *много* крыс из заведомо *разных* стай!) В самом начале своего пребывания на новой территории крысы друг друга боялись и друг на друга не нападали. Чтобы заставить их грызться, экспериментаторам приходилось гнать двух особей навстречу друг другу вдоль ограждения вольера так, чтобы они на большой скорости друг с другом сталкивались. Неосвоившиеся крысы не нападают.

Агрессивными подсаженные крысы становились только тогда, когда, освоившись и почувствовав себя хозяевами на выделенном им пятачке тюрьмы, начинали делить территорию. Одновременно начинались попытки составить тот союз, который принято называть супружеской парой, что, естественно, для десятков чужих друг для друга крыс процесс не одновременный. **В ряде экспериментов выяснилось, что первая же составившаяся пара парализует соединение других крыс в пары!** (Каким образом? Визуально? Осязательно? Психоэнергетический механизм подчинения Лоренцу неизвестен.) Просто — *парализует* и подавляет.

Да, оказываются парализованными **все крысы**, а не та единственная, за которой в данный момент началась охота. Все и **одновременно**. Подобно тому, как и шимпанзе **одновременно** выучиваются доставать из хитрых ящичков бананы. Если пример этого им подает вожак.

Первая пара с самого момента образования начинает преследовать остальных крыс и делает это беспрерывно. Даже в обширном (по оценке Лоренца) загоне в 64 квадратных метра такой паре достаточно всего только двух-трех недель, чтобы умертвить всех остальных обитателей, т. е. 10–15 сильных взрослых крыс.

Оба супруга победоносной пары, как показали наблюдения, *равножесток*. Половые различия проявляются разве только в том, что «Ромео» предпочитает терзать самцов, а «Джульетта» — самок.

Побежденные крысы почти не сопротивлялись, только отчаянно пытались убежать (все две-три недели!) и, доведенные до крайности, к удивлению экспериментаторов, бросались туда, где крысам удается найти спасение очень редко, — вверх. Вместо сильных, здоровых животных Штайнигер неоднократно видел израненных, измученных крыс, которые средь бела дня совершенно открыто сидели высоко на кустах или на деревьях. Ранения у них располагались в основном на задней части спины и на хвосте — классические места показывающего тыл «потерявшего голову» воина. Эти крысы редко умирали легкой смертью от внезапной глубокой раны или сильной потери крови. Чаще смерть наступала от заражения, особенно от тех укусов, которые повреждали брюшину. Но больше всего животные погибали от общего истощения и нервного перенапряжения, которое приводило к истощению надпочечников. (В точности как у людей — те же надпочечники...)

Особенно действенный и коварный метод умерщвления сородичей Штайнигер наблюдал у некоторых самок, превратившихся в настоящих профессиональных убийц. «Они медленно подкрадываются, — пишет он, — затем внезапно прыгают и наносят ничего не подозревающей жертве, которая, например, ест корм из кормушки, укус в шею сбоку, чрезвычайно часто задевающий сонную артерию. По большей части все это длится считанные секунды. Как правило, смертельно укушенное животное гибнет от внутренних кровоизлияний, которые впоследствии обнаруживаются под кожей или в полостях тела».

Итак, «Ромео» и «Джульетта» с боя завладевают всем участком. Затем эта, с биофильной точки зрения, явно случайным образом подобранная пара (выбирать, собственно, было не из кого, какие уж тут половинки!) начинает *размножаться*. Быстро. И образуется *стая*. И вот теперь, когда все убийства позади, родоначальники-потрошители становятся нежными и заботливыми хранителями семейного очага. А по-

рядки в образовавшейся стае, сколь бы большой она ни была, как раз и напоминают тот образец поведения, которому и внушают следовать вожди государственных религий и тоталитарных сект.

Миролюбие, даже нежность, которые отличают отношение млекопитающих матерей к своим отпрыскам, у крыс свойственна не только отцам и матерям, но и дедушкам, а также всевозможным дядюшкам, тетушкам, двоюродным бабушкам и т. д. и т. п. — до, похоже, любой степени родства. Матери приносят свои выводки в общее для стаи гнездо, и вряд ли можно предположить, что каждая из них заботится только о собственных детях. Серьезных схваток внутри такой семьи не бывает никогда, даже если в ней насчитываются десятки особей. Слещаво-тоталитарное «христианство» крыс проявляется также и в том, что, в отличие от волчьих стай, в которых члены, хотя и столь же учтивы друг с другом, но соблюдают субординацию (звери высшего ранга едят общую добычу первыми), в крысиной стае молодые имеют равные со взрослыми особями права. Хотя крысиная стая, подобно волчьей, на крупную добычу нападает совместно, — а при этом, очевидно, более сильные особи вносят в победу вклад больший, чем остальные, скажем, те же недоросли, однако, — цитируем Штайнигера, — «именно меньшие животные ведут себя наиболее свободно; большие добровольно подбирают объедки меньших. *Так же и при размножении*: во всех смыслах более резвые животные, выросшие лишь наполовину или на три четверти, опережают взрослых. Молодые имеют все права, и даже сильнейший из старых не оспаривает их».

Конфликты — самые что ни на есть безобидные (могут ударить передней лапой — она слабее задней, — или наступить задней) внутри крысиной стаи все-таки случаются. Но они *никогда* не возникают из-за ревности или из-за еды, а только из-за избыточного того, что полагают формами ласкательства: младшие под старших *подползают*, а старшие — *наползают*.

Однако эта «любовь» такова, что нередко крысы своих детенышей жирают. В рамках дарвинщины считается, что это от голода.

Каков же смысл происходящего в вольерах с точки зрения *теории стаи*? Соединение в пару двух крыс, уничтоживших всех остальных, случайно только с биофильной точки зрения, но с некрофильской, напротив, далеко не случайно. «Джульетта» тем быстрее «влюбляется» в «Ромео», чем более он вождь — его превосходство прищипывает к супружеству психоэнергетически. «Ромео» же особенно чувствителен именно к самой главной стерве из всех присутствующих самок — по той же причине. Последующая парализация крыс, у которых процессы «страстного влюбления» идут медленнее,

и их, *стайных*, истребление — закономерны. Влюбление у них потому происходит медленнее, что их страсть истреблять меньше, чем у символа крысиной любви — «Ромео и Джульетты».

Безропотная позорная смерть — закономерное следствие их стайности.

Истолковывая результаты экспериментов с крысами и мышами, полезно помнить, что крысы, как и всякие другие виды животных (шимпанзе, валаби) есть точная копия людей лишь в некотором, преимущественно одном, отношении. Всякая стая есть как бы притча, могущая помочь неугодникам **осмыслить иерархии любого рода, в конечном счете, как военные машины.** И не обманываться даже совершенству слюнявости, которую в ней пытаются выдать за любовь. Это функция соответствующего органа самообновляющегося военного организма.

Притчи — язык не столько логический, сколько образный, и они просты.

Аналогично просты были и притчи Христа, и не понять их можно только при сильном подсознательном желании. Церковь, замечая за своими служителями это стремление *не понимать*, в рамках богословия сформулировала простой принцип, который помогает в толкованиях притч вообще и евангельских в частности избежать произвола. Этот принцип основывается на той очевидной мысли, что когда Иисус предлагал к размышлению какую-нибудь притчу, то *Он в данный момент хотел помочь слушателю из необъятных просторов Истины освоить только одну мысль.* Это естественно: концентрация мысли присуща всякому, кто мыслит. Естественно, мыслящий желает помочь развить подобное качество и близким по духу. Отягощение сознания множеством смыслов есть трансовый прием, предваряющий акт гипнотического внушения.

В соответствии с приведенным принципом созерцания притч Христа, при их осмыслении обретает благословение тот и только тот из размышляющих, кто интуитивно (если угодно, духовно) распознает *главную идею*; концентрируется на сути — и не рассеивается на форме. Соответственно и каждое слово притчи воспринимается не само по себе, не с произвольных углов зрения, но именно с точки зрения *главной* идеи.

Когда в притче о горчичном зерне, малейшем из всех семян *культурных растений* (Мф. 13:31–32) упоминается, что из него вырастает величайшее дерево, то из этого вовсе не следует, что Иисус не знал, что существуют растения несравнимо большие, чем горчичное. Знал. Просто притча облекала формой только *один* образ, только *одну* идею — главнейшую в данный момент: что самое не-

приметное *в этом стайном мире* порождает самое для вечности значимое.

Станет ли мудрый человек по сказке о рыбаке и золотой рыбке — очень мудрой сказке! — изучать фауну океанов?!

Природа — живая притча, но только в том смысле, что догадка (акт самостоятельного мышления) о ее сокровенном смысле, выраженном не в словах, а в самом ее существовании, неизменно порождает обобщение, а оно может быть закреплено только в словах. В каждом образе окружающего нас живого мира — а пророки неоднократно говорили, что природа есть источник познания Истины, самого Сущего Бога — открывается для нас только **одна** идея, она есть главное, а хвосты, прядильные качества шерсти и особенности костей скелета — лишь элементы, помогающие людям *осязать* путь к открывающейся перед ними духовной истине.

Жизнь крысиной стаи не может во *всех* деталях пожирания себе подобных служить притчей: скажем, люди в состоянии предпринимать завоевательные походы еще до составления пары со случайной особью противоположного пола (более того, сверхвожди во все времена были гомосексуальны: Александр Македонский, Ганнибал, Сципион Младший, Гитлер и т. д.). И групповухи типа крысиных (хотя среди субвождей они нередко и практикуются) — все-таки не самая популярная форма общения противоположных полов. И первые дамы государства, кусая, попадают не в сонную артерию, а куда попало.

Полезно заметить, что созерцание живого только с близкого расстояния (скажем, только одной стаи крыс) для выводов недостаточно. Необходим взгляд и с достаточно большого расстояния: и вот уже заметно, как якобы чадолюбивые крысы пожирают детенышей — не только чужих, но, в определенных условиях, и своих.

И люди тоже пожирают себе подобных, хотя и не всегда буквально. Нужно только мужество, чтобы это пожирание признать. И понять, что это свойство — тоже результат пребывания в стае.

И — о *механизме* управления стаей.

Характерно, что передача информации у крыс такая же, как у шимпанзе и людей: она быстрая, не связана с логикой (не вербальная) и вообще не связана с традиционными органами восприятия. Штайнигер называет это *передачей настроения*.

Один весьма яркий пример, когда вся стая реагировала *разом*, без всяких звуковых сигналов, будет приведен в главе, посвященной грызне *внутри стаи*, между своими, когда в ней оказывается *одна* чужая крыса. Но и уже приведенного материала (десятки крыс оказываются как бы парализованными при появлении первой — одной! — пары)

достаточно, **чтобы усвоить навсегда, что крысы — и свои, и чужие — живут постольку, поскольку что-то предпринимает вожак.** (К сожалению, в экспериментах упомянутых исследователей не учитывается, что в стае есть вожак — только с виду серенькая мышка.)

Примеров этого процесса в природе множество. Взять хотя бы светлячков. Тысячи этих насекомых собираются в стаи, занимая подчас несколько деревьев и каждый на них листик и начинают мигать — **одновременно!**

Но те, которые «как все», — неинтересны.

Есть люди, которые способны мигать не в такт со всеми — *неудобники* — именно им и посвящена данная книга.

часть вторая
исторический подход

Сверхвождь XIX века

А был ли
великий Наполеон
действительно
Буонапарте?

Глава пятая

А С КАКОЙ СТАТИ, СОБСТВЕННО, ЛЕВ ТОЛСТОЙ БЫЛ ПРОТИВ, ЧТО В ПОСТЕЛИ ЕГО ЖЕНОЙ ЦЕНИМ БЫЛ НЕ ОН, А ИМПЕРАТОР НАПОЛЕОН? ПОЧЕМУ – НАПОЛЕОН?!

Обсудив некоторые факты из стайной жизни крыс, светлячков, шимпанзе и поселений валаби, мы можем предположить, что стая есть некое целое, а особь в стае — вовсе не суверенная личность, а не более чем элемент одного из коллективных функционально-исполнительских органов вождя. Эти, а также другие приведенные в этой книге примеры уже из жизни людей позволяют с уверенностью утверждать, что вождь всегда присутствует (пусть незримо) не только во время адюльтера, но и на брачном ложе каждого элемента стаи.

Крысы-исполнители не против.

Валаби-исполнители не против.

Шимпанзе-исполнители не против.

Исполнители-люди — тоже.

Это согласие и даже наслаждение четырехугольным треугольником следует хотя бы из того, что многих *исполнителей* супружество такого рода вполне устраивает. Типичный *исполнитель* верит, что смени он/она *партнера* — и все наладится... Ведь дело касается, якобы, только *двоих*...

Но в толпе не без уродов: встречаются отделившиеся от нее люди — *неугодники*, — ни на толпу, ни на публику непохожие, которым присутствие в постели третьего — хотя и незримое, но вполне ощутимое — претит.

Одним из таких уродов был Лев Николаевич Толстой.

В попытке слиться со своей женой как женщиной — полностью, он как это ни странно, уже в первые месяцы своего супружества занялся странным, на первый взгляд, делом — борьбой с Наполеоном.

Именно с ним, ведь Наполеон, что очевидно,— основной отрицательный герой «Войны и мира». Другие — Анатоль, Элен, Александр I — лишь его жалкие подобия.

Странностей — впрочем, закономерных, — в этом поступке Великого Писателя много.

Одна из *странностей* та, что война с Наполеоном, закончившаяся за пятьдесят с лишним лет до того, была неактуальна. Император Наполеон I к тому времени уже больше сорока лет как скончался — в страшных мучениях на острове Святой Елены, в деревянном, не до конца отремонтированном бараке со шныряющими по полу — даже днем! — крысами. Но Лев Толстой, вполне осознававший, что люди в абсолютном своем большинстве есть элементы стада, лишенные индивидуальности («...она относилась к тому типу женщин...»), — стада при вожде, — в борьбе за жену (как за *женщину* и личность) взялся не за какого-нибудь ныне здравствующего российского немецкой крови императора, но за Наполеона, вождя иного, нежели Романовы, типа.

Но не один только Толстой, как выясняется, пристально вглядывался в Наполеона. Интересовались им многие и притом *за сотни лет до его, Наполеона, биологического рождения*.

Philippe Dieudonne Noel Olivatius был врачом и археологом, некромантом и спиритом. Еще он в ряде случаев верно предсказывал будущее; описание же им судьбы Наполеона было предельно подробным. Жил Philippe до прославившегося корсиканца за несколько сот лет, за такой срок истирается даже память о миллионах людей, но рукопись предсказателя не затерялась, ее обнаружили в архивах и Наполеону представили. Произошло это вскоре после коронавания еще совсем недавно нищего, худенького и безвестного лейтенанта артиллерии Бонапарта. Известно, что копию с рукописи Наполеон показал Жозефине сразу же.

Как свидетельствует полковник Абд, упоминал Наполеон о рукописи с предсказанием его судьбы и после Эльбы, во время своих не имевших аналогов в истории власти триумфальных Ста дней.

Текст предсказания сохранился до наших дней и не может не потрясти всякого, кто знаком с удивительной жизнью Наполеона хотя бы поверхностно.

Вот выдержки из этого предсказания:

Франция и Италия (la Franco-Italie) произведет на свет сверхъестественное *существо*.

...Молодой, придет с моря... <...>

...В продолжение десяти лет и более будет обращать в бегство принцев, герцогов и королей. <...>

...Будет две жены...

Тогда его враги сожгут огнем великий город, и он войдет в него со своими войсками. Он покинет город, превратившийся в пепел, и наступит гибель его армии. Не имея ни хлеба, ни воды, его войска подвергнутся действию такого страшного холода, что две трети его армии погибнут, а половина оставшихся в живых никогда больше не вернется под его начальство. Тогда великий муж, покинутый изменившими ему друзьями, окажется в положении защищающегося и будет тесним даже в своей собственной столице великими европейскими народами. <...>

Злые будут обмануты и будут уничтожены огнем, и еще огнем. <...>

Он положит основание (?) плоду, которому не будет конца, — и умрет.

(Цит. по кн.: проф. Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. В 2 т. М.: ТЕРРА, 1995. Т. 2. С. 273–276)

Знаменитый Нострадамус, самый точный из предсказателей (погрешности в предсказаниях, по оценке оптимистов, — не более 5%, а по оценке пессимистов — не более 50%), — тех предсказателей, которых все-таки не ставят на один уровень с библейскими пророками, — *за несколько сот лет* до рождения Наполеона предсказал его появление — и назвал Антихристом.

Примечательно, что Нострадамус назвал Антихристом не Гитлера, который более все прочих в истории пролил крови, не Ленина или Сталина, выжигавших любые формы внешнего христианства, а Наполеона — человека набожного, принявшего ислам, веровавшего в индуистское переселение душ и плюс к тому помогавшего католицизму столь существенно, что заслужил одобрение римского папы!

Итак, Лев Толстой, Нострадамус, Philippe... В таких случаях обычно принято привлекать также авторитет библейских пророчеств. Что ж, возможно и это. Однако исследование одного только стиха из Апокалипсиса (Откр. 9:11) потребует значительного места и времени, для противящихся же может показаться надуманным, поэтому целесообразно его опустить — тем более, что углубление в теорию стаи на историческом материале XIX и XX веков и без того со всей очевидностью показывает, что Наполеон действительно является осью всей Новой истории.

Путь каждого из перечисленных мыслителей к осмыслению значения Наполеона в мировой истории был индивидуален, и хотя Лев Николаевич жил позднее предсказателей и теоретически с их предсказаниями мог быть знаком, обратил он внимание на Наполеона, разумеется, вовсе не потому, что на него указывали авторитетные спириты. В жизни Льва Толстого все было гораздо проще. У человека в доме несчастье: он женился по страстной любви, в доме царствует

истеричка, от которой просто так не избавишься. Перед Львом Николаевичем вопрос стоял вполне конкретный и практический: **как жить дальше?** Как изменить враждебные его душе обстоятельства? Как противостать угдывающемуся в недалеком будущем четырехугольному треугольнику?

Убить? Но кого? Себя или ее?

Убежать из дому? Логично, ведь надежды на то, что обосновавшаяся в его доме хозяйкой обвенчанная и благословленная господом женщина очистит от своего присутствия мужнино наследственное имение, не было.

А может быть, попытаться ее перевоспитать? Попытаться доказать этой истеричке, что есть в мире красота и жизнь, а не только преданность иерархическому началу?

Лев Николаевич попытался доказать. *Словами* не получилось.

А может удастся образами?

Борьба с Наполеоном была попыткой выправить супружеские неурядицы. Это очевидно, ведь до свадьбы, еще до страстного влюбления в Софью Андреевну, Лев Николаевич жил романом о декабристах, но после первых же истерик жены *«вдруг»* отказался от прежних планов и погрузился в работу над «Войной и миром», символической **историей противостояния** Пьера (Пьеро — Иванушки-дурачка — *России*) — **Наполеону (сверхвождю** — завоевателю России).

Именно так: «Война и мир» — не просто противостояние внутренне благородного Пьера закономерным образом складывающимся вокруг него обстоятельствам, внутри которых естественно чувствуют себя только разного рода карьеристы, но это история противостояния его, *Льва Николаевича, отчетливого биофила и неугодника — сверхвождю-некрофилу.* Это так, потому что сомнительно, чтобы «самонадеянное ничтожество» возмущало подсознание (а без эмоциональной вовлеченности шедевра не написать!) Льва Николаевича всего лишь как внутристадная биологическая единица, которая **случайно, по стечению обстоятельств** получила власть над Европой; нет, Наполеон для такого ума, как у Льва Николаевича, — **противоначал**.

Наполеон — лишь форма, позволяющая исследовать не столько конкретные обстоятельства, сколько через них некоторую сущность. Но это не просто постижение мировоззренческих вопросов, безусловно интересных самих по себе, но попытка решения наболевшего вопроса — *бытового, семейного.*

Как ни велика истина о духовном величии России, предреченная множеством пророков по всему лицу земли, начиная от Индии и кончая Соединенными Штатами, начиналась «Война и мир» вполне *ес-*

тественно, с первой брачной ночи Толстого и Сонечки Берс, после которой Лев Николаевич оставил знаменательную запись в дневнике: *«не она...»*

Иными словами, Лев Николаевич если не понимал, то чувствовал, что **постижение теории стаи** на привычном ему языке художественных образов **есть ступень к решению проблем в том числе и в отношениях с взаимодополняющим полом!**

Мысль парадоксальна, но верна.

Да, не хотел Лев Николаевич быть частью коллективного мужчины коллективной женщины — и восстал против сверхвожда — как дальше будет показано, закономерно предреченного аналогом антихриста.

Толстой писал внятно — *художественно* — но все равно понят не был. А с углублением темы и вовсе был объявлен сумасшедшим — даже собственными детьми.

Но Толстой не был единственным сумасшедшим такого рода. Был еще один, послабее, которого его дети сумасшедшим, правда, не называли, но публика, включая и образованную ее часть, окрестила. Это — Зигмунд Фрейд.

Относительная слабость Фрейда как мыслителя по сравнению с Толстым естественна. Фрейд начинал как гипнотизер, и вообще признавался в том, что трупы притягивали его невероятно — классические признаки некрофилии. И, тем не менее, он — пусть к концу жизни и намного позднее Толстого — все же нашел в себе силы признать, что окружающие (и он сам в том числе) психически отнюдь не суверенные личности, как то вдалбливают с амвонов государственных религий, у них есть общее преступное прошлое. Прошлое, которое намного более значимо, чем действительность...

Гипнотизер, труполоб и невротик Фрейд не обнаружил достаточной душевной широты, чтобы заметить Наполеона и Россию, зато Великий Психоаналитик увидел тень стаи — и за это ему низкий поклон!..

Лев Толстой заметил и Наполеона, и Россию. Нет ничего случайного в том, что Толстой в своем романе о самом главном, в романе, в котором сталкиваются предельные противоположности, **Наполеона** противопоставил именно **России.**

Чем же она отличается от других стран?

Как это ни странно, но вселенская красота России постигается именно через рассмотрение феномена сверхвожда — подобно тому, как истина о безграничных возможностях постигается через понятие греха. «Не убий (не кради, не прелюбодействуй)!» — это очерчивание пределов есть кратчайший и наивернейший путь постижения.

Такова сущность и назначение *теории стаи.*

**ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ ФРЕЙДА,
ЗА КОТОРУЮ СТАЯ ВОЗВЕЛИЧИЛА ЕГО В САН СУМАСШЕДШЕГО
И КОТОРУЮ ЗАБЫЛИ – СТАРАТЕЛЬНО.
ТЕОРИЯ СТАИ КАК РАЗВИТИЕ ПОСЛЕДНЕЙ ИДЕИ
ВЕЛИКОГО ПСИХОАНАЛИТИКА**

По правде говоря, это — единственное объяснение, которым мы располагаем в данной психологии. И мы вполне можем считать его классическим.

Серж Московичи о фрейдовской концепции психологии масс
(«Век толп», введение. М., 1997)

Люди, за исключением немногих, — суть отказавшиеся от собственной воли элементы стаи.

Отличаются индивиды друг от друга только набором наработанных предками комплексов, «благо»приобретенными неврозами, а также назначением того коллективного органа стаи вождя, к которому они относятся.

Но почему они не хотят *жить*?

Почему у них вообще есть вождь?

Почему столь сильные чувства связаны именно с вождем?

Какое преступление предков объясняет появление этих сколачивающих в стаю чувств?

Концепция протоорды Зигмунда Фрейда — лучшее, как полагают, на сегодняшний день достижение в области *психологии масс*...

Согласен: остальное — еще хуже.

Фрейд начинал свою деятельность психотерапевта откровенно — гипнотизером.

Наблюдая за погружающимися рядом с ним в транс, следя за их дальнейшей жизнью, Фрейд имел возможность поразиться, насколько любой человек бывает верен — даже до смерти — полученному при отключенном критическом мышлении внушению.

Как-то — может быть, независимо от предшествовавших мыслителей, но, скорее всего, повторяя их мысли — Фрейд догадался, что *вся* так называемая сознательная жизнь *исполнителей* (т. е. почти всего населения) определяется одними только внушениями — полученными

ми, правда, не на эстраде и не в кабинете гипнотизера, а начиная с младенчества, от родителей и учителей — в свою очередь, тоже носителей внушений.

Изучать феномен цивилизации как комбинации внушений можно как по всей толпе в целом, так и по одному индивиду — доступному. Это серьезная оговорка, потому что сверхвожди (да и субвожди тоже) прямому психоанализу противятся, а носителей информации о себе и знаний вообще стремятся уничтожить.

Но история к нам милостива: систематически сверхвожди хиреют и умирают, будучи не в состоянии прихватить с собой *всех* свидетелей. Тем более, свидетели — это не только те, которые видят плотскими глазами, — но всякий психоэнергетически зависимый от вождя элемент стаи. И о Гитлере, и о Наполеоне можно узнать многое даже после их физической смерти.

Фрейд, родившийся после смерти Наполеона, доступ к психике императора имел — свое «лечение» оплачивать была в состоянии принцесса Мари Бонапарт. Возможно, где-то в черновых записях Фрейда и сохранились описания особенностей ее психики, которые определялись пусть не происхождением от несуществовавших чресл Наполеона, а только общими с ним предками.

То, что прошлое предков воспроизводится в потомках, — наблюдая, скажем, какую-нибудь мать с дочкой, не заметить трудно. Да и сама толпа как целое — объект весьма рельефный для осознания того, что настоящее есть не более чем воспроизведенное прошлое. Порой на понятийном уровне забытое.

В сущности, политическая история человечества такова: элементы толпы без сопротивления подчиняются самому некрофильному из вождей, боготворят его, называют не иначе как Отцом; затем появляется новый вождь; все, обратившись, лижут галифе ему, а на прежнего, ослабевшего, гадят... В истории действует отнюдь не великое число индивидуальностей, внесенных в списки сборщиками налогов на нужды вождя, но всего лишь сверхвождь, несколько конкурирующих субвождей и толпа. А если короче: есть вождь и толпа. (Составившийся Фрейд в *этом* наблюдении оригинален не был — все авторы античности, а из них прежде всего военные историки, подчеркивали, что именно безмозглость [отсутствие напряженного интереса к Истине] и есть сущность толпы. Фрейд оригинален тем, что он, спускаясь по дереву неврозов, попытался найти его корень — изначальную психическую травму.)

Фрейд в старости, уже будучи известным создателем индивидуальной психологии, в рамках которой сумма неадекватностей поведения людей внутри семьи и вне ее объяснялась при помощи концепции детского комплекса Эдипа, понял, что комплекс Эдипа не объ-

ясняет слишком многого. К этому выводу Фрейда вынудила конкретная психотерапевтическая практика: далеко не все неврозы (неадекватности поведения), за излечение (или, во всяком случае, оплаченное обсуждение) которых он брался, сводимы к *детским* переживаниям, но наследуются из прошлого и просматриваются в поведении родителей и родителей их родителей.

Кроме того, Фрейд, всю жизнь проживший в достаточно мирной Австро-Венгрии, вдруг оказался в воюющей Европе — началась Первая мировая война. Первая мировая, в отличие от предыдущей (Наполеоновской) и последующей (Гитлеровской), была в значительной мере позиционной, не было ни стремительных прорывов, ни блистательных побед «великих полководцев» (таковых вообще не было), а только сидение в окопах и уродование с помощью пушечных снарядов и пулеметов миллионов мобилизованных и добровольцев. Толпы, столь откровенно проявившие себя в ужасах Великой французской революции, активизировались с красными бантами на груди вновь — в далекой России, в соседней Германии и так далее. Однако романтические слова вождей «революции» о свободе и светлом будущем вновь на поверку обернулись обычными кровавыми разборками конкурентов в вожди, и вновь, как и во Франции, отпетые революционеры превратились в послушных холуев диктаторов Муссолини, Гитлера, Сталина и т. п. Во всяком случае, так *видел* далеко обогнавший современников мыслитель, труполоб и гипнотизер Зигмунд Фрейд.

Фрейд оказался перед такими не только психопатологическими, но и политическими фактами, которые не объяснялись ни теориями общества, уже существовавшими, ни даже его собственной, основанной на комплексе Эдипа, философией психоанализа.

И Фрейд взялся за создание новой теории, которая могла бы объяснить все те ужасы повторяющегося поведения толпы, которые ему, как жителю Европы первой половины XX века, пришлось не только видеть, но и стать их жертвой (концлагерь, продажа в Англию за 100 000 фунтов стерлингов).

И он такую теорию создал.

Это и был истинный фрейдизм.

Созданная им концепция, соединяющая закономерности реальной жизни, для публики была еще более оскорбительна, чем комплекс Эдипа — за что Фрейда толпа и возвеличила *выжившим из ума стариком*, а саму теорию забыли — *старательно*. (Оно и понятно: если следовать психоанализу раннего Фрейда, то можно доить клиентов десятилетиями, а если признать позднего, то придется заняться менее оплачиваемым трудом, уступив место Богу.)

Да-да, к Фрейду то, что мы сейчас называем фрейдизмом, отношения не имеет. Речь вовсе не о том, что невежественная толпа при-

писывает Фрейду пансексуализм, который Великий Психоаналитик никогда не исповедовал. **За фрейдизм, вопреки истине, выдают нечто, от чего Фрейд в последние 18 лет своей жизни нашел в себе силы отказаться!**

Фрейд сформулировал концепцию *протоорды*.

Чтобы отчетливо понять какую-нибудь концепцию, необходимо прежде собрать воедино те явления (лучше сказать *странности*), которые данная теория пытается объяснить.

Итак, Фрейд позволял себе видеть, что:

— Политическое бытие создается силами толпы; толпа же есть *особое* психическое состояние людей — индивид растворяется и утрачивает даже то незначительное критическое мышление, которое у него наблюдается в состоянии «публика».

— Вожди, которым толпа и идеологи приписывают развитый интеллект, глубину мысли и особенную порядочность, на поверку *всегда* оказываются людьми не просто поверхностными, но и не обладающими критическим мышлением. Они — устроители железных иерархий, и не более того. Импотенция и гомосексуализм — вот это таким, как они, свойственно. (Фрейд, сам отчасти такой, эти отклонения объяснял невинно: сублимацией либидо на любых объектах, кроме лиц противоположного пола, т. е. просто чуть-чуть ошибались адресом; путаники, одним словом.) Вожди всегда одержимы моноидеями, причем **в большей степени, чем сама толпа** фанатиков.

— Вождей сначала боготворят, потом ненавидят — и нередко убивают. Сама же толпа.

— Фрейд, будучи жителем «христианской» (католической) страны (Австрии), видел, что отношение верующих в церковной иерархии к папе в точности то же, что и у наполеоновцев — к Наполеону, а у гитлеровцев — к Гитлеру.

— Главное событие в строго иерархичной общности католиков — питье крови (таинство причащения), достигающееся в конечном счете от патера-Отца; точно так же, брызги крови на лицах в сражениях — это верх того, что могли дать Гитлер и Наполеон. В потребности толпы в потреблении крови и в поклонении Отцу со всей очевидностью угадывалась глубинная психологическая травма, общая для всего народа, следовательно, полученная протоотцами.

— Толпа всеми силами отрешивается от свободы и раболепствует перед вождем, в этой энергии угадывается сила невроза.

Всю жизнь Фрейд зарабатывал на жизнь одним, в сущности, способом — пытался **отговорить** людей от непрактичных (невротических) поступков.

Невротический поступок — это если в детстве мамка дочурке затыкала ротик зеленым носком, чтобы дочурка не плакала от страха, когда во время отсутствия папки мамку наскоро посетил дядька-сосед; и вот девочка, превратившаяся в молодую женщину, начинает задыхаться и давиться, увидев всякий *зеленый* носок.

У этого конкретного невроза есть и обертон: затыкая ротик уже своей дочурке, она предпочитает *зеленый* носок.

Невроз — это когда присутствовавшая при убийстве, сопровождаемом фонтанами *красной* крови, женщина если не теряет зрение вовсе, то у *красных* предметов в лучшем случае видит лишь контуры, или вообще перестает видеть *красный* цвет. (Что весьма опасно для жизни, скажем, во время перехода дороги под светофором — поэтому и надо лечиться.)

Невроз — это и более сложные поступки, целые их цепи (чтобы оправдать затыкание рта зеленым носком, надо заманить соседа, для чего можно и в любви ему объясниться). Естественно, богатый наблюдательский опыт Фрейда со всей очевидностью доказывал всю неодолимую силу и мощь невроза — никакие чисто словесные *призывы* поступать благоразумно не останавливают перед красным сигналом светофора и от выгибаний перед соседом — с зажатым в кулаке зеленым носком.

Лечение неврозов, по Фрейду, состояло в том, чтобы, вернувшись в ситуацию прошлого, когда была получена травма, ее *осмыслить* и через осмысление истинных причин своего поведения от «странностей» освободиться. (Это не работало — до тех пор, пока не делалось разрушающее психику внушение; но речь сейчас не об этом — в конце концов, никто не неволил клиентов расставаться с необходимыми Фрейду деньгами.)

Кретицизм состояния «толпа», сила чувства в желании быть «как все», желание «отключиться», всеобщность этого влечения со всей очевидностью, по Фрейду, указывали на древность травмы, случившейся с протоотцами. Следовательно, по Фрейдовской концепции, от этого идиотизма можно было освободиться через воспроизведение ситуации, в которой она была получена. Фрейд верил, во всяком случае демонстрировал веру в то, что если «расшифровать» эту древнюю травму, дать клиенту возможность ее осмыслить, то родится «адекватный человек», свободный от толпы.

Для более полного возвращения в эту древнюю ситуацию необходимо было выявить детали, воспроизводимые из поколения в поколение несообразности. Связаны они должны были быть с отцом или его заместителем — вождем; или с богом; Фрейд таких «несообразностей» выявил множество...

Итак, коротко подытожим те основные факты «неполезного» для биологического, психологического и умственного здоровья людей по-

ведения, объясняя которые, Фрейд и стал классиком психологии масс:

- преданность толпы-братства вождям, безумное им поклонение;
- проклятья в адрес тех же вождей, их убийство;
- воспевание толпой своего состояния, воспринимаемого как

братство («брат» — обращение не только в монастырях и тоталитарных сектах, но и в некоторых преступных группировках);

— вместо принятия во время причащения, по Евангелию, *символов* любви Бога-Отца, упорное желание братств пожирать *буквальную плоть* и пить *буквальную кровь* Бога;

— сохранившееся в Полинезии каннибальство, облеченное в религиозные формы;

— сила влечения, характерная только для неврозов;

— навязчивое повторение одной и той же ситуации, повсеместно, и во все обозримые времена;

— странная религиозность населения, которое вместо того, чтобы познавать Истину, ищет утраты даже следов индивидуальности и воспекает состояние зависимости;

— главная тема считающихся публикой гениальными произведений художественной литературы — и это невозможно не заметить — *отцеубийство* (иногда в форме *богоубийства*).

Гениальный (сравнительно с людьми своего типа) Фрейд, хотя и был атеистом, но был человеком достаточно начитанным и мыслящим, чтобы понять, что человечество вопреки предсказаниям дарвинщины не только не развивается, но деградирует. Да и сама идея эволюции не для мыслящих. Разве не сохранились исторические записи за почти три тысячи лет: дегенератов рождается — море; улучшенные «образцы» — событие, в потомках почти не повторяющееся?

Следовательно, если даже и возможна мутация, выводящая рыбку в птички, то она не закрепляется и уж тем более не может носить *массового* характера. Отсюда, человек как *homo sapiens* в принципе мог зародиться только в одной точке планеты!

А раз так, то и первое сообщество **было только одно** — Фрейд называл его *ордой* (он веровал, что они были тупее его современников, гитлеровцев). Вот в ней-то, по мысли атеиста Фрейда, и произошло травмировавшее психику рядовых членов орды событие — **убийство отца-вождя**.

После убийства и возник невроз, который тысячелетиями передается из поколения в поколение.

(Трудно не согласиться: в каждом срезе истории все одно и то же — толпы, толпы, толпы, вожди и снова вожди, идиотизм идей, которые вожди внушают стаду, кровь, убийства, штурм *великого города*, пылающие дома, а невдалеке — вмерзающие в лед трупы...)

Фрейд реконструировал случившееся в древности преступление против тела памяти* потомков следующим образом.

Некогда люди, после появления размножившись, составили *протоорду*. Во главе ее стоял вождь, старейший член орды — *отец* всех мужчин (и женщин) в орде. Мужчины протоорды — его *кровные* сыновья. Отец-вождь — муж всех в стае женщин, включая и дочерей, и собственную мать (как это бывает, скажем, у оленей), и ни одна из женщин не имеет права отдаться сыновьям самого вождя (своим братьям). Сыновей за попытку совокупления с сестрами отец наказывает. Совокупляется с ними сам (отсюда, очевидно, по мысли Фрейда, комплекс Электры: дочь ищет отца). Монополия на женщин, естественно, вызывает раздражение у сыновей, которых обделяют в *этом*, как и при дележке пищи — лучшие куски им явно не достаются. Таким образом, сыновей и полувнуков (а как еще назвать детей, рожденных дочерьми от своего отца?), организовавшихся в *братство*, единых по положению и чувству обделенности, раздрают два противоположных чувства:

— с одной стороны, они ненавидят вожака, который лишает их всего самого ценного (самым ценным всегда было и есть нечто недоступное, но не вообще, а лишь то, что привлекает внимание вожака), и потому, чтобы получить ко всему этому доступ, им *хочется властителя гарема убить*;

— с другой стороны, они испытывают к нему сыновью привязанность, которая *не позволяет его убить*.

Однако ж, заговор составляется, братья сообща приканчивают любимого папашку и *его съедают*. Естественно, и *кровь* тоже идет в дело — ее *выпивают*.

Но так уж устроены люди, что наследуют они не только лучшие куски и женщин, но и полученный в результате преступления невроз. Способ существования неврозов-травм — произвольное воспроизведение символического или буквального преступления. Воспроизведение же состоит в том, чтобы преклоняться в благоговении и послушании перед конкретным человеком, заменяющим отца (вождем), или вымышленным — богом-Отцом. А затем начинается пожирание его мяса и питье его крови.

Через поколения, а порой и в течение жизни одного поколения все негативные эмоции, связанные с вождем-богом, с *логического* уровня стираются, и начинается по вождю ностальгия — и «отец» становится Отцом и даже богом.

В одуре невроза блаженное состояние покаяния о совершенном поступке без пожирания плоти и питья крови Отца-бога невозможно; для того, чтобы добыть крови, нужно прежде поклониться его величию, для того и выбирается очередной вождь из числа братьев, — и цикл повторяется, — включая и убийство брата.

Однако между правлением отца-диктатора (тоталитарный режим?) и правлением одного из сыновей (тоже диктатора) есть промежуток времени, когда братья пытаются договориться о равенстве прав и возможностей друг друга (демократия?). Именно на этом этапе, по Фрейду, и возникает так называемая нравственность — в виде запрета на обладание *всеми* женщинами (в конечном счете дается право на обладание только одной); инцест запрещают (мать хотят все — пусть же не достается никому); вводят запрет на присвоение имущества, которое прежде целиком и полностью принадлежало Отцу (скажем, земля), а теперь поделено по-братски.

Разумеется, это равновесие неустойчиво, и обожествляющие память об Отце женщины и дети выбирают одного из братьев в вожди. Цикл повторяется.

В такой реконструкции прошлого Фрейду, *как ему казалось*, удалось собрать воедино все выявленные им на протяжении его психоаналитической практики механизмы, явно противостоящие интересам выживания человека (дарвинщине).

Эта концепция протоорды примирила состарившегося Фрейда с обнаруженными им странностями — ведь в эту концепцию умещается и комплекс Эдипа, и половое влечение к матери и сестре, и естественный с точки зрения интересов размножения запрет на инцест (крысы, например, не разбирают, кто есть кто); умещается и «половая преданность» дочери отцу, и болезненное влечение к братствам, и убийство вожаков с тем только, чтобы тут же вознести над собой почти такого же, и цикличность форм власти в истории, и благоговейное пожирание мяса бога — буквальное (Полинезия) и «пре-существенное» после волхвования священников (Полинезия после обращения в католичество, католическая Европа и окатоличивающиеся с XX века Соединенные Штаты).

Догадку Фрейда о стайности толпы, о невротическом повторении ею прошлого, публика, мягко выражаясь, не поддержала. С Фрейдом перестали здороваться даже соплеменники.

Болезненное воспроизведение травм детства — пожалуйста, они теперь готовы воспринимать (хотя раньше оплевывали). Но *протоорда — нет!*

Своей новой идеей Фрейд лишил элементы стаи возможности для *самоллюбования* даже неповторимостью своего детства. Им приходилось признать, что они — ничто, более того, возникал вопрос о покаянии с последующим рождением свыше.

Закономерно, что Фрейда, как и Толстого, толпа с презрением обвинила в ничтожности их умственных способностей по сравнению с ее умственными способностями! Идею о наследуемом «неврозе протоорды» постарались забыть — старательно. Ее помнить просто *не могли...*

В воссоздании *теории стаи* Фрейд не мог быть до конца последовательным: в силу неслучайности ряда позорных пятен его биографии — гипнотизер, жесткий администратор в откровенно сектантском «Психоаналитическом обществе», и так далее.

А кроме того, гипнотизер Фрейд, считавший себя разве что не мессией, не мог не пытаться создать нечто противоположное уже опубликованной «Психологии масс» Ле Бона.

Если в концепции Фрейда вождь — ничто, игрушка, если не сказать жертва невротических потребностей элементов толпы (рассматривая чуть дальше обстоятельства бегства из России Великой армии, трудно согласиться с Фрейдом, даже при всем к нему почтении), то в гипнотической модели Ле Бона считалось, что вождь — это гипнотизер, повелитель, носитель воли, самовыражающаяся личность, а толпа — гипнабельное стадо. Все поступки толпы (публики), ее желания и мечты существовали лишь постольку поскольку эти желания и мечты ей внушал вождь-гипнотизер, свободная личность, творец (анализируя обстоятельства жизни Наполеона и «притягиваемые» к нему события, трудно согласиться, что тотальный раб неврозов есть, как учат идеологи на содержании стаи, носитель *свободной* воли).

Ле Бон считал, что **внушаемость является первичным и ни к чему не сводимым явлением**, основополагающим фактором психической жизни человека. Сообщество индивидов — не совокупность людей, а только стадо.

С такой концепцией толпы и вождя Фрейд не мог согласиться никак. Во-первых, потому, что он ясно видел, что взаимоотношение стада с вождем явно опутано стальными цепями невроза. Во-вторых, изучение истинного лица вождей должно было неминуемо привести его к выводу, что и он, **сам будучи вождем, — глубоко порочный человек.**

Фрейд, знакомый с типажам тайн интимной жизни, сам вождь, знал о том, что вожди — порочные из порочных: мужчины — не мужчины, а женщины — не женщины. Признать, что люди способны внять внушения некоего вождя, а следовательно, импотента, Фрейд, который начинал свою медицинскую карьеру с деятельности практикующего гипнотизера, не мог. Это гораздо хуже, чем порядочной женщине публично раздеться.

Да, действительно, Фрейд стал импотентом хоть и несколько позже императора Нерона (тот не мог уже к 30), но до своего 40-летия (если правда то, что раньше он мог; сомневаться же приходится потому, что только с его слов мы и знаем, что он и прежде мог, занимаясь до 28 лет онанизмом, — жениться, якобы, не доставало денег).

Да, действительно, по понятным хронологическим причинам Фрейд не мог быть знаком с трудами о некрофилии своего последней волны ученика Эриха Фромма, может быть потому Фрейд и не

стеснялся признаваться, что знает, что это такое — *сильнейшее притяжение трупа.*

Тем более он не мог быть знаком с психокатарсисом и потому не разбирался в природе страстной любви, да и **не мог себе этого позволить**: в любителя трупов и импотента Фрейда страстно влюблялись все его пациентки.

Эти повальные влюбления Фрейд сначала объяснял тем, что он просто очень-очень красивый, и чтобы не отягощать процесса лечения невыгодными ему эмоциями, между собой и пациентками распорядился построить стенку, оставив для разговоров небольшое окошечко ниже уровня лиц. Но пациентки страстно влюбляться все равно продолжали.

Фрейд вынужден был отказаться от веры в свою неземную красоту и стал объяснять влюбленности тем, что страсть — это ответ трепетных женских душ на его профессиональное умение их выслушать, в его внимании к ним они получают возможность почувствовать свою исключительность, за что и одаривают его самым ценным — страстной любовью и преданностью Учителю.

Естественно, не желая, чтобы широкой публике стал известен секрет его импотенции (помните, к каким ухищрениям скрыть то же самое прибегал Гитлер?!), не желая, чтобы на него перенесли познание об особенностях жизни императоров и великих военачальников, Фрейд не одно десятилетие потратил на то, чтобы доказать, что все эти отцы-императоры владели волей толпы вовсе не из-за способности к гипнозу, а потому, что были игрушкой неврозов сбившихся в братства людей. (Характерно, что когда некоторые ученики поздно Фрейда вдруг открывали, что «лечение» Учитель проводит исключительно гипнотически, Фрейд падал на пол в припадке и немедленно отлучал догадливых от Психоаналитического общества. Естественно, Фрейд не мог себе позволить признать того, что и копрофилия, над которой он тонко издевался, есть проявление, сопутствующее гипнотическим способностям.)

Подсознательное самооправдание Фрейдом себя, вождя-гипнотизера, его как исследователя погубило. Его интересовала не столько Истина, сколько защита себя как праведника и, возможно, будущего святого. Потому и не смог он снять внутренние противоречия в концепции протоорды — гениального шага за удрушающие пределы существующих цивилизаций.

В концепции *протоорды* для гипнотического насилия и, как его противоположности, изначально существующей во Вселенной нравственности, места не оставалось. В описании психологии масс Фрейд позволил остаться только наследуемым неврозам (соответственно, для избавления от них — необходимости вмешательства хорошо опла-

чиваемого «специалиста»); в вожди же выбирался человек, который был не хуже толпы — *просто вел он себя особенно*. Словом, вождь-гипнотизер — ничто; а все — кредитоспособный пациент (тоже, кстати, не без гипнотических способностей). Торгашеский подход.

Добровольное искажение мировоззрения — очень серьезный момент в практической жизни каждого зарабатывающего медициной «специалиста»: необходимо позволить внушить себе такую концепцию человека, в соответствии с которой даже в заведомо безнадежном случае можно дать себе «добро» на проведение бесполезных, но хорошо оплачиваемых *сеансов*. Концепция *протоорды* это позволяла.

Желающий зарабатывать практикой не свободен в отражении действительности — при адекватном и нравственном подходе можно остаться и без клиентов: *большие* деньги есть только у некрофилов (скажем, той же принцессы Мари Бонапарт), и чем они, некрофилы, ярче, чем денег у них больше, тем более крупные суммы они готовы платить психотерапевту за удовлетворяющие их мировоззренческие концепции. Но яркие некрофилы психокатарсису не поддаются, все же остальные вмешательства суть гипнотические внушения, кодировки и перекодировки. Потому психологи и психоаналитики в познании человека и топчутся на месте. Трудно, сообщив клиенту, что он — *дерьмо*, надеяться, что гонорары будут выплачиваться и дальше.

Одна из причин, по которой Фромм в осмыслении жизни зашел несколько дальше своего учителя, в том, что он, обеспечив себя, с некоторых пор почти не практиковал, а зарабатывал писанием книг — потому и *мог себе позволить* глубже, чем Фрейд, проникнуть в сущность человека. (Правда, Фромму приходилось оправдывать свое сидение в Америке — об этом дальше.)

Льву Николаевичу, не могшему жить вне России, приходилось оправдываться разве что в продолжении сожительства с Софьей Андреевной, хотя десятки лет он вполне осознавал, что выверты его жены — болезнь нравственного свойства. Но он не зарабатывал психотерапией и остался в России. Потому мысль о том, что вожди на поверку оказываются ничтожествами (во всех смыслах) для Льва Николаевича Толстого была вполне естественна. (Напомним, что Лев Толстой закончил «Войну и мир» *прежде*, чем Зигмунд Фрейд научился левую руку отличать от правой.) Лев Николаевич считал сверхвождя ничтожеством, напоминающим ребенка, который дергает за веревочки, привязанные внутри кареты, и при этом воображает, что управляет каретой именно он. Превосходство сверхвождя над элементами толпы в том, что он *лучше чувствует, в какую сторону веет дух времени, и с большей готовностью вместе с ним*

и дрейфует! То есть является как бы исполнителем некоего сверхсверхвождя, возможно и не выступающего!

Толстой хотя и жил прежде Фрейда и Ле Бона, но обогнал их обоих, потому что в такой концепции снимаются противоречия гипотез и Фрейда, и Ле Бона.

И Фрейд, и Ле Бон, и Толстой умом понимали стадность *исполнителей*, но в оценке вождей разошлись. Для Фрейда вождь — такой же, как и элементы братства, для Ле Бона он — личность, а для Толстого вождь — ничтожество. Что закономерно: Фрейд был гипнотизером, героем-любовником, в которого влюблялись даже через окошечко, а в Толстого страстно никто влюблен никогда не был, хотя он по всем параметрам — интеллект, физическая сила, порядочность — превосходил современных ему героев-любовников (см. «КАТАРСИС»).

Практика психокатарсиса, исцеляющий эффект от удаления мусора внушений, полученных от вождей, ощутим и не оставляет места для сомнений в гипнотических способностях ярких некрофилов, которые способны подавлять *исполнителей*, навязывать им тексты приказов *одним только своим желанием*, и, пожалуй, — *одним только своим существованием*.

С другой стороны, мусор внушений способен лечь только на уже замусоренное место, на нераскаянные ложные представления, унаследованные от предков, некие самооправдания древних преступлений, на — и в этом с Фрейдом можно согласиться — некий корневой невроз, один из глубинных — оставшуюся со времен протоорды психическую травму.

Итак, *теория стаи* ни Ле Боном, ни Фрейдом, ни даже Толстым воссоздана не была.

Фрейд совершенно верно указал на невротичность поведения людей, показал, что жизнь людей — не более чем навязчивое повторение того, что уже было прежде, повторение травм, появившихся прежде детства, возможно, еще до возведения египетских пирамид.

По Фрейду, человеческое общество состоит *только из одного типа людей — братьев*. Отцами-вождями становятся в очередь, выйти же из орды — дело техники: надо лишь оплатить консультации специалистов Психоаналитического общества.

У Ле Бона есть не одни только братья, отличающиеся друг от друга заученной информацией, но — вожди (воплощение цивилизованности) и толпа.

У Толстого кроме *исполнителей* угадывается некий сверхсверхвождь, а воплощенный вождь — не более чем *исполнитель*. Сопротив-

ляющийся неправде — тоже исполнитель, только *появшийся*. О *принципиальном* отличии исполнителя и сопротивляющегося Толстой не говорит.

Теория *стаи* же оперирует четырьмя в определенном смысле **не сводимыми** друг к другу типами:

- вождь;
- *исполнитель*;
- *неугодник*;
- *курьер*.

Несмешиваемость этих типов — относительна. С одной стороны, вождь — *исполнитель* у сверхвождя, а рядовой *исполнитель* может быть вождем в своей семье; *неугодник* же — это недоформировавшийся курьер. С другой стороны, из *курьера* вождь не получится точно; *неугодник* же может стать или исполнителем, или курьером. *Исполнитель* — он и есть *исполнитель*, хотя и может пасть до уровня вождя. Или через покаяние дорасти до *неугодника*. Курьером же, минуя стадию *неугодника*, не стать.

В смысле различения духовных категорий людей в обществе Лев Николаевич Толстой зашел намного дальше, чем Фрейд. Если говорить о «Войне и мире», самой подсознательной его работе, то в первой молодости поклонявшийся Наполеону полунеугодник Пьер через ряд мытарств и самопостыжений дорос если не до *курьера*, то до зрелого *неугодника* Петра Кирилловича, противопоставшего Наполеону — сверхвождю.

Глава седьмая

ТРЕХЦЕНТРОВЫЙ МИР

Толстой — не единственный *неугодник* на планете. Подобно тому, как и Наполеон — не единственный сверхвождь в истории человечества. Были сверхвожди, психологически ему подобные, но были и другого типа.

Все существующие курсы истории недостаточно глубоки потому, что в них вожди и сверхвожди психологически не различаются — а между тем они бывают двух основных типов: *«внешники»* и *«внутренники»*. Соответственно, и иерархии, их обслуживающие, бывают или «внешнические», или «внутреннические». *Исполнители*, составляющие эти иерархии, тоже разные: одни, как и их предки, предпочитают служить «внутренникам» типа Наполеона, другие — «внешникам» типа Гитлера или Сталина.

Стаи, обслуживающие как вождей-«внешников», так и вождей-«внутренников», в основе основ идентичны — иерархичность, неспособность унять себя и свои ассоциативно-эстетические предпочтения — но во многом они и различны. Гитлер (Сталин и т. п.) не похож на Наполеона (Ганнибала и т. п.). Гитлер был бессребреником, Сталин и вовсе спартанец, а вот Наполеон млеял от вида золота и предметов роскоши. Гитлер был склонен к неприкрытому производству (расстрел на месте без суда), при Наполеоне хотя тоже расстреливали, но тому предшествовало составление бумаги. Гитлер ценил бескорыстную преданность, Наполеон не скупился на миллионы золотых франков. Наполеон начал с Конституции и сводов законов, которые преграда для многих, но не для ярких жуликов (не в первом поколении), Гитлер жулье объявил вне закона — у него властвовал другой тип стайных индивидов.

Список можно было бы продолжить, но и без того понятно, что вожди-«внешники» отличаются от вождей-«внутренников» множеством предпочтений, черт и черточек, которые отнюдь не случайны, вовсе не хаотичны, но закономерны и взаимосвязаны.

Вожди познаются по своим последователям — но отнюдь не по философским убеждениям.

«Внешники» — это те, которые заставляют и которых заставляют — силой *внешних* органов, или *принуждают* хотя бы *угрозой* побоев и смерти. При сталинском социализме человека, пожелавшего жить на собственные, честно заработанные сбережения, не работая, ожидали репрессии *извне* — тюрьма и конфискация имущества, сопровождаемые избиениями. И люди шли и работали: «внешники» с одним чувством, а «внутренники» — с другим. «Внутренник» работал с отвращением, а вот «внешник» — со специфическим чувством удовольствия, подобно тому известному роду женщин, который, перефразируя известное изречение, «без кнута, как без пряника».

«Внутренники» не заставляют и не угрожают — они впииваются в нутро людей рекламой и *идеологией*, внушая, что жизнь тем полнокровнее, чем большим числом ненужных для души предметов они будут обладать. А иссушающая душу однообразная работа на конвейере (по принципу разделения труда, вместо разнообразной и потому творческой работы, скажем, на земле) и есть шанс жить полноценно. И человек идет и исполняет ненужную *ему* работу — со своеобразной радостью. Карьера, дающая увеличение дохода, но извращающая все остальные стороны жизни, обожествляется. Карьера же достигается только подхалимством, «успехами» в подсознательном отождествлении даже не с начальником, а со сверхвождем. «Внешнику» все эти «ценности» чужды, и он при вожде-«внутреннике» несчастен.

Во «внешнике» эксплуатируется трусость и страх — следствие нарушения предками прежде всего заповеди «не убий».

Во «внутреннике» — жадность, следствие нарушения предками прежде всего заповедей «не пожелай» и «не кради».

Разумеется, большинство населения — «болото», они становятся «внешниками», если пришел вождь-«внешник», и «внутренниками», если вождь или сверхвождь — «внутренник». Принадлежность к «болоту», «внешникам» и «внутренникам» выявляется только при смене сверхвождя — «болото» из стана в стан (из невроза в невроз) переходит без надрыва. Их равнодоступность любого рода вождям объясняется не способностью приспособливаться, а **равнопреступностью**. О «болоте» для упрощения в этой книге упоминается мало — поскольку оба подробно рассмотренные исторические среза — 1812 и 1941 годы — взяты из эпох сверхвождей.

Вот и вся разница между исполнителями двух типов стай. Если не считать того, что *внутренническая стая в большей степени подражает угадывание воли вождя помимо словесных приказов субкомандиров*: жулик вообще более тонкий подхалим (психолог), чем солдафон. Если для «внешника» идеал — стройные ряды, то Наполеон уже выдвигал лозунг, чтобы его солдат, классика зомбированности, действовал якобы *самостоятельно* — и ассоциативно-эстетическое предпочтение Наполеона не случайно.

«Внешников» можно уподобить бандитам, а «внутренников» — мошенникам-торговцам. Мошенники, заморочив голову (*идеологи!*), обманом собирают сверхприбыли со многих, а бандиты грабят отдельных сборщиков. И то, и другое занятие — отнюдь не созидание; в нечестии мошенники и бандиты *едины*. Однако напиваются они только в своих компаниях — и не смешиваются; да и, в глубине души друг друга презирают. Даже в милиции бандитами и мошенниками занимаются разные отделы, что естественно: несовпадающая психология, *типажи* разные — отсюда и разные приемы следственной и розыскной работы.

Как это ни парадоксально с обыденной точки зрения (но совершенно закономерно с точки зрения *теории стай*), но мошенники и бандиты, несмотря на взаимную ненависть, друг в друге *нуждаются*, поэтому, воюя друг против друга и нередко убивая, полностью противника не уничтожают.

Выгода мелких бандитов на поверхности — им нужны места, где денег можно взять сразу много; да и для носителей комплекса неполноценности нужен объект для презрения — есть, дескать, и похуже меня.

Однако *и мошенникам* бандиты нужны как воздух, и не только для того, чтобы нанять их устранить конкурентов или подвергающих

сомнению нужность их товара. Какими бы мошенники ни были мастерами мороченья головы (*идеологами*), в страхе держать потребителей они не в состоянии. А страх необходим: напуганный *исполнитель* становится более гипнабелен, реагирует на рекламу и активизируется как *потребитель*. Он начинает скупать ненужные для души предметы, для чего с утра до ночи работает по дегенератизирующему душу принципу конвейерного разделения труда — со своеобразной радостью *от предвкушения*.

Бандитам крупным, взявшим власть в государстве, нужны *идеологи* (писатели, адвокаты, поэты, кинорежиссеры и т. п.), назначение которых так заморочить головы подданным, чтобы они нисколько не сомневались в истинности внушения, что повиновение вождям во всех и всяческих ситуациях (вплоть до эстетических предпочтений) — дело вселенской значимости.

Итак, мы обнаруживаем **сосуществование** «внутренников» и «внешников», и даже **взаимозависимость** двух ныне наблюдаемых форм стайности. Таким образом, реальная *историческая* стая никогда не состоит только из «внешников» или только из «внутренников» — другое дело, что «внешническая» стая избыток «внутренников» уничтожает (вспомним Сталина); а «внутренническая» «внешников» стравливает, и они уничтожают друг друга сами.

Каждый народ вообще есть смесь «внутренников», «внешников», «болота», *неугодников*, курьеров — но в разных пропорциях. У некоторых народов доля «внешников» или «внутренников» настолько выше, чем у других народов, что этноним становится именем нарицательным. Ярко «внешнические» народы суть: спартанцы, римляне времен расцвета Империи, немцы до Второй мировой войны. Ярко «внутреннические» — американцы, древние карфагеняне, современные евреи. *Неугоднические* — древний Израиль; после исхода из него *неугодников* эстафету последовательно приняли, как минимум, еще два народа, о них — в свое время.

«Внутренники» — понятие более корректное, чем «идеологи», «мошенники», «обманщики», «карфагеняне», «евреи» и «торгаши». Их нельзя назвать «торговцами» — ведь они выбирают и иные профессии, скажем, врачей, писателей, «ученых» или адвокатов. Их нельзя назвать и «карфагенянами» — ведь минуло уже два тысячелетия, как торговый Карфаген был разрушен и жители его поголовно проданы в рабство, а освободившись в потомках, сменили этническое самоназвание. Нельзя назвать и евреями — понятие это многосмысловое, и требуется всякий раз уточнять о какой эпохе и территории идет речь: евреи Иудеи I века не похожи на современных, те и другие — на первоапостольские общины. «Идеологи» — тоже не адекватно: не всякий мошенник образован. «Внутренники» — это психологи, если

угодно; в конце концов, не случайно, что профессиональные психологи сами стайны, друг на друга скандально похожи, работают над искоренением *индивидуальных* неврозов при оставлении родовых, потому и наука их строится на концепции суверенитизма элементов толпы.

Так же и «внешники» — понятие, наиболее корректное из всех возможных.

Единство «внешников» и «внутренников» *диалектично*. Как при страстной любви, они притягиваются, но между ними вибрирует поле великой ненависти. Вообще говоря, это поле присутствует в стае всегда, в том числе и среди представителей одного «братства». Если говорить о «внешниках», то подручные Гитлера ненавидели один другого (они избегали друг друга даже при прогулках в Нюрнбергской тюрьме), хотя их объединяла однотипная преданность фюреру. У «внутренников» это тоньше и называется «здоровая конкуренция».

Итак, **мир** (повсюду: начиная от любого населенного пункта и кончая всей планетой) — **трехцентровый**:

- мошенник-торговец-идеолог = «внутренник»,
- бандит-солдафон = «внешник»,
- созидатель-*неугодник*.

История человечества становится понятной только при рассмотрении противостояний этих трех несмешивающихся категорий — противостояние становится отчетливым только когда выявляются *планетарные центры* «внутренничества», «внешничества» и *неугодничества*.

Разумеется, не всякий крестьянин или зарабатывающий ремеслом — созидатель-*неугодник*; чаще это обыкновенный *исполнитель, жухлый некрофил, которому внушено умереть не сразу*. Естественно, границы между занятиями «внешников» и «внутренников» тоже размыты: «бандит» сызмальства может быть посажен в лавку обвешивать, от прирожденного мошенника он отличается тем, что будет поглядывать в окно лавки и думать, что *умные люди* днем спят, а ночью грабят. Конечно, он может вздыхать всю жизнь, если обезображен травмой, но если нет — то скоро он окажется или в банде, или в правительстве (если население «внешническое»). Также и промышленяющие бандитизмом бывают разные: «внутренник» в душе, поднакопив, откроет лавочку.

Иными словами, все время идет эволюция занятий каждого индивида — в сторону своего центра. Чаще всего по принципу «сын наследует отцу».

Идет и территориальное расслоение: сначала Божьи люди собрались в еврейском народе в Иудее, потом из него вышли. Подобно

и профессиональные дружинники древности — за смертью старого князя следовал переход в дружину, прежде враждебную.

Не профессии отличают людей — их меняют; не запись о национальной принадлежности — характер народа меняется при истреблении определенной его части или при активном валабиянстве самок стай с соседними народами; не эпоха — время идет, а ничего не меняется, разве что месторасположение центров; а отличает людей принадлежность к «внутренникам», «внешникам» и *неугодникам*. Только идентифицируя социальную общность по этому принципу, можно разобраться в смысле исторического процесса, в который каждый из нас вовлечен.

Многие странности истории (как толкования событий) становятся естественны.

Не соображениями выгоды руководствуются индивиды в своих поступках, не логикой, а интересами сверхвождя стай; общий враг «внешников» и «внутренников» — *неугодники*. *Неугодники* же — люди особенные. И постигаются они рельефней всего, как уже было сказано, через сверхвождя.

Глава восьмая

НАПОЛЕОН КАК МАМЕНЬКИН СЫНОК

(Психоаналитический подход)

Житие Наполеона — как «Апокалипсис» святого Иоанна: все чувствуют, что там скрывается что-то еще, но никто не знает, что именно.

Иоганн Вольфганг фон Гете

Прежде чем перейти к *подробному* психоанализу обстоятельств детства Наполеона, рассмотрим его жизнь в целом — в основных узловых ее событиях и эмоциональных пристрастиях (эстетических предпочтениях).

Итак, Наполеон Бонапарт, первый император Франции, как известно:

- был предречен различными провидцами за сотни лет до своего рождения, а Нострадамусом прямо назван Антихристом последнего времени;
- был человеком, уродливым во многих отношениях:
 - а) был аномально (для мужчины) низкоросл — 151 см;
 - б) пенис его был аномально маленьким — даже для человека такого роста;

- в) у него отсутствовали вторичные половые признаки, характерные для мужчин (отсутствовало оволосение тела, волосы на голове поражали шелковистостью, у него были женские пропорции тела: узкая грудь, широкий таз и т. д., что говорит о недостатке у него мужских гормонов);
 - был уроженцем острова Корсика (территории, некогда подвластной античной торговой республике Карфаген, которая контролировала всю тогдашнюю ойкумену, а затем перешедшей под власть растущей Римской империи; в Новое время Корсика подчинена Франции), *ненавидел французов и Францию* с детства; перед тем, как послать толпы французов на смерть, говорил, что их *любит*;
 - был со школьной скамьи обожаем женщинами (вплоть до того, например, что в годы учебы в военном училище для мальчиков, куда он был помещен по достижении 8 лет, его содержала одна помещица);
 - был *духовным* властелином мира (его обожали многие даже в России и даже после 1812 года);
 - был владельцем всей западной Европы, части Африки и Азии;
 - был великим военачальником;
 - любил ездить по полям сражений, усеянным трупами, и ими (трупами) любоваться;
 - во время преисполненной «странностями» военной кампании в России всего за несколько месяцев потерял убитыми, замерзшими, плененными и съеденными собственными однополчанами величайшую из всех до того существовавших армий — около 615 тысяч человек разных национальностей;
 - после бегства из России почти трехлетняя агония его власти сопровождалась потоками крови;
 - проигрывая стратегически, оставался непобедим тактически — и после 1812 года наслаждался целым рядом блистательных побед над превосходящими силами коалиции европейских монархов;
 - последние шесть лет жизни жил в ссылке на острове Святой Елены, в нескольких тысячах километров от Европы, под охраной целой армии, окруженный полусотней фанатов, добровольно следовавших за ним;
 - скончался в страшных мучениях, длившихся несколько лет;
 - кавалер высшей награды православной Российской империи — ордена Андрея Первозванного (1807), мусульманин (принял ислам во время похода в Египет — 1797); современный ему папа римский его одобрял.
- Существующие многочисленные биографии Наполеона — а он даже в сухой научной литературе не только самой Франции, но и других стран (за исключением России) единодушно признан ярчайшей

личностью не только своей эпохи, но и всего, как минимум, XIX столетия — поражают обилием неразгаданных тайн и нелогичностью построенных авторами причинно-следственных связей окружавших Наполеона удивительнейших событий.

Несуразности и странности свидетельствуют только об одном: до сих пор не понят смысл происходившего.

А смысл есть.

Императоры (диктаторы, вожди) вообще постигаются один через другого.

Иными словами, они типичны.

Почему этот закон подобия незыблем, разберем чуть позже — в рамках общей *теории стаи*, но это, действительно, так.

Как и следует ожидать, при сравнении семей детства Гитлера (XX век) и Наполеона (XVIII–XIX века) практически все достойные внимания психоаналитика обстоятельства биологического рождения и особенности психологической атмосферы, в которой росли два наиболее обожаемые толпами диктатора, совпадают.

Обе матери были весьма и весьма набожны — естественно, только в государственном понимании религиозности (скажем, родовые схватки у матери Наполеона начались, когда она на коленях молилась в одном из католических храмов). Обе, как следствие, были авторитарны до жестокости.

Каждый человек постигается через судьбы окружающих его людей — супруга, детей, друзей, если о таковых можно найти достаточно подробные сведения. Хотя эти две «набожные» женщины говорили на разных языках, оба их супруга на свете не зажились и умерли достаточно быстро. Неидентичность проявляется в том, что отец Наполеона скончался несколько раньше номинального отца Гитлера, всего в 39 лет, как до сих пор многие веруют, — от рака.

У матери Гитлера муж жил недолго, из пятерых детей умерло двое (т. е. 40%; двое других братьев Гитлера хоть и не умерли, но были клиническими идиотами; это, согласно психокатарсическому подходу, свидетельствует о сильной «любви» матери-некрофилки к своим детям). У матери Наполеона муж также умер рано, из тринадцати детей умерло пятеро (т. е. 39%; оставшиеся в живых братья Наполеона хотя и не были идиотами клиническими — мать их не «любила» так же сильно, как мать Гитлера — своих детей, — однако и они были не без заметных психических отклонений — впоследствии они стали или королями каких-либо государств или хотя бы герцогами, а сестры — герцогинями и королевами).

Как уже говорилось, любимец истеричных женщин Наполеон, естественно, обладал, как было вымерено при посмертном осмотре,

аномально маленьким пенисом, у него отсутствовали и вторичные мужские половые признаки, что также свидетельствует о недостатке мужских гормонов: тело было женских пропорций, оволосение его отсутствовало, жировые отложения по типу женских, шелковистые волосы; но и рост его — 151 сантиметр — характерен, скорее, для женщины. Небезынтересно также и то, что все братья Наполеона были одного типа — *рохли*; все сестры тоже походили одна на другую — были, мягко выражаясь, авантюристками, распутницами (признак анальности), накопительны и предприимчивы. Наполеон — так мужчина он или женщина?! — *по характеру* на четверых своих братьев похож не был, но в точности повторял своих сестер.

Вот так. Как на подбор — все: и рост, и размер гениталий, и отсутствие вторичных половых признаков и даже тип психики. Но чтобы считаться полноценной женщиной, у Наполеона не хватало соответствующего органа, отсутствие которого все известные истории великие военачальники (Ганнибал, Александр Македонский, Сципион Младший, Гитлер и т. д.) компенсировали известным способом. Имитировал его наличие и Наполеон. Начал, как известно, еще в юном возрасте со старшим братом Иосифом.

Как и все в семье Бонапартов (не только сам Наполеон, но и его братья-рохли и сестры-авантюристки) целью своей жизни ставили *карьеру*, ради чего не гнушались поступаться любыми нравственными принципами, в частности, не останавливались перед совершением подлога — уголовно наказуемого преступления. Люсьен (впоследствии имперский принц) воспользовался метрическим свидетельством Наполеона для получения места в комиссариатском департаменте, а Иосиф (впоследствии король Испании) — другими бумагами Наполеона, дабы выдать себя за полковника национальной гвардии и получить хорошее место.

Вообще тотальная лживость была семейной чертой Бонапартов. Сам Наполеон и вовсе был лжив патологически. Это очень важное наблюдение — впрочем, известное — освобождает нас от традиционного пути многих и многих авторов, которые строили жизнеописания Бонапарта ***преимущественно на основании высказываний и текстов самого Наполеона***; этот путь может завести только в одну сторону — противоположную от истины (подобно тому, как этот путь завел далеко от истины тех *идеологов*, что судили о нравственности Софьи Андреевны, жены Толстого, по ее *самооценкам*). ***Если слова Наполеона и могут быть как-то использованы, то только как доказательство его лживости, а еще — для выявления тем, для властелина эмоционально значимых.***

О внутреннем же мире всякого любимца женщин можно судить по необычному поведению оказавшихся с ним рядом гипнабельных

индивидов. О самоотпелении на Немане польских драгун на глазах у обожаемого ими Наполеона лучше всего почитать у Льва Николаевича; о «странностях» поведения колонии (стаи) заключенных на о. Св. Елены — идеальнейший объект для исследования! — расскажем чуть позже.

Матери диктаторов были вполне типичны, — иначе о них сохранилась бы память, — обыкновенные, что называется, матери почтенных семейств. Некоторое их различие можно вывести из несовпадения типов женщин, которых выбирали себе Гитлер и Наполеон. Наполеон предпочитал тот же тип, что и Сталин — шлюх (если говорить о Наполеоне, то в начале пути это была скандально известная Жозефина Богарне, а у смертного одра на о. Св. Елены — Альбина де Монтолон), то есть дам, которые своими половыми органами худо-бедно, но все-таки пользовались. О Жозефине Богарне, изменившей Наполеону в день его отправления в армию, известно, похоже, всем, а Альбина де Монтолон уже к тридцати годам была в третьем браке; и на о. Св. Елены, когда не ведающие о размерах половых органов Наполеона считали ее любовницей великого изгнанника, родила третьего ребенка. Не Ева, согласитесь, Браун, которая после гинекологической операции была, мягко выражаясь, не женщиной. И не прочие любимицы Гитлера — патологические девственницы, трансвестистки и т. п.

Отец Гитлера (Алоис Гитлер-Шикльгрубер) и отец Наполеона (Шарль Бонапарте) так же однотипны: во-первых, выбрали себе таких жен, рядом с которыми не зажились; во-вторых, не нашли в себе сил сбежать. Оба отца вполне естественно для себя совмещались с чиновничьей иерархией — ни работу, ни саму иерархию не воспринимали с омерзением. Оба — и отец Гитлера, и отец Наполеона, по отзывам, были недалекими (читай, не обладали критическим мышлением), словом, — классические *исполнители*. Оба в семьях были пассивными. Оба пили.

Отец Наполеона, Шарль Бонапарте (Буонапарте), по ступеням карьеры забрался чуть выше отца Гитлера. Сначала карьеру делал на том, что был националистом и даже стал адъютантом самого генерала Паоли, лидера сепаратистов, а потом патрона предал и за то, что перешел на сторону Франции, был даже избран депутатом в Париж от верховного совета острова Корсики.

У сыновей есть свойство воспроизводить путь отцов несколько быстрее, — что Наполеон и сделал. Сначала он написал националистический труд об истории Корсики; после того, как был высмеян за мифологичность подхода, перешел на службу Франции.

Оба мерзавца-диктатора, Гитлер и Наполеон, были маменькиными сыновьями. То, что набожная мать Наполеона «любила» более дру-

гих именно своего коротышку-сына со впалой грудью, торжественно сообщается всеми его биографами.

Да, любила она его страстно. Это проявлялось среди прочего в том, что часто Наполеон, спровоцировав драки (став императором, сам в этом признавался) со своим старшим братом и наябедничав на него матери, успешно сваливал на него вину, за что Иосифа и наказывали — жестоко. Сомнительно, чтобы нашлась мать настолько тупая, что не могла бы разобраться, кто был зачинщиком драки, следовательно, набожная в государственном смысле мать Наполеона *наслаждалась извращением истины*.

После смерти отца главой семьи стал не старший Иосиф и не один из младших братьев, но Наполеон. Уже из одного этого очевидно, кто в семье был маменькиным сынком.

И в юношеский период у Наполеона с Гитлером тоже было много общего.

Оба они были заводилами в детских играх.

Гитлер, рожденный на территории Австрии, был, как и Наполеон, националистом, то есть считал, что немцы — избраннейший народ, который перед ним, Гитлером, **виноват** — как он рационализировал — в аморфности, в результате которой, несмотря на личное участие рядового, а затем ефрейтора Гитлера, Первую мировую войну немцы проиграли. Гитлер немцев за это *ненавидел*, и в конце Второй мировой войны с утроенной энергией пытался уничтожить, уже не скрывая, что немцы существовать вообще недостойны.

Корсиканец Наполеон тоже ненавидел тех, кто его боготворил, ненавидел яростно, с восьми лет. В биографической литературе считается, что это происходило отчасти потому, что французы захватили его родину, а отчасти потому, что его соученики-французы дразнили его итальяшкой (путая его национальность, опять-таки унижали его родину) и всячески третировали, порой жестоко, как это бывает в военных школах для мальчиков.

Но есть и еще одно соображение. Если сообщения о гомосексуальных контактах Наполеона со старшим братом Иосифом (в которых, в силу старшинства Иосифа и анатомических особенностей Наполеона, Иосиф не мог играть никакой иной роли, кроме активной, а Наполеон, соответственно, — пассивной; также и половое созревание у Иосифа наступило раньше) верны, то у ребят из военной школы были основания над ним издеваться. И еще — они ходили мыться, видимо, вместе...

Сообщение о гомосексуальности достоверно не только физиологически, но прежде всего психологически. А еще и исторически: достаточно вспомнить некоторые странности его взаимоотношений с Альбиной де Монтолон (об этом коротко чуть позже).

Естественно, оба — и Гитлер, и Наполеон — увлекались восточной философией и вписывающейся в эту философию практикой: Гитлер — оккультизмом под руководством своего кузена, а впоследствии и самостоятельно, а Наполеон, чтобы пополнить свои познания в области оккультных наук, даже завоевал Египет.

Короче говоря, оба величайших вожака Европы, **считавших себя величайшими революционерами**, один XIX века, а другой — XX-го, были похожи, но не идентичны. Все-таки, не Гитлера предрекли антихристом, а Наполеона — и на то были серьезнейшие основания: Гитлер был «внешником», а Наполеон — «внутренником»; но об этом в свое время.

Похожи два вождя были, прежде всего, в том, что их обожали миллионы, десятки миллионов элементов публики, любили их даже до смерти. В особенности женщины. Формы, естественно, менялись: если Гитлеру вагонами присылали вышитые подушечки с недвусмысленными предложениями и бросались под колеса его автомобиля, чтобы при ранении привлечь интерес к своему покалеченному телу, то во времена Наполеона, когда автомобилей не было, женщины выстраивались в очередь в его приемной. Якобы к *мужчине*.

Естественно, и Наполеон, как и Гитлер **оказывал влияние на эротическое поведение не только женщин, но и мужчин**.

И вообще и Гитлер, и Наполеон считались и считаются личностями не просто наиболее полно самовыразившимися, но личностями свободными, независимыми ни от чего, подвластными только *своей свободной воле*. Якобы, именно из свободы воли и надчеловечности и следуют все их поступки.

Ошибались насчет мужественности (принадлежности к мужчинам), может ошибаются и насчет свободы воли?

Глава девятая

СВЕРХВОЖДЬ ГАННИБАЛ, «ПОЧЕМУ-ТО» ПРОИГРАВШИЙ ФАБИУ. «КОМПЛЕКС ГАННИБАЛА» У НАПОЛЕОНА

Сравнивая жизнеописания Ганнибала и Наполеона, невозможно не прийти к выводу, что Наполеон *отождествлял* себя с Ганнибалом! Это, естественно, не было переселением души (хотя Наполеон в это веровал); и это не было его *осознанным* выбором. Происходило отождествление **невольно**, подсознательно, невротически, что следует из того, что изведен Наполеон был в точности тем же самым способом,

что и Ганнибал, *чего не произошло бы, обладай Наполеон свободой воли.*

Прийти к выводу о том, что **Наполеон воспроизводил своей жизнью характерные детали жизни именно Ганнибала, и притом невольно**, можно как минимум тремя различными путями.

Во-первых, можно систематизировать соответствующие высказывания Наполеона о самом Ганнибале. Путь для исследования трудный, потому что из речей патологического лгуна надо тщательно отбирать те немногие слова, что обращены были к следующим собеседникам:

- в мнении которых он не был заинтересован;
- кому в порыве самоуничтожения он мог соврать меньше прочих;
- от кого он в мазохистской фазе, как маменькин сынок, был зависим.

Таких людей немного. На острове Святой Елены таким человеком была, прежде всего, Альбина де Монтолон (о, о ней мы чуть позже еще расскажем!) — то, что сейчас называют *строгая*. И действительно, мы узнаем, что перед ней, демонстрирующей полное отсутствие интереса к войне вообще, а к стратегии и тактике военных действий в частности, перечисляя лучших полководцев всех времен и народов, Наполеон *первым* назвал именно Ганнибала. Сам себя он тоже считал первым, следовательно...

Другой метод — психологический. Он намного более надежен.

Все люди грешат тем, что примеряют к себе того ли иного персонажа всемирной истории. (Для отождествления — «*могу ли и я быть столь же велик?*» — достаточно немногого — совпадения имени, даты рождения, национальности или физиологической аномальности. Таковой, скажем, как рост.) Примеряют многие, но не у всех подобная примерка приводит к полному разрушению личности.

С кем мог отождествить себя Наполеон, которого с восьми лет отдали в военную школу? И которому еще ребенком удавалось побеждать в противостояниях — подобно великим военачальникам? (Наполеон в драках использовал *любой* подвернувшийся под руку предмет — поэтому незнакомые с закономерностями психоэнергетического воздействия одного человека на другого ошибочно полагают, что именно этот беспредел и заставлял его соучеников сдаваться.)

Очевидно, что готовившийся по воле родителей к военной карьере мальчик не мог отождествлять себя ни с ученым, ни с поэтом, а только — совершенно верно! — с великим военачальником!

Только с которым?

Список величайших полководцев мировой истории, среди которых ярчайшие — (1) Александр Македонский, (2) Пирр, (3) Ганнибал, — составлен давным-давно, заострен даже порядок расположе-

ния имен. Поскольку критическим мышлением Наполеон не обладал (даже ко времени написания им истории Корсики, над чем вдосталь поиздевались прочитавшие рукопись историки), то пересмотреть этот список Наполеону было попросту не по уму (скажем, добавить в этот список Фабия, победителя Ганнибала); отсюда очевидно: максимум на что Наполеон был способен, — это *расставить завоевателей в нетрадиционном порядке*, тем проявив свое эмоциональное отношение — следовательно, и скрываемое отождествление.

Итак, кто? Александр Македонский? Пирр? Ганнибал?

Из признания Альбине де Монтолон мы знаем, что Наполеон выбрал Ганнибала — и к этому можно прийти еще и логическим путем!

Александр Македонский был, конечно, великий полководец, но он был, во-первых, «всего лишь» македонянин, почти что грек и вовсе не корсиканец, а во-вторых, *набирал свое войско среди соплеменников* — примеру его уроженец малолюдного острова, населения которого не доставало для мировых завоеваний, последовать не мог. И третье: хотя гомосексуальность Александра Македонского известна, но в этих парах он, в отличие от «девочки»-Наполеона, играл роль «мальчика».

Пирр — само собой, тоже традиционный «нетрадиционный» — опять-таки был грек, войско тоже набирал среди соплеменников.

А вот Ганнибал от Александра и Пирра отличался: был «девочкой» и воевал силами исключительно чужих народов, *войско набирал преимущественно из населения континента, который хотел завоевать*.

Итак, что должен был чувствовать Наполеон, который восьмилетним ребенком оказался среди ненавистного ему народа, ребенком, родиной которого была Корсика — остров, хотя и известный своими бандитами, но при арифметическом подходе к жизни для завоевания мира ничтожный?

Ни Пирром, ни Александром Наполеон быть *не мог*. Кроме того, склонным к бандитизму примитивным корсиканцам слава греков как образованнейшего в человеческой истории народа должна была претить и вызывать отторжение, хотя к тому времени от былой образованности у греков ничего уже не сохранилось. Даже цвет лица потемнел.

Таким образом, уже по одним только приведенным соображениям отпадали и Александр, и Пирр, а оставался один — Ганнибал.

Но и это еще не все!

Корсика в древности входила в состав Карфагенского государства, соответственно, если все население и не было карфагенянами (карфагеняне в Африке люди пришлые, сюда они бежали из знаменитого островного Тира, финикийского города, которому библейские пророки посылали обильные проклятия за царящие в нем алчность и непотребство — см. Ис. 23, Иез. 26:2–15, Ам. 1:9–10; карфагеняне,

собственно, — *тиряне*), то во всяком случае потомки карфагенян составляли на острове расу господ. Чиновников продажного типа в том числе. Сын наследует отцу, в том числе наследует и род занятий, поэтому поскольку сам Наполеон был из семьи чиновника, то он невольно должен был заподозрить в себе карфагенскую кровь. Да, принадлежность к чиновничьему классу — это очень серьезный аргумент, но можно обойтись и без него. В конце концов, ведь причисляют же себя знакомые с историей русские поэты к иноязычным скифам, даже не славянам, в стародавние времена населявшим всего только южные окраины той территории, что потом стала Российской империей? Скифы — древнейший из известных на территории Российской империи народов; точно так же древнейший известный на Корсике народ — видимо, карфагеняне.

Таким образом, одного только места рождения и социального положения номинального отца Наполеона также достаточно, чтобы догадаться, что Наполеон отождествлял себя именно с Ганнибалом. Сознательно, правда, считая себя его реинкарнацией — потому что, хотя Наполеон и получал благодарности от римских пап за поддержку католицизма, хотя в период завоевания Египта и принял ислам (чего он там себе обрезал?), тем не менее был адептом восточных верований, которые основываются на вере в переселение душ (тиряне, Восток — все сходится). Гитлер, как вы помните, считал себя реинкарнацией императора-гомосексуалиста Тиберия, а чем Наполеон — такой же, как и Гитлер, вождь — хуже?

Карфагенянин, сын чиновника — но и это еще не все!

Ганнибал покинул родину девятилетним ребенком и приступил к военной службе на враждебной территории, на родину же вернулся нескоро — лишь спустя 36 лет. Но и Наполеон *тоже* покинул родину ребенком и примерно в том же возрасте и *тоже* оказался на территории врагов — на том же континенте. Совпадения обстоятельств начала пути еще ничто по сравнению с теми потрясающими совпадениями, которые выявляются при ближайшем рассмотрении (начал военную карьеру, как и Ганнибал, в Испании, пересек Альпы по тому же ущелью, что и Ганнибал, идентичная динамика войн в Италии, и т. д., и т. п.). Для наших целей достаточно показать, что Наполеон, в обязательное образование которого входили труды Тита Ливия (а, возможно, и Корнелия Непота, Аппиана, Полибия — все они с упоеанием писали о Ганнибаловых войнах), просто не мог не удивиться столь многим совпадениям (Ганнибал тоже был маленького роста) обстоятельств начала собственной жизни с обстоятельствами жизни Ганнибала.

И наконец, третий путь, наиболее верный — «эротический». Наполеон из-за своего сантиметрового «достоинства» и отсутствия муж-

ских гормонов, при неестественном для нормального человека стремлении к власти (со всеми следствиями — вплоть до интимных подробностей, — что это стремление сопровождают), отождествлять себя *не мог* ни с Пирром, ни с Александром, а только с Ганнибалом. Родственная душа узнается интуитивно, поэтому даже пропустив упоминание о возрасте, в котором Ганнибал оставил родину, или росте, и ничего не зная об истории своей Корсики, Наполеон должен был проникнуться к Ганнибалу симпатией, как к родственной душе.

Подобно тому, как все дороги ведут в Рим, так и всякое рассмотрение жизни Наполеона ведет к Ганнибалу. Остается только удивляться тому, что тысячи писавших о Наполеоне авторов этой его идентичности с Ганнибалом не заметили¹.

...Я приступаю к описанию самой замечательной из войн всех времен — войны карфагенян под начальством Ганнибала с римским народом.

Тит Ливий, I в. н. э., спустя почти три века после завершения войны

Для более полного постижения Наполеона расскажем биографию Ганнибала — предельно коротко, совмещая ее со *странностями* течения войны — впрочем, с точки зрения *теории стаи*, вполне закономерных...

Евангелие от Матфея начинается, как написано, с «родословия Иисуса Христа... Сына Авраамова» (Мф. 1:1): «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его» (Мф. 1:2).

Родословие Ганнибала у Тита Ливия почти такое же — только наоборот! — и подчеркивает иного рода исключительность величайшего военачальника древности. Суть этого родословия такова: Гамилькара (отец Ганнибала) *имел* Газдрубала (зять Гамилькара и, соответственно, шурина Ганнибала); а Газдрубал *имел* Ганнибала. Так и хочется

¹ К слову сказать, автор об этой идентичности догадался *всего лишь по одной, первой попавшейся ему детали: Наполеон, как и Ганнибал, набирал свою армию исключительно из инородцев, а отнюдь не из своих соплеменников*. Кроме того, трудно было не споткнуться о некоторые поразительнейшие странности в войне Наполеона против России в 1812 году. Деяния этой войны своей красотой потрясают и сами по себе, но когда осознаешь, что они есть улучшенное воспроизведение происшедшего в древности, и это улучшение есть свидетельство о приближении события, подготавливаемого тысячелетиями, о котором речь еще впереди, то душа попросту начинает петь.

довести фразу до совершенства: Гамилькар *имел* Газдрубала, Газдрубал *имел* Ганнибала и братьев его.

Насчет младшего брата Ганнибала Газдрубала Барки есть некоторая неясность. В доступных источниках нет указаний на то, что Газдрубал-зять *имел* Газдрубала-брата, однако событие это достаточно вероятное; во-первых, потому, что Газдрубала-брата точно так же посвящали в таинства подчинения и унижения одного человека другим и показывали, как конкретно *исполнители* получают от подчинения удовольствие («*Что может быть счастливеей национал-социалистического собрания?!*» — А. Гитлер), а во-вторых, просто потому, что Газдрубал-брат к этой занятой семейке профессиональных властителей принадлежал по крови.

Ганнибал, античный символ раскованности (Наполеон — аналогичный символ, только нового времени), человек, которого не мог остановить ни карфагенский, ни римский сенат, человек, которого долгое время не могла победить ни одна армия, — как выясняется при внимательном чтении античных текстов, **в своих вкусах был не самостоятелен**. Один из слоев родовых эстетических предпочтений ему инициировали в раннем детстве при запоминающихся обстоятельствах: отец Ганнибала с него, еще девятилетнего, рядом с жертвенником во время госрелигиозного обряда взял клятву, что он, сын, никогда с римлянами не замирится и будет их ненавидеть (этому внушению Ганнибал остался предан до смерти, до идиотизма). Еще один слой — от юношества: было замечено, что *Ганнибал до мелочей подражал Газдрубалу-зятю*, как это и бывает обыкновенно среди страстно «влюбленных». Когда же Газдрубала, некогда любимца солдат, наконец, зарезали на глазах у войска за нечестие, то тут же единодушно вожаком был избран «почему-то» тоже полюбившийся солдатам Ганнибал.

Итак, жизненный путь Ганнибала: в девять лет он оставляет Карфаген и переправляется в Испанию, где после обучения таинствам власти из первых, если можно так выразиться, рук, после смерти любовника получает над войском власть и в кратчайшие сроки завершает завоевание Испании. Далее — поход к Италии, знаменитый переход через Альпы, когда половина доверившихся ему солдат погибла; затем четырнадцатилетнее безнаказанное хозяйничанье в Италии. Рима он, к удивлению потомков, не взял, вернее, — не стал брать. Выгнать Ганнибала из Италии не получалось, поэтому через четырнадцать лет его из Италии выманили. Римляне переправились через Средиземное море, осадили Карфаген, справедливо рассудив, что Ганнибал ринется на защиту имущества своих родственников. Парадоксально, но на родине Ганнибал побеждать так же, как это ему удавалось на чужбине, не мог, и «великий полководец», впервые растеряв

войско, бежал на Восток. Там он еще долго интриговал с врагами Рима, но одним из союзников был принужден под угрозой выдачи Риму принять яд.

Перечислять успешные битвы Ганнибала в Испании сейчас необходимости нет — об этом лучше почитать у античных историков (Тита Ливия, Полибия), — достаточно сказать, что побед было множество. Несколько хуже дела обстояли с осадями городов: если город не удавалось захватить и разграбить с налета, то через какое-то время защищающиеся жители освобождались от неясного дурмана и вполне сносно могли защищаться даже при рухнувших городских стенах (как это происходило, скажем, в Сагунде и Заканфе — своеобразных аналогах Бородина и Брестской крепости; кстати, аналогичная закономерность обнаруживается и в противостоянии гитлеровцев русским: немцы или побеждали с налета, или вообще не побеждали). При упорстве обороняющихся Ганнибал их просто давил массой тел аборигенов из близлежащих областей, в большом числе *добровольно* присоединившихся к его войскам.

Этот необъяснимый с точки зрения дарвинщины энтузиазм (аборигены гибли, ровным счетом ничего не приобретая ни для себя, ни для своего народа) античные и современные историки объясняют глупейшим образом — к Ганнибалу присоединялись якобы по причине *великодушия* Ганнибала (описан, например, случай, когда он отпустил очень красивых пленников-молодоженов, дав им приданое: миллионную часть от награбленного в захваченном городе). Это «великодушие» — *на удивление античным историкам, но естественно для психоаналитиков* — совмещалось с болезненной жестокостью. (Нашему веку Сталин всей своей жизнью показал, что для того, чтобы покоренные народы обожали и боготворили своего палача, вовсе не обязательно милостыня, достаточно по отношению к ним одной жестокости. «Великодушием» Сталин, как и всякий садо-мазохист, тоже страдал, только «оттягивался» он в «великодушии» не на советских народах, а на зарубежных, щедрой рукой раздавая вождям коммунистических партий грандиозные суммы денег, вырученные от продаж произведений искусства.) Так что не в «великодушии» дело — достаточно того, что Ганнибал был жесток и *хотел (галлюцинировал)*, чтобы к нему *шли добровольцы*. Акты «великодушия» — лишь материал для деструктурирования сознания будущих жертв заснеженных ущелий Альп.

Испания через какое-то время стала для Ганнибала слишком тесна, и он, совершив за пятнадцать дней хрестоматийный переход через Альпы, спустился на равнины Италии.

Последовал ряд ураганных разгромов римских легионов, которые, казалось бы, должны были быть воодушевлены, защищая родные оча-

ги. Все эти разгромы производились по одной и той же схеме (как и все последующие в течение всех 14 лет пребывания на территории древней Италии). Ганнибал с точностью заведенного раз и навсегда механизма действовал так:

— сначала имитировал отступление, провоцируя преследование; и римские войска — иной раз наперекор воле своего военачальника, но чаще с его одобрения — кидались в погоню;

— *вдруг* из кустов, оврагов или из-за единственного в данной местности холма показывался небольшой (!) засадный отряд;

— римлян охватывал ужас, они переставали соображать окончательно, и — все разом обнаружив в себе голос, подсказывающий, что надо, бросив оружие, бежать! бежать! бежать! — велению «сердца» противиться не могли, ряды расстраивались — и начиналась страшная резня.

После очередного разгрома римляне набирали новое войско, им Ганнибал подставлял отряд мародеров как солдат никчемных, легко заменяемых и потому не имеющих ценности, римляне, без труда его разогнав, начинали чувствовать в себе желание преследовать уже все войско Ганнибала, этому чувству не противились, но вдруг появлялся *небольшой* засадный отряд, все отдавались другому чувству — панике, — и опять под мечами ганнибаловцев оказывались незащищаемые спины и головы бегущих.

Такое истребление мужского населения Рима продолжалось до тех пор, пока не был назначен диктатором (понятие военное: так назывался единоличный правитель-консул вместо обычных *двух*, обязанных власть между собой делить) сроком на год непопулярный в толпе (публике) Квинт Фабий Максим или попросту Фабий.

И вот этот самый Фабий повел себя на поле боя *странно*.

Результатом этой странности было то, что Ганнибал — непобедимый Ганнибал! — Фабия зауважал и, пожалуй, испугался. А вот недорезанные жители Рима (отважные, как они о себе думали, что, по их понятиям, доказывалось тем, что они всегда были готовы броситься за отступающим врагом), Фабия презирали еще больше.

Что же сделал Фабий *эдакого*?

Он со своими легионами подходил вплотную к лагерю Ганнибала, но не нападал, а разбивал лагерь, возводил насыпь, устраивал ворота — и так далее по уставу. В провоцируемые генеральные сражения не вступал — разве что давал своим легионерам размяться в ловле мародеров и, преодолев туман в голове, ощутить кровь врагов на своих мечах. Словом, *выжидал*, но не в удобном, казалось бы, положении, то есть вдалеке от Ганнибала, а *расположившись как можно ближе к лагерю оккупантов*. Просто ждал, — а победоносное войско Ганнибала почему-то хирело.

Только по выбору места для лагеря минимально мыслящий человек мог догадаться, что Фабий был отнюдь не трус, а его победа — результат если не логического знания *теории стаи*, то хотя бы *ощущения* истинных закономерностей жизни невозрожденных людей.

Но римский народ Фабия, естественно, не понял. На Фабия, не устраивавшего истерических передвижений войск, даже когда Ганнибал на его глазах демонстративно разорял поля союзников Рима, разлились не только солдаты, которые рвались преследовать врага, но и сенат, и народ Рима, обзывая по сути победителя Ганнибала в худшем случае трусом, а в лучшем, презрительно, — *Кунктатором* (Медлителем). Собиравшаяся в толпы публика требовала от Фабия того же, чего от него хотел и Ганнибал — генерального сражения.

Главным противником Фабия стал его начальник конницы, любимец толпы Марк Муниций. Тит Ливий пишет о нем так: «Был он [начальник конницы] человеком неистовым, скорым на решения, необузданным на язык; сначала в небольшом кругу, а потом открыто в толпе стал бранить Фабия, который будто бы не медлителен, а ленив, не осторожен, а трус; истолковывая доблести диктатора как пороки, он унижал высшего и превозносил себя — гнусное искусство, доставившее многим блестящий успех и потому процветающее» (*Тит Ливий*, XXII, 12:12). Впавшие в восторг воины, приближая свою бессмысленную гибель, помогли Марку Муницию добиться уравнивания власти с Фабием. Далее Муниций потребовал, чтобы командование было *посменным*, то есть в определенные дни власть над всеми легионами принадлежала только ему, Марку Муницию, и он был бы вправе начать генеральное сражение. Однако на это Фабий не согласился. В конце концов войска были разделены таким образом, что первый и четвертый легионы отошли под командование Муниция, а второй и третий — Фабия.

Стоит ли говорить, что Ганнибал, выведывавший обо всем, что происходило в римском лагере через лазутчиков и перебежчиков, радовался происходящему как ребенок!

И любимец толпы Муниций не обманул его ожиданий. Он, забрав подчиненную ему половину войска, оставил общий, защищенный рвом и валом лагерь, отвел подчиненные ему легионы на несколько стадий, организовал собственный лагерь (однако, в пределах видимости Фабия) и построил легионеров в боевой порядок. Иными словами, не прошло и суток, как Муниций подставил свои легионы под небывалое избиение.

Резня и преследование двух подчиненных Муницию легионов продолжалась до тех пор, пока из своего лагеря в полном порядке не выступил Фабий. И тут Ганнибал, у которого с арифметической точ-

ки зрения сил было более чем достаточно, чтобы добить и Фабиевы легионы, испугался и отступил.

То ли искренне, то ли заботясь о своем «лице», спасенный Фабием Муниций в содеянном каялся рьяно, на коленях перед всеми превознося Фабия — и даже назвал его отцом.

Исчерпан был инцидент, но не искоренен принцип.

В Риме (почему-то не в войске) было множество муниципиев, и один из них — Варрон, сын мясника. Видимо на основании того, что он досконально разбирался в расчленении туш домашних животных, Варрон легко убедил римскую толпу, что может разгромить Ганнибала в один миг. Чернь его, как и Муниция, боготворила, и во время перевыборов (Фабий в тот год, по истечении срока консульства, переизбран не был и, соответственно, лишился полномочий командующего) Варрон, несмотря на свое низкое происхождение, не позволявшее получить высокую должность консула (во время войны оба консула были военачальниками — над своим, в разных концах Римской республики, войском), должность эту все-таки получил. Добровольцы, настроенные, как они о себе думали, *патриотически*, бросились записываться в войско Варрона.

Вскоре Варрон вместе со вторым консулом Луцием Павлом в сопровождении вновь набранных легионов ринулся навстречу Ганнибалу. Варрон требовал сражения — и немедленного; Павел же, во всем стараясь подражать Фабию — жаль, что лишь только подражать, — противился. Однако Павел был недостаточно последователен, *теорию стаи* не понимал, и разделил не *легионы* (как Фабий), а *дни управления* всем войском.

Стоит ли говорить, что в первый же день, когда командование принял на себя Варрон, не прошло и шести часов, как римляне были перерезаны — и в невиданно большом числе?!

Ганнибал победил все тем же стандартно-штампованным приемом: подставил, отступил, фланговый удар, резня разбегающихся.

(Кстати сказать, хотя Варрон с поля боя бежал, но народом был награжден, а вот второй консул Павел стоял насмерть, был несколько раз ранен, но одобрения толпы не заслужил.)

Эта была та самая знаменитейшая битва (резня) при Каннах, которая в веках стала именем нарицательным, — когда говорят не просто о поражении, а о *разгроме*, то вспоминают Канны. Во время этой резни римляне потеряли такое количество убитыми и пленными, что не только оставшимся в живых легионерам, но и населению Рима показалось, что государство погибло, город на пороге разрушения, настал конец всему.

Битва при Каннах — величайшее из бедствий за всю многовековую историю римского государства. Фабия-Кунктатора вновь призва-

ли к власти, а затем и тех, кто худо-бедно следовал его линии. Линии Фабия придерживались более десяти лет, во время которых стареющий Ганнибал с переменным успехом властвовал на юге Италии, пока не вышел из юношеского возраста известный своей жестокостью Сципион Старший (который, напав на Карфаген, тем выманил Ганнибала из Италии в Африку, где его и разгромил)...

Таким образом, у нас уже вполне достаточно данных, чтобы осознать, что в стратегии (долговременном масштабном планировании), по большому счету, возможны только две линии поведения противников:

- линия Ганнибала,
- линия Фабия.

Понятия стратегии и тактики нередко путают, поэтому значение этих терминов уточним.

Тактика — это когда война или сражение *уже начались*, когда решают, который из участков обороны противника надо прорывать, который из легионов или танковых батальонов должен это делать, сколько манипул или минометных батарей оставляют в резерве; когда решают, на котором из флангов — правом или левом — нужно устроить отвлекающую и дезориентирующую противника демонстрацию военной активности.

Стратегия же есть решение гораздо более масштабных вопросов — это когда решают *стоит ли вообще* давать решительные сражения, не лучше ли отступить и измотать наступающих партизанской войной или вообще заключить в случае нападения какое-нибудь, пусть даже «похабное», мирное соглашение.

Итак, мы утверждаем, что **линий стратегического поведения всего лишь две — наступательная или оборонительная**. Как будет показано позднее, предельный случай ганнибаловской линии — это действия Наполеона в России, а фабиевской (кунктаторской) — ... Нет, о *такой красоте* так сразу говорить было бы опрометчиво.

Осваивать скрытые (и скрываемые) закономерности взаимоотношений людей выгодно в обстоятельствах, когда срываются многие маски, то есть через рассмотрение «странностей» великих — и именно великих! — войн. Начинать приходится со сражений древности — древние предпочтительнее современных, потому что только некоторым войнам повезло и они нашли своего Гомера, Полибия или Толстого — и *ожили*. Современные (XX века) войны хотя и происходили в действительности, в чем можно убедиться, обозревая обширнейшие пространства кладбищ, но как бы не существуют — для нас; в войне самое ценное — возможность ее *осмысления*, а тем самым и **самопознания**. Без этого снижается способность к высвобождению из-под управляющих нами галлюцинаций вожakov. Люди гуманитарно хоро-

шо образованные вполне отчетливо высказываются, что, несмотря на книжное изобилие прошедших десятилетий (о Второй мировой войне написаны тысячи, если не десятки тысяч книг, отягощенных многими подробностями), настоящей *Книги* о Второй мировой войне еще не написано. Бытующие концепции не объясняют многих странностей и явно скудоумны. И это чувствуется.

При размышлении над картинами сражений, написанных пером великих писателей, обогащаешься самым главным — обобщением. Скажем, читая о ганнибаловских сражениях (Тит Ливий, Полибий), невозможно не заметить, что они всегда протекают по простейшим схемам, настолько простым, что для их *тактической* организации достаточно интеллектуальных способностей *любого* центуриона (майора). Такие центурионы есть в любом войске, следовательно, победа одного войска над другим определяется отнюдь не способностью к логическому мышлению. Действительно, **одно и то же войско (численно, по составу, по вооружению) под предводительством одного военачальника побеждает (Фабий, молодой Ганнибал), а под командованием другого — проигрывает (Муниций, Варрон, состарившийся Ганнибал).**

Иными словами, **успех в генеральном (!) сражении великих (!) войн определяется личностью военачальника.**

Что в великих военачальниках самое главное? Умение рубить мечом? Или навскидку стрелять из автоматической винтовки? Нет. Сила аналитического мышления? Нисколько. Более того, замечено, что нередко победоносные военачальники во время начавшегося сражения никаких *тактических* распоряжений и не отдают (Кутузов при Бородине молчал; вербальные распоряжения Наполеона безнадежно запаздывали). **Великие сражения управляются не словом.**

Когда встречаются *две равных* по силе некрополя стаи, — то здесь, действительно, значение имеет и опыт, и вооружение, и сумма выплачиваемого солдатам жалования, и их численность, и *тактические* расчеты военачальников — в такого типа войнах свои закономерности.

Но раз в столетие или даже реже приходит *великий военачальник — сверхвождь*.

И тогда вступают в силу закономерности *великих войн*. Любящие похвастаться вожди (типа Варрона, сына мясника) побеждают умы своего народа, и легко — некоторых противников, но стоит им оказаться перед сверхвождем... И вот они уже бегут, спотыкаясь о брошенное оружие, — лучшее, заметьте, оружие, чем у победителей. Бегут от численно меньшего противника — и как бегут!

Так было с врагами Александра Македонского и с врагами Пирра; так же было с врагами Ганнибала, Наполеона и Гитлера. Все *великие* военачальники побеждали отнюдь не числом, да и не умением

тоже. Ганнибал побеждал численно превосходящего противника, Наполеон — тоже. Но стоило великому военачальнику оставить свое войско, как оно позорно проигрывало даже численно меньшему противнику. (Скажем, можно вспомнить ту же Итальянскую армию, оборванную и дезорганизованную до появления в ней Наполеона, при нем — абсолютно победоносную, а после отъезда Наполеона шутя разогнанную отрядом Суворова, ничтожным по сравнению с Итальянской армией.)

Итак, мы приходим к тому единственному внутренне непротиворечивому объяснению всех наблюдаемых во всех великих сражениях *странностей*. **Важнейший фактор великих войн — сила (и направленность) некрополя сверхвождя.**

Сверхвождь *хочет* — и вооруженная толпа бросается вперед; у противника же опускаются держащие оружие руки.

Сверхвождь *представляет* — и противоборствующему военачальнику как будто отшибает память вместе с военным опытом и всякое соображение, и он в третий раз подряд оказывается послушно пойман в однотипную ловушку.

Сверхвождь *галлюцинирует* — и противник толпами сдается в плен. *Хочет* — и на, пожалуйста.

В стае все определяется не оружием и не типом замка ящика, в котором заперт банан, но тем, *чего* хочет вожак.

Но — великий парадокс существования великого некрофила (великого военачальника, сверхвождя): стоит ему только представить, что бежит *его* войско — и оно побежит!

Стоит ему только дрогнуть, испугаться, представить что-нибудь в кустах страшное, *эдакое*, и вот его собственное войско панически бежит, увлекая за собой плоть своего мечтателя.

Это тем более возможно, что **все сверхвожди одержимы** приступами паранойи — безосновательной манией преследования, им временами мерещится черт знает что за каждой шторой.

Иными словами, непобедимого сверхвождя победить можно — надо только знать как. Надо быть противоположного ему психического склада, нестайного, *неугоднического*, быть независимым от некрополя.

Паранойя — самое слабое место сверхвождя.

Есть, разумеется, и физически уязвимые места (Пирру заехали черепицей по шее). Замечено, что если определяющий (и именно определяющий!) ход сражения военачальник *случайно* поражен (камнем, стрелой, пулей, черепицей) и теряет сознание, то картина сражения может резко измениться. Его побеждавшие было по всем пунктам войска обращаются в бегство (см. всемирную историю, примеров множество). Казалось бы, все на месте — клинков меньше не стало, расположение войск осталось выигранным, вербального управления

как не было, так и нет, и в этом отношении с гибелью сверхвождя мало что меняется — но всё бежит.

И наконец, еще один ослабляющий вождя фактор — биологическая старость. Начитанный в античных авторах Наполеон говорил, что «для побед есть свой возраст»; это было известно и в прежние века. С возрастом не все становятся глупее, а вот опыт увеличивается — способствующий, казалось бы, победам фактор. Но только в рамках стихийной дарвинщины. В рамках же *теории стаи* совершенно закономерно, что способность сверхвождя побеждать силой одного только воображения с возрастом сначала возрастает, проходит через максимум и затем падает, нередко обвально. Это можно было наблюдать в жизни всех сверхвождей, во всяком случае тех, кто не погибал насильственной смертью: Ганнибала, Наполеона, Гитлера. А вот Александру Македонскому горечь поражений испытать не пришлось — он умер с перепоею в 32 года. Есть основания полагать (уж больно сведущим был у него учитель — сам Аристотель!), что Александр свою смерть спровоцировал. Что, в самом деле, его как некрофила ожидало в будущем? Максимум вождизма пройден, впереди только унижительные и «необъяснимые» поражения...

Возвращаемся к двум типам стратегии и случаям их применения. Итак, народился очередной великий полководец, толпа в восторге, несопротивляющиеся легионы противника разбегаются, лишь только заметив собирающие в кустах хворост вспомогательные отряды завоевателя, и какая бы ни была концентрация войск, как бы обильны ни были жертвоприношения идолам — все одно: *вдруг* все охвачено паникой и желанием бежать — и все бежит, начинается страшная резня бегущих, пленные исчисляются десятками тысяч.

Стратегия побеждающего сверхвождя (труполоба) может быть только одна — наступательное движение, *навязывание генерального сражения* (это важно: чем больше скопление людей, тем полнее отключается критическое мышление *у всех*, тем послушнее и свои, и чужие тем образам, которые в данный момент мерещатся сверхвождю).

Побеждающий некрофил не в силах стремиться ни к чему иному, как только к блицкригу («молниеносная война». — Нем.). Он торопится, — что понятно. Время приближает максимум военачальнической славы, и промедление чревато закатом карьеры. Время после прохождения максимума у нападающего работает на обороняющихся, поэтому чем дольше им удастся его протянуть, уклоняясь от многолюдного сражения, тем полнее подчинение собственному вождю (если он не *неугодник*, то есть вообще не вождь).

Тянуть время было в особенности важно в случае с Ганнибалом, который убыли войскам не знал (в отличие от Александра, Пирра,

Наполеона и Гитлера) — к нему стекались гипнабельные добровольцы из покоренных народов. Победить такого, как Ганнибал, можно было только терпением, одним только терпением. Для достижения победы достаточно всего-навсего сохранять свое войско, тренировать его на психическую устойчивость, двигаться с противником параллельным курсом. Что и делал не понявший толпой и легионерами Фабий (а спустя две тысячи лет — Кутузов). А Ганнибал понял (скорее, почувствовал) — и испугался.

Что примечательно в *теории стаи* — **одно только это параллельное движение непременно должно привести к рассеиванию войска сверхвождя!** Во все времена (в особенности *до* русско-японской войны 1904 года) потери от болезней во время военных кампаний превышали потери от ран. А близость к сверхвождю, некрофилу, умножает болезни и отягощает их течение (см. в кн.: «КАТАРСИС»). На о. Св. Елены вокруг даже полуживого от ядов Наполеона люди болели не в пример больше, чем солдаты удаленной, не приближавшейся к бывшему императору английской охраны. Но если в столицах мира придворные имеют возможность уехать в загородный дом и там прийти в себя, то в военном лагере (и без того скопление дышащих убийством людей — место нездоровое) деться от сверхнекрофила некуда, отсюда и болезни, от которых войско истаивает.

Одной близости сверхвождя достаточно, чтобы со временем истаяло его собственное войско (в чужой стране, в виду лагеря противника, вождь из военного лагеря не отлучается). Но мало того! Мудрый Фабий задействовал и еще один фактор!

Он расположил свой лагерь как можно ближе к лагерю Ганнибала! Подробно парадоксальный механизм того, почему в результате такого маневра ускоряется уничтожение стаи завоевателей, будет рассмотрен в главе о крысах «Грызня элементов стаи крыс: единственная причина — присутствие чужого». А если коротко и упрощенно, то: *сила некрополя у его носителей возрастает при виде чужих, и это некрополе убивает прежде всего тех, кто ближе находится к его источнику.*

Таким образом, для обороняющихся от сверхвождя, для победы над ним, выгодно не только тянуть время, не только, не вступая в сражения, двигаться параллельным курсом, но и организовывать свой лагерь как можно ближе к захватчику. Что Фабий-Кунктатор и делал.

Итак, Ганнибалу противостояли два типа полководцев: одни подобные Варрону и начальнику конницы Марку Муницию, другие подобные Фабию и отчасти Луцию Павлу. От первых народ Рима тащился — а толпа никогда не ошибается где и с кем кайф больше! — спасителей же родины уничижали и давали презрительные клички типа «Кунктатор». Ганнибал тоже не ошибался, только наоборот: он

всякий раз радовался, когда узнавал, что во вражеское войско прибыл очередной любимец толпы. Последующее было делом техники: оставалось каким-либо простеньким приемом вовлечь любимца в восторг — и далее по расписанию...

О, Ганнибал был великим знатоком гипноза и понимал, что одурь восторга одурью и остается, как бы ее ни называли: восторгом победы, религиозным восторгом или как-нибудь еще. В частности, древние историки — а о Ганнибале писали, наверное, все — отмечают *странный случай*, который произошел немедленно после того, как Ганнибал перешел Альпы. Он собрал войско, приказал вывести плененных альпийских горцев, кинул им под ноги оружие и предложил между собой сразиться. Тому, кто зарубит своего единоплеменника, он обещал в подарок коня и, видимо, свободу. Горцы дружно, как один, ринулись к оружию, и началась взаимная резня. Естественно, во время такого рода состязаний зрители, даже если им неизвестны обе команды, все равно эмоционально оказываются вовлечены, — чаще всего на стороне побеждающего. Побеждающая сторона победила и в тот раз, перепачкавшись в крови своих братьев, — чем вызвала *восторг победы* у ганнибалова войска *исполнителей*. Ганнибал приказал прекратить резню и *немедленно* сделал своему войску очередное внушение об их непобедимости, и напротив, ничтожности и трусости римлян. После чего послал получивших внушение в бой. Победа ганнибаловцев была полной: лучше вооруженные и хорошо отдохнувшие римляне позорно бежали, что неудивительно, поскольку о том, что римляне вот-вот побегут, галлюцинировал не только сам Ганнибал, но и каждый из его воинов.

Ту же операцию по гипнотическому введению в «восторг победы» Ганнибал проделывал не только со своими воинами, но и, в сущности, с «любимцами Рима», Варроном и Муницием, подставляя им для затравки мелкие отряды вспомогательных войск, которые римляне к своему полному восторгу и изрубали в лапшу. Чтобы потом изумиться тому, что они, столь победоносные, ни с того ни с сего тут же обратились в позорнейшее бегство.

В *великой войне* побеждает психолог масс. В тактическом смысле — *сверхвождь*, а в стратегическом, напротив, — *кунктатор*.

Приведенный случай с взаимной резней горцев интересен не только изощренностью психотехники самого Ганнибала, но и невежеством даже наиболее образованной части римской интеллигенции. В частности, многие историки не могли взять в толк, зачем это Ганнибал произносил речь, разве что не взобравшись на кучу трупов убитых друг друга альпийских горцев. Более того, многие античные истори-

ки считали, что эта театрализованная резня все равно что спектакль; актерство же (низкая профессия) полководца унижает, делает ничтожным. А поскольку столь великий народ как римляне, рассуждали римские историки, ничтожеством побежден быть не мог, то и самой резни — не было. *Не могло быть, потому что не могло быть никогда*.

Но она была. Поэтому многие и многие историки (в частности, Тит Ливий к возмущению его комментаторов) ее подредактировали в соответствии с постулатами стихийной дарвинщины (исходящей из того, что раз вождь *действует на благо*, то он — *хороший*) следующим образом: дескать, была резня, Ганнибал ее остановил, *а уж только потом, повременив*, собрал сходку.

К счастью, нашлись исследователи, которые обратили внимание на подлог, описали его, описали сеанс подготовки к гипнотическому внушению ганнибаловцев. И этим дали возможность нам, потомкам, нащупать пути к объяснению сегодняшних наших неурядиц...

Да, конечно, особенности начала поразительных завоеваний Ганнибала мы рассматривали не ради него самого, но в связи со сверхвождем Наполеоном и его разгромом в России (далее можно понять суть и современных нам событий).

Ведь, в сущности, в России в 1812 году все повторилось почти в точности: был свой начальник конницы Муниций, был свой Варрон, обожаемый народом и истеричными женщинами, был свой Фабий и свой Луций Павел, которых высмеивали в войске, в народе и при дворе, а самое главное, была все та же толпа и искажающие действительность недоумки-историки.

Именно то, что **Наполеон невротически воспроизводил Ганнибала**, в самый ответственный момент поступая неадекватно, во многом и определило ход кампании 1812 года.

Глава десятая

ГРАФ РОСТОПЧИН – ДВЕ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Во времена Фабия толпа обожала таких, как Варрон. Сверхвождь Ганнибал также радовался приезду в армию этого субвождя.

Изменилось ли что-нибудь ко времени Отечественной войны 1812-го — ведь с тех пор прошло две тысячи лет?

Исчезли одни цивилизации, появились новые, но забыты и они, многобожие сменилось единобожием, и толпа стала носителем новых внушений...

Изменилось ли хоть что-нибудь?

Наполеон был одержим стремлением к власти над миром и потому неплохо чувствовал скверных людей. Он и назвал графа Ростопчина, знаменитого московского градоначальника, «негодяем».

Сразу и не поймешь — похвала это или осуждение?

В самом деле, царствовавший над Россией Александр I Благословенный Ростопчина очень ценил: до 1801 года Ростопчин занимал пост министра иностранных дел (одно из первых лиц государства!), в мае 1812 года (то есть еще до начала нашествия Наполеона) был назначен генерал-губернатором Москвы. В этой должности Ростопчин продолжал оставаться *вплоть до 1814 года*, из чего следует, что царь Александр I сердцем чувствовал, что граф Ростопчин Федор Васильевич — *то, что надо, подходящий*. Простая публика Ростопчина не просто любила, но обожала. Словом, пока Ростопчин властвовать *мог*, все были — за.

Противоположного, то есть невысокого, вернее, самого низкого мнения о графе Ростопчине был Лев Николаевич Толстой — по нравственным соображениям.

Естественно, что графа Ростопчина ругали и другие, те же чиновники — но только после снятия с должности; вообще всех низложенных вождей ругают — в угоду новым, дабы этих новых, оттенив, возвысить; подхалимство называется.

Но как бы то ни было, в вину Ростопчину ставили только то, что он из доверенного ему в управление города не произвел эвакуацию ценностей, в частности, не вывезено было с Монетного двора золото и серебро в слитках, мешки с медными деньгами, — и деньги эти пошли на усиление боеспособности армии Наполеона. Не вывезен был также и арсенал, **одних только пушек оставлено было более 150**, то есть *свой оружейный парк Наполеон, благодаря Ростопчину, увеличил примерно на четверть!* Странно однако то, что об утраченных ценностях ныне нет-нет, да и вспоминают, а вот об оставленных 22,5 тысячах русских, раненных в Бородинском сражении и при пожаре Москвы большей частью сгоревших, — почти нет. А ведь, в сущности, вина за их смерть во многом лежит на Ростопчине, графе, любимце Александра I и толпы.

Лев Николаевич, раскрывая гнусность характера Ростопчина, описал его с той же точки зрения, что и Наполеона: **он показал сноровистость, с которой Ростопчин управлял толпой**. И делал это Ростопчин столь же безнравственно, что и любимец европейских народов труполоб Наполеон или отцеубийца и извращенец Александр I Благословенный.

События, столь гениально описанные Толстым в «Войне и мире», вкратце следующие.

С начала нашествия Наполеона русские войска, и по численности, и в подлости уступавшие нападавшим, ведут арьергардные бои, в которых Наполеон *всегда* убивает больше русских, чем те наполеоновцев. Генералы (преимущественно нерусские — это, как мы впоследствии увидим, важная деталь) требуют генерального сражения; Барклай де Толли, хоть и не русский, но поступает мудро и от генерального сражения уклоняется, тянет время, дает Наполеону увязнуть в просторах России, растянуть коммуникации, потерять часть войска больными, а также убитыми одиночными партизанами. Недовольны Барклаем де Толли царь, генералы-немцы и Ростопчин. Александр I смещает Барклая де Толли и с омерзением, но под ликование солдат-рекрутов (не путать с публикой! среди рекрутов был высок процент *неугодников!* — об этом ниже) назначает Кутузова. Кутузов продолжает политику Барклая — кунктаторствует достаточно грамотно. Так все докатывается до Бородина, где от войска Наполеона остается всего пятая часть, а у русских появляется даже некоторое — ничтожное — численное превосходство. Но — Бородинское поле остается за Наполеоном, потери русских опять-таки значительнее, чем у Наполеона, и Москва регулярными войсками оставляется.

Всегда ненавидевший Кутузова (по причине противоположности душ) граф Ростопчин, подобно Варрону, призывает население Москву не оставлять, а всем миром в едином порыве выйти навстречу армии Наполеона и во славу Родины умереть — всем. Ростопчин учил, что безоружным горожанам, если они соберутся в большую-большую толпу, не составит труда «закидать шапками» супостата Наполеона, победившего все отборные войска всех государей Европы. Сам Ростопчин, пока Наполеон был далеко, обещал встать во главе ополчения и лично повести всех вперед и т. д. и т. п. ... Публика от восторга рыдала. Ростопчину верили и его боготворили. Многие из Москвы уезжали, но самые преданные Ростопчину (и принципу вождизма!) оставались. Кутузова, решившего не давать еще одного столь желаемого Наполеоном генерального сражения и ради спасения Родины решившего Москву оставить, поносили; а Ростопчина превозносили и призывали вести их на бой — на бой кровавый, святой и правый (ну чем не древний Рим?).

Однако, когда после Бородинского сражения остатки русских войск прошли мимо Москвы, а стоявшие в городе войска начали его покидать, Ростопчин сноровисто вывез близких ему лиц и попытался вывезти в карете и собственную драгоценную персону. Но оставшийся в Москве народ — все источники называют его *сбродом* — явился ко крыльцу графа с требованием исполнить свое клятвенное обещание и лично вести на бой за святую Русь и т. п. Стало ясно, что сплотившаяся толпа попытается силой воспрепятствовать Ростопчину спастись из сдаваемой столицы.

И тут Ростопчин приказывает привести Верещагина, купеческого сына (конкретное историческое лицо, Лев Толстой даже имени его в романе не изменил). Сброд вообще купцов не любит, но не из возвышенных нравственных соображений, а потому что сами — другие, а еще *из зависти* к их богатствам.

Но Верещагин был гораздо «хуже», чем просто купеческий сын — он был образован и даже знал иностранные языки. В силу одних только этих двух возбуждающих зависть и злобу обстоятельств у Верещагина было достаточно оснований читать в глазах сгрудившегося сброда смертный себе приговор.

Но зависть — лишь *причина*; для кровавой же расправы над безоружным необходим *повод*. Его подал вождь — Ростопчин. Он прокричал в толпу, что перед ней стоит автор перевода наполеоновского памфлета о свободе, а следовательно, «изменник, из-за которого гибнет Москва и Россия». И призвал: «Бейте его!» Толпа все равно медлила, и тогда Ростопчин приказал охранявшему его особу драгуну рубить юношу палашом...

И толпа как с цепи сорвалась...

Еще агонизирующее тело Верещагина привязали за ноги к лошадиному хвосту, и духовно близкая Ростопчину толпа, глумясь и ругаясь, бежала за страшной волочащейся ношей по улицам. Вдоволь со смехом покуражившись, толпа, наконец, перекинула остатки того, что еще недавно было человеком, через ограду небольшой церкви (какие набожные!) позади Кузнецкого моста, где труп впоследствии и был захоронен.

Граф же уселся в экипаж, поданный к заднему крыльцу, и, выехав из города, присоединился к заблаговременно вывезенным из города близким.

Для Толстого в этом событии, видимо, было много познавательного, раскрывающего смысл происходящего во вселенной — и этим необходимым для осмысления жизни богатством он, не посчитавшись со временем, и поделился с близкими ему по духу. Действительно, в ритуале убийства Верещагина и предательском бегстве Ростопчина раскрывалась истинная сущность души государственного во всех смыслах человека на службе царствующего немецкого (подробнее о немцах — в свое время) дома Романовых. Одобряемый царем Ростопчин — как-никак один из первых в этой иерархии лиц.

Единство толпы и Ростопчина — для Толстого объект исследования психологии *исполнителей*, которые во главе с императором Александром I всей стаей противостояли Кутузову (линии Фабия; а в более широком смысле — *неугодничеству*). **Объективно Ростопчин способствовал победе Наполеона и поражению России.** Городской сброд (обыватели, купцы и т. п.) в *глазах Толстого народом не был, во*

всяком случае не сущностью русского народа (для Толстого сущность всего — *неугодничество*; но об этом в главе о психологических особенностях рекрутов). Боготворивший Ростопчина сброд был лишь грязной пеной на теле русского народа.

(Это вполне согласуется с *теорией стаи*, хотя взгляды молодого Толстого грешили упрощениями. Он порой путал форму с содержанием — молодой Толстой полагал, что обыватели дрянь, *потому что городские* [возможно, в *те времена* именно так оно и было — в городах в основном жили представители власти и угодничающая перед ними прислуга]; крестьянский же люд, в представлении молодого Толстого, был, в противоположность правителям, беспорочен. На самом же деле, дрянью они были не потому, что *городские*, а потому, что в города собиралась всякая чернь, угодничавшая перед помещичье-чиновничьей иерархией во главе с немецким царем.

Но как *художник* Толстой почти безупречен. Его образы позволяют охватить феномены значительно более объемные, чем те, которые доступны логически-понятийному мышлению, ограниченному небеспредельным числом понятий.)

Граф Ростопчин бессознательно (но вполне закономерно — иначе быть успешным чиновником и любимцем толпы он не смог бы) **отстаивал ту стратегию войны, которая выигрышна только для великих полководцев.** Ростопчин требовал, чтобы Наполеону давались решительные генеральные сражения до последнего русского солдата (точнее — русского рекрута). Такая стратегия была гибельна для России, ведь в противостоянии сверхвождю она неизбежно во все века вела к поражению. Объективно Ростопчин выполнял то, чего *желал* от него Наполеон — и это не ограничивалось требованиями генеральных сражений, но вело к выдаче 150 пушек, 40 тысяч ружей и гибели 22,5 тысяч раненых русских рекрутов (офицеры были в основном вывезены) и авторитаризации мышления мещан. Все эти действия были не рядом ошибок, но закономерным следствием того, что субвождь Ростопчин составлял со сверхвождем Наполеоном психоэнергетическое целое.

Таким образом, подобно Варрону, сыну мясника, граф, борясь за генеральные сражения и справляясь с толпой, вполне себя разоблачил как авторитарного министра (угодника), умеющего *угадывать желания* монарха-субвождя и исполнять их.

Преуспевший в иерархии чиновник («негодяй» — в терминологии Наполеона) обучился преуспевать, как ему казалось, *в жизни*, а на самом деле только в иерархии. Это дается только через психоэнергетическое подчинение *желаниям* главного на данной территории вождя — *любого*.

Ростопчин потому и требовал генеральных сражений, что того желал главный вождь Европы, к тому же находившийся к нему ближе, чем

государь император (Александр I, спасибо ему, отсиживался в Санкт-Петербурге).

В таком случае становится понятно, почему у Ростопчина были *такие* желания и почему он Верещагина обвинил именно в предательстве. Это естественно: **обвиняют очень часто в собственных преступлениях**. Как и всякий предатель Ростопчин подсознательно знал, что настоящий предатель — он сам. (Все *они* действуют по одной схеме — Сталин тоже спустя 130 лет часто приговаривал к смерти людей за преступления, которые совершали не приговоренные, а он сам, Сталин. — См. в кн.: «КАТАРСИС», гл. «Отец народов». Это доказано исторически.)

Чтобы окончательно удостовериться в том, что Ростопчин в подавляющем большинстве своих поступков был марионеткой *желаний* Наполеона, можно рассмотреть и другие «странные» действия Ростопчина при оставлении Москвы.

Он оставил золото и серебро — стратегический материал, вывезти который или хотя бы утопить в илистой Москве-реке больших усилий не требовалось. Это было так просто: лишить Наполеона того, с помощью чего он освобождал от последних сомнений вливавшихся в Великую армию *исполнителей*. Однако ж не утопил. Это не случайно, потому что известно из воспоминаний приспешников Наполеона — корсиканец **представлял себе Москву как азиатскую столицу, просто переполненную золотом**.

Более того, **Наполеон привык пополнять свой арсенал в любом побежденном им городе**, в особенности столицах, и, нисколько не сомневаясь, *видел* в Москве необходимое ему оружие. И оно ему было предоставлено — московский арсенал даже не подожгли, прекрасно зная, что такое бездействие достойно расстрела.

Последнее «деяние» Ростопчина, градоначальника до 1814 года, пожалуй, самое рельефное. Он, «забывая» сделать множество важнейших распоряжений, способствующих оборонной мощи России, **почему-то приказал разбить бочки с вином и водкой, и, как ни торопился сбегать, лично следил за тем, чтобы все было разлит по улицам города**.

Деталь потрясающая!

Ее одной достаточно, чтобы, на нее оперевшись, разобраться в скрытом смысле *странных* событий 1812 года!!

Спрашивается, **с какой целью** уничтожали *традиционно грандиозные* запасы русской водки? *Это же оружие, направленное против любого, кто ее выпьет?!*

В интересах уничтожения войск Наполеона, русские должны были стремиться, чтобы все эти запасы водки достались врагу. Началось бы обычное в таких случаях повальное пьянство, в результате

которого спьяну начинается стрельба по живым мишеням, а в условиях оставленного населением города — французов по немцам (более четверти армии Наполеона составляли немцы), а немцев по французам, а тех и других по полякам. В домах, отапливаемых печами, пьяные часто сгорают или хотя бы угорают — насмерть. Пьяные теряют и портят оружие. Они легче заболевают — спать спьяну на осенней земле занятие не очень полезное для здоровья. Чаше тонут (Москва-река с притоками к их услугам, рядом). Они иногда тонут и в бочках с вином. Они становятся более гипнабельны и ослабевают не только от химического разложения мозга, но и от увеличивающейся чувствительности к психоэнергетическим травмам от самого главного своего вождя и от прислуживающих ему некрофилов помельче.

И от всего этого наполеоновцев уберег не кто-нибудь, а Ростопчин, граф, экс-министр, генерал-губернатор, обладатель многих наград («за заслуги перед царем и Отечеством») и, как говорится во всех энциклопедиях, в деле защиты отечества сделавший много... и т. п.

Может быть, граф Ростопчин заботился о здоровье остающегося населения? Нет, разумеется. Во-первых, те гипнабельные, которые остались в Москве, увидев текущие по улицам водочные реки, падали на землю и пили, пили, пили...

Во-вторых, если бы бочки с вином и водкой не были разбиты, то для той ничтожной части оставшегося в Москве населения преимущественно преступников и имбецилов (ожидавший на Поклонной горе ключей от города Наполеон так назвал тех менее других сопротивлявшихся торгашей, которых к нему, собрав, пригнали-таки под видом депутации, в переводе с французского это — идиоты), вина вполне хватало в подвалах брошенных дворцов. Надо сказать, его досталось немало и французам, некоторое время наслаждавшимся отборными слабыми винами из графских и княжеских погребов. Но лучше бы (для русских *неугодников*) они, наполеоновцы, пили водку — ведрами. И наполеоновцев за месяц стояния в Москве погибло 30 тысяч, хотя могло бы погибнуть и больше. (Для сравнения: на Бородинском поле французов погибло менее 40 тысяч.) И так, для оставшихся обывателей отравы заведомо вполне хватало — следовательно, уничтожение московских грандиозных запасов водки **защищало** армию Наполеона! (Кстати сказать, Гитлер, который при вступлении советских войск в Германию, приказав взрывать все и вся, включая необходимый мирному населению водопровод, позаботился о том, чтобы в целостности и сохранности оставались спиртовые заводы и, соответственно, запасы алкоголя тоже.)

Наполеон был опытным полководцем, и знал, что главный враг биологическому существованию его многоязычного войска это он

сам — и водка. Разумеется, Наполеон никакой депеши с просьбой уничтожить запасы казенной водки Ростопчину не посылал. Нет нужды — Наполеон был не так себе император, а великий сверхвождь. Просто, как в таких случаях бывает, Ростопчин вдруг стал *знать*, что уничтожить химическое оружие необходимо. Просто — *надо*. Почему — он мог не понимать, хотя рационализации могли быть любой степени сложности. Это для *стороннего* наблюдателя очевидно — потому что того *желал* Наполеон.

Осмысление *странностей* 1812 года с позиций *теории стаи* объясняет многое, если не все.

Становится понятным, почему на уничтожение золота времени не нашлось, почему не успели заклепать орудия, а вот на уничтожение водки — времени хватило. Становится понятно, почему именно Ростопчин и многие ему подобные требовали от Кутузова генерального сражения. Почему Ростопчин с Кутузовым не сходилась и прежде Бородина — противоположные они люди. Ростопчин просто *чувствовал*, что кунктатор Кутузов — гадина.

Угодник Ростопчин не стеснялся при свидетелях называть Кутузова, победителя Наполеона, «старой кривой бабой». И засыпал его письмами с требованиями генерального сражения, изложенными в совершенно хамской манере. Стоит ли удивляться, что Кутузов ему не отвечал? Он уже достаточно пожил на свете, чтобы не спорить с имбецилами. Бесплезно, и даже опасно. Кутузов не стал спорить с императором Александром I (Варроном) под Аустерлицем и по его приказанию начал бой, который невозможно было не проиграть — ведь впереди был величайший из гипнотизеров эпохи, пусть даже с войском, численно в полтора раза меньшим.

Хамил Кутузову и разгромленный под Аустерлицем Александр I — и всю жизнь за глаза обзывал Кутузова «комедиантом» и «плаксоидом».

Вообще говоря, фигуры на игровой доске обширных пространств России группировались совершенно отчетливым образом. С одной стороны — Кутузов и рекрутские солдаты, ненавистные двору, которые смеют не соглашаться даже со *своим* императором, не говоря уж о его холуях типа графа Ростопчина и адмирала Чичагова (об «историческом» поступке последнего — в следующей главе); а с другой стороны — субвожди: сам император Александр I, граф Ростопчин, адмирал Чичагов и многие им подобные.

Всем троим Наполеон премного обязан. В сущности, если бы он был игроком достаточно честным, то за психоэнергетическое послушание и, как следствие, моря напрасно пролитой русской крови должен был бы выплатить солидные гонорары.

Александр I Благословенному — за Аустерлиц, за множество напрасно убитых русских рекрутов, за слезы Кутузова.

Графу Ростопчину — за спасение части наполеоновской армии в Москве.

Адмиралу Чичагову — за спасение старой гвардии Наполеона на Березине.

Об этом «подвиге» адмирала следующая глава.

Глава одиннадцатая

«ЧУДО» НА БЕРЕЗИНЕ

Чичагов вошел в историю по одной единственной причине — из-за своего откровенно *странного* поступка у переправ через реку Березину.

Почти полностью лишившийся армии Наполеон, впервые в своей жизни перешедший на бег, окруженный четырьмя сохраненными Кутузовым русскими армиями, должен был при попытке переправиться через Березину быть захвачен в плен или уничтожен.

Но тому помешало «чудо».

Молдавская армия (название не по национальному составу, а по месту основной дислокации) под командованием адмирала Чичагова, захватившая и разрушившая мосты через Березину и тем отрезавшая путь к спасению Наполеона, «вдруг» по желанию своего командующего совершила *странное* действие. Армия Чичагова, способная по численности, по духу и по благоприятным внешним обстоятельствам не только остановить, но и самостоятельно уничтожить последние боеспособные части Наполеона, вдруг **по приказу Чичагова уходит с пути Наполеона** в сторону, причем при отходе даже не поджигаются приготовленные к уничтожению десятки мостов через притоки Березины.

Оставленный крошечный арьергард с двумя легкими пушками был буквально сметен первым же слаженным орудийным залпом (артиллерия Наполеона поражала своей прямо-таки неземной слаженностью залпов, причем из сотен удаленных друг от друга стволов, — ну как тут не вспомнить слаженное мигание мириадом светлячков?!).

Наполеон, естественно, переправляется и, спасенный, продолжает бег.

Армия же Чичагова возвращается и, вступая в бой с задними рядами отступающих, уничтожает значительное число наполеоновцев.

История, в рамках суверенитизма, что и говорить, странная.

Или предательская. Всю свою последующую жизнь Чичагов, эмигрировавший к «внутренникам», пытался оправдаться, что он не трус и не предатель, а просто «ошибся».

Историки делятся на тех, кто Чичагова оправдывает, и тех, кто осуждает.

Те, кто осуждает, говорят, что Чичагов — придворный лизоблюд и, в сущности, дурак, а дурак он потому, что он — суверенная, так его и разэдак, личность — совершил ошибку в ситуации, с которой бы справился даже нижний чин.

Те же, кто Чичагова оправдывает, говорят, что-де адмирал Чичагов, суверенная личность, **просто ошибся**, хотел как лучше — но ошибся. С кем не бывает?!.. Ведь он же исправился! Ведь это факт, что именно Молдавская армия под командованием Чичагова в операции при Березине убила наибольшее число наполеоновцев. Иными словами, ошибся — пропустил Наполеона, а исправился — поубивал свидетелей позорного бегства Наполеона.

Но с точки зрения *теории стаи* Чичагов как индивид отнюдь не суверенен, что следует хотя бы из того, что он, придворный лизоблюд, расшаркиваясь на балах и угадывая желания государя императора, смог стать адмиралом, — такие не ошибаются.

Чичагов у Березины вовсе не ошибался и не исправлялся, а в обоих случаях исполнил желания пространственно ближайшего к нему в тот момент императора, тем более, что ближайший был сверхваждем.

То, что Наполеон очень хотел вырваться из России — очевидно. В создавшейся у Березины ситуации спасти Наполеона могло только исчезновение с пути его отступления армии Чичагова (то, что Наполеон этим галлюцинировал, — доказательств предостаточно, в частности, сохранились воспоминания очевидцев «чуда») — Чичагов и отошел.

Остается доказать, что Наполеоном владело и другое желание — **он хотел смерти свидетелей, могущих уличить его в бездарности (неудачливости) в Русской кампании, в том числе и ненавистных с детства французов.**

Что ж, правду говорить легко и приятно.

Кунктатор Кутузов дело свое знал туго.

После Бородинского сражения он отлынивал от генеральных сражений, к которым его понуждали со всех сторон, и, внешне оставаясь спокойным и рассуждая о *скорой* победе, заготовливал, однако, зимнюю одежду для своего войска и следил за действиями уроженца теплой Корсики.

Стояли последние дни осени. Не корсиканской. А русской. За которой начинаются такие морозы, которые на Корсике и не снились. Кутузов наблюдал и старательно тянул время — делая вид, что обдумывает предложения присылаемых Наполеоном в Тарутинский лагерь парламентаров, и не боясь за медлительность в «обдумывании» прослыть дураком или кунктатором.

В немногих уцелевших домах, преимущественно каменных дворцах сгоревшей Москвы, как всегда во всех подобных случаях, войско сверхважда на его глазах пожирало само себя. С каждым днем оно слабело и численно убывало — не только из-за взаимных убийств во время дележа награбленного, не только от смертей с перепоя, но от одной только близости с национальным (на все времена!) героем Франции.

Сначала Наполеон надеялся, что русские капитулируют — немедленно; если им не достало Бородинского сражения, в котором они потеряли больше людей (пятьдесят тысяч против сорока только на самом поле сражения, да и из раненых выжили далеко не все), то для ускорения готов был преподать им еще одно генеральное. Но русские не капитулировали. И в сражение не втягивались.

Потом Наполеон стал предлагать подписать *не капитуляцию, а мир* — но на условиях, милостиво им предложенных.

Но дни шли, а депутатий не было. Тогда Наполеон сам стал одного за другим слать парламентаров к Кутузову. Парламентары, вернувшись рассказывали о трогательных разговорах, которые вел с ними Кутузов: о хорошей погоде, о женщинах — о, эти милые плутовки! — о туманных намеках, что скоро — да-да, скоро! — будет нужный результат в переговорах, бесконечные же проволочки объяснялись дальностью пути до Санкт-Петербурга, где находился государь император Александр Павлович. Время шло, но ничего определенного не произносилось.

Кутузов тянул время, видимо, с удовольствием; само небо, похоже, приняло сторону русских — стояли настолько теплые солнечные дни (ну, просто небывало приятные), что и французы, и немцы, и поляки с евреями (а в армии Наполеона было очень много евреев) во главе с императором умилялись и говорили, что, вопреки рассказам о холодах Московии, солнце здесь всегда яркое и теплое.

Наполеоновская армия таяла, хотя сражений не было. Наполеон невольно сравнивал богатую Москву с богатой Капуей (в которой истаяла одна из армий Ганнибала) и, раз зацепившись, наверняка вспоминал — не мог не вспоминать — и об изводившем победоносного Ганнибала Фаби, который, правда, свой лагерь устраивал не в трех переходах, как Тарутинский, а в виду у сверхважда. Но раз Наполеон оставался в Москве недвижим, значит, очевидно, подобные сравнения, предвещающие недвусмысленный конец, от себя гнал.

Историки исписывают многие страницы, пытаясь объяснить причины столь убийственного для войска стояния в Москве. Эти историки, заученно величая Наполеона не «самонадеянным ничтожеством» (что следует хотя бы из этого московского стояния), но гением, не могут сообразить, что Наполеон гений только — выражаясь конкретно-научным языком Фрейда — в анально-накопительской системе ценностей. Устроитель идеальных иерархий, «внутренник», — в критическом мышлении он был все-таки слабоват.

Он просто не мог, *не мог* сообразить, что из Москвы пора убираться восвояси. Россия — не Европа, а некое особенное, отличное от остального мира место.

И когда Наполеон наконец решился, было уже поздно.

Погода испортилась — как по заказу — уже на следующий день после того, как войска оставили Москву. Но даже и в этой ситуации Наполеон действовал как придурок (если угодно, невротик) или как человек, решивший уничтожить преданных ему исполнителей. Несмотря на то, что солдаты были ему столь же рабски преданы, как и прежде, он, ощутив на физиономии дыхание осени, не приказал им бросить награбленные тяжести, которые добивали Великую армию тем, что замедляли ее отступление. Более того, ради груд награбленного золота и драгоценностей солдаты не запаслись съестными припасами.

Наполеон попытался было повести своих грабить Украину — это *логично*, — но русские солдаты Украину защитили, продемонстрировав наполеоновцам в сражении под Малоярославцем, что шутки кончились.

Наполеон это понял с полуслова, ответить на оплеуху под Малоярославцем даже не попытался и приказал пока еще великой армии возвращаться по той же дороге, по которой пришел, — разграбленной, почти без продовольствия. Наполеон не мог не понимать, что на этой дороге его армию ждет голод; но «гениальничать» — как он подозревал и раньше, а теперь воочию убедился — ему было позволительно только в цивилизованной Европе и в мусульманском мире.

И голод начался.

Описать, как выходила эта богатейшая (судя по стоимости содержимого их карманов и мешков) вооруженная толпа из пределов страны, которой, как они заявляли при начале вторжения, они несут свет просвещения и духовности, предоставим уцелевшим ее участникам¹.

¹ Все цитируемые ниже выдержки из воспоминаний участников наполеоновских войн приводятся по книге В. В. Верещагина «Наполеон I в России» (Тверь: Агентство «Созвездие», 1993), включающей в себя две работы: исследование «Наполеон I. 1812 год» и «Наполеон I в России в картинах В. В. Верещагина».

Рассказывает Rene Bourgogne:

...Три человека возились около лошади; двое из них были на ногах и до того шатались, что казались пьяными. Третий, немец, лежал на дохлой лошади: бедняга, умирая с голоду и не будучи в состоянии что-либо отрезать, старался откусить кусочек, но так и умер на этих попытках...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 76)

Ему вторит Rene Bourgeois:

Ужасен был недостаток корма для лошадей; клоки полуистлевшей соломы, оставшейся кое-где от старых бивуаков, истоптанной, перемятой или сорванной с крыш немногих оставшихся изб — вот была вся их пища, и они гибли на бивуаках тысячами. Гололедка, покрывавшая дороги, окончательно доконала лошадей — в самое короткое время не стало помин кавалерии, и кавалеристы увеличили число пеших беглецов. Все полки перемешались, порядок и дисциплина пропали, солдаты не признавали офицеров, офицеры не занимались солдатами; всякий брел, как и куда ему вздумается.

Вся эта беспорядочная толпа была одета в невероятные одежды, в меха и кожи различных животных, всех цветов женские юбки, большие шали, обрывки одеял, лошадиные попоны, прорезанные в середине и висевшие по бокам. Так как обуви не было, то ноги обертывали в лохмотья из тряпок, кусков войлока и бараньих шкур, подвязанных соломой... Поверх этих лохмотьев, полных паразитов, торчали исхудалые лица, совсем почерневшие от бивуачного дыма, покрытые всяческой грязью — лица, на которых были написаны отчаяние, страх, ужасы голода, холода и всяческих бед. Не было речи о центре и флангах: вся армия собралась в одну кучу, без кавалерии и артиллерии, двигалась вместе с обозом в общем невообразимом беспорядке...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 78–79)

Говорит Fezensac:

Мы шли будто по непрерывному полю битвы, выдерживавшие холод умирали от голода...

Одни... валялись на снегу, другие засыпали и погибали в горевших деревьях. Я помню солдата моего полка, который походил на пьяного: он держался около нас, никого не узнавая, спрашивал, где его полк, называл свою роту, своих товарищей, но говорил с ними как с посторонними; он качался на ногах, и взгляд у него был мутный, потерянный...

Солдаты, ослепленные снежными вихрями, не могли даже различать дороги и часто падали во рвы и канавы, служившие им

могилами. Дурно обутые, плохо одетые, ничего не евшие, не пившие, жавшиеся и дрожавшие, они, едва будучи в состоянии двигаться, все-таки торопились вперед, во что бы то ни стало, не обращая никакого внимания на отстававших, падавших и умиравших около них. Какая была масса на дороге несчастных, которые, умирая от полного истощения сил, боролись еще с приступами смерти! Одни громко прощались с братьями и товарищами, другие, испуская последний вздох, произносили имена своих матерей, мест своей родины: скоро холод сковывал их члены, проникал во внутренности. На дороге их можно было различать только по кучкам снега, горочками, как на кладбищах, покрывавшего тела, устилавшие путь.

Стаи ворон поднимались с долин и пролетали над ними, испуская зловещие крики. Масса собак еще из Москвы, питавшихся мертвечиной, выла кругом, ожидая свежих трупов».

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 71)

Segur:

Как же это случилось, что в Москве ни о чем не позаботились? Почему такая масса солдат, умерших с голода и холода, оказалась нагруженными золотом вместо нужных им одежды и провизии? Каким образом за тридцать три дня отдыха не успели заковать лошадей на острые шипы, которые дали бы им возможность лучше и быстрее двигаться? Почему, если не было на все приказа от самого Наполеона, предосторожности эти не были приняты другим начальством, гг. королями, князьями и маршалами? Разве не знали, что в России после осени наступает зима? Приученный к сметливости своих солдат, Наполеон уж не вздумал ли положиться на них самих?..

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 72–73)

Bourgogne:

Мой мешок оказался слишком тяжел, и я воспользовался первой остановкой, чтобы осмотреть свое добро и выкинуть, что было лишнего. Оказалось: несколько фунтов сахару, рису, немного сухарей, полбутылки ликера, китайский костюм из шелковой материи, шитый золотом и серебром (вероятно, сарафан); много разных вещиц из золота и серебра; между прочим, кусок с креста Ивана Великого, т. е. кусочек обшивки с него. Обшивка эта была серебряная, позолоченная. Еще была, кроме моей парадной формы, амазонка для езды верхом, еще два образа с выпуклыми серебряными ризами. Кроме того, были медали и ордена одного русского князя, украшенные бриллиантами. Все эти вещи назначались в подарок. Кроме того, у меня на рубашке был надет желтый шелковый жилет, прошитый ватой, который я сам сшил из

женской юбки, и воротник на горностаевой подкладке. Сверх того, на широком серебряном галуе у меня висел мешочек с разными предметами, между которыми были золотой «Христос» и маленькая китайская фарфоровая вазочка... потом еще мое оружие и 60 патронов...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 68)

Из главы «На большой дороге...»:

Сегодня какой-то несчастный чиновник военной администрации, которому колесами тяжелой повозки только что отдало обе ноги, валяясь в мучениях на снегу, закричал проходившему Наполеону: «**Чудовище, ты десять лет уже грызешь нас! Друзья мои, он — бешеный, он — людоед! Берегитесь его, он сожрет всех вас...**» Император молча прошел мимо, делая вид, что ничего не видит и не слышит, а бедняга, не обезоруженный этим молчанием, продолжал посылать ему вслед отборную, позорную брань...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 248)

Из главы «Великая армия»:

Один кирасир, громко стонавший от голода, бросился на труп ободранной лошади и, засунув голову в скелет, стал зубами вырывать внутренности. Голод был так велик, что русские находили французские трупы, наполовину объеденные своими товарищами...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 74)

Rene Bourgeois:

Оставленные умирать с голода (раненые и больные. — А. М.), принужденные сами заботиться о своем существовании, эти несчастные ползали по полям, вырывали корни, остатки капусты и других овощей. Валяясь на сгнивших соломе и траве, на тряпках и лохмотьях, они покрылись грязью и насекомыми, пропитались зловонием от умерших и уже разложившихся товарищей. На расстоянии целых восьмидесяти лье (350 километров. — А. М.) нужно было не идти, а, так сказать, прокладывать себе дорогу между всевозможными обломками и трупами. Во всех местах остановок, на всех этапах встречались кладбища, называвшиеся госпиталями, которые издали давали о себе знать отвратительным зачумленным воздухом и кучами разлагавшихся тел и нечистот, составлявших невообразимые клоаки...

(Верещагин В. В. Указ. соч. С. 75)

Но смрад исходил не только от умерших — как пишут очевидцы, смрад исходил и от живых: **люди справляли всякую нужду, не**

раздеваясь. По прошествии многих лет выжившие элементы Великой армии объяснят подобное поведение морозом, невероятным холодом. Что ж, можно не сомневаться, что мемуаристы так и умерли, искренно веруя, что говорили правду, а отнюдь не рационализировали. Они вообще считали себя правдоносцами, не захватчиками и убийцами, а просветителями и цивилизаторами, а русских — своей противоположностью, темными и жестокими. Однако стоит вспомнить, что немки на национал-социалистических собраниях, внимая призывам Гитлера идти на Восток, тут же *уделялись*, не вставая со стульев, на которых сидели, и так, не вставая, блаженствовали и дальше — счастливые. А ведь они не брели по снегу, но, напротив, сидели в отапливаемых лучших залах Германии. Можно вспомнить, что и в Москве, в которой было не холодно, а скорее жарко (от пожаров, да и осень стояла теплая) французы и все те же немцы не удосуживались выйти на двор, а клали рядом с собой, своими нравами поражая оставшуюся в городе даже не лучшую часть москвичей. (Владельцы дворцов, в которых квартировали «цивилизаторы», вернувшись и втянув ноздрями воздух, в них жить отказались и отдали их под богоугодные заведения — именно поэтому в Москве больницы для народа и при царизме располагались в бывших дворцах.) Вы думаете, выжившие наполеоновцы вспоминали месяцы, проведенные с Наполеоном с омерзением? Нисколько! Они были счастливы своими воспоминаниями! О чем сохранилась колоссальная литература (взять хотя бы того же Бальзака).

Таким образом, это удельвание на себя (основатель так называемой индивидуальной психологии Адлер объяснил бы это тем, что таким образом обезумевшие достигали состояния успокоения, имитировали детство) людей с отключенным логическим мышлением было выражением неких подсознательных желаний. Но своих ли? Или сверхвождя-гипнотизера, чьим желаниям они были всегда послушны?

В том, что Наполеон грязен, ничего удивительного нет — Гитлер был такой же; хотя и менял по несколько рубашек на день. **Они, сверхвожди, такие все.** Некрофилия Наполеона проявлялась в откровенных формах — по завершении боя он подолгу объезжал поля сражений и любовался расчлененными от взрыва снарядов телами с вывалившимися внутренностями. И этой своей страсти не скрывал — к чему? — критического мышления у его соратников не было, а труды по некрофилии еще не были написаны.

Однако копрофилию (любовь к испражнениям) вожди тщательно скрывали всегда. **Познание** же истины маски срывает. То, что солдаты Великой армии, окончательно отдавшиеся воле своего императора, мочились и дефектировали прямо на себя, есть разоблачение скрытых вождельний *самого Наполеона.*

Патологический врун Наполеон, а вслед за ним многие историки утверждают, что армию Наполеона погубил **мороз.**

Уже из одного только вышеприведенного отрывка из воспоминаний выжившего наполеоновца, удивлявшегося странной нераспорядительности прежде всегда предусмотрительного Наполеона, следует, что истребили Великую армию отнюдь не мороз, а бездарное руководство (*или злой умысел вожака?!*), в результате которого тепло одет и приятно сыт оказался только толстобрюхонький и женобедренный Наполеон (выходит, не *забыл*, что мороз в России случается!), а обожавшие его солдаты остались без одежды, без еды **и даже без того, что было в избытке буквально в нескольких шагах — без дров.** Погибель нес не мороз — ведь плененные русскими партизанами французы, немцы и испанцы, если не были убиты оружием, то выжили — а сам Наполеон. Как тут не вспомнить слова прозревшего за несколько часов до смерти чиновника с перебитыми ногами: **«Чудовище, ты десять лет уже грызешь нас! Друзья мои, он — бешеный, он — людоед! Берегитесь его, он сожрет всех вас...»**

О якобы бездарных действиях побеждающих вожаков писал еще во II веке до н. э. самый мыслящий из историков — Полибий в своем главном труде о трех Пунических войнах, из которых 2-я была с Ганнибалом. Вот что пишет Полибий о побеждавших карфагенян в 1-й Пунической войне римлянам:

Римляне... подверглись таким зловещим, которые превосходят всякое описание. Так, из трехсот шестидесяти четырех судов уцелело только восемьдесят; остальные или поглощены были волнами, или отброшены прибоем волн и, разбившись о скалы и мысы, покрыли берег трупами и обломками. История не знает более тяжкого несчастья, разом обрушившегося на море; *причина его лежит не столько в судьбе, сколько в самих начальниках.* Дело в том, что кормчие долго и настойчиво убеждали не идти вдоль наружного берега Сицилии, обращенного к Ливийскому морю, так как море там глубоко, и высадка на берег трудна; они говорили также, что одно из двух зловещих созвездий еще не скрылось, а другое приближается; плавание их совершалось в промежутке между восходом Ориона и Пса. Всем этим консулы пренебрегли... <...> Действительно, на суше, где они имеют дело с людьми и с человеческими средствами борьбы, римляне большей частью успевают, потому что равные силы они одолевают натиском (силой некрополя. — А. М.)... Напротив, большие бедствия постигают их всякий раз, когда они вступают в борьбу с морем и небом... **Так случилось тогда и много раз случалось раньше, так будет и впредь...**

(Полибий, I, 37)

Трудно представить, чтобы военачальник был настолько одержим моноидеей, чтобы не знать, что на море случаются бури и притом в одно и то же время года. Интересно, что сам военачальник, подобно тепло одетому Наполеону, не погиб, из чего естественным образом возникает подозрение, что он *своих* подставил. Видимо, они в сражении были свидетелями его невротического поведения, которое расценили как гнусность или бездарность. Вожаки и более мелких банд подобных свидетелей убирают.

Вот и еще одна причина, по которой Наполеон не мог не желать смерти своего войска — свидетелей намерений, *прикрытых* «бездарностью». Он, Наполеон, **типичен** — а вовсе не революционер, тем более гениальный!!! О типичности претендующего на гениальность не должен был знать никто. Это снижало возможности набирать новые стаи. А сколько армий после Русского похода успел еще набрать и подставить под уничтожение ненавидящий французов Наполеон!

Об устранении свидетелей Наполеон, возможно, задумывался еще в Москве, но то, что он об этом *мечтал* во время кошмаров бегства, — очевидно. И об этом догадывались — способные мыслить. Если не соль соли нации — она осталась дома, — то соль армии, которую, казалось бы, как способных к разведке, стоило беречь более всего.

Но Наполеон беречь не хотел. (Потому, видимо, некоторые французы при исходе Наполеона из Москвы остались в ней добровольно — навсегда.)

Стоит ли говорить, что тот чиновник с перебитыми голеньями так и замерз в русском снегу? Но он все-таки — хоть мгновение! — был счастлив. Он испытал счастье говорить правду. Какая музыка, согласитесь! **«Друзья мои, он — бешеный, он — людоед!» «Друзья мои...»**

Но «друзья», зомбированные в «цивилизаторов», вместо того чтобы обратиться к русским, где было спасение, продолжали дурно пахнущей кучей валить вслед за ненавидящим их супервождем.

Если бы Наполеон на самом деле **захотел** помочь, его полубезумные сопровождающие, сами не понимая почему, гурьбой бросились бы к несчастному, чтобы наложить ему на ноги шины, и, бросив награбленное золото, поднять своего боевого товарища.

Однако ж не бросились. Желания в них *не появилось*. У них у всех было одно желание — точно такое же, как и у императора, — идти, не останавливаясь, и не замечать гибнущих товарищей по оружию, называющих их по старой памяти «друзьями».

Это еще одна причина — и ее одной вполне достаточно — слышавшие это обличение, а оно неминуемо передавалось из уст в уста, просто *должны*, обязаны погибнуть.

Да, свидетелей остаться было не должно. Но своей рукой ни резать, ни застрелить, ни даже перервать такому количеству людей глотки Наполеон не мог просто физически — как бы подсознательно ему того ни хотелось. («...Он — людоед! ...он сожрет всех вас...» — это не просто художественная фантазия человека, который мог бы жить, но волею императора был обречен замерзнуть. И это не просто психокатарсический образ. Каннибализм среди наполеоновцев был не редкостью. **Вожак вообще всегда распознается по поведению своих последователей** [в общем случае также и по *демонстративно* инверсированному поведению].) На то, что русские рекруты перебьют наполеоновцев, у Наполеона, успевшего познакомиться с поразительной добротой рекрутских солдат, надежды было мало. К тому же кунктаторствующий Кутузов берег рекрутских солдат, и в бессмысленные для России сражения его втянуть не удавалось. Зверства же прежде угодливых крепостных пресекались. Наполеону оставалось сделать так, чтобы наполеоновцы уничтожили себя сами.

Уничтожение 615 из 645 тысяч произошло вовсе не по «ошибке», небрежности (попробуйте найти ту корсиканскую бабу, которая бы не сообразила, что после осени наступает зима, а зимой холоднее, чем летом!) — **это было следствием намерений сверхвождя.**

Вообще, мучительная смерть — закономерная судьба всякого *исполнителя*. Причина — любовь к смерти, **некрофилия** — порождает закономерное и потому предсказуемое следствие.

Итак, *теория стаи* включает в себя познание и об общей для всех стай судьбе не только вожака (взлет, максимум, паранойяльные приступы при невозможности сломить *неугодников*, падение), но главное, вариантах судеб элементов его стаи — они агонизируют от восторга, и затем, на свою беду став свидетелями падения кумира, наказываются гибелью, и цивилизаторы, веровавшие, что вели их к светлым идеалам, устилают дороги своими трупами. А выжившие, при отсутствии нового сверхвождя, вспоминают прошлое с восторженным благоговением. (Так было во времена и Ганнибала, и Наполеона, и Гитлера, и Ленина, и других — известных и не известных нам — сверхвождей.)

Наполеон, как и Ганнибал, новую стаю набирал легко, поэтому ему свидетели несостоявшегося триумфа были не нужны. Вся прежняя разноплеменная стая — и испанцы, и поляки, и немцы, и ненавидные с детства французы, — все должны были погибнуть самым простым способом — от голода на морозе.

Впрочем, старая гвардия — люди, преданные Наполеону со страстью классических зомби, умевшие не рассуждать и, не сомневаясь, прославлявшие Наполеона за гениальность в любой ситуации, — долж-

ны были выжить. И — на удивление! — старая гвардия, в тех же погодных условиях, что и другие части Наполеона, на том же морозе, почти при том же качестве довольствия, — оружия не бросила (то есть они были в еще худших условиях, чем отступавшие из других частей, те хоть побросали оружие, и идти им было легче: штуцер тех времен весил как пять (!) и более современных автоматов, на тяжесть которого жалуются нынешние солдаты), и тем не менее во Францию вернулась. Но такую судьбу Наполеон избрал лишь для менее чем десяти тысяч из более чем 640-тысячной армии.

Насладившись в полной мере в течение многих и многих дней любимым зрелищем — пространством, заполненным мертвыми и умирающими, сытый и тепло одетый Наполеон бежал в Польшу, где был восторженно встречен, восхитил поляков рассказом о том, что за ним идет его целехонькое великолепное и победоносное войско, а затем бросился во Францию...

Те, кого уставшие убивать подчиненные Чичагова упустили, отступали одни, но уже по дороге не разоренной, вдоль которой стояли еще не разграбленные дочиста деревеньки...

Солдаты сплошь и рядом зажигали целые дома, чтобы погреться в продолжение нескольких минут. Жар привлекал несчастных, сделавшихся от холода и лишений какими-то полоумными: со скрежетом зубов и адским смехом они бросались в костры и погибали там. Товарищи смотрели на них хладнокровно, без удивления. Некоторые даже подтаскивали к себе обезображенные, сжарившиеся трупы и — надобно сознаться, как это ни ужасно — ели.

(Segur)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 80*)

...Дорога была до такой степени покрыта мертвыми и умиравшими, что надобно было употреблять большое старание для прохода между ними. Идя густою толпой, приходилось наступать или шагать через несчастных умиравших...

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 80*)

В придорожных сараях происходили чистые ужасы. Те из нас, которые спасались там на ночь, находили утром своих товарищей, замерзших целыми кучами около потухших костров. Чтобы выйти из этих катакомб, нужно было с большими усилиями перелезть через горы несчастных, из которых многие еще дышали...

Нужен был колосс, чтобы поддерживать все это, но колосс покинул нас...

(Segur)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 81*)

Своеволие и беспорядок достигли крайних пределов; всякая мысль о команде и послушании стала невозможностью, исчезла разность в чинах и положениях — мы представляли шайку обрюзглого, извратившегося люда. Когда несчастный, после долгой борьбы, падал, наконец, подавленный всеми бедами, — все кругом него, уверенные в том, что это конец и ему уже не подняться, прежде чем он испускал последний вздох, бросались на несчастного как на настоящий труп, срывали обрывки одежды, — и он, в несколько секунд оказавшись голым, оставался в таком виде умирать медленной смертью. Часто, бывало, идут около вас подобия каких-то привидений, покушающиеся дотянуться до привала: они стараются изо всех сил выдвигать ногу за ногой, потом вдруг начинают чувствовать, что силы их покидают; глубокий вздох выходит из груди, глаза наполняются слезами, ноги подгибаются; в продолжение нескольких минут они качаются и, наконец, падают, чтобы уже более не подняться. Если тело несчастного упало поперек дороги, товарищи бесцеремонно шагают через, как ни в чем не бывало.

(Bourgeois)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 80*)

Итак, вся эта армия наполеоновцев, в сущности, Кутузовым даже не преследуемая (Кутузов намеренно отставал на два перехода, чтобы не убивать рекрутских солдат пространственной близостью с Наполеоном), безоружная, голодная, оборванная, побросавшая награбленную добычу, перемазанная испражнениями, а потому зловонная, верующая в свою цивилизаторскую миссию, докатилась до Березины.

Наполеон, о котором перемазанные в дерьме французы упорно думали как о колоссе, все еще был при армии. Это сулило успех при переправе, хотя с точки зрения наблюдателя, одержимого стихийной дарвинщиной, положение было безысходным.

В самом деле, мост через Березину был уничтожен. Прежде на берегу была хорошая крепостица, в которой для охраны моста Наполеон оставил польский полк. Но пришел адмирал Чичагов с Молдавской армией (состоявшей из русских, квартировавшихся в Молдавии, и выигравшей русско-турецкую войну) — и полегли чуждые русскому духу поляки-наполеоновцы, не стало и переправ через Березину.

— Вы лжете, вы лжете, это неправда!.. — забормотал Наполеон при известии о том, что переправы захвачены.

Видя, что Бонапарт стал шевелить своей палкой, я подумал, что он хочет ударить ею полковника (прибывшего с донесением. — А. М.);

но в эту минуту он, с широко расставленными ногами, откинулся назад и, опираясь левою рукою о палку, со скрежетом зубов, кинул к небу свирепый взгляд и поднял кулак! Настоящий крик бешенства вырвался из его груди, он повторил свой жест угрозы и прибавил короткое и выразительное слово... само по себе составляющее богохульство. Уверяю вас, что в жизнь мою я не видел более ужасного выражения лица и всей фигуры!.. Мы... были до такой степени поражены виденным, что опомнились только, когда он приказал продолжать путь.

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 168)

Положение было, действительно, чрезвычайное: боеспособного войска немного — гвардия и офицеры, собранные в Священный эскадрон, — всего около десяти тысяч. Еще присоединилась совершенно свежая, сытая и одетая, отдохавшая всю русскую кампанию в ожидании выхода Великой армии небольшая армия маршала Виктора.

Если подходить арифметически, то живой силы у Чичагова было значительно больше, артиллерии — тем более, кроме того, переправляться через ледяную Березину надо было именно наполеоновцам, а не русским. Как назло, именно в это время после ужасающих тридцатиградусных морозов ударила оттепель, — именно тогда, когда она была желаемым выбраться во Францию не нужна, ведь в результате река вскрылась, и переправиться по льду, как еще день назад, стало невозможно. Да и времени было немного — на пятки наседали сразу две русские армии, одна под командованием Кутузова, другая — Витгейнштейна, достаточно умело действовавшая и *до* войны 1812 года. Как показали дальнейшие события, они опоздали к переправе всего лишь на сутки.

Наполеон послал небольшой отряд в 300 человек в сопровождении безоружной, деморализованной и вонючей толпы на 25 верст вниз по течению с издевательским (слишком мало сил) приказом строить там мост. Сам же остался на месте и приказал не скрываясь (да это было бы и бессмысленно) строить сразу два моста — рядом. Попытка строить мосты, учитывая обилие артиллерии у Чичагова, была бы бессмысленна — если бы Наполеон не знал, что дегенераты есть не только в его армии.

И, действительно, происходит «чудо»!

Русские по приказу Чичагова снимаются и уходят!

По построенным мостам переправляется сам Наполеон и его гвардия.

С наступлением сумерек и произошло то, что историки всех народов называют *трагической ошибкой*. Непереправившиеся цивилизаторы *переправу прекращают* (!!!) и *устраиваются на ночлег* — мосты же всю ночь пустуют. *Им всем захотелось остаться!*

Утром переправа как бы нехотя возобновилась — и тут вдруг полетели ядра, и в рядах наполеоновцев стала рваться картечь. (Кстати, пришедший еще позже Кутузов был против этой бойни.)

Да, избиение было страшным. Брошенные вождем наполеоновцы и не думали сопротивляться, — мешая друг другу, они бросились на выстроенные мосты. Русские артиллеристы, перед глазами которых стояли картины надругательств над русской землей и людьми, выкапывали на близлежащие пригорки все новые и новые батареи, споро их устанавливали и открывали огонь. Промажнуться было невозможно: цивилизаторы стояли настолько плотно, что каждый снаряд производил поистине ужасающие опустошения. Суэта, толкотня, беспорядок, драки и убийства, происходившие при переходе через Березину *еще до подхода русских*, по словам всех очевидцев, не поддаются описанию. А теперь к непрерывному вою прибавились еще непрерывный свист ядер, взрывы снарядов, удары по повозкам, каретам и ящикам, которые разбивались, разлетались, осколками увеличивая число жертв.

А потом один из мостов разорвался посередине...

Побоище *между самими французами* переросло в правильное сражение: дивизия Жерара оружием прокладывала себе путь сквозь живую еще плоть — и переправиться ей удалось.

После этого жерардисты подожгли и второй мост, оставляя своих товарищей на погибель. Многие из оставшихся и просто одуревших от отчаяния еще пытались проскочить по плававшему мосту, но сгорали или, пытаясь унять боль от ожогов, бросались в воду, где и тонули...

Эта участь должна была постигнуть всю армию Наполеона, да и самого Наполеона лично, если бы адмирал Чичагов выполнил свой долг гражданина, долг, который заключается в том, чтобы сберечь как можно больше жизней вообще, и своих сограждан в частности. Если бы этот любимец русского царя, успешный его придворный прихлебай это сделал, то не было бы последующих кампаний 1813, 1814 и 1815 годов, не было бы Ватерлоо, унесшего жизни сотен тысяч людей разных национальностей, не было бы десятков других сражений, в которых женоподобный супермен Наполеон одержал над различными армиями, включая и русские (Кутузов к тому времени умер), блистательные по обилию крови победы.

Однако адмирал Чичагов, подобно генерал-губернатору Ростопчину и Александру I Благоденному, Наполеону помог...

И заключительный штрих к портрету Чичагова.

Казалось бы, вину следует искупать. России после разорения, которое нанес ей Наполеон, требовались и хорошие руки, и умные го-

ловы, а главное — благородные и честные сердца. Казалось бы, Чичагову, несмотря на заслуженный позор то ли предателя, то ли дурака, надо было засучить рукава и работать...

Но Чичагов так, *естественно*, не поступил.

Он уехал за границу, переезжал из страны в страну, пользуясь уважением на правах вельможи страны, победившей непобедимого Наполеона, тратил деньги, собранные с русских крестьян, и писал мемуары, язвительно в них оправдываясь о том, какой он *хороший-хороший*, а вовсе не обыкновенный предатель.

Глава двенадцатая

А БЫЛ ЛИ АЛЕКСАНДР I, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, — ПЕРВЫМ?

Что и говорить, *тяжело сражаться за свою жизнь и независимость против напавшего сверхвождя, если высшие должностные лица своего же государства а также командующие подосознательно сверхвождю пособничают.*

Предательская деятельность субвождей из *своих* правительств тем более опасна, что никаких документальных договоров или расписок в получении денег — тех бумаг, которые принято считать *уликами*, уличающими предателей как *платных* агентов и дающими повод их обезвредить, — существовать не может. Отсутствие этих документов в архивах приводит в добросовестное заблуждение историков, не только находящихся на содержании какого-нибудь вождишки, но и психологически с ним совместимых.

Расследования случаев субвождизма можно провести, опираясь вовсе не на документы, которые или фабрикуются верхушкой иерархий, или ею заказываются, но, прежде всего, по воспоминаниям очевидцев-*неугодников*, рассказывающих о том, что *видели*.

Естественен вопрос: если в войне 1812 года психоэнергетически предательствовали вторые после государя лица, такие как градоначальник граф Ростопчин и адмирал Чичагов, то не следует ли ожидать аналогичных поступков и от самого государя-императора?

Услуживал ли Александр I Наполеону *после его вторжения в Россию*? В каких формах и когда в жизни Александра I это проявлялось особенно заметно?

Историки разных стран мира, пытаясь разобраться в закономерностях происходивших в ту яркую эпоху событий, спорят между собой, *кто в начале XIX века был в Европе первым, вокруг кого на самом деле вращалась вся европейская политика — вокруг Наполеона или вокруг Александра I?*

Те многие и многие историки, кому Наполеон подсознательно нравится (у них есть достаточные основания с ним отождествляться, физиологические или психологические), пытаются доказать, что Наполеон был *хороший-хороший*, демократ, а во всей той резне, которую он устроил в Европе, Азии и Африке, на самом деле виноват Александр I, мечтавший о мировом господстве, — виноват потому, что он *русский*.

Доказательством считают то, что европейские войны в конечном счете закончились территориально якобы *в пользу* России, то есть Александра I (русского, как они считают, а не немца). Ведь именно Александр I занял в Европе освободившееся место Наполеона. Именно Александр разгуливал по Парижу, принимал ухаживания пришедших в страшное возбуждение парижанок. Именно Александр кормил лебедей, которых прежде нравилось кормить Наполеону, — и отнять это право у русского императора никто не мог, хотя и пытались. (Это пытались сделать немцы с англичанами, они составили коалицию с целью начать совместную войну против России — захваченный документ позднее был подарен Александру вернувшимся с Эльбы Наполеоном — да помешали события Ста дней.) Как мог Наполеон в 1805 году быть главным, если его, бедного, в 1815-м все-таки победил Александр I (а, следовательно, он, якобы, и изначально был более «крутым»). Как мог Наполеон, если бы он на самом деле был сильнее, оказаться на далеком острове св. Елены, где и скончался в страшных мучениях, охраняемый на деньги опять-таки не России, а Англии. Всех, дескать, перехитрила Россия. Она — империя зла. Следовательно, беднягу Наполеона спровоцировал на кровопролития в европейских междоусобицах Александр I, русские.

Этому психологическому типу историков нравится верить в то, что Наполеон благороден (всем свойственно защищать *своих*), и в качестве доказательств приводят противоречащие одно другому высказывания патологического лгуна Наполеона.

Цитировать все эти многочисленные труды нет ни малейшего смысла, они бессмысленны в принципе, хотя бы уже потому, что, как уже сказано, истину надо искать не в бумагах дипломатов, не в хвалебных самооценках диктаторов, а в «странностях» их жизни, в «странностях» событий, вокруг них концентрирующихся, *в единорстввах этих двоих* (Наполеона и Александра I), результат которых зависел от сравнительной силы их некрополей (обладатель наиболее подавляющего и есть сверхвождь).

Итак, кто же был *император* Александр I?

Он был, естественно, та еще сволочь.

Мало того, что его биологические родители были коронованными особами, но и воспитанием его ведала мужеподобная шлюха Екате-

рина Великая. Та самая, которая ради обретения единоличной власти над всей страной убила своего мужа Петра III. Про станок для совокпления с конем, который был изготовлен по приказу Екатерины Великой, распространяться не будем. Так вот, эта дама, доводившая силой своего некрополя людей до состояния полного восторга и преданности, своему внуку *Александр*у с детства внушала, что он — на самом деле не он, а *Александр* Македонский и *Александр* Невский в одном лице.

В какой мере это внушение дополнительно исказило психику мальчика, и без того росшего под абсолютной властью такой женщины, — неизвестно, но **определяющей чертой характера Александра I была именно страсть быть не самим собой** — он всегда принимал облик того, кого ожидал перед собой видеть любой «крутой» собеседник. Своей угодливой многоликостью он поражал многих, что и было отражено в мемуарах.

Это качество в Александре проявилось и тогда, когда он принял участие в убийстве собственного отца Павла I. Нет, Александр не крутил мошонку своему папаше (предварительно избитого Павла I пытались задушить шарфом, но получилось это не сразу, потому что он просунул под шарф руку, которую убийцам, чтобы она не мешала, выдернуть не удавалось; тогда один из заговорщиков и цапнул российского самодержца за самое чувствительное место — и тот, защищаясь, руку произвольно и выдернул). Александр I отца убивал не своими руками, но сделал то, что от него и ожидали горевшие жаждой убийства вторые лица, — покорился их воле и изъявил согласие не мешать. Впрочем, на убийство была воля Екатерины Великой — бабушки, к тому времени уже покойной. Она сама хотела устранить сына ради любимого по причине **послушания** угодливого внука — да при жизни совершить еще одно убийство помешал разбивший ее инсульт.)

Александр I был не только отцеубийцей, но был замешан и в инцесте. Свою сестру Екатерину Павловну он любил «нежнее», чем просто «любовью брата». Сохранились его письма к ней. Вот одно из них от 25 апреля 1811 года:

Я люблю вас до сумасшествия, до безумия, как маньяк! <...> Надеюсь насладиться отдыхом в ваших объятиях... <...> Увы, я уже не могу воспользоваться моими прежними (до недавнего замужества Екатерины Павловны. — А. М.) правами (речь идет о ваших ножках, Вы понимаете?) и покрыть вас нежнейшими поцелуями в Вашей спальне в Твери...

Екатерину Павловну любили многие заблуждавшиеся насчет своей полноценности мужчины и притом любили страстно. Что естест-

венно — она, как отмечают все, для женщины была излишне мужественна, «смесь Петра I (Великого) с Екатериной II (Великой) и Александром I (Благословенным)». Очевидно, был зависим от нее и ее брат-любовник Александр I.

Александр I был зависим от кого-нибудь — **всегда**. Достаточно вспомнить одного на нем «наездника» — тупого и невежественного министра Аракчеева. Аракчеев был патологическим садистом и запомнился тем, что солдатам, у которых не получалось составлять геометрически симметричный строй, с мясом вырывал усы, а еще тем, что, ругая одного из таких солдат, министр *откусил* ему ухо.

В последний период своей жизни Александр I занялся тем, что историки, — увы, многие, — называют «богоискательством». Делал он это под водительством разных лиц, впрочем психологически однотипных. Историки считают пристойным упоминать Фотия — сначала игумена, а затем архимандрита, о котором знакомым с феноменом некрофилии достаточно сказать, что ему *правилось спать в гробу*. Остальные обстоятельства его жизни, естественно, тоже вполне вписываются в феномен яркой некрофилии — самоистязания, обожание его набожными графинями, эпиграммы и частушки про его половую (ковровую?) неводержанность. Словом, тот же Распутин, попытки канонизировать которого когда-нибудь увенчаются не частичным, как сейчас, а полным успехом, был не первым, путь ему прокладывали другие — и нет им числа. Только Фотий удовлетворялся всего лишь *игуменством* и *архимандритством*.

Таким образом, во все периоды своей жизни — от младенчества до последних дней — Александр I был кем-нибудь водим, причем, как пишут ему в похвалу, — без различия национальности, пола и образования авторитета (в терминологии «КАТАРСИСА» — «наездника»).

Контакты у Александра I были и с Наполеоном.

Достаточно вспомнить сражение под Аустерлицем 1805 года, известное многим по мастерскому описанию Толстого, впрочем не до конца внятному. Может быть, потому дрогнула рука у художника, что уж больно постыдна эта внятность: при полуторном перевесе в войсках и артиллерии, Александру, взявшему на себя руководство сражением (временно отстранил Кутузова), это сражение удалось не просто проиграть, но послушно выполняя *желания* Наполеона, подобно Варрону, привести свои войска к *полному разгрому*. (Александр скомандовал наступление с Працельских высот в точности как и в свое время Варрон; появление засадного отряда Наполеона обратило всех в бегство.)

Итак, из обстоятельств Аустерлицкого разгрома следует, что уже в 1805 году Александр был пешкой, движимой *желаниями* Наполеона.

Александр и позднее, уже *после кампании 1812 года*, в заграничном походе пытался на поле боя противостоять Наполеону как полководец — буквально, и даже *лично* ходил с кавалеристами в атаку (под Фер-Шампенуазом) — но и тогда вновь немедленно выяснилось, что как *наступающий полководец* он и в подметки не годится *великому военачальнику*, атака получилась, мягко выражаясь, неудачной.

Зафиксированы моменты, когда Александр являл себя как бы носителем души (не духа, а души!) Наполеона. В этом нет никакой метафизики. Принадлежность индивида к той или иной стае проявляется в его эстетических предпочтениях — в том, **что** им воспринимается как *красивое*. Эстетические предпочтения есть целиком или почти целиком *чувство*, редко кем *осмысливаемое*. Приглядитесь к любому срезу истории: «*вдруг*» населению *начинает нравиться* то, что нравится новому *вожаку*.

Так и с Александром — достаточно вспомнить, как он томно с рук кормил наполеоновских лебедей в пруду Фонтенбло. А еще Александра тянуло посещать места, связанные с жизнью Наполеона (несмотря на то, что при дворе Романовых Наполеона называли *высочкой!*). А еще Александр пытался в Европе занять место Наполеона.

Копирование Наполеона началось отнюдь не после кампании 1812 года. Еще в 1806 году *угодник Александр I* приказал переодеть русские войска на французский (читай, наполеоновский) лад. Тогда же были введены эполеты, породившие значительную своим глубоким смыслом шутку: «Теперь Наполеон сидит на плечах всех русских офицеров».

Но самое страшное — русскую армию стали **переучивать** на **наступательный** (по французскому образцу) лад. Всю глубину этого преступления против России мы рассмотрим позже. Сейчас лишь достаточно напомнить, что **необученные** на французский лад русские рекрутские солдаты **действовали успешнее обученных**. Под Смоленском дивизия Неверовского, *сплошь состоявшая из новобранцев*, в течение нескольких часов отразила 40 (!!!) атак многократно превосходившего по численности противника, и не только устояла, но и вышла победительницей.

Множить аргументы зависимости Александра от Наполеона смысла нет: и так понятно, что **именно Наполеон, а не кто иной, определял все происходившее в Европе с угодниками (носителями авторитарного мышления)**. Иными словами, все невозрожденное население представляло собой более или менее сформировавшуюся стаю — и поступало постольку поскольку того хотел или не хотел Наполеон.

Возникает вопрос: если Ростопчин и Чичагов оказывали столь неоценимые услуги Наполеону, то Александр и вовсе должен был

выйти к *великому военачальнику* с белым флагом?! Почему же не вышел?

Действительно, основной опасностью в начавшейся войне многие современники считали возможную капитуляцию Александра — они-то уж знали своего императора. Опасность усиливалась от того, что практически все окружение Александра умоляло его подписать мир на угодных Наполеону условиях, а грозный (для своих) Аракчеев, умоляя, разве что не ползал на коленях. Нажимала сдаться и мать — императрица Мария Федоровна.

Однако России повезло — ее *неугодникам* не пришлось противостоять в бою отечественному императору. Два человека — и это из всего-то двора! — все-таки пересилили и добились невмешательства Александра в дела Кутузова. Это была супруга Александра I Елизавета Алексеевна (по примеру мужа увеселявшаяся с любовником и даже рожавшая от него детей) и упомянутая любовница-сестра Екатерина Павловна.

Особенно трогателен патриотизм Елизаветы Алексеевны, урожденной принцессы Баден-Баденской Луизы, выданной замуж, когда ей было 14 лет, за 15-летнего наследника престола Александра. Уже после победы над Наполеоном, когда она заболела чахоткой, и врачи сказали, что якобы единственная для нее надежда выздороветь — покинуть пределы России, она полюбившуюся Россию покинуть отказалась. Впрочем, что тут удивительного — уже в свои 14 лет она поражала окружающих умом.

Но нашедший все-таки в себе силы устранился от командования войсками Александр сумел в полной мере оценить некогда оставленную жену только в последний год жизни — и отдал всю имевшуюся у него нежность умирающей Елизавете Алексеевне...

Но это было в последний год жизни супругов, а тогда, в 1812 году, Александру приходилось выбирать — сдаваться или не сдаваться, подписывать позорный мир или не подписывать. И еще: если подпишет капитуляцию, сможет ли он прожить без благоволения двух самых влекущих его женщин?

Женщин особенных, потому что только они две, в отличие от всего двора, не только не пользовались властью в иерархии, но ее и не добивались. (Власть не просто порок, это средство разрушения собственной воли!) Так что не удивительно, что только они отстаивали право быть от планетарного сверхвождя независимыми.

Кто знает, кто из этих двух женщин оказал большее влияние на русского императора, чтобы он отказался от верховного главнокомандования и как овца на закланье не вел русские войска по примеру французских в наступление, а поставил во главе русских войск Кутузова — кунктатора.

БОРОДИНО КАННАМИ, ОДНАКО Ж, НЕ СТАЛО

На следующий день, чуть рассвело, карфагеняне вышли на поле боя собрать добычу; даже врагу жутко было смотреть на груды трупов; по всему полю лежали римляне — тысячи пехотинцев и конников, — как кого с кем соединил случай, или бой, или бегство. Из груды тел порой поднимались окровавленные солдаты, очнувшиеся от боли, в ранах, стянутых утренним холодом, — таких пунийцы¹ приканчивали...

Взгляды всех привлек один нумидиец², вытасченный еще живым из-под мертвого римлянина; нос и уши у него были истерзаны, руки не могли владеть оружием, обезумев от ярости, он рвал зубами тело врага — так и скончался.

Тит Ливий, XXII, 51:5–9

Ганнибал после блестящей победы под Каннами погрузился в заботы, приличные скорее победителю в войне, чем тому, кто еще воюет.

Тит Ливий, XXII, 58:1

Все уверены в том, что однодневное промедление [Ганнибала] спасло и город [Рим], и всю державу.

Тит Ливий, XXII, 51:4

Я должен был умереть в Москве! Тогда я имел бы высочайшую репутацию, какая только возможна.

Наполеон на о. Св. Елены

Кроме субвождей в руках сверхвождя пассивными марионетками являются также *жухлые исполнители*, но даже и они события вокруг себя формируют — все или почти все в их жизни не случайно. Это характерно для всех невротиков вообще, прежде всего, естественно, для одержимых моноидеями сверхвождей.

Невозможно при сравнительном жизнеописании Наполеона и Ганнибала не обратить внимание на то, что удивительно большое число

узловых моментов судьбы Ганнибала загадочным — но лишь на первый взгляд — образом в точности воспроизвелись в судьбе Наполеона: особенности телосложения, переход через Альпы тем же ущельем, обстоятельства смерти, утраты власти и т. п. Эти и некоторые другие удивительные «совпадения» мы еще в дальнейшем рассмотрим.

В соответствии с *теорией стаи* вождь в большей мере, чем послушные воле вождя *исполнители (жухлые некрофилы)* вокруг себя события формирует — но тоже отнюдь не по своей *свободной* воле.

Человек обладает родовой памятью в том положительном смысле, что способен воспользоваться опытом всех своих предков, критически его осмысливая, — жаль только, что счастьем критического мышления себя одаривают лишь немногие. Удел остальных — отрицательная сторона родовой памяти, проваливание в неврозы, приобретенные не только на протяжении собственно *своей* жизни, но и унаследованные от предков; как следствие воспроизводятся уже некогда пережитые бедственные ситуации. И чем больше некий предок авторитарен (чем больше подонок), тем цепче когтит унаследованный от него невроз. А что может быть гнуснее сверхвождя (Ганнибала)?! У каждого человека двое родителей, соответственно четверо дедов, восемь прадедов, и так далее. Число предков и предков их предков хотя и ограничено, но почти необозримо, — все средиземноморье.

И малорослый корсиканец *поддался*. В чем можно убедиться, сравнивая судьбы Ганнибала и Наполеона.

Но почему каждый конкретный невротик оказывается «в шкуре» неврозов данного великого военачальника, а не, скажем, земледельца? Выбор не случаен — он есть следствие многих факторов, плод диалектического единства внешних обстоятельств и нравственных решений, плод того, что принято называть душой.

Итак, что же могло повлиять на формирующегося Бонапарта, что он выбрал быть (не подражать! не казаться! а — *быть!*) Ганнибалом (или их, возможно, общим, историей забытым, предком)?

Какие особенности его пространственного, физического, физиологического и, как следствие, психического бытия определили или подтолкнули именно к этому «неврозу Ганнибала»? Некоторые из них уже были названы:

1. Наполеон себя осмысливал (с подачи окружающих) *мужчиной*, но жизнь внутри этого осмысления ему осложнял слишком малый рост — 151 сантиметр. Психопатологи вновь и вновь убеждаются, что одинаковые физиологические отклонения *одинаковым образом* определяют отклонения и в психике (*или, может, наоборот: отклонения психики уже во внутриутробном развитии проявляются во внешности?*), в частности низкорослые страстно желают стать в глазах других колоссами (помните, как Наполеона называли в бегущей

¹ Синоним карфагенянина, и то и другое в данном случае указывает не на национальность — собственно карфагенян в войске было мало и чем дальше, тем менее оставалось, — а просто на принадлежность войску Ганнибала.

² Казалось бы, всего лишь *наемник* Ганнибала.

Великой армии? — да-да, колоссом). Эту свою *порочную* потребность в сверхкомпенсации обычно реализуют в *порочных* же видах деятельности: заставляя собой восхищаться как гениальным актером, финансовым властителем, военачальником или императором — примеров множество. Но аномально маленький рост кроме определенных форм комплекса неполноценности и патологической ненависти к рослым людям (после правления Наполеона средний рост французской нации понизился на 2,5 сантиметра, — самые рослые в первую очередь шли в армию и, естественно, большая их часть гибла) требует также и некой идеологии, легенды, из которой следует, что особо маленький рост есть вовсе не проявление дегенеративности, следствие грехов предков, но, напротив, есть признак избранности — желательной судьбой и небесами.

Известно, что средний рост римлян (подчинивших, на удивление всем, всего за 53 года войн, включавших и три победоносные войны с Карфагеном, практически весь известный в те времена мир) был менее 160 сантиметров. Заальпийские кельты славились своим могучим ростом — но римляне их «мочили» без особого труда. Обратитесь за подробностями завоевания ойкумены Римом к какому-нибудь нынешнему студенту-историку — *низкорослому и слабосильному* — и он с *величайшим удовольствием* расскажет, как низкорослые римляне рубили крупных и мускулистых варваров (кельты дрались обнаженными по пояс — пугать врага должна была рельефность мускулатуры, объект зависти худосочных). Наполеон был, если угодно, таким же студентом, и у него были и эмоции, присущие этому типу студентов — только удесятенные. Следовательно, болезненно воспринимавший свой дегенеративный рост Наполеон Буонапарте в выборе между римлянами и кельтами должен был подсознательно предпочесть римлян. Не потому, что они *римляне*, а потому что *низкорослые*.

Но, скажите, если бы объявился народ еще более низкорослый, но при этом как завоеватель не менее славный, пренебрег ли бы Буонапарте высокими (160 см) римлянами или нет? Пренебрег бы.

А были ли такие?

Были.

Вот что пишет грек Полибий:

Вообще все италийцы превосходят финикийя [карфагенян] и ливийцев прирожденными телесной силой и душевной отвагой.

(Полибий, VI, 52:10)

В сущности, в образном восприятии человека ущербного (например, такого, как Наполеон) слабый — все равно, что более мелкий; карфагеняне, конечно, могли быть высокими, но слабыми, дистро-

фичными, — другое дело, что слабый и низкорослый все равно отождествлял себя с ними.

Психологическая достоверность — все; действительность же часто, в ущерб здравому смыслу, — ничто.

Итак, слабенький и женобедренький Наполеон должен был быть не на стороне высоких и мужественных римлян, а на стороне слабеньких (но покоровивших весь мир!) карфагенян!

2. Наполеон, страдавший от своей уродливой низкорослости, просто не мог, защищая свое унаследованное от матери болезненное самолюбие, не уходить в мечту о собственной колоссальности, причем в форме, определенной для него уже его отцом: как воспитанник военной школы он *понимал* только величайших полководцев. Согласно античным авторам, ему как уроженцу Корсики, где в населении циркулировала и римская, и карфагенская кровь, выбирать приходилось между римлянами и карфагенянами. Здесь тоже Ганнибал просматривается как идол; всякий же идол паразитирует на пороке — и при этом ценко.

3. Людям вообще свойственно отождествлять себя с тотемом (символом, идолом) своего племени (местности). А Ганнибал и был одним из таких тотемов: один из величайших, если вообще не величайший, полководец античности. Следовательно, для *воспитанника военной школы* Ганнибал, вообще говоря, олицетворял собой не только образец состоявшейся карьеры, но и символ древности рода (Франция — сословное государство, принадлежность к определенному сословию — неперемное условие карьеры). Как тут не вспомнить свое карфагенское прошлое?!

4. Ганнибал из Карфагена в девятилетнем возрасте был вывезен отцом на европейский материк — военное обучение предвляло вступление в должность главнокомандующего. Наполеон *тоже* был вывезен отцом, и *тоже* на материк, и *тоже* в почти том же (восьмилетнем) возрасте, и *тоже* для военного обучения.

5. Ганнибала еще в детстве отец перед жертвенником заставил дать клятву ненавидеть Рим (недемократов; в Карфагене свирепствовала рабовладельческая демократия); логическое завершение подобной ненависти — невротическое желание захватить *Рим* и его уничтожить. И, это очевидно из всей жизни Ганнибала, к *Риму* у него было отнюдь не рациональное отношение, а эмоциональное (если угодно, ненависть была подсознательной; к тому же сливалась с неврозом *великого города* — об этом неврозе ниже). Многие современные исследователи Наполеона позволяют себе обратить внимание, что отношение Буонапарте к России тоже было отнюдь не рассудочным и диктовалось отнюдь не интересами Франции. Это пытаются объяснить разными причинами, как то:

а) полковнику корсиканской повстанческой армии и лейтенанту армии французской Бонапарту отказали в свое время в просьбе принять его на военную службу в российскую армию, поскольку притязания Бонапарта на майорский чин показались начальству чрезмерными;

б) Александр I отказался отдать за уже коронованного императора Франции Наполеона свою сестру Анну, но тут же выдал ее за незначительного немецкого князька, чем Наполеон оскорбил;

в) коротышка и пузан Наполеон не мог не завидовать демократу Александру I — высокому, стройному и голубоглазому — и его по этой причине ненавидеть.

Все эти обстоятельства представляются *причинами* на том основании, что правителей интересуют только находящиеся на одной с ними ступени иерархии. (Скажем, в фашистской Германии впоследствии в Нюрнберге осужденные как военные преступники Гиммлер, Геринг, Борман, Шпеер и так далее, хотя были непосредственными сподвижниками Гитлера, друг с другом враждовали, друг против друга интриговали и один другого подсиживали. Они были одинаково преданы фюреру, но друг друга ненавидели — даже в стенах Нюрнбергской тюрьмы друг друга избегали. Делаящий карьеру грабитель тоже, «разобравшись» внутри своей группировки и став в ней вожаком, начинает бороться за власть с соседними бандами.) Ужас перед негодниками, ненависть по горизонтали, презрительное равнодушие к низестоящим, раболепство перед вышестоящими — классические чувства элемента всякой иерархии. В ныне царящей суверенитической цивилизации постулируется, что главное чувство элемента иерархии — ненависть к сопернику. Отсюда и трактовка мотивов Наполеона: его ненависть к России есть плод недоуважения со стороны царя и его чиновников.

Но всей совокупности происходившего между Наполеоном и окружающим его миром одна только эмоция оскорбленности Наполеона не объясняет.

Кроме всего прочего отчетливо просматривается комплекс Ганнибала и подстилающие его более ранние комплексы и неврозы.

Итак, Наполеон был Ганнибалом, Ганнибал же страстно ненавидел Рим, следовательно, Наполеон не мог не искать города, духовно ему, сверхвождю, противоположного, и в страстной к нему ненависти совершать нелогичные (хотя и строго закономерные) поступки. Римом же XIX века была Москва—Санкт-Петербург! (Более корректно: Москва — пусть отдаленный, но символ русского *неугодничества* — в одном смысле, а Питер — немецкое начало, аналог «железного» Рима, «внешничество» — в другом; и то, и другое — некая противоположность Наполеона — «внутренника».)

Рассмотрим проблему в упрощенных формах.

Очевидно, что у наполеоногганнибала сильные чувства должен был вызывать не обязательно буквальный Рим, который послушно лег к его ногам и откуда его хвалили папы, но метафизический, *нечто ему, Наполеону, сопротивляющееся*. (Гипотеза, что Москва есть Третий Рим, не имеет ровно ничего общего с высказываемыми соображениями, хотя не исключено, что если эти взгляды Наполеону пересказали, то само заключенное в ней слово «Рим» могло вызвать дополнительную бессознательную волну ненависти — так, скорее всего, и было. Но это только *дополнительная* волна.) Для подсознательно-го распознавания противоположности много не надо — *человек живет в энергоинформационном поле всей планеты*, и понятнейшее изложение гипотез не обязательно.

Таким образом, противостояние Ганнибала, *великого вождя*, и Рима, *великого города*, есть некая единая, не меняющаяся во времени константа, наполненная эмоциональным напряжением. Время от времени она, посредством пробуждающейся родовой памяти, со всей силой, присущей неврозу отрицания действительности, воплощается одержимостью конкретных людей, которые и становятся вождями, что, в частности, проявляется в желании захватить любой ценой *великий город*, который, однако, почему-то не захватывают. Опытный Ганнибал *странно* медлил после победы под Каннами, в чем угадывается *страх* перед *великим городом*, и так его и не захватил никогда, победа Наполеона над улетучившейся на его глазах Москвой тоже весьма условна.

Но как бы то ни было:

— и у Ганнибала, и у Наполеона равно просматривался «невроз *великого города*»;

— и Ганнибал, и Наполеон утратили свое несущее им победы психоэнергетическое первенство и лишились власти примерно в одном и том же возрасте — в 45 лет;

— прежде этого возраста и Ганнибал, и Наполеон побывали вблизи *великого города*, что расценивали как пик своей карьеры («*Я должен был умереть в Москве! Тогда я имел бы высочайшую репутацию, какая только возможна*». — Наполеон на о. Св. Елены);

— и Наполеон, и Ганнибал закончили свою жизнь от яда;

— и Ганнибал, и Наполеон чаще всего воевали руками и кровью людей чуждых им национальностей, что отличает их от великого множества других полководцев.

Было и множество других странных повторений судеб, интересующиеся могут найти их, сличая подробные биографии этих исторических фигур. К сожалению, о частной жизни Ганнибала осталось в истории немного — только самое ключевое (с точки зрения психоаналитика).

Итак, Наполеон был *как бы* новым воплощением Ганнибала, видимо, с достаточно молодого возраста. Если такое отождествление было движимо со всей неодолимой и испепеляющей силой невроза, то **от Наполеона в России следовало ожидать *странных поступков; очень, очень странных.***

Например, Наполеон должен был страстно жаждать захвата «Рима» и перед единственной в своей жизни возможностью **должен** был дать величайшее в жизни «римлян» генеральное сражение — Каннское.

Если открыть любую энциклопедию (даже не военную), то выясняется, что Ганнибал вошел в историю среди прочего и тем, что во время битвы при Каннах ***впервые в истории войн и военного искусства*** применил маневр, в результате которого римляне были разгромлены не просто наголову, но их потери составили 10:1!!

Маневр был прост: ганнибаловцы начали фронтальное сражение, раззадорив римлян тем, что наскочивший ганнибаловский легкий передовой отряд подставился под истребление, остатки его начали отступление, римляне бросились в погоню и когда они оказались за левой засад, по ним ***разом*** ударили ***и по левому флангу, и по правому.***

Именно эта одновременность и была новаторством (или особенностью — если история просто не сохранила предыдущую реализацию этого невроза).

Вообще говоря, удар *сразу по двум* флангам, действительно, есть некоторая оригинальность, поскольку в двух ударах практической (военной) надобности нет. Назначение всех и всяких засадных отрядов в генеральных сражениях заключается в том, чтобы *одним только* своим ***внезапным*** появлением тем более в таком месте, где военачальник противника вообще ничего встретить не рассчитывал, ***вызвать страх.*** У страха, как говорится, глаза велики, неизвестное пугает многократно сильнее известного, поэтому подвергшийся нападению из засады военачальник начинает представлять *невесть что*. А от громадного, *до неба*, «невесть чего» надо бежа-а-ать! И подчиненные субвождю войны без вербального приказа во все века послушно оставляли строй и бежали. Если военачальник успевал быстро справиться с галлюцинацией, то войско его, покачнувшись, оставалось на месте и, перестроившись, вступало в бой с очередным отрядом противника. Однако, «девочка» Ганнибал был гипнотизером такого масштаба, что обыкновенный субвождь типа сына мясника Варрона справиться с возникшей галлюцинацией не успевал и, повинувшись пришедшей, казалось бы, ниоткуда страсти, под видом бегства ради спасения жизни подставлял врагу для смертельного удара незащищенную спину...

Наблюдаемый при битвах феномен паники и повального бегства при *неожиданном* появлении даже ничтожного по силам засадного отряда противника можно объяснить как с использованием иных терминов, так и на примерах иных эпох. Известно, что современные солдаты, часто классически безалаберные, после первой же крови своих товарищей (бомбежка) и, вследствие новизны происходящего, — ***испуга***, тут же становятся послушными воле своего командира (дисциплинированными). Если бы все это происходило в окопах в виду врага, то послушание можно было бы объяснить дарвиновской целесообразностью — ради выживания под руководством обученного в военном училище командира. Однако в точности та же картина спонтанного построения строгой иерархии наблюдается и в глубинах тылу — при бомбежках. На передовой, когда пространственно близки вожди противника (а уж тем более, если приблизился *великий полководец*), той же силы бомбежка может вызвать повальное бегство, как о том и мечтают нападающие.

Нет ничего более непрактичного, чем паническое бегство из окопов! Если солдат сидит в окопе, где он защищен от пуль и осколков слоем земли со всех сторон и тремя накатами блиндажа сверху — у него есть важнейшая возможность пережить не только этот день, но и многие последующие. Если же он из окопов выберется и побежит — то его почти неминуемо ждет смерть.

Скажем, линию Маннергейма в Финляндии советские войска штурмовали в 1940 году три месяца, а в 44-м то же расстояние, и даже существенно более укрепленное, прошли всего за 10 дней. Укрепления к 1944 году стали для штурмующих и вовсе бесперспективны: толщина стальных бронеклопов была такова, что их не могли пробить даже несколько попаданий снарядов артиллерии большой мощности. Но после одной из артподготовок советские солдаты, не встречая никакого сопротивления, пошли на стальные ДОТы в полный рост. И удивились: все пространство за ДОТами было усеяно телами мертвых финнов. Оказалось, что психика финнов, в 1940 году подпитываемая энергетикой их союзника Гитлера (американцы им тоже помогали), в 44-м не выдержала, они повыскакивали из безопасных для себя многоэтажных подземных укреплений и бросились бежать. И в этот момент получилось так, что советская артиллерия перенесла огонь на большую глубину...

Очень поучительно для освобождения от пут идиотической теории о суверенности воли *исполнителей* и для постижения *теории стаи* просмотреть кадры кинохроники Великой Отечественной войны, во всяком случае те из них, на которых запечатлено бегство «комсомольцев»*-сталинцев из окопов. Особенность сохраненного киноплёнки эпизода в том, что позади передовой линии окопов — на

500 метров — отрывались окопы так называемых заградительных отрядов, цель которых была заграждать путь вовсе не врагу, а расстреливать бегущих комсомольцев. Побег комсомольца-исполнителя в такой ситуации становится втрое непрактичным: выбравшись из окопа, он попадал не только под пули гитлеровцев, но и под пулеметные очереди — в упор — заградительных отрядов. Возможности выжить практически не оставалось, — они и гибли. А вот негипнабельные солдаты от окопа к окопу прошли до самого Берлина.

Но тем не менее кадры кинохроники свидетельствуют: комсомолец вопреки интересам выживания в массе своей выскакивал из окопов и бежал на захлебывающиеся очередями пулеметы «Максим». Полезнейшие кадры для освобождения от пут «суверенитизма»: и если кому не хватит одного просмотра, пусть смотрит второй, третий раз... сотый — и так до тех пор, пока не зародится *мысль*...

Таким образом, для того чтобы обороняющийся стал послушным воле нападающего, его надо *напугать*. В этом случае он, утративший критическое мышление, начинает искать успокаивающее забытие в волнах некрополя «авторитетного» вождя. А поскольку сверхвождь нередко на стороне противника, то трус может быть принят в войско врага, а может и не быть. Вспомните грандиозные лагеря военнопленных 41-го года, штабеля умерших от голода военных и штатских. (И наоборот: отсутствие критического мышления есть состояние трусости; *исполнитель*, вообще говоря, трус, даже когда ордой идет против одного. Именно так описывают у нас поведение азиатов, которые нападают толпой на одного, но встретив малейший отпор — бегут. Но это качество не исключительно азиатское, — все толпы таковы, да и публика в сущности та же.)

В точности по тому же механизму подчинения воле сверхвождя гибли и римляне под Каннами. На 10 убитых обученных римлян приходился только 1 (!) убитый ганнибаловец. Никакими изъятиями военной выучки такого соотношения погибших не объяснить (в 1812 году русские рекрутские солдаты [*неугодники*], только что призванные, не успевшие освоить навыки владения оружием, выдерживали по сорок атак наполеоновцев — в дивизии Неверовского). Как объяснить, почему в первый период войны между Гитлером и Сталиным плохо вооруженным 3,2 миллионам гитлеровцев сдались более **3,8 миллиона** советских военнослужащих? Находящихся в обороне, лучше обученных и лучше вооруженных!! Если среднее соотношение погибших в Великой Отечественной — на одного убитого гитлеровца шесть советских солдат, — то каково это соотношение было в 41-м?!

Таким образом, для того, чтобы появились милые сердцу великих некрофилов горы расчлененных трупов, достаточно создать *непонятную*, непредусмотренную, а потому деструктурирующую защитное

критическое мышление ситуацию. Для этого достаточно *одной* пугающей неизвестностью черной точки на горизонте, одной засады, — *но не двух*. При одной засаде есть куда бежать, а при двух создается ощущение окружения, — а противник лучше напуганный, чем затравленный, приготовившийся продать напоследок свою жизнь подороже.

Словом, две засады, с точки зрения психологии, — это деградация, шаг назад в военном искусстве. Невроз.

Визитная карточка прошлого своих предков. И Ганнибал ее предъявил.

И вот спустя два тысячелетия наполеонганнибал встал под *великим городом*, рядом с деревней, называемой Бородино (расстояние в 120 километров отсюда до Москвы, хотя и ничтожное по российским масштабам, почти равно расстоянию между Каннами и Римом).

И вот *здесь Наполеон совершает «странный» тактический поступок*: вместо предложенного сразу несколькими наполеоновскими маршалами очевидного маневра, который должен был привести к разгрому русских — а об этом очевидном варианте пишут не только французские историки и исследователи, но и русские — он совершает такой маневр, который привел к тому, что Бородинское сражение превратилось просто в грандиозную бойню с приблизительно равными потерями (Наполеон потерял 40 тыс., а русские — 50 тыс.).

Гибельным, по всеобщему мнению, для России маневром был план, предложенный начальником кавалерии маршалом Даву, одним из немногих относительно самостоятельных маршалов Наполеона. Даву предлагал под Бородиным бой за смоленскую дорогу лишь имитировать. В это время он, Даву, с 35 тыс. своих людей и 5 тыс. поляков (и евреев) по старой Смоленской дороге *ночью* обойдет русских с тыла, и, как всегда в таких случаях бывало по всей Европе, посеяв панику, обратит в бегство русских и их перережет. Такой разгром обошелся бы наполеоновцам практически без потерь. Даву брался к 7 часам утра завершить этот выигрышный (для французов) маневр.

Однако Наполеон этого очевидного плана не принял — *почему-то*.

Какими только глупостями не объясняли столь странный поступок Наполеона. Дошли до того, что веруют в *jaloisie de metier* (профессиональная ревность. — *Фр.*) непобедимого доселе императора к обреченному на забвение подчиненному!

Наполеон, действительно, принял странное и невыгодное решение — удар по обоим флангам, как под Каннами, — но *странно* вести себя он *начал задолго до него*.

Во-первых, он не спал ночь. Кроме того, у него была лихорадка, вызванная или усугубленная простудой. А еще у него резко обострились трудности с мочеиспусканием. Наконец, с ним произошло то,

что пишущие о Наполеоне психиатры называют припадком эпилепсии. Во время этих припадков у *коLOSSa* отключалось логическое мышление, вплоть до потери памяти. Иными словами, в таком состоянии решение принимается исключительно по механизму невроза.

Неврозы значимы всегда, но одни значимы более, чем другие. Включение простое — значимые внешние обстоятельства, такие, как войско впереди и близость *великого города*. Если самыми значимыми для индивида неврозами были юнговские неврозы, то есть неврозы родовой памяти, а его предок был при Каннах среди ганнибаловцев или римлян, то он может «провалиться» в Канны. И их воспроизвести. (Вариант — общий предок.)

У победы при Каннах была визитная карточка, которую при Бородине и предъявил большой Наполеон!

Русские рекрутские солдаты, однако ж, не было всеобщей воинской повинности (русские полками стали бегать только с 1904 года, *после* введения всеобщей воинской повинности) — и Бородино Каннами не стало.

Разгромить русских фланговыми ударами не получилось. Какие-то *неправильные* оказались эти рекруты.

Русские *неугодники*, защищаемые от Александра I, чичаговых и ростопчиных кунктатором Кутузовым, довершив совершенную еще до Бородина психологическую победу над сверхвождем, прошли через Москву якобы на рязанскую дорогу, потом обманным движением ушли на калужскую — причем настолько скрытно, что наполеоновская разведка потеряла их из виду, что не могло не спровоцировать у параноика Наполеона дополнительных приступов ужаса.

Великий город был перед Наполеоном. Он был оставлен с ним наедине. Бери, казалось бы, и владей.

Но не расчетами выгоды движимы люди и события.

Желанная столица, по самоназванию *Третий Рим*, явившаяся в сиянии — виданное ли дело! — *золотых* куполов, уже через несколько часов подожженная с десяти концов, начала растворяться в огне грандиознейшего пожара, раздуваемого невиданной в этих местах бурей... В сущности, и Наполеоном, как в свое время Ганнибалом, *великий город* взят не был... Как увидим в дальнейшем, во многом из-за их *настоящих желаний*.

После битвы под Каннами-Бородино (вне зависимости от того, что Бородино Каннами не стало), Наполеон просто *не мог* взять город, в который не захотел войти Ганнибал.

Потому он столько часов и стоял на Поклонной горе, без всякого разумного объяснения не двигаясь с места.

Он пошел, когда Москва стала возноситься — то есть, на пустое место.

«Москву сжег я», — сказал Наполеон на скалистом острове Святой Елены. И это было правдой.

В мире толп культивируется сплошное *наоборот*. Это отключает остаток унаследованного критического мышления элементов стаи — тем ее сплывающая. Именно за такие *наоборот* вожди и содержат так называемых ученых (*идеологов**).

Софья Андреевна представляется всем идеальной женщиной, а Лев Николаевич — сумасшедшим.

Ромео и Джульетта становятся всемирным символом возвышенной любви между мужчиной и женщиной; а описавший их классические некрофилические взаимоотношения педераст Шекспир становится, соответственно, — главным экспертом по межполовым взаимоотношениям.

Импотент Гитлер становится для миллионов женщин цивилизованной Европы образцом *настоящего мужчины*.

А невротик Наполеон, который, похоже, как суверенная личность вообще никогда не жил, а со школьной скамьи лишь ненавидел действительность, ставший Ганнибалом и им и умерший, почитается разве что не во всем мире (кроме *неугодников* России) образцом человека, разорвавшего ограничения этого мира, возвысившийся беспредельно и *реализовавшийся как свободная личность!*

И вел веровавшую в него толпу *исполнителей* к их якобы мечте — к *свободе!*

Ехидство истории пределов не знает.

Глава четырнадцатая

«МОСКВУ СЖЕГ Я!»

Москву сжег я!

*Наполеон — 14-летней Бэтси Балкомб
на о. Св. Елены*

Но еще должно было пройти много времени, пока историография признала, что ее предназначение — в неукоснительной правдивости.

Зигмунд Фрейд

Единственный в своем роде взгляд на него (Наполеона. — А. М.) как на «самонадеянное ничтожество» — взгляд Льва Толстого — воспринимается сегодня как нонсенс,

зубоскальство одного гения по адресу другого, хотя именно этому нонсенсу следовали большей частью советские (русские. — А. М.) историки и писатели.

Троицкий Н. А. Александр I и Наполеон. (М: Высшая школа, 1994)

Зимний лагерь карфагенян был целиком выстроен из дерева... <Римлянами> подожжены были ближайшие строения, сначала во многих местах вспыхнули отдельные огни, затем они слились в один огненный поток, поглотивший все.

Тит Ливий, XXX, 3:8 и 6:5

О причинах начала в Москве пожаров 1812 года, в результате которых от *великого города*, подожженного с разных концов, мало что осталось, **бытует лишь три версии**: две принадлежат историкам и одна — Льву Толстому.

Одна версия, навязанная нам всем еще со школьной скамьи, — та, что Москву подожгли французы своими руками, **вопреки воле Наполеона** — якобы для того, чтобы привести русских в трепет, — настолько **никому не доставляет ни малейшего эстетического удовольствия**, что, естественно, упоминается скорее как курьез в истории мысли. При этом старательно закрывают глаза на тот факт, что Москва запылала с разных концов, когда французы только начали втягиваться в город.

Казалось бы, Великой армии логически нецелесообразно жечь собственные зимние квартиры, тем более что они разве что не ломались от золота, серебра, произведений искусства, мехов и съестного — то есть, того, что было якобы целью похода в Россию. Но с другой стороны, в событиях человеческой истории первичен не расчет, а отклонения психики, поэтому наполеоновцы, привыкшие тащить от разрушения как такового, могли уничтожить город ради самого уничтожения. В конце-концов, наполеоновцы немецкой крови в сохранившихся после пожара дворцах гадили в тех же комнатах, где и спали; в поисках драгоценностей не стеснялись разрывать могилы; поджечь что-нибудь по сравнению с этим — просто пустяк.

Вторая версия, поддерживаемая преимущественно нерусскими историками, *находящимися на содержании правительств* своих стран, — что Москву сожгли сами русские. Французы, немцы и прочие народы, чьи порождения составляли Великую армию, в таком объяснении событий видят подтверждение веры в природную жестокость русских, защищаясь от которой, французские захватчики и вынуждены были не только в Россию вторгнуться, но и творить на ее террито-

рии все те зверства, которые и были совершены. В концепции поджога Москвы самими русскими трудно не распознать дух гитлеровско-геббельсовской концепции Второй мировой войны — в бескрайние просторы России надо идти грабить и убивать, единственно защищаясь от особенной жестокости этих самых русских. Гады, одним словом, эти русские, гады и есть, самые главные на планете мерзавцы, даже собственную столицу спалить — вместе с невероятными в ней богатствами! — им нипочем. И при этом своих раненых защитников в количестве 22,5 тысяч тоже!..

Поджог Москвы русскими патриотами — во главе с героем войны Ростопчиным — доказывают также тем, что, хотя золото и серебро на монетном дворе московские власти оставили, оставили даже 156 пущек и 75 тысяч ружей, которые все почему-то достались французам в целости и сохранности, а вот **весь пожарный инструмент вывезли**.

Эту концепцию поддерживают, стыдно сказать, и часть историков, видимо, в выгодных ситуациях причисляющие себя к русским — порой и фамилии у них тоже вполне русские. По их мнению, сожжение Москвы есть свидетельство величия русской души, дескать, святое чувство мщенья и любви к собственной земле настолько возвысило души русских чудо-богатырей, что они оставили все меркантильные соображения и, обливаясь слезами от жалости к прекрасному, с десяти концов подпалили по большей части построенную из дерева столицу. О двадцати двух с половиной тысячах сгоревших при этом русских раненых солдат (лежали разве что не в каждом доме, и поджигатели не могли об этом не знать), разумеется, каким-то образом чудо-богатыри забыли.

Третья и последняя из ныне вспоминаемых версий, принадлежащая Льву Толстому, известному в своей семье и среди власть поддерживающих сумасшедшему, — **статистически-вероятностная**. Действительно, всегда есть рассчитываемая математически вероятность того, что скопившаяся в любой печной трубе сажа вспыхнет именно сегодня, а не вчера, и тем, по невниманию хозяев, вызовет в доме пожар. При этом, разумеется, не имеет ровно никакого значения, кто положил в печь дрова — русский, немец, француз или китаец. Просто — **вероятность**. По Толстому, Москва «не могла не сгореть». Русские, существенно более добродушные, чем европейцы, в рамках этой концепции переставали быть патологическими разрушителями...

Автор очень уважает теорию вероятности, в особенности с тех времен, когда в одном из академических институтов занимался вопросами химической физики с применением математического аппарата вероятностных процессов; уважает настолько, что сам иной раз при разрешении бытовых вопросов вспоминает о своих познаниях, — поэтому опровергнуть Льва Николаевича, казалось бы, просто не

имеет никакого *математического* права. Однако, гипотеза Льва Николаевича, которая вполне достоверно объяснила бы сожжение Москвы от пожара, начавшегося в *одном* месте, никак не может объяснить, почему пожар начался *в десятке* мест и притом *сразу, в тот день, а точнее час, когда в ней появился Наполеон*.

К достоинствам образа мышления Льва Николаевича можно отнести то, что он смог вырваться из-под нажима концепции «русские как строители империи зла», удовлетворяющей иерархически мыслящих функционеров любой национальности. Лев Николаевич, интуитивно чувствуя психологическую недостоверность концепции «русской империи зла», попытался переобъяснить «странности» в поведении Наполеона в России: странную его бездеятельность в Москве, его депрессию и странные вокруг него в этот период события. Одно это проявление неугодичества уже есть серьезнейший шаг к Истине.

Лев Николаевич и чувствовал, и понимал, что за событиями в Москве, в России, в мире и вообще во вселенной стоит нечто мощное, превосходящее человеческое разумение; происходит некое противостояние всепобеждающему началу, и происходящее в каждой точке пространства определяется именно этим противостоянием, а отнюдь не отсутствием в Москве «заливных труб» — пожарного инструмента.

Кстати, и этот аргумент «заливных труб» тех, кому нравится думать, что суть русского народа — вандализм, легко опровергается. Пожарное депо, очевидно, *единственная военизированная служба в городе, в которой количество лошадей превышало необходимое их число* для того, чтобы *за один раз* погрузить в штатные повозки *весь* числящийся под ответственностью брандмейстера инвентарь. Иными словами, у начальника над пожарными доставало лошадей не только вывезти (на всякий случай) казенное имущество, ему вверенное, но и личное тоже, а также имущество своих подчиненных. Подобных возможностей ни у монетного двора, ни у арсенала нет не только в наше время — не было и тогда — их имущество вывозили только сторонним, специально нанятым транспортом. Не удивительно, что в неразберихе бегства из Москвы **начальникам золото и серебро не было на чем вывезти — даже для себя лично!**

Из всех трех вышеприведенных гипотез (учитывая дух планеты, на которой Льва Николаевича причисляют к сумасшедшим, а жену его Софью Андреевну считают за идеал жены), естественно, не может не воцариться предположение о поджоге полной ранеными Москвы некими якобы русскими духовно-нравственными чудо-богатырями.

Да-да, во-первых, *русскими*, во-вторых, из них лучшими из лучших.

Однако, при ознакомлении с источниками (мемуарами) о пожаре Москвы невозможно не споткнуться о некоторые странности систематического характера — противоречащие гипотезе о нравственно оз-

веревших русских. Прежде всего, никто при вступлении Наполеона не заметил русских *чудо-богатырей*. Обыкновенные русские (остались, например в Воспитательном доме, с маленькими детьми, старших пешком из города вывели) повально были заняты тушением пожаров, с чем им справиться не удалось, поскольку в тот день разгрялась такая буря, какой старожилы не помнили — и все это без капли дождя. Напротив, *все те несколько поджигателей, которых захватили с личным, находились в последней степени опьянения*. (Кстати, в войска Гитлера из десятков тысяч английских военнопленных перешли только человек тридцать — все сплошь опустившиеся алкаши.) Иначе говоря, **поджигатели находились в особогипнабельном состоянии, то есть не могли не выполнять разрушительных пожеланий самого сильного в тот момент в Москве гипнотизера!**

Среди поджигателей был также отмечен и один *выживший из ума (!) слепой (!) старик (!)*. Как известно, этот тип, наравне с теми, кто находится в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, намного лучше зрячих и не утративших от интоксикаций разного рода критического мышления *чувствует, чего от него ожидает яркий некрофил — и исполняет ожидаемое*. (Кстати, подхалим и субвождь Ростопчин, подобно алкашам, должен был действительно *вдруг* захотеть сжечь город.)

«Странности» во все времена разрешались одним единственным способом — выявлением скрытого стержня происходящего — достоверным объяснением, иногда с привлечением прежде замалчиваемого материала.

В данном случае — достаточно вспомнить о событии известном, том самом, за которое корсиканца высмеивали и высмеивают на Руси так, что «самонадеянное ничтожество» в гробу, наверное, не просто переворачивается, но крутится волчком.

Разумеется, это — четырехчасовое ожидание Наполеоном на Поклонной горе депутации бояр с ключами от города.

Наполеон так и говорил: «бояр».

Когда стало ясно, что делегации бояр не будет, наполеоновцы решили русским помочь и — благо от тогдашней Москвы до Поклонной горы было рукой подать — сели на коней и отправились отлавливать лучших русских людей.

Выбирали будто по списку некрофилческих профессий из «КАТАРСИСА». Депутацию составляли двенадцать «лучших русских людей» — купчики, чиновники, неясных занятий мещане и один утверждавший, что он дворянин, — все *пьяные*.

Наполеону, которому уже довелось убедиться, что русские умирают, но не сдаются, достаточно было одного взгляда на «лучших людей», чтобы вынести им диагноз.

«Имбеци-илы», — брезгливо сказал страждущий ключей от *великого города* — и отвернулся, чтобы ни разу более не посмотреть в их сторону.

«Имбецил» — это французское слово. Означает оно — «идиот». Диагноз неизлечимой болезни.

Наполеон знал, что *это* — не *русские*.

Он жаждал победы над *русскими*, а привели *своих*. («Вы все нуждаетесь в наркотике», — презрительно сказал Наполеон *своим* на о. Св. Елены.)

Итак, и изъявившие желание поклониться Наполеону, и те, которых задерживали при попытке поджечь Москву, и те, которые остались преданы вождю Наполеону вплоть до ссылки на остров, принадлежали к *одному психологическому типу! Это была пьянь!*

Таким свойственно выполнять пожелания вождя!

Но и те, и другие, и третьи менее всего были Наполеону интересны — одними лениво пользовался, к другим на Поклонной горе даже не подошел, а вот поджигателей приказал расстрелять.

(Расстрел или какой иной способ умерщвления вождем *наиболее преданных ему соратников* — сюжет в мировой истории весьма и весьма распространенный. Дело, разумеется, не в какой-то особенной глупости вождей. Просто сверхвожди — параноики и удержаться от панических мыслей о якобы готовящемся на них покушении не в состоянии; стоит же подобным мыслям появиться, как появляются и исполнители — парадоксально, но это наиболее преданные подхалимы. Так что, их уничтожение — способ продления вождем своего биологического существования. А в Москве — способ сохранить крышу над головой.)

Итак, огонь к деревянным строениям Москвы подносили, действительно, русские — по языку, в каком-то смысле по крови, но не по духу. Это была пьянь, подхалимы, торговцы, сволочь гипнабельная, наполеоновцы. И желание, *вдруг* и *одновременно* в них возникшее, было *не их* желанием!

Москва сторела потому, что всякий сверхвождь — раб собственно извращенного влияния на людей...

А узнать *свои* тайные мысли и подсознательные влечения он может лишь наблюдая за *вдруг* возникшими *одновременными* желаниями тех, кто его окружает.

Все это звенья одной цепи, цепи единого металла, сковывающей «странности» той эпохи воедино. Странности поведения адмирала Чичагова, странные приказы графа Ростопчина, странности поведения Александра I, систематические победы Наполеона в сражениях с превосходящим по численности противником, странные обстоятельства его смерти от множества ядов, когда исполнителями казни стали

свои, и так далее... Точно так же и Москва была подожжена все теми же *своими* — послушными тем галлюцинациям, которые властвовали над законченным невротиком Наполеоном.

Наполеон не мог войти в Москву, даже не защищаемую, — это да, но почему Наполеон, скучавший в ожидании боя на Поклонной горе, *не мог не думать о том, что Москва непременно загорится — и притом с десяти концов?*

А вот почему.

Еще в 1805 году Наполеон во всеуслышанье заявил, что у полководцев есть свой возраст для завоеваний, что-де еще лет шесть, и его карьера полководца закончится.

Шестилетний срок истекал в 1811 году, соответственно, в кампании *1812 года*, наблюдая, как многократно уступающие по численности русские армии из сражения в сражение ускользали от разгрома — причем даже новобранцы (а Наполеон, замечая, что его старая гвардия лучше остальных его гостей *наступает*, видимо, веровал, что профессионалы лучше и *защищаются*), — Наполеон не мог не вообразить, что карьера его кончена. А раз кончена, то впереди только гибель и, возможно, плен и даже издевательства в виде показа в клетке — *с обнаженными-то сантиметровыми гениталиями!* (Не случайно впервые в жизни после боя под Малоярославцем Наполеон приказал доставить ему *яд!*) Параноику не мог не пригрезиться конец!

Обстоятельства его смерти легко предсказываются.

Поскольку Наполеон прекрасно осознавал, что его жизнь странным образом воспроизводит жизнь Ганнибала, — причем воспроизводит во всех подробностях и мельчайших деталях, — то, естественно, и завершение карьеры должно было проходить в близких формах. А форма была та, что враги Ганнибала перед окончательным его разгромом лагерь карфагенян *сожгли* — вместе с войском. Немногих пытавшихся бежать прирезали. С Поклонной горы, разумеется, не видно, что Москва *выстроена из дерева*, но об этом Наполеон не мог не знать из описаний до безумия желанного им *великого города*.

Итак, надвигалась зима, и взору Наполеона открывались зимние квартиры его войска... Вот войска его входят...

Зимний лагерь карфагенян был целиком **выстроен из дерева**... <Римлянами> подожжены были ближайшие строения, сначала во многих местах вспыхнули отдельные огни, затем они слились в один огненный поток, поглотивший все.

(Тит Ливий, XXX, 3:8 и 6:5)

Охваченный ужасающей галлюцинацией Наполеон (его великолепную образную память отмечали все знавшие его) также не мог не

вспомнить и идущее из средних веков о себе предсказание, в котором до сих пор исполнялось все. В этом предсказании среди прочего было сказано, что «враги сожгут огнем *великий город*» — и после этого начнется полный разгром и агония подвластной ему армии.

И Наполеон, въезжая в Москву, *очень ярко представлял себе*, как пьяные, похожие на свиней, русские имбецилы, образцы которых ему только что показали, сейчас повсюду высекают кресалом огонь у стен домов этого красивейшего города мира...

И Москва загорелась. Во многих местах... *Одновременно...* В тот момент, когда Наполеон к ней приблизился.

Это был тот самый случай, когда пророчество исполнилось в точности. Действительно, сожгли Москву *враги* Наполеона, — ведь отнюдь не руками французов подносился огонь к деревянным стенам оставленных хозяевами домов города. Это были враги — ведь Наполеон их за деньги не нанимал, а потом приказал расстрелять или повесить. Ведь нельзя же в пророчестве называть друзьями тех, кого расстреливаешь...

Наполеон, естественно, знал о себе больше, чем вещал перед сборищем обожавших его лакеев. Он мог и проговориться — но только перед человеком нейтральным. И он был прав, когда в пароксизме искренности он перед 14-летней девочкой на о. Св. Елены произнес те слова, которые если и приводят в биографиях Наполеона, то никак не комментируют:

— *Москву сжег я!*

Да, разумеется, патологический лгун Наполеон, продолжая на зрителях играть роль благодетеля человечества, говорил, что именно эти звери русские, сговорившись (а как иначе объяснить одновременность начала пожаров?), Москву и сожгли, и потому оправданы были все его, французского императора, злодеяния на территории России — не только расстрелы не сопротивлявшихся ему штатских, но и приказ о взрыве Кремля.

Убедительный голос самонадеянного ничтожества, трактующий и причины его в России поражения, и причины пожара, отдается эхом и двести лет спустя — но только среди тех, кто со стадом не порывает...

Москва, оказавшись накрытой некрополем Наполеона, не могла не гореть — и этот *великий город*, о котором так мечтал Наполеон, приоткрывшись на несколько часов во всей своей красоте, ускользнул, вознесся к небу вместе с дымом от горящих богатств...

А ведь знакомый, согласитесь, образ!

Этот образ выступает временами из забвения на всем протяжении человеческой истории...

Страниц человеческой истории, достойных поминания, много.

Вспоминается Нерон, по приказу которого сразу с множества сторон был подожжен Рим. Прославившийся своим женоподобием омерзительный толстяк, любимец толпы, с башни дворца созерцал вознесение столицы прахом в небо — без этого уничтожения *великого города* жизнь Нерону казалась лишенной вкуса. А потом он, получив повод, под одобрительные вопли толпы казнил первохристиан и тоже наслаждался. Очевидно, оба поступка составляли единое целое некоего очень мощного невроза, настолько мощного, что его можно назвать *состоянием души*...

Вспоминается Ганнибал, целью всей жизни которого тоже было покорение *великого города*, он его безуспешно пытался уничтожить, странно вокруг него топчась и не решаясь подойти...

Сожжением *великого города* Карфагена любовался «дама» Сципион Младший и, изображая грусть, зная, что его слова войдут в историю (рядом стоял историк, бывший одновременно и одним из любовников), томно произнес:

— *Sic transit gloria mundi* («Так проходит земная слава...»).

Сципион тоже грустил, наблюдая вознесение *великого города*.

Зная психику людей, можно утверждать, что в боли наслаждались они все не столько происходящим с буквальными городами, но неким одним... *великим городом*, который всплывал из невротического их подсознания...

И Нерон, и Наполеон, и Сципион Младший, и Пирр, и Ганнибал и многие другие *элементы* иерархий, умеющие утонченно подчиняться и подчинять, и даже писатели — популярные *в толпе!* — в произведениях которых лирический герой отправляется завоевывать своими силами некую столицу, *великий город*, который и оказывался в итоге попраным под его ногами... Мечта...

Это — мощь и сила невроза.

Назовем это условно «*неврозом великого города*».

Невроз этот из тех, которые приобретаются отнюдь не в несчастиях *собственной* жизни.

...не из прошлого, а — из будущего...

И это истинно так, ведь время, в определенном смысле, закольцовано — порукой тому видения пророков.

Во вселенной, в которой время таково, конец известен от начала.

А смерть и ее обстоятельства навевают и грусть, и злобу, и стремление избежать неминуемого.

Но не иссушить им огнем пожаров захлестывающие их души волны ужаса...

Перед Великим Городом, с которым они связывают свою погибель.

Кто перечитывает «Апокалипсис», уже догадался, о чем идет речь.

СУДЬБА «ЖЕНЩИН» В НАПОЛЕОНОВСКОЙ ОРДЕ

Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить.

Мф. 10:28

Сверхвождю Наполеону помогали не только высшие чиновники российского государства и пьяницы. Активными пособниками *на первом этапе войны* 1812 года были *исполнители* наиболее массового образа жизни — крепостные крестьяне (отторгшие из своей среды *неудобников* в рекруты).

Исполнители на первом этапе войны с энтузиазмом брали в плен помещиков и охраняли имущество барских домов, чтобы оно в целости и сохранности досталось наполеоновским мародерам, и даже встречали их хлебом-солью. Факт известный, хотя и не афишируемый.

Но это в селах и деревнях. А что происходило в городах?

Какие категории населения с наибольшей готовностью проявили свою стадную сущность при явлении сверхвождя?

В Москве из 247 тысяч тогдашнего населения осталось, по разным оценкам, от шести до пятнадцати тысяч (не считая 22,5 тысяч оставленных после Бородина раненых).

Это были:

- французы: модистки, актрисы-проститутки, гувернантки и гувернеры;
- немцы;
- евреи;
- купцы (как нам сообщают в освященных иерархией учебниках, якобы свято верившие Ростопчину и *потому* не вывезшие свой товар, и оставшиеся якобы *потому*, что решили этот свой товар сохранить);
- вырвавшиеся из тюрем преступники (и, видимо, их избежавшие заключения подельники);
- проститутки;
- разного звания пьянь;
- монашки.

Описание «проделок» этих отчетливо авторитарных категорий населения начнем с проституток. Если, как нам объясняют, купцы остались встречать французов *потому*, что вывезти товар заблаговременно *не догадались*, а полное отсутствие транспорта непосредственно перед вступлением наполеоновцев не давало возможности уйти

в последний момент, то у проституток, как известно, «орудие производства» особых транспортных средств не требует. Они уйти могли.

Следовательно, причина, по которой проститутки остались в городе, психологического свойства. Их остается *тянуло*. Это — первое.

Оплачиваемыми проститутками мечтают стать многие женщины, но далеко не у всякой получается довести «производительность труда» конвейера до уровня, обеспечивающего ей сытое существование. Конкуренция во все времена была огромна, и побеждали, разумеется, те, к которым активнее шла гипнабельная клиентура.

Далеко не всякому клиенту приятно предварительно *многословно объяснить*, когда она должна разыграть из себя «строгую» и «неприступную» герцогиню, и уж только потом приступить к мероприятию с элементами биологического взаимоотношения полов; *гораздо увлекательней получить все это без предварительных вербальных наставлений*. Таким образом, профессиональное преимущество есть у тех категорий проституток, которые более чувствительны к диктующему некрополю заказчика (экстрасенсы); тех, которые при всей своей жестокости послушны; и тех, кто обладает достаточными гипнотическими способностями, чтобы заставить клиента расплатиться.

Рай для проститутки — это нашествие гипнабельных мужчин.

Лучше сразу целой армии! Великой армии! Армии под руководством великого вождя, рядом с которым гипнабельность обостряется неимоверно. Это — второе.

Вспоминая отступление этой Великой армии, то, как они справляли свои естественные надобности не раздеваясь (и может быть, ради цивилизованного оправдания этого и присоединились к сверхвождю?), лишний раз убеждаешься в справедливости фрейдовской классификации индивидов: именно такие и значимы для живущих по законам стаи валабиянок вообще и профессиональных проституток в особенности.

Стоит ли удивляться, что городские проститутки в покинутой населением Москве остались?

Но каков бы ни был механизм принятого ими решения, очевидно, что поступки уличных проституток в большей мере, чем валабиянок, определяются даже не приказами, а лишь пространственными перемещениями и просто желаниями вождя, а тем более сверхвождя.

При появлении наполеоновцев проститутки и близкие к ним по психологии «энтузиастки» были активны. И — счастливы. По-своему.

Они были активны и когда наполеоновцы Москву оставляли. Они уходили вслед за Наполеоном.

Уцелевшие очевидцы писали, что у каждого оставлявшего Москву наполеоновского офицера была карета, в которой непременно си-

дела женщина. Нет, не пленница, а добровольная попутчица, «подруга сердца» (см. в кн.: *Верещагин В. В.* Наполеон I в России. Тверь: Агентство «Созвездие», 1993. С. 154). Из того, что уйти вместе с Кутузовым при хорошей погоде у них не было сил, а для ухода вслед за Наполеоном при испортившейся эти силы появились, следует, что поступки их диктовались вовсе не внешними обстоятельствами.

Женщины были не только у офицеров, но и у военных подразделений. Не отдельных солдат, а именно подразделений.

Подобно тому как во второй половине XIX века в Питере ценились проститутки преимущественно немецкого и прибалтийского происхождения, так в начале века ценились француженки. (Пьер на первом этапе своего развития, лет за несколько до 1812 года, помнит, ездил спать к француженкам, так называемым актрисам — они, действительно, кроме *основного своего занятия* еще и на сцене *представляли*.)

Естественно, что во время бегства и гибели Великой армии, из всех проституток страдания именно француженок вызывали особенно сильные эмоции у французских мемуаристов.

Эти мемуаристы поголовно исходили из той концепции (ложной), что эти, умеющие «представить» что угодно дамы, были... жертвами, а не счастливыми Великой армии добровольцами. Эта концепция, искажающая происходившее, несколько обесценивает мемуары, однако кое-что можно вычитать и между строк.

Невыразимо было жалко француженок, ушедших... из Москвы, рассчитывавших на полную безопасность среди нас. Большая часть [шла] пешком, в летних башмаках, одетые в легкие шелковые и люстриновые платья, в обрывки шуб или солдатских шинелей, снятых с трупов. Положение их должно было вызвать слезы у самого загубленного человека, если бы обстоятельства не задушили всех чувств.

(Labaume)

(*Верещагин В. В.* Наполеон I в России. С. 77)

Дешевая жалость есть одно из тех чувств, посредством которых некрофилы-«внутренники» ставят в зависимость исполнителей более низкого, чем они, ранга (подробнее об этом см. в кн. «КАТАРСИС»). Виртуозно владеют нанизыванием на крючок жалости не только профессиональные нищие, но и проститутки, — как не вспомнить их стандартные исповеди клиенту о том, как проклятая жизнь их, бедняжек, вынудила заниматься именно *этим*. То, что цитируемый Labaume в своих мемуарах столь дешево жалостлив к «несчастливым падшим» созданиям, показывает, что в Великой армии грабителей и убийц он оказался отнюдь не случайно.

Послушаем, что Labaume (одержимый культивируемым комплексом неполноценности, который позволял беспрестанно и безосновательно чувствовать вину перед *величественной Женщиной*, и, будучи некрофилом, романтизирующий и Наполеона, и самого себя, и всех своих движимых теми же чувствами попутчиков) говорит дальше про тех, кто такие вокруг себя события организовывал целенаправленными усилиями:

Несчастная П. все еще тащилась за нами и как рабыня разделяла наши беды и лишения.

История этой особы стоит того, чтобы рассказать о ней: заблудилась ли она или, по своей романтической натуре, напрасилась на приключение, но ее нашли спрятавшуюся в подземелье Архангельского собора. Девушку привели к элегантному французскому генералу, который сначала взял ее под свое покровительство, а потом, прикинувшись влюбленным и обещавши жениться на ней, сделал ее своею любовницей. Она переносила все беды, лишения с истинным мужеством добродетели. Неся в себе уже залог любви, которую она считала естественною и законною, она гордилась тем, что будет матерью, и тем, что следует за своим мужем. Но тот, который всего наобещал ей, узнавши, что мы не остановимся в Смоленске, решился порвать связь, на которую никогда и не смотрел иначе, как на забаву. С черною душой, недоступным жалости сердцем, он объявил этому невинному существу под каким-то благовидным предлогом, что им необходимо расстаться. Бедняжка вскрикнула от отчаяния и объявила, что, пожертвовавши семьей и именем тому, кого считала уже своим мужем, считала своим долгом идти за ним всюду, и что ни усталость, ни опасности не отвратят ее от решения следовать за любимым человеком.

Генерал, нимало не тронутый такою привязанностью, сухо объявил еще раз, что необходимо расстаться, так как, во-первых, по обстоятельствам оказывается невозможным держать женщин, во-вторых, он женат, почему ей лучше всего возвратиться в Москву, к жениху, который, вероятно, ее ожидает. При этих словах несчастное существо просто окаменело: бледная, еще более помертвевшая, чем тогда, когда ее нашли между гробницами кремлевского собора, она долго не могла открыть рта; потом плакала, стонала и, подавленная горем, впала в беспамятство, которым предатель воспользовался не для того, чтобы избежать трогательного расставания, а просто для того, чтобы убежать от русских, крики которых уже доносились...

(*Верещагин В. В.* Указ. соч. С. 77–78)

Что и говорить, до «Ромео и Джульетты» нетрадиционно сексуально ориентированного Шекспира не хватает только мудрого мона-

ха — атмосфера кладбища с узнаванием в живых уже мертвых вполне сформировалась. Впрочем, к обитателям монастырей мы еще обратимся...

В этом ужасном походе с каждым новым днем я говорила себе, что наверное не доживу до конца его, только не знала, какую смертью умру... Когда останавливались на бивуаке, чтобы согреться и поесть, то садились обыкновенно на тела замерзших, на которых располагались так же удобно и бесцеремонно, как на софе...

Целый день было слышно: ах, Боже мой! У меня украли портмоне, у других — мешок, хлеб, лошадь, и это у всех — от генерала до солдата...

(г-жа Fusil)

(*Верещагин В. В. Указ. соч. С. 76*)

Да, так уходила очередная волна цивилизаторов России, на поверку оказавшихся простыми ворами — знакомая картина! На разоренной старой смоленской дороге цивилизовывать (грабить) было некогда — кроме своих...

Итак, среди женщин в пособничестве сверхвожде, причем пособничестве *бескорыстном*, замечены были прежде всего проститутки и их *инверсированные аналоги* (о монашках чуть позже). А среди мужчин?

Среди горожан-мужчин резко повышенной в этом отношении активностью отличились купцы. Причем не только мелкие торгаша, но представители всех трех гильдий. Купцы первой гильдии, как известно, — это финансовые воротилы и притом весьма крупные: вступительный в гильдию ценз определялся суммой выплачиваемых ими одних только налогов — для первой гильдии он составлял сто тысяч рублей серебром в год — сумма (ремесленник, зарабатывавший в день один рубль, считался человеком обеспеченным) просто чудовищная...

Но к какой бы гильдии торговец ни относился, *психологическая* схема продаж на всех уровнях одна и та же.

Предположим, вам нужно спилить дерево, что, вообще говоря, проще всего сделать пилой — с соответствующим размером заточенных зубьев. Однако, вы, покупатель, инструментами не интересовались никогда, а у торговца, к которому вы пришли, пилы нет. Зато у него есть серп и молот. Если вам приглянулся, скажем, по эстетическим соображениям молот, то торгаш никогда не скажет, что молот от дерева будет отскакивать, и валить дерево придется со многими усилиями, что серп хотя бы *режет*. Нет, он вам сообщит, что ваш выбор молота совершенно верен, прямо-таки гениален, что и он сам, когда нужно свалить дерево, всегда использует молот...

Когда с той же проблемой свалить дерево подойдет другой покупатель, и ему понравится серп, то и он услышит эмоциональную,

со всей искренностью исполненную тираду о правильности выбора и о гениальности всякого, кто выбирает серпы.

Таким образом, профессиональные торговцы всегда пытаются сначала спровоцировать покупателя на высказывание, а затем *под него подстраиваются и седлают*, при этом врут — да не просто так, а с перевоплощением, иначе игра будет разгадана... А такие, пусть даже хорошо оплачиваемые действия даром для собственной психики не проходят. Засорение души ложью зримо при психокатарсисе (если еще не утрачена к нему способность), как следствие замусоренности наступает обессиливание, увеличивается гипнабельность — тут недалеко стать в Великой армии не рядовым, а офицером. Замусоренность, навык в перевоплощения под покупателя (а это — отказ от себя как потенциально суверенной личности) и формируют известную психику купца-проститутки. Поскольку успешно раствориться можно только в клиенте-вожде, то для купца со временем носители некрофилического начала становятся еще более значимы, чем прежде. Итак, у торговца, так же, как и у проститутки, некое иное психическое состояние души, чем у созидателя-ремесленника или земледельца. Естественно, что в дни нашествия сверхвождя купцы оказываются при нем, обслуживая ряды Великой армии наряду с проститутками. Корыстные интересы здесь вторичны.

Торговать с несумевшими победить при Бородине и вошедшими в сожженную Москву наполеоновцами — французами, немцами, поляками и евреями — подмосковные крестьяне не желали. Выделились в этом отношении только *исполнители* села Останкино. Сразу на тридцати подводах их представители повезли наполеоновцам овес и муку. Нагруженные вином, сахаром, золотом и серебром благодетели человечества ощущали недостаток в продовольствии, простом и для здоровья полезном — поэтому все у останкинцев было немедленно куплено и обильно оплачено (благо еще в Париже цивилизатор Наполеон распорядился напечатать много фальшивых русских сторублевых ассигнаций). Расторопных сельских барышников (были такие села — торговые) отпустили назад и наказали непременно приезжать еще. Но едва подводы выехали за город, как на них напали наполеоновцы из других воинских частей, избили, ограбили, отняли даже лошадей, а самих крестьян возвратили в Москву и заставили работать. (Название выделившейся деревни — Останкино — упомянуто не случайно. Читатель! Запомни его, поскольку не только национальный характер есть некая наследуемая данность, которая если и меняется, то медленно; то же самое касается и деревень — и это очень хорошо помнили наши предки! Запомнить же название села Останкино нужно для понимания некоторых странностей, случившихся полтора с лишним века спустя.)

Итак, купцы и проститутки — две категории людей особо авторитарного мышления, поэтому их поведение очень напоминало поведение высших должностных лиц государства при приближении к ним сверхвождя, и не важно, что враждебного государства. Этот результат, легко выводимый из *теории стаи*, подтверждается на материале событий в оставленной Москве и не только в ней. И на других оккупированных территориях России, и на других материках, и в рамках других цивилизаций получался похожий результат. Примеров — множество...

Профессии, которые всегда оказываются заняты яркими некрофилами (более других преданные принципу вождизма, или, что то же, — стайны) в «КАТАРСИСЕ» уже были перечислены. Это не только проститутки, уголовники, высшие администраторы (типа Ростопчина), профессиональные военные (типа Чичагова), но и жрецы национальных государственных религий — а они все равно зиждутся на принципе авторитаризма.

Мы встретили еврея, который рвал на себе бороду и пейсы при виде горевшей синагоги, которой он был раввином. Так как он болтал немного по-немецки, то мы поняли, что вместе со многими другими своими одноверцами он снес в храм все, что имел наиболее ценного. Не могу себе представить, что <этот> бедный еврей, среди таких бедствий, не утерпел, чтобы не спросить нас, нет ли у нас чего-нибудь для продажи или промена... Он принужден был, несмотря на все отвращение, поесть с нами окорока... Стрелки, набравшие на монетном дворе слитков серебра, обещали ему променять их.

Когда мы вошли в самый еврейский квартал, оказалось, что в нем все выгорело дотла — приятель наш, при виде этого, вскрикнул и упал без чувств. Через минуту он открыл, однако, глаза, и мы, давши ему оправиться, стали спрашивать, чего он так испугался: он дал понять, что дом его сгорел, а с ним, вероятно, и вся семья...

(Bourgogne)

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 40–41)

Еврейские национал-священники от других не отличались. О лютеранских священнослужителях говорить не будем, потому что их поведение можно объяснить тем, что четверть войска Наполеона были недавние союзники русских — немцы. Поговорим о русских.

Православный (а следовательно, наиболее благожелательно расположенный к единоверцам) художник В. В. Верецагин, многие годы отдавший изучению событий 1812 года, так описывает чувства и поведение монахинь:

Скромное имущество монахинь Алексеевского монастыря, спрятанное в кладовую, было разграблено; солдаты нарядились в монашеские ряски... Несколько человек поселились в келье игуменьи, где пировали двое суток и приглашали к себе молодых монахинь — одна добровольно пошла на позор, осталось известно и имя ее. «До смерти хотелось нам, немногим оставшимся молодым монашенкам, — рассказывает одна, — узнать, что там делается; мы все забились в одну комнату, отворили дверь и стали выходить помаленьку; а подбежала старуха-монахиня: „Куда, — говорит, — сейчас назад! Вы уж и рады на военных-то глазеть! срамницы этакие! Вишь как все раскраснелись! путные бы побледнели от страху...”»

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 42)

И это пишет православный! А будь автор сторонний, он бы не преминул продолжить тему «добровольной отдачи на поругание», румянца заинтересованности и справедливо заметил бы, что увиденное свидетелями всегда есть лишь ничтожная доля от действительно происходившего по женским монастырям.

Это было в Алексеевском, а про то, что было в Рождественском женском монастыре, и пересказывать как-то неудобно...

Однако в системе государственного православия монашки были отнюдь не первопроходцами угодничанья перед элементами Великой армии, впереди, в полном соответствии с *теорией стаи*, шествовали лица, по понятиям православной иерархии намного более духовные.

Французы еще только пересекли границу России, и дальнейшее развитие событий было еще неочевидно, но Могилевское и Витебское высшее духовенство во главе с епископом Варлаамом не только само принесло присягу на верность Наполеону, но и разослало через консисторию указ всем подчиненным им священникам принять ту же присягу и во всех церквах поминать вместо императора Александра — Наполеона.

Текст присяги сохранился (цит. по кн.: Верецагин В. В. Указ. соч. С. 27):

«Я, нижеподписавшийся, клянусь всемогущим Богом в том, что установленному правительству от его императорского величества французского императора и италийского короля Наполеона имею быть верным и все повеления его исполнять, и дабы исполнены были — стараться буду».

За архиереем, священник Добровольский и многие другие, отправляя литургию и молебны, вовсе не упоминали никого из фамилии Императорского Русского Дома, а молились о здравии французского императора и италийского короля великого Наполеона.

(Верецагин В. В. Указ. соч. С. 27)

Расследований дел по предательствам священнослужителей после изгнания Наполеона было великое множество, и до смены в России в конце XX века государственной религии на православие в архивах они были доступны...

Что касается поведения священников уже в *Москве* (к примеру, один из священников на потеху Наполеону, нарядившись в по чину ему не положенное одеяние, служил службу в Успенском соборе), то прежде всего надо помнить, что *желания* Наполеона после потрясшего его Бородинского сражения и исчезновения на глазах Москвы существенно изменились, начался **второй этап** Русской кампании, *паранойяльный*, и священники (угодники из иерархии, *неугодников* лишали сана) на втором этапе сменили поведение, так же, как и крестьяне-исполнители (православный священник вынужден угодничать перед начальством не так часто, как чиновник на службе, купец в лавке и проститутка на панели — отсюда и поведение священников ближе к поведению крестьян).

Крестьяне («внешники»), хоть и *исполнители*, но раньше других категорий населения отвернулись от сверхвождя и начали служить уже его *паранойяльным* грезам, подпитывая естественную неприязнь к вора́м, тем более *чужим*, и несовместимость с «внутренниками». Если до Бородина крестьяне-исполнители в массовом порядке помогали Наполеону, то к концу стояния Наполеона в Москве, напротив, развернули активное партизанское движение, организовываясь в отряды в несколько тысяч человек (пример: пять тысяч под командованием крестьянина Герасима Курина собрались менее чем за неделю и уже на седьмой день после первой стычки пошли на штурм города Богородска — подробно об этом случае в одной из следующих глав).

И далее откалывались от Наполеона в следующем порядке: священники («внешники»), купцы («внутренники»), проститутки.

Факт массового сотрудничества национал-священников (разных религий равно) примечателен, в особенности если рассматривать его в контексте других нашествий сверхвождей на Россию. Во время Второй мировой войны сотрудничество православных священников с гитлеровцами также носило массовый характер. Разумеется, удовлетворяющее вождей объяснение было придумано: дескать, священники были оскорблены советской властью, поэтому им по известному выражению «белого» генерала Краснова «хоть с чертом, но только против большевиков». Идейности и «духовности» русских православных священников можно только удивляться: гитлеровцы развлекаясь, заставляли русских и белорусских матерей собственными руками подбрасывать вверх младенцев, — и в детей стреляли, с тем только, чтобы удостовериться, что могут навскидку попадать в лет; в Белоруссии был уничтожен каждый четвертый житель, а священники,

понимаете ли, не опускались до низменных плотских чувств этому противостоять, но служили своему высокому духу, который подсказывал молиться за Гитлера!

А как гнусно вели себя «духовные» при татаро-монголах?! Говорить противно...

Так что не в оскорбленности попов большевиками было дело — а в свойствах души элементов иерархии.

Понятие «женщины» для Великой армии распространяется на несравненно большее число объектов, чем проститутки и актрисы. Все гораздо глубже, и особо гипнотельны не только, как повторяется с издевкой во множестве изданий, дети, женщины и дикари.

Анализ событий при нашествиях сверхвождей показывает, что к «женщинам» относятся и профессиональные военные, и торгаши, и преступники, и национал-священники. Вообще всякий элемент иерархии.

Глава шестнадцатая

СКОЛЬКО «ЖЕНЩИН» УБИВАЛО НАПОЛЕОНА НА О. СВ. ЕЛЕНЬ?

Я не хочу ее видеть; боюсь возбудиться. Я сердит на нее за то, что она не была моей любовницей. Хочу преподать ей урок.

Наполеон в ответ на переданное ему пожелание Фанни Бертран его видеть, в последний месяц своего биологического существования. Остров Св. Елены.

Ладно, пусть он проводит все время со шлюхами. Пусть он их имеет спереди, сзади, в рот и в уши. Но освободите меня от этого человека...

Наполеон о гофмаршале Бертроне и о его взаимоотношениях с женой, упомянутой Фанни Бертран. Последний месяц биологического существования Наполеона. Остров Св. Елены.

Но сначала накачайте наркотиками и этих каналов, да и себя тоже, — **вы все нуждаетесь в этом.**

Наполеон — Антомарки, в последний месяц своего биологического существования. Остров Св. Елены.

Суть взаимоотношений Наполеона с женщинами, если без смеха воспринимать множество коммерческих о нем изданий, была связа-

на с использованием гениталий. Пишущие в расчете на бульвар (или, что то же самое, в расчете на одобрение вождя) авторы доказывают наличие половой активности Наполеона тем, что он в некоторых *женщин* влюблялся и в своей страстной любви объяснялся даже письменно. Хотя они, психически суверенные, его отвергали. А Наполеон страдал — публично.

Но есть и другое объяснение, скажем, тех же психоаналитиков, которые не забывают, что Наполеон панически от женщин прятался — женобедренный Наполеон, подобно Гитлеру, *разыгрывал комедию* страданий; то, что объект его подчеркнута романтической любви им пренебрегал, освобождало его от физиологических манипуляций, ассоциирующихся с супружескими взаимоотношениями. Знание особенностей строения гениталий и гормональной системы очередного великого полководца подкрепляет психологические наблюдения.

Вообще женщины в жизни сверхвождей должны играть *странную* роль — но не по причине *взаимодополнительности* своего пола, а по причине исполнительности женщин (их большей, по сравнению с мужчинами, гипнабельности; страстная любовь *асексуальна*).

Вообще, особенности частной жизни сверхвождей надо изучать по ним самим, а не переносить на них *все* приемы *исполнителей*, одна из функций которых — воспроизводить себе подобных и покрывать беспомощность вождей. Формируемые вокруг сверхвождя обстоятельства существенно отличаются от обстоятельств субвождя, а уж тем более *исполнителя*.

В жизни Наполеона присутствовали, естественно, все те же, что и у Гитлера, «ковровые» *странности*. С некоторыми, правда, вариациями. Например, на о. Св. Елены Наполеон жил практически на виду у всех, и «ковровые» удовольствия были попросту невозможны — системы внутрикомнатной канализации были еще не изобретены, и смыть следы «страсти» было технически сложно.

Но Наполеон приспособился. С Альбиной де Монтолон. (*Эту женщину на острове все считали любовницей (!) Наполеона*, и она родила-таки на острове своего третьего ребенка, правда, как две капли воды похожего на ее последнего супруга.) Принимал ее не-мужчина Наполеон во время ванны — с голым задом и куском мыла в руках. То, что Альбина требовалась не для интеллектуального общения, следует из того, что мужа Альбины де Монтолон, если он появлялся в бараке ссыльного императора, беззастенчиво выпроваживали.

Поскольку суть «ковровых» взаимоотношений сверхвождей с «женщинами» мы уже рассмотрели в «КАТАРСИСЕ» на примере Гитлера, то далее погружаться в жизнь по-своему изобретательного Наполеона не будем.

Рассмотрим не менее полезную для осмысления закономерностей существования стаи — полезную для *неугодников* — область быта сверхвождя. Обстоятельства странной смерти Наполеона, а главное — ее психологический механизм.

Сверхвождь в паранойяльной фазе должен умереть от рук «женщины» вообще и, наиболее вероятно, от действий буквальной женщины.

Да, есть основание утверждать, что в убийстве Наполеона свою роль сыграла именно «женщина» — или «женщины».

Наполеон умер от яда — это доказали с помощью современных криминалистических (спектральных) методов не так давно, спустя полтора года после смерти императора. Для понявшего *теорию стаи* смерть Наполеона именно от яда очевидна: только такого рода смерть в случае Наполеона единственно психологически достоверна — ведь Ганнибал в изгнании тоже умер от яда!..

Убийение сверхвождей (величайших полководцев) именно женщинами в истории человечества вовсе не новость.

Имена величайших уже назывались, причем в последовательности, принятой в античности: Александр Македонский, Пирр, Ганнибал.

И о двух из них известно *достоверно*, что убиты они «женщинами».

Когда вспоминают о Пирре, то упоминают о его страшном лице, о том, что его взгляд парализовывал жертву, и Пирр без помех мечем рассекал ее надвое. Он всегда сражался в первом ряду своего войска. Во время штурма Аргоса одна из женщин, наблюдавшая за ходом сражения с крыши, взяла тяжелую черепицу и двумя руками швырнула ее вниз. Черепица попала Пирру в шею и, видимо, вызвала у непобедимого в единоборствах любителя расчленять противников смещение шейных позвонков. Он упал без сознания. Обычно при гибели сверхвождя стая впадает в состояние ступора, а потом и паники — поскольку перестает чувствовать над собой направляющее психоэнергетическое управление; а вот защищающиеся, наоборот, крепнут духом. Защитники Аргоса, воспользовавшись возникшей сумятицей, оттащили Пирра в преддверье какого-то дома. Ему уже собрались отрубить голову, но Пирр пришел в себя, и так «страшно взглянул на приготовившего меч»¹ своим гипнотизирующим взглядом (Пирр, среди прочего, занимался целительством), что у аргянина опустились руки. Но на этот раз Пирру его гипнотические способности вышли боком. Вместо того, чтобы отрубить голову, как водится, с одного удара, максимум с двух, защитник города не мог совладать с собой и рубил *бессильно*, попадая то в область рта, то в об-

¹ Плутарх. «Пирр».

ласть подбородка, то по плечам. Но аргянин рубил и рубил... Наконец, после многих болезненных для Пирра порезов, голову ему все-таки оттяпали.

Пирр был непревзойденным гипнотизером, и потому в единоборстве на мечи или в битве убит он быть не мог — у всякого опускались руки, и Пирр его сноровисто расчленил.

Убить Пирра мог или *неугодник*, или особо гипнабельный *исполнитель*, ведомый паранойяльной галлюцинацией сверхвождя.

Вопреки ли воле Пирра состоялся этот удар черепицей?

Или оказавшийся на узких улочках города Пирр на мгновение представил, что сверху на него могут сбросить что-нибудь тяжелое?... Действительно, не представить такое воин, оказавшись под угрозой нападения сверху, просто не мог... За что и поплатился.

Воспеваемого веками Александра Македонского перед смертью, как известно, била лихорадка, но умер он на самом деле от перепоя. (Организм его и без алкогольных возлияний был ослаблен травмами тела мировоззрения*, лихорадка поэтому становилась тройне опасна.)

Как пишет Плутарх, ни у кого в первое время после смерти Александра не возникло подозрения, что великий полководец (естественно, гомосексуалист) мог быть отравлен — все так и думали: «*проклятая лихорадка*». Ведь трясло же!

Однако через пять лет после смерти Александра его мать Олимпиада поверила доносу об отравлении и многих казнила. Останки Иола, который к тому времени успел умереть, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Стало даже «известно», какой именно был использован яд. Им послужила «ледяная вода, которая по каплям, как роса, стекает с какой-то скалы близ Нонакриды; ее собирают и сливают в ослиное копыто. Ни в чем другом хранить эту жидкость нельзя, так как, будучи очень холодной и едкой, она разрушает любой сосуд».

За этот «яд» мать убийцы и отдала приказ убивать.

Справедливости ради нужно сказать, что в ту пору и ближайшие подчиненные Александра также занимались убийствами: под видом дележа власти друг с другом. При таком состоянии ума и души легко уверовать не только в ядовитость воды в копыте (в это не веровали даже многие современники Олимпиады), но и в ядовитость копыта в воде. К слову сказать, мать-убийцу, воспитавшую столь славного сына, тоже убили. Только чуть позже.

Однако Александр был действительно отравлен. Хотя и не водой из ослиного копыта.

Чтобы до конца разобраться в этом вопросе, необходимо вспомнить основные положения современной токсикологии. Дело в том, что ядом является абсолютно все. Вопрос только в количестве принимаемого

внутри вещества. Если принять 0,0001 грамма мышьяка, то смерть у человека не наступит. Однако если принять 0,2 грамма, то смерть наступит в течение 24 часов. То же самое касается и цианистого калия — сильнейшего яда: от одной молекулы этого вещества смерть не наступает. Однако попробуйте принять один маленький кристаллик!..

Поваренная соль, столь привычная нам приправа, в кулинарии необходима и считается безвредной. Однако попробуйте съесть ее два килограмма разом — смерть наступит немедленно. Следовательно, и соль — яд. Но **в определенном количестве**.

Вода и та убивает, если ее выпивают более трех ведер зараз.

Алкоголь — не исключение. Как известно, даже столовая ложка вина резко снижает скорость реакции и *необратимо* разрушает клетки головного мозга. Есть, очевидно, и безвредные количества вина, скажем, одна капля или несколько молекул. Но в таких количествах вино не пьют. Следовательно, всякий собутыльник, который вам подливает больше чем несколько капель, — ваш убийца. И не обольщайтесь надеждой, что разыгрывающий из себя друга об этом не *знает*. Знает. И логически, и на подсознательном (ассоциативно-образном) уровне.

В античности были женщины, которых люди со здоровой психикой чурались, а элементы военных и административных иерархий очень ценили. Это — гетеры, которые, по сути, **зарабатывали тем, что травили гостей своего нанимателя** (повышая уровень их гипнабельности). Разумеется, если у нанимателя доставало денег, то делали они это в предельно изящной и даже возбуждающе-состязательной форме: инкрустированные кубки, истеричные взвизгивания размалеванных женщин, состязания — кто сможет осушить больший кубок и вообще *перепить* всех присутствующих. Кто не знает, что «раскрутить» попойку удастся лучше женщине, а не мужчине?! Кому как не гетерам (проституткам, валабиянкам) и в наши дни удастся доказать, что способность перепить окружающих есть одно из основных качеств «настоящего мужчины»?

Александра Македонского, — который долго сожительствовал с юношей Гефестионом, а после его смерти (как утверждают, Александр устроил ему роскошнейшие в том столетии похороны) стал сожительствовать с евнухом Багоасом, который достался ему из-под царя Дария, — как и прочих подобных *тоже тянуло в настоящие мужчины*. И Александр в этом преуспевал: участвовал в состязаниях и пил неразбавленное вино¹ до тех пор, **пока не падал навзничь**, а кубок — на него.

¹ Древние греки и римляне обычно пили вино, смешанное с водой. Разбавляли вино следующим образом: на 3 части воды 1 часть вина, или на 5 частей воды 2 части вина. Смесь, состоявшая из равных частей воды и вина, считалась очень крепкой и употреблялась только пьяницами.

Именно для организации пьянок Александру и были нужны женщины. А иначе зачем они еще «настоящему мужчине»?

Иными словами, Александра отравила женщина — и спровоцировал ее он сам. Или несколько «женщин» — против воли Александра Македонского спаивать его, естественно, не смогли бы. Это в случае с рядовыми *исполнителями* «гетеры» перестают вешаться на шею тогда, когда выведут свою жертву на финишную прямую.

Словом, в случае с Александром Македонским все даже отчетливее, чем в случае с Пирром.

Единственный верный инструмент познания событий прошлого — распознавание современных аналогов давно прошедших событий: ведь тысячелетия идут, одна цивилизация сменяет другую, но сущность людей, совместимых с иерархиями, не меняется. Не меняются ни закономерные их знакомства, ни предпочтения, ни скрываемый смысл совместного времяпрепровождения.

Ганнибал от остальных двоих «великих полководцев» (Александр, Пирр) античности и сверхвождей современности типа Гитлера (полезно познакомиться по воспоминаниям Альберта Шпеера с тем, как Ева Браун спровоцировала Гитлера на самоубийство) и Наполеона ничем не отличался — ни главной «эrogenной» зоной, ни, как следствие, равнодушием и даже любовью к ядам, уничтожающим половые клетки и способность к критическому мышлению. Ни клеток, ни мышления, как выясняется, у этих знаменитых невротиков и в помине не было.

Подробности самоубийства Ганнибала (в какой форме его мучил паранойяльный бред, кто был советчиком, какого пола была рядом с ним «женщина», — история не сохранила, однако ясно, что в ситуации, в которой он избрал добровольную смерть, какое-то окружение было. И маловероятно, чтобы в нем был хотя бы один *неугодник* — таковых ни суб-, ни сверхвожди на дух не переносят.

Можно предположить, что и Наполеон был тоже убит «женщиной»; а поскольку Ганнибал был отравлен, то и Наполеон, следовательно, должен был быть отравлен.

Так и произошло!

Тайну гибели Наполеона человеческий идиотизм охранял и охраняет очень цепко. Вскрытие умершего в страшных мучениях Наполеона проводили семеро врачей (шестеро англичан и один корсиканец), и *ни один из них* не констатировал того, что смерть Наполеона наступила от рака. Они отметили, что на стенках желудка есть затвердения, которые, **возможно, могли бы** в будущем перейти в злокачественную опухоль. **«Могли бы»** — это еще не рак и, тем более, не смерть от рака.

Тем не менее, полтора столетия повсеместно распространяется легенда, что первый консул Франции умер не от чего-нибудь, а от рака.

Эта версия была принята **в англоязычном мире**.

Принята в противовес уверениям **французских** профессиональных историков, включая и академиков, что Наполеон был **отравлен ртутью** — англичанами. Эта уверенность основывалась на убежденности, что англичане — это мразь, подлая нация лавочников, способная на любой бабский поступок, например, отравление. Раз охранили англичане, следовательно, они и отравили. Ведь не зарезали же!

Уверенность англичан в версии о смерти от рака основывалась на противоположной уверенности: той, что англичанам — истинному венцу творения — травить побежденное французское чудовище смешно, верить в отравление ртутью могут только идиоты (ведь вскрытие не показало признаков отравления *ртутью* — хотя хлористой ртути в качестве слабительного англичане дали Наполеону десятикратную по сравнению с обычной дозу, но для отравления этого было недостаточно), следовательно (по «английской» логике), Наполеон умер от рака.

Несколько продвинуться в выяснении истинной причины смерти стало возможным только во второй половине XX столетия с развитием спектральных методов химического анализа. В сохранившихся волосах покойного (а в начале XIX века было модно сохранять пряди любимых — и прядей, выпрошенных у Наполеона, сохранилось превеликое множество) было обнаружено аномально большое количество распространеннейшего и доступного на острове Святой Елены яда — мышьяка. (Мышьком пытались травить многочисленных в бараке Наполеона крыс, но вонь от крысиных трупов была из-под пола настолько непереносимой, что Наполеон предпочел о крыс — живых! — спотыкаться, чем догадываться об их разлагающихся трупах, — вот мышьяк и остался неиспользованным.)

Спектральный анализ волос Наполеона на содержание мышьяка проводился сегментарно: волосы резали на кусочки длиной в один сантиметр и анализировали каждый кусочек отдельно. Из одного только этого анализа стало ясно, что *Наполеона медленно травил небольшими несмертельными дозами* — и так на протяжении почти всего его пребывания на острове. Это была мучительная многолетняя агония. На глазах у многих агонизировал любитель порассматривать умирающих на поле сражений. Шесть лет его как бы поджаривали на адской сковородке — изнутри.

Впоследствии, по мере того как удавалось найти все большее и большее число прядей волос Наполеона, сбритых *в разное время* (а на конвертиках люди записывали, в какой именно день их одаривали бесценной реликвией), оказалось, что в его сбритых на следующий день после смерти волосах у самых корней было выявлено ано-

мально большое содержание *сурьмы* — тоже яда, в достаточных количествах смертельного.

По мере углубления в вопрос о возможных способах отравления властителя Европы и почти что мира выяснилось, что Наполеон *самолучно искал горький миндаль¹, чтобы добавить в напиток оршад*. И сам оршад, и горький миндаль сами по себе в *отдельности* в традиционных количествах безвредны, *но в определенной пропорции — смертельный яд*.

Не странно ли это самоотравление?

Не очень.

В конце концов Наполеон однажды пытался отравиться — опиумом. Слякнкой с этим классическим напитком Наполеон обзавелся в России, после того, как его чуть было не взяли в плен казаки. С тех пор Наполеон со слякнкой не расставался. И воспользовался — спустя полтора года, когда стало ясно, что путь его — на остров Эльбу. Однако не умер: опиум за это время успел выдохнуться.

Странным при рассмотрении возможностей отравления Наполеона показалось также и то, что непосредственно перед его смертью три английских врача — Шортт, Митчелл и Арнотт — на консилиуме решили дать Наполеону слабительного — десять кристаллов хлористой ртути (и это при обычной-то дозе в 1–2 кристалла, да и то в несколько приемов!). Количество, хотя и ломовое, для здоровья далеко не полезное, однако для здорового организма не смертельное. *Само по себе*.

Странно — как много ядов! Ртуть, мышьяк, сурьма, комбинация оршада с горьким миндалем! А может и еще что-нибудь органического происхождения, что в волосы не переходит?!

Если это обилие ядов — результат сговора, то очень уж странный сговор, слишком уж много типов яда и участников. Так не бывает. При *сговорах*. При *вербальных* соглашениях.

Для более полного осознания всей странности процесса отравления сразу отметим, что количество мышьяка по длине волос не было постоянным, *никогда не опускаясь, однако, до нормального уровня*. Отсюда исследователями был сделан вывод — на наш взгляд правильный: мышьяк поступал в организм *комбинированным* способом — постоянно (скажем, с вином), а также эпизодически, однократными дозами. (Один участник? Или двое? Или более двух?)

До сих пор считается, что злодей-отравитель мог быть только один. В самом деле, разве не горячо любящие «суверенные» души откликнулись на беду любимого императора и отправились с ним в ссылку скрасить его одиночество?!

¹ Горький миндаль содержит цианиды — соли синильной кислоты (одним из цианидов является цианистый калий).

Вопрос внутри суверенитизма следующий: кто же мог все это количество одного только мышьяка в течение столь долгих лет подсыпать мучающемуся болями опальному некрофилу?

На острове жили четыре тысячи местных жителей; еще около трех тысяч английских солдат охраняли Наполеона от соблазна бежать; и около пятидесяти человек составляли свиту Наполеона. Жили все эти люди следующим образом:

— полсотни человек, добровольно изъявивших согласие сопровождать Наполеона в изгнание, жили в глубине острова, образуя обособленную колонию;

— охрана жила в казармах, и сторожевые посты располагались в виде нескольких колец оцепления. Солдаты и офицеры оцепления не имели права разговаривать с Наполеоном — чтобы не впасть в прелесть гипнотической от него зависимости, реальность и последствия подобной зависимости английские власти учитывали, и совершенно правильно, — и только очередной дежурный офицер дважды в день, приблизившись к колонии, должен был визуально убедиться, что император не сбежал. В обязанности командующего офицерами губернатора входило: следить за обороной острова, а также за персоналом, не только за офицерами, но даже за англичанами-врачами. К примеру, когда губернатор заметил, что доктор О'Мега слишком сильно привязался к Наполеону, то выполнил свой долг — и врача с острова удалил. Сам губернатор, опасаясь, видимо, за целостность своей психики, в колонии был редким гостем.

Таким образом, непрерывный контакт с Наполеоном (а следовательно, и *возможность подсыпать ему яд*) *был только у самих обитателей колонии!!*

В непосредственном окружении Наполеона были люди разных национальностей: французы, итальянцы и одна полуангличанка (Фанни Бертран, жена наполеоновского гофмаршала). Действуя методом отбора, швед Бен Вейдер (автор и исполнитель идеи спектрального анализа волос Наполеона) в содружестве с американцами, как им показалось, чисто логически пришли к выводу, что злодеем-отравителем мог быть только француз (в книге Бена Вейдера и Дэвида Хэпгуда «*Кто убил Наполеона?*»).

Эта эмоциональная ненависть шведов и американцев к французам понятна: шведы к французам испытывают застарелую зависть, потому что любая шведка почтет за счастье изменить своему мужу или жениху именно с французом, вот шведам про французов и *понятно*: мразь они; а американцы не могут простить французам, что они единственная в наше время в Западной Европе нация, которая если и не противостоит вторжению американской поп-культуры, то хотя бы это сопротивление имитирует. (Ничего не поделаешь, чтобы понимать

причинно-следственные связи появления тех или иных мнений, придется доходить до таких тонкостей, как национальная принадлежность автора гипотезы. Еще раз напомним: нация — это стая, сформировавшаяся на основе общности унаследованного от ее вождя-прародителя невроза — или комплекса неврозов. Поэтому теории, выдвигаемые стайными «идеологами» — «учеными», «адвокатами» и т. п. — так или иначе не свободны от влияния того невроза, что присущ именно той стае, к которой принадлежит «идеолог». Вырваться из-под влияния глубинных «национальных» неврозов могут только *неугодники*, движущиеся в своем развитии к *курьерам*, — но таковых среди ученых можно пересчитать по пальцам, да и взгляды их, естественно, не популярны в «обществе».)

Французы, надо сказать, на появление шведско-североамериканской теории в долгу не остались: они печатно стали утверждать, что мышьяк в срезанные при жизни Наполеона волосы попал в могиле, а потом, когда такое объяснение высмеяли, то *поняли*, что мышьяк впитался волосами непосредственно из оконных занавесок в барак Наполеона. А то, что жившие рядом с Наполеоном ничего из занавесок волосами не впитали, объясняли просто: у гения все особенное, даже волосы, все-таки он национальный герой, и притом французский. Англичане тоже разным прочим шведам не поддались и спустя десятилетия после опубликования результатов спектрального анализа многочисленных сохранившихся прядей волос императора, из которых неопровержимо следует, что Наполеона отравили, продолжают снимать фильмы, в которых Наполеон на Св. Елене умирает от рака. Все правильно: если умер «естественно», то англичане — мудрые охранники, сделавшие все для сохранения жизни доверившегося им пленника. (Наполеон после разгрома под Ватерлоо бежал, чтобы сдать именно англичанам, что естественно — «внутренник» к «внутренникам».)

А как выглядят события на о. Св. Елены с точки зрения *теории стаи*?

А с точки зрения *теории стаи* шведско-североамериканская точка зрения такая же чушь, как и французская с английской.

Несмотря на кажущуюся *противоположность* приведенных трех гипотез, все они объединены общей отправной точкой — что вокруг Наполеона на затерянном в океане острове (до ближайшего вождя тысячи километров) собрались психически суверенные личности, которые действуют исключительно по логическим соображениям, — философы, одним словом. Все, включая и лакеев. Конечно, от эмоций и пороков не свободны, но — свободны волей.

Но лакеи, женщины, военные и так далее психически отнюдь не суверенны.

К тому же на острове жил сильнейший гипнотизер XIX столетия, причем, по старой памяти, особенно значимый для общины в полсотни наполеоновцев, ведь все они «добровольно» отправились с ним в изгнание.

И преданные делают все, что повелитель хочет — и убивают тоже.

Очень внятно это высказал Сенека. Он считался премьер-министром императора Нерона, но пока тот первые пять лет своего императорства был погружен в пьянство и актерствование перед толпой (чтение стихов в цирке, игра на лире), Сенека был единовластным правителем империи, империи большей, чем у Наполеона в лучшие его годы. Так вот, Сенека в одном из писем Луцилию написал, что для того, чтобы друг стал тем или иным, достаточно его таким *представить*. Иными словами, чтобы приятный властителю «друг» стал ластиться и льстить обладателю сильных гипнотических способностей, это надо *представить*.

Но весь ужас собственного существования для вождя заключается в том, что если он *представит* (пусть даже в кошмаре или навязчивой галлюцинации), что «друг» выхватывает кинжал и погружает его в тело гипнотизера — то «друг» именно так и поступит!

Нечто похожее происходит даже в жизни кумиров не столь значительных, как политические вожди наций. Классическим в психологической науке примером стало убийство музыканта Джона Леннона. Его убийца был предан своей жертве всецело. Он старался быть на него похожим во всем: приобретал все записи его песен и, подражая, занимался рок-музыкой. Вместо своего имени на рабочей спецовке он написал имя кумира. Он даже, подобно Джону Леннону, выбравшему себе в жены экзотичную для Англии японку (с брезгливым, разумеется, изгибом губ), тоже женился на японке. Словом, *джонни-исполнитель*. Каких было много на каждом выступлении Джона Леннона и от которых он был вынужден нанимать охранников — кумиру мерещилось, что в порыве страсти его растерзают. И вот один из джонни, *оставаясь преданным своему кумиру*, подстерегает его, вытаскивает пистолет и всаживает в Большого Джонни несколько пуль.

Таких убийств, как утверждают ведущие статистики психоаналитики, совершается великое множество. **Вожди — жертвы самих себя**, собственных желаний — любого рода.

Пирр, как опытный военный, знал, что опасность рукопашного боя на узких улицах осажденного города заключается *для него* не в том, что могут зарезать, а в том, что сверху что-то может упасть. Возможно, картина чьих-то рук, берущих тяжелую черепицу, в его

сознании мелькнула только на мгновение... Но этого при его гипнотических сверхспособностях оказалось вполне достаточно.

Заинтересовавшийся истинной причиной смерти Наполеона швед докопался до прежде не известной тайны — того, что Наполеона, любителя объезжать поля сражения, когда оттуда уйдут оставшиеся в живых, не просто отравили, но для этого применили *несколько* ядов!

Однако в осмыслении этого факта представитель шведской субстаи пошел по проторенному детективным чтивом пути. Стал вычислять *одного* исполнителя, ибо сговор был невозможен в среде людей, готовых в любой момент донести на своего ближнего (а при вождях всегда собираются фискалы, ненавидящие друг друга).

Одного стали искать методом отбора. Из числа подозреваемых были исключены, прежде всего, те, кто был при императоре *не весь срок* его ссылки — ведь Наполеона травил *весь* срок его пребывания на Св. Елене. Таких было несколько: одни уехали раньше смерти властелина, другие — прибыли в середине ссылки.

Мышьяк подсыпали еще и периодически — в волосах были выявлены участки особо значительных его концентраций, — очевидно, во время еды: из оставшихся подозреваемых были исключены те, кто вообще не имел доступа к столу Наполеона. Это не мог быть, скажем, повар, потому что за столом прислуживали особые лакеи, и если бы повар подсыпал отраву в общее блюдо еще на кухне, то за столом травились бы все.

Кроме того, убийца должен был иметь доступ к винному погребу — постоянный фон мышьяка на всем протяжении волос говорил о постоянном его приеме, что возможно было только при приеме вместе с наилучшим на острове вином, которым Наполеон со своим стадом не делился — пил у них на глазах один.

После всех подобного рода исключений остались только два человека, удовлетворявших концепции *одного* убийцы:

- Луи Маршан, первый, наипреданнейший слуга Наполеона, и
- офицер граф Шарль-Тристан де Монтолон.

Кто из двоих? По шведско-американскому мышлению, двух мнений быть не может. Это не мог быть Маршан, поскольку он обязан Наполеону всем: богатством, положением, — следовательно, преданность его осмысленна. Кроме того, Маршан выходец с Корсики, земляк.

А вот граф Шарль-Тристан де Монтолон:

- выходец из дореволюционной аристократии, Наполеоном благодетельствован не был;
- участвовать в бойне — извините, в эпохальных сражениях за демократию — не стремился и не участвовал, к толпам, орущим «Да

здравствует император!!!» не присоединялся, следовательно, не такой как все, недемократ, дрянной человек;

— ценностью для графа была не грязь походов Великой армии за золотом, а комфорт: промотал два состояния — то, которое было у него до встречи с Наполеоном, и второе — полученное по завещанию Наполеона после его смерти;

— и еще жена, как все полагали, — любовница Наполеона, т. е. были основания для мести;

— начитан, почти интеллигент — у, гад!

Таким образом, по шведско-американскому мышлению граф Шарль-Тристан де Монтолон и является тем самым злодеем, который твердой рукой и с хладным челом на протяжении шести лет изуверски, по чуть-чуть травил национального героя Франции. Почему? Оказывается, потому, что выполнял волю удаленного на тысячи километров трусливого и мало способного к власти некоего д'Артуа, возглавлявшего в ту пору политическую оппозицию Наполеону.

Продолжать не хочется. Все тот же «суверенитизм», в соответствии с которым из занавески впитывать *нелетучий* мышьяк волосами оказался способен один только Наполеон.

Граф Шарль-Тристан де Монтолон травить Наполеона, конечно, возможность имел. Только от д'Артуа он не зависел, да и убивать, в отличие от остальных присутствующих, не рвался. Гипнабельностью не страдал.

Истина, однако, в том, что Наполеона *страстно любила* вся колония, и потому не один, а несколько наиболее преданных людей подсыпали ему яд.

Возможно, *рационализируя* это тем, что приучают его к ядам, чтобы в случае попытки отравления спасти повелителю жизнь. *Ведь все они, обнаруживая в себе желание отравить благодетеля, подозревали в этом других!*

Естественно, гипнабелен был корсиканский лакей Луи Маршан.

Врачи тоже в большей, чем простое население, мере некрофиличны и потому гипнабельны — и они, получив доступ к Наполеону, сразу же прописали подозревавшему их в отравлении Наполеону лошадиную, лучше сказать, слоновью, дозу слабительного.

Наполеон постоянного галлюцинировал покушениями на отравление — разнообразно. И действительно, получал от *всего* своего окружения то, что каждый из них мог добыть: слуги — яд для крыс, врачи — лошадиные дозы слабительного, а другие — что-нибудь поизящнее, типа сурьмы, входившей в состав дамской косметики. Сам же Наполеон в оршад добавлял горький миндаль.

Наполеона отравили «женщины».

Итак, на остров Св. Елены прибыли полсотни людей, их тянуло (как к наркотику) к их кумиру, хоть и стареющему, но величайшему гипнотизеру столетия. Естественно, что их чувства могли быть детерминированы только одним — его желаниями.

Глава семнадцатая

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА СВЕРХВОЖДЯ

Прежде чем приступить к рассмотрению милых сердцу тонкостей нашего бытия, подведем промежуточные итоги уже выявленных закономерностей существования стаи.

Исполнители при всяком сверхвожде, в особенности при таком мощном, как Наполеон, действуют и чувствуют постольку, поскольку у их вождя о них есть некие *представления*. **Исполнители в битвах наступают, бегут или сдаются только в зависимости от фазы качания садо-мазохистского маятника, в которой находится их психоэнергетический повелитель.** За преданность жухлые некрофилы всегда награждаются — смертью.

Зависимость от мыслеформ сверхвождя проявляется не только в вопросах жизни и смерти, но и в процессе размножения. Процветает угодное вождям валабиянство, за которое *исполнители* обоего пола расплачиваются одиночеством, в том числе и в браке.

С целью деструктурирования сознания *исполнителей* валабиянство *идеологами* вождя на словах может осуждаться, но всегда поощряется психоэнергетически и другими неформальными способами (скажем, навязыванием суверенитизма в любых его формах — в том числе в виде деструктивных идей феминизма и эмансипации).

Исполнителям не свойственно осознавать себя в «Великой армии» всего лишь рядовыми — лишённые критического мышления *исполнители* отторгают всех, указывающих даже контуры стаи. О том свидетельствует знак эмоций публики по поводу главных идей Фрейда и Толстого (о стае).

Всякий вождь, аналогично своим предшественникам и преемникам, патологически лжив («*таинственный*», «*непредсказуемый*», как подают его заинтересованные лица), деструктурирует сознание *исполнителей* не только своими лозунговыми по стилю высказываниями, но и другими разнообразными способами, в частности, через государственные фонды субсидирует *идеологов*, внушающих *исполнителям*, что они *психоэнергетически суверенные личности*.

Вождь невротически сведущ в строительстве иерархий, в критическом же мышлении слаб. Он, как невротик, вообще раб мерзостей,

совершенных предками, — и при возникновении паранойяльных галлюцинаций может, против своей логической воли, быть убит своими «преданнейшими друзьями» — черепицей ли с крыши, вином ли, ядом ли; в конце концов, скверной компанией себе подобных.

Распространенная **рационализация** эмоций и поступков сверхвождя — якобы желание стать властелином мира. Так рассуждали и Александр Македонский, и Ганнибал, и Наполеон, и Гитлер, и великое множество им подобных — все они употребляли термин «власть». Но власть — всего лишь средство; истинная же цель — **уничтожение всего личного** у всех четырех категорий населения: вождей, *исполнителей*, *неугодников* и апостолов.

С *исполнителями* все понятно.

Для того, чтобы добить жертву (включить ее в свою стаю, ступенью ниже или выше в иерархии — не важно), ее надо предварительно испугать. Желательно заблаговременно деструктурировать ее защищающее критическое мышление чем-нибудь в принципе нелогичным: уверениями в благородности собственных намерений — цивилизаторской миссии. Военные приемы могут быть предварены «духовными» — под видом вселенской мудрости подсовывают две логически несоединимые идеи.

Выход из стаи предваряется и сопровождается психокатарсисом — *самокатарсисом* — **Богокатарсисом**.

Вожди, если они по-настоящему *вожди*, одни не ходят. Они всегда в сопровождении свиты. Присоединение очередного преданного *исполнителя* усиливает некрополе стаи или субстаи. Усиление стаи ускоряет присоединение еще одного *исполнителя*, и так далее.

Парадокс существования стаи: **свита для субвождя опасна — чем она больше, тем быстрее субвождь попадает в зависимость от нарождающегося сверхвождя, который может и казнить.**

Увеличение толпы, с одной стороны, отключает критическое мышление вождя (всепланетная стая превратит сверхвождя в абсолютного тупицу — Антихриста), а с другой — усиливает его некрополе и, соответственно, власть.

При столкновении *двух вождей*, сопровождаемых свитами, значимы оба психологических процесса, но одному вождю его свита **помогает победить**, а другому — наоборот, *подчиниться*.

Подавляющее рассудок некрополе более сильного вождя (не сверхвождя) усилится за счет согласующихся некрополей «соратников» («друзей», рядовых, *исполнителей*, жухлых), **за счет свиты он как бы поднимется в иерархии на одну ступеньку выше**; ему не поддается *неугодник*, а вот *исполнитель* поддается тем быстрее, чем

**ТАК СДАЮТСЯ РУССКИЕ ИЛИ НЕ СДАЮТСЯ?!
БАРАНЫ ОНИ ИЛИ НЕУГОДНИКИ?**

большей толпой он окажется окружен и чем дольше он в ней находится — первым потребность сдаться почувствует сам вождь.

Некрофил в присутствии свиты сдастся во власть сверхвождя с большей скоростью, чем если бы он был один!

(Кто знает, будь Чичагов один, не палил бы ли он из пушки по строящимся мостам через Березину, вместо того, чтобы бежать, как он сделал, окруженный своей 50-тысячной армией?! Занимайся граф Ростовчин ремесленным трудом, скажем, шил бы он подобно графу Льву Толстому сапоги, может, оказавшись при должности губернатора [его, правда, в таком случае не назначили бы], он не оказал бы Наполеону столь значимых услуг? Будь московские проститутки более личностны, может они бы не погибли от холода и голода во время бегства Великой армии?)

Из последней закономерности *теории стаи* возникают несколько следствий:

— кандидат в сверхвожди, идя на завоевание мирового господства, во имя успеха должен постараться собрать вокруг себя как можно большую свиту (стаю, войско, соратников, рыцарей, стадо) *своих*. Желательно, чтобы стая состояла из людей разных этносов (национальностей), уровень ненависти в ней усилится из-за взаимной неприязни (см. главу «Групповой „секс“» в «КАТАРСИСЕ». Наполеон не случайно собрал «дванадцать языков»);

— увеличение свиты сверхвождя проявляется и за пределами границ контролируемой им территории — в сопредельных государствах наблюдается смена «эстетических» предпочтений — перед вторжением Наполеона все хотели учить французский, а перед нападением Гитлера — немецкий, и так далее. Страной-агрессором исполнители начинают восхищаться, а *идеологи* ставят ее в пример как *цивилизацию*;

— сверхвождь заинтересован в поддержании в стране, объекте агрессии, принципа власти (напр. в усилении муштры в войсках). Переговоры о сдаче легче всего вести с самым высоким чином иерархии, он самый *послушный* (при Наполеоне — с Александром I);

— сверхвождю **необходимо не представлять** возможный свой проигрыш. Необходимо перехитрить собственные паранойальные бреды.

Паранойальные бреды, присущие всем сверхвождям, есть их **ахиллесова пята** — в омут галлюцинаций своей психоэнергетической независимостью его может столкнуть неугодничество *неугодников*.

Здесь есть иносказание. Ахилл, мужественный в представлении толпы герой, залитый кровью земли Трои, города, который его *обманом* привели захватить и разграбить, был поражен в пятку стрелой, пущенной из лука Париса, но на самом деле направленной Аполлоном — *богом*...

О сущности русских есть два диаметрально противоположных мнения.

Мнение первое (как за пределами России так и внутри нее): утверждается, что русские — стадо баранов, которые без сильной руки командиров сдаются толпами. При этом ссылаются на то, что:

— в сорок первом году в плену оказалось 3,8 миллиона «комсомольцев»* (и это не считая тех сотен тысяч, если не миллионов сдавшихся, которых в спешке, чтобы не замедлять наступления, пристреливали сразу);

— примерно 800 тысяч русских перешли служить в вермахт (выше уже было упомянуто, что из десятков, если не сотен тысяч плененных гитлеровцами англичан на службу в вермахт перешло только около тридцати человек — все сплошь опустившиеся алкоголики, да еще один лорд);

— русские по приказу Сталина были водимы русскими же командирами в массовые атаки на немецкие пулеметы и бессмысленно гибли — только бараны могли так поступать с подчиненными и допускать, чтобы так поступали с ними.

То, что еще недавно, в XIX веке, русские солдаты были символом стойкости, что во всем мире стойкость именно русского солдата была притчей во языцех, что нежелание русских солдат сдаваться в плен было одним из сильнейших потрясений Наполеона в России, объясняют все ускоряющейся деградацией русского народа, а это установленное направление эволюции народа и доказывает, что он создал мировую империю зла. Гитлеровцев же просто задавили массой — статистика неумолима: на 6 погибших русских солдат — лишь 1 гитлеровец.

Мнение второе (исключительно внутри России): утверждается, что русские есть начало светлое. Мнение же первое опровергается тем, что:

— миллионы пленных сталинцев — следствие *внезапности* нападения (а все потому, что Сталин не *верил* в нападение — то бишь, просто *ошибся*);

— офицеры очень часто были дурачками (так расцениваются их приказы, в результате которых погибло много солдат);

— из 800 тысяч перешедших на службу Гитлеру так называемых «русских» одних только грузин было около 100 тысяч, а ведь еще были осетины, азербайджанцы, армяне, ингуши, чеченцы — словом,

одних кавказцев почти половина. Донские и кубанские казаки и все перешли на сторону Гитлера почти поголовно — десятки тысяч бойцов; с готовностью сдавались и азиаты разных национальностей; а из украинцев формировались целые дивизии (каждая дивизия — 20 тысяч человек) — сколько же остается *русских* из этих 800 тысяч? Это надо по какой-то причине очень ненавидеть именно русских, чтобы утверждать то, что утверждают *идеологи* многих народов. Также указывается на то, что в Брестской крепости в самом начале войны, когда еще ничего не было понятно, сдались все, даже белорусы, и **только считающие себя этническими русскими** в полном окружении вели бои еще месяц. А что до массовых сдач в плен «комсомольцев» — так это потому, что они не хотели сражаться за социализм, режим, который поругал веру православную — ведь, дескать, пока была вера, русский солдат изумлял чудесами стойкости...

Что касается веры православной, так это чистейшей воды вранье — православное воинство от наступающих японцев бегало *полками* еще в 1904 году во время русско-японской войны. Журналисты, угрожающие вождям, угрожающие не прямо, а мороча головы толпе *исполнителей*, равно как и госпрофессура свалили весь этот позор, какого земля русская двести лет не знала, на генералитет — ошибались-де эти бездари. Но генералитет был от окопов далеко, связь в 1904-м была слаба, — генералы никак влиять на происходившее не могли; а вот вера православная в солдатах была крепка, о разложившихся через 13 лет (в 1917-м) фронт коммунистах никто ничего не слышал, за исключением разве высоколобых эрудитов, которые к этой тогда еще еврейской секте не могли относиться серьезно из-за ее малочисленности (что есть следствие отсутствия поддержки народом).

Бегство полков определялось не «ошибками» генералитета.

Нигде не анализируется, что к 1904 году, в отличие от года 1812-го изменился социально-психологический состав российской армии.

А он изменился — существеннейшим образом.

Население можно разделить на *исполнителей* (угодников) и *неугодников*.

Войско из *неугодников* будет вести себя совершенно иначе, чем войско из угодников. В частности, *неугодники* не будут бегать. А угодники выполняют волю мирового сверхвождя, а если такового в данную эпоху нет, то волю вождя в данной местности — могут дружно наступать, могут остолбенеть или побежать от привидевшейся им японской кавалерии (эти случаи всеобщего помешательства описаны в мемуарах, а, надо сказать, у японцев кавалерии в 1904 году не было вообще).

В самом деле, в русско-японскую войну Россия вступила после военной реформы — **воинская повинность стала всеобщей**.

А вот **до** реформы, к примеру, в 1812 году, армия была совсем иная — не этнически, но социально-психологически. В рекруты часто отправляли в наказание за отсутствие лакейских качеств — со всеми вытекающими отсюда последствиями для врагов России.

Разумеется, рекрутскую армию не стоит переоценивать — далеко не все были *неугодниками*. Отправляли в рекруты и за воровство, воровство же у товарищей считалось самым последним делом, и от воров быстро избавлялись — или отсылали в дальние гарнизоны, или прогоняли сквозь строй — десять тысяч палочных ударов не выдерживал никто. Кроме того, в поместье могло не оказаться *неугодника* и отправляли *в очередь*, обыкновенного угодника — вынужденно. *Неугодник* мог в поместье быть, но, освоив какое-нибудь редкое ремесло, скажем, кузнеца, жил на отшибе и не раздражал стаю; поместье же не могло обойтись без специалиста — и опять служить отправлялись *в очередь*.

Но, как бы то ни было, **концентрация неугодников** в рекрутской армии была несравнимо выше, чем в армии, набранной по всеобщей воинской повинности.

Закваска неугодничества сквашивала все тесто армии — и не случайно такой человек, как Лев Толстой (в бытность свою храбрым артиллерийским офицером), *видел*, что русский солдат есть нечто прекрасное, в сущности, нечто прекраснейшее во всем мире. Вряд ли бы он восхитился войском июня 41-го, выпестованным сталинскими политруками, или войском Первой мировой.

Таким образом, термин «солдат» оказывается многозначным. Солдат может быть *неугодником* или, напротив, госверующим (например, в условиях оккупации иноземцами, как при Романовых). Поэтому, чтобы разобраться в сущности происходивших событий, всякий раз встречаясь с термином «солдат», надо каким-либо образом выяснить, *какого типа он был*.

Выяснить же состав можно, в частности, по тем событиям, которые притягиваются к тому или иному человеку — ведь ничто в этом мире не «случайно». Выяснить и распознать направленность чисток, совершаемых по указке начальствующих в стране...

«Па-а-арти-за-а-аны-ы-ы-ы!!!..»

Этот панический вопль над просторами России раздавался на многих языках.

Этим словом давили в диком кошмаре спускаемого под откос воинского эшелона, когда на, казалось бы, уже «своей» территории гитлеровцы в предсмертном ужасе, как в глаза смерти, смотрели на кувыркком надвигающуюся русскую землю.

Итальянцы этим словом тоже давились, — вдосталь нарассуждавшись о своей цивилизаторской миссии и от души пограбив Россию, они целыми дивизиями поступали на кладбища, размеры которых поражали и поражают воображение.

Звучало это слово и на словацком — выбрался ли кто из тех, кто не перешел на сторону партизан?

По указке Гитлера французский полк добровольцев прибыл на русскую землю специально для борьбы с партизанами — о нем мало кто вспоминает: «о мертвых или хорошо или ничего».

Кричали и на румынском (много), и на венгерском, и на финском, и на испанском, и на норвежском — список длинен, но *они* все одинаково заходились от ужаса, провидя, похоже, на русской земле нечто более ужасное, чем просто биологическую смерть.

А за сто тридцать лет до того, в 1812-м, чуть иначе, но с тем же смыслом вопили другие — наполеоновцы: французы, поляки и все те же самые немцы, в ужасе бросая, если не успели бросить прежде, оружие, но не выпуская награбленного золота — погружаясь в ледяные воды Березины или зарываясь головой в снег, опять-таки перед смертью от бессилия вонзив зубы в *русскую* землю...

Так было в тылу завоевателей, где самостоятельно, вне указаний, сражалась численно весьма незначительная часть русских.

Там же, где царило иерархическое мышление, все происходило иначе.

В 1941 году во время первого этапа наступления гитлеровцев, при всем изобилии советских частей и подразделений у границ, при всем техническом преимуществе советского вооружения, происходили совершенно невероятные события.

Известно, что в заурядных войнах (типа Первой мировой, без сверхвождя) для успеха при наступлении необходим как минимум трехкратный численный перевес, иначе наступающие, захлебнувшись в собственной крови, позициями обороняющихся не овладеют. Но гитлеровцы, не только хуже вооруженные, но уступающие и по численности, проходили сквозь советские части, после очередных реформ в армии **уже лишь частично состоявшие из этнических русских**, как раскаленный нож сквозь масло, и за первые месяцы войны только до лагерей довели более 3,8 миллиона пленных! Эта цифра, если ее сравнить с численностью армии вторжения гитлеровцев (3,2 миллиона немцев) наводит на определенные размышления. Это тоже замалчивается: **если бы** из своих пушек, минометов, пулеметов, огнеметов, бомбометов, да что там — простых трехлинейных винтовок **каждый будущий советский военнопленный убил или ранил хотя бы одного гитлеровца, то война не продвинулась бы вглубь России**. Да что там, — если бы **трое** советских перед тем, как

сдаться в плен (или перед тем, как их пинком швырнуть в колонну рабов), спрятанным ножом или утаенной гранатой сообщая убили хотя бы **одного** фрица, война была бы закончена в том же 1941 году!

Но этого не произошло, и война продолжалась. Русские *исполнители* сдавались десятками, сотнями, тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч, миллионами... А дивизии гитлеровцев — вооруженные захваченными советскими танками, заправленными трофейным топливом, заряженными трофейными же снарядами, которые по письменному или устному распоряжению Сталина были выложены на грунт буквально в нескольких метрах от границы, и, естественно, были захвачены в первые же часы, если не минуты войны — рвались вперед по дорогам, проложенным советскими пленными, при этом вешая и сжигая заживо жен сдававшихся, насилая их невест и, как во времена предыдущей волны цивилизаторов России, Великой армии, превращая дома униженно кланяющихся в отхожие места. И все это в домах тех, кто даже десятой частью имевшегося вооружения мог уничтожить захватчиков десятки раз.

И так было бы — если бы армия состояла из *неугодников*...

Правда, к концу 1942-го сдаваться стали не так активно. Хотя даже в конце декабря 1944 года, когда было очевидно, что Гитлера задавили и что всех предателей расстреляют, и с точки зрения самосохранения сдаваться было губительно, на сторону Гитлера «комсомольцы» переходили сотнями (так было, скажем, 25 декабря 1944 года в бою за укрепленный (!) плацдарм в Нейловине, на Одере [Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 327]).

Но в 41-м не только сдавались. Еще и бежали в собственный тыл.

Не случайно Сталин (**образца 1942 года!**) за спинами войск усилил заградительные отряды с пулеметами и подтвердил приказ расстреливать всех бегущих с передовой.

Казалось бы, правы те, кто утверждает, что *русские* — это трусы, которые если и победили в войне, то только из страха перед нечеловеческой жестокостью заградительных отрядов (состояли из коммунистов и уголовников). Отсюда следует, что выиграл войну лично товарищ Сталин, дегенеративный сын шлюхи и неустановленного отца; человек, который страстно не терпел *неугодничества* и всеми силами выкорчевывал его отовсюду, включая и кадровую армию.

А как же тогда массовый героизм, один из примеров которого — защита Брестской крепости, и не только ее? Как же тогда панические записи немецких офицеров о том, что русские умирают, но не сдаются? Как же предыдущая история войн с участием рекрутских солдат, как же действия новобранцев дивизии Неверовского? Возможно ли столь противоположное поведение — ведь за такой короткий срок, как несколько десятилетий, национальный характер не меняется?

Если русские в волевом отношении действительно ничтожны, то это должно было проявиться в массовых сдачах в плен Наполеону и в войне 1812 года.

Но наибольшим для Наполеона потрясением было то, что русские, в отличие от европейцев и азиатов, в плен не сдавались.

Стойкость русских действительно потрясала.

Наполеон провел множество битв в разных частях света — и в Африке, и на Ближнем Востоке, и в Европе, он противостоял вождям различных национальностей, но всегда, всегда после простенького маневра противник почему-то пугался, руки с оружием у него опускались, и целые дивизии покорно ждали, пока их перережут. Или бросались бежать. Конечно, если Наполеону были нужны пленные, то сдавались — тысячами, десятками тысяч.

Но на Бородинском поле (да и до него, и после) все было иначе. Много часов шло сражение, трупы атаковавших и оборонявшихся поле уже не просто *покрывали*, но во множестве мест лежали в несколько слоев, создавая удобства для обороняющихся и трудности для наступающих, а вот пленных, обычно изобилующих в битвах с участием Наполеона, пленных — не было.

Наполеон привык любоваться *колоннами* плененных, причем даже не из нижних чинов, но из генералов и маршалов, вплоть до заискивающих королей и императоров, а на Бородине был принесен (не приведен, а принесен!) всего-навсего один генерал, да и тот несколько раз раненый, чуть живой, отнюдь не сдавшийся, но захваченный.

И так в 1812 году было не только при Бородине...

Русские армии, правда, отступали.

При границе их было две, но даже *суммарная* их численность была почти в три раза меньше численности компактно наступавших наполеоновцев. Естественно, русские армии, даже объединившись, не могли себе позволить генерального сражения **даже из арифметических соображений** — что говорить про возможности каждой из армий в отдельности.

И русские отступали, давая возможность Великой армии уменьшиться в размерах — за счет оставших больных, за счет убитых партизанами мародеров, за счет оставляемых в захваченных городах гарнизонов. Стратегия была проста: отступать, пока численность армий не сравняется.

Стратегия Наполеона тоже была предельно отчетливая — и противоположная. Ему, прежде всего, было необходимо не дать российским армиям соединиться, для чего быстрыми переходами надо было между ними вклиниться, и, навязав им сражение поодиночке, при грандиозном перевесе их, естественно, разгромить.

Один из способов разъединения русских армий — упреждение их у переправ через крупные реки или в городах, стоявших на пересечении дорог. И в том, и в другом случае армии теряли возможность не только соединиться, но и продвигаться в нужном направлении: приходилось двигаться круглыми путями, терялось драгоценное время, и силы таяли.

И именно потому, что захвата ни нужных переправ, ни перекрестков дорог допустить было нельзя, *мелким русским соединениям* приходилось давать оборонительные сражения, цель которых была всего лишь задержать наполеоновцев и дать своим возможность продвигаться к месту, назначенному для соединения армий.

И вот в этих незначительных оборонительных сражениях Наполеон и его маршалы вновь и вновь убеждались, что русские, похоже, обладают не таким, как у всех остальных народов Европы, характером.

Чего стоит один только бой дивизии Неверовского, состоявшей сплошь из новобранцев, которая за день выдержала 40 (!) атак *превосходящего по численности* противника, выиграв при этом необходимые сутки, а затем в полном порядке отступила в Смоленск. Такого высшего пилотажа Наполеон нигде в мире не видывал!

(Характерных деталей этого боя масса. Формирование 27-й пехотной дивизии, начатое в январе 1812 года со сбора части командного состава, было закончено *лишь к маю*. Дивизия формировалась в Москве — из подмосковных жителей. Так вот, в бою под Красным непостижимо сопротивлялись именно они. В отряд Неверовского [кроме 27-й дивизии, состоявшей из рекрутов] входили и **профессионалы** — драгуны, казаки и артиллеристы, но артиллеристы лишились пушек, драгуны были в самом начале боя опрокинуты, бежавшие изрублены или **рассеялись**, казаки — драпанули; сохранили присутствие духа — и победили — только рекруты-новобранцы!)

Были и еще бои. Достаточно удачные, хотя русские армии, разъединенные наполеоновской ордой, вглубь своей территории уходили. Уходили, несмотря на требования определенного сорта людей, избравших из себя пламенных патриотов и храбрецов, а на самом деле требовавших генерального сражения — **в соответствии с желанием Наполеона**. Но русские армии его не давали — *тем Наполеона побеждая*. (Кстати сказать, к этого рода «пламенным русским патриотам» относился кавказский князь [из рода грузинских царей] Багратион. Его потомок [прямой или отпрыск общего предка] князь Ираклий Багратион во время Второй мировой перешел на сторону Гитлера и был активным членом его стаи, воюя, в частности, против партизан-*неугодников*. Однако оба Багратиона были предателями русских. Но не потому, что конечными их нанимателями оказались немцы [в конце концов, Наполеон — корсиканец], а потому, что оба Баг-

ратиона — типичные субвожди. С точки зрения *теории стаи* оба грузинских князя действовали в одном направлении: на Бородине Багратион так «героически» руководил на вождельном генеральном сражении, что русских рекрутов было убито гораздо больше, чем наполеоновцев.)

Много верст прошли наполеоновцы по русской земле, и хотя русские армии отступали, отбиваясь лишь время от времени и притом вынужденно, Великая армия потеряла множество солдат отставшими, большими и даже дезертировавшими (и это на чужой-то территории!), **были даже отставшие орудия**, а вот у русских ничего похожего: пленных — единицы, **и ни одного отставшего орудия — ничего!**

Русские ко времени массовых пленений сорок первого года не изменились — да и не могли: характер народный не меняется — вспомним евреев — сотни лет, если не тысячи.

Но если не изменился состав народа, то что изменилось?!

Изменился социально-психологический и национальный состав армии.

Объяснений, разумеется, бытует множество.

Можно вспомнить, что кутузовская армия за исключением генералитета состояла преимущественно из этнических русских (или хотя бы славян) — восточных инородцев на действительную службу не брали — *в принципе*. А в сталинской были все двенадцать языков. О результате этого «кровосмешения» мы можем узнать из множества источников и кроме символических обстоятельств защиты Брестской крепости. Интересный источник — изданные значительным тиражом ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Франца Гальдера:

Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека. **Лишь местами сдаются в плен, в первую очередь там, где в войсках большой процент монгольских народностей** (перед фронтом 6-й и 9-й).

29 июня 1941 года (воскресенье), 8-й день войны

«Монгольская народность» — это в восприятии Гальдера, для нас же это не столько татары, сколько вообще азиаты.

В то же самое время те же самые по национальному составу советские войска Берлин — несмотря на обилие у защищающихся тяжелого вооружения, упорство немцев и грандиозное инженерное обеспечение обороны — взяли лихо, как бы шутя — за неделю. И брали все те же комсомольцы — и азиаты в том числе. В рамках концепции суверенитизма такое изменение поведения комсомольцев с позорно-го драпа до повального героизма объясняют их прозрением — дес-

кать, увидели разоренные и сожженные русские деревни, грандиозные захоронения замученных военнопленных, убитых детей, надругательства над святынями духа типа Ясной Поляны, — вот и начали воевать хорошо.

Объяснение глупое.

Какое дело таджику из дальнего аула, привыкшему к анаше, до русских деревень?!

Однако в рамках *теории стаи* каждый из вышеперечисленных фактов закономерен: подобно тому, как не изменились князья Багратионы, так же не изменились и «монгольские национальности» — **но изменилось, во-первых, направление навязчивых видений сверхваждя, а во-вторых, и его сила.**

А еще в 41-м месторасположение неугодных было иное.

Концентрировать их стали в 41-м в других, чем в 1812 году, местах.

Именно «концентрировать» — они не сами «концентрировались».

Население в России XVIII–XIX века было исключительно сельским. Это были общины, крепостных ли крестьян, казенных ли, или, как на севере или в Сибири — свободных, — но общинники прежде всего были связаны коллективной ответственностью за сдачу налогов и исполнение государственных или барских обязанностей. На сельском сходе в начальники над собой крестьяне выбирали того, чьему некрополю сопротивляться не удавалось, — *старосту*. Который и следил за исполнением обязанностей общины, **в частности, за исполнением рекрутской повинности.**

Солдатчина в русском народе, во всяком случае в те времена, воспринималась как наказание. И, действительно, отправлением на солдатскую службу **наказывали**. Кто? Или помещики лично, или старосты. А что было причиной недовольствия помещиков? Об этом в дворянских мемуарах и в художественном творчестве дворян сохранилось множество свидетельств. Главная причина наказания — *неподчинение*. Иными словами, *нехолоуйство*. Отсутствие нужной гибкости спины.

Это помещики. А что старосты? А старосты воспринимали жизнь также авторитарно. И тоже, когда им предоставляли выбор, избавлялись от неугодных. С одобрения большинства общины — ибо мышление стада совпадает с мышлением вожака.

Да, конечно, существовала предписанная государственным умами и закрепленная на бумаге очередность, известно было, кого и в каких случаях брать, женатого или нет, обремененного детьми или нет, и из какой семьи. Однако бумаг не читали, жаловаться на нарушения было некому, естественно, суд творился по произволу судящего.

Описывая из раза в раз повторявшиеся при рекрутских наборах несправедливости, мемуаристы и писатели (в том числе и Л. Н. Толстой), в сущности, описывали всегда одну и ту же ситуацию: в семье по меньшей мере два сына — один труженик, все в его руках спорится, он хотя сын и норовистый, но отцу помогает делом; второй сын — подхалимистый. В очередь идти подхалимистому, но как-то так получается, что и мать, и отец, и вообще все вокруг понуждают идти под ружье именно труженика (помните, у Толстого в «Севастопольских рассказах» рекруты не воюют, не убивают, а *трудятся*?!). И он, трудяга, подчас *добровольно*, оставляя жену, отныне «соломенную вдову», теперь по положению имеющую право на разбитную жизнь, выручая брата, идет. Проходит время, подхалимистый вырастает в законченного хама, начинает пить, бездельничает, требует у родителей сбережения, избивает не только свою жену и детей, но и «соломенную вдову». Словом, ситуация вполне библейская — Каин и Авель.

Судя по произведениям классиков русской литературы, развязка для родителей вполне типична — когда голодный и обобранный дед, некогда глава семейства, состарившись, осознает, что своими же руками разрушил и свое благосостояние, и более или менее сносную жизнь своих внуков, уже поздно. И от расплаты мучением и стыдом спрятаться можно только в смерть.

Нельзя утверждать, что кутузовская армия целиком и полностью состояла только из *неугодников*. Но можно быть твердо уверенными, что состав таким образом набираемой армии был существенно иным, чем набираемой по принципу всеобщей воинской повинности.

Хотя «всеобщая» армия более стойка к обороне, чем та, из которой *неугодников* вычищали. Если уж «всеобщая» православная армия полками бегала с воплями от несуществующей японской кавалерии, то кошмарные события лета 41-го есть вполне закономерное следствие обеднения армии *неугодниками*.

А Сталин именно и занимался тем, что вычищал из армии *неугодников*: в голодной стране жравшие досыта коммунисто-сталинцы только и занимались тем, что *пытались* «вычистить» способных к самостоятельному мышлению среди прочего и из армии.

Нас приучали верить, что репрессии были нацелены на некие определенные слои общества — богатых, интеллигентов, дворян, старых партийцев-ленинцев. Но внимательное рассмотрение событий неминуемо приводит к выводу, что часть ленинцев не тронули, часть интеллигенции тоже сохранилась, да и людей с дворянскими корнями выжило предостаточно. А вот много арестовывали ремесленников и крестьян.

Аресты не были хаотичными, хотя, действительно, подчеркиваемая таинственность репрессий погружала одну часть населения стра-

ны в атмосферу страха (что, по законам психологии, вело к сплочению стаи вокруг вождя), а другую — в радостную веру в высшую справедливость.

Вычищали *чужих*.

Напомним вкратце концепцию трехцентровости нашего мира («внешники», «внутренники», *неугодники*): не только в маленьком городишке население можно разделить на торгашей, бандитов и созидателей, но подобно разделяется и народ, страна — и даже планета в целом. Созидатели довлеют к *неугодничеству*, а плутократы и бандиты — к стае. Стайные ненавидят *неугодников*, хотя без созидателей обойтись не могут, еще они соперничают между собой. Кавказец, подобно князьям Багратионам, относился к «внешникам» (тоталитарникам, бандитам, прогерманцам) и органически ненавидел стаю, строящуюся на несколько ином принципе — «внутренническом» (плутократия, торговцы, проангличане, проамериканцы, демократы, ревизионисты).

Разумеется, «внешники» вычищали и «внутренников», и «внешников»-конкурентов, поэтому был убит Левка Троцкий и многие коммунисты (Зиновьев, Каменев, Бухарин и т. п.) с демократами (типа Горького). Стая должна быть *стаей*, и вождю-«внешнику» разрыхлители в ней не нужны никакого рода.

Есть в истории сталинщины *деталь*, которую хотя и вспоминают с омерзением, но никак *не толкуют*. Но именно в этой детали, в этой «странности» и раскрывается сущность репрессий Сталина — в рамках *теории стаи*.

Дело в том, что для ареста человека требовался *донос*. **Он не был бы нужен, если бы требовались репрессии сами по себе — для устрашения и сплывания.** Но доносы — ложные, ничем не доказанные письменные доносы от соседей, причем далеко не всегда меркантильные, скажем, ради комнаты сплавляемого в концлагерь, требовались, — следовательно, они были нужны для чего-то другого.

А для чего?

Что было нужно: бумага или *недовольство соседей*?

Ну вот, как говорится, слово произнесено...

Да, действительно, **механизм отбора в ГУЛАГ был подозрительно похож на механизм рекрутского набора времен Кутузова:** стержнем было — *неприятель* общины, соседей и иногда даже семьи. Иными словами, бытовое доносительство преданного «внешнику» Сталину населения отсеивало *чужих* — *неугодников* и «внутренников».

Таким образом, **сталинская армия** усилиями *старосты Сталина* и угадывавших его желания *исполнителей*-«внешников» всей страны, в противоположность армии кутузовской, резко обеднялась «внутренниками» и *неугодниками*!

И вот этот-то принципиально иной социально-психологический состав двух армий — кутузовской (*неугоднической*) и сталинской (угоднической) во многом и определил столь различное их поведение при столкновении с захватчиками.

Сталинский *исполнитель* («комсомолец»), привыкший в теле своих дедов, прадедов и прапраотцов к верности принципу авторитарности, и, как следствие, повиновению *сельскому старосте* (вождю), лишь только соприкасался с побеждающей стаей некрофила Гитлера, тут же начинал чувствовать в себе неодолимую потребность подчиниться *Главному Старосте*.

И сдавался — тысячами и миллионами.

Фашист проходил сквозь многочисленные ряды советских войск как раскаленный нож сквозь масло (за редкими исключениями) — способных его остановить *неугодников* было недостаточно: они сидели в ГУЛАГе, были сведены в безоружные строительные части (об этом — особая глава), или прятались. Вместо них были русские комсомольцы-сталинцы, да и то разбавленные (тоже, заметьте, личными усилиями Сталина) исторически привыкшими к изощренной авторитарности азиатами...

Молниеносные успехи Гитлера и толпы сдавшихся в плен показали, что никакие горы заготовленного оружия, никакие толстенные тома, которыми снабжались политработники, не могли превратить толпу *исполнителей* в воинские части, способные *защищать* Родину и родню от свержождя.

Немцев остановили под Москвой. Остановили *сибирские* дивизии (из традиционно *неугоднического* населения; в русско-японскую они тоже были самыми стойкими), ополчение, новобранцы, колонны выпущенных из ГУЛАГа — и погнали вон.

Среди причин замедления немецкого наступления историки «внутреннического» типа мышления называют мороз и растянутость коммуникаций. Физические факторы мы обсудим в IV части, при обсуждении новой концепции Второй мировой войны, но полезно вспомнить намеренно забываемое — что именно под Москвой, после тотальных разгромов, когда между фашистскими войсками и предуготованной Гитлером к полному уничтожению Москвой регулярных войск уже почти не было, были введены два контингента, которые, собственно, и остановили гитлеровцев. Одна сила — московское ополчение, собранное из студентов, бухгалтеров, рабочих и прочих нестроевиков — словом, почти новобранцев дивизии Неверовского. Но была и вторая сила — колонны выпущенных из лагерей ГУЛАГа, наспех вооруженные, без всякого основания репрессированные *неугодники*. Репрессированных только за то, что не повторяли всякую чушь, когда требовалось хоровое «пение».

Неугодник может быть партизаном, но не всякий бородатый мужик, обутый вместо армейских сапог в домашнего изготовления валенки и с винтовкой в руках, — *неугодник*.

Чтобы понять, чем *исполнитель* с топором в лесу отличается от истинного *партизана-неугодника*, удобнее всего рассмотреть события осени 1812 года.

Дело в том, что в войне 1812 года было два этапа. На первом партизан было мало, на втором ими можно было пруд прудить. Партизаны этих двух этапов социально-психологически противоположны!

На *первом этапе* войны 1812 года, еще *до* оккупации Москвы партизанское движение было малозаметным (*неугодники* оказались по большей части в армии), зато было заметно другое движение в крестьянских общинах — *пронаполеоновское*.

Доселе угождавшие помещикам и старостам общинники-исполнители делали то, о чем Наполеон *мечтал*: они переставали повиноваться своим помещикам (помещик — это тот, кто не только пользовался трудом зависимых от него людей, но в трудные времена о них и заботился, хотя бы в том смысле, что во время неурожая на свои средства покупал в дальних губерниях хлеб и тем спасал работников, их жен и детей от голодной смерти; после отмены крепостного права общинники стали в таких случаях умирать целыми деревнями) и нередко помещиков убивали. Но самое главное, что делали *исполнители* повсеместно, — они не давали некогда помогавшим им помещикам лошадей и подвод, чтобы те не вывезли материальные ценности, те самые, что так ценились иерархией наполеоновцев — генералами, офицерами и солдатней.

Исторический факт: *общинники бунтовали, руководимые своими старостами*.

Эти события рельефно описаны у Льва Николаевича в «Войне и мире» в эпизоде, где крестьяне пытаются ограбить и убить свою госпожу княжну Марью Болконскую. Объект для православных крестьян с точки зрения справедливости, прямо скажем, богохульный. Кто как не набожная Марья всячески помогала крестьянам своего отца — и деньгами, и лекарствами, а, главное, своим умом, никогда их не притесняла — и вот, на тебе, у нее отнимают подводы, не дают лошадей, что означает, как минимум, выдачу на растерзание бесноватым наполеоновцам — полякам, немцам, французам, евреям и т. п. И только появление графа Николая Ростова, гусарского офицера, несколько от него зуботычин, окрик, но, главное, его гусарско-графская психоэнергетическая «убедительность» склонили чашу весов не в пользу тогда еще пространственно далекого Наполеона. (Интересен штрих великого художника: Толстой, описывая мужиков этой дерев-

ни, называет их *темными* — т. е. глупыми, неразвитыми, *гипнабельными*, — в отличие от мужиков из другого поместья Болконских...)

Итак, **первый этап** всякой войны со сверхвождем — **массовое сопротивление исполнителей со сверхвождем — в том числе, и в прямом смысле**. Парадокс: массовое партизанское движение *исполнителей* скорее антинационально. (Так было не только при Наполеоне, но и при Гитлере тоже.)

А вот после начала у Наполеона приступов паранойи (еще до Бородин, а тем более после исчезновения Москвы и массового таяния войск во время стояния в ней) трудно не заметить, что ситуация резко меняется. И вот мы уже видим, как в засады к большой дороге стекаются разве что не толпы крестьян, руководимые все теми же старостами, — и палками, как собак, убивают пугающихся их до смерти солдат Великой армии.

Принято объяснять поведение старост и послушных им общинников на **первом этапе** войны так: тупые крестьяне, не учившиеся, а, главное, ни под каким видом не желавшие ничему учиться, оказываются, по размышлении над идеями о *естественном праве* первого консула Французской республики решили, что идеи равенства, братства и единения народов во имя естественного права и философии им духовно близки, и потому решили они биться с крепостничеством в лице его представителей — на стороне неизвестного им императора.

Объяснение, что и говорить, отдает идиотизмом. Даже в рамках суверенитизма.

Принятое толкование **второго этапа** войны не лучше. На втором этапе Русской кампании Наполеона общинное крестьянство, дескать, осмыслило неизвестные ему до этого несправедливости, творимые в далекой, непонятной и даже чуждой ему Москве, и решило субститутом не пособствовать, а с ним бороться.

Можно долго издеваться над аргументацией этой вдалбливаемой в системе обязательного образования концепции, но не станем терять времени.

Очевидно, что поведение неспособных к самостоятельному мышлению, гипнабельных и потому послушных воле сверхвождя Наполеона сельских *исполнителей* могло измениться только потому, что изменился сверхвождь, поменялся знак его галлюцинаций.

Это понятно.

Характерно, что партизан **второго периода** отличала крайняя жестокость, — могли обливать маслом пленного наполеоновца и поджечь, были и другие выверты.

Между прочим, замечено, что «выверты» эти **в точности соответствовали тем, которыми баловались в наполеоновской армии — по отношению к захваченным русским**.

Регулярная русская армия (рекрутов) тратила много сил, чтобы унять старост-садистов. Солдаты рекрутской армии вообще были несравненно более жалостливы к пленным, чем сельские стаи — действительно, рекрутам нередко приходилось отбивать у *исполнителей* уже простившихся с жизнью пленных французов.

Исход войны решили *неугодники*.

Их было не так много, но они были. Много сохранилось имен старост и старостих второго периода войны — а первого мало. Но некоторые имена все-таки сохранились.

Например, редко-редко, но упоминается имя наследственного помещика Энгельгардта, о котором известно разве только то, что он не бежал перед многосоттысячной Великой армией, а осмысленно остался в деревне и навредил, сколько мог, французам. Когда на него **донесли** (*ясное дело свои!*), не оправдываясь, бесстрашно принял смерть.

И сверхвождя победил.

Глава девятнадцатая

ПОЧЕМУ КУТУЗОВ – СТРАННЫЙ, А НАПОЛЕОНА НОСТРАДАМУС ПРЕДРЕК АНТИХРИСТОМ?

А теперь настало время познакомиться чуть ближе со светлейшим князем (титул присвоен уже в 1812 году при назначении на должность главнокомандующего) Михаилом Илларионовичем Кутузовым — очень *странным* человеком. Того самого душевного склада, который ярче всего познается через противостояние сверхвождю, подобно тому как святость познается через отрицание греха — «не убий, не кради, не прелюбодействуй...»

Кунктатора Кутузова, как и должно, при дворе не любили, и после того, как он верно предсказал, что битву при Аустерлице Александр I проиграет, слезами показав весь позор происходящего, он попал в опалу и из армии был удален.

При нашествии Наполеона Кутузов командование над всеми российскими армиями принял, когда они уже отступили вглубь России достаточно далеко, из арифметических соображений должны были отступать и дальше, а по *теории стай* и вовсе в генеральные сражения не вступать.

Барклай де Толли руководствовался арифметическими соображениями и отступал. Потомок грузинских царей Багратион требовал генеральных сражений и *давил*. Совершенно справедливо полагая, что

немцы и кавказцы до добра не доведут, рядовой состав и русские офицеры желали *русского* военачальника — и Бог их желание благословил.

В идеологической литературе считается, что солдаты требовали сражения, и если это так, то с точки зрения *теории стаи* скверно. То, что Кутузов поздно принял командование, позволило ему, не вызывая особенного подозрения, с противоестественным генеральным сражением еще тянуть некоторое время, имитировать приготовления, тем ограждая Россию от того, чтобы генералитет не избрал очередного Варрона.

Трудно сказать, насколько Кутузов осмысливал *теорию стаи* — но, похоже, он **понимал, что в России сверхвождь пожрет себя сам**. И убежит.

Нет, не из трусости. Параноики, вообще говоря, не трусы в общепринятом смысле этого слова, страшна им не смерть (ведь в душе они ее жаждут даже больше, чем острых ощущений), они могут и на жерла заряженных пушек грудью пойти, как хаживал женобедренный Наполеон. Страшит сверхвождей *неподчинение*.

После тесноты заселенной до скученности Европы, оказавшись в пугающих просторах России, Наполеон встретил настолько странный народ, вернее, некоторую его *неугодническую* часть, что даже при его ограниченных способностях к критическому мышлению **он через некоторое время не мог не усомниться в возможности победы** на этих колоссальных пространствах.

И действительно, странные состояния заторможенной задумчивости, в которые, оказавшись в России, начал впадать Наполеон, описаны теми немногими из Великой армии, кому посчастливилось выжить.

Задумывался же Наполеон о встретившихся ему странных партизанах (Наполеон **еще до выхода из Москвы** беспрестанно посылал послов с жалобами, что народ — некоторая его часть — воюет «не по правилам» — не собирается в большие, геометрически правильные кучи), — и параноик испугался, *вообразил невесть что*, и вот уже доселе принимавшие его сторону *исполнители* русских селений обнаружили в себе желание отпустить задержанных помещиков и пойти убивать наполеоновцев.

И чем больше на эту тему с ужасом задумывался Наполеон — а кошмар параноидальных галлюцинаций состоит в том, что основания к ним растут как снежный ком, — тем страшнее ему представлялась действительность — вскоре подтверждаемая донесениями.

Официозная история только тем и занимается, что превозносит образцом героизма именно такого рода партизан, **второго этапа** войны.

Достаточно вспомнить о подмосковном авторитарном полуприказчике-полукрестьянине Герасиме Курине, отряд которого просуществовал всего неделю.

События первого дня были бесхитростны: в одной деревне крестьяне кончили двух мародеров, пытавшихся изнасиловать молодуху.

В соседней же деревне десять мародеров, побросав ружья, разбежались от одного только вида с криком несущейся на них толпы жителей. Итог: 12 ружей и холодное оружие.

Дальше больше. Народ прибывал. Оружие, соответственно, тоже. На шестой уже день мужики, потеряв всего 12 человек убитыми и 20 ранеными, вчистую разгромили посланную на их усмирение регулярную, значительную (!), в сотни штыков французскую часть.

А на седьмой и вовсе уже пятитысячное войско, вооруженное вилами и отбитым огнестрельным оружием, с криками **«Где злодей?! Где супостат?!»**, ринулось на штурм подмосковного города Богородска. Тут бы и конец маршалу Нею, если бы он за несколько часов до того наконец не понял, что корсиканский коротышка точно завел его в нехорошее место — и сделал из Богородска ноги. Уходящему, лучше сказать убежавшему из Москвы Наполеону крупно повезло — мужики Герасима «географиям обучены не были» и поэтому не знали, по какой дороге преследовать национального героя Франции.

Какого происхождения был этот массовый «героизм», позволяет определить деталь, над загадкой которой второе столетие бьются поколения историков. Дело в том, что на шестой день своего существования **не обученные военному делу крестьяне, ничего не зная о расположении сил наполеоновцев, зеркально воспроизвели маневр французских войск и провели операцию, доступную только старшему офицеру или генералу**.

Нею стали известны проделки крестьян, и он отправил большой карательный отряд наполеоновцев. Тот, прибыв на место, выслал передовой отряд, который, в свою очередь, выслал в деревню разведку. По замыслу, разведка должна была спровоцировать преследование до передового отряда, а тот — до основного, где восставшим крестьянам и должны были навести концы.

Однако ж получился ну по-олный облом.

Разведка вошла в деревню, к командирам вышел сам Герасим с увязавшимся за ним мальчиком, сделал вид, что поверил уверениям разведчиков, что они прибыли **только** купить продовольствия, увел их за угол ближайшей избы якобы торговать — там офицеров и кончили. На оставшихся кавалеристов с трех сторон из засад бросились мужики трех деревень, некоторые шли с голыми руками. Одному всаднику удалось-таки вырваться и он поскакал в сторону передово-

го отряда. Крестьяне — толпой за ним. Передовой отряд развернулся и, заманивая, стал отступать в сторону основного отряда. Крестьяне толпой — за ним. Обученные наполеоновцы вдруг остановились, развернулись, толпу окружили цепью стрелков и уже было собралось побаловаться штыками — ан, не тут-то было. Оказалось, что Герасим организовал засаду в недалекой роще, ни много ни мало **в тысячу крестьян**. Окруженные ринулись в их сторону, прорвали цепь и преследующих наполеоновцев основного отряда под ту с виду безобидную рощу и подвели...

А на следующий день, умножившись в числе до пяти тысяч, рванули на Богородск.

Совершенно очевидно, что при таком раскладе, когда на одного погибшего мужика с дубиной гибнет по паре десятков вооруженных артиллерией наполеоновцев, Кутузову не было никакого резону подставлять рекрутов под картечь. В самом деле, в генеральном сражении все было наоборот: русских гибло больше. Ради чего устраивать генеральные сражения?

При Бородине Наполеон безвозвратно потерял около 40 тысяч, то есть порядка 6% всех в России потерь. Для сравнения: за месяц стояния в Москве Наполеон потерял 30 тысяч — кому булыжником череп проломили, а кто и сам спяну угорел или утоп; Герасимы опять-таки на горизонте маячили с непонятным кличем «Где *супостат*?!»...

Но Бородинского сражения хотели, и Кутузов, как некогда под Аустерлицем, вынужден был уступить.

Итак, Бородинская битва была уникальнейшим генеральным сражением в мировой истории. Это был ненужный довесок к растянутому во времени и пространстве противостоянию русских *неугодников* великому сверхвождю:

— с одной стороны был великий полководец, не мужчина и не женщина, вполне подготовленный галлюцинировать на стойкость невиданного им прежде противника. Даже российские генералы к Бородину сдаваться перестали (действительно, при Бородине сдалось несколько наполеоновских генералов, в то время как от русских ни одного, единственный захваченный был несколько раз ранен, не сдавались даже немецкие генералы, хотя в европейских армиях и при начале Русской кампании они сдавались пачками — уже одно это должно помочь пониманию закономерностей великих войн). К тому же от прозрения, что зашел куда-то не туда, коротышка в день Бородин (то есть **до** сражения) заболел аж даже всеми тремя свойственными ему болезнями (а болезни *просто так* не приходят — они продолжение психических процессов);

— с другой стороны было войско наказанных солдатчиной «неудобных» людей, к тому же возглавляемых **очень странным полко-**

водцем — князем Кутузовым, странным уже хотя бы тем, что **в ход Бородинского сражения он вообще не вмешивался** (или вмешательство только имитировал).

Однако с точки зрения *теории стаи*, именно благодаря способности совершать такого рода «странности», князь Кутузов, подобно Фабии, и победил Наполеона.

Да, князь Кутузов, несмотря на вхожесть в правящую элиту, обладал вполне развитым неугодническим мышлением. Это проявлялось среди прочего в том, что:

— вопреки желаниям придворной камарильи сдаться и стремлениям ура-генералов устроить генеральное сражение, Кутузов от него всячески увиливал — якобы *ждал подходящего момента*;

— на Бородинском поле князь Кутузов руководящих распоряжений частям армии не давал, предоставив подразделениям самим решать, что делать в складывавшейся обстановке, — в сущности, настраивал людей на неугодническое поведение;

— несмотря на то, что двор во главе с Александром I требовал покончить с партизанским движением (первый этап войны!) — вплоть до казней партизан (сохранились документы!!!), князь Кутузов противостал и заявил, что партизаны есть слава отечества;

— под Аустерлицем князь Кутузов не дрогнул намекнуть Александру I, что дурак — он, немецкой крови император над Россией;

— при следовании за Наполеоном параллельным маршем князь Кутузов намеренно отставал на два-три перехода и тем сберег *рекрутских* солдат своего войска, — низжайший поклон тебе, русский светлейший князь, за сохранение будущего России! — ненужное теперь Наполеону войско со всевозможными жестокостями изничтожали послушные воле Наполеона русские *исполнители* во главе со старостями и приказчиками.

— дочь выбирает в мужья аналог отца: все три дочери князя Кутузова выбрали себе в мужья *странных*, чуждых стадному инстинкту людей. Зятя, и в особенности их между собой схожесть, раскрывают сущность самого князя Кутузова.

Это достойно отдельного изложения.

Один из зятьев, флигель-адъютант Федор Иванович Тизенгаузен во время повального бегства русско-немецкой толпы во главе с самим Александром I и австрийским императором под Аустерлицем в 1805 году ей, толпе, а следовательно воле сверхвождя, духовно противостал и со знаменем в руках ринулся на французов, пытаясь остановить бегущих и увлечь их за собой. Он погиб. Именно с него Лев Толстой и писал сцену ранения князя Андрея — со знаменем в руках, опрокинутого навзничь картечью. Бытует мнение, почерпнутое из мемуаров, что Тизенгаузен — карьерист. Возможно. Но он единствен-

ный из немцев, который при Аустерлице не побегал. И этот единственный был «почему-то» выбран в зятя Кутузову.

Второй зять князя Кутузова, Николай Данилович Кудашев был одним из зачинателей военного партизанского движения, то есть стремился сам принимать решения и наносить противнику урон многократно больший, чем собственные потери. Это еще не был второй этап войны, хотя, признаться, уже не первый.

Третий зять погиб схожим с первым зятем образом, но уже в 1812 году...

Словом, все достаточно целостно.

Если что в судьбе князя Кутузова и удивительно, так это то, **почему человек со столь яркими проявлениями неугодника смог оказаться не просто в армии, но во главе ее?** Неугодников и в нижних-то этажах иерархии терпеть не могут, а уж в верхних — тем более! Почему оказался?! Вмешательство это вышних сил или результат некоей закономерности?

Как ни удивительно, но отвечая именно на этот вопрос, можно, наконец, разобраться, почему именно Наполеон в пророчествах был назван Антихристом (близкие подобию грядущего Антихриста тоже в какой-то степени антихристы — поэтому не удивительно, что для человека, постигающего суть событий, в ряде случаев подобию отождествляются с прообразом). Предречен не Ленин, не Гитлер, не Сталин, пролившие несравненно большие моря крови — а именно Наполеон!

Особенности человека можно искать в нем самом (у князя Кутузова были *два очень странных ранения*, не считая обычных), а можно искать в обстоятельствах внешних, в частности — в государственном устройстве (если в армии среди *младших чинов* искусственным образом оказалось много *неугодников*, то возможна и политическая система, обеспечивающая их присутствие и в руководстве).

Анализ начнем с версии не столько правдоподобной, сколько курьезной. У князя Кутузова было **два** весьма странных ранения, **от каждого из которых люди обычно норовят гибнуть**.

Кутузов был ранен навывлет в голову — и выжил.

После того, как рана зажила, он опять стал защищать Россию от агрессивных устремлений Турции — и был ранен вновь, и вновь навывлет — **почти в то же самое место, в ту же часть головы!**

Известно, что каждое из двух полушарий мозга отвечает за одно из двух типов мышления: одно — за логико-цифровое, другое — за ассоциативно-образное. Однако, осталось нетронутым у князя Кутузова только логическое или только образное (родовая память) мышление, нам неизвестно. Более того, поскольку и внутри одного полушария разные его участки отвечают за разные грани мышления, можно предположить — и не более, чем предположить! — что у князя Куту-

зова были выжжены те объемы мозга, в которых были «записаны» приказы на психоэнергетическое подчинение сверхваждо. Может быть, в результате «удачных» травм мозга князь Кутузов мог и без психокатарсиса приблизиться к раскованному образу мышления и при этом не утратить подавляющих способностей, позволяющих справляться с должностью фельдмаршала?! Оговоримся сразу, предположение о положительном эффекте двух ранений в голову — чисто теоретическое, основанное на том, что в результате изменения мозга (а тем более после двух ранений в одно и то же место!) князь Кутузов должен был чем-то от окружающих отличаться.

Можно предположить, что за такое объяснение *неугоднических* свойств Кутузова с готовностью ухватятся многие из тех, кто пытается оправдать свое неблагородство и бездуховность: дескать, Сам Бог и виноват, что мы такие — раз не было у нас двух ранений головы или иных каких-нибудь черепных травм, то и спрашивать с нас нечего — вот мы и такие, как все.

Можно ли выявить, что Кутузов проявлял свойства *неугодника* еще до ранений? Можно. И очень просто. По «эстетическим» предпочтениям его дочерей. Зачаты они были еще до ранений отца, а главные впечатления относятся к юному возрасту — выбор женихов был предельно характерный. Кутузов выбрал направление развития еще до ранений!

Но есть и другое соображение, объясняющее ту *странность*, что в военной иерархии в верхнем ее эшелоне оказался не типичный некрофил, но человек с элементами *неугоднического* мышления.

Дело в том, что князь Кутузов жил во времена общества, которое строжайшим образом оберегало принцип сословности. Хотя, конечно, «сильные» цари — типа Ивана Грозного или Петра I — приближали к себе отдельных проходимцев и негодяев из низов общества, но в общем случае военачальником, по условию, не мог стать ни крестьянин, ни мещанин, ни сын мясника, но только человек, родившийся в аристократической семье. Аристократия формировалась не в один день, и прежде чем доступ в эту строго обособленную часть населения прекратился, влезали в нее люди, безусловно, существенно более некрофилические, чем окружающие — иначе они бы не смогли так долго держаться у власти. Но с течением времени в аристократической среде появлялись и отдельные биофилы — Лев Толстой яркий тому пример, и как увидим дальше, не единственный. За счет чего появлялись?

Во-первых, за счет покаяния — чисто духовного процесса.

Во-вторых, за счет наследственной предрасположенности. Ввиду того, что князья особенно часто страдают импотенцией и разного рода извращениями, их венчанные жены для воспроизведения семьи своего детства вынуждены были прибегать к услугам соседей, двор-

ни или крестьянских парней. Нередко некрофилов более слабых, чем муж-князь — что и отражалось на потомстве, номинально остающемся среди аристократов.

В-третьих, за счет хаотичного валабиянства.

Таким образом, с течением времени неизбежно возникала ситуация, когда пожухшая аристократия не могла выставить нужного числа ярких некрофилов, чтобы занять все административные и военные должности.

Как следствие монарху, выжившему во внутрисемейной бойне (а кто о ней не знает?), приходилось на должность военачальника назначать человека, вызывавшего отвращения того рода, которое испытывал лакейского поведения Александр I к Кутузову.

Призрак подобной ситуации маячит во всех странах сословного устройства вообще, а в России в особенности. Управление столь обширными пространствами требует большого количества чиновников, а чудовищная протяженность границ — значительного числа военачальников; «сообразительных» Чичаговых на все должности заведомо не хватит. В результате, царю *вынужденно* приходится брать на службу «дурачков» из благородных семейств, которые не умеют с изяществом Чичагова и графа Ростопчина расшаркиваться на придворных балах и при вторжении армии сверхвождя в припадках якобы патриотизма требовать генеральных сражений.

«Дурачков» приходится брать, тем более, что они, как выяснялось при логически-цифровом анализе событий, *защищают* Родину на удивление неплохо, несравнимо лучше, чем «сообразительные». **Плохо** они не только расшаркиваются, но и *наступают*, да и то — на чужие территории. (Князь Кутузов, выгнав с Родины Бонапарта, должен был повиноваться приказу о заграничном походе, но — предпочел умереть.)

Князь Кутузов и был этим дурачком-аристократом, которого в молодости были *вынуждены* послать под турецкие пули (характерная деталь: Кутузов, воюя, в общем-то, на спорной территории, жалея турок, плакал, а наполеоновцев же — нет, не жалел), а затем, ввиду того, что войска совершенно справедливо не хотели над собой иметь немцев, царь Кутузова назначить главнокомандующим был *вынужден* — и слава Богу!

Итак, только в сословном обществе вероятна та парадоксальная ситуация, когда главнокомандующим может быть поставлен аристократического происхождения человек того особенного мышления, которое единственно и может обеспечить успех в *оборонительной* войне против сверхвождя. (Поймите правильно, здесь не воспевается сословное общество как некий абсолют человеческих отношений — оно ущербно, были в истории человечества формы существенно бо-

лее биофильные: об этом в главе «Формы государственного устройства как отражение степени психологического приближения к всепланетной стае».)

И наоборот, наступательная стая будет успешно сформирована только в бессословном, «демократическом», обществе. (Далеко не все *лучшие* маршалы Наполеона принадлежали к аристократии, некоторые, прежде чем усыпаться брильянтами военных орденов, рубили в лавке отца мясо или подавали пиво в трактирах. Если бы Наполеон ограничился маршалами аристократического происхождения, то он был бы вынужден назначать на высокие должности более жухлых некрофилов, и, как следствие, *завоевательная* способность его армии существенно бы снизилась.)

Отсюда следует, что грядущий Сверхвождь, чтобы победить последний оплот неугодищества на планете (как будет показано в V части, Россию), должен *уничтожить сословия*:

— во-первых, в своем лагере, чтобы создать идеальную некрофильческую *наступательную* армию;

— во-вторых, в России, чтобы снизить ее оборонительные возможности.

Вот в чем сокровенный смысл Великой Французской революции — и воспользовавшегося ей в полной мере Наполеона!

Первым человеком, который за последние несколько тысяч лет до конца ликвидировал сословия (Великая французская революция их ликвидировала лишь на словах, потому что аристократы были урезаны в своих правах — и всеобщего «равенства возможностей» не было), тем проложив дорогу к всепланетной стае, был Наполеон. Он был — «внутренник». Именно поэтому он и есть прообраз Антихриста!!

Если же говорить о прочих наполеоноганныбалах, желающих уничтожить Россию, то кроме уничтожения сословий они должны позаботиться, чтобы армия России перестала быть *неугодищеской*, то есть, чтобы она формировалась хотя бы по принципу всеобщей мобилизации (исполнители — Александр II, Александр III, Николай II, последняя четверть XIX века; впервые последствия этой реформы проявились во время русско-японской войны в 1904 году); чтобы армия, как и все общество в России, перестала быть сословной (исполнитель — Ленин, 1917 г.); более того, чтобы в нее *не* попадали неудобные люди (исполнитель — Сталин, который, помнится, пытался их выпедить в ГУЛАГ, 1937–1941 гг.). Вот они, красавцы, — Романовы, Ленин, Сталин — якобы друг с другом абсолютно несхожие и друг другу враждебные...

Действительно, некрофил и биофил заинтересованы в разных типах устройства общества.

Всякий яркий некрофил в вопросах созидания истины — урожденная бездарность, но что касается иерархии, то он как шимпанзе или крыса, если не *знает*, то *чувствует*, как это делается. Он чувствует, что может оказаться в иерархии наверху, поэтому все и всяческие правовые преграды в виде законов об урожденных привилегиях сословий его сковывают, мешают подниматься наверх, к преисподней иерархии, изначальная цель которой — истреблять или подчинять оказавшихся поблизости. Он — за «демократию».

А вот биофил, будучи со стаей несовместим, напротив, прекрасно чувствует, что при декларируемых «демократическими» законами страны равных *для всех* возможностях, они, биофилы, несмотря на свои наилучшие профессиональные качества, по иерархической лестнице не поднимутся и привилегий никаких не получат. Поэтому биофил из аристократического сословия, желающий послужить Родине, скажем, защищая ее от попыток стай (неважно, «внутренников» или «внешников») ее поработить, не будет поддаваться всеобщему искушению участвовать в разрушении строгого сословного общества — потому что чувствует, какие силы в результате такого разрушения проникнут в штабы, в ставку, дорвутся к заведованию материальными ресурсами и военным снаряжением.

Но и биофилу из, что называется, низов, «общество равных возможностей» также крайне невыгодно. Ведь далеко не все *ярчайшие* некрофилы принадлежат к дворянскому сословию — Ленин и Наполеон, правда, дворянами были, а вот Гитлер и Сталин — нет. Патологический садист Гитлер в *сословном* обществе так бы и остался ефрейтором, Сталин — рядовым священником, а Наполеон — не поднялся бы выше полковника (поскольку захудалый дворянин с презираемой Корсики в сословной Франции фактически приравнивался к простолюдинам). За притязания на верховную власть их бы изолировали в одиночной камере или попросту казнили — ради здоровья нации (французы бы не уменьшились в росте на 2,5 сантиметра и остались бы психологически прежними, немцы, не прими они Гитлера, не были бы такими, какими стали теперь, а русские были бы более многочисленны). Создание идеальной стаи в форме бессословного общества для *биофила из низов* означает утрату возможности созидательного труда — стая с вождем из ефрейторов или нападет сама или утратит способность к обороне, и ее будут грызть пришельцы. Бессословное общество в любой стране, в которой не случился сверхжидь, небезопасно для близких биофила.

Иными словами, биофил в *бессословном* обществе вынужден задышаться от силы некрополя сформировавшейся стаи, а в *сословном* ему дышится легче ввиду ее разобщенности и деструктурированности.

Цель некрофилического начала — лишить всех на нашей планете личностных качеств, сформировать взаимоподчиненность в обществе таким образом, чтобы суммарное некрополе было наисильнейшим; а это возможно только в бессословном обществе — только на такой почве единственно и может сформироваться **всепланетная стая**.

Всепланетная стая может возникнуть только при появлении **Наднационального** Сверхвождя, предвещающего Второе Пришествие Христа, — т. е. при появлении Антихриста.

И Гитлер, и Ленин, и Сталин в построении стаи совершали ошибки. Ленин из стаи исключил часть ярких некрофилов — тем, что ограбил и уничтожил богатых и жрецов предыдущей госрелигии. Гитлер тоже исключил часть ярких некрофилов — приказав тотально уничтожить сплоченную еврейскую стаю, расстреливать перешедших на его сторону сталинских политруков и обрезанных крымских татар (их принимали за евреев, уцелело только около 250 человек). Сталин изничтожал рвавшихся к власти «верных ленинцев» ревизионистского толка, столь похожих на сектантов и биофилией явно не страдавших.

И только Наполеон был «безупречен» — в свою армию он брал **всех** способных к власти:

- Наполеон обласкивал и дарил миллионы франков и без того богатым аристократам;
- Наполеон мечтал переселить во Францию всех евреев мира;
- поощрял все формы тоталитарной религиозности — будь то католицизм или ислам.

И вот вследствие этой всеядности **Наполеон и есть та линия, которая и породит грядущего Антихриста**, как то и предсказал Но-страдамус...

Вспомните: Philippe Dieudonne Noel Olivatius — врач и археолог, некромант и спирит — предсказатель будущего Наполеона.

Philippe жил за несколько сот лет до появления на свет боготворимого французами корсиканца, но рукопись его, разысканная в архивах, была Наполеону все-таки представлена.

Теперь, после ознакомления с некоторыми аспектами жизни Наполеона (свидетельствующими о его полной неличности) и выявления тех немногих *неугодников*, соль соли земли, которые Наполеона, собственно, и победили, — не правда ли, предсказание Philippe читается по-новому?

...Молодой, придет с моря... <...>

...В продолжение десяти лет и более будет обращать в бегство принцев, герцогов и королей. <...>

...Будет две жены...

Тогда его враги сожгут огнем великий город, и он войдет в него со своими войсками. Он покинет город, превратившийся в пепел, и наступит гибель его армии. Не имея ни хлеба, ни воды, его войска подвергнутся действию такого страшного холода, что две трети его армии погибнут, а половина оставшихся в живых никогда больше не вернется под его начальство. Тогда великий муж, покинутый изменившими ему друзьями, окажется в положении защищающегося и будет тесним даже в своей собственной столице великими европейскими народами. <...>

Злые будут обмануты и будут уничтожены огнем, и еще огнем. <...>

Он положит основание плоду, которому не будет конца, — и умрет.

часть третья

теологический подход

Евангельские неугодники

Скрытая
церковниками
библейская истина
о толпе (стае)

Глава двадцатая

В ЧЕМ ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ БЫЛА ВИНОВНА ЖЕНЩИНА, ВЗЯТАЯ В ПРЕЛЮБОДЕЯНИИ?

Текст запоминается с первого прочтения, и на памяти, наверное, у каждого, его читавшего. Напомним его лишь на всякий случай.

Тут книжники и фарисеи привели к нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?

(Иоан. 8:3–5)

Странности в этой захватывающей истории начинаются с первого же стиха. Дело в том, что по упомянутому закону Моисея, взятую в прелюбодеянии жену на суд мог привести *только ее муж*. Вопрос: систематически ли нарушали закон его ревнители или только в связи с неким из ряда вон выходящим обстоятельством? Откровенное нарушение закона фарисеями и книжниками — **странность первая**.

Вторая странность та, что на суд привели *одну* только женщину. А между тем в том же законе Моисея (Лев. 20:10) сказано, что за внебрачную связь должны быть преданы смерти оба — *и прелюбодей, и прелюбодейка*. Прелюбодейку привели, куда же девался ее любовник?

Казалось бы, за давностью невозможно распутать клубок совершенных и только готовившихся две тысячи лет назад преступлений. Но так может показаться только на первый взгляд. На самом деле воссоздать прошлое при наличии корректного (евангельского) описания или хотя бы представить основной стержень происходившего на дворе Иерусалимского Храма — возможно. Люди за минувшие тысячелетия ничуть не изменились, и именно поэтому можно по «незначительным» деталям, а тем более «странностям», не только восстановить психологический облик обвиняемой женщины, но и основные события ее жизни.

Читаем дальше:

Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, наклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди.

Иисус, восклонившись и не видя никого кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи! Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.

(Иоан. 8:6–11)

Третью странность в этой истории с неудавшимся покушением на убийство можно выявить, ответив на вопрос: что мог *эдакого* написать Иисус, отчего книжники и фарисеи, признанные национальные праведники, начиная со старших, стали расходиться — *постепенно*? Не было ли их бегство связано с содержанием того текста, который появлялся на земле из-под руки Иисуса?..

Ответ в данном случае очевиден: появлявшиеся буквы складывались в слова некоего обличения («стали уходить», «будучи обличаемы совестью». — Иоан. 8:9), но оно не было чем-то безличным, *общим*, иначе уходили бы группами — первый ряд, за ним, получив возможность увидеть написанное, *разом* следующий ряд и так далее. Уходить *поочередно* можно только в том случае, если описывались грехи каждого индивидуально, *поочередно*; процесс перебора присутствующих иным быть не может.

Несомненно также, что перечислялись грехи, для обличаемых особенно постыдные — и притом определенного рода.

Грех — это не только поступок, это прежде всего состояние души, состояние подсознания. Описаний греха существует множество, все они порождение человеческой руки и *только одно начертано лично Богом*, Его Перстом на каменных скрижалях на все времена — это Закон десяти заповедей (Исх. 20). Соответственно, по числу заповедей все дегенератизирующие человека поступки и желания можно разделить на десять (условно) категорий.

Женщину фарисеи обвиняли в нарушении заповеди седьмой — «не прелюбодействуй». Следовательно, Христос не мог обличать фарисеев в нарушении никакой иной заповеди, скажем, заповеди «не кради», потому что в таком случае это непременно было бы воспри-

нято как повод к препирательству о том, что красть-де грех не столь тяжкий, как прелюбодеяние: дескать, когда крадешь, хоть дети сыты, а в чужой постели расшатываются устои семьи, общества и — чего уж там! — самой вселенной. Итак, начертанные Христом на земле слова обличали присутствовавших в нарушении именно седьмой заповеди.

Могли ли приведшие женщину книжники и фарисеи быть прелюбодеями?

Их современники, услышав такое предположение, задохнулись бы от возмущения. Как такое может быть — ведь признанные же народом праведники?! Но собственное спертое дыхание — аргумент, убедительный только для самой толпы, для умеющих же наблюдать жизнь и обладающих аналитическим умом эта преданность, вообще говоря, свидетельствует, скорее, об обратном — об этих вождей неправедности. Итак, получается, могли?!

Напомним, что фарисеи — это функционеры религиозной иерархии, евреи, которые отстаивали национальную самобытность в противовес греко-римской культуре, возобладавшей в ту эпоху по всей тогдашней ойкумене — средиземноморью и части Европы. В лучшие для фарисейского движения времена их число не превышало 6 тысяч человек на все многомиллионное население этнических евреев и людей других национальностей, примкнувших к иудаизму. Фарисеи беспрестанно молились, постились, безукоризненно соблюдали праздники и связанные с ними обряды, отдавали все свои средства на религиозную проповедь — поэтому не удивительно, что слова Иисуса о недостаточности их праведности для вхождения в Царствие Божие (Мф. 5:20) производили на тогдашнюю публику сильнейшее впечатление.

Книжники — это не просто люди, которые умеют или учатся читать книги. Это нечто большее. Со времен пророка Захарии в течение почти 400 лет в Израиле пророков не было. В прежние времена именно пророки занимались нравственным воспитанием той части еврейского народа, которая хоть как-то следовала Духу Божьему. Но вот настали времена, когда, с одной стороны, учить стало как-то некого, а с другой, Бог не мог найти тех, кто принял бы на себя служение учить по *Его* призыву, — и пророков до времени Иоанна Крестителя и Христа не стало. Но люди, как та обезьяна перед зеркалом, воображавшая себя вполне полноценным человеком на основании надетых — пусть даже на хвост! — очков, решили поправить, как им казалось, Божью промашку. Роль учителей народа взяли на себя книжники, «люди Книги», как они себя не без гордости называли. Словом, название «книжники» указывает не столько на образованность и глубину проникновения в истинные закономерности жизни, сколько на профессию властителей умов — на способ добывания содержа-

ния и достижения положения в обществе. Стоит ли говорить, что у тех толп, которые чуть позднее с одобрением следили за распятием Христа на Голгофском кресте, книжники, наряду с фарисеями, почитались за совесть нации?

Итак, блудодействовала или нет «совесть нации»? Вопрос этот, как уже было сказано, несомненно, вызвал бы взрыв гнева у публики тех времен. Блудодействовала. Как блудодействовали способные на то жрецы и священники всех времен и народов, о чем мы узнаем из наблюдений сегодняшнего дня, и изучая мемуары очевидцев ушедших в прошлое эпох. Люди с веками не меняются.

Книжники и фарисеи, очевидно, блудодействовали не только в душе, но и буквально, во всяком случае, те из них (возможно, немногие), которые физиологически были на это способны.

Они просто иначе *не могли* — истинная верность, основанная на любви, возможна только во Христе. Поэтому у Христа, несомненно, было достаточно материала, чтобы начертать на песке в терминах седьмой заповеди нечто такое, отчего книжники и фарисеи, «*обличаемые совестью*», настолько спешили скрыться, что им и в голову не пришло напомнить о побииении камнями ими приволоченной женщины...

Вообще говоря, в этом эпизоде фарисеев интересовала не столько женщина, сколько Христос. (Женщина была лишь материалом. Другое дело, что она не была на дворе Храма человеком случайным.)

«*Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его*».

Глубинный уровень ненависти фарисеев и книжников к Иисусу очевиден — это невозрождение сердца; на уровне же эмоций (подсознания) это, среди прочего, устрашающая их перспектива утратить низкопоклонство и преданность масс. Христос справедливо обличал их (Лук. 11:43; 20:46; Мк. 12:38) в том, что возвещаемые ими лозунги о защите истины, сохранении унаследованных от предков традиций, забота о благополучии народа и т. п. — не более чем словеса, игра, кощунственный спектакль. Естественно, комедианты-фарисеи не могли сосредоточиться на рассмотрении того, кем же Иисус из Назарета был на самом деле, **их заботило только «найти что-нибудь к обвинению Его»**. Выискать что-нибудь они собирались, не только не осмысливая сути нарастающих на Его жизненном пути событий, но даже и не выискивая какой-нибудь Его поступок, якобы двусмысленный; а просто устроив провокацию — «*искушая Его*».

Провокация была задумана хитроумно: если бы Христос, основываясь на свидетельствах (а их было более двух, как того и требовал закон Моисея), сказал: «Да, в соответствии с законом Моисея женщину надо казнить», — Его бы обвинили в том, что Он не подчиня-

ется римским властям (евреи не имели права совершить ни одной казни без утверждения приговора римским наместником) и потому — бунтовщик и опасен для кесаря, римского народа и еврейской нации. А если бы Иисус сказал, что женщину нужно отпустить, то Его обвинили бы в неуважении к закону Моисея, мнением популярных богословов и в пренебрежении свидетелями (фарисеи — у-важ-жаемые люди), а это означало лишение Его в глазах народа статуса пророка и присвоение Ему другого — богохульника.

У Иисуса не было возможности сказать ни «да», ни «нет». И, как следует из повествования, Он и не сказал. Более того, Он без единого слова теологической проповеди возвысил еще одну душу на более высокую ступень спасения.

Все, что Он ей сказал, было:

— *Женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?..*

Такую проповедь трудно назвать продолжительной.

Но разве дело в словах? Смысл всяких слов определяется прежде всего интонацией, тоном, предварением неких последующих слов. (В данном случае в них подразумевалось: «*И Я не осуждаю тебя*».) После бегства «совести нации» со двора Храма женщина сказала Ему: «никто, **Господи!**»

Занятное, согласитесь, обращение к незнакомому мужчине, умеющему писать на земле...

Но в этом единственном слове — *Господи!* — вся прошлая и будущая судьба приведенной женщины. Если бы она еще до привода на суд почитала Его как Господа (а в тот год это кое-что да значило, Господом Его тогда почитали всего несколько человек, и это было, воистину, их *личное* решение!), то она присоединилась бы к Его ученикам. И знала бы Его по имени. К тому же сомнительно, чтобы она, будучи водима Духом Его, могла оказаться в ситуации, в которой ее были *вправе* схватить за волосы и потащить на суд. Отсюда следует, что она с Иисусом не только беседовала впервые, но и впервые Его исповедала Господом. Такое исповедание и есть внешнее проявление **главного из чудес** — обращения человека.

Однако, всякий, кто сталкивался с неподдельными чудесами, знает, что чудеса не случаются просто так. Обращение женщины произошло не вдруг (*вдруг* ничего не бывает), оно в прежние времена было подготовлено развитием ее души.

Причина ее на судилище исповедания, свидетельствующего об обращении, — не в том, что женщина могла убедиться во всеведении Иисуса (кстати, наравне с присутствующими! — но не обратились же стоявшие рядом с ней фарисеи!). Разумеется, острота ситуации могла ускорить некоторые и без того шедшие процессы, но не способности Иисуса к чудотворению были главным. Итак, женщина, взятая

якобы в прелюбодеянии, была отнюдь не обыкновенной шлюшкой, но она отличалась от множества женщин известного поведения прежде всего тем, что позволяла себе слышать голос Божий прежде того момента, как ее за волосы потащили на двор Храма. Столь необычайное состояние души не спрячешь — оно проявляется и в высказываниях, и в выражении лица, и в поступках, а главное, в той атмосфере, которая вокруг нее создается. А раз так, раз необычность женщины была зрима, то она непременно должна была вызывать подсознательное раздражение тех же людей, которых раздражал и Иисус, — фарисеев и книжников.

В самом деле, а почему помимо тысяч и тысяч изменяющих своим мужьям женщин Иерусалима фарисеями была выбрана одна и притом та единственная, которая через несколько минут возвысилась до исповедания Иисуса Господом? Можно, конечно, говорить о вмешательстве Провидения — и это истинно так, но Провидение сводит людей по вполне естественным, в чем можно убедиться, механизмам, в том числе и психологическим. Фарисеи вовсе не были ослеплены и не были приведены в нужное место и в нужное время джинном из арабских сказок или кем-нибудь или чем-нибудь вроде того. Фарисеи и книжники пришли сами. Сами же они выбрали и женщину для провокации.

Выбрали из многих.

Она им показалась самой неприятной из всех иерусалимских женщин. Столь же отвратительной, как и Иисус...

В этом рассуждении есть одна кажущаяся неясность: если эта женщина уж такая святая и внутренне чистая, то почему ее схватили, приволокли — а ей и сказать нечего?

Почему?

Как ни странно, но ответ заключен в том же процитированном выше отрывке Евангелия от Иоанна. Ответ достаточно легко получается при *совместном* анализе двух упомянутых в нем фактов:

— отсутствия любовника женщины, якобы «взятой в прелюбодеянии»;

— принципом, которым были водимы обвинители, — «*искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его*».

Так уж абсолютное большинство людей устроено (в конечном счете, по своему выбору), что поменять образ мышления они или не в состоянии вообще, или это событие настолько необыденно, что ему придают статус «обращения» — центрального и единственно важного события в жизни человека. Примеры заскоружности мышления встречаются повсюду. Если бухгалтер объясняется в любви, то он непременно высчитывает, «во сколько это ему все выльется», какую выгоду получит он, а какую — контрагент. Если армейскому старшине

рассказать о гармонии и порядке во Вселенной, то он поймет это *по своему* и представит полки и дивизии ангелов во главе с архангелами, проходящие на параде небесных воинств торжественным маршем перед престолом Саваофа-Вседержителя. Фарисеи тоже были профессионалами и как таковые были приучены раболепием народа, пусть даже только некоторой его части, всегда считать правыми только себя. Но в тот день (Христос, обычно проповедовавший в провинции, проповедовал в Храме во время праздника кушей уже несколько дней [Иоан. 7:12–14, 37], что не могло не вывести из себя власть имущих) фарисеи и книжники были не только в путях профессионализма, но и были **одержимы** стремлением «*найти что-нибудь к обвинению Его*», причем подсознание диктовало, что достичь поставленной цели можно только «*искушая Его*». Следовательно, после того, как они спланировали ситуацию, в которой любой ответ инакомыслящего, будь то «да» или «нет», давал основание для начала против Него репрессий, подходящую для провокации жертву они **не могли искать иначе, как руководствуясь тем же самым типом мышления**, которым они были одержимы: «*найти что-нибудь к обвинению*», «*искушая*».

Точно так же, как фарисеи и книжники сердцем чувствовали, что Иисус — богохульник, и были не в силах подвергнуть это сомнению, так же они сердцем (тем же!) чувствовали, что женщина эта — самая худшая из иерусалимлянок. Наихудшие женщины для тех мужчин, у кого в семье нет любви, — прелюбодейки. Это так, ибо прелюбодействующие в своем сердце мужчины, борясь за нравственное поведение неверных жен соседей, борются вовсе не с грехом, а защищают свою гордость, — вдруг и его жена ляжет с каким-нибудь необыкновенным валаби, а он, законный супруг, в сравнении с ним проигрывает?

Итак, вполне закономерно, что фарисеи, которых приведенная женщина раздражала, подозревали ее в особой склонности не к чему-нибудь, а к известному занятию. Отсутствие в подобных случаях доказательств ни в какие времена преследователей не смущало, улики обычно фабриковали. И не только инквизиторы и чекисты. «Цель оправдывает средства» — этим принципом были одержимы многие задолго до появления ордена иезуитов.

То, что прелюбодеяния не было, доказывается также и тем, что на суд не был приведен любовник. Почему? Может, ему удалось сбежать? Сомнительно. Преследователям ненависть всегда прибавляет сил, и любовника бы непременно настигли. И даже если бы ему при попытке задержания удалось ускользнуть, то имена и обстоятельства в таких случаях обычно известны каждой соседке — настичь и привести — дело минут, и определялось только желанием карателей.

Почему же не привели? Почему не нашли? Да потому что не искали. Потому что точно знали, что он если и любовник, то фиктивный. Он был *свой*, — фарисей или книжник, который ради «общего благого дела» решил, *искушая*, разыграть двусмысленную комедию, которую при желании можно истолковать как покушение на прелюбодеяние.

На такие толкования люди горазды, и так было и в те времена тоже. Достаточно вспомнить Марию Магдалианку (Магдалину) — *общепринятый* символ покаявшейся проститутки, — о которой **нигде в Писаниях** не говорится, что она была проституткой, а только, что Иисус изгнал из нее «семь бесов» (Мк. 16:9; Лук. 8:2), что, вообще говоря, можно истолковать по-разному, в том числе и как обращение Марии из известного языческого культа, в котором было *семь* ступеней посвящения, каждый из которых суть гипнотические внушения, — и это толкование наиболее достоверно. Тем не менее, истолковывают определенным образом, и на Марию Магдалианку, ученицу Христа, так же, как и на женщину, взятую якобы в прелюбодеянии, но не таковую, — что со всей очевидностью следует как при богословском, так и при психоаналитическом подходе, — тысячелетиями иерархи религий клеветуют (подсознательно и сознательно) без зазрения совести.

В какой форме проводилась провокация?

Обстоятельства вычислить несложно. Естественно, не «любовник» должен был идти в дом женщины, иначе бы *у него* не было бы возможности «отвертеться» от инкриминированного преступления и, как следствие, привода на суд. Идти должна была она. В сущности, для того, чтобы признать ее виновной, достаточно было застичь ее в неподобающем месте и не обязательно на ложе. Скажем, всего лишь на дворе постороннего мужчины, у которого жены нет вообще или же ее в тот момент дома не было. В таком случае хозяин имел полное право (формальное) утверждать, что он свидания этой женщине не назначал, следовательно, чист, а вот ее, очевидно, пригнал бес похотливости. Если хозяин был авторитетен (а он таким и был!), то у врагов Христа появлялся формальный повод схватить женщину за волосы и ринуться с ней на двор Храма.

Словесный повод, которым спровоцировали женщину прийти на чужой двор, мог быть: сексуальный (в обмен на известную услугу отдать векселя мужа и тем спасти семью от разорения, или просто пригласили обсудить варианты с посредником — уважаемым человеком) или религиозный (пригласили поделиться особыми воззрениями на взаимоотношения с Богом), словом, любой — теоретически. Но не более чем теоретически. Учитывая способность этой женщины в Страннике угадать Истину, назвать в первой же встрече Господом, очевид-

но, что истиной она, наблюдая жизнь, интересовалась и раньше — мнения ее, пусть только некоторые, с мнениями фарисеев не совпадали. Согласитесь, как это, казалось бы, естественно: пойти на двор признанного в народе «святого», который зовет тебя поделиться некоторыми соображениями об устройстве мира!..

Разумеется, все детали того покушения на убийство сейчас не восстановитель, но для нас вполне достаточно доказать психологическую достоверность основного стержня событий того дня:

— организации провокации против Христа;

— организации еще одной провокации, в результате которой женщина должна была совершить некоторые действия, которые можно было бы перетолковать как намерение прелюбодействовать;

— несомненного отсутствия буквального прелюбодеяния, ввиду чего «любовника» не было оснований вести на суд.

Кроме того, мы должны обратить внимание на:

— особенности души этой женщины, выделяющие ее из множества жительниц Иерусалима, как следствие, ненависть к ней (один из подвидов страстной любви) со стороны фарисеев и книжников;

— нерешенность сексуальных проблем у самих книжников и фарисеев, их семейную неустроенность (обоюдное валабиянство), что следует из выбора заповеди, в нарушении которой они обвиняли женщину, и поспешности, с которой фарисеи бежали от появлявшихся на земле под перстом Иисуса слов; причем преступление фарисеями осмысливалось (не забывали, что доказательств против женщины нет): если бы они были невменяемы совершенно, они бы не ушли, «*обличаемые совестью*»...

Женщина была достаточно мудра, чтобы понимать, что защищаться бесполезно. Действительно, в евангельском повествовании нет и намека на то, что женщина пыталась доказать свою невиновность. Это отсутствие оправданий, которое для кого-то может показаться неоспоримым доказательством ее развратности, является, пожалуй, одним из самых веских аргументов в пользу не только ее невиновности, но и ее высокого духовного родства со Христом. Свидетельством не менее важным, чем то, что ей оказалось по силам и по уму исповедать Иисуса Господом. С одной стороны, как мы знаем из жизни, слезливые оправдания и утверждения, что *ничего-ничего* не было, для любой шлюхи типичны, даже если ее застигли не то что на чужом дворе, но и в чужой постели. Как бы это ни казалось удивительным с позиций логики, так они поступают потому, что по опыту знают — им поверят! И поверят прежде всего начальствующие (судьи, фарисеи, книжники, старейшины или аналоги их всех из других эпох и на других территориях, и т. п.), что, вообще говоря, не удивительно — людям свойственно подсознательно становиться на сторону *своих*.

Итак, наличие оправданий, *которым верят представители толпы*, — это часто свидетельство нечистой души оправдывающегося.

С другой стороны, Иисус, как и женщина, «взятая в прелюбодеянии», когда Его привели на суд синедриона, тоже не оправдывался: Слово¹ для власть имущих всегда неубедительно, более того, раздражает и не более чем повод Его извратить — в том, что это так, не сложно убедиться, достаточно вспомнить суд синедриона. Иисус никогда не оправдывался, **но вовсе не потому, что обвинения в Его адрес были справедливы, но потому, что по опыту знал, что оправдания Его вызвали бы лишь дополнительный всплеск злобы**, — а искушать людей Ему чуждо. Когда Его ложно обвиняли, Он молчал перед Синедрионом, молчал перед Пилатом. Это неоправдание можно считать привычкой вполне устоявшейся, ведь подсознательное неприятие Слова возникло отнюдь не в ночь Его ареста в Гефсиманском саду.

Не оправдывалась и женщина. Она тоже, очевидно, привыкла, что чем дальше она идет по дороге жизни, тем больше ее высказывания вызывают раздражение. Что бы она ни сказала, она во всем оказывается виноватой, а в споре перед судом власть имущих всегда побеждает не она, а противная, даже трижды неправая сторона.

«Когда ты идешь с соперником своим к начальству, то на дороге постарайся освободиться от него, чтобы он не привел тебя к судье, а судья не отдал тебя истязателю, а истязатель не верг тебя в темницу; сказываю тебе: не выйдешь оттуда, пока не отдашь и последней полушки» (Лук. 12:58, 59), — что мир устроен именно так, женщина, «взятая в прелюбодеянии», усвоила не со слов Иисуса во время Его бесед с учениками (она при этом не присутствовала), а извлекла из своего жизненного опыта. Отсутствие умения оправдываться даже в очевидной ситуации — следствие ее состояния души. *Возвышенного* состояния *чистой* души. Потому она и не оправдывалась ни когда ее за волосы волокли на двор Храма, ни когда она оказалась на дворе Храма.

Жертва ли эта женщина? С бытовой, стайной точки зрения — да. Но не с точки зрения вышней, не с позиций судьбы, смысл и цель которой — формирование личности. Отсюда, этот ее разве что не крестный путь на двор Храма был ей в благословение. Ведь до того дня она хотя и была интуитивно с Истиной, но лишь отчасти. Отчасти в том смысле, что, несмотря на то, что обогатилась способностью к самостоятельным суждениям, с *воплощенным* Словом была пространственно разъединена и добровольно, как говорится, своими но-

¹ Слово (*греч.* Logos) — одно из имен, которым апостол Иоанн называет Иисуса Христа (см. Иоан. 1:1–4, 14; Откр. 19:13). — *Примеч. ред.*

гами к Нему не шла. Теперь же, благодаря усилиям фарисеев (хоть одно по-настоящему доброе дело сделали, не отдавая, правда, себе в этом отчета!), с Христом, чьи ладони еще не были на вечные времена изувечены гвоздями, познакомилась.

Знакомство это было глубоко личное — ведь Он знал всю ее жизнь, — потому каждое произнесенное слово приобретает **особый**, далеко не бытовой смысл. И она **поняла**, что Он имел в виду.

«Иди и впредь не греши», — к какой стороне ее жизни относились эти Его слова? Разве к предполагаемому прелюбодеянию, которого, как несложно убедиться, не было (и Иисус, конечно же, знал об этом)? Или к тому, что она медлила прикоснуться к Учителю? Медлила, тем лишая себя возможности укрепить здоровое подсознание внутренне непротиворечивым понятийно-логическим мышлением. Достижение внутренней гармонии важно, поскольку оно дает не только большую защищенность от *желаний* вождя (или вождей вообще) и, как следствие, целостность личностного бытия, но и дарует все увеличивающиеся возможности в помощи *неугодникам*.

Так в чем же был ее грех?

В том, что она медлила идти, медлила возрастать, медлила жить. Разобщать себя с полнотой Истины — грех. Грех неполной отделенности от стаи.

Не получается ли, что мы, в сущности, предлагаем понимать текст Иоан. 8:3–4 **противоположно** буквально написанному: женщину, «взятую в прелюбодеянии», предлагаем считать существенно более порядочной, чем остальные иерусалимлянки?

В этом нет никакого кощунства, напротив, это восстановление принципов правильного понимания текстов Евангелия.

Аналогичное «противоположное» понимание необходимо и во многих других местах Писаний. Скажем, в Мк. 14:3–9 (см. также Лук. 7:36–40; Мф. 26:6) говорится о том, что Иисус с учениками был в доме у Симона-прокаженного и с ним разговаривал. Однако, если понимать слова буквально, то это невозможно, потому что ни один прокаженный не мог под угрозой непереносимого побиения камнями не то что ни в одном из домов селения жить, но даже к селению приближаться. Практика принудительной изоляции инфицированных неизлечимыми болезнями была необходима в те времена с той же целью, что и сейчас, — чтобы уберечь остальных жителей от мучительного заболевания, причем заразного, и нет ничего удивительного, что и в законе Моисея повеление об изгнании прокаженных высказано весьма определенно.

Как же мог Иисус с учениками оказаться у прокаженного *в доме*? Объяснение просто: Симон *был* прокаженным — *некогда*, но исцелил-

ся. Естественно, в те времена, когда абсолютное большинство прокаженных, если вообще не все, были обречены на гибель, выздоровевший оставался в памяти людей не тем, чем он был на остальных больших похож, а тем, чем он от них отличался. А Симон отличался тем, что он был прокаженным. *Некогда*. Но, в отличие от многих, — исцелился.

Древние литературные языки от современных отличаются — и существенно. Книги, в то время рукописные, были дороги, каждая страница требовала расходов, слова приходилось экономить, в древнегреческом обходились без пробелов, а в древнееврейском — даже без гласных. Вынужденно шлифовалась техника *детали* — парадоксальной «странности».

Все эти приемы оправданны: *мудрый*, способный к критическому мышлению человек над Словом будет размышлять, сообразуясь со своим жизненным опытом и *своими* представлениями о закономерностях мира, и потому поймет, что присутствие прокаженного в селекции — это прежде всего чудо исцеления, причем силою Бога. Читателю же поверхностному, в Истине не заинтересованному, не до книг, во всяком случае не до тех, в которых каждое слово — Слово. Поверхностный такие тексты понять себе *не позволит* — даже при наличии подробных комментариев. Разве что *запомнить*, но это пользы душе не приносит...

Еще один пример правильности «противоположного» прочтения встречается уже во 2-й главе Евангелия от Матфея. Там описывается, как *маги* (*magi*, в синодальном переводе — «волхвы») пришли на поклонение младенцу Христу и преподнесли ему драгоценные дары, которые, как впоследствии выяснилось, были необходимы родителям Иисуса для бегства в Египет. Если понимать текст с тупоумной прямолинейностью, то получается, что Ветхий завет, который Иисус лично освятил Своими словами о его истинности, — якобы лжив. Ведь на страницах Ветхого завета многократно говорится, что магическое мышление противоположно Божественному, истинному, что приверженность магическому мышлению — следствие греховного состояния души, в конечном счете, рабство князю тьмы.

Очевидно, маг может прийти на непритворное поклонение Богу только силой Святого Духа, в тот момент и будет Им освобожден от оков магического мышления. Если прибегнуть к принципам мышления, единственно возможного при рассмотрении судьбы гостеприимного прокаженного, то получится, что рождество Христово было столь значительным событием, что было отмечено людьми разных профессиональных судеб, не только привычных (пастухи, священники), но и экзотических, теми людьми, которые *некогда* зарабатывали на территориях языческой культуры самым уважаемым там спосо-

бом. Упомянутые во 2-й главе Евангелия от Матфея маги (волхвы) магами были — но *некогда*, к моменту же встречи с воплощенным Христом стали обыкновенными *христианами*. «Обыкновенное христианство» (*курьерство*, апостольство) — это не только состояние подсознания, но и оформившееся понятийно-логическое сознание.

Возможности оформить свои движения души *словесно* у бывших магов были — пророческие книги Ветхого завета хранились в каждой общине многочисленной еврейской диаспоры, на Востоке со времен Вавилонского пленения (VI в. до н. э.) целые города были заселены преимущественно евреями. Разумеется, бывшие маги могли и после своего обращения остаться состоятельными и относительно влиятельными — родственные узы с властью имущими руководителями кланов сохранилась. (Иначе откуда у них средства на столь дорогостоящие подарки? Да и если бы они были бедняками, Ирод о них бы и не услышал.)

Итак, маги-волхвы были обыкновенными верующими, отличались они единственно своим прошлым, — *некогда* они были почитаемыми восточным населением национал-священниками, магами, своеобразным подобием фарисеев.

Что ж, у всех своя судьба.

Свое начало.

И свой путь.

На котором порой тащат за волосы.

А впоследствии тысячелетиями порочат имя.

Спасибо тебе, женщина взятая не в прелюбодеянии, за то, что ты была. И состоялась как личность.

Глава двадцать первая

АКУСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К МЕСТИ ИЗГНАННЫХ БЕСОВ

Нет ничего более обогащающего разум, чем размышление над обнаруженными *«странностями»* — особенно в Евангелии.

Рассмотрим у Луки две на первый взгляд между собой не связанные *странности* в той части евангельского повествования, которая обычно особого внимания не привлекает. Потому эти места приведем полностью:

Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. **А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос.**

(Лук. 4:41)

Однажды, когда народ теснился к Нему, чтобы слышать слово Божие, а Он стоял у озера Геннисаретского, увидел Он две лодки, стоящие на озере; а рыболовы, вышедшие из них, вымывали сети. Вошел в одну лодку, которая была Симонова, **Он просил его отплыть несколько от берега**, и сев учил народ из лодки.

(Лук. 5:1–3)

Не правда ли *странно* то, что Иисус от «народа» (*др.-греч.* *ohlos* — толпа, сброд, чернь) отплыл прочь? Не правда ли этот Христа поступок не совсем совмещается с общепринятыми верованиями в то, что Он шел с проповедью ко *всем* (подряд и без разбора)?

Нередко приходится слышать следующее объяснение поведения Господа: Иисус — да, сел в лодку и отплыл от берега якобы для того, чтобы собравшемуся на берегу народу-охлосу были *лучше слышны слова проповеди*.

Объяснение, мягко выражаясь, несуразное.

По акустическим соображениям.

Если обратиться к учебникам по акустике, то выясняется, что **сила звука в воздухе падает обратно пропорционально четвертой степени расстояния**. Иными словами, человек, стоящий в шести метрах от источника звука, по сравнению с человеком, стоящим лишь в трех метрах (в два раза ближе), будет испытывать давление звуковой волны на барабанную перепонку меньшее не в два раза, а примерно в 16 ($2 \times 2 \times 2 \times 2$). О столь резком падении слышимости при увеличении расстояния прекрасно по опыту знают все ораторы, поэтому те из них, которые хотят, чтобы были услышаны их *слова*, при помощи целого ряда искусственных приемов стараются, чтобы звуковые волны не рассеялись.

«Те из них» — оговорка не случайная. Дело в том, что говорящие подразделяются на два типа: одни обращаются к слушателю как **целостной, многоуровневой личности** («сердцу» — в *библейском* смысле слова) и прежде всего к ее разуму, а другие — минуя разум, обращаются только к ограниченной части человека, так скажем, «*человеку гипнабельному*», некоторой части его подсознания (или, что то же самое, — к чувствам; к «сердцу» — в *простонародном* смысле этого слова), — в древности таких ораторов называли *демагогами*. (Термин «*демагоги*»¹ есть все-таки романтическое искажение действительности, точнее — *охлогоги* [можно — гипнотизеры, субвожди].)

Охлогог (обращающийся к чувствам охлоса — гипнабельной толпы, черни, сброда) не заинтересован, чтобы внимающей ему толпе слышны были *все* произносимые им слова, более того, он заинтере-

сован в ограниченной слышимости, ведь выпадение слов препятствует разоблачению алогичности деструктурирующего сознание лозунгов.

Гипнотизеры могут позволить себе организовывать обстоятельства таким образом, чтобы «проглатывались» слова, потому что позволяющим себе оказаться в толпе индивидам достаточно отдельных ключевых (лозунговых) слов типа: «непременно будете счастливы», «хорошо», «любовь», «я знаю истину», «все будет хорошо, если будете *меня* слушаться», «за мной!». Толпе вообще ничего не надо слышать — она уже счастлива, лишь только завидев своего кумира — *ритмично* двигающегося по сцене или ритмично жестикулирующего (функция маятника в руках эстрадного гипнотизера). (Шпеер, будущий министр военной промышленности Третьего рейха, осужденный в Нюрнберге, в воспоминаниях пишет, что в бытность свою архитектором он стал верным нацистом на собрании студентов: Гитлер вышел на сцену и долго не мог произнести ни слова — так шумно выражали свой восторг студенты, но Шпееру слова были не нужны, он еще до первых слов будущего фюрера *понял*, что он — гитлеровец, убежденный.)

Перед одной и той же аудиторией (сбродом) охлогоги не стесняются десятки раз повторять одно и то же — каждый раз это все равно воспринимается как нечто новое. Этот тип ораторов представлен политическими и религиозными вождями, актерами и т. п. Такого типа ораторов-вождей распознать легко: им нравится, чтобы слушателей у них было как можно больше, ведь чем больше у них аудитория, тем убедительнее у них получается выступление — порой вообще ничего говорить не надо, — и тем более верные у них появляются последователи.

Однако, есть и другой тип ораторов. В частности, это те из преподавателей высшей математики, у которых *весь* студенческий поток успевае на «хорошо» или даже на «отлично». У любого «математика» несложно подметить ряд приемов, отличающих его от «вождей»-охлогогов. «Математики» старательно следят, чтобы «голос не уходил» физически — пересаживают студентов с задних рядов на передние, становятся у стены (звук великолепно, лишь с незначительными потерями отражается от ровных, гладких поверхностей), тщательно закрывают двери (увеличивается площадь отражающей поверхности, и одновременно перекрывается канал «утечки» голоса). Кроме того, «математики» прикладывают много усилий для оздоровления психоэнергетической обстановки (снижения уровня некрополя) в аудитории, среди прочего следят, чтобы число слушателей было как можно меньшим. Если есть хотя бы малейшая возможность разделить поток студентов на несколько групп — «математики» у начальства этого добьются. Создаваемые «математиками» условия ве-

¹ Demagogia (*др.-греч.*) — «заискивание у народа»; demagogos — «народный вождь»: от demos («народ») + agogos («ведущий»).

дут к улучшению у студентов способности к восприятию логических построений вообще, а высшей математики в частности, ведь чем меньше число слушателей, тем ниже уровень суммарного некрополя и тем незатемненное способности к критическому мышлению у каждого из слушающих.

(Освежим механизм феномена психоэнергетического подавления, тем более что нелишне сопоставить терминологию богословскую, психологическую и *теории стаи*.

Если коротко, психоэнергетическое подавление заключается в следующем: присущая каждому элементу стаи страсть к первенству неизбежно реализуется в явном [«внешники» — физическое насилие сочетается с психологическим подавлением] или неявном [«внутренники», насилие только психологическое, скрытое маскирующими мероприятиями] стремлении подчинить себе окружающих, что достигается не только угрозами, но и обезволиванием, и оглушением *любого* оказавшегося рядом человека.

Если называть вещи своими именами, подчинение своей власти есть частичное убийство, обращение в рабство, сколачивание в стаю, банду, секту, государственную религию, *насильственное* одурманивание идеологией [«зверь» — в библейских символах] и т. п. Стремление к первенству коренится в подсознании каждого необращенного человека [*исполнители*], которых, как мы узнаем из Писаний, во все времена абсолютное большинство, поэтому, естественно, чем больше в непосредственной от нас близости скапливается даже не субвождей, а просто элементов стаи, тем в большей мере мы оказываемся одним только их присутствием оглушены.)

Оплата труда преподавателей высшей математики среди прочего зависит и от так называемого профессионализма — умения достичь конечного результата, от того, насколько студенты овладели блоками стройного математического мышления (оно же логическое, ограниченное пределами математики), поэтому преподаватель материально заинтересован если уж не смирять в *своем* подсознании «вождя» (выйти из стаи через покаяние и рождение свыше), то хотя бы устранять внешние факторы, способствующие гипнотизации (оглушению) его слушателей. Он также заинтересован, материально, чтобы «не уходил голос» — не терялись слова, составляющие ткань логических построений. Вот почему «математики» становятся у стены (отражатель звука), пересаживают слушателей поближе (четвертая степень расстояния! — особенно важно в больших залах), закрывают двери (увеличивается отражение звука, уменьшается рассеивание в коридор) и т. п.

Студенческие аудитории для речи приспособлены: они со всех сторон ограничены ровными и твердыми поверхностями (стенами и стеклом окон) — идеальными отражателями звука...

Итак, речь с верхнего камня горного пика можно уподобить речи в зале, в котором открыты все двери, и притом многочисленные, а стен и потолка нет вовсе. Чтобы быть услышанным, придется проследить за расстоянием до слушателей.

Берег озера, где говорил Иисус, — аудитория несколько более сложной конфигурации, чем одинокий горный пик или лекционный зал.

Всем известно, что в ясную тихую погоду ранним прохладным утром по воде звук разносится далеко — но только в этих условиях. Но стоит на воде появиться даже легкой ряби, а листьям, траве или соседу зашептать... слышны становятся только эти звуки. Если же говорить о тонких эффектах, то распространение звука зависит и от того, теплее ли вода воздуха или, наоборот, холоднее. (Здесь известно еще одно указание на то, что целью отплытия Христа от берега были не акустические соображения — ведь в Писании, в котором деталей достаточно для восстановления сущности происходящего, не говорится ни об аномально тихой погоде, ни о сверхъестественно тихом поведении толпы, ни о необычайно прохладном утрае — следовательно, отъезд Христа от берега для охлоса слышимость ухудшал.)

К какому типу ораторов относился Христос, Сын Божий — к «математикам» или охлогам?

Вопрос, разумеется, риторический. Поползновениями к гипнотическим внушениям Господь Истины, очевидно, не грешил. Но в таком случае странно, почему на берегу Геннисаретского озера, за свои грандиозные размеры названного Галилейским *морем*. Он вместо того, чтобы сесть под обрывистым берегом (отражатель звука), сел в лодку, и вместо того, чтобы сохранить расстояние между Собой и толпой наименьшим (оптимальный вариант в случае отсутствия отражающих поверхностей — вообще посредине охлоса), это расстояние до толпы, отплыв от берега, напротив, увеличил? Если целью в данном эпизоде Его служения было воздействие не на кого-то еще, а *только* на *толпу*, то отплыть от берега мог бы только вождь-гипнотизер, но отнюдь не «математик».

Почему же Христос поступил так «странно»?

У Него были на то серьезные причины, но какие?

Может быть, Он, вопреки ныне повсеместно принятому мнению, обращался вовсе не к толпе?

Рассмотрение многообразных «странностей» в поступках Христа, стремление разобраться в тонкостях деталей происшедшего в те дни в Галилее, *неизменно* приводит к выявлению удушающих наш разум ложных постулатов. Осмысление возможности ложного основания при последующих, пусть вполне логичных, рассуждениях при-

существует во всех культурах, и силами мыслителей предано проклятию — что явствует даже из используемых при этом понятий. «Постулат» — это по-латыни, «аксиома» — по-гречески, и в русском языке тоже есть прекрасное слово — «допущение» (отправная точка при рассуждении, незыблемая только для *охлоса*). Иначе говоря, в логических, а в особенности в псевдологических построениях всегда используются некие идеи, которые оказываются в основании рассуждений под видом верных и которые не только не доказываются, но даже и не обсуждаются. Стоит ли удивляться, что принятые толпой (публикой, *охлосом*) постулаты (аксиомы, допущения) на поверку практически всегда оказываются ложными?

При традиционном рассмотрении эпизода «проповедования народу с лодки» обычно опираются сразу на несколько ложных постулатов.

Например, полагают, что толпа, теснившаяся «к Нему, чтобы слышать слово Божие» (Лук. 5:1), была к Нему в глубине души настроена *доброжелательно* — во всяком случае, тогда. Дескать, ведь не что-нибудь слушать пришли, а, как *написано*, «слово Божие», а это, видите ли, непременно (и не смей в том сомневаться!) есть плод Святого Духа.

Но так ли это на самом деле?

Чтобы разобраться, вспомним Лук. 4:41:

Выходили также и бесы из многих с криком и говорили: Ты Христос, Сын Божий. **А Он запрещал им сказывать, что они знают, что Он Христос.**

Странно, а почему Он им запрещал? И зачем? Ведь истинная же о Нем информация?!

Постулат о доброжелательности толпы в доступных богословских комментариях обычно логически развивают следующим образом: дескать, рекомендация из дурного источника только ухудшит дело, и составляющие толпу якобы *хорошие* люди после рекомендации из такого скверного источника, как бесы, ко Христу не пойдут (постулируется, что толпа-сброд водима Святым Духом и плохого подсознательно не желает, а только одного хорошего). Невозможно не согласиться, что это объяснение есть развитие постулата о благости толпы — и при этом вполне логичное. Жаль только, что допущение ложное.

Можно, конечно, предположить, что Христос запрещал бесам приводить к Нему *своих*: присутствие таких *своих* для вечности бесполезно. Но такие *свои* отсеялись бы немедленно: подобное удерживается только рядом с подобным.

В том, что толпа отнюдь не доброжелательна, легко удостовериться при здоровом взгляде на жизнь — попробуйте в толпе сказать что-нибудь *против* восторженно принимаемых ею лозунгов, она за это...

Естественно, что и библейские авторы видят толпу агрессивной, водимой явно не Святым Духом...

В самом деле, запрещение (из Лук. 4:41) *странно*, ведь, казалось бы, если уж и сатана евангелизирует мир, сообщая, что Иисус есть Сын Божий, то о чем большем можно еще мечтать — ведь тогда уже **вся Вселенная признает Истину?**

Однако, лукавый к ученикам Иисуса явно не принадлежит и уже только на основании одного этого можно предположить, что эта «евангельская кампания» изгоняемых бесов есть зло, некая — напоследок! — месть. В чем же заключалось зло?

В том, чтобы внушить толпе идею Бога.

Есть *вера* и вера. Одна — это связь с Господом, живое с Ним общение и с Ним единение, проявляющееся в наслаждении от познания истины вообще, богословской и исторической в частности, а также в *естественности* определенного спектра поступков. Другая же вера — есть преданность лишь *идее* Бога, не более чем проявление *внушения*, полученного от авторитета (вождя, фюрера, лидера, гуру, генерального секретаря, священника, евангелиста, беса, выдающегося копрофила и т. п.). **Преданность внушенной идее — любой! — оставляет человека в кабале преданности авторитарному мышлению вообще**, ложному авторитету в частности, даже если это противоречит тексту внушения — некоторые авторитеты специализируются на «клейнении» авторитарного мышления.

В случае веры одного рода человек, возлюбив Истину как таковую, распознает ее в любом словесном обрамлении интуитивно, если угодно, — духовно. Поднимаясь по ступеням постижения смыслов жизни ввысь, обретая при этом привычку созерцать прекрасное и этой привычкой наслаждаясь, познающий тем подготавливается к принятию истины еще более для жизни значительной — и вот человек-личность встречается, наконец, с еще прежде вышедшим к нему навстречу Богом.

В случае же другой веры, спутав внушение (а всякое *внушение* — от сатаны) *идеи* Бога с Самим Богом, человек остается, как и прежде, подсознательно враждебен и злобен, но теперь уже, подобно наркоману, **ищет дополнительных внушений, которые он, позволивший себе запутаться, естественно, не может называть иначе как «словом Божьим».**

Закономерно также и то, что те, кому сладостна такая «идея Бога», стремятся собираться в толпы — это счастье безумия, рабства чужой воле, повышенная гипнабельность для последующих внушений. Иными словами, в толпе, искореняя в себе остатки признаков личности, они становятся еще более восприимчивы к «слову Божьему».

Что характерно во всех четырех Евангелиях, так это психологически достоверное описание *толп* — как и в наше время, толпы всегда и везде если не явно, то скрыто агрессивны. У Пилата казни выведенного на Лифостротон Христа требовала именно толпа (*ohlos*) во главе со «священниками и служителями» (Иоан. 19:6); у подножия Голгофы она же «стояла и смотрела» (Лук. 23:35).

Но это в последние дни земного служения Спасителя, а прежде? Может быть, прежде, как то следует из популярных толкований, толпа была иной? «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои?..» (Иер. 13:23).

Что было, скажем, в родном городе Иисуса — Назарете? Толпа, выйдя из синагоги, где ей при чтении библейских текстов раввины вкатили очередную дозу «слова Божия», попыталась сбросить Его со скалы (Лук. 4:29). Однако, скрываемая подсознательная агрессивность толпы не всегда проявлялась в попытках *до срока* убить именно Его. Другие тоже были ее объектами. В эпизоде с насыщением пяти тысяч пятью хлебами и двумя рыбами (Иоан. 6) после сытной трапезы навсегда разошлась не только сама толпа, но и (после проповеди в синагоге Капернаума — см. Иоан. 6:66) ушли, увлеченные ею, некоторые Его постоянные ученики.

Не будь толпы, а присутствуй только единичные слушатели, эти ученики, видимо, как минимум задержались бы.

Почему с такой уверенностью можно говорить, что толпа разошлась, чтобы не вернуться к Нему никогда?

Потому что это несложно вычислить.

Сколько людей участвовало в эпизоде с пятью хлебами и двумя рыбами? 5 тысяч, не считая женщин и детей. А считая — не менее 15–20 тысяч, если в толпе сохранялись пропорции, характерные для населения. Был еще другой эпизод с насыщением 4 тысяч, и это опять не считая, а считая — все 15 тысяч. Толпа собралась и в рассматриваемом нами эпизоде на берегу Геннисаретского озера. Женщину, взятую якобы в прелюбодеянии, приволокла тоже толпа. Толпы Его якобы слушали на дворе Храма всякий раз, когда Он там появлялся, а Он приходил туда каждый год и не по одному разу. Суммируя число людей, вовлеченных во все упомянутые в Евангелии толпы, становится очевидно, что счет идет как минимум на десятки, если не на сотни тысяч.

И это только те эпизоды, которые авторами Евангелий упомянуты. В действительности же случаев, когда Иисуса «теснила» толпа, было гораздо больше.

Ну, а сколько людей после зримых, прямо-таки осязаемых чудес дня Пятидесятницы, явленных не только перед коренным населением Иерусалима, но и перед многочисленными паломниками, решило принять крещение? Всего-навсего *около 3 тысяч* (Деян. 2:41), да и то

вскоре многие из них отпали в ереси типа николаитской (Откр. 2:15; сам основатель ереси Николай был, как полагают, одним из семи первых рукоположенных апостолами диаконов [Деян. 6:2, 3]). Даже к 70 году н. э., когда римскими войсками был разрушен и сожжен Храм и Иерусалим, в городе было лишь незначительное число благопослушных пророчествам христиан (они, повинувшись словам пророчества, ушли при временном снятии осады римскими легионами — и остались живы), но они не имели никакого влияния на население в целом — ввиду своей малочисленности.

Из числа *«около 3 тысяч»* крещенных необходимо вычесть не только тех, кто разбредся по ересям, но также и тех, души которых Христос приобрел лично, при индивидуальных беседах (Никодим, Иаир, женщина-самарянка, мать воскрешенного и др.); кроме того, необходимо вычесть тех, кого приобрели и сами апостолы, и семьдесят упомянутых в Евангелии учеников Иисуса, и тех, кого при *личном (!)* общении приобрели ученики этих учеников. Кроме того, в те времена, точно так же, как и в наши дни, была категория людей, которые постигают истину при непосредственном общении со Святым Духом (типа Симона Киринаеянина — подробно о нем чуть позже), а люди этой категории, как в наши дни, так и тогда, если чего по-настоящему и чураются, так это пребывания в толпе. Таким образом, из анализа пусть даже оценочного числа слушавшей Христа «суммарной» толпы становится очевидно, что для вечности эффективность «работы» с индивидами, которым естественно собираться в толпы, близка к нулю.

При равных усилиях несравнимо больший *для вечности* плод приносит «работа» индивидуальная, но отнюдь не усилия найти взаимопонимание с толпой. Что не удивительно — согласие на неестественное времяпрепровождение означает одновременно и отвержение Духа Святого.

Итак, **всякая толпа** как целое — **зла**, агрессивна, **дышит убийством**, хотя, себя не осознавая, может так и не мыслить — если, конечно, нет на то особого внушения...

Подведем некоторые итоги. **Толпа**, одержимая *внушенной* неким *вождем «идеей Бога»*, *придя к Иисусу-«математику» на берег Геннисаретского озера, не получила желанной дозы «слова Божьего» — такого не прощают. Если прежде она Иисуса «теснила», тем разрушая Его деятельность, то несколько позднее пыталась Его уничтожить физически, сбросив со скалы, или психологически, сделав его вождем (царем); а впоследствии, когда пришло время, та же толпа у Лифостротона, беснуясь, приговорила Его к смерти, а потом издевалась, предлагая сойти со креста...*

Для полноты картины остается выяснить, чем стая занялась **после** совершенного ею распятия.

Небезынтересно также и то, *почему* авторам Евангелий было так необходимо сообщить нам, что Иисус *«запрещал им сказывать»*.

Споткнувшись о некую *странность* акустического свойства, мы, обратившись к эпизоду, в котором Иисус запрещал бесам «благоевествовать», вот-вот извлечем на свет Божий упорно — вплоть до наших дней — не замечаемую весть от евангелистов о *местах изгнанных бесов*.

Коль скоро не принявшие Христа и Его праведность люди из глубин души водимы сатаной, то, что бы эти люди ни говорили, как бы себя, «разумных», ни расхваливали, наибольшие для них авторитеты — это бесы. Это неприятная для публики истина, но она, тем не менее, верна.

Сатана, внушая своей многочисленной и подавляющей в своих рядах всякое свободомыслие пастве идею того, что Иисус есть Бог, а следовательно, жить надо почти так же, как и прежде — ориентируясь на вождей и их мировидение, достигал того, что народ сколачивался в еще более тесные толпы, *«теснил»* Иисуса и подавлял уже одним своим присутствием разум тех немногих, кто хотел «Математика» *понимать* еще и разумом, т. е. «сердцем» в библейском смысле этого слова.

Бесы создали первую толпу отнюдь не в дни служения Господа во плоти — она была духовно изготовлена сатаной прежде. В различные эпохи и на различных территориях толпы представляли в разных одеждах. Во времена Христа в Палестине многолика толпа сидела в синагогах с набожным выражением лиц и «изучала» под руководством своих пастырей Писания, потому что раввины им убедительно говорили, что выслушивание толкований религиозных вождей и исследование составленных из букв слов Библии и есть способ постижения Божественной Истины (Иоан. 5:39). Изгоняемые же бесы — сами существа водимые — мнений раввинов отнюдь не опровергали, но добавили еще (что и без них и не благодаря им было ясно) — что Иисус, конечно, есть Сын Божий, Истинный Бог, Спаситель, Мессия. Дескать, Он, естественно, — Слово, которое надо **исследовать, но исследовать в точности так же, как и прежде — толпой и под руководством**. Что и говорить, хитро: Истину глупо отрицать, но ее можно исказить.

И по рекомендации изгоняемых бесов, повинувшись желанию сатаны, поклоняться Христу (как *кумиру*, а не так, как хотел Он, — в духе и истине) хлынула толпа. Одержимая бесом благообразия — как и прежде.

Но гнала их к Иисусу вовсе не любовь и не стремление к истине.

Они не были к Господу *благорасположены*. Хотя в нужный момент могли улыбаться. И заискивать.

И вообще играть любую роль.

Толпа Христа *ненавидела*.

Таким образом, после выявления удушающего наше мышление ложного постулата о любвеобилии *толпы*, после освобождения от этой деструктурирующей мышление аксиомы, извращающего истину допущения, странности и несуразности в евангельском повествовании исчезают, и все детали образа гармонично соединяются в непротиворечивое целое. Становится понятно, почему Христос, не заботясь о том, чтобы теснившая Его толпа могла Его лучше слышать, и, как следствие, понимать, сел в лодку и отплыл от берега.

Во-первых, что-либо объяснять не способным, а главное, не желающим понимать — бесполезно.

Во-вторых, Иисус, заботясь о безопасности Петра, его эвакуировал, попросив занять место гребца. Поскольку лодка профессиональных рыбаков на таком большом озере, как Галилейское *море*, скорее всего, была по размерам значительной, то, как прекрасно знает всякий рыбак, удержать ее на воде на месте нужны усилия и сноровка пожалуй что и большие, чем при обычном плавании, и одному гребцу с такой лодкой не справиться. (Необходимость удержать лодку *на месте* возникает всякий раз, когда закидывают сеть, и она неожиданно запутывается или за что-нибудь цепляется. Сдать слишком сильно назад означает запутать уже опущенный в воду конец; а слишком натянутую сеть не распутать и не отцепить.) Таким образом, обращение лодки в трибуну становилось уважительным поводом забрать с собой в лодку кроме Петра и остальных учеников — в качестве гребцов.

В-третьих, эвакуация на лодку была просто мерой личной предосторожности — от заискивающих поклонов толпа во все времена без всякого перехода нередко начинала убивать.

Возникает вопрос: если составляющие толпу элементы безнадежны, а собранные в компактное целое даже опасны, то почему, собственно, Христос не уплыл сразу, а все-таки говорил, повернув лицо, как от Него всеми и ожидалось, в сторону берега, на самом же деле обращаясь к тем, кто был рядом? Ниже мы увидим, что эта ситуация аналогична той, в которой Христос через голову Симона Кириинеянина обращался к толпе со словами, понятными только Симону.

Если Господь поступил именно так, то смысл в этом определенно был. Но какой?

Первоочередная задача земного служения Христа состояла в основании Церкви (общества людей, осмысливающих происходящее *в том числе* и на логическом уровне) — то есть в обучении будущих апостолов. Главный же принцип всякого обучения: лучше один раз

увидеть, чем сто раз услышать. Вот Христос и отвез Своих учеников подальше от берега, чтобы им было лучше видно оставшееся на берегу, и они, ученики, целостней запомнили происходящее. В дальнейшем увиденное им пригодилось. В частности, после дня Пятидесятницы апостолы беседовали с новокрещенными и с удивлением обнаруживали, что среди них нет тех людей, которые с таким энтузиазмом толпой пришли на берег Геннисаретского озера — после внушения от бесов.

В лодке преподавался урок о сущности толпы (стаи), эта сущность и определяет духовную судьбу каждого ее элемента.

А еще апостолам был необходим урок о двойственной сущности их самих. Апостолы даже после Пятидесятницы долгое время не могли освободиться от национального самолюбования (не шли проповедовать язычникам, а оставались в Иерусалиме, хотя по дару в день Пятидесятницы владели иностранными языками, *как родным*, — могучий инструмент в проповеди Истины).

При предоставлении себя бесу национальной предубежденности ради оправдания своего бездействия и даже закапывания полученного таланта (дара иных языков) особенно соблазнительно думать, что якобы есть разные толпы — мол, иерусалимская толпа все-таки не настолько тупа, как галилейская, самарийская, десятиградская или скифская, и, следовательно, ей проповедовать смысл есть. (Кроме того, такое искажение действительности оправдывает порочное влечение к власти над преклоняющейся толпой.) Ан нет, суть толпы повсюду одна и та же. И в Галилее, и в Самарии, и в Галааде, и даже в самом императорском Риме. Что Христос и демонстрировал взятым в лодку ученикам.

Ради того, чтобы преподать эту истину, Он в их присутствии говорил, повернувшись лицом к толпе, надеющейся на дозу «слова Божия», но обращая на самом деле к ученикам (такой прием обучения встречается не только в наше время, но, очевидно существовал и в прежние времена — *«нет ничего нового под солнцем»* [Еккл.] — скорее всего, в еще более утонченных формах), чтобы ученики впоследствии, беседуя после дня Пятидесятницы с новокрещенными из разных городов и местностей, критически осмысливали судьбы присоединившихся и делали выводы, и понимали, что **желание проповедовать толпам** — от бесов, а потакание этому соблазну — сатанизм. (А как же, возникает вопрос, Нагорная проповедь, о которой также принято считать, что слова ее предназначались для собравшихся масс людей? Странная вера, в особенности если учесть, что и в аудитории, намного более малочисленной, состоящей из людей, посвящающих свое время религии, остаются непонятными слова, стократ

менее концентрированные, чем слова Нагорной проповеди. Скорее всего, Христу было необходимо **в самом начале Своего служения** громогласно — **перед учениками и всей Вселенной** — произнести Свой Символ Веры, а толпа здесь была не более чем *свидетелем*.)

Но как бы то ни было, очевидно, что толпа с берега Геннисаретского озера была носителем двух противоположных внушений: одного, мощного, — от изгнанных бесов, что Иисус есть долгожданный (в их понимании) Мессия, Христос, Сын Божий, Спаситель; и второго, послабее, от раввинов — что Он не Христос и не Сын Божий.

Носители противоположных внушений волей вождей управляемы вдвойне (серьезней деструктурирование сознания), поэтому нисколько не удивительно, что толпа из синагог сначала поддерживала Савла (будущего апостола Павла), пока тот был гонителем Церкви и предавал верующих Христу смерти, и оставалась мертвой и антихристианской и дальше. Но вот стоило апостолам послужить своей гибели... И толпа, по внушению бесов, «обратилась» в «христианство». В то «христианство», которое было выгодно бесам. Змею, без усилий преодолевая национальные барьеры, молниеносно, как в таких случаях бывает, расплзлось по планете, заполняя целые страны и поглощая целые народы, временами становясь зверем или принимая его образ...

Всех этих картин будущего Знающий конец от начала Господь Иисус, глядя на толкающуюся у берега толпу, напор которой сдерживала только вода, *не мог не видеть*. Сын Божий говорил, повернувшись в сторону берега, но видел Он не только скопище конкретных налогоплательщиков, которые еще не успели сойти в могилу, но, главное, — другие *беснующиеся толпы*, которые разжигали инквизиционные костры, вооружившись, сбивались в колонны крестоносцев — якобы для «благовествования» — или старились на церковных скамьях в размышлении о карьере. (Об этом *двойном* видении Христом происходящего с лодки — именно в этом эпизоде — великолепно, кстати, всего в трех-четырёх строках, написала христианская писательница Елена Уайт в своей, возможно, лучшей книге «Желание веков»! Никак, по своему обыкновению, не обосновывая свое умозаключение.) Но в веках Господь видел также и тех, кто из этих толп вырвался и не участвовал в их злых делах: ни во время беснований толпы, ни во время ее «тихого» существования — как и Симон Кириинеянин, эти родившиеся от смерти в жизнь нисколько не обольщались насчет сущности толпы.

Более не обольщались относительно толпы и ученики Христа, во всяком случае, ко времени написания Евангелий. Не случайно в своих текстах, описывая события с участием толп, вечно теснивших Христа, они использовали слово *ohlos*. В переводе это слово означает:

чернь, толпа, вообще множество, скопище, сборище; а также: докучливость, тягость, беспокойство, хлопоты, *суета*.

Значение всякого слова в основном определяется интонацией, с которой оно произносится. «Чернь», «толпа», «сброд» — слова, произносимые и читаемые с интонацией, исключающей всякое благоговение. Другое дело — слово «народ». В этом слове слышится нечто эпическое: бесконечные вереницы повозок, переваливающие через заснеженные горные перевалы, управляемые самоотверженными, мужественными людьми; представляются ряды воинов самостоятельного мышления, побивающих вторгшегося врага, — словом, нечто такое, перед чем не зазорно благоговейно преклониться. На древнегреческом языке эта мечта обозначалась словом *demos*.

Но апостолы, зная прекрасно это слово, пользовались другим, недвусмысленным — *ohlos*.

Таким образом, в переводах Евангелия всех народов, выполненных под патронажем национальных вождей, налицо смысловая подмена, жульничество, обман. Чернь и толпу подменили на народ, *ohlos* — на *demos*. Сделано это не случайно. Однако, о том, в чем заключается двойная или даже тройная выгода такой подмены для одержимых неврозом вождизма, речь пойдет в другой раз.

Толпы бессмертны. В том смысле, что они не исчезли вместе с биологической смертью тех, кто слышал убедительнейшее свидетельство авторитетов этого мира — изгоняемых бесов; они перетекают во времени, поглощая детей и детей их детей; не исчезли толпы и в последующие века. Но бессмертны они лишь до определенного срока — до Его Третьего Пришествия. В тот момент последняя из толп соберется в еще одной, последней попытке умертвить Христа и Его последователей:

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом (при Втором Пришествии. — *А. М.*): над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.

Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей (темницы одиночества, ведь на Земле живых не будет. — *А. М.*) и выйдет обольщать народы (воскрешенные при Третьем Пришествии. — *А. М.*), находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их **на брань**; число их — как песок морской.

И вышли (все они. — *А. М.*) на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный.

И ниспал огонь...

(Откр. 20:6–8)

Собирали их на брань сатана, толпа же послушно вышла на штурм *Великого Города* (Откр. 3:12; 21:2; 21:10) — знакомая картина, — спустившегося с неба... А потому некрофильная толпа была послушна в этой очевидно бесперспективной ситуации, что готовилась к тому всей жизнью своею — на протяжении тысяч лет...

От толпы скрыться хотя и можно, но трудно. Она всегда под предводительством своих вождей будет норовить встать между Истиной и всяким Его ищущим — будет **теснить**.

Но надежда есть. Христос лично, а также устами Своих пророков, предсказал, что придет День Господень, когда мы, прежде чем вернуться навсегда, отплывем от берега, оставляя толпе на краткое время (тысячу лет) то, чем в вечности владеть ей не по силам.

И в день Третьего Пришествия, в тот последний день греха в нашей Вселенной, который в Библии называется «днем Господним», ее — всепланетной толпы, пожирающей саму себя огнем страсти разрушения *великого города*, — вопль при начале атаки, резко усиливающий силу некрополя, станет предсмертным криком, который будет затихать обратно пропорционально четвертой степени расстояния.

«И... огонь... пожрал их» (Откр. 20:9).

Да будет так.

Глава двадцать вторая

БАВИЛОН «АПОКАЛИПСИСА» И ЗАНИМАЮЩИЕСЯ НА ЕГО УЛИЦАХ ТОРГОВЛЕЙ

В войне 1812 года, **на первом ее этапе**, особенно активными пособниками Наполеона, как было показано, были национал-священники, проститутки, цари, уголовники, высшие государственные чиновники, угодники сельских общин (старосты) и купцы. (В «КАТАРСИСЕ» эти профессии обозначались как некрофилические.)

Предательское поведение тех же «социальных групп» выявляется и при подходе теологическом, при изучении Библии, — естественно, в несколько более обобщенном виде.

И это не удивительно.

Что есть стая? Структурно?

Стая хоть и едина, но не однородна — она есть комбинация общностей-элементов, взаимозависимость коллективных органов, напоминающих по своему назначению отдельные функциональные органы тела живого организма; иными словами, стая делится на группы людей, объединенных общим интересом, страстью или профессией. Од-

ни есть, в сущности, лишь длинные уши, другие — глаза в замочной скважине, третьи — вооруженные руки, а четвертые — ноги, pinaющие тех, кто вырывается вперед.

Не все «органы» равно преданы вождю (носителю «воли»), соответственно, они в разной степени опасны для тех немногих чужеродных, кто с толпой не совместим (*неугодники-созидатели*).

Ярче всего в Библии обличается «совесть нации (стаи)». Так было до Христа, так было и при нем, мало что изменилось и к нашему времени. Не то удивительно, что две тысячи лет назад фарисеи выдавали наиболее нравственную и интересную женщину Иерусалима за прелюбодейку, поразительно то, что популярные среди священнослужителей богословы ряда (если не всех) деноминаций во все последующие два тысячелетия в своих толкованиях Библии совпадали друг с другом, непроизвольно разоблачая свою солидарность с фарисеями. В частности, им было приятно и естественно думать, что женщина, которую за волосы приволокли ко Христу, была действительно обыкновенной валабиянкой, а евангельское описание столь замечательного события с ее участием вместо познания мира использовался как повод к всхлипываниям на тему, что Бог силен настолько, что даже прожженных шлюх может заставить Себе поклониться. **(А следовательно, вообще весь мир: так берите меч духовный или, лучше, буквальный — и вперед, сколачивать единую на всю планету иерархию!)**

Но не вечно истине быть попираемой.

Национал-священники (госпопы) это не что-то особенное, небесное, а всего лишь составная часть *ohlos'a*, всего лишь один из коллективных органов тела вождя. Соответственно, и их поведение во времена Ветхого завета, Нового, а также Наполеона и Гитлера всего-навсего типично.

Национал-священники оказались тривиальными носителями мести изгнанных бесов, и толкуя эпизод с женщиной, взятой якобы в прелюбодеянии, закономерным образом, искажая Истину, отстаивали своих, пороча *неугодную*.

Рассмотрим, что в Библии говорится об остальных некрофилических специальностях органов толпы, и с помощью каких подмен истина о них усилиями национал-священников попиралась.

В «Откровении» Иисуса Христа, записанном апостолом Иоанном (Богословом), слово «купец» встречается трижды, причем только в одной главе (18-й), которая посвящена событиям, непосредственно предвещающим Второе Пришествие Господа.

Каждую главу в русском синодальном переводе Библии открывает предглавие, **которое суть толкование, привнесенное** переводчиками с «блага» словения национал-священников. Есть такое предгла-

вие и у 18-й главы синодального издания Библии на русском языке. Вот оно¹:

1 Ангел провозглашает падение Вавилона. 4 Повеление народу Божию выйти, чтобы избежать язв. 9 Рыдания нечестивцев; цари, купцы (четвертое упоминание купцов. — А. М.); 21 опустошенный Вавилон.

Приведенное толкование, хотя, как мы увидим, и искажает смысл главы, тем не менее, достаточно явно передает фабулу происходящего: непосредственно перед Вторым Пришествием народ Божий Вавилон покидает, а цари и купцы, хотя и поражены язвами, остаются, но даже с ними, оставшимися, *Вавилон лишен жизни*.

Разберем символы по порядку.

Ангел (др.-греч.) — посол, посланник, не обязательно существо непривычного вида, это скорее символ, сущность — носитель вести от Бога; как видно из текстов Писаний, курьером может быть и человек или целая *группа* людей, в том числе это могут быть и ангелы в бытовом понимании этого слова — непривычные нам существа и даже тысячи подобных существ. Форма второстепенна, главное — сущность.

Вавилон — город в Междуречье, существовавший буквально, как населенный пункт, только во времена Ветхого завета; был полностью разрушен в IV веке до н. э. и прекратил свое существование. В «Апокалипсисе» это, естественно, уже символ — притом символ достаточно сложный.

Действительно, «Откровение», в котором символ «Вавилон» встречается шесть раз, причем в наиболее ключевых для осмысления конца времени случаях, было записано апостолом Иоанном уже спустя несколько столетий *после* того, как буквальный город Вавилон был до основания разрушен и сожжен — *и навсегда*. Разрушение *великого города* Вавилона **предсказывалось** задолго до того, как произошло это богатое смыслами событие. Пророки предрекали вечное разрушение еще *до того*, как Вавилон стал политическим центром древнего мира и иудеи были отведены в Вавилонское пленение. Уже тогда многие пророки предсказывали, что пленение состоится, предсказывали сколько лет (70) оно продлится, прежде чем вразумленные несчастием иудеи будут отпущены; предсказали также и то, что столица мира будет сожжена и разрушена — причем никогда более в веках восстановлена не будет.

Города обычно восстанавливают полностью (Москву после Наполеона, Сталинград после Гитлера, Рим после ряда нашествий варва-

¹ Цифры — номера соответствующих стихов 18-й главы (Примеч. ред.).

ров и др.). Если для заселения всей площади города некоторое время не хватает жителей, то на руинах все равно лепятся хотя бы поселения. Так было, скажем, с Римом: он был полностью разграблен и разрушен варварами, но все равно среди руин величественных храмов в последующие столетия существовали жилища незначительных людей, построенные из античных «мраморов» — так называли обломки скульптур богов. Нечто похожее произошло и с Карфагеном — он под другим названием существует до сих пор.

Но не так было с Вавилоном. Спустя два с лишним тысячелетия, в конце XX века, археологи попытались было восстановить хотя бы фундаменты некогда существовавших общественных зданий и храмов, нашли средства для создания своеобразного музея, были вложены колоссальные средства, положено много сил, чтобы вывезти песок, поглотивший некогда многолюдный и многоязычный город, — но началась иракско-американская война, Саддам Хусейн распорядился замаскировать в развалинах военную технику, и американская авиация стерла пощаженные тысячелетиями глиняные кирпичи и камни фундаментов домов, храмов и дворцов буквально в пыль. Пророчества о Вавилоне исполнились в точности. Пророчества, данные людям тысячи лет назад.

Символ «Вавилон» в одном только «Откровении» имеет ряд синонимов. Вавилон — не только «великий город», но и «великая блудница» (Откр. 18:2), «жена» (Откр. 17:3), та самая, которая «сидит на водах многих» (Откр. 17:1), которые «суть люди и народы, и племена и языки» (Откр. 17:15). «Жена же, которую ты видел, есть великий город, царствующий над земными царями» (Откр. 17:18). «И на челе ее [жены] написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17:5).

Итак, выстраивается следующий синонимичный ряд: Вавилон (великий) = жена = великая блудница = мать блудницам = мать мерзостям = великий город, **царствующий над земными царями**.

Некоторые синонимы на первый взгляд довольно странные. То, что великая блудница — мать блудницам, это естественно: подобное от подобного. Естественно, что она и чья-то жена, многие замужние женщины являют собой валабиянство в высшем своем развитии. Но мы привыкли, что *цари* царствуют над городами, а тут наоборот — город имеет некую власть над *царями*, да не над одним, а над *всеми*. Впрочем, если вспомнить то, что Рим явно странным образом определял поступки Ганнибала; что Нерон пошел на риск быть растерзанным подданными или зарезанным кучкой аристократов-заговорщиков (что в дальнейшем и произошло), чтобы полюбоваться пылающим Римом; что Наполеон претерпел позор, чтобы побывать в Москве и еле из нее спастись, то и в буквальном царствовании еще одного

«великого города» (духовно противоположного упоминавшемуся выше *великому городу*) над **всеми** царями начинает угадываться некий особый диалектический смысл — тоже идущий из подсознания... Великих городов — противоположных — два, и оба они упоминаются в «Апокалипсисе».

«Великая блудница», как уже разбиралось в «КАТАРСИСЕ», — символ, указывающий на принцип национальных религий, признаки которых — массовость и иерархичность. Великой блуднице внутри «Откровения» противопоставлена «жена, облеченная в солнце» (Откр. 12:1). Она «убежала в пустыню, где было приготовлено для нее место от Бога» (Откр. 12:6), убежала же она от жены, возлюбленной всеми «народами и языками», от «великой блудницы». «И расвирипел дракон на жену и пошел, чтобы вступить в брань с прочими от семени ее, сохраняющими заповеди Божии и имеющими свидетельство Иисуса Христа» (Откр. 12:17). Однако почти в точности то же самое мы читаем чуть дальше уже о Вавилоне: «И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле» (Откр. 18:24). Великая блудница = Вавилон = возглавляемые драконом исполнители.

На «нем найдена кровь... всех убитых на земле» — человекоубийца же есть сатана. Из вышеприведенного созвучия текстов очевидно, что «дракон» есть одна из ипостасей сатаны, суть которой — государственная власть иерархии воинов, власть именно физическая («внешники»), а не как у «великой блудницы» психологическая («внутренники»). «Дракон» — понятие многозначное: это и собственно противопоставивший себя Богу сатана, но также и подвид иерархии из исполнителей. **Сатана** — это ипостась того же вселенского противоначала, в которой особенно отчетливо различимо, что оно, противоначало, — противник, противник всему доброму. **Лукавый** — очередная ипостась, в которой сатана предстает *извратителем, искажителем* всякой истины. **Древний змий** — указание на происхождение греха среди людей. **Дьявол** — клеветник, патологический лгун, который иначе просто не может, чистое он порочит лишь походя; дьявол, в сущности, то же самое, что и лукавый, сатана, древний змий, господин и повелитель великой блудницы.

Итак, дракон (силовая иерархия) = сатана = лукавый = древний змий = дьявол = господин, повелитель и бесплодный «супруг» своих исполнителей, которые в «Апокалипсисе» обозначаются как «великая блудница». И второй ряд: великая блудница = жена = мать блудницам = мать мерзостям = великий город = Вавилон = **стая (?)**. Оба этих ряда в Библии сливаются в понятии «зверь» (цивилизация).

Вопрос о соответствии Вавилона стае из *теории стаи* можно, по канонизированному в богословии порядку, начать с *происхождения* слова «Вавилон».

Об этом записано в Быт. 11:1–9:

На всей земле был один язык и одно наречие.

Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там.

И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола [асфальт] вместо извести.

И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли.

И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, **и не отстанут они от того, что задумали делать.**

Сойдем же, и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город.

Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Образ мыслей живших в то время людей определялся недавним событием — «всемирным потопом», который и освободил землю от нечисти, а первых потомков сыновей Ноя — Сима, Хама и Иафета — от жесткой конкуренции. Потоп был величайшей психической травмой для них, внуков и праправнуков Ноя, не потому, что здоровое начало на нашей планете что-то утратило, а потому, что их матери при потопе потеряли своих некрофилических отцов, матерей, сестер и братьев и, возможно, любовников, от которых были болезненно зависимы. Погибли в водах потопа также и «духовные» учителя, учившие противоположно истине, и сами себя приведшие к гибели. Не обращенные к Богу женщины, стремясь обезопасить себя от страха, решили действовать в духе своей погибшей в водах потопа цивилизации.

Имевшие возможность убедиться в правоте Бога, они тем не менее не поверили — но только на словах!! — обещанию Божию, что ни одного всемирного потопа больше не будет («Поставляю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на опустошение земли... вот знамение завета... <...> ...будет радуга в облаке» [Быт. 9:11–16]), и попытались решать вопросы духа по своему, магически — решили построить башню более высокую, чем возможный уровень вод потопа.

То, что вожди слепопотопного мира не поверили обетованию Божию только на словах, — оговорка чрезвычайно важная. Полагать вождей глупыми настолько, чтобы не *понимать* обетования, было бы уж совсем несправедливо. Другое дело, что слова о необходимости строительства башни ради безопасности не для всех были осознаваемой ложью, а только рационализацией. Рационализацией, заслонявшей истинную причину строительства башни — **магическую**.

В самом деле, объект хотя практически-бытового смысла не имел, зато был громаден. Одна только организация доставки стройматериалов наверх требовала строжайшей дисциплины — **строгой иерархии**. Невозможно было одним поднимать груз наверх по веревке в то же самое время, когда другие пытались опустить вниз освободившуюся тару. Все это требовало над каждым участком начальника, который распоряжался бы о том, кому отдать право первенства — кто *приоритетен*. А над маленькими начальниками нужен начальник побольше. И так далее.

Это система. Так скажем — **дракон**. Внешничество.

Но иерархию всегда подпирает идеология.

Начальник стройки обладал способностью внушать, что строительство башни — дело нужное. И все *исполнители* ему верили. Успех в деле образного оформления первой слепопотопной формы государственной (всеобщей) религии определялся общими травмами тела мировоззрения как самого первого начальника-жреца, так и его подчиненных — ведь от одних прабабушек произошли.

Женщины-*исполнительницы*, поощряя сыновей к одним поступкам и пресекая другие, вообще говоря, воспроизводят в своих сыновьях отнюдь не мужей, а своих отцов (редко брата, только если он в семье вождь), так что отнюдь не удивительно, что ковчег, которым управлял праведный Ной, перевез на слепопотопную землю внуков отнюдь не апостольского масштаба, но людей, радостно взявшихся создавать псевдорелигиозную иерархию.

Строительство планировалось на века (в конце концов, прапрадед строителей Ной строил ковчег 120 лет — так что готовься, братия, на большие во имя государства жертвы).

В связи с распознаванием истинной цели строительства возникает принципиальный вопрос: **верил ли их вождь, что строительство собственно Вавилонской башни, то есть нагромождение камней — дело необходимое?** Или это была искусственно созданная форма деятельности — и не более чем форма, — **истинная цель которой — воспитание идеальных подданных для тоталитарных режимов?** Ведь за века послушания распоряжениям начальства все население должно было приобрести на строительстве ум не просто солдатский, а солдафонский, или, лучше сказать, сверхсуперультрасолда-

фонский. Был ли вождь до такой степени невротик (подобно Наполеону и остальным в цепочке), что, умея сколачивать послушную стаю, не был в состоянии распознать невозможность нового потопа?

Исторические вожди, конечно, не мыслители, но трудно поверить, что они были до такой степени тупы, чтобы не понимать, что строительство башни — дело бесполезное в том смысле, что невозможно такое место, где можно было бы укрыться от Бога.

Представляется психологически достоверным, что вождю — а скорее всего, **сверхвождю** — времен строительства Вавилонской башни **могла дать чувство удовлетворения не башня как таковая, а сам процесс ее строительства, результат которого — новое психологическое состояние исполнителей.**

(Возможно, именно в этом и состоит основное предназначение магических сооружений вообще: важны не сами объекты как таковые, а формируемое при их строительстве и эксплуатации психологическое состояние *исполнителей*.)

Естественно, у кого-то из строителей могли возникнуть сомнения в целесообразности строительства. Путей перед ними открывалось только два: или восстать против авторитета всеми признанного вождя, за что могли сбросить с верха недостроенной грандиозной башни, или работать с отвращением, со временем отказаться от себя как личности и, в итоге, даже получать своеобразное удовольствие, скажем, от периодических обрядов, относительно которых вождь делал внушение, что они религиозные. Абсолютное большинство выбирало последнее — становясь материалом для будущей мести изгнанных бесов...

И *исполнители* строили, строили, строили — **стаю**, но под видом башни.

И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, **и не отстанут они от того**, что задумали делать.

(Быт. 11:6)

Вселенскому источнику добра надо было спасать людей от них самих, от их произвольной преданности вождю. Но каким образом это можно было сделать?

Разрушение *башни* не только бы не пошло им на пользу, но, напротив, было бы воплощением подсознательного желания их вождя: ведь тем самым удлинились бы сроки строительства, что и было желательным для еще большего замуштровывания мышления и без того уже «счастливых» строителей.

Уничтожить *вождя*? Люди выбрали бы себе другого, такого же.

Разрушить иерархию?

Уничтожить сам принцип до времени невозможно, это произойдет лишь при Третьем Пришествии.

Уничтожить *данную конкретную* иерархию? Но каким образом?

Бог ее разрушил — гениально. Он сотворил чудо: **создал** вместо одного языка — множество. Единый язык исчез, и подчиненные вождя таковыми оставаться более не могли: они перестали понимать приказания.

И разбрелись в тоске *исполнители*, и Бог это **допустил**. *«И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город».*

Смешение языков — лишь отчасти проклятие, в гораздо большей степени оно благословение. Оно, разумеется, разобщает ищущих Истину и, как следствие, общения с себе подобными. Такого уровня общение непременно происходит посредством слов, причем требуется обширный спектр понятий; это в стаде достаточно упрощенного набора слов. Не случайно главный дар на пятидесятый день после Великой Пасхи заключался в даре совершенного знания иностранных языков (как родного) — но это было даровано только рожденным свыше, ограниченному кругу лиц. Потомки же этих избранных, напротив, должны были искать объединения на основе родного языка — нового, ибо евреи после отвержения ими Христа утрачивали положение метанаций* (особого рода благословений, необходимых для ускоренного развития *неугодников*), а их язык переставал быть языком общения *неугодников* разных национальностей (подробно об этом ниже).

Но с другой стороны, смешение языков в Вавилоне было и величайшим благословением, потому что деструктурирование всепланетной стаи на множество толп вело к снижению суммарного уровня некрополя на планете вообще, и в местах проживания людей (за счет уменьшения их скученности) в частности. Тем самым, человек, возжелавший мыслить по Истине, встречал меньшее, чем в Вавилоне, психоэнергетическое противостояние.

Смешение языков не самоцель, а средство для достижения некоей цели — и цель эта очевидна: люди разбрелись из Вавилона *«по всей земле; и они перестали строить»*. Перестали уродовать себя а, главное, тех немногих, кто задумывался о смысле происходящего вокруг...

Изменилась на планете обстановка, но не устроители стаи и не *исполнители*.

«И сказал Господь: ...и не отстанут они от того, что задумали делать».

Действительно, строители хотя и перестали класть кирпичи на «смолу земли», но не перестали воспроизводить суть государственной религии — со временем уже в разных формах; а вожди не перестали невротически стремиться к созданию всепланетной стаи, воспроизведению Вавилона...

Общий для всех язык, «всевавилонский», был для вождей пределом мечтаний — не случайно, что народы, жертвы даже одних только намерений агрессии сверхвождей, вдруг *добровольно* начинали учить язык будущих захватчиков. (Достаточно вспомнить, что перед нашествием орд цивилизатора Наполеона в России учили французский, а перед нашествием орд цивилизатора Гитлера — немецкий, и так далее...)

Предваряющий Второе Пришествие Христа Антихрист — а время его близко — тоже одним только своим *желанием* подготовит общепланетарный язык, вплоть до того, что в разных странах будут не только почитать за счастье его учить, но одно только написание букв этого алфавита будет казаться *особенно красивым*. Настолько красивым, что товары без начертанных на нем букв не будут раскупаться... *И будут по улицам этого Вавилона бродить особенные купцы...*

Но момент образования всепланетной толпы станет моментом ее самоуничтожения.

Образование любой, даже незначительной толпы уже ведет к частичному умерщвлению ее элементов, и если человек в толпе теряет только большую часть воли и разума, то, как следствие, во *всепланетной* он естественным образом лишится и биологического бытия.

Толпа в момент Третьего Пришествия Христа от той, что строила Вавилонскую башню, будет отличаться.

Во-первых, уровень некрополя *каждого из элементов* будет несравнимо выше, чем у их предков, ведь за тысячелетия от поколения к поколению в душах копится мусор решимостей совершить преступление, обросший плесенью согласий на невротические его повторения.

Во-вторых, толпа будет иная и численно. Уничтожение толпы произойдет по механизму близкому к тому, по которому происходит всеуничтожающий атомный взрыв: радиоактивный материал поначалу накапливается без заметного изменения его физического состояния, обыденному взгляду он даже кажется безопасным, но стоит ему достигнуть критической массы, воспламеняется цепная реакция — и происходит взрыв!

Образование всемирной толпы в организационном (политическом, иерархическом) смысле предварит всемирная культура и знание общего языка. Но самое главное, **всепланетную стаю объединит некое новое, общее для всех преступление.**

Может быть, это будет одобрение последней в истории, как о том предупреждают пророки, волны инквизиции против тех, кому отвратителен принцип принудительной государственной религии?

Но «...*Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам*» (Амос 3:7) — и это истинно так.

Естественно, что предзнание о событиях, предваряющих Второе Пришествие, несомненно принесет больший мир в души тех, кто

свою душу ставит выше опасности быть сброшенным с Вавилонской башни. Подробности падения всемирного Вавилона естественно искать в последней книге Библии — «Апокалипсисе» («Откровении»).

...Пал, пал Вавилон, великая блудница... ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные лободействовали с нею, и купцы земные разбогатели от великой роскоши ее.

И услышал я иной голос с неба, говорящий: выйди от нее, народ Мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться ее язвам ее...

Сколько славилась она и роскошествовала... за то в один день придут на нее казни, смерть (самопожирания. — *А. М.*) и плач и голод, и будет сожжена огнем, потому что силен Господь Бог, судящий ее.

И восплачут и возрыдают о ней цари земные...

И купцы земные восплачут и возрыдают о ней... <...>

Торговавшие всем сим, обогатившиеся от нее, станут вдали, от страха мучений ее, плача и рыдая... <...>

...Купцы твои [Вавилон] (т. е. великая блудница, дракон, иерархия. — *А. М.*) были вельможи земли, и волшебством твоим введены в заблуждение все народы. И в нем найдена кровь пророков и святых и всех убитых на земле...

...Аллилуйя! спасение и слава, и честь и сила Господу нашему, ибо истинны и праведны суды Его! потому что Он осудил ту великую любодейцу, которая растлила землю лободейством своим, и взыскал кровь рабов Своих от руки ее.

(Откр. 18:2–19:2)

Итак, полезным для нас полагается познание не только о смысле символа «Вавилон» (суть — всепланетная стая), не только знание о человекоубийственной агрессивности символического Вавилона, о его отношении к народу Божьему (вавилонское пленение), его судьбе буквальной и прообразной для вечности (поглощен песками, и тысячи лет не могут его люди восстановить), не только весть о его специфическом падении в конце времени, — но и **о его внутренней структуре.**

В символический Вавилон вхожи **все** цари земные (буквальные), а также и процветающие торговцы (буквальные). В приведенном выше отрывке упомянуты купцы двух видов: «купцы земные» и «купцы твои (Вавилон)». «Купцы Вавилона» — понятие символическое, это вельможи иерархии, то есть те, кто по значимости в стае следует за царями. Туда, куда не проникает неповоротливая власть дракона (иерархии воинов), проникает священнослужитель накопительства.

«Купец земной» (т. е. буквальный) — это не просто обладатель соответствующей записи в реестре налогоплательщиков, это — состоящие души. Во всех внешних проявлениях: в типе взаимоотношений с противоположным полом, в страсти к товарам, ненужным для души, но способствующим сплочению Вавилона, в пренебрежительном отношении к нижестоящему стаду себе подобных и преданности вождю, в готовности ради преданности сверхвождю предать братьев. Здесь мы и получаем тот результат, который выявляется при историческом подходе к событиям 1812 года: активнее всех среди русских сверхвождю-«внутреннику» Наполеону помогли именно *кушцы*...

Как, впрочем, помогали и «цари», и высшие администраторы типа Ростопчина, и военачальники типа ура-патриота Багратиона.

Мыслители многих ушедших и ныне существующих цивилизаций далеко не уверены, кто же в государстве является истинным хозяином — царь ли, верхушка ли администрации, в том числе и военной («дракон»), олигархия ли крупнейших торговцев («купцы земные»). И та, и другая точки зрения — суверенитетские. А с точки зрения «теории стаи», и те, и другие — есть лишь исполнители, с той лишь по форме разницей, что воины — «внешники», а купцы — «внутренники».

Предательская сущность (подробно — в главе «Предательство — философский подход») обоих типов, среди прочего, должна проявляться и в том, что национал-священники «великой блудницы» непременно должны психологически сходить с купечеством.

Возможны современные методы исследования — экспериментальные. Например, английский психолог Вейзман в порядке эксперимента якобы по ошибке отослал чеки на 12 000 ф. ст. пяти *торговцам* и пяти *священникам*. **Совершенно равное количество тех и других** — трое из каждых пятерых — преспокойненько положили деньги себе на счет. Двое из каждой пятерки чек вернули.

В этом тождестве несложно удостовериться и исторически, если изучать *события*, а не оплаченные вождями *толкования*. В войнах 1812 и 1941 годов и те, и другие безошибочно выбирали одних хозяев.

Можно убедиться и теологическими приемами — изучая общедоступные официальные церковные документы, в частности **характерные искажения Священного Писания**. Священное Писание можно исказить только одним способом — переводом, который утверждает представительной комиссией — собранием высших иерархов.

Одно из подобных прокупеческих толкований Синодального перевода внимательный читатель, наверное, уже заметил в начале этой главы. В кратком содержании 18-й главы «Откровения» Синодального перевода Библии мы читаем (этого текста в древнегреческом подлиннике, напоминаем, нет):

1 Ангел провозглашает падение Вавилона. 4 Повеление народу Божию выйти, чтобы избежать язв. 9 Рыдания нечестивцев; цари, купцы; 21 опустошенный Вавилон.

Обратите внимание на пункт «рыдание нечестивцев». Прямой его смысл **при точке с запятой** следующий: есть нечестивцы, персонажи повествования — они рыдают. А есть и цари с купцами — они к нечестивцам отношения не имеют. Если бы имели, то после слова «нечестивцы» стояло бы двоеточие, т. е. далее перечисление: цари, купцы; но пунктуация официального перевода иная: **точка с запятой**. Эта точка с запятой тем более странна, что в 18-й главе «Откровения» слово «нечестивцы» даже не упоминается.

Пустяк, казалось бы, но даже знаком препинания, даже частью его — менее чем йотой (об изменении которой предупреждал Христос лично), достигается возвышение вельмож Вавилона — купеческого сословия... В сущности тот же случай, что и подмена «толпы» (*охлоса*) на «народ» (*демос*).

Пойдем дальше.

Откроем неканоническую книгу Сираха, глава 26, стих 27: «*Купец едва может избежать погрешности...*» Облик вырисовывается недвусмысленный: купец, продавая товар, так всей душой пытается избежать обсчета и обвеса в свою пользу, вернее так, пустячка, ошибочки, «погрешности», так хочет быть честным... Однако судьба-злодейка не дает, опять же — бесы, дьяволы... Но купец, по тексту, все равно избегает. Хотя и «едва».

Такой благословенный иерархами перевод вместо прямого смысла подлинника: «*Не может купец не обмануть, потому что — купец*» — в том смысле, что мошенничество в природе тех, кто бьется с конкурентами за возможность заниматься этой профессией. Интонация обличения этого типа людей следует хотя бы из всего настроения этой главы Библии. Да и мысль заканчивается недвусмысленно: «*Не сможет купец не обмануть, а корчемник (продавец вина в разлив) не спасется от греха...*»

Но если бы в Синодальном переводе неправильности ограничивались только приведенными мелкими подлогами! Не только восхваление купцов, но и проторгашеская психология «дашь на дашь» является стержнем искажений глубочайших в Библии идей. Суть торгашеской концепции спасения в эпоху инквизиции явлена была в индульгенциях: гони священнику монету и приобретешь так называемую «избыточную праведность» утвержденных подписью папы святых. (Избыточная праведность, в понимании католиков, — это та чрезмерная праведность, которая остается — видимо, как объедки на столе — после спасения самого святого.)

Порядок, иными словами, рыночный: сначала праведность (можно деньгами), потом рождение свыше и — ура! — спасение. Сначала ты Богу, потом — за это — Бог тебе.

Читаем синодальный перевод эпизода с женщиной, умывшей Иисусу ноги и отершей их волосами (Лук. 7:47). Фарисей Симон, демонстративно нарушая элементарные нормы гостеприимства, не поцеловавший Иисуса и не умывший Ему ноги, пытается ее выгнать со словами, что греховная женщина с равви не должна быть даже рядом. Иисус его останавливает: «Сказываю тебе (Симон): прощаются грехи ее многие **за то, что она возлюбила много**».

Это — благословленный (утвержденный) церковной иерархией перевод. В греческом же подлиннике нечто совершенно противоположное!

«Сказываю тебе (Симон): грехи ее **уже прощены, и узнать об этом мы можем по, хотя бы, тому, что она возлюбила**». Новое состояние ее души проявляется в том, что она, в противовес существовавшей иерархии, Истину назвала Господом — и омыла Ему ноги. Это в жизни. А в переводе — вместо прямых взаимоотношений с Богом — торгашеские прилавки Вавилона.

В Библии, книге многих, но философски единых авторов, вдохновленных Богом, воззрения на взаимоотношения Бога с человеком неизменны на любой странице, а именно: Бог *первым* выходит навстречу к человеку, а то, что среди толпы особей со стайной психологией находятся личности, согласные Его принять, — великая благодетельная тайна. Во Вселенной Бога все — даром.

Это — противоположность торгашескому принципу.

«Купцы» Вавилона — жрецы и вельможи в том смысле, что прививают логику, противоположную библейской. Жрец — всегда при недвижности Вавилонской башни; недвижность же надо содержать — убедительное оправдание для подлостей при добывании денег. Естественно, в Вавилоне «купцы земные» и «купцы твои» оказываются одними и теми же лицами.

Подобными подменами типов мышления изобилует перевод не только Нового Завета, но и Ветхого, — тем разоблачая и переводчиков, и тех, кто перевод «благословлял» и тиражированию его не противился. Подмен в Ветхом завете чересчур много, чтобы приводить хотя бы часть, ограничимся лишь одним местом, да и то только потому, что мы его будем цитировать ниже в уже исправленном виде.

Ситуация следующая: пророка Амоса (по профессии пастуха — указание на положение, точнее, отсутствие положения в иерархии) вызывает недовольный его пророчествами (о грядущем изгнании народа израильского с насиженного места, соответственно и разного рода князей из дворцов) первосвященник Амасия, который находится

на равной ноге с царем Иеровоамом, и приказывает ему: «Провидец! пойд и удались в землю Иудину; там ешь хлеб и там пророчествуй» (Амос 7:12).

Далее цитируем синодальный перевод как он есть, **без исправлений**:

И отвечал Амос и сказал Амасии: ...ты говоришь: «не пророчествуй на Израиля и не произноси слов на дом Исааков». **За это**, вот, что говорит Господь: жена твоя будет обесчещена в городе (при взятии города. — А. М.); сыновья и дочери твои падут от меча... и Израиль непременно выведен будет из земли своей.

(Амос 7:14–17)

Омерзительность этого перевода бросается в глаза: противился Богу один, а претерпят наказание другие, которые вообще ни при чем: женщины и дети... Нам являют для поклонения не любящего Бога, воплощение *аганэ*, любви, а человекоубийцу, садиста, лишеного всякого понятия о справедливости. Но таково восприятие Бога лишь у переводчиков и их хозяев; в подлиннике Библии с характером Бога все в порядке:

И отвечал Амос и сказал Амасии: Ты говоришь: «не пророчествуй на Израиля и не произноси слов на дом Исааков».

Но вот, что говорит Господь: жена твоя все равно (даже если ты мне заткнешь рот. — А. М.) будет обесчещена в городе; сыновья и дочери твои падут от меча... и Израиль непременно выведен будет из земли своей.

(Амос 7:14–17)

Основное русло истории не зависит от воли царей «Вавилона» и восхваляющих их первосвященников (как при тоталитарных режимах, так и в рабовладельческих демократиях типа Карфагена и Соединенных Штатов, восхваляют купцов). Ибо бедствия есть или закономерные следствия разрушительной деятельности самого человека, или *допускаются* (но не насылаются!) Богом, но не **за что-то**, а **для** чего-то; изменение системы ценностей может привести к спасению не только самого попавшего в *допущенную* беду человека, но и его детей и близких — это касается не только древних израильтян.

Смысл Библии и характера Божия воспринимается, прежде всего, подсознательно. И наоборот: по тому, как человек понимает смысл библейских откровений, можно сделать вывод о состоянии его подсознания. Искажения перевода есть следствие вовсе не случайных ошибок, **но имеют систематический характер**. Они целенаправленны, потому что все ведут только к одному: чтобы купцы чувствовали себя на улицах «Вавилона», пока еще разгороженных государ-

ственными границами кварталов, не просто вольготно, но воспринимали себя почти святыми и пророками, якобы вестниками мира и дружбы народов. Как во времена Наполеона и ему подобных.

Сплавленное воедино триединство царей, купцов и священников проявляется не столько в том, что храмы для себя священники строят исключительно на средства купцов и с благословения царей, но в единстве психики и духовного опыта преданности *сверхвождю* — как следствию, и грядущему.

И то, что происходило при нашествии вождей типа Наполеона, Гитлера или Сталина — явленная людям предательская сущность купцов, царей и священников, — это закономерность, легко распознаваемая всяким, кто согласен не сопротивляться мудрости.

Глава двадцать третья

ТАЙНА ЧЕЛОВЕКА, ВНЕСШЕГО КРЕСТ НА ГОЛГОФУ

Откроем Евангелие:

Выходя, они встретили одного Кириинеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его.

(Мф. 27:32)

И заставили проходящего некоего Кириинеянина Симона, отца Александра и Руфова, идущего с поля, нести крест Его.

(Марк 15:21)

И когда повели Его, то, захвативши некоего Симона Кириинеянина, шедшего с поля, возложили на него крест, чтобы нес за Иисусом.

И шло за Ним великое множество народа и женщин, которые плакали и рыдали о Нем.

Иисус же, обратившись к ним, сказал: дочери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших; ибо приходят дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!»

Тогда начнут говорить горам: «падите на нас!» и холмам: «покройте нас!»

Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

(Лук. 23:26–31)

Вот что записано о жизни и внутреннем мире Симона Кириинеянина в Новом Завете.

Согласитесь, что много и исчерпывающе.

Из одного того, что о Симоне рассказывают — и притом так подробно! — три из четырех евангелистов, следует, что познание о судьбе и внутренней жизни этого человека очень важно для полнокровного бытия личности.

Как во времена Матфея, Марка и Луки, так и в наше время, малейшая, в одно-два слова, деталь, раскрывает не только материальные и культурные аспекты жизни человека, но показывает также и его семейную и нравственную жизнь, и даже позволяет с высокой степенью достоверности говорить о судьбе его родителей и детей.

Например, достаточно сказать, в каком городе живет наш современник, и многое сразу становится понятно. Если в недалеком прошлом выяснялось, что девушка из города Иваново, то с высокой степенью достоверности можно было утверждать, что она работает на одном из многих грандиозных по числу работников, прядильных или ткацких предприятий, работать на которые съезжались девушки со всей страны, и что ей, вероятно, трудно выйти замуж. А если девушка из курортного города, где нет никакой иной промышленности, кроме так называемой «индустрии отдыха», то высока вероятность, что она в ней и работает, а царящие в подобных учреждениях нравы оказали влияние на ее поведение. Отсюда и особенности ее брачной жизни, и обилие определенного рода несчастий у ее детей. Всего только знание *о месте жительства*, всего одно слово, а сколько информации!

О Симоне же Кириинеяnine сказано многократно больше!

Начнем по порядку приведенных в начале главы цитат.

Матфей написал благовестие о Христе, как известно, для иудеев (это очевидно из обилия в его Евангелии цитат из Ветхого завета — источника авторитетного в то время *только* для уже верующего в Единого истинного Бога, и притом иудея). Естественно, что только евреи и причисляющие себя к иудеям паломники знали тогда подробности жизни в Иерусалиме — в частности, знали подноготную правду об эмиграции. Действительно, одна часть евреев древний Иерусалим покидала (уезжали, скажем, в Рим, город исключительно выгодный с точки зрения прибыльной торговли), а другая, напротив, из рассеяния в Иерусалим возвращалась (по разным, вероятно, причинам). Города, как в наше время, так и тогда, один от другого отличались нюансами психологической атмосферы, и еврею I века для полной характеристики Симона достаточно было знать только, что он родом из главного ливийского города — Кириinei, и оттуда переселился в Иудею. «Выходя, они встретили одного Кириинеянина, по имени Симона; сего заставили нести крест Его» (Мф. 27:32). Все в мире не случайно, и для сведущего иудея было естественно, что именно переселившийся из Кириinei в Иерусалим понес крест Господу.

(Для других же категорий читателей, как следует из текстов Евангелий Марка и Луки, писавших для иудеев, необходимы были другие детали.)

Есть, правда, и еще один уровень толкования текста Матфея. Дело в том, что *всякий* текст диалогичен. Иными словами, всякий текст, так же, как и устная речь, есть *диалог* с пока несогласным конкретным или воображаемым собеседником. Например, в любом, даже не очень «толстом» комментарии к Библии сообщается, что для понимания как Евангелия от Иоанна, так и его посланий необходимо все время иметь в виду, что апостол писал с целью опровергнуть вкравшиеся в Церковь ложные воззрения гностиков; спорит он с ними каждым словом своих книг и посланий.

Каким именно заблуждениям противостоит, в отличие от апостола Иоанна, евангелист Матфей, в толкованиях не сообщается, но, очевидно, что противостоит он извратителям христианства, тем из них, кто был взращен на почве иудаизма. Поскольку люди с веками не меняются, то можно предположить и даже несколько не сомневаться, что — подобно тому, как в средневековых католических монастырях, обильно зарабатывавших на поклонении толпы сомнительного рода реликвиям типа краеобрезания младенца Христа (коих по разным монастырям было не менее 37 единиц хранения), — и на раннеапостольской церкви пытались паразитировать достаточно много людей с якобы особыми заслугами перед Господом и Церковью, которые, скажем, помогли Христу нести на Голгофу крест. (Зафиксировано более 800 человек, которые на субботнике на Красной площади якобы помогли Ленину нести единственное в его жизни бревно.) Защищая Церковь от жуликов-единоплеменников, Матфей и сообщает, что не кого иного, а именно Симона Киринаянина, *«сего заставили нести крест Его»* (Мф. 27:32).

Следующий евангелист, Марк (самый энергичный и динамичный из евангельских рассказчиков, что проявляется в особенности его стиля и выбранных им образов), подробностями нас просто ооджил. Он нам рассказал, что Симон:

- носитель *еврейского* имени Симеон;
- родом из Киринаеи, города на африканском побережье Средиземного моря;
- отец Александра и Руфа;
- в утро распятия «шел с поля».

Само имя «Симон», его происхождение — даже вне зависимости от своего конкретного значения (Симеон — в переводе с др.-евр. — «слышанье», «услышал» [Господь]) — серьезнейший источник информации о системе мировосприятия родителей названного человека, а также и его самого. Тем более, что в древности наречению прида-

вали гораздо большее значение, чем в наше время. Действительно, ребенок руководим *представлениями* о нем родителей, что отражено в имени, кроме того, имя не может не вызывать у его носителя определенных ассоциаций, оказывая тем самым влияние на его жизнь. Имя родоначальника одного из колен Израиля, Симеона, среди евреев было, видимо, популярно всегда, и не удивительно, если этим именем называли сына родители, жившие в Иудее или в ином месте компактного проживания иудеев, — это может быть во многом дань традиции или просто незнание других имен. Другое дело, если семья проживает в городе греко-римской культуры, таком, как Киринаея той эпохи, — тут угадывается сопротивление окружающей языческой культурно-бытовой среде. Таким образом, наречение сына именем «Симеон», видимо, говорит или об ортодоксальности воззрений родителей Симона, проживавших в городе греко-римской культуры (и скорее всего, в нем и родившихся), противостоявших влиянию этой культуры и отстаивавших иудаизм, или, что то же самое, о принадлежности этих жителей кварталов еврейской диаспоры к торгашескому братству, иерархии, субстае.

А вот имена двух упомянутых сыновей самого Симона, напротив, — греческое и римское. «Александр» — по-гречески *победитель*. «Руф» — по-латыни *рыжий*. Что стояло за тем, что Симон *так* нарекает своих сыновей: уподобление окружающему населению (переход в их стаю, что возможно только по молодости, да и то временно) или нечто иное?

Родители Симона инициаторами наречения внуков нееврейскими именами, скорее всего, быть не могли: если уж в молодости они предпочли назвать своего сына (то есть, в некотором смысле, себя) *еврейским* именем, то с возрастом подобные предпочтения обычно только усиливаются. Кроме родителей Симона и самого Симона инициатором наречения сыновей *такими* именами могла быть его жена — теоретически, в особенности, если она была нееврейкой. Но это только теоретически. То, что в семье решающим было все-таки слово мужа, следует даже не из декларируемых традиций той эпохи, но, в большей степени, из того, что Симон с сыновьями оказался не где-нибудь, а в Иерусалиме и притом владельцем поля. (То, что Симон был именно владельцем поля, высоковероятно. Люди биофильного склада — а, как мы увидим далее, Симон таковым, несомненно, был — стремятся к независимости в любой области своей жизнедеятельности — в том числе и производственной. Симону этого достигнуть было несложно — как человеку физически крепкому — иначе бы не смог донести крест — и отцу как минимум двух сыновей, явно не бездельников. Таким образом, на момент встречи со Христом Симон в худшем случае был лишь *потенциальным* владельцем поля.) Итак, раз

Симон оказался в Иерусалиме и притом владельцем поля, то, следовательно, его жена была *женой*. Ведь склонная к доминированию женщина не позволит мужу — выходцу из семьи городского торговца — превратиться в крестьянина и от этого потерять в зароботке. Тем более, она не захочет при этом отправиться на чужбину. Казалось бы, Симон мог переселиться, овдовев. Однако в семье, где доминирует мать, отца сыновья обычно ни в грош не ставят, и если бы Симон, овдовев, предложил им перебраться в Иерусалим, они бы, скорее, перебрались в столицу, в Рим. Да и их, если они были сыновьями женщины-*нееврейки*, в Иерусалиме теплый прием не ждал. Следовательно, высоковероятно, что мать их была еврейкой, позволявшей мужу быть мужчиной, главой дома, тем не только самореализуясь как женщина, но и оберегая психическое и нравственное здоровье своих сыновей, — она же не противилась желанию мужа называть сыновей греческим и римским именами.

Конечно, рассуждение несколько гадательное, основание считать его высоковероятным — то, что и сам Симон, и его сыновья были биофильного склада, а у биофилов, в точности, как и у различного типа некрофилов, все события как прошлой, так и последующей жизни не случайны и имеют свои закономерности. Хотя прийти к Богу может любой покающийся, однако ожидать этого вероятней от тех, чьи родители уже прошли часть пути к духовному возрастанию.

Итак, поскольку инициатором материально убыточного переселения в Иерусалим был Симон, то в выборе имен сыновей интересно все — и прежде всего психологическая (духовная?) подоплека. Почему Симон, человек, воспитанный в достаточно ортодоксальной еврейской семье, дал своим сыновьям имена нееврейские? К тому же, почему он им дал в смысловом значении *именно такие* имена — ведь *каждое из них противопоставляет своего носителя толпе?* «Рыжий» — это отнюдь не указание на цвет волос, который у младенцев неотчетлив. «Рыжий» — это *не такой, как все*, изгой, объект для дразнения; ругательство, наконец, типа «кунктатора». Не зря клоунов до сих пор так и называют — «рыжими» (Пьеро? Пьер??!). *Не такой, как все*. А «Александр» — тот и вовсе «победитель», хотя смысл в это слово вкладывают противоположный.

В культуре той эпохи носитель такого имени обычно ассоциировался с Александром Македонским, победителем всех и вся, и, в отличие от остальных полководцев, умершим так и не побежденным (очень молодым — 32 лет). Но это победитель драконовского толка; однако, победитель может быть и в области духовной.

Итак, если решающее слово при наречении сыновей принадлежало Симону, то это означать может только одно: что Симон еще молодым человеком (период рождения детей) восстал против синаго-

гальной духоты законническо-фарисейско-торгашески-солдафонского восприятия Бога и окружающего мира. Это *он*, Симон, чувствовал себя *рыжим* и *победителем* и не хотел быть кагальным занудой-евреем, озабоченным только накопительством. И, естественно, Симон хотел поделиться достигнутым богатством свободы со своими сыновьями.

То, что рассуждение о неслучайности имен верно, косвенно подтверждается и составом группы будущих апостолов, а именно территорией их проживания и их именами. Из двенадцати ближайших учеников Христа одиннадцать были из Галилеи, где приверженность ортодоксальному иудаизму не была столь оголтелой, как в Иудее (ультраортодоксы переселялись поближе к Храму — для более частых приношений очистительных жертв). Из Иудеи был только один ученик, и носил он ортодоксальнейшее из всех еврейских имен — Иуда; он и предал.

Среди апостолов же было довольно много людей с именами нееврейскими, упомянем двоих: Андрей — по-гречески «мужественный, человечный», Филипп — по-гречески «любитель лошадей». Уже из одной этой неортодоксальности семей детства апостолов, несмотря на еврейский состав соседей, следует, что искренняя преданность извращенному пониманию даже лучшей из книг, Библии, к Богу отнюдь не приближает, как то не без успеха внушают некоторые религиозные лидеры, но, напротив, от Бога отдаляет. И наоборот, равнодушие к ортодоксальной религиозности и даже ей противостояние может, как это ни ново для уха, быть признаком подсознательного влечения к Богу, возвышенному, прекрасному.

Соответственно, и Симон, подобно родителям некоторых апостолов, неосознанно тянулся ко Христу еще тогда, когда он, восстав против образа мысли еврейского кагала (*евр.* — сборище, толпа), задумался об именах для своих сыновей...

Какие формы протеста в жизни Симона предвещали его встречу со Христом? Может быть, Симон был в рядах приверженцев языческих культов? Читил ли он римских богов? Боготворил ли он культуру Римской империи, ценимую, несомненно, высшими администраторами, купцами и священниками и в Киринее?

Нет.

Это очевидно хотя бы из того, что путь его из Кириinei лежал не в Рим, а в Иерусалим. Туда, где у него была возможность помочь Христу.

Действительно, была ли встреча Симона со Христом случайной?

Почему упомянуто, что Симон шел *с поля*? Почему эта деталь так важна? Почему бы не ограничиться словами, что он просто возвращался в город?

Чем больше вопросов, тем легче ответить на любой из них.

Христа вывели на казнь из городских ворот в пятницу около десяти часов утра (по нашему времяисчислению). Жара только-только началась. Раз Симон с поля уже *возвращался*, то он, очевидно, дела там свои уже закончил, а это означает только одно, что на поле он оказался с рассветом. Трудолюбивый, согласитесь, человек.

А почему вообще он занялся *земледелием*, когда в Киринее он, очевидно, должен был по примеру предков быть элементом «внутрицерковной» иерархии, возможно, впрямую заниматься торговлей — занятием, во все времена несравнимо более прибыльным, чем земледелие? Почему он не занялся сельским хозяйством под Киринеей? Ведь климат, в конце концов, тот же, что и под Иерусалимом?

Когда римский военачальник Помпей в 63 году до н. э. насильно расселял евреев из Иудеи по разным городам обширной римской империи, часть переселенцев оказалась и в Киринее. Таким образом, Симон в 29 году н. э. был киринееянином, как минимум, в третьем поколении. Но может быть, и в большем: отвергшие Христа евреи, вообще говоря, жили колониями разве что не по всей ойкумене — выгодное обстоятельство для прибыльной торговли, *свои* помогают, не нужно никаких особенных усилий для поддержания на нужном уровне корпоративного духа, позволяющего эффективно противостоять аборигенам. В торговых фирмах это необходимо, ибо, как известно, идеологическая обособленность во все времена приводила и приводит всегда к одному — оправданию обманов, обвесов и обсчетов окружающих «варваров».

Однако торговля (тем более предметами, для вечной жизни бесполезными, если вообще не вредными), как следует из множества мест Библии, — времяпрепровождение далеко не полезное. В «Апокалипсисе» так и вовсе прямо говорится, что более других о падении «великой блудницы, яростным вином блудодеяния своего напоившей все народы» (Откр. 18:2) будут сожалеть цари и торговцы (Откр. 18), во все времена презиравшие созидательный труд. Не случайно Христос был не царем и не торговцем, а плотником, апостол Павел — закройщиком: это профессии созидательные — в противоположность торговле даже нейтральными предметами.

Земледелие, подобно плотницкому и закройному делу, — деятельность созидательная, не случайно не приемлющие Христа евреи чувствовали ее как огня. Это исторический факт, что в XIX веке царское правительство на юге России пыталось приучить этнических евреев к земледелию. (В частности, этим занимался оставшийся в истории благодаря своему благородству знаменитый генерал от инфантерии Инзов, курировавший национальные меньшинства на юге России. Он похоронен под Болградом — о, об удивительном населении этого го-

рода речь еще впереди! — и населявшие его переселенцы с Балканского полуострова, болгары, *добровольно* последние пять километров гроб с телом генерала несли, передвигаясь на коленях.) Итак, царское правительство пыталось создать однородные в этническом отношении еврейские поселения, им выделялись значительные земельные наделы, выдавались ссуды и займы. Казалось бы, исповедовавшие иудаизм евреи (если они исповедовали веру, завещанную Моисеем) должны были благословить царское правительство за то, что оно столь существенно помогло вернуться к тому роду занятий, который завещал им Моисей и пророки. Ан, нет. Через некоторое время во всех этих селениях наблюдалась одна и та же картина: землю обрабатывали батраки из местного населения, преимущественно славянских национальностей, в короткий срок тем или иным образом оказавшиеся в безнадежной долговой кабале у новоявленных землевладельцев. Редкостное единодушие. (Конечно, есть другой пример: кибуцы — сельхозпоселения, возникшие в начале XX века на территории Палестины. Они были организованы евреями — преимущественно выходцами из России. Однако сейчас эти кибуцы уже на стадии разложения, люди бегут, да и в лучшие для них времена процент подобных земледельцев от мирового еврейства был совершенно ничтожен.)

Симон же Киринееянин был человеком характера противоположного: он, напротив, торговлю оставил и перебрался в Иерусалим, чтобы заняться земледелием. Он не мог изменить свою профессию в Киринее по естественной причине: неприязни местного населения ко *всякому* чужаку. Так было всегда, и в особенности в древности: чужаку-одинокке в клановом обществе приходится несравнимо труднее, чем среди соплеменников.

Киринеея не исключение — и об этом можно говорить с уверенностью, хотя психологический климат той местности известен, похоже, только по записям Полибия. «Так, — говорит Тимолеонт, — Ливия заселена вся сплошь, а все же, когда хотят возможно выразительнее обозначить пустыню, употребляют поговорку: „пустынное Ливии“, причем разумеется не безлюдность Ливии, но малодушие ее жителей. Вообще, — прибавляет он, — кому могут быть страшны мужчины, которые всю жизнь остаются без дела и скрывают под платьем руки, этот дар природы, отличающий человека от прочих животных?» (Полибий, XII, 26а:2–4). Трусливые и ленивые народы всегда агрессивны настроены к проживающим рядом с ними национальным меньшинствам — тому множество примеров и в современной жизни.

Итак, еврей, желавший заняться именно земледелием, под Киринеей исполнить свою мечту не мог.

То, что Симон на поле, с которого он шел в день распятия Христа, занимался физическим трудом самолично, а не был надсмотрщи-

ком, следует из того, что его кто-то из римских легионеров выбрал нести крест (слова из Евангелий: «заставили» [Мф.]; «заставили» [Мк.]; «захвативши... возложили» [Лук.]) — и по двум причинам. Во-первых, легионер для грязной работы несения креста за преступником не мог выбрать человека господского вида, а только на вид рядового и неприметного — субординацию римляне блюли, может быть, тщательнее, чем коренное население провинций, тем самым подчеркивая принцип власти. Во-вторых, выбранный человек должен был быть достаточно физически силен, чтобы смочь тяжелый крест не только *поднять* и донести его до места, но и *втащить* на Голгофский холм. Отсюда: Симон был простого вида и физически крепок, что естественно для человека такого вида созидательной деятельности, как земледелие.

Несение креста расценивалось и толпой, и легионерами, несомненно, как наказание, поэтому одним из факторов, определявших выбор легионера, была внутренняя неприязнь ко всякому носителю противоположного нравственного начала — свойства души не скрыть, они проявляются не только в поступках, но прорисовываются и в выражении лица; Симон не исключение. У власть имущих (иерархическое мышление) наиболее глубинная неприязнь всегда направлена только в одну сторону (против самостоятельного, совместимого с Истиной мышления): над Христом легионеры глумились и надели Ему на голову терновый венец, рационализируя свою подсознательную неприязнь тем, что Он, в соответствии с мнением начальства, — преступник; близкую по духу Христу женщину ложно обвинили в прелюбодеянии и чуть не публично казнили; Симона наказали несением креста. И наоборот: из *толпы*, гнавшей Христа на Голгофу, легионеры не выбрали для этой цели *ни одного!* Они не ошибаются никогда: ни в выборе жертв, ни в подборе союзников.

Но Истина сильнее их даже, казалось бы, в подвластном им мире: Христу *они* помогли завершить служение, короновав Его и прибавив дощечку с надписью, что Он — Царь Иудейский; женщине, взятой якобы в прелюбодеянии, *они* помогли преодолеть пространство для буквального знакомства с воплощенным Христом; Симону же (а возраст всякого мудрого человека учит осмотрительности и неспешности в решениях и заведении новых знакомств) *они* помогли преодолеть скептицизм зрелого человека к якобы новому (которое, как известно, есть забытое старое). Не удивлюсь, если в вечности узнаю, что Симон шел навстречу Христу не один, а вместе с работниками с других полей — но легионер из неприязни выбрал именно его...

То, что Симон Кириянин в ту ночь и утро, когда Христа различные инстанции властной иерархии («дракон») приговаривали к смерти, был в состоянии спокойно работать в поле, а не с ужасом

наблюдать за происходящим в столице в соответствующих зданиях внушительной архитектуры, говорит о том, что Симон в число буквальных учеников Иисуса не входил. Впрочем, это также говорит и о том, что он не принадлежал и к активистам национальной веры — иначе бы он стоял у дверей синедриона, а затем на площади перед Лифостротомом, криком требуя у Пилата утверждения смертного приговора.

Само упоминание в Евангелии сыновей Симона Александра и Руфа говорит о том, что люди эти в христианском братстве были неизвестны, а это в первоапостольское время, весьма вероятно, могло означать то, что *они ходили у Иисуса в учениках*.

В таком случае, Александр и Руф, приходя к отцу, рассказывали о своей новой жизни и особенном мировосприятии, тем не менее отец к ним не присоединился (это следует из того, что крест нести его пришлось *заставлять*, следовательно, он с Иисусом знаком не был; если бы Симон подсознательно относился к Иисусу равнодушно — то нести крест такой самостоятельный человек попросту отказался бы, это бы стоило ему лишь пару ударов от легионера). Умудренный годами отец, привыкший, с одной стороны, к несовмещению с толпой, а с другой стороны — к пустоте накатывавшихся время от времени волн сектантского религиозного фанатизма, был, возможно, равнодушен вообще ко всем религиозным *формам* — но не к Истине; и к Иисусу не спешил.

Это может показаться странным, ведь Симон, как легко удостовериться из на удивление подробных о нем евангельских повествований, был человеком на пути Христа еще более не случайным, чем его сыновья. Разумеется, если он не присоединился к ученикам Иисуса из Назарета до Великой Пасхи, то тому причины были. Приведем только одну — но существенную. Неприятие образа мышления толпы и, как следствие, ее ценностей вело к тому, что Симон толпу избегал. Толпа вообще, и, в частности, тех, которые, не понимая и не принимая Иисуса, все равно вокруг Него теснились и «Его теснили» (Мк. 5:24, 5:31; Лук. 8:42, 12:1; и др.). **Одним своим присутствием толпа извращала смысл происходящего** и тем препятствовала Симону (уже не первый год бывшему не *как все*) прийти Христу на помощь раньше. (Тема толпы в понимании судьбы Симона очень важна, позднее мы к этому еще вернемся!) Симон уже давно понял, что там, где толпа, — там Истины нет. И быть не может. Но на пути к Голгофе толпа не заслоняла Христа от Симона, она теснилась позади, **крест Свой к Кириянину Он нес один...**

Итак, на дороге встретились два далеко не случайных человека: первый — Симон, который уже давно исподволь стал поступать *не как все*, и притом отклонялся только в созидательную, умную, пра-

вую сторону; который воспитал *таких* двух сыновей; Симон, который перешел на более низкооплачиваемую, но нравственно более здоровую работу; а второй — Христос, обстоятельства жизни Которого, начиная от самого рождения до бытовых обстоятельств, при которых Его предали, пророки предсказывали еще за сотни лет до Его воплощения (были предсказаны даже 30 сребреников). У неслучайных людей и встреча всегда неслучайна. Как и этой встречи обстоятельства.

Итак, они встретились. Встретились, чтобы их поражающее воображение общение было запечатлено в лучшей из книг на века и тысячелетия.

Очень важно уразуметь, усилиями кого из двух: Симона или Иисуса, — им удалось не разминуться и встретиться в нужное время и в нужном месте? Кто к кому шел навстречу целенаправленно?

В Евангелии описано несколько встреч Иисуса с будущими Его учениками, и всякий раз именно Он брал на себя инициативу как пространственного сближения, так и начала собственно словесной беседы. Так было в случае с женщиной-самарянкой (Иоан. 4), у которой Он попросил напиться и тем ей, привыкшей к пренебрежению со стороны иудеев, выказал Свое уважение; так было и с Закхеем (Лук. 19), когда тот сидел на дереве, — именно Христос подошел и Сам напросился на ужин к унижаемому фарисеями мытарю; и к расслабленному (Иоан. 5), которого 38 лет болезни приготовили, наконец, к восприятию Истины, Господь тоже подошел первым; а к женщине сиропфиникиянке (Мк. 7) Сын Человеческий, покинув пределы населенной евреями Галилеи, шел и вовсе целенаправленно, не жалея натруженных ног, шел несколько дней!

Что же получается? И сейчас, в день Великой Пасхи, когда Иисусу оставалось жить всего шесть часов, да и то мучаясь от боли на кресте, Он по-прежнему был озабочен не только, а может и не столько своей гибелью, но и тем, как *помочь Симону*, человеку, идущему к Нему не первый год, *чуть пораньше* обрести целостность в восприятии мира?

Был ли Симон ведóm Духом Святым, когда выбирал время, чтобы уйти в то утро с поля?

В какой-то мере Симон в своей жизни Святому Духу следовал. Но лишь отчасти, смутно, гадательно, иначе бы он присоединился к ученикам Иисуса (и, возможно, к своим сыновьям) задолго до Великой Пасхи. Следовательно, время уйти с поля он вряд ли выбрал по велению Духа. И вновь получается, что именно Христос приспособивался к ритму желаний и поступков Симона, именно Спаситель выбирал момент для *Своего* выхода — на казнь и к Симону. Ведь даже до самой последней минуты Своего земного служения Он не переставал отдавать Себя тем, ради кого теперь и шел на Голгофу.

Согласитесь, именно в таких деталях и раскрываются особенности личности Плотника из Назарета, о Котором тысячи лет спорит такое количество людей!..

Как, каким образом можно повлиять на события так, чтобы в ситуации, в которой все решают другие, тебя под стражей вывели в нужный *тебе* момент? Каким образом Спасителю удалось добиться нужного ритма — ведь Он, в принципе, никого не принуждает? Может быть, Спаситель, ожидая нужную минуту, время *тянул, делая вид*, что еще не готов идти? Или, напротив, палачей *торопил*? Если последнее, то это особенно ужасно: человек, умевший жить и потому жизнь ценивший, но безвинно приговоренный к казни, ради другого человека, который и руки-то Ему не подал и остерегался это делать, ради *«некоего Кириянина Симона»*, Сам торопит Своих палачей...

Так тянул время (делая вид, как актер) или торопил? Иисус, чтобы оттянуть время, комедианствовать, изображая малодушие или неготовность, просто *не мог* — это не Его, это обман, и не в Его характере. Христос, если на палачей и воздействовал — чтобы присутствие Божие и не меняло существенным образом оказавшихся с Ним рядом?! — то именно *торопил*. Технически это было несложно: истязавшие Его и затем короновавшие терновым венцом легионеры жаждали поскорее Его также и распять, и чтобы их сдерживаемое желание переросло в страсть, Ему достаточно было *лишь в чуть большей степени явить Себя как Истину и жертвующего Собой Бога* — и злоба солдафонов утроилась... Со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде боли от ударов.

Впрочем, Он мог ускорить события и на Лифостротоне — по тому же механизму. Мнение толпы разделилось, хотя большинство, очевидно, кричало за распятие. Стоило Христу чуть больше явить Свою божественность, и крики стаи переросли в рев.

Решение Пилата должно было последовать незамедлительно.

И столь же после этого незамедлительно — на казнь.

В сопровождении той же толпы, которая неделю назад оттесняла Симона воплями «Осанна!» въезжавшему на предсказанном пророками ослике в Иерусалим...

Христос торопился; торопился, чтобы успеть вовремя и не разминуться с Симонам, который мог свернуть с главной дороги в переулочки города — и потеряться. Но идти на много лет подготавливаемую встречу было трудно и очень больно: саднила исполосованная бичами спина, силы ушли вместе с истекшей кровью; да и ненависть окружающих сама по себе имеет свойство убивать и потому лишает сил...

Но Он шел, как и всякий в Его положении человек — деревенея от боли (а Он был во всех смыслах человеком, и боль Им переносилась ничуть не легче, чем кем бы то ни было из нас), спотыкаясь от потери крови и сил, ни на минуту при этом не забывая, что если Он упадет, упадет *раньше* допустимого, упадет тогда, когда упал бы и не поднялся под тяжестью креста всякий другой, столь же иссеченный бичами человек, то нести крест заставят не Симона, а кого-нибудь из заживо умерших зевак, — а это все без пользы.

И Он шел, падал, — но мучительно торопился подняться; и опять шел — с трудом переставляя ноги, пока впереди не показался тот, ради кого Сын Человеческий в те минуты мучился от особой боли быстрого шага, боли, которой могло бы и не быть... И это перед распятием-то!..

Он победил и здесь, дошел — вовремя!

Подобно той женщине, взятой якобы в прелюбодеянии, которая медлила прийти ко Христу и которую за волосы притащили на край гибели — но и к спасению! — и дали ощутить, как меняется жизнь, когда до Спасителя шаг шагнуть и рукой можно дотронуться; так и Симон приказом легионера был под страхом если не смерти, то избияния, просто вынужден ощутить на своих плечах дерево креста. Дерево, порыжевшее от крови — но крови, как оказалось, Симону не чужой...

Кто знает, не вспоминал ли Симон всю последующую жизнь, что он на поле управлялся в тот день *как всегда*, а не как-то особенно, побыстрее, чтобы чуть пораньше перехватить странный дар?..

Евангелия на древнегреческом языке, на котором они были изложены, представляют собой единый, непрерывный текст без пробелов — даже между словами и предложениями. Деления на главы и стихи в древности тоже не было. Произведено оно было только в средние века. При этом, как до сих пор сетуют поколения внимательно читающих Библию, деление на главы было проведено неумно, нередко новая глава начиналась с середины эпизода, тем его разрывая надвое и лишая поверхностных читателей благословения.

Позднее на части предглавной аннотацией были разделены также и сами главы — с тем же результатом. Пострадал и эпизод с Симонам Кириянеином. В западноевропейских переводах текст Лук. 23:27–31 оказался изолированным от Лук. 23:26. Подобное деление, если им не пренебречь, как бы исключает Симона из событий Лук. 23:27–31, — а это уничтожение смысла одного из прекраснейших мест Священных Писаний!

О чем же повествуется, если коротко, в Лук. 23:26–31?

В нескольких шагах позади трех приговоренных к смерти к месту публичной казни идет, как в таких случаях всегда и бывает, *тол-*

па. (В подлиннике идет именно *ohlos* — толпа, чернь, сброд, прежде всего, нравственного порядка, а не *demos* — народ, нечто не существующее, идеальный образ в рассуждениях философов в их трудах о нравственном и целесообразном устройстве государства; эта подмена смыслов на совести переводчиков и их нанимателей).

И шло за Ним великое множество *народа* [*ohlos*] *и женщин*, которые плакали и рыдали о Нем.

(Лук. 23:27)

Появился народ [*ohlos*], а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда.

(Лук. 22:47)

Там распяли Его... И стоял народ [*ohlos*] и смотрел. Насмехались же вместе с ними и начальники.

(Лук. 23:33–35)

Персонаж всюду один и тот же — *ohlos*.

Но теперь, на пути к Голгофе к той части публики, которая располагала временем (собственно *ohlos*), присоединились в точности такие же по образу мышления, но поглощенные домашними делами и потому не могущие себе позволить ходить по ночам толпами, — *женщины*.

Иными словами, позади Христа шли те, кто у Лифостротона во всю силу легких требовал у Понтия Пилата: «Распни Его!», те, кто предпочел всем остальным делам дежурство у синедриона; те, у кого было время и желание всю ночь и часть утра ходить вслед за Иисусом, когда Его препровождали из одной карающей инстанции в другую, и теперь к ним присоединились и занятые домашним хозяйством, шпынянием детей и отравлением существования своим мужьям домашние хозяйки.

Публичные казни «для назидания» проводились и до Христа, продолжились они и в последующие после Его распятия века, и, как свидетельствуют историки, в публичных казнях во все времена особенно деятельное участие принимают именно женщины. Неважно: насмеваются они, пинают ногами еще не остывший труп неизвестного им человека, плачут или делают то и другое одновременно — они, домашние хозяйки, являются выразителями чувств толпы.

Итак, идущая к месту казни толпа умножилась за счет определенного рода женщин. И опять-таки, как это обычно бывает, дамы все были в рыданиях — выдающих **всего лишь сильную эмоциональную вовлеченность в происходящее**. В групповой казни на Голгофе более других привлекать к себе внимание должен был, естественно,

Иисус — по цветовым соображениям. Домашних хозяек всегда привлекали и привлекают цветастые предметы, а у Христа спина, в отличие от спин разбойников, была в красных пятнах крови — после 39 ударов (с оттяжкой) бичом, в концы которого по обычаю того времени были вплетены кусочки свинца, от удара которыми лопалась кожа.

Можно, конечно, порассуждать о том, что чувства домашних хозяек оскорбляла несправедливость: ведь по уходящей в глубь веков традиции всех народов за *одно* преступление *дважды* не наказывали. В обычае было, что если при повешении веревка обрывалась, то это считалось перстом Божиим, и второй попытки казнить не предпринималось. Правитель, приказывавший этот обычай нарушить, оставался в памяти народа как изверг. Однако, если мысли о производимой несправедливости у женщин, присоединившихся к идущей от Лифостротона толпе и естественным образом с ней слившихся, и присутствовали, то не могли играть существенной роли — *они были толпой*. Не рассуждения определяли поведение домашних хозяек: известно, что психология людей, которым свойственно собираться в толпы, такова, что они не упускают возможности присутствовать повсюду, где возможны острые переживания, — по любому поводу. При этом часто рыдания производятся таким образом, чтобы по возможности наибольшее количество присутствующих обратило на это внимание.

Итак, присоединившиеся к толпе женщины сноровисто плачут.

На это их внешнее проявление возможны три типа реакций:

- можно выдать происходящее с ними за нечто возвышенное;
- можно объяснить происходящее типичными для толпы низкими чувствами;
- можно плач не заметить и не поддаться на попытку манипулирования окружающими.

Иисус заметил, обернулся и высказался — отрицательно.

Что интересно.

Истолковать происходящее можно только с учетом особенностей души Иисуса, Сына Божьего, Истины.

Всякий на Его месте любимец толпы-публики (в наше время, скажем, автор так называемых «дамских романов» — чтива для домашних хозяек и вообще всех, кто, мягко выражаясь, не удовлетворен супружеством), естественно, не преминул бы упрочить свое положение перед аудиторией рассуждениями о нравственности, глубине и чуткости женского сердца вообще и влившихся в толпу в частности, — и все это с обильной слезой.

Но Христос есть Истина, «слова ласкательства» (1 Фес. 2:5) Ему чужды, потому, обернувшись в сторону следовавшей за Ним толпы, Он не сделал того, что в подобном пейзаже сделал бы автор или чи-

татель бульварных романов — конвульсиями рыданий не восхитился. **Напротив, самовлюбленные сердца Он оскорбил словами о том, что печальна вовсе не Его участь, а участь воспитываемых этими женщинами детей, и детей их детей** (символический смысл слова «дети» — потомки вообще). В сущности, Он являл свет той части Истины, которая ныне известна даже рядовым психоаналитикам: что женщины типа «как все» живут отнюдь не для своих детей, как они утверждают и на основании чего требуют содержания и массы привилегий (повод, в нашей цивилизации считающийся убедительным). В самом деле, если бы идущие за Господом сплоченной стеной домашние хозяйки жили действительно для своих детей, то участь их детей в вечности была бы противоположной от прореченной пророками — дамы же, напротив, комедиантствуя в изображении любви, живут для себя.

Была ли польза «*дщерям иерусалимским*» от слов Господа Истины?

Стоило ли ослабленному событиями последних суток Сыну Человеческому *тратиться* на столь нелицеприятные высказывания, ведь из Его же собственного пророчества следует, что судьба детей толпы все равно, мягко выражаясь, печальна, следовательно, эти женщины в массе своей не только не покаются до сих пор, но не раскаются и в будущем? Более того, подобные слова у толпы могли вызвать по отношению к Нему только дополнительную волну озлобления? Зачем говорил? Не напрасно ли Он потратил Свои и без того исчезающие от боли и направленной на Него ненависти силы?

Евангелие написано только для ищущих Истину, ищущих ее повсюду, во всех ее проявлениях. Размышляющий же при анализе любой беседы не упустит из виду **всех** участников события — зримых и незримых.

Зримые участники — понятно; незримые же, в простейшем случае, это те, кому сказанные слова могут быть переданы. Другой простейший вариант: не все участвующие в беседе *упомянуты* в данном стихе или даже целом отрывке Писаний, но подразумевается, что они присутствуют. Например, когда читаем как Иисус обличал фарисеев в безумстве (Мф. 23), а они никак в положительном, с точки зрения вечности, смысле на Его слова не реагировали, то может создаться впечатление, что Христос напрасно сотрясал воздух. Но это не так, если вспомнить, что при этом разговоре, кроме фарисеев и Христа *присутствовали еще три категории слушателей*.

Во-первых, присутствовали обычные люди, и для некоторых из них услышанный разговор мог стать основой для дальнейших размышлений.

Во-вторых, присутствовали будущие апостолы, и слышанное входило в курс их обучения.

В-третьих, происходящее лицемерие вся Вселенная, и разговор этот, и выявляемая реакцией фарисеев нечувствительность учителей нации к истине, их, по сути, беспробудная тупость — еще один штрих к осмыслению кошмара греха, охватившего нашу планету;

В-четвертых, услышали и потомки.

Иисус, якобы беседа с неспособными понимать что-либо благое фарисеями, не сотрясал воздух, но действовал во благо сразу многих.

Итак, Христос обратился к *ohlos*'у и плачущим «*дщерам иерусалимским*» сообщить, что их образ мышления никуда не годится. Слова Его для толпы были бесполезны, о чем мы и узнаем из пророчества Христа о гибели для вечности их детей.

Но слова Его не бесполезны: **говорил Христос через голову Симона!** Да, позади Христа, но впереди толпы, шел Симон с окровавленным крестом на плечах — главное для Христа лицо в этом эпизоде!

В окружающей нас жизни **каждый человек всегда слышит только то, что, пережив и осмыслив, дорос понимать**, или хотя бы *почти* понимать. Только тогда слова собеседника становятся для него наполненными смыслом, значащими словами. В каком смысле мог понять слова Христа Симон? Только под углом зрения своего жизненного опыта: притягивания или отталкивания тех или иных категорий населения им самим и, наоборот, притягивания или отталкивания его теми же группами.

Симон привык слышать, как религиозные вожди (и киринейские, и иерусалимские) прославляют *ohlos* как последнюю инстанцию мудрости, что доказывается, естественно, прежде всего тем, что этот народ, им, этим вождям, подчиняется. Для Симона же это был пройденный этап, соответственно, он не принял не только стиль мышления толпы, но и вождей. Они же, в отместку, считали его, мягко выражаясь, неумным. И вот этот непонимаемый и непонятый Симон, *рыжий и победитель*, собственными ушами слышит мысли, созвучные его собственным!!

Те мысли, за которые он становился разве что не изгоем!

В сущности, в тот момент, когда Христос на пути к Голгофе пророчествовал, произошло в точности то же самое, что и в случае с женщиной-самарянкой у колодца (Иоан. 4). Ортодоксальные иудеи не брали ничего из рук самарян, объясняя это опасностью якобы оскверниться, но на самом деле демонстрируя свое мнение, что самаряне есть, в сравнении с иудеями, скверна, чем подпитывали чувство своего превосходства. Потребность в нем у людей толпы столь сильна, что даже истомленный жаждой иудей не принял бы воды из рук самарянина. *Иисус тем, что попросил воды из рук самарянки, ее возвысил, разогнул, поднял с колен, встал с ней на один уровень*. Точно так же слова Иисуса, обличающие верующую своим вождям, но чу-

ждуя Истине толпу, — слова неприятия — в сущности, *возвысили, разогнули и подняли с колен «не такого как все» Симона*. Иисус оказал-ся его, Симона, единомышленником!

Что же еще Христос, обращаясь в сторону толпы, сказал Симону?

...Ибо приходят дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие!»

Тогда начнут говорить горам: «падите на нас!» и холмам: «покройте нас!»

Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?

(Лук. 23:29–31)

Это был язык символов, который был понятен в те дни в Иерусалиме любому, точно так же, как он понятен и в наши дни каждому, кто пусть и не очень внимательно, но Библию все-таки читает.

«*Зеленеющее дерево*» — сам Иисус, праведник, явно оклеветанный и приговоренный к смерти. Неплодное, «*сухое дерево*», образ в речах Иисуса достаточно частый, — это сам Израиль, за полторы тысячи лет до рассматриваемых событий призванный владеть истиной, но ее утративший и даже распинающий. «*Ибо, если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?*» Оно тройне обречено на смерть. Но только, в отличие от всякого зеленеющего дерева, на смерть вечную.

«*И войдут люди в расщелины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю*» (Ис. 2:19). Это сказано пророком Исаией, певцом мученического, но победоносного Первого Пришествия Господа, сказано за 600 лет до Его воплощения, и речь здесь идет о Третьем Пришествии, когда грех вместе с его носителями *самоуничтожится в огне неприязни к Господу*, и взамен земли, оскверненной грехом, *воссоздана будет «новая земля» справедливости*.

Образ истерической попытки спрятаться от неминуемого воздаяния использовался пророками во все времена и обозначал не только события отдаленные (скажем, Второе Пришествие), но для истории греха и конечные (Третье Пришествие). Естественно, что упорствующие во зле расплачиваются уже самой жизнью своей, *такой* жизнью; расплачиваются они также и общением с себе подобными. Таким образом, пророчество о людях, страдающих от безысходного состояния души, состояния, в котором необратившиеся будут жаждать закопаться и забросаться, четырехуровнево:

- настоящее,
- ближайшее будущее,
- Второе Пришествие,
- Третье Пришествие.

И истреблены будут высоты Авена — грех Израиля; тернии и волчцы вырастут на жертвенниках их, и скажут они горам: «покройте нас», и холмам: «падите на нас!»

(Ос. 10:8)

И цари земные и вельможи... говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?

(Откр. 6:15–17)

Всякий человек склада Симона любит прямое недвусмысленное слово, без всяких «ласкательств», которые суть лизоблюдство и обман, с помощью которого подчиняют и поднимаются по ступеням иерархии. Подхалимством и лестью, в противоположность людям типа Симона, особенно грешат те, кого снедает жажда популярности (список органов тела дракона [устоявшихся профессий] огромен, упомянутые авторы «дамских романов» и фарисеи любой национальности — лишь два постоянно действующих органа). И вот наконец-то в своей жизни Симон услышал слово мужчины, не боящегося и не стесняющегося называть вещи своими именами, услышал правду.

Сказано было предельно отчетливо: гореть вам в озере огненном, послушные своим царям зеваки, отцы которых не понимали пророков и их убивали!

В этих словах угадывалась и судьба тех, кто с толпой не совмещался: ищущим стать личностью все Пришествия Истины — в радость.

Такой *лаконичной* проповеди о неизбежных Пришествиях Симону, обладателю мозолистых рук, оказалось вполне достаточно.

И Симон не единственный.

Я знаком с сыном итальянца, пожелавшего после Великой Отечественной остаться навсегда в разоренной России. Сын еще молодым, вполне типичным парнем работал на обжиге извести. Известковая печь обычно представляет собой круглую вертикальную печь-яму, для удобства загрузки и выгрузки вкопанную в обрыв над рекой или озером, диаметром метров в шесть-семь, выложенную огнеупорным кирпичом. Топливо и известняк загружают сверху простейшим способом, просто ссыпая их в яму сверху. Готовую продукцию выгребают снизу, под обрывом, там делается стальная заслонка. Когда идет обжиг, то печь-яма работающими наверху воспринимается как сплошное море все испепеляющего огня — ни дать ни взять озеро огненное, то самое, с которым в «Апокалипсисе» сравнивается смерть вторая (Откр. 20:14): от попавшего в это озеро не остается ничего — даже памяти. Насчет «ничего» образ вполне верный — кости упавшего случайно в эту яму человека будут пережжены в россыпь извести, неотличимую от извести, получаемой из известняка.

Так вот, этот молодой человек работал наверху, как раз у края ямы. То ли он не выспался, то ли не проспался и потому плохо контролировал свои движения, то ли он споткнулся, а может *так было надо*, но он оступился и начал, как в жутком сне, проваливаться вниз, вниз, в огонь...

Казалось, гибели не избежать, ан — нет. Успел-таки оказавшийся рядом (случайно?) человек извернуться и перехватить падающего — за шиворот! И в таком положении, еще не выпуская из руки воротника парня, на краю озера огня, рассказал ему и про Второе, и про Третье Пришествие Христа, и про Первое тоже (все это происходило в коммунистические времена, за такие слова можно было загреть котелком по зоне, но это не останавливало — и гремели), про смерть временную до дня Воскресения и смерть вечную, про огненное озеро и жизнь вечную.

Парень оказался сообразительным не меньше Симона — *ему хватило*. Он больше не умножал на своем теле татуировок и к бутылке больше не прикладывался. Теперь он христианин *нашей* Церкви. Невидимой и неиерархичной.

А не совмещающемуся с толпой Симону хватило слов даже более лаконичных... Правда, и на воротнике (опять — воротник! детей обычно за ворот хватают, когда те нетвердо шагают), и на плечах его остался след крови — ему родной...

Такова седая от древности история обращения человека, долго о своем обращении не ведавшего и многие годы себя до конца не осознававшего. История самая, наверное, из всех евангельских биографий потрясающая — своей насыщенностью образами запредельного психологического и духовного воздействия.

Не случайно ее Сам Иисус «приберег» к концу, к последним минутам Своего земного служения. Тем минутам, которые Его последователи будут вспоминать во всех подробностях.

Ввиду важности этого эпизода, отчетливости, с которой Христос противостоял толпе, столь совместимой с фарисеями и торгашеской психологией, стоит ли удивляться, что умеющие быть популярными столетиями о Симоне Кириинеянце внушали, что, дескать, и известно о нем мало, и человек он на пути Христа к Голгофе случайный. Откройте популярные комментарии, убедитесь...

Но Симон — человек далеко не случайный, и рассказано о нем много.

Один только Лука (обращенный из язычников) привел слова Христа, обличившего рыдающих женщин — он знал нужды тех, для кого писал. И знал их способность *видеть* и увиденное *понимать*.

Красиво, глубоко, но лаконично рассказана история жизни Симона евангелистом Марком:

«И заставили проходящего некоего Киринеянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его».

Можно ли еще короче пересказать жизнь человека?

Можно. И это сделал евангелист Матфей.

«Встретили одного Киринеянина... сего заставили нести крест Его».

До встречи, Киринеянин!

Глава двадцать четвертая

ГРЫЗНЯ ВНУТРИ СТАИ – ОДИН ЕДИНСТВЕННЫЙ СЛУЧАЙ

(Синкретический подход – совмещение биологического, исторического и теологического подходов)

Цитированный выше (в «Биологическом подходе») лауреат Нобелевской премии Конрад Лоренц со ссылкой все на того же Штайнигера пишет о том, что **грызня внутри стаи крыс возможна, но только в одном единственном случае!**

Это принципиально важный случай, который в силу своей единственности позволяет решать и обратную задачу: *из того, что внутри стаи крыс, обычно живущей по принципам сектантски понятого «христианства», началась грызня, следует, что в ее жизни появился новый фактор!*

То, что делают крысы, когда на их участок попадает член чужого крысиного клана — или он подсаживается экспериментатором, — это одна из самых впечатляющих, ужасных и отвратительных вещей, какие можно наблюдать у животных.

Чужая крыса может бегать с минуту или даже больше, не подозревая об ужасной судьбе, которая ее ожидает, и столь же долго местные крысы могут заниматься своими обычными делами, — до тех пор, пока наконец чужая не приблизится настолько, что ее, чужую, хотя бы одна учует. Тогда она вздрагивает как от электрического удара, и **в одно мгновение вся колония** (курсив наш. — А. М.) оказывается поднятой по тревоге посредством передачи настроения. (У серых крыс передача настроения осуществляется лишь выразительными движениями, а у черных — еще и резким, сатанински-пронзительным криком, который подхватывают все члены стаи, услышавшие его.) От возбуждения у них глаза вылезают из орбит, шерсть встает дыбом, — и крысы начинают охоту на крысу. Они приходят в такую ярость, что если две из них (своих!) натянутся друг на друга, то в первый момент

обязательно с ожесточением кусаются. «Они сражаются в течение трех-пяти секунд, — сообщает Штайнигер, — затем основательно обнюхивают друг друга, сильно вытянув шеи, и мирно расходятся. В день травли чужой крысы все члены стаи относятся друг ко другу раздраженно и недоверчиво». Очевидно, что члены крысиного клана узнают друг друга не персонально, как, скажем, галки, гуси или обезьяны, а по общему запаху, точно так же, как пчелы и другие общественные животные.

Как и у этих насекомых, можно в эксперименте поставить на члена крысиной стаи штамп ненавистного чужака, и наоборот — с помощью специальных мер придать чужой крысе запах стаи. Когда Эйбл брал животное из крысиной колонии и пересаживал его в другой вольер, то уже через несколько дней, при возвращении в прежний загон стая встречала его как чужого. Если же вместе с крысой он брал из загона почву, хвост и т. д. и помещал все это на пустое и чистое стеклянное основание, так что изолированный зверек получал с собой приданое из таких вещей, которые позволяли ему сохранить на себе запах стаи, то такого зверька безоговорочно признавали членом стаи даже после отсутствия в течение недель.

Поистине душераздирающей была участь одной черной крысы, которую Эйбл отсадил от стаи без травы и т. д., а затем вернул в загон в моем присутствии. Этот зверек очевидно не забыл запах своей стаи, но не знал, что сам он пахнет по-другому. Поэтому, будучи перенесен в прежнее место, он чувствовал себя совершенно надежно, он был дома, так что свирепые укусы его прежних друзей были для него совершенно неожиданны. **Даже после нескольких серьезных ранений он все еще не пугался** и не пытался отчаянно бежать, как это делают действительно чужие крысы после первой же встречи с нападающим членом местного клана. Спешу успокоить мягкосердечного читателя, сообщив ему, что в том случае мы не стали дожидаться печального конца, а посадили подопытного зверька в родной загон под защиту маленькой проволочной клетки и держали его до тех пор, пока он не возобновил свой «запах-паспорт» и не был принят в стаю.

(К. Лоренц. Агрессия)

Приведенный пассаж мэтра необходимо прокомментировать.

Основополагающие факты:

- **появление чужого вызывает грызню между своими;**
- *чужой* становится *своим* после пребывания **в окружении** стаи;
- *свой* становится *чужим* вне воздействия стаи, оказавшись пространственно вне ее;
- в оценке происходящего задействованы моментальные процессы, по скорости отличающиеся от скорости процессов узнавания при обнюхивании своего своим.

В толкованиях приведенных мэтром фактов есть несуразности. Например, в них все сводится к обонятельным рецепторам. Это для умеющих получать премии от высших иерархов (Нобелевский комитет состоит преимущественно из госчиновников) удобно. Интенсивность запаха, в отличие от визуальных и акустических параметров, до сих пор аппаратно не измеряется. Например, даже суперсовременные приборы не в состоянии зафиксировать в питьевой воде присутствия примеси мыла, небольшой, но вполне достаточной для того, чтобы отведавшего этого «напитка» человека или даже просто его понюхавшего начало мутить. Итак, для объяснения происходящего в стае мэтром взят — несмотря на его, казалось бы, материалистический подход — параметр, приборно не измеримый. Более того, экспериментальные результаты затемняются в угоду суверенитизму.

Мэтр однако замечает, что *не визг* крыс является причиной консолидации стаи для нападения, звуки процесс лишь сопровождают. Иными словами, визг может быть, а может и не быть — консолидация же воинов стаи все равно происходит, и они *знают*, в каком направлении смыкать ряды для предстоящего убийства.

Итак, если причина не акустического свойства, так, может быть, и запах — тоже феномен, передачу информации всей стае лишь сопровождающий?!

Если это так, то многое становится понятным.

А некоторые штрихи экспериментов и вовсе могут быть объяснены еще более естественно.

Например, роль травы в сохранении жизни отсаженной крысы.

Если у стайной крысы, так же, как и у человека в толпе, критическое мышление отсутствует, то ею управляет определенная часть образного мышления — травмы прошлого. Для того, чтобы *человека* сохранять проваленным в невроз, достаточно его, истощенного психически, оставить наедине с предметом, который *находился у него перед глазами в момент получения травмы*. Например, если излучающий некрополе маньяк ударил человека сзади дубиной по голове в тот момент, когда тот смотрел на оранжевую селедку, то впоследствии всякая оранжевая селедка будет у него вызывать невротические головные боли. Если человека встроили в шеренгу *и* — когда он от многочасового стояния и усилий понять смысл произносимой вождем речи совершенно отупел — *в этот момент внесли красное знамя*, то впоследствии, при всяком появлении красного знамени он будет становиться послушным и вялым. Так и крысы. Нахождение в стае аналитическому мышлению не способствует, и если крысу, жертву эксперимента, удалить вместе со знакомой ей *до боли* травой, то она останется в своем неврозе послушания вождю.

Если согласиться, что *чужой* распознается крысиной стаей психоэнергетически (если угодно, подсознательно), то «удостоверением» в первую очередь становится ее произвольно излучаемая преданность стае, точнее вождю; иначе говоря, изменила ли она своему *неврозу* (а следовательно, и данному вождю), чувствуется сразу. Находится ли она в той же «картинке» транса, что и остальные члены стаи, *или нашелся вождь, нанесший ей более значимую для нее теперь травму?*

Чужой в данном случае — это не рожденный свыше и даже не покающийся (для начала критического мышления), а просто сменивший невроз.

Таким образом, трава для отсаженной крысы могла служить всего лишь невротизирующим якорем. Уважаемый мэтр, **принадлежность стае — это не запах, а состояние души!**

Теперь рассмотрим пересказанный Лоренцом случай с чужой крысой, которая была подсажена в стаю *в клетке*, — она прожила под охраной решетки *внутри* стаи несколько дней и стала восприниматься стаей (вождем) как вполне *своя*. Как было показано в «КАТАРСИСЕ» в главе «Дети мои! Женщины пахнут!» психокатарсическое освобождение от мусора внушений и травм приводит к изменению всего человека, включая и мировоззрение, и даже исходящий от него индивидуальный запах. Аналогично и крыса под проволочной клеткой посреди вольера становилась *своей* не потому, что пропитывалась запахами, а потому, что становилась *своя* вся, душой, в том числе — и не более — изменялся и ее запах! Она «запахла» вождем!

Иными словами, причина вовсе не в запахе, как то утверждает хорошо оплаченный драконом (верхушкой политической иерархии) дарвинист Конрад Лоренц, запах — лишь сопровождающий фактор. Который подобно воинственному визгу при убийстве крысами крысы может быть, а может и не быть.

Запах, безусловно, наличествует всегда, но его распознавание, как следует из продолжительности узнавания по обнюхиванию двух куравшихся *своих* крыс, требует значительно большего времени, чем те краткие мгновения, достаточные для распознавания *чужого*.

Так что извини-подвинься, мэтр.

Приведенные результаты экспериментов чрезвычайно важны для осмысления событий человеческой истории — ее движущей силы. Если в стае все *свои* (есть сверхвождь), и она занимает весь вольер (материк, полуостров), то она спокойна и лишь развлекается, порой умеренно казня только из эстетических потребностей. Если в вольере помещены несколько стай, а сверхвождя нет, то субвожди выясняют между собой отношения — это гражданские войны (если народы —

носители объединяющих невроз — перемешались) и межэтнические (если не перемешались).

Но самое страшное озлобление у вождя и, в особенности, у сверхвождя (а потому и у всей стаи) вызывает не просто не успевший ему переподчиниться, а *Чужой*...

В этом месте биологический и исторический подходы сливаются с богословским.

Обратимся к событиям, происходившим в ту предпасхальную неделю в Иерусалиме, когда был распят Христос.

На другой день множество народа [*ohlos*], пришедшего на праздник, услышавши, что Иисус идет в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна (*др.-евр.* «хощианна» — «спаси нас, молим»; таким возгласом встречали царей. — *А. М.*)! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!
(Иоан. 12:12, 13)

Ученики пошли и поступили так, как повелел им Иисус: привели ослицу и молодого осла и положили на них одежды свои, и Он сел поверх их.

Множество же народа постилали свои одежды по дороге, а другие резали ветви с деревьев и постилали по дороге;

Народ же, предшествовавший и сопровождавший восклицал: осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в вышних!

И когда вошел Он в Иерусалим, весь город пришел в движение и говорили: кто Сей?

Народ же говорил: Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского.

(Мф. 21:6–11)

И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне!

Благословенно грядущее во имя Господа царство отца нашего Давида! осанна в вышних!

(Мк. 11:9, 10)

И когда Он приблизился к спуску с горы Елеонской, все множество учеников начало в радости велегласно славить Бога за все чудеса, какие видели они.

Говоря: благословен Царь, грядущий во имя Господне! мир на небесах и слава в вышних!

И некоторые фарисеи из среды народа сказали Ему: Учитель! запрети ученикам Твоим.

Но Он сказал им в ответ: сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют.

И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем.

(Лук. 19:37–41)

Да, к Иерусалиму приближался *Чужой*.

Он шел, и никто, никакая сила остановить Его не могла; и «*Вавилон*» это чувствовал.

Никто не обманывается, когда на него надвигается смерть, и еще есть надежда ее избежать.

Разбухший от наплыва религиозных туристов город лихорадило. Улицы были полны молящимися торговцами, прибывшими со вкусом и в лучших традициях растратить часть добытых обманом или в наглую и открыто серебряных и золотых денег.

Город был как бы захвачен восторженными людьми, очищающимися, как им казалось, самой только близостью древних, необыкновенного прошлого, камней мостовых, и в набожных позах обменивающимися вестями о стоимости товаров в различных частях ойкумены.

Была весна, и, как всегда весной, настроение у всех было приподнятое, и мечталось, что еще чуть-чуть — и вот уже весь мир ляжет у их ног. В конце концов, разве не Карфаген, город торговцев (а до него Тир), властвовал над ойкуменой столько столетий?!

Жаль, вознесся железный Рим, подменив обманы торгового Карфагена насилием, — выше всего превознеся не деньги, но бескорыстную власть.

Люди могли находиться дома, на улице, но при такой скученности народа только навык контролировать себя на базарных площадях удерживал их обратиться в единую, ритмично двигающуюся вперед-назад толпу.

Они оставались публикой — но все равно чувствовали свое всемирное единство, — и тогда счастье в особой мере изливалось на их лица. И они приходили в особенное возбуждение.

Публика толпочками собиралась не только в городе, но и за городом.

И вот появился *Чужой*. Хотя все ждали *своего*. И раздалось приготовленное *для своего*: «Осанна в вышних!..»

Но близость *Бога*, дышащего свежестью уютных уголков каменистой Иудеи и Палестины, подействовала на скрывающую свою злобность толпу сильнейшим образом. Многорукая *толпа*, даже если она изъязвлена провалами *улыбающихся* ртов, *всегда зла*; она не радуется, как то может показаться поверхностному наблюдателю, поскольку способна только злорадствовать.

Они ждали: придет Царь так уж Царь, *Победитель*, еще более «крутой», чем великие военачальники древности, и Израилю покло-

нятся все народы. *Царь*, покорение народов, разрушение селений, монополия на торговлю — как тут не расчувствоваться?! Как не начать ломать деревья и рвать одежду?!

И все-таки глубинной причиной злорадного возбуждения толпы был Сам Христос. Он и только Он. Толпа никогда не ошибается, кто перед ней. Тем более, что изгнанные бесы поработали — внушения, что Идущий — Сын Божий, не могли не нарываться. Толпа не ошиблась и на этот раз: *Победителя* в Нем не увидели; не увидели также «ни вида, ни величия», которые «привлекали бы их к Нему» (Ис. 53:2). И *мгновенно*, подобно крысам, разочаровались... Разочаровались и возненавидели. И вот тогда-то и началась вакханалия...

При входе в *великий город* стояли фарисеи и смотрели на беснующую толпу, кричащую «осанна» тому, кого именовали Царем Израилевым. Фарисеи с завистью смотрели на вытарашенные, вылезшие из орбит глаза, текущие изо рта слюни, осознавая всю невозможность самим присоединиться к толпе и вдосталь насладиться сменой масок.

Все что они могли — это от стен домов улицы уязвить *Чужого*, назвав участников этого балагана Его учениками.

И они это сделали, при этом издевательски назвав Его «Учителем»: «Учитель! *запрети ученикам Твоим*», — сказала «совесть нации».

Но *Чужой* был мудр и опытен: совсем еще недавно при предыдущей попытке ритуального посажения на царство Его пытались убить.

Фарисеи, завидовавшие одновременно и почестям, и участникам кривляющегося шествия, возмущались — рационализируя гнев, естественно, чем-то благообразным.

«Учитель! *запрети ученикам Твоим!*»

Христа фарисеи часто ставили в положение, в котором он не мог ответить ни «да», ни «нет».

Но Он, *Чужой*, ответил.

Он ответил так, что посторонний, может быть, и не понял бы, но присутствующие поняли сразу:

«Он сказал им в ответ: *сказываю вам, что если они умолкнут, то камни возопиют*».

Кайф был сломан.

Изувечен.

Фарисеи поняли, что их игру в который раз разгадали...

Перестала кривляться и толпа, а через неделю выбила из Понтия Пилата госодобрения того, что было всегда ее сильнейшим подсознательным желанием — и Царя распяла.

Стая успокоилась окончательно, вылезшие из орбит глаза вернулись на место, домашние хозяйки вернулись совместно, как крысы, воспитывать детей в подобия вождей, и торговля пошла своим чередом.

Все было как и прежде — во всяком случае, так могло показаться... Но это было не так.

Царствие Божие приблизилось.

Глава двадцать пятая

А ВЕДЬ ЕВРЕИ-ТО УЖЕ ДАВНЫМ-ДАВНО НЕ ЕВРЕИ!

Первосвященники отвечали: «Нет у нас царя кроме кесаря [сверхвождя]!»

Иоан. 19:15

Со времени убийства Христа стаяй минуло два тысячелетия. За это время с исторической сцены исчезли многие народы, о некоторых из них исчезла даже память, и, напротив, как бы ниоткуда возникли этносы, о которых прежде и не слыхивали.

Все это лишь водовороты на поверхности океана людей — менялись ветры, но не менялась трехцентровость мира, множество то появляющихся, то исчезающих народов отличались лишь конкретными объединяющими их в этнос неврезами.

Были все те же «внешники», «внутренники» и *неугодники*.

Итак, язык, обычаи и даже внешность — не более чем *формы*? Формы, которые не более чем повод к анализу развития, перемещений и столкновений трех мировых центров?

Действительно, так ли уж *название* народа отражает его сущность? Бывает, табличку на двери меняют, а за ней хозяин остался прежний. А бывает и наоборот: табличка прежняя, а за дверью все другое — и люди, и порядки, и, что самое главное, тип их подсознания. Тип подсознания, безошибочно распознаваемый среди прочего и по тому его проявлению, которое часто называют «*эстетическими предпочтениями*». Именно ими руководствуются, например, при выборе профессии. Или компании. Или врага.

Во времени происходят изменения разного рода.

В начале I тысячелетия до н. э. был такой *торговый* финикийский город Тир, который располагался на острове и контролировал жюльнические торговые операции во всем Средиземноморье, — богатый Тир проклинали многие ветхозаветные пророки; затем *тот* Тир исчез.

Вернее, стены и фундаменты остались, число живущих в нем людей существенно не изменилось, но «вдруг» Тир из главного торгового города ойкумены ко времени Христа превратился в город скорее

ремесленнический, известный мастерством своих стеклодувов и краильщиков.

Под ударами того, что теперь называют тоталитарными режимами (их историки нового времени именуют еще «восточными деспотиями»), **определенная часть** населения Тира перебралась на дальний берег Средиземного моря и на полуострове африканского побережья основала город Карфаген, — не прекращая контролировать всю «внутренническую» иерархию, пронизывающую «внешническую» ойкумену. Перенесение центра «внутренничества» в Карфаген произошло за несколько сот лет до воплощения Христа.

Несколько столетий существовала торговая рабовладельческая демократия, отгородившаяся от «восточных деспотий» водами Средиземного моря и защищавшаяся мощным флотом, — пока не стал подниматься на противоположном берегу железный Рим. Он в Первую Пуническую войну отбил у Карфагена Сицилию с Корсикой, а затем, устояв перед Ганнибалом во Вторую Пуническую — ограничившись лишь карательной экспедицией в Карфаген, — в Третью войну его наемные войска окончательно разгромил, сам город сжег, а **всех его жителей продал в рабство** (середина II века до н. э.) — **и науспешнейшее жулье с выжженными клеймами своих новых хозяев было рассеяно по всему свету.**

Деструктуризация «внутреннической» иерархии привела к изменению всего средиземноморья, в частности самой Римской империи, которая после столетней гражданской войны наконец трансформировалась в Империю — на благо не только самих граждан, но даже и рабов, к ним стали относиться намного гуманней, чем при Республике-демократии.

Казалось бы, с сожжением Карфагена настал конец владычеству бесчеловечной рабовладельческой демократии, основанной на взнуздывании *исполнителя* еще и **изнутри**, только вот римские историки, *начиная с середины II века до н. э.*, стали вскользь сообщать о том, что-де некоторые рабы стали сказочно обогащать своих хозяев, и даже появились некоторые **вольнотпущенники** (из рабов), которые достигали в Риме и его провинциях невиданного финансового могущества...

Жаль, историки эти не делают предположений о том, кто были по крови эти рабы, а также не прослеживают судьбу карфагенян, которые были отпущены или сами, или в своих потомках (рабов римляне разводили, как скот).

Подобное — к подобному, так что эти финансовые магнаты из Карфагена или невротически к этому предрасположенные их потомки не могли не искать каких-то форм объединения. Народы чужды друг другу в разной степени; неприязнь десятикратна, если два данных на-

рода относятся к разным психологическим центрам триады «внутренник»—«внешник»—*неудодник*.

Судя по тому, что карфагеняне не держались за прежнее свое этническое название «тиряне» («финикийцы»), то они, как истинные профессионалы, были водимы известным коммерческим принципом: «перестали покупать — смени название товара или вывеску; начнут брать снова». Это не логический расчет, это — в крови.

Знание об этом принципе торговцев, вернее их беспринципности, упрощает *вычисление* нового этнического самоназвания той проклинаемой Божьими пророками **сущности**, которая некогда связывалась ими с Тиром.

Нет нужды сверяться с учебниками по маркетингу, чтобы согласиться, что воспринимающие торговлю как *занятие всей жизни*, для объединения, экономя усилия, выбирают *уже существующие системы* распределения товаров, финансов и средств доставки. Вообще системы «внутренников» в наше время имеют разное обличье — торговых фирм, этносов (в особенности таких, часть которых живет в «рассеянии»), «внутреннических» сект и комбинаций последних двух форм — национальных религий. Так же было и в прошлом. Из всех систем предпочтительнее та, в которой наблюдается схожий быт. Иными словами, *карфагенян-«внутренников» должно было тянуть к «внутренникам» же, естественно, тоже живущим в рассеянии и собравшим капитал для занятия торговлей.*

А кто жил в рассеянии по всей Римской Империи и за ее пределами во II веке до н. э.? Кто специализировался на «внутренничестве»? Где они собирались? Конечно, карфагенянам были созвучны яркие «внутренники» любых народов. Выбор часто определялся тем местом, куда потомков рабов забросила прихоть их бывших владельцев. Но поскольку за две с лишним тысячи лет из всех торговых народов древнего мира сохранился только один, то **психологически достоверно**, что дух Карфагена не пропустил и **двери синагог — но только синагог диаспоры («рассеяния»).**

Синагога синагоге рознь даже внутри одного города, тем более они несхожи на разных территориях, и уж совсем они не похожи, если тяготеют к разным психологическим центрам нашего мира. Поскольку еврейский народ тогда еще не перестал быть метанацией, то к Иудее и Палестине тяготели *неудодники* типа Симона Киринеенина. Поскольку Израиль был государством (во всяком случае некогда), то к нему также тяготели и «внешники», которые хотели по образцу «восточных деспотий» типа современного им железного Рима создать собственное тоталитарное государство, — отсюда и частые восстания в Иудее. А поскольку торговая еврейская диаспора, поднимавшаяся в иерархии жульничества в связи с обращением в рабство

после сожжения Карфагена лидеров «внутренничества», беспринципно тяготела «внутренническую» иерархию возродить, а «родина» была одним из многих выгодных мест торговли, лишь слегка выделяющимся ностальгическими выплесками родовой памяти — так что «внутренническим» в Иудее был один лишь Иерусалим, с центром в Иерусалимском Храме, воспринимаемым торговой диаспорой как Всемирный Дом Торговли. Известная по евангельским описаниям торговля во дворе Храма скотом, на самом деле предназначенным для язычников (пришедших узнать нечто о Боге и Ему поклониться) — так, мелочь. Основное делалось в праздники, когда собирались к Храму со всего мира на поклонение якобы Богу. Иерусалимские многочисленные синагоги, организованные за счет средств диаспоры, типа упоминаемой в «Деяниях» (Деян. 6:9) синагоги киринейцев, были при основном центре в Храме, видимо, чем-то вроде филиалов, удаленных и пристойных территориальных торговых представительств.

Подобное — к подобному, естественно, притяжение потомков бывших карфагенян и евреев-«внутренников» было *обоядным*. И тем и другим было что перенимать друг у друга. Еврей-«внутренники» еще не стали первыми в своем роде, по причине отсутствия в роду такого количества жуликов, как у карфагенян. Чтобы евреям-«внутренникам» таковыми стать, им необходимо было *подсознательно* доуподобиться достигшим «совершенства» карфагенянам. Карфагеняне же восхищала у иудеев развитость культуры (сохранившиеся от цивилизации Карфагена книги — только техногенного свойства: об организации производства — сельскохозяйственного и промышленного; можно, разумеется, предположить и наличие недолговечного чтива), культуру же карфагеняне не могли не ценить, потому что когда они начинали хвастать своим богатством, над ними начинали насмехаться за бескультурие — им и ответить было нечего, и оттого блеск тленных «богатств» тускнел.

Таким образом, от «брака» формального знания из синагог и духа Карфагена обогащались обе стороны. Слияние духа могло проходить и через браки буквальные. Как показывает мировой опыт, религиозные и прочие препоны исчезают немедленно, как только из карманов вынимают деньги — и вот уже появляются заверенные всеми возможными свидетельствами документы о дворянском, графском, княжеском и вообще каком угодно происхождении, вплоть до заверенного печатями родства с самим Авраамом.

Приведенный психологически достоверный механизм и подводит нас к объяснению того, почему еврей, *некогда сельскохозяйственный народ*, более того — *народ Божий* (метанация), вдруг в нашей эре предстает перед нами нацией «внутренников» лишь с редкими вкраплениями людей другого типа.

Действительно, **именно в период II в. до н. э. — II в. н. э. евреи (как целое) из сельскохозяйственного народа превратились в народ экономических рабовладельцев, торгашей и идеологов.**

Процесс «карфагенизации» евреев в основном завершается в I–II веках н. э., в два этапа:

— после распятия Христа и исхода *неугодников* в христианские общины;

— после подавления иудейского восстания 66–70 гг. н. э., закончившегося уничтожением римлянами Иерусалима, а также менее значимого восстания Бар-Кохбы в 131–135 гг. н. э., когда массово, скорее всего поголовно, были истреблены этнические еврей-«внешники», в том числе и те, которые прибыли на помощь восставшим почти из всех колоний диаспоры.

Немногочисленное биофильное вкрапление в массу этнических евреев (соль метанации) по получении дара иностранных языков Духом Святым отправляется пророчествовать евангелие по всему миру, в частности, они выщипывают *своих* из синагог, оставляя эти синагоги в полную власть «карфагенян». (Параллельно и сами «карфагеняне» выживают из синагог всех, кроме близких им по духу «внутренников».) Ушедшие евангелизировать мир еврей-биофилы, естественно, ассимилировали с обращенными из других народов (евреев-*неугодников* было слишком мало, чтобы они расходились по разным странам и городам целыми общинами — и внутри этих общин продолжали свой род) — и *этническими* евреями быть переставали. Но как истинные евреи, они сохранились — особым неугодническим подсознанием потомков. Эти потомки хотя и приняли обличье (даже внешнее) разных народов, и называться стали по-разному, и даже на крутых поворотах истории человечества утратили *понятийное* познание о мире, тем не менее распознавались по особенности их подсознания — *неугоднического*.

Принцип «подобное к подобному», естественно, проявлялся и в притягиваемых к ним событиях жизни; другое дело, что процесс завершения пространственного совмещения *неугодников* в очередную *метанацию* мог затянуться — на тысячелетия, скажем, до XX или XXI века. Вот только на какой территории они собираются? Это выясняется легко — при историческом подходе.

Еврейский народ до распятия Христа был *метанацией* — **многонациональным (!!!)** по крови обществом: по закону Моисея иудеем, а следовательно, и евреем становился любой, кто, исповедуя единого Бога, брался сообразно новым убеждениям изменить свою жизнь. Скажем, главный иудаистский великомученик Иов евреем не был, он был из «земли Уц» (Иов 1:1). Иов был не единственным евреем без капли еврейской крови. Языковое и бытовое слияние именно с ев-

реями — именно такова была в те времена воля Божия относительно *неугодников*, ищущих общения с себе подобными и растущих в постижении Истины.

Можно народ Божий описать и следующим образом: иудейская нация состояла из двух частей — из этнических евреев и потомков ассимилировавших *неугодников* многих и многих народов. Именно поэтому евреи (дохристового периода!) — *метанация*.

В сущности, доводя до логического завершения эту мысль, можно предположить — но только предположить! — что дар «иных языков» в День Пятидесятницы заключался в том, что сливки *неугодников* многих и многих народов «вспомнили» забытый язык своих далеких предков, а вспомнив, Духом Святым вышли из иудаизма и вернулись к родной крови благовествовать — естественно, по-прежнему оставаясь *неугодниками*. Были, разумеется, *неугодники* и среди собственно евреев — соответственно, дар «иных языков» отнюдь не просто инициированное воспоминание.

Итак, перешагнув языковые барьеры, *неугодники* еврейский народ, выполнивший свою историческую миссию по подготовке человечества к приходу Мессии-Христа и переставший быть метанацией, покинули.

Оставшиеся в самой Иудее этнические евреи-«внешники», утратив вместе с ушедшими благоразумие, подняли восстание и в 70 году н. э. были частично распяты (при осаде Иерусалима распинали по 500 перебежчиков ежедневно — для устрашения осажденных; характерно, что даже при виде все новых и новых крестов желающих перебежать к «внешническому» вождю из Рима не убавлялось — таков закон стаи: чем страшнее, тем послушней), частично перерезаны при взятии города — считается что погибло от полумиллиона до миллиона евреев, искавших укрытия за стенами Иерусалима после вакханалии не благословенной Богом национально-освободительной войны.

Те, кто не погиб при штурме Иерусалима, погибли позже. С ними поступили иначе, чем с жителями Карфагена — те, как военнопленные суверенного государства, были просто проданы в рабство, а это означало, что человек не только оставался жить, но и в перспективе мог быть освобожден, хотя бы в своих потомках — но с восставшими поступили как с уголовными преступниками, обыкновенными бандитами-«внешниками»: часть их были отправлены в египетские рудники на верную гибель, а большая часть была раздарена императором по всем провинциям в гладиаторские школы для гладиаторских игр (обыкновенный в те времена способ уничтожения бандитов, грабителей и вообще уголовников), выживших из миллионов обычно можно было пересчитать по пальцам. Женщин в таких случаях отдавали сводникам — несчастные, после жестоких с ними утех, также долго не жили.

Уцелевшие в Палестине немногочисленные евреи-«внешники» (и их потомки) еще пытались на протяжении последующих 60 лет бороться с Римом, пока наконец в 135 г. н. э. подавлением восстания Бар-Кохбы римляне окончательно не ставят точку на еврейском сепаратизме. Поскольку на помощь восставшим в Иудее съехались «внешники» почти из всех колоний иудейской диаспоры («внутренникам» было не до того: они занимались торговлей), то с их истреблением в еврейском народе «внешников» практически не осталось. Малочисленные остатки еврейского народа (уцелевшую часть «болота», не вовлеченную в восстание) вынудили бежать из Палестины в приютившие их еврейские поселения диаспоры, где они психоэнергетически и подчинились «внутренникам»-«карфагенянам».

Таким образом, этническими евреями остались только рассеянные по всей ойкумене «внутренники» диаспоры.

Очень важно понимать, что «внутренники» не просто торгаши, но — элементы стаи, в которой далеко не каждый элемент занимается подсчитыванием барышей.

Классический «внутренник» — это не обязательно процветающий руководитель торговой фирмы, который дошел до такого совершенства, что, углядев в собственном бумажнике денежную купюру, не успокоится до тех пор, пока незаметно ее сам у себя не свистнет.

«Внутренник» — это больше, чем даже *предрасположенность* к торговле, — это принадлежность к «внутриэтнической» стае, вернее субстае.

Может ли человек, родившийся астеничным да еще меланхоличным, стать во главе фирмы? Нет. Его обойдут конкуренты, и он потеряет унаследованный капитал. Но будучи законченным «внутренником», он будет *горд* от хотя бы этнической причастности к успехам своих соплеменников, даже если все места приказчиков в лавке окажутся занятыми, а ему не доверят даже место сторожа.

Он может быть даже просто соглядатаем в какой-нибудь «внешнической» суб-иерархии. «Везде свой еврей» — это даже вошло в поговорку.

Он может заниматься, *если надо*, и бескорыстным стравливанием «внешников» и другими делами коллективных органов стаи.

Таким образом, в каждом народе, который безусловно является соединением разных психологических типов — «внутренников», «внешников», «болота» и *неугодников* — прослойка, определяющая его характер как целого, не столь тонка, как то может показаться.

Чтобы оградить себя от обвинений в антисемитизме (в дальнейшем, когда придется говорить про немцев и казаков, меня, очевидно,

обвинят уже в обратном), позаимствуем некоторые наблюдения у трех мыслителей — *современных* евреев: писателя Эфраима Севелы, психоаналитиков Альфреда Адлера и Зигмунда Фрейда.

Севела — писатель последней четверти XX века, второй по кассовым сборам профессионал (из российских эмигрантов XX века) после Солженицына (того самого, который получил Нобелевскую премию за то, что в разных формах повторял, что Россия XX век якобы *проиграла*); сам еврей, и потому, естественно, пишущий преимущественно о евреях.

Только далеко не все евреи Севелу любят. А происходит это от того, что Севела пишет о евреях правду. Пусть даже не всю, а только незначительную ее часть.

Например, он пишет, что когда евреи массами эмигрировали из Советского Союза якобы в Израиль, то для того, чтобы получить в Соединенных Штатах статус «беженца» (в материальном отношении это означает, что в течение пяти лет в отличие от обыкновенного эмигранта им оплачивалось *любое* образование, даже университетское, гарантировалось бесплатное медицинское обслуживание, сверх того они получали солидные пособия и льготы), им необходимо было доказать, что они, евреи, в Советском Союзе были гонимы, что там царствует пещерный антисемитизм.

Естественно, «внутренникам» не составило труда быть *убедительными* — даже писались на эту тему десятки книг, у сотен поэтов были лица, смахивающие на одухотворенные.

И статус беженцев они получали.

Деньги они получали.

Американские налогоплательщики (потомки эмигрантов со всего мира) выплатили им много-много денег.

А Севела взял и написал, что-де все эти рассказы про гонения — не более чем обман, коммерческая операция, и если в этом плутовстве и есть толика удивительного, так это не беспардонность, а редкостное единодушие такого большого количества людей. На самом же деле — как «открывает Америку» Севела — никто лучше этих евреев в *послесталинском* Союзе устроен не был — самые теплые местечки правдами и неправдами были заняты ими — если кого и гнали, то только тех, кто должен был эти места для них освободить.

За эти слова гонимые (судя по получаемым деньгам из карманов американцев) евреи на Севелу обиделись — *натурально*.

Севела же сказал, что от соплеменников, которым все время *мало*, его тошнит.

А почему *они*, собственно, обиделись? И притом — *натурально*?

Знаменитый психоаналитик Альфред Адлер — сам современный еврей и потому крупный специалист по психологии самого себя и соплеменников — учил, что в речи человека главное не прямой логичес-

кий смысл слов, а их скрытая цель, единственно ради которой они и произносятся. Цель же — всегда выгода (у «внутренников»!), и не только материальная, но и психологическая, скажем, попытка «заговорить» свой комплекс неполноценности.

Например, по Адлеру, если человек говорит, что он *ленив*, то это всего лишь означает, что человек хочет убедить собеседника (а собеседниками всегда бывают люди *равного* социального положения), что, не будь он, говорящий, ленив, он бы, разумеется, поднялся в иерархии выше и с таким ничтожеством, как его собеседник, не беседовал бы. Это — агрессия, проявление враждебности. Внутри адлеровского психотипа получается, что когда некая социальная группа врёт, что ее гонят, притесняют и затирают, то это не более чем порыв скрываемой ненависти к этносу их принимающему, — дескать, ты старался и поднялся до одного со мной уровня, но тебе-то, в отличие от меня, препонов — великих! — не ставили. Следовательно, ты — меня ничтожней. (Зигмунд Фрейд, тоже современный еврей, под старость не мысливший свою жизнь без времяпрепровождения на почетных местах за столом на еврейских свадьбах, хотя по многим вопросам с Адлером и расходился, но о *повышенной* агрессивности и властолюбии евреев говорил — на основании непосредственных наблюдений.)

Для большей убедительности, как открыл Адлер, подобные жалобы — на лень, на болезни, на плохие времена, на притеснения — происходят с перевоплощением: если нужно, может и нога, «перешибленная» при притеснениях, отняться — *натурально* (помните, из «КАТАРСИСА», *натуральных* адлеровских паралитиков?).

Таким образом, в конфликте Севелы с соплеменниками все достоверно — в том числе и натуральность на него обиды за правду о доминирующем положении в позднем Советском Союзе евреев (уточним — «внутренников» вообще).

Среди ряда теплейших местечек в советской системе товарно-денежных взаимоотношений Севела описал одну специальность, которую, как он утверждает, **коммунистическая верхушка** (в частности, Сталин — по утверждению евреев, главный антисемит) **доверяла почти одним только евреям**. Что интересно, во все времена: и при Ленине, и при Сталине-антисемите, и после него.

Евреи были *идеологами*.

У них получалось сделать с умами населения *такое* (как на базаре: прежде чем «запарить» кому-нибудь ненужную ему вещь, надо клиенту голову заморочить), что все советские вожди, начиная с Ленина, результатами их деятельности были вполне довольны.

О тотальном «внутренничестве» идеологических органов стаи (печать, эстрада, кинематограф и т. п.) можно судить хотя бы по сплошь еврейским фамилиям авторов брошюр одного только пло-

довитого *дарвинистского* общества «Знание» (кстати, почти все его состарившиеся авторы-атеисты после того, как открыли границы Союза, перебрались в Израиль и монолитно стали там *законоучителями иудаизма* — это исторический факт). Севела, как раз и живший в этой многочисленной еврейской среде оплачиваемых вождами *идеологов*, приводит следующий пример, показывающий, насколько всеохватывающа была деятельность этого органа стаи.

Скажем, надо было в очередной раз подтвердить верность учения Маркса и Энгельса о нациях. Для этого где-нибудь в тундре разыскивали оленевода, принадлежащего к неизвестной народности, не имеющей письменности и прочих признаков культуры. Поскольку этому оленеводу письменность вместе с фольклором, тем более музыкальным, была совершенно не нужна и заставить его «вспомнить» то, что непременно присутствовало только в бредовых относительно этого оленевода видениях Маркса-Энгельса, не удавалось, то от лица оленевода фольклор «вспоминали» — во всеуслышанье на всю страну — *идеологи*. И получалось убедительно. Убедительными же перед публикой, как известно, получается быть только некрофилам, ненавидящим и презирающим свою аудиторию.

Дело изготовления фольклора народов Союза было поставлено на широкую ногу, и вскоре, как издевательски пишет Севела, не только поголовье комсомольцев, но **даже и казаки, громко возвещавшие о своей принципиальной несовместимости с еврейством, вскоре уже лихо отплясывали на сценах под мелодии, которые прежде игрались только на еврейских свадьбах. Казаки верили, что это есть их национальный танец — забытый, а ныне неожиданно вспомнившийся.**

Вообще говоря, не только Сталин и Брежнев заметили способность евреев (современных!) быть убедительными *идеологами* (отсутствия нравственных ограничений), но и другие вожди тоже.

Намереваясь превратить Париж в столицу покоренного им мира и не желая выпускать единоличную власть из своих рук, сверхвождь Наполеон готовился переселить во Францию евреев отовсюду (тогда их во Франции было 37 тысяч, Наполеону этого казалось мало).

Следующий после Наполеона сверхвождь Гитлер евреев тоже выделял. Хотя их услугами и не воспользовался.

Сверхвождь XXI века, как мы увидим в дальнейшем и как уже видим сейчас, собирает евреев со всего мира — и всепланетную стаю так сформирует (разумеется, не только из евреев, но с их *убедительной* помощью). Многие из крайне немногочисленных *неугодников* к тому времени из еврейского народа (и многих других народов) выйдут окончательно.

Итак, **современное еврейство (в частности, идеологи) — необходимейший орган тела вождя формирующейся всепланетной стаи.**

И не только потому, что наряду с другими *исполнителями*, сбитыми в коллективные органы стаи, является мощным источником некрополя.

Если разделить людей, действовавших в Израиле перед утратой им статуса метанации, на психотипы, по разному реагировавшие на внешние обстоятельства, то появляется возможность выявить скрытую суть происходящего на планете вообще — тем раскрепощая мышление.

Скажем, кто у Лифостротона более других требовал распятия Христа — «внешники» или «внутренники»?

Был праздник Пасхи, население города **увеличилось в несколько раз за счет приезжих верующих** со всех концов земли.

Кто мог себе позволить дорогостоящее и продолжительное путешествие? Ну, уж никак не крестьяне, которым хозяйство — в радость, и от которого надолго не отлучиться. Отсюда, только богатые, а именно купцы — именно они любят попутешествовать, попаломничать и все такое прочее. «Приятное» совмещают с *полезным*: завязываются новые знакомства, сулящие выгодные сделки, также можно познакомиться с уровнем цен на потенциальном рынке сбыта.

Следовательно, Иерусалим в Великую Пасху распух за счет скучающих, ищущих острых переживаний, изъяснявшихся цитатами из Ветхого Завета — «внутренников». Тех самых, печальную судьбу которых на примере Тира предрекали пророки Божьи. Закономерно все — на них и проклятье пророков, и то, что именно они усердствовали при убиении Господа праведности. Кому, как не им, было не лень ночью искать Христа и утром вопить у Лифостротона?

Эта схема подтверждается и богословски.

Помните, странные слова Иисуса?

Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида (названия городов Иудеи. — А. М.)! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись;

Но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам.

(Мф. 11:21–22; Лк. 10:13–14)

Эти слова перестают быть *странными*, если вспомнить, что Христос судил не по формальному знанию, тем более устаревшему, но различал людей *угодников* и *неугодников*. Это для книжника из Иеру-

салима жители Тира были абсолютно плохи, потому что в древних книгах было *написано*, что жители Тира — *плохие*, а называющие себя евреями — *хорошие*, потому что о них сказано, что они могли бы быть народом Божьим. А между тем, со времени древних пророков, хотя мало что изменилось по сути, но центр «внутренничества», горниного «внешниками», успел переместиться. Из Тира те, кому было «естественно» удачно продавать ненужные для души товары, выехали; они основали Карфаген, а после его разгрома его сущность разными путями — физиологически и духовно — восприняли «внутренники» еврейской диаспоры, на праздники съезжавшейся в Иерусалим. Сам же Тир после отъезда жулья, естественно, изменился — город утратил свое торговое значение и стал известен как центр стеклотрувного и красильного производств. По сути, со времени древних пророков психология населения Тира и Иерусалимского Храма как бы поменялась: способные первенствовать на базарных площадях как сеть накиннули свое влияние на Иерусалим (в особенности в дни ежегодных праздников), а двор Храма и вовсе превратили в торжище (буквальное — Христос не случайно им бич показывал со ступеней Святынища и перевернул столы бежавших от священного ужаса менял); **истинные же евреи** были вытеснены куда угодно — в предместья Иерусалима, в Галилею... искать работу **в ремесленническом Тире?!**

Иными словами, вполне возможно, что человек, слышавший голос Святого Духа и искавший общения с близкими по духу, привольней и естественней чувствовал себя не на улицах Иерусалима, в особенности в дни Пасхи, а на улицах Тира!

Очень может быть, что в результате перемещения на планете трех основных психологических центров *истинных* иудеев (возможно, ассимилировавших?) оказалось больше в *некогда* проклинаемом Тире, чем в *некогда* благословляемом Иерусалиме. (Естественно, Тир не обязан был таковым оставаться на вечные времена. Скорее всего, переселившиеся туда *неугодники* также приняли участие в евангелизации всего мира, и город оставили.)

Духовное превосходство ремесленников Тира над «религиозными туристами», съехавшимися в Иерусалим, и отразилось в «странных» словах Христа о том, что *«Тир и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам»*.

А как иначе понимать слова Христа о Тире и Сидоне?!

Итак, Христос пришел, чтобы из Храма и синагог, где расположились видимые бесами элементы публики, вывести немногочисленных истинных иудеев (с предками из разных народов) в другие народы, и через века собрать в новую метанацию — *неугодническую*.

Для Истины совершенно естественно, что все усилия российского царского правительства XIX века ценой громадных финансовых вливаний «посадить» на землю так называемых «этнических евреев», претендующих на генетическую связь с земледельцами древнего Израиля, оказались бесплодны — селения с первоначально однородным национальным составом вскоре превращались в рабовладельческие и ростовщические, трудились на дарованной евреям земле почему-то оказавшиеся в кабале долгов местные национальности. Одним словом, в XIX веке в селах на юге Российской империи в точности воспроизводился Карфаген — ***рабовладельческая демократия***.

Было множество и других попыток приучить к земледелию евреев, в том числе и в советское время (Биробиджан), но все они закончились провалом. Однако исторический факт: несколько еврейских семейств, увлеченных волной эмиграции части евреев из России в Израиль, через некоторое время вернулись обратно в Россию — объясняя свой поступок тем, что-де «надо землю пахать».

То, что это не объяснение, а рационализация, следует из того, что в Израиле до сих пор действуют кибуцы (сельскохозяйственные общины, организованные в начале века преимущественно выходцами из России, — именно в них успешно воплотились коммунистические идеи) и если так хочется именно землю пахать, то возможность вполне есть и в Израиле.

Но эти странные немногочисленные евреи — подобно Симону Киринеяину, земледельцы — уехали из Израиля — в *Россию!*

Да, опять и опять — эта загадочная Россия!..

часть четвертая
исторический подход

Сверхвоздь XX века

Нераскрытая
тайна
величайшей
любви–ненависти

Вот еще какую мудрость видел я под солнцем, и она показалась мне важною: город небольшой, и людей в нем немного; к нему подступил великий царь и обложил его и произвел против него большие осадные работы; но в нем нашелся мудрый бедняк, и он спас своею мудростью этот город; и однако же никто не вспоминал об этом бедном человеке.

Екклесиаст (9:13–15)

Глава двадцать шестая

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Книга о Великой Отечественной войне — так, чтобы это была бы по-настоящему *Книга* — еще не написана.

Так полагают многие даже из тех русскоязычных писателей, которые во времена империи, рядящейся в коммунистические одежды, получали содержание за попытки такую книгу написать. Да, в библиотеках единиц хранения в отделе «Великая Отечественная» много, но *Книги* среди них нет — и *это чувствуется*.

О нашествии на Россию предыдущего сверхвождя и Отечественной против него войне книга есть — это «Война и мир» *неугодника* Толстого. Той Отечественной повезло — она не только осталась в подсознании прадедов-рекрутов, и опыт ее наследуется их благодарными потомками, но и предстает перед нами книгой, помогающей нам возрастать и на понятийно-логическом уровне. (Кстати, в наитруднейший период Великой Отечественной, как вспоминают многие и многие, именно «Война и мир» была самой читаемой книгой и в тылу, и на фронте, и в госпиталях, то есть **именно эта из тысяч и тысяч книг была существенным фактором, способствовавшим победе над захватчиками**, — знай это Лев Николаевич, он бы, верно, прослезился от счастья.)

У Льва Николаевича материалов для работы было намного больше, чем у нас: *неугодники* в то время были явно видны, их выцедила в рекруты ненависть старост и помещиков, — именно они были очевидные победители, хотя во всей Европе, в особенности в Англии, «почему-то» прославляли казаков (казаки из отряда Неверовского с поля боя бежали, зато споро добивали и без того бегущего противника и добитых обирали — так что, действительно, главные душегубы 1812 года — казаки); а в 41-м *неугодники* были не просто растворены в массе войск, но, напротив, *из армии* выцезены. Кроме того, Лев Николаевич жил в сословном обществе; среди участников сопротивления Наполеону было достаточно много *неугодников*, материально

от правящей немецкой иерархии независимых, — они могли говорить что думали (скажем, на охоте) и описывать то, что *видели*, пусть это и не совпадало с официозной «внешнической» точкой зрения; а со временем даже публиковать мемуары за собственный счет. Писать в том числе и о предателях-священниках, и о Чичагове с Ростопчиным, о партизанах и о предательском поведении купцов. Не сразу, но такие воспоминания были все-таки опубликованы даже в коммерческих изданиях.

В сталинскую и послесталинскую эпоху положение было иное. Наполеоновщины (демократии), правда, не было, но сословное общество уже было сильно размыто. Верхушку правящего класса в эпоху сословного общества составляли наследственные аристократы — в числе которых могли оказаться такие люди, как князь Кутузов, граф Толстой, граф Игнатьев (об этом человеке — *ремесленнике*, выделявшемся умом даже среди офицеров генштаба, потерявшем во время революции все имевшееся в России имущество, — который в конце 20-х годов ценой всего своего зарубежного состояния вернулся в Россию, — в V части). Теперь же, в эпоху сталинщины, — «новые русские» 1930-х годов (в том смысле слова, который ему придавали еще в древнем Риме: это были *первые в своем роде*, те, которые зубами, когтями и предательствами, поднимаясь по ступеням иерархии, опередили других).

Толпа же *исполнителей* жила под новым внушением, что всякий человек есть сэволюционировавшая из хищной обезьяны *суверенная личность*, способная, следовательно, делать *самостоятельные* умозаключения. На самом же деле эта «способная делать самостоятельные умозаключения обезьяна» жила в фантастическом мире сообразно полученным внушениям — в якобы «единой семье *равных* советских народов», равномерно одухотворенных учением Маркса-Энгельса-Ленина. В этот мир вливали и выплывали небожители с партбилетами, которые знали правду и истину и которых надо было слушаться.

Слушались и в 41-м.

После войны уцелевшей части толпы *идеологи* внушали, что грандиозные потери убитыми и пленными 1941 года объяснялись вероломством врага, неожиданностью его нападения (час прошел — неожиданно, день прошел — все неожиданно, месяц прошел, потом второй — по-прежнему неожиданность; и это при том, что человеку, чтобы прийти в себя, достаточно нескольких минут, а то и секунд). Конечная же победа объяснялась тем, что «весь советский народ» «с комсомольским задором» поднялся на защиту социалистической Родины, героически отстаивая каждую пядь земли «под руководством партии, правительства и лично...», — а потом перешел в наступление.

Все многочисленные факты о 41-м, которые в эту схему не укладывались, цензурой из мемуаров и рукописей вымарывались.

Несогласные с коммунистической концепцией Великой Отечественной могли рассчитывать на публикации только за рубежом — **да и то при выполнении следующего жесткого условия: чтобы сам автор веровал и из его текста следовало, что русские есть воплощение вселенского зла, всемирные агрессоры — да и полные кретины к тому же.**

Таким образом, *биофильным текстам* путь был заказан — повсюду. Только изустные рассказы — от отца к сыну (жены слишком уж часто предавали) могли пролить свет на происходившее в действительности.

После падения в «Империи зла» коммунистической идеологии профессиональные историки, которым перестали платить за рассказы прежнего толка, стали пытаться подвести итоги: а сохранились ли вообще какие-нибудь заслуживающие доверия источники, описывающие *действительные* события Великой Отечественной? И, как и следовало ожидать, выяснилось, что несмотря на то, что с момента завершения войны прошло пятьдесят лет, реалистичные описания событий были величайшей редкостью — содержание абсолютного большинства существующих документов и литературы сильно искажено отмершей идеологией.

В сущности, выяснилось, что вообще нет никакой истории и достоверного зафиксировано не так много: разве только день начала вторжения гитлеровцев, день подписания Договора о капитуляции Стаи, покинутой самоубийцей-фюрером, грубо-ориентировочная численность павших русских, да, благодаря педантичности немцев, динамика потерь гитлеровцев и расход ими боеприпасов. Стало выясняться, что мемуары и «научные работы» всего лишь «подтверждали» предписанные официозные лозунги; после же эволюции «желтого» коммунизма в демократию эти мемуары и результаты «научных изысканий» стали своей несуразностью попросту смешны.

О каком повальном героическом отстаивании «до последней капли крови» «каждой пяди земли» могла идти речь, если только **освобожденных** в 45-м из фашистских концлагерей **военнопленных** насчитывался 1 миллион 850 тысяч человек? Откуда за годы войны без малого 6 миллионов пленных — и это только доведенных до концлагерей! — а ведь были массы замученных и расстрелянных непосредственно в прифронтовой полосе (действительно, что с ними чикаться, если немецкая воинская часть временно оказалась в отрыве от остальных сил и стремительно продвигается вперед)? Почему сдалось в плен такое количество здоровых и физически сильных, способных держать оружие верных сталинцев?!

Вопросов множество.

Трагедия ли для России то, что сдавшиеся зимой 1941–1942 годов комсомольцы погибли практически поголовно, — от сыпного тифа и голода в концлагерях под открытым небом?

О каком *всенародном* сопротивлении можно говорить, если более 800 тысяч жителей Советского Союза перешли служить в немецкую армию??!!

О какой защите земли до последней капли крови может идти речь, если немецкая армия вторжения состояла из 3,2 миллиона человек — и в 41-м не погибла? Иными словами, если бы *двое-трое* из числа пленных и погибших комсомольцев, что были воспитаны на преданности Сталину, сообща убили или ранили хотя бы *одного* немца, то война закончилась бы еще в 1941 году — так почему же они этого не сделали?!

Почему они все сдавались?

Какой психологический тип сдавался первым?

Кем был глава государства — сверхвождем или субвождем?

А кто не сдавался? Ведь немцы, в конце концов, в 41-м убитыми, ранеными и пропавшими без вести потеряли около миллиона человек — кем они были уничтожены?

Каков *смысл* Великой Отечественной?

Кто против кого сражался?

Почему в первый день войны, о времени начала которой было известно Сталину и армейскому руководству вплоть до командиров корпусов более чем за полгода, безоружные красноармейцы разбежались с криками: *«Измена»*?

Какой смысл вкладывали они в это слово?

Почему запрещалось выносить на публику истину о том, что сталинские политруки вели себя в точности так же, как и православные священники эпохи Наполеона — то есть сдавались первыми? И это **несмотря на то, что они знали, что их-то немцы уж точно расстреляют еще в полосе фронта!** Кстати, вопрос о том, кто должен расстреливать политруков, был предметом напряженного препирательства между вермахтом и малочисленным по сравнению с армией гестапо. И те и другие считали для себя это бремя непосильным. Сам факт напряженности этого препирательства косвенно указывает на обилие сдавшихся политруков-сталинцев — хотя в тылу перед рядами они выпендривались и насчет защиты до последней капли крови, и насчет последнего патрона, который надо оставлять себе. Прямые доказательства инициативности комиссаров при малейшей возможности сдать тоже сохранились — это и засекреченные сводки политуправлений фронтов, и следственные дела НКВД (см. главу «„Странное” поведение политруков — источники к истории Великой Отечественной»), это и послевоенные воспоминания участников, пусть

и цензурированные (см., напр., в кн.: *Вершигора П.* Люди с чистой совестью. М.: Современник, 1985). Надо, однако, учитывать, что память о самых сочных случаях предательской деятельности «совести эпохи» не сохранилась — в «котлах» 41-го исчезали почти без сопротивления дивизии и целые армии вместе с политотдельскими донесениями.

Итак, *что же было во Вторую мировую на самом деле?*

Как ни странно — а может, напротив, закономерно, — но **все три концепции Второй мировой:**

— **гитлеровско-геббельсовская,**

— **англо-американская,**

— **советская —**

в основе своей идентичны. Победил, якобы, сильнейший.

Сила же, согласно этим концепциям, есть объединение усилий суверенных личностей, все действия и поступки которых осознаны и есть плод напряженных мыслительных процессов и духовных исканий. В общем, носители одной философии сражаются с философами другой школы.

Стало быть, будь Гитлер поумнее — не следуй он дискриминационным расовым теориям, оттолкнувшим от него часть его потенциальных союзников, — и победа могла быть за ним.

Некоторые мыслители, хотя и ограничены прокрустовым ложем суверенитизма, относятся к тотальному извращению Великой Отечественной — и прокоммунистическому, и антирусскому — спокойно: дескать, слишком мало прошло времени, чтобы успели стихнуть эмоции, чтобы умерли те, кто *лично* несет ответственность за позорные поражения и реки напрасно пролитой крови и кто в оправдание себе, пользуясь доступом к власти, извращает и перевирает все — делая из себя героев, а не мерзавцев. Дескать, в конце концов, когда Толстой в конце 1864 года сел писать «Войну и мир», прошло 52 года со времени окончания Отечественной войны 1812 года — нужно-де время, чтобы появилась *возможность*...

Если быть более точным, то *спустя 52 года (без месяца) после окончания той Отечественной.*

Для тех, кто не равнодушен к «случайным» совпадениям: *эта книга тоже была начата — ненамеренно! — спустя ровно 52 года (без месяца) после окончания Великой Отечественной!..*

Согласно *теории стаи*, русские Отечественные войны нового времени не могут друг от друга отличаться — по сути. Ведь участвующие стороны все те же самые:

— нападающий сверхвождь-невротик, рассуждающий о своей цивилизаторской миссии в мире вообще, но особенно — в России;

— *исполнители* сверхвождя — по составу все те же объединенные (за исключением сербов) народы Европы;

— все те же немцы, отличающиеся от своих союзников особой жестокостью и солдафонством (даже Геббельс отзывался о немцах с презрением как о холуйских душах);

— все те же маячащие за спинами сражающихся «демократы» — очень богатые и умеющие стравливать «внешников» между собой;

— **и все те же, почти не изменившиеся, русские...**

Кое-что, правда, изменилось.

Появились самодвижущиеся повозки. Те из них, которые были покрыты листами вязкой броневой стали от 15 до 300 миллиметров толщиной, стали называть танками. Орудия резко увеличили свою скорострельность, потому что заряжали их не с дула, как в 1812 году, а, наоборот, с казенника. Появились снаряды, начиненные напалмом (нефтью, способной с помощью добавок самовозгораться); такие снаряды использовали для залпового огня — в местах их падения сгорало подчистую все. У немцев такие системы назывались шестиствольными минометами. Немцы очень радовались эффективности этого нового оружия. У русских, которым в отличие от немцев экономить нефть нужды не было, чуть позже тоже появилось нечто похожее, только одновременно выпускалось 32 таких снаряда — знаменитые «катюши». Первый залп «катюши» произвели в 41-м по железнодорожной станции, забитой гитлеровскими эшелонами с боеприпасами и техникой. Вот как это было: стояла станция — потом вдруг после странного надрывного стога в воздухе разом загорелась — *вся!* — и разом взорвалась. И все видевшие и слышавшие побежали. Немцы со своей линии обороны — в свой тыл. А советские — в свой.

Были еще сконструированы самолеты, огнемёт и телефоны с рациями...

Гитлеровцев численно вторглось только в семь раз больше, чем наполеоновцев, но одних только орудийных систем (без минометов) было больше не в семь раз и не в пятьдесят, а в **тысячи!**

И все это разом 22 июня в 4 часа утра обрушилось на советских пограничников и на армейские казармы, в которых у самой границы почему-то оказались *безоружными* так называемые «неблагонадежные»...

Но потом все развивалось во многом идентично тому, что происходило в 1812 году: молниеносный захват больших пространств России; разъединение российских армий подвижными соединениями сверхвождя, ополчение в обороне, подобно дивизии Неверовского

дравшееся эффективнее регулярных войск (примеры и обсуждение — ниже), цивилизаторская вакханалия грабежей и убийств, большие потери русских регулярных войск; партизаны и *странные* относительно них распоряжения (вплоть до приказов об уничтожении) правящей советской верхушки, заболевший на нервной почве спустя несколько месяцев после начала кампании фюрер-сверхвождь, схожие обстоятельства бегства из России очередной стаи цивилизаторов...

Задача этой части книги — вовсе не «событийная» история Великой Отечественной, но **историко-психологическая** — при этом подтверждается духовно-психологическая идентичность войн 1941 и 1812 годов.

Для выявления сокровенного смысла произошедшего в 41-м необходимо установить:

— истинного сверхвождя,

— его тип («внутренник» или «внешник»),

— его местонахождение.

Соответственно, также необходимо:

— доказать, что противостоящие сверхвождю начальники одного с ним психологического типа были не более чем субвождями, то есть каждый из них поступал определенным образом, поскольку у сверхвождя были какие-то на его счет желанья;

— выявить аналогов Чичагова, Ростопчина, крестьян-общинников («простых» *исполнителей*). Поисковать аналога кунктатора Кутузова и, если таковой в руководстве вооруженных сил не оказался, выявить закономерность, по причине которой он отсутствовал, и эту закономерность сформулировать;

— еще раз удивиться, что Сталин поступал в точности так же, как и немец Александр I, который вопреки интересам обороны России приказывал *убивать партизан первого этапа войны*.

Национальный характер не меняется столетиями и тысячелетиями — если не происходит генетической подмены или целенаправленного психологически селективного уничтожения части стаи, — и население Европы, и собственно русские — как целое! — были во многом те же, что и в 1812 году.

Естественно, и концепция войны 1941 года та же, что и Отечественной войны 1812 года: **по воле сверхвождя происходит гораздо больше, чем идеологи позволяют массе осмысливать; именно самоуверенной или паранойяльной фазой его невротического подсознания и определяются события на фронтах; противостоят сверхвождю единственно те, кто может мыслить независимо от желаний вождя стаи, — неугодники**; сверхвождь боится только их, именно они и есть желанная жертва главного дегенерата планеты.

Иными словами, если освободиться от внушенного заблуждения, что трагические события 1941 года есть нагромождение ошибок (почему-то односторонних) множества людей, если признать, что истинным руководителем «внешнической» иерархии в СССР никак не мог быть *субвождь*, но только управляющий его волей *сверхвождь*, родным языком которого был немецкий, — то становится очевидной **новая концепция Второй мировой войны: все события в России в 1941 году вовсе не хаос случайностей и противоестественных ошибок, но строго детерминированное развитие событий противостояния стаи «внешнического» сверхвождя и неугодников.**

Итак, кто и против кого на самом деле воевал во время Великой Отечественной?

И почему победа в Великой Отечественной — неугодников! — намного более прекрасна, чем то позволялось считать донныне?!

Глава двадцать седьмая

МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИЕ НА ПЛАНЕТЕ ТРЕХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ ПЕРЕД НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Цель этой главы, как, собственно, и всей книги в целом, — скорее описание, чем строгое *доказательство*. *Доказать*, как известно, можно лишь *немногим* — к сомнениям даже в очевидном подстегают подсознательные пороки, они и побеждают даже неоспоримо доказанные истины; да и невозможно под одной обложкой уместить сразу несколько исторических курсов и необходимых для придания им жизни сопутствующих дисциплин.

Книга эта — концептуальна.

Для человека, изучающего историю не из стремления доминировать, но чтобы *понять*, доказательств в книге более чем достаточно. Другое дело, что смысл *каждого* слова, *каждого* упоминания и *каждого* уточнения будет становиться более понятным только с каждым новым прочтением *всей* книги.

К началу Второй мировой войны месторасположение трех основных психологических центров планеты было следующим:

1. «Внутренники»: колониальная Британская империя (психологически включавшая в себя не только колонии, но и Соединенные Штаты Америки), — про которую говорили, что она вобрала в себя все деньги мира — превратила в свои колонии большую часть плане-

ты; еврей-«внутренники» присутствовали во всех странах, прежде всего в преимущественно еще «внешнической» Европе;

2. «Внешники»: мировой психологический лидер — ограбленная Великобританией и Францией полуголодная Германия. Империя Гитлера психологически включала в себя «внешников» и «болото» Японии, Италии, Хорватии и других близких по психике народов, в частности, *националистические партии исламских стран*. Во всемирную «внешническую» иерархию входила и сталинская коммунистическая иерархия Советского Союза (в особенности после сталинских чисток партии от «ревизионистов», проявляющих хотя бы поползновения к элементам капитализма, т. е. от «внутренников»);

3. *Неугодники*: в Европе наибольшая их концентрация — в Советском Союзе, а именно среди конгломерата разных народов и припльцев, *называющих себя русскими*; также в сербской части Югославии, где еще в XIV–XV веках от католической инквизиции укрывались еретики со всей Европы (подробнее о формировании метанации сербов см. в главе «Тянет — не тянет. Сербь и казаки»). Сербь и русские ненавидимь вождями и, соответственно, их адептами (войны объединенной «внешническо»-«внутреннической» Европы против России в 1812 году, в 1853–1856 годах, интервенция 1918–1920 годов и т. д.).

Все три психологических центра планеты эволюционировали, и, как и тысячи лет назад, мягко выражаясь, нежных чувств друг ко другу не испытывали. «Внутренники» со все возрастающей скоростью овладевали деньгами мира — за счет «внешников» и *неугодников*. «Внешники» по наработанной за тысячелетия привычке утраченное пытались вернуть силой в генеральном сражении. У «внутренников» вся надежда была на то, чтобы стравить «внешников» с *неугодниками*; на худой конец, заключить с последними союз. Впрочем, «внутренники» и «внешники» ненавидели друг друга тактически, а стратегически, естественно, — *неугодников*.

Родившимся в послевоенное время трудно представить, что еще каких-то полвека назад ныне малозаметная Англия была колониальной державой и административно владела буквально половиной мира. Как бы ни было трудно это представить — но именно так и было.

И держалась колониальная империя не столько силой оружия (скажем, на 250 миллионов индийцев было всего 60 тысяч английских солдат), сколько влиянием торговых фирм и субсидируемых ими «христианских» миссионеров.

Вообще говоря, Англия еще в XVI веке вызывала презрительное удивление у всего остального монархического сословного мира тем,

что в *Парламент* страны входили купцы. Присутствие купцов в парламенте островной Англии для знакомых с историей не могло не напомнить остров Тир, полуостров Карфаген, островную Венецию раннего средневековья и т. п.; не могло также не побудить внимательно приглядеться к психологическому смыслу эмиграционных процессов...

Действительно, положение Великобритании было доминирующим в течение нескольких веков, — но только до тех пор, пока из нее не началась все нарастающая эмиграция в Соединенные Штаты. Рассмотрение особенностей психологии отъезжающих подводило к определенным выводам, так что уже в первой половине XIX века в Великобритании общим местом было убеждение, что со временем *Соединенные Штаты Англию сожрут*. Такой вывод делался в Англии повсеместно, видимо, потому, что было несложно заметить, какого типа торговцы («успешные» или нет) освобождали на базаре места, уезжая в Америку.

Усилиями «внутренника» Наполеона, который два десятилетия выкачивал из Франции добровольцев-«внешников» и, успешно их похоронив во многих странах мира, своего добился, — Франция, вечный в Средние века враг Великобритании, стала более «внутреннической» и оттого была обречена скорее на союз с Англией, чем с Германией.

Германия, второй планетарный центр, несмотря на гибель многих «внешников» в Первую мировую войну, оставалась «внешнической». Определенные сдвиги в соотношении типов стайности в населении все-таки произошли — в сторону ослабления «внешничества». В частности, если начало Первой мировой войны населением Германии было встречено с кромешным энтузиазмом (обычно это волнение толп называют «взрывом патриотизма»), то начало Второй мировой войны воспринималось уже много спокойней. Однако, все равно Германия оставалась «внешнической», и понадобились вдохновенные Геббельсом тотальные мобилизации, от которых «внутренники», естественно, ускользали более успешно, чем «внешники», и массовая гибель выщепленных «внешников» всех возрастов, включая добровольцев от 12 лет, — прежде чем Германия оказалась обречена на капитализм с присоединением к «внутренническому» центру, после войны окончательно переместившемуся из Англии в Америку.

Но пока всего этого еще не произошло, разоренная «внутреннической» Англией и Францией «внешническая» Германия после Первой мировой войны голодала, да еще была обязана ежегодно выплачивать непосильные контрибуции за ущерб, нанесенный ею в ходе Первой мировой войны странам-победительницам. До Первой мировой вой-

ны Германия владела колониями, которые она, пусть и иным способом, чем Англия, но все равно обирала, — в результате Первой мировой войны Германия колоний лишилась, что дополнительно снизило материальный уровень жизни немцев.

Но были в Германии и странах с немецким населением люди, которые жили обеспеченно. Это были «внутренники» вообще; в особенности немцев раздражали евреи. Самовыражение «внутренников» в ту эпоху естественно: грабить («внешничать») в самой Германии и за ее пределами было под страхом военных акций Англии, Франции и США запрещено конкретно, что отслеживалось с помощью законов, а вот мошенничать — запрещено лишь на словах, ибо законами от жуликов не отгородиться. И евреи, наследники родовой памяти, «обогащенной» опытом десятков поколений предков, немцев в конкуренции за владение материальными «ценностями» существенно «подвинули». В тот период даже на панелях Вены многочисленных конкуренток других национальностей вытеснили именно еврейки (о схожести психологий купцов и проституток-«внутренниц» мы уже говорили во II части книги).

Становилось очевидным, что немцам-«внешникам» евреев-«внутренников» было проще убить, чем перехитрить.

К чему, по сути, достаточно прозрачно призывал стремительно поднимающийся в умении властвовать Адольф Гитлер — на первом этапе любимец только самых гипнабельных категорий населения — завсегдатаев пивных, студентов университетов и истеричных женщин.

Разумеется, толпе немцев мироустройство подавалось в искаженном виде, хотя, как водится, не без разоблачающих «внутренников» фактов, поданных в возвышенно-романтической манере. Говорилось, в частности, что современный плутократический мир есть тупик в развитии человечества, при таком устройстве мира в атмосфере узаконенного обжуливания (демократии) выигрывать могут только физические и психические уроды — посмотрите на евреев и детей английских банкиров! — разве это гуманно облекать своих детей на будущее среди одних уродов? Не гораздо ли более ответственно перед детьми создать мир, основывающийся на здоровье, красоте и силе, — освободиться от изощренного рабства, в которое вгоняет демократия, а здоровым и нравственно сильным взять *свое* силой — вот вам и здоровое будущее для ваших здоровых детей. Тысячелетнее царство справедливости в освобожденном от плутократии мире!

Доведение этой мысли до логического завершения вело к всемирной войне и всепланетной Империи!

И униженные и обобранные плутократами немцы, предводительствуемые сверхвождем, поднялись. Они перебили сумасшедших, гомосексуалистов, дегенератов, наркоманов, цыган, которые за сотни

лет не смогли освободиться от страсти к обману, воровству и грабёжам; затем взялись и за евреев.

Уровень материальной жизни «внешников» Германии стал стремительно повышаться.

На Германию «внешники» многих европейских стран смотрели с завистью, но, что самое главное, смотрели *восторженно*. Даже в Англии и Соединенных Штатах собирались грандиозные толпы под лозунгами, столь напоминающими немецкий: «Германия (Америка, Англия, Япония) превыше всего!» — и требовали сделать, как в Германии (тогда еще частью коммунистической, частью фашистской — чуть позже и те, и другие бок о бок бились с *русскими*¹).

Этот восторг толп разоблачает местонахождение в те годы сверхвождя — именно он, и именно тип всплывавших в его сознании картинок, определили формы вскоре реализовавшейся на планете грандиознейшей в истории человечества бойни.

Здесь мы подошли к точке пересечения мнений. Одни *считают неугодииков (а следовательно, и русских с сербами) исчадием ада*, и утверждают, что в эскалации кошмаров Второй мировой войны инициатором был Сталин (неважно, что, как видно на примере его взаимоотношений с Лениным, он был склонен к зависимостям), — соответственно, Гитлер, начавший Мировую войну де-факто, всего лишь *защищался* от экспансии мирового коммунизма. Другое мнение — то, что первичен Гитлер; соответственно, *защищался* — Сталин. Третье — что в проигрышную для Германии войну против России ее втравили те, кто, если проследить движение капитала, и выиграл в результате этой бойни — явные и скрытые плутократы.

Спорщики непримиримы — что и понятно: у них подсознания порой разнонаправленные; основных направлений (без учета инверсированных) — три.

То, что сверхвождем был не Сталин, а Гитлер, доказывается в этой части книги множеством способов: психоаналитическим, военно-историческим, ассоциативно-эстетическим, богословским и даже — для эстетствующих! — астрологическим. Первенство Гитлера над типичным субвождем Сталиным с легкостью доказывается уже тем, что прежде чем Гитлер к декабрю 1941-го поседел и у него начали трястись коленки, толпами сдавались отнюдь не гитлеровцы, а именно комсомольцы, которым отдавались *вербальные* приказы сражаться до последнего; гитлеровцы же не сдавались даже зимой 1941–1942 годов. Кавказец подозрительно синхронно *повторял* все движения Гитлера —

¹ Это исторический, хотя и малоизвестный факт, что 75 процентов членов компартии Германии перешли в национал-социалистическую партию *еще до* начала войны. — А. М.

одновременно вышли законы против абортот, против гомосексуалистов, произошло вторжение в Польшу, даже требования к внешнему виду женщин у них были одинаковые.

Если рассматривать признаки несколько более тонкие, то, приглядевшись к портретам высшего руководящего состава РККА (например, участников совещания в декабре 1940 года), обнаруживается, что наиболее популярный фасон усов был вовсе не «под Сталина», а «под Гитлера». Если бы сверхвождем Европы был Сталин, то это гитлеровский генералитет удивлял бы нас усами «под Сталина».

Полезно также напомнить, что никто из руководителей европейских стран того периода не сомневался, что Сталин, несмотря на кровожадность внутри управляемой им страны, в сущности, был безынициативный тьюфак. Как следствие, руководители Польши и Финляндии *не верили*, что Сталин решится на них напасть. (Восторгаться мудростью и негибимой волей Сталина руководители стран Запада, в частности, Черчилль, начали лишь *после* того, как Гитлер *сдал* — то есть, после 1943 года. Но, хотя Сталин, по сравнению с другими субвождями того времени, и был «крут», однако в присутствии *сверхвождей* типа Ленина и Гитлера он становился — возможно, сам того логически не осознавая, — послушным их воле субвождем!)

Не было сверхвождя и во «внутренних» странах — достаточно вспомнить, как 9 плохоньких японских танков прогнали через весь Сингапур 2 английских дивизии (!!), которые в конце концов и сдались. А разгром английских войск под Дюнкерком? А разгром английского десанта в Европу (Дьепп) даже в 1943-м, «послесталинградском», году?

Не заблуждался о сравнительной силе вождей в мире и такой сильнейший аналитик, как начальник генштаба вермахта Гальдер, который, даже зная о сравнительной слабости промышленности Германии (во время Второй мировой войны немцы выпустили меньше снарядов, чем в Первую мировую; и это при том, что Вторая шла дольше Первой!!!), тем не менее санкционировал начало европейских войн. Вот что писал Гальдер в самом начале событий 22 августа 1939 года в дневнике:

Современное положение Германии *благоприятно для разрешения восточного вопроса*. В настоящий момент мы можем использовать ряд обстоятельств, которые через несколько лет уже перестанут существовать... На нашей стороне личность фюрера... На стороне противника не имеется личностей должного масштаба.

И действительно, Гитлер легко и непринужденно присоединил к Германии те страны, в которых жили хоть сколько-нибудь немцев — а они населяли целые города даже в Норвегии, не говоря уж о Польше, Чехословакии, Франции и так далее. (Молниеносные победы гит-

леровцев, разумеется, не объяснялись одними симпатиями немцев из разных европейских стран. Тем же, скажем, презираемым немцами полякам-«внутренникам» ничего хорошего от немецкой оккупации ждать не приходилось — и так оно и произошло; но поляки не сопротивлялись — разве что в точности повторили «подвиг» самоуничтожения, совершенный некогда польским отрядом на глазах у Наполеона, с той разве разницей, что при Наполеоне польские кавалеристы с воодушевлением утопились в Немане, а при Гитлере они с саблями наголо бросались на танковые крупнокалиберные пулеметы — безо всякой пользы для Польши и вреда для оккупантов. Поле самоубиения представляло жуткое зрелище — даже для выдавших виды журналистов.)

Много немцев жило и в Советском Союзе...

Да, именно непонятная Россия была третьим мировым центром. Именно Россия, а не Советский Союз — и Гитлер на этот счет несколько не заблуждался. Совершенно логично Гитлер планировал уничтожить 85% всех этнических русских, но украинцев, кавказцев, казаков, мусульман Гитлер *видел* естественными своими союзниками: психологическое «родство душ» *стайные* чувствуют особенно остро. (Благоволение к, скажем, украинцам отнюдь не по причине неких геополитических *соображений*, оно психологического происхождения; к слову сказать, в советской армии, позднего периода в том числе, ревностных служаек рядовые называли «хохлами» — объяснялось прозвище тем, что не было такой подлости и подхалимского действия, которое украинец не совершил бы, чтобы ему поручили командовать хотя бы несколькими людьми.)

Вообще говоря, Гитлер и англичан тоже видел своими естественными союзниками, которые непременно *должны* подчиниться немцам при всепланетном «новом порядке» (всемирной иерархии), и только то, что англичане уже, дескать, оседланы евреями (как еще недавно была оседлана Германия и до энергичных действий Сталина была оседлана послереволюционная Россия), мешает им подчиниться «новому порядку». Стоит только устранить от власти в Англии лейбористов, рассуждал Гитлер, и помочь прийти к власти консерваторам (в рядах которых представителей известной нации было существенно меньше) — и англичане присоединятся к «новому порядку».

И тогда — победа и над Россией. Словом — мировое господство.

Но в Англии у власти лейбористская партия держалась крепко.

Советский Союз в лице Сталина и сталинцев хотя и помогал Гитлеру как мог — нефтью, салом, сверхдефицитным в Германии каучуком для покрышек военных грузовиков (при этом тысячи и тысячи еще до начала войны собранных советских грузовиков всю войну простояли без колес), — но немецкий язык с энтузиазмом изучали только молодые карьеристы.

Были и технические трудности: Англия блокировала морские пути подвоза нефти в Германию, и у Гитлера попросту не хватило бы топлива для преодоления великих пространств Советского Союза. Англию же он не мог молниеносно захватить потому, что от гитлеровцев ее ограждал Ла-Манш, 42 километра морской воды, транспортных кораблей было мало, да и плавало в этих водах *вдесятеро больше, чем было у Германии, английских военных кораблей*, — построить *такой* флот Гитлер просто не мог — по финансовым, сырьевым и технологическим причинам.

Но Гитлер не говорил: «Я — не могу!»

Гитлер интуитивно чувствовал, или даже осознавал, что для того, чтобы вождь был *сверхвождем*, то есть всепобеждающим военачальником, ему необходимо не только в параноидальные галлюцинации не *впадать*, но и на логическом уровне всегда **считать себя хозяином положения**. В частности, сверхвождь *не может* признать, что атака на островную Англию невозможна, но должен объяснять самому себе, что он просто «не хочет». «Невозможно» предстояло перелицевать на «пока нецелесообразно», — что и было подкреплено Гитлером соответствующей рационализацией. Эти-то рационализации историки и слабые писатели часто принимают за истинные причины тех или иных поступков Гитлера.

Да, Гитлер во всеуслышанье с некоторых пор стал рассуждать, что-де Англию бессмысленно *захватывать*, ее нужно заставить *сдаться*. Что-де, если он Англию захватит, ее колонии достанутся кому угодно — Японии, Соединенным Штатам, Советскому Союзу, словом, обладателям флотов, — но только не Германии. Не сдается же Англия потому, — продолжал во всеуслышанье рационализировать Гитлер — что она *надеется*. А надеяться Англия может только на помощь двух стран: Америки и России. Случись что, — рассуждал Гитлер, — американцы предадут, как предавали всех и всегда. Единственная, по сути, надежда для Англии — Россия. Стоит России погибнуть — и Англия капитулирует. И только тогда немецкая иерархия вберет в себя *исполнителей* всего мира.

Конечный пункт рационализации всегда проявляет непосредственное чувство, а именно — точку приложения ненависти. Впрочем, знакомому с *теорией стаи* трудно не согласиться, что **именно Россия являлась почти единственным препятствием на пути формирования всепланетной стаи**.

Россия неоднородна — кроме называющих себя русскими (духовно-психологическая общность, метанация из отслоений от многих народов и отдельных людей — ассимилировавших и принявших язык),

порадившими мир неугоднической стойкостью рядовых солдат при вторжении сверхвождя Наполеона, были и народы — яркие «внешники» (немцы, казаки, кавказцы и т. д.), и народы — яркие «внутренники», которые не могли не действовать по-разному при вторжении в Россию гитлеровцев («внешников»).

Небезынтересно, что, говоря о территории Советского Союза — уже несколько меньшей, чем территория царской Российской империи, — Гитлер и его стая слова «присоединение», «захват» или их синонимы не использовали, но говорили: **«возвращение»**.

Какие бы ни были тому рационализации, но, действительно, обширные территории были завоеваны именно стараниями немецкой крови и психологии династии Романовых и немецким генералитетом. Петр I, фанатично тащившийся от всего немецкого, принял в царствование небольшое государство с населением всего в 16 миллионов человек — разве не немецкими были все последующие территориальные завоевания?!

Именно усилиями немцев, а еще казаков и присоединившихся к ним уголовников (обе категории поддерживали и Гитлера — на первом этапе Великой Отечественной) и была создана громада империи, которая включала в себя сотни самых разнообразных народов и народностей.

Но кроме ненавистной необозримой России была в Европе еще одна небольшая страна, которая серьезнейшим образом повлияла на ход Второй мировой войны. Это — Югославия, но не вся, а только ее восточная часть — Сербия, которая и до войны была, по ощущению Гитлера, скверной. Часть Югославии, которую населяли хорваты-католики (этноним «хорват» переводится как «бандит») была для Гитлера *хорошей*, а вот православная и славянская Сербия была *плохой*. **И не потому, что она была православной — Гитлеру охотно прислуживали православные воинства Болгарии, Румынии и других стран, и не потому, что она была славянской (перед Гитлером усердно угодничили частично или полностью разные славянские народы), а потому, что Сербия — в которую в XIV–XV веках спасались от инквизиции еретики со всей Европы — была метанацией.**

Еретики-эмигранты бывают, разумеется, разных типов: «внешники», «внутренники» и *неугодники*. Европейцы-«внешники» в Средние века стекались в Германию, «внутренники» — в Венецию, Геную, Англию и, позднее, в Америку, а *неугодники* — сначала в Сербию, а затем и в Россию. Переселенцы в метанации ассимилировали, их потомки забывали происхождение своих прапрадедов, но благословение *неугодничества* не исчезло — что и проявилось в 41-м году в «безнадежном» восстании в окруженной со всех сторон гитлеровцами Сер-

бии — во многом определившем ход Второй мировой войны. Но об этом в свое время...

Итак, сошлись на пространствах России три типа людей: «внешники» (а при сверхвожде-«внешнике» и «болото» стало «внешническим»), «внутренники» и *неугодники*...

Глава двадцать восьмая

ЭТАПЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ – ЕСТЕСТВЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ

Если коротко, то события Великой Отечественной с 22 июня 1941 по 8 мая 1945 года можно разделить на несколько этапов — в зависимости не только от объективных условий (зима — лето), но главное — состояния психики «внешнического» сверхвождя.

Летняя кампания 1941 года. Сокрушительный разгром нацеленных исключительно на наступление сталинцев: на каждого гитлеровца, включая конюхов и обслуживающий персонал передвижных публичных домов, более чем по одному пленному «комсомольцу» кадровой армии; оккупация обширнейших территорий; повсеместно противоестественные распоряжения высшего командного состава, весьма желанный для немцев приказ Сталина о «стальной обороне», при выполнении которого резко увеличивалось число пленных и утраченной техники; немцы запрашивают технику захваченным советским топливом, ведут обстрел из захваченного советского тяжелого вооружения, передвигаются по дорогам, обустроенным пленными комсомольцами, составляют целые дивизии из трофейных советских танков, и т. п.; жалобы немецкого военного руководства на активность партизан — от одиночных выстрелов в упор до регулярных крушений эшелонов на железных дорогах. *Гитлер бодр, черноволос; Сталин ведет себя «загадочно» — прячется, когда все оправдывают свое парализованное состояние отсутствием от Сталина распоряжений, отдает кретинические для интересов обороны, но крайне необходимые Гитлеру приказания, что закономерно: всякий напуганный послушен вдвойне.*

Зимняя кампания 1941–1942 года. Немецкие танки достигают подмосковных Химок, откуда видны кремлевские звезды, но остановлены собранным впопыхах ополчением и отброшены дальневосточными («сибирскими») дивизиями; прекрасно действует Полярная дивизия, сформированная из репрессированных «неблагонадежных»; череда поражений гитлеровцев, утрата ими инициативы, при отступлении от Москвы оставляют много военной техники. *Гитлер поседел, но именно его усилиями вопреки намерениям психоэнергетически независимых генералов-стариков остановлено повальное отступление*

в абсолютно проигрышной для немцев ситуации; как ни странно, Гитлер после Смоленска оживился исключительно благодаря Сталину: через Берию Сталин предложил Гитлеру мир, что фюрер расценил как свидетельство окончательной утраты русскими остатков воли к сопротивлению — и оживился.

Летняя кампания 1942 года. Ряд поражений сталинцев — повсюду, в особенности на юге; потеря колоссальных территорий; танки Паулюса разбивают преграждающие им путь воинские части и выходят к Волге, однако рабочие и инженеры Сталинградского тракторного завода танки не только останавливают, но и отбрасывают назад на три (!) километра.

Зимняя кампания 1942–1943 года. Поражения гитлеровцев — повсюду, разгром войск Гитлера в районе Сталинграда и южнее; первая сухопутная победа союзников в Африке над героем Германии Роммелем. *Болезнь Гитлера усугубляется — ходит на полусогнутых; сталинец на фронте, с одной стороны, является проводником ненависти Сталина к Гитлеру, а с другой — водим паранойяльными галлюцинациями самого Гитлера (Гитлер, не имеющий военного образования, в пику аналитикам генштаба заранее описывает условия поражения своих войск — так и выходит [Геббельс, Дневники]), сам Сталин от гитлеровцев огражден сотнями километров отбитой территории и стеной русских, уже вкусивших победы.* Весной 1943 г. Сталин впервые публично отказывается от наступательной доктрины и начинает говорить о стратегической обороне.

Летняя кампания 1943 года. Гигантское напряжение встречных танковых боев на Курской дуге — сталинцы победили.

1944 год. Бесперывные сухопутные поражения вермахта от сталинцев, перемежающиеся поражениями на море от англичан, череда неудачных покушений на Гитлера при участии совсем недавно беззаветно преданных людей. *Часть офицерства с аналитическими способностями отмечает утрату Гитлером части гипнотической силы; немецкая толпа по-прежнему полна энтузиазма идти куда пошлет фюрер.*

1945 год. Дальнейшая деградация Гитлера, он начинает отдавать приказы об уничтожении Германии; немцы, яростно сопротивляясь русским, с энтузиазмом сдаются американцам (Гитлер приказывает сопротивляться, дабы при последующей организованной сдаче в плен сдающихся уважали больше), как, например, при сдаче в плен целого немецкого гарнизона двум заблудившимся пьяным американцам-велосипедистам; самоубийство Гитлера; полное отсутствие в Германии даже антирусского партизанского движения; оказавшиеся в восточной зоне оккупации немцы дружно строят социализм, массами вступая в коммунистическую партию; в западной — немцы строят де-

мократию, аппарат управления — и идеологии — вбирает в себя всю массу амнистированных американцами нацистских преступников; американцы доформируют свой этнос за счет предателей из разных народов.

Бросается в глаза, что последовательность событий нашествия Наполеона и Гитлера в зависимости от времен года воспроизвелась удивительно точно.

Летом — побеждают захватчики.

Зимой — наоборот.

От мороза масло в танках гитлеровцев загустевало настолько, что коленвал не удавалось провернуть даже в тех машинах, в которых еще оставалось топливо, чтобы завести мотор, под танками приходилось разводить костры — оставшиеся без подвоза снарядов и, следовательно, огневой поддержки продрогшие немцы отступали (судя по достаточно скромным потерям в живой силе, раненные убежать успевали), проклиная при этом русскую зиму (**поседевший Гитлер даже издал специальный приказ, запрещающий упоминать это словосочетание — «русская зима», появление новых припадков он рационализировал словами о том, что снег и мороз у него стали вызывать «физическое» отвращение**). Если бы не приказ еще вполне бодрого фюрера «ни шагу назад!» и не его личные истеричные по форме усилия, то немецкие войска под напором вполне бодро себя чувствовавших на морозе дивизий сибиряков и заключенных воркутинских лагерей откатились бы еще дальше. То, что немецкий фронт окончательно не развалился — **персональная заслуга Гитлера**, и это признают даже те немецкие генералы, которые после смерти Гитлера в унисон с **идеологами** стали своего фюрера оплевывать.

Летом 1942 года немцы отогрелись, масло разгустело, — немцы поперли вперед, — однако психологических сил наступать по **всему** фронту уже не чувствовали, поэтому наступали только на юге, преимущественно в районах, так скажем, малорусских — на Украине, в казачьих областях и на Кавказе.

Мороз, конечно, фактор существенный. Но в 43-м немчуре не помогло даже лето — в самый его разгар, потеряв в попытке наступления на Курской дуге все, что можно было потерять, немцы на флангах были разбиты — и под Орлом, и под Белгородом.

Как объясняют адепты суверенитизма, большие успехи русских зимой 1942–1943 годов по сравнению с зимой 1941–1942 годов объясняются тем, что на полную мощь заработали отстроенные уральские и сибирские заводы, они обогнали по объемам производства военной техники всю профашистскую Европу, вместе взятую. (На это объяснение особенно нападают американцы-«внутренники».)

Дело, однако, вовсе не в технике — немцы никогда, ни в 43-м, ни в 44-м не претерпевали такого разгрома, как «комсомольцы» в 41-м. Хотя в технике немцы русским уступали — кроме периода с осени 1941 по весну 1942 года.

А если техники было много, то, может быть, комсомольцы были разгромлены из-за ее дурного качества (толпа в те времена была убеждена в превосходстве именно немецкой техники)?

Но факты свидетельствуют об обратном — наша техника была много совершенней.

Да, действительно, менее чем 4 тысячам немецких танков противостояли более 22,5 тысяч советских танков (в основном типа БТ и Т-26) — качества не худшего, чем у немцев. А из засад, вкопанные в землю, они для немцев тем более были опасны. Но к приятному удивлению гитлеровцев танки эти все время посылали в атаку — в первой же атаке они, как правило, и гибли. Немцы описывают, что их 88-миллиметровое зенитное орудие подбивало за час до 30 советских танков — при этом они удивлялись, что сами эти зенитные орудия и их obsлуга, никоим образом не защищенные бронешитами, не гибли. Удивительна не результативность немецких зенитчиков, кстати, заметно уступавших по академической и практической выучке советским артиллеристам, а то, что благонадежное, по ассоциативно-эстетической оценке Сталина, офицерье посылаю машины и их экипажи на бессмысленную гибель.

Но кроме легких танков БТ и Т-26 на вооружении советской армии были танки Т-34 и КВ — и вот они-то десятикратно превосходили немецкие танки (один сражающийся КВ подбивал до 10 немецких танков, прежде чем его удавалось «успокоить»). И таких машин было несколько более 1800 штук. Иными словами, суммарная мощь одних только КВ и Т-34 превосходила в несколько раз мощь всех немецких танков, подчас вооруженных одними только пулеметами.

Для сравнения можно вспомнить, что в битве под Сталинградом танков этого класса было задействовано меньше — всего полторы тысячи штук, да и противостояли они уже намного более совершенному в техническом смысле оружию немцев — не легким Т-II и Т-III, а тяжелым «Тиграм», «Пантерам» и «Фердинандам», с броней многократно более мощной и вооруженным орудиями намного большего калибра и мощности. Но советские войска в многократно технических худших условиях, чем в 41-м, в 43-м году — победили.

Причина разгрома регулярной армии в 41-м — не в вооружении.

Дело не только не в морозе, не только не в технике, но и не в национальном характере. В XX веке многое было противоположно тому, что происходило в XIX веке: тогда немцы разбегались перед французами, а русские при вторжении Наполеона являли образец

стойкости и организованности (при отступлении, например, не было оставлено ни одного орудия).

Поскольку сражающиеся армии состоят из стайных исполнителей и малочисленных неугодников, то действия войск зависят от соотношения в войсках тех и других и от типа галлюцинаций сверхвождя, которые и определяют поведение стайных по обе стороны от линии фронта.

Анализ эффективности использования одних только танков уже со всей очевидностью показывает, что течение Великой Отечественной войны определялось прежде всего состоянием психики сражающихся, которое по ходу Великой Отечественной менялось у стай **как целого** — вслед за сверхвождем.

Глава двадцать девятая

«БЛИЦКРИГ» ГИТЛЕРА – СИЛЬНЕЙШЕГО ГИПНОТИЗЕРА СТОЛЕТИЯ; ЕГО СПЕЦИФИЧЕСКИЕ МЕЧТЫ, КОТОРЫЕ «ВНЕШНИКИ» – ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ НАЦИОНАЛЬНОСТИ – ЕСТЕСТВЕННО ДЛЯ СЕБЯ ИСПОЛНЯЛИ

Все усилия и жертвы германского народа в этой войне так велики, что я даже не могу допустить мысли, что они были напрасны. Нашей целью по-прежнему должно оставаться приобретение для германского народа территорий на Востоке.

Адольф Гитлер в последние сутки перед самоубийством в своем «Политическом завещании немецкому народу»

Эту не ему принадлежащую мечту начинающий политик Гитлер, сидя в тюрьме, в общем виде записал в «Майн Кампф».

С годами эта мечта уточнялась.

Пространства должны были быть не просто захвачены, а совместное с немцами население («болото» — украинцы, «внешники» — казаки и чеченцы) превращено в послушных рабов, но еще и психологически с немцами нетождественные русские должны были быть уничтожены. Таковых Гитлер среди русских насчитал 85%.

Еще более конкретно его мечта была выражена при разработке плана нападения на СССР «Барбаросса».

План «Барбаросса» и есть, собственно, изложение этих мечтаний — и на удивление напоминает (в общих, разумеется, чертах) намерения Наполеона.

Цель была в том, чтобы, неожиданно перейдя границы Союза, расчленив Красную Армию — и разбить ее по частям, **навязывая генеральные сражения поближе к границе.**

Генеральные сражения — это не новость, к ним стремится всякий «великий военачальник».

Но были в гитлеровском военном плане и отличия.

В плане «Барбаросса» особенно отмечено, что нельзя позволить русским отойти от границы (сверхмечта: чтобы они сами к ней подошли всей массой здоровых мужчин, желательно безоружных; еще лучше — по прибытии оружие складировать, чтобы на его сборы не тратили время немецкие трофейные команды).

Необходимость концентрирования русских здоровых мужчин поближе к границе объяснялась тем, что у немцев на войну не хватало горючего — катастрофически. Англия перекрыла морские пути подвоза, доступные же нефтяные промыслы Румынии были ограничены по производительности — и топлива для танков вермахта и самолетов люфтваффе не хватало.

Именно нехваткой топлива *отчасти* (и даже во многом) объясняется, почему Гитлер не достиг еще больших успехов. Действительно, уже летом 41-го целые колонны немецких грузовиков стояли без горючего, не в состоянии обогнать бегущие толпы комсомольцев; а в подмосковных боях и вовсе целые танковые дивизии не могли принимать по этой причине участие. И так вплоть до последнего этапа войны, когда англо-американская авиация разбомбила склады горючего и установки по производству синтетического бензина (из угля). Тогда нехватка горючего приняла характер катастрофы — у немцев не было топлива не то что для авиации и танков, но даже для автотранспорта. Именно этим объясняется, что многим немцам пришлось погибнуть в боях с русскими в последние дни войны: они попросту не могли исполнить приказ главнокомандующего Дёница сдаться американцам — машины стояли.

Итак, глядя в сторону России, Гитлер, чтобы не оказаться без топлива посреди дороги к Москве, был обречен *мечтать*:

— во-первых, чтобы оборонительные бои Красная Армия не перенесла **вглубь** территории Союза — в таком случае пришлось бы перевозить (и, соответственно, тратить драгоценное топливо) 375 тысяч трупов погибших немецких солдат — такие потери были запланированы генштабом сухопутных войск при покорении России (потерями венгров, финнов, румын и представителей других национальностей немцы не интересовались); при приграничных победах не тратилось горючее также на перевозку техники, которая должна была безвозвратно погибнуть, и сотен тысяч тонн боеприпасов;

— во-вторых, чтобы мосты через реки на территории Союза не были повреждены — **в противном случае пришлось бы тратить**

много топлива на объезды, а также на подвоз материалов для ремонта;

— в-третьих, чтобы сталинцами были разминированы минные поля — их сохранение также грозило большим расходом горючего для объезда;

— в-четвертых, чтобы советские войсковые склады горючего были подвезены поближе к границе с Германией и ни в коем случае с началом боевых действий не были уничтожены (а для этого должны быть подобраны соответствующие кадры складских работников).

— в-пятых, чтобы в Красной Армии была принята концепция наступательной войны — это лишало редких *неугодников* проявить свои возможности в условиях обороны;

— в-шестых, чтобы русские при множестве кандидатур **ни в коем случае не были руководимы верховным главнокомандующим типа Кутузова, а только подхалимами и притом «внешниками».**

Вот, собственно, и все, о чем не имевший бензина Гитлер, планируя «блицкриг», мог мечтать, вернее, не мог не мечтать, — и, как несложно убедиться по сохранившимся записям его высказываний и плану «Барбаросса», действительно *мечтал*.

А Сталин и «комсомольцы» всех рангов вне зависимости от их национальности, будучи «внешниками», эти мечты воплотили.

Глава тридцатая

СТРАННО НЕ ЗАМЕЧЕННЫЙ ГОСПРОПАГАНДОЙ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ИЗ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ. НА КАЖДОГО ПОГИБШЕГО ПАРТИЗАНА — БОЛЕЕ ПОЛУТОРА ТЫСЯЧ УНИЧТОЖЕННЫХ НЕМЦЕВ

Несколько, как может показаться, преждевременное расположение этой главы объясняется необходимостью проиллюстрировать, что эффективное сопротивление гитлеровцам было возможно не только теоретически, но оно происходило и в действительности, причем наиболее успешное сопротивление врагу оказывали люди определенного психологического типа. Другое дело, что именно субвожди советской «внешнической» иерархии не допустили, чтобы *их вождь* Гитлер был разгромлен еще в 41-м.

Отряд Бати (Батеньки) сражался в предгорьях Кавказа (Кубань) в период фашистской оккупации с 9 августа 42-го по февраль 43-го, то есть отряд начал успешно действовать именно тогда, когда Красная Армия после разгрома немцами иницированного лично Стали-

ным наступления под Харьковом поспешно драпала в сторону Сталинграда (тогда же и оказался в плену считающийся сыном Сталина, совершенно здоровый на момент пленения, Яков Джугашвили).

Конечно, обстоятельства лета 42-го иные, чем лета 41-го. В частности, посевший от провала блицкрига Гитлер оживлялся лишь периодически — но все-таки еще оживлялся, порой на несколько месяцев! — и именно *в силу этой еще сохранившейся у сверхважидя способности оживляться психологические обстоятельства* отряда Батеньки могут быть все-таки перенесены на 1941 год. Это тем более корректно, что **сформировался этот отряд в ноябре 41-го и, что характерно, не по приказу свыше, а по инициативе его участников — инженеров и научных работников.**

Очевидно, что раз первые организационные мероприятия эти, *защищенные от мобилизации бронью*, инженеры и научные работники провели в ноябре 41-го, то *решение* именно *о партизанской войне* они приняли еще раньше, задумываться же о формах борьбы, соответственно, начали и вовсе в начальный период войны, слушая сводки Совинформбюро, в которых ежедневно перечислялись оставляемые врагу обширнейшие территории. Если бы Гитлер в 41-м наметил главный удар южнее, не на Россию, а на Украину, и далее на бакинские нефтепромыслы, то люди отряда Батеньки вступили бы в борьбу, возможно, раньше ноября, но не бойцами истребительных батальонов (местное ополчение гитлеровцы на той же Кубани смели, почти не заметив), не в составе воинских частей, а именно партизанами и действовали бы, очевидно, с не меньшим успехом.

Отряд был необычный: он, действительно, состоял преимущественно из научных работников исследовательского института при заводе Главмаргарина в Краснодаре (технари!), а также из инженеров самого завода. Только около 20% участников не имели высшего образования — но это были или высококвалифицированные рабочие, или мастера (в то сравнительно бедное дипломами время они были поистине интеллектуальной элитой!).

Поразителен принцип, в соответствии с которым в отряд подбирались люди: брали не всех желающих, но только тех, кто помимо знаний умел любить конкретное созидание, то есть кроме книг был *увлечен каким-нибудь ремеслом* — скажем, подобно Толстому, мастерством сапожника (инженер-сапожник-сапер — звучит!). Вряд ли участники слышали слово «биофилия», и, естественно, научились отбирать биофилов не по «КАТАРСИСУ», но этим приемом некрофилы-карьеристы из отряда были отсеяны. Что и проявилось в поистине грандиозных делах отряда. **(Итак, главное в отряде — не то, что его бойцы — люди образованные, инженеры и научные работники [многие инженеры этого же завода с немцами сотрудничали], а то,**

что они — биофилы; стремление же к наивысшим знаниям и, в свободное от работы время, созидание — непременно из этого следствия.)

Отряд был экипирован оригинально: пока к стенам института не подошел фронт, в институтских лабораториях синтезировали для военных частей лекарства и взрывчатку — тол (тринитротолуол), и наделали этого тола столько, что армейцы вывезти все не смогли. Создавшиеся запасы начальство при приближении немцев уже было собралось взорвать, но будущие партизаны не дали: увели откуда-то грузовик и за пять дней вывезли все запасы взрывчатки в горы.

Несколько дней после захвата немцами Краснодара партизаны «отдыхали» — обустроивали лагерь в труднодоступном районе гор. А потом *начали*.

Минировали комплексно. То есть, не ограничивались одной чудовищных размеров миной для основного эшелона, но, зная, что к месту крушения придут два вспомогательных поезда *с двух сторон*, закладывали еще две вспомогательные мины чуть поодаль. Зная также, что к месту диверсии из ближайших занятых немцами населенных пунктов на подмогу выедут грузовики с гитлеровцами, на всех прилегающих дорогах устанавливали фугасы; минировали также и обходные пути (один из научных работников обладал невероятным чутьем: он закладывал мины не на «очевидном» месте типа тропинки, а где-нибудь в стороне, под кустиком; когда же над ним начинали подтрунивать, объяснял, что это единственное место, которое может выбрать *немецкий* снайпер, — и точно: на следующий день под этим кустиком находили обрывки тряпок и обломки снайперской винтовки). Словом, при комплексном минировании в течение часа после первого взрыва срабатывали и все остальные заряды...

Немцам партизан ликвидировать не удавалось — за все время существования отряда только трое партизан погибли в бою (из них двое пожертвовали собой добровольно, подорвав гранатами недоснаряженный фугас), двое были казнены (полицаи расстарались) и двое — тяжело ранены. Зато немцам удавалось партизан *утомить* — своим, по выражению партизан, *«квадратным мышлением»*. К примеру, партизаны скрытно подбираются к линии дзотов (древесно-земляные огневые точки — укрыты сверху бревнами, как правило, в три наката), сооруженных немцами в тщетной надежде защититься от отряда Бати. Кто-нибудь из ученых со снайперской винтовкой терпеливо пропускает рядовых — ждет, когда покажется офицерская каска. Появилась: выстрел — офицер падает. Второй ученый изготавливает свою винтовку. К упавшему офицеру бросаются двое рядовых (всегда двое!) — и успокаиваются рядом. Потом — еще двое... Тут из разных дзотов одновременно выскакивают минометчики с ротными миноме-

тами и бросаются в тыл своих дзотов, чтобы оттуда с более удобной позиции накрыть партизан минами, но так как там еще ночью партизаны не забыли установить свои мины, то и минометчики, и их минометы как-то все разом взлетают на воздух. И так далее...

Ужас для добровольных сапожников был в том, что на следующий день все повторялось в точности: офицер, двое, еще двое, выбегают минометчики... И на третий день то же самое... И на четвертый...

Не менялось ничего. Мужики, не привыкшие к тупому конвейеру, не выдерживали натиска этого «квадратного мышления» и уходили обмозговать какую-нибудь диверсию позамысловатей.

Немецкое командование перехитрить партизан пыталось все время. Скажем, перед паровозом воинского эшелона цепляли по три платформы с булыжником, весом своим имитирующие паровоз (мины в те времена были преимущественно нажимного действия, рассчитанные на определенный вес), состав шел со скоростью 5 километров в час (гарантия того, что ценные вагоны при подрыве передних платформ с рельсов не сойдут), охранники висят гроздьями, вдоль полотна следуют машины охранения, — словом, предусмотрели немцы, казалось бы, все... Но нет ничего проще: сапожники заложили шесть чудовищных фугасов цепочкой, чтобы от взрыва крайнего сдетонировали остальные — и ушли. Чудовищные взрывы слились в один — эшелон с железнодорожного пути будто ветром сдуло...

Случалось, что когда в округе все было уже взорвано, а немцы при всем напряжении сил не успевали восстановить мосты и пути для очередной попытки подвезти резервы к осаждающим Новороссийск частям вермахта, то партизанам делать было нечего, и они волей-неволей вспоминали о снайперских винтовках (одной своей, которую удалось достать еще до начала оккупации, и нескольких трофейных: немцы, видя бессмысленность лобовых ударов, постоянно подсылали в засады снайперов-диверсантов — лучше бы просто где-нибудь эти снайперские винтовки для партизан оставляли). Даже девушка, вначале стрелявшая хуже всех, буквально за пару минут смогла уничтожить немецкую засаду из девяти немцев: она забралась на скалу выше этой засады, двоих замаскировавшихся щелкнула сразу, остальные семеро, обученные профессионалы, быстро догадались о дальнейшем и изо всех сил побежали в сторону близлежащего леса... Последний не добежал буквально пару метров.

Но сидеть и щелкать рядовых фрицев, даже по десятку за раз было скучно — куда как интересно захватить танкетку в два выстрела — один в смотровую щель водителя, другой — под приоткрывшуюся на мгновение крышку люка ничего не понявшего, с «квадратным мышлением», стрелка — и отправиться на той танкетке в село, откуда она была послана. Степенно подъехать к штабу, дать длинный сигнал

клаксоном, дожидаться, когда из дверей штаба высыпят любопытствующие офицеры, из пулеметов танкетки в упор расстрелять их всех — и укатить.

Такую штуку отмочили сыновья Батеньки — Евгений и шестнадцатилетний Гений.

К сожалению, они оба позднее погибли, вернее, пожертвовали собой. Они заложили мину под рельс, но тут на большой скорости, а главное, раньше времени стал приближаться груженный состав. Братья не успевали выдернуть последний предохранитель и, понимая, что состав, идущий на большой скорости, — добыча редкостная (скорость — гарантия того, что уничтожен он будет весь), заложенный фугас, когда состав поравнялся с ними, подорвали гранатами. Они знали, что погибнут, — и чуда, действительно, не произошло. При крушении состава (горы, ущелье, большая скорость), по донесению подпольщиков, погибло 500 немцев, да еще после разбирательства немцы расстреляли своих же — всех охранников, отвечавших за безопасность движения.

Отряд за время своей деятельности уничтожил около 8 тысяч (!!!) немцев (вспомните потери отряда!). Столь громадное число получилось, правда, не без помощи самих немцев: после каждой очередной удачной партизанской диверсии (16 эшелонов и бесчисленное число мостов) охранников систематически расстреливали. Самый массовый расстрел — 65 немцев и румын.

С охранниками, вообще говоря, гестапо могло бы обойтись и помягче. У них были смягчающие их вину обстоятельства. Ведь часовые, продрогшие за ночь под непрерывным зимним дождем, который на земле немедленно превращался в ледяную корку, и представить себе не могли, что в *такую* погоду рядом уже несколько часов с мешком неподвижно лежит младший научный сотрудник — в борозде картофельного поля (хотя в *России* научный работник в картофельной борозде — это, вообще говоря, нормально) — и ждет. Часовые у моста не выдерживали поистине адской погоды и заходили в караулку, чтобы покурить (предупреждал ли их Минздрав, что курение рано или поздно нанесет ущерб их здоровью?). Дальше понятно: дипломированный мешочник относил ношу под мост, с чем-то там возился и уходил налегке. После того, как на мост въезжала семитонка или танк, вспышка освещала удивленные физиономии цивилизаторов, догадывающихся, что к ним в гости скоро пожалуют парни в эсэсовских мундирах...

Итак, участниками небольшого отряда (около ста человек) было уничтожено 8 тысяч немцев, румын и полицаяев, взорвано 16 эшелонов, 40 танков и танкеток, бесчисленное число грузовиков, автобусов и машин. Были и сбитые самолеты — немцы, будучи не в состоянии

унять партизан с земли, растеряв снайперов и лишившись минометов, места предполагаемых стоянок партизан к концу оккупации чуть не каждый день бомбили. Им даже удалось расстрелять козу и случайную местную жительницу с двумя детьми. Самолеты партизанам были нужны — как источник проволоки для мин натяжного действия. Вот они и поднялись на вершину горы у входа в ущелье, по которому летал самолет, и когда мимо них и чуть ниже летел довольный своим техническим превосходством фашист, из легкого стрелкового оружия дали залп...

Короче говоря, с отрядом Батеньки все понятно. Остается добавить пару штрихов и обратить внимание на несколько *странностей* — важных для понимания причин разгрома Красной Армии в 1941 году.

Первое. Насчет всего корпуса научных работников заблуждаться не следует. Во-первых, в отряд Бати — Петра Карповича Игнатова — людей отбирали по принципу любви к ремесленничеству, а это не всеобщее качество работающих в науке. Во-вторых, есть еще и верхушка научно-административной иерархии, высшие функционеры, которых, собственно, толпа и считает учеными. Характерная деталь: из Ленинграда в Пятигорск эвакуировали полторы сотни человек высшей профессуры. Когда немцы Пятигорск заняли (все тот же Северный Кавказ, где действовал отряд Батеньки), никто из профессуры в партизаны не ушел, а все дружно отправились в немецкую коммандатуру выразить свой восторг и умиление в связи с приходом *своих*, и вообще преуспели в лизании немцам галифе.

Второе. В приказе о награждении братьев Игнатовых Евгения Петровича и Геня Петровича Золотыми Звездами Героев Советского Союза говорится, что отряд состоял из партийно-советского актива. Это чистейшей воды вранье. Был, в отряде, разумеется, и обязательный по тем временам парторг (его райком навязал *в последний день* перед началом немецкой оккупации!). Судя по воспоминаниям командира отряда (*Игнатов П. К.* Записки партизана), этот парторг занимался тем, что встречал возвращавшиеся с диверсий партизанские группы и их ругал. Неизвестно, покидал ли парторг базу или нет. Может, когда-нибудь и покидал. Однако создается впечатление, что его из расположения не выпускали — «берегли». Больше о роли партии в своем отряде Игнатов не вспоминал. За исключением того случая, когда партийное руководство Краснодара еще до прихода немцев хотело его, Игнатова, из отряда убрать — по их мнению, для организации борьбы с захватчиками Батя был человек неподходящий.

Что касается *странностей*, то характерно, что пропаганда — как сталинская (псевдо«внешническая»), так и постсталинская («внут-

ренническая»), вознесшие в качестве символов сопротивления Зою Космодемьянскую, не нанесшую ни малейшего урона гитлеровцам, и Александра Матросова, который не сумел воспользоваться ни одним из видов выданного ему вооружения (простейший: на ствол укрытого в дзоте пулемета накидывается брючный ремень и оттягивается в сторону), — этот отряд из явных *неугодников*, собственно, и отстоявших Родину, — *не заметили*.

Глава тридцать первая

ЧТО ДЕМОКРАТЫ СКРЫВАЮТ О ГЕНЕРАЛЕ ВЛАСОВЕ?

Генерал Власов психически был во всех проявлениях типичным «внешником», с разве что несколько замедленной пизоидной реакцией на психоэнергетическую вокруг него атмосферу, естественной для обладателя особо вытянутых костей скелета (он был высок и худ) и удлиненного черепа.

Тех русских, вернее, славян, и нередко советских вообще, которые перешли служить к Гитлеру и сражались против своих, и во время войны, и после нее называли *власовцами* — по имени генерала Власова, хотя Власов был далеко не первым из перешедших на сторону немцев.

Последняя должность генерала Власова в Красной Армии — командующий 2-й Ударной армией. Когда Власов перешел на сторону Гитлера летом 1942 года, то его использовали как «свадебного генерала», реальной властью над прежде мифической РОА (Русской освободительной армией) Гитлер наделил Власова лишь в 45-м.

Власовцев (они воевали, рассредоточенные по частям вермахта) сталинцы ненавидели, и если пленного немца могли пожалеть и до сборного пункта пленных все-таки довести, то пленного власовца, пока о его существовании не узнало командование, торопились кончить.

Вот что генерал-лейтенант А. А. Власов писал в своем знаменитом открытом письме «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом?», опубликованном на гитлеровской территории в газете «Заря» 3 марта 1943 года (цит. по: *Екатерина Андреева*, Странник, 1993):

Призывая всех русских людей подниматься на борьбу против Сталина и его клики, за построение новой России без большевиков и капиталистов, я считаю своим долгом объяснить свои действия.

Меня ничем не обидела Советская власть.

Я — сын крестьянина, родился в Нижегородской губернии, учился на гроши, добился высшего образования. Я принял народную революцию, вступил в ряды Красной Армии для борьбы за землю для крестьян, за лучшую жизнь для рабочего, за светлое будущее Русского народа. С тех пор моя жизнь была неразрывно связана с жизнью Красной Армии. 24 года непрерывно я прослужил в ее рядах. Я прошел путь от рядового бойца до командующего армией и заместителя командующего фронтом. Я командовал ротой, батальоном, полком, дивизией, корпусом. Я был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и медалью «XX лет РККА». С 1930 года я был членом ВКП(б).

И вот теперь я выступаю на борьбу против большевизма и зову за собой весь народ, сыном которого я являюсь.

Почему?

...Я видел, что растаптывалось все русское, что на руководящие посты в стране, как и на командные посты в Красной Армии, выдвигались подхалимы, которым не были дороги интересы Русского народа.

...В союзе с Германским народом Русский народ должен уничтожить... и должен построить новую счастливую Родину...

В этой статье интересна каждая деталь. Однако необходимо уточнить некоторые понятия.

Например, что входит в понятие «Русский народ»?

Статья была писана в 1943 году, когда минуло уже почти два года с тех пор, как стали выполняться указания любимца немецкого народа Адольфа Гитлера о 85%-ном уничтожении этнических русских как психологически с немцами (гитлеровцами) несовместимых. О том, как это уничтожение проводилось, о том, как уморили голодом под Минском не только пленных, но и согнанных в лагеря гражданских — мужчин от 16 до 50 лет, о том, что было распоряжение Гитлера от 16 июля 1941 года казнить русских за один только «косо́й» взгляд, о том, что был приказ о **поголовном** уничтожении жителей Москвы и Ленинграда, генерал Власов, к которому приходили обильные разведанные со всех фронтов и немецкого тыла, **не знает не мог**. Следовательно, Власов, если он сохранил способность к логическому мышлению, говоря о «**союзе** Германского и Русского народов», хитрил, на самом деле *обращаясь лишь к той части русского народа, которая была с гитлеровцами психологически идентична*, т. е. к «внешникам». Судя по «всенародной» любви толпы к Сталину, таковых было все-таки больше, чем «помилованные» Гитлером 15%.

Нет нужды долго рассуждать о смысле, вложенном в понятие «счастье» человеком, который в системе, где, по его наблюдениям, могли подыматься лишь «подхалимы, попирающие все русское», смог

дослужиться аж до командующего армией. Счастье Власова отчетливо гитлеровское: «что может быть счастливее ... собрания».

Власов был *свой* не только для Сталина, но и для Гитлера. «Внешник».

Генерал Власов, несмотря на то, что стал символом предательства времен Великой Отечественной войны, за что его в 1946 году и удавили, был для Кавказца, действительно, в доску *свой*. Как и Ростопчин, Чичагов, Багратион — для династии Романовых.

Однако, сначала познакомимся с успешно распространяемыми точками зрения на жизнь и идеалы вошедшего в историю генерала. Коммунистическая историография без малого полсотни лет на все лады трубила, что генерал Власов был **затаившимся врагом**, который свое предательство делу партии **задумал** давно — если довести мысль до логического завершения, то стал предателем, по-видимому, еще сражаясь за красных на фронтах Гражданской. То, что недоучившийся священник Власов хорошо сражался в Гражданскую, а затем, приняв крайне запущенный Туркестанский полк, вскоре сделал его образцовым подразделением Киевского военного округа, а также то, что генерал Власов, по оценке советского генералитета (оценке 41-го года), целых два месяца лучше остальных военачальников защищал Киев (эта защита и привела к катастрофе целую группу армий), — видимо, свидетельствует об особенной злобе и хитрости затаившегося врага. Только затаившийся враг — по этой логике! — мог лучше других защищать Киев. И когда, наконец, пришло *его время*, тогда в 42-м затаившийся враг Власов, злодейски положив всю 2-ю Ударную армию, проявил, наконец-то, себя истинного: перешел на сторону врагов светлого витязя Сталина. Подобная мотивировка событий жизни Власова основывалась на марксистско-ленинском варианте суверенитизма.

В царстве «внутренников», где *чувствовали*, а потому точно знали, что русские есть распоследняя дрянь и вообще империя зла, о генерале Власове тоже писали — и намного больше, чем в России. Генерал Власов, оказывается, был мыслителем, благороднейшей натурой, в глубине души нравственнейшим христианином, хотя и бросил православную духовную семинарию ради Красной Армии. Пошел же он в Красную Армию потому, что «ошибся»: **поверил**-де большевикам, что они есть первая за тысячи и тысячи лет власть, которая не будет обманывать, и, как и обещали, даст землю крестьянам (прадед Власова был крепостным, отец тоже — крестьянин) — в конце концов, разве не об этом у Власова в статьях *написано*? Когда же Власов *разобрался*, то уходить, дескать, ему было уже некуда, кругом торжествовала кровавая ЧК, переименованная затем в НКВД, тоже крова-

вий. Философ Власов вынужден был уйти в себя, что следует из того, что *политикой он до войны не занимался* вовсе, а вот когда присоединился к Гитлеру — то занялся. То, что Власов при Сталине делал военную карьеру не просто блестящую, но блистательную (что вообще типично только для окружавших Сталина уродов), так это только потому, что шибко умный был. А то, что Власов при Сталине не был репрессирован, хотя посадили всех не только стоявших за капитализм («внутренничество»), но и самостоятельно мыслящих и порядочных, — так то *случайно*. А то, что немцам сдался не сразу, а через две недели отсиживания в крестьянской избе, — так это потому, что нравственное прозрение не сразу оформляется. Словом, переломная демократическая наука о человеке. Апофеоз суверенитизма.

И та, и другая точка зрения — абсолютная чушь. Суверенитизм — и этим все сказано.

Какого типа был стержень жизни генерала с позиций *теории стаи*? Что бросается в глаза с первого же, если можно так выразиться, психокатарсического взгляда?

А бросается в глаза то, что Власов — классический тип, *исполнитель-«внешник»*.

Классичность проявляется во всем, начиная от социального происхождения: предки — крепостные (их работать *заставляли*, «внешнический» подход), рекрутов в роду не было, иначе были бы лично свободны: рекрут по завершении срока службы получал личную свободу, его дети тоже.

Классичность выявляется и во вкусах его родителей: отдали учиться на национал-священника «внешнической» империи немецких властителей.

Классичность проявляется на всех промежуточных этапах военной карьеры самого Власова и даже в обстоятельствах пленения, которые столь тщательно стараются скрыть возвеличивающие Власова *идеологи-демократы*.

Заканчивается эта классичность и обстоятельствами смерти этого успешного карьериста, раздавленного рояльной струной, его ненависти к победившему сверхвождя началу.

А теперь подробно.

Не все крепостные жили плохо, в том смысле, что послушная старосте община, подобно стае крыс, грызла не всех подряд. *Исполнители* друг с другом вполне уживались. Не относящиеся к *исполнителям*, то есть те, кому с *исполнителями* становилось скучно, нестерпимо *плохо*, бывали вынуждены или напроситься в рекруты, или бежать туда, где крепостного права не было, — *за Волгу* и подальше. А Власовы жили *на Волге*, на той ее стороне, где крепостное право было — то есть им было *хорошо*, или, как минимум, сносно.

Но вот предки Власова по царскому указу от 1861 года стали лично свободны и могли уже сами распоряжаться своей судьбой. На Волге было много «штундистов»¹ и притом разных толков, однако, родители Власова из всех направлений выбрали религию, наиболее для них ассоциативно-эстетически естественную, государственную — сначала послали сына в духовное училище (здесь выбор уж точно был родителей, сын был еще малолеток), а затем и в семинарию. Словом, Власов в точности повторил «духовный путь» товарища Сталина.

Наступил 1917 год. И тут молоденького семинариста Власова *вдруг* накрыло первое из типичных для его рода людей «*духовно-нравственных прозрений*». Будущий борец за специфическое единство русского и немецкого народов бросает семинарию, берет в руки винтовку и идет сражаться за дело Ленина, выгодное в тот последний год Первой мировой войны исключительно Германии.

Дальше — больше. Эпизод с запущенным полком, который Власов в 1935 году в одночасье вывел в образцово-авторитарные, говорит о многом — с энтузиазмом человек работал, с огоньком, на духовном подъеме.

Как сам Власов справедливо написал, поднимались по ступеням иерархий во времена Сталина только подхалимы — будущий организатор РОА рос быстрее многих.

Генерала Власова Сталин не только не расстрелял, но при личной встрече даже, лаская, назвал дураком.

— *С резервами и дурак справится, а ты попробуй без них*, — это Сталин сказал Власову, когда тот стал просить резервов зимой 41-го. Однако, как бороться в такой стране, как Россия, со сверхвождями, Власов — уж явно не Кутузов — не имел ни малейшего понятия, поэтому все имевшиеся у Сталина в резерве танки — 15 штук — все-таки получил. И их использовал — под Москвой зимой 1941–1942 годов при освобождении Волоколамска.

В той не оправданной интересами защиты СССР мясорубке, которую в начале войны организовал, командуя фронтами, Сталин, генерал Власов был *исполнителем* вполне послушным. Тогда Сталин приказывал наступать почти без, выражаясь языком армейских учебников, массирования военных средств; по личному приказу «отца народов» солдат посылали в атаку даже без винтовок, что, естественно, в кратчайший срок привело к гибели миллиона русских безо всякого

¹ Так волжские национал-верующие обзывали христиан, не согласных с учением государственной религии; от *немецкого* слова «штунд» — «время», «часы»: штундисты в определенное время изучали Библию и молились, — разных людей в этом занятии раздражало разное: одних, что по часам, других — что изучали.

ощутимого урона для гитлеровцев. Шибко умный Власов не прозрел и тогда, хотя находившихся под его командованием солдат (вновь, как и под Киевом, послушных) положил.

Подобные под видом боев расстрелы (гитлеровцам не надо было тратиться ни на их организацию, ни на горючее для подвоза расстреливаемых) было заветной мечтой Гитлера: ему было необходимо, чтобы русские непрерывно **атаковали**, ведь в **обороне** они, как известно, — достаточно вспомнить оборону Сталинграда, Севастополя, Брестской крепости и так далее — отличались от солдат остального мира стойкостью. (Вообще говоря, отдельным русским солдатам даже наступление удавалось превратить в оборону: из немецких мемуаров следует, что одним из кошмаров Восточного фронта было то, что поутру вдруг обнаруживалось, что посреди немецких позиций за ночь успевали окопаться несколько русских охотников — со всеми вытекающими для гитлеровцев последствиями.)

Власов же гнал солдат на пулеметы.

Эти атаки были предметом удовлетворенного веселья не только немцев-фронтовиков, но и начальника генштаба сухопутных сил Германии Гальдера, автора известного «Военного дневника». Гальдер эти атаки так и называл «обычными атаками русских»: трехминутная артподготовка, затем пауза, и волна за волной идут комсомольцы, с криками «За Сталина!» погибая под пулеметными очередями немцев, веселящихся над тотально «ошибочными» приказами высшего командования Красной Армии.

Все ехидство слов: «трехминутная артподготовка, потом пауза и массовая атака без поддержки тяжелого оружия» — из дневника Гальдера нужно еще уметь понять!

Дело в том, что во время артподготовки — обстрела окопов противника из орудий, минометов и реактивных установок — солдаты противника забиваются в дальние щели и, соответственно, огня по наступающим вести не могут. Даже после прекращения артподготовки, прежде чем уцелевшие солдаты опомнятся и восстановят систему огня, остается еще несколько минут, в течение которых наступающие уже успевают подобраться к окопам вплотную. Так, кстати, и поступали **на втором этапе войны**.

Но **на первом этапе** красные командиры и комиссары гнали невооруженных людей под пули по другой схеме: сначала артподготовка, затем давали гитлеровцам время полностью восстановить систему огня, а уж только потом заставляли плотные ряды комсомольцев идти большие расстояния под пулеметным огнем. Всем этим среди прочего занимался и любимец демократов генерал Власов.

Потом, уже в 42-м, в блестящей военной карьере Власова было командование знаменитой своей печальной участью 2-й Ударной ар-

мией, которая в районе Ленинграда повела атаки на болота. Армия, как и предполагалось, завязла, в результате оказалась в «мешке» (от окружения «мешок» отличается тем, что есть узкий, простреливаемый с двух сторон проход к своим), затем в этих болотах достаточно долго сидела, в то время как **Сталин присылал противоречащие один другому приказы, за невыполнение каждого из которых полагался расстрел**. Сухарей было по 50, много 100, граммов на человека в день, и в результате люди, когда сдавались, едва могли поднимать руки. Генерал Власов оказался пободрее других и еще две недели бродил в сопровождении женщины и ординарца по лесам (можно, оказывается, было прятаться и не сдаваться! — это по поводу судьбы редких *неугодников* 2-й Ударной, которые, видимо, в плен не захотели — и выжили). Затем, когда немцы выборочно осматривали населенные пункты, Власов из избы, где мог бы прятаться и дальше, добровольно вышел и — сдался.

И эту деталь воспевающие светлого витязя г-на Власова демократы тоже тщательно обходят стороной; обычно его жизнь описывается так, что создается впечатление, будто Власов разделил судьбу солдат: все они дрались до последнего патрона и были взяты с боя. А между тем сам Власов этой *детали* не скрывал. В мемуарах его подельщики по РОА сообщают, как генерал рассказывал им, что именно в эти две недели блуждания по лесу у него и **произошло настоящее прозрение** о сущности сталинизма. Он **вдруг** понял, что раньше-то, оказывается, накапливал в подсознании (ишь, какие слова знал — и впрямь, не зря демократы восхищаются его умом!) материал, наблюдая все происходившие на его глазах несправедливости коммунистической системы — и так двадцать четыре года! Но вот, когда материал поднакопился, то **вдруг**, именно в ленинградских болотах, у него и началось переосмысление жизни и очередное духовно-нравственное прозрение. (Власов, во все периоды своей жизни классический «внешник», в каком-то смысле не обманывает: с точки зрения *теории стаи*, действительно, именно в это время, когда Власов оказался пространственно разобщен со своим прежним субвождем и окружен со всех сторон немецкоязычной толпой угодников сверхвождя, он, будучи образцовым *исполнителем*, **не мог психоэнергетически не перейти** в стаю вождя более высокого ранга. А насчет подсознания да накапливания материала — обыкновенная рационализация.)

Обстоятельства перехода Власова из одного коллективного органа «внешнической» стаи в другой познавательны прежде всего тем, что в них особенно отчетливо видно, что переходы *исполнителей* высших ступеней иерархии осуществляются без всяких **слов** сверхвождя и его идеологов — к Власову в избу парламентария не наведывались.

Вообще к Гитлеру так переходили все. Альберт Шпеер, по понятиям немцев, интеллигент — архитектор и министр военной промышленности — стал гитлеровцем, как он описывает в своих воспоминаниях, на собрании студентов, **в тот момент, когда Гитлер только вошел в зал и еще ничего не сказал**. Студенты заходились от восторга — и Шпеер «вдруг» *понял*, за кем истина. А матери Шпеера хватило даже меньшего: Гитлер по ее улице лишь проехал на автомобиле (никаких приветствующих толп не было) — и уже на следующий день, даже не прочитав ни одной национал-социалистической статьи, она, прежде противница Гитлера, подала заявление в национал-социалистическую партию.

Власов, после того как его у избы принял офицер разведки СС, быстро предложил гитлеровцам свои услуги. Дело пошло. И хотя Власов сдался в июле 1942 года, а военные формирования из советских жителей, присоединившихся к вермахту, убивали земляков уже с лета 1941-го (первый из полков, перешедших на сторону Гитлера в полном составе, состоял из донских казаков, и произошло это в августе 41-го), все участники этого позора стали называться *власовцами*.

Западная историография и демократы вообще («внутренники») учат нас, что Власов на самом-то деле не был тривиальным предателем (гипнабельным *исполнителем*, выделявшимся страстью к подхалимажу), не с Гитлером вовсе сотрудничал, но радел генерал за интересы русского народа, и притом высшие. *Идеологи видят*, что Власову якобы *казалось*, что легче свалить Гитлера, чем Сталина, поэтому Власов *прежде* пытался свалить Сталина, *а уж потом* взялся бы за Гитлера. (Прекрасная логика для человека, на глазах которого коммунисты отдали полстраны!) Словом, все старания Власова вплоть до 1945 года, когда агония «Тысячелетнего рейха» вступила в свою наиболее зрелищную фазу, были направлены якобы на создание *своей* русской армии — ну, чем несостоявшийся священник госрелигии не суверенная личность? В общем, «нет ничего нового под солнцем»: идеологи-«внутренники» как всегда оправдывают бандитов-«внешников», за что те им брезгливо признательны.

С приходом в России к власти демократов, некоторое время было также модно хвалить всю власовскую Первую дивизию (более 20 тысяч человек) суверенных личностей. Они-де во время пражского восстания обратили оружие против дивизии СС, прибывшей в последние дни войны утопить восстание пражан в крови.

Действительно, отдельные русскоязычные гитлеровцы покидали расположение дивизии и, не снимая немецких мундиров, шли убивать недавних соратников по «борьбе с коммунизмом» (как все это напоминает действия крестьян-*исполнителей* в 1812 году, убивавших

то тех, то этих!). Основной же состав дивизии власовцев под руководством командиров выступил чуть позже этих отдельных лиц и сражался с эсэсовцами только до тех пор, пока не стало понятно, что американцы, которым власовцы хотели сдаться, уже договорились с советскими вождями, что Прага остается в зоне советского влияния. Первая дивизия тут же бросила пражан наедине с эсэсовцами и, спасаясь, чесанула в сторону американцев.

Впрочем, все кончилось хорошо. Чешские партизаны отлавливали командиров Первой власовской дивизии и одних расстреливали на месте, других вешали, а третьих вместе с рядовыми власовцами передавали советским властям. Из 20 тысяч власовцев Первой дивизии половина была тут же пленена Красной Армией. Те, которые оказались у англичан, были по большей части репатриированы в Советский Союз — со всеми вытекающими отсюда у ближайшей стенки последствиями. Оказавшиеся у американцев предатели выданы были не все — своих не выдаем! — но влились кровью и духом в американскую нацию.

Самого Власова поймали тоже наши.

На суде он не отрекся от своего, якобы, «антисталинизма» — как он, похоже, искренно верил, *нового* состояния души. Демократы, профессионально борющиеся с Россией под видом борьбы с коммунизмом, расценили поведение Власова как проявление величия души и причислили предателя и карателя к святым.

Но что было истинной причиной, по которой *исполнитель* Власов вновь не перешел в волю Сталина, на территорию которого он вернулся?

Дело, разумеется, не только в том, что Власов за более чем четверть века восторженного участия в кровавых боях прекрасно усвоил, что *переходить* — можно, это приветствуется; а вот *возвращаться* — нельзя: предателей во всех армиях приканчивают, хотя отнюдь не из благородных побуждений. Так что, кайся, не кайся — все равно скорее всего шлепнут. Надежды выжить — никакой.

Но, может быть, *некрофил* Власов не «покаялся» в очередной раз как раз потому, что совершенно закономерно хотел поскорее умереть?

А *кроме того*, может, и хотел бы «покаяться» — да *не мог*?

Конечно, не мог.

Невозможно страстно влюбиться в то, в чем уже когда-то разочаровался. Да и навык подобных разочарований «чувство» притупляет. Действительно, вернулся Власов не к товарищу Сталину, а к преданной им страстной любви — потому и вел себя на суде, как блудливая стержовная баба, которая доказывает предыдущему любовнику, что он по сравнению с объектом последней ее «любви» — полное ничто.

Совершенно закономерно Власов для русских *неугодников* остался предателем, *а потому мерзавцем*, а для угодников (в стране эмигрантов) — предателем, *а потому святым*.

Но по большому счету генерал Власов предателем *никогда не становился!* Каким он был, таким он и остался — классическим «внешником». *Себя* он не предал. Он не предал принцип, которому был верен в каждый момент своей жизни. Генерал менял только рясы и мундиры; смена форм поверхностна, ведь все три иерархии в его биографии — «внешнические» (православие «внешническое» в том смысле, что таковы его символы, святые и угодники, хотя в системе кормится немало небезызвестных своей жадностью попов и в храмах полно экзальтированных активисток, покупающих себе жизнь вечную в обмен на свечки).

Он даже под страхом повешенья не предал сам принцип иерархии, он был ему верен даже до смерти!

Просто жизнь его сложилась так, что *он время от времени оказывался на вражеской территории*. Был православным, но вот оказался на коммунистической территории, и тоже стал искренним, потом на гитлеровской — и тоже искренно.

Не по своему, заметьте, почину он это делал! Не будь «вражеских» нашествий — большевизма, а затем гитлеровцев — Власов, что называется, верой и правдой служил бы в предоставляемых ему епархиальными советами храмах и там бы дослужился до епископа или митрополита. И будучи на хорошем счету, вовсе не Сталиным, а каким-нибудь патриархом был бы удостоен ласкового: «дурак».

Глава тридцать вторая

КОМСОМОЛЬЦЫ–СТАЛИНЦЫ

Теперь взглянем на более низкие ступени совмещавшейся со Сталиным иерархии. Послевоенные судьбы рассматриваемых элементов тоже небезынтересны.

...Врезался в память длинный полутемный сарай. На соломе двумя правильными рядами лежат 12 трупов в полушубках и валенках. Разведчики-гвардейцы, среди них два лейтенанта и старший лейтенант. Преимущественно высокие, здоровые, сильные ребята. Около каждого из трупов — личное оружие. У всех двена-

дцати — страшные окровавленные лица — убиты ударами топора, обуха, либо каким-то другим тяжелым предметом по голове. Дряхлый, изможденный старик объясняет:

— Ворвались вечером еще впереди танков, немцы разбежались. Хлопцы вошли в избу, увидели бочонок с водкой, напились и легли спать в сарае. Немцы увидели, что больше никого нет, вернулись, окружили сарай и перебили всех прикладами...

...Всему личному составу, находящемуся на пункте, дают по 200 граммов водки ежедневно. Меня называют самым счастливым человеком — три солдата в моем взводе абсолютно не пьют, следовательно, налицо 800 граммов «живительной влаги».

...Много водки. Пьем по несколько раз в день.

Из дневника старшины Николая Иноземцева (1921–1982), будущего академика, вхожего в брежневский Кремль (январь–апрель 1944 года)

На оккупированной территории, в отличие от генерала Власова, Иноземцеву быть не случилось. А если бы случилось?

Это произошло уже после войны.

Поссорились два студента.

Один из них, ныне покойный, запомнился сокурсникам тем, что не стирал свою одежду до тех пор, пока соседи по общежитию, не выдержав вони, под угрозой побоев не заставляли его взять в руки мыло. Впоследствии он стал секретарем Союза писателей СССР: определял, кто есть настоящий писатель, а кто — нет.

Другой студент — сын секретаря обкома партии, крупный академический историк, со времени перестройки — демократ, незадолго до смерти рассказал историю их ссоры.

Поссорились комсомольцы после комсомольского собрания, на котором с трибуны будущий секретарь Союза писателей страстно говорил о том, как он любит товарища Сталина, какая это титаническая фигура, как вся его, комсомольца, душа горит при мысли, что он живет в одну эпоху с *таким* великим человеком.

После собрания два друга шли до общежития пешком.

— Как так можно? — возмущенно говорил будущий историк. — Разве можно о *сокровенном* говорить с *трибуны*?!.. Ведь любовь к товарищу Сталину есть нечто настолько сокровенное, настолько интимное, что это великое чувство можно доверять только самому себе!..

— И хотя мы поссорились, — спустя полвека рассказывал историк, — в нем победил *друг*, он меня *понял* и в органы на меня не донес! За это я ему до сих пор благодарен...

Полезный для размышления случай — в особенности, для представителей ныне модной волны, которые утверждают, что «За Родину! За Сталина!» идущие на смерть кричали по принуждению и что вообще вся страна жила якобы с кукишем в кармане.

На оккупированной территории ни один из них, в отличие от генерала Власова, никогда не был. А если бы оказались?

Украина. Винницкая область. Тывровский район. Село Великая Вульга. Дом через овражек от памятника погибшим в Великой Отечественной войне, точнее, с нее не вернувшимся, — дом там такой один, село обширно.

М. родился в верующей семье христиан-адвентистов седьмого дня (община в селе существует с 1908 года, в те годы в общинах этой протестантской церкви по всей стране верховодили пасторы, удобные руководству из «обрусевших» немцев; иногда, правда, в руководстве церковью попадались прибалты, был также донской казак). Двое из сыновей М. — пасторы. В великовульжской общине вообще гордятся тем, что из их села вышло наибольшее на всей Украине число служителей адвентистской церкви — этот факт полезно иметь в виду при чтении тех нескольких глав, в которых упоминается адвентистская иерархия.

Винницкая область была оккупирована в августе 41-го. **М. на оккупированной территории не оказался** — по той причине, что был мобилизован еще до начала оккупации.

В армию будущий отец пасторов, вопреки убеждениям родителей, ушел *комсомольцем*. Лет ему, наверное, было не более двадцати.

Случай, судя по вооружению (оба участника были вооружены автоматами ППШ, которые в 41-м были редкостью) и по поведению немецких диверсантов, произошел летом 1942 года.

— Идем мы со старшиной по лесу, — рассказывает М. про случай, как он полагает, наиболее рельефно раскрывающий заботу о нем Бога даже в то время, когда он к церкви адвентистов еще не присоединился. — Возвращаемся на передовую. Автоматы тяжелые, плечо обрывают, — молчим. Тихо кругом. Уже почти дошли, вдруг видим — два немца! Один на корточках сидит, кабель связи перепиливает. А другой стоит над ним и смотрит не как должно по сторонам, а на то, что напарник его делает, — словом, нас не видит. Мы со старшиной так к земле и приросли! Потом за куст — шмыг! Дыхание перевели — и тихо-тихо так прокрались в наши окопы... Да, вот так *Бог* меня спас тогда — те немцы ведь даже головы не подняли...

— ...Я тогда неверующим был, комсомольцем. Но уже тогда Бог моими руками руководил: стрелял я всегда мимо — и никого не убил...

Бог уберег. Хотя я тогда и был комсомольцем. Так всю войну и прошел...

Случай бегства от двух диверсантов особенно примечателен тем, что и М., и его старшина были оба вооружены, причем автоматами ППШ; да и фактор внезапности был на их стороне. Немецкие же диверсанты к бою готовы не были, расстояние близкое, огонь на таком расстоянии называется «кинжальным», внезапность на стороне комсомольцев, — таким образом, гитлеровцы были не врагами, не противниками, опасными своими боевыми качествами, но просто *мишенью* — даже для *одного* автомата. А тем более для двух ППШ (бой у ППШ намного более прицельный, чем у немецкого «шмайсера», да и патронов в магазине больше: у шмайсера — 20, а у ППШ больше, кажется, — 35). Немцы были тем более мишенью, что находились в *чужом* тылу (на помощь никто не придет, в лесу можно только бежа-а-ать, да и русские со всех сторон могут повыскакивать), и психологическое преимущество (с точки зрения суверенитизма) было тоже явно не на стороне немцев.

Однако, бежали не гитлеровцы, а комсомольцы. О старшине теперь уже ничего не узнать, а М., украинец, родом из села, не давшего, несмотря на все грабежи и глумления оккупантов, ни одного партизана, зато выделившегося рекордным по Украине числом адвентистских пасторов; с годами М. «прославил Бога за чудотворное спасение» в церкви, руководимой всю его сознательную жизнь *немцами* (американцы вытеснили немцев позже).

Понятие «комсомолец» в данном случае условное: старшина, хотя старшинами в войну часто бывали люди молодые, из комсомольского возраста, возможно, все-таки уже вышел. «Комсомолец» — это понятие психоэнергетическое: одна из наиболее гипнабельных, в силу молодости, категорий населения. «Комсомолец» — это одна из форм *исполнителя-«внешника»* невысокого в иерархии ранга вообще, а в нашем конкретном случае — времен Великой Отечественной.

И старшина, проверенный сталинец, и М., будущий отец адвентистских пасторов, — оба «комсомольцы», и действовали они единым духом, руководимые отнюдь не логическими рассуждениями. Случай вскрывает механизм массовых пленений 41-го года *на индивидуальном уровне* — причина разгрома явно не в вооружении и не в иных арифметически-суверенитических обстоятельствах.

Эпизод этот показателен еще и тем, что случившееся в лесу бегство определялось вовсе не распоряжениями командиров, тех самых, которые к радостному изумлению немцев, получив приказ, *«после паузы»* отправляли комсомольцев в заведомо обреченную на провал атаку; комсомольцы все решили *«сами»*, даже не посоветовавшись. Случай особенно поучителен для тех, кто обманут объяснением причин

поражений 41-го *неожиданностью* гитлеровского вторжения. Характерная деталь: оба «комсомольца» — так называемые «обстрелянные».

На оккупированной территории М., в отличие от генерала Власова, никогда не был.

Г. А. М., мать автора, 1926 года рождения, г. Ковров, Россия.

Г. А. М. из раскулаченных, и притом не по ошибке, — она из купеческой семьи наивысшей 1-й гильдии. Все детство она ходила по улице, которая до большевиков принадлежала ее семье вся.

Для обманутых торгашеской теорией суверенитизма, в соответствии с которой Г. А. М. должна была бы быть затаенным врагом Сталина: *она антисталинисткой не была.*

Более того, товарищу Сталину она предана даже на восьмом десятке лет, даже через десять лет после падения коммунистического режима.

— Все, кто его сейчас ругает, — говорит она про захвативших после смерти Брежнева власть в стране детей и внуков тех, кто был репрессирован Сталиным — это мелкие шавки, твякующие на *льва*. Сталин же был — *лев!*..

Она — «комсомолка», хотя в комсомол, который Г. А. М. застала во «внешническом» варианте, она не вступила — и тем от многих отличалась.

На оккупированной территории, в отличие от генерала Власова, никогда не была.

...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. Голиков жалуется на Деканозова и своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!..

*Лаврентий Берия, руководитель госбезопасности СССР.
21 июня 1941 года*

На оккупированной территории, в отличие от генерала Власова, никогда не был.

Таким образом, получается, что *молодежь*, а именно солдаты призывного возраста, *вне зависимости от социального происхождения* — из адвентистов, православных, коммунистов или крупного купечества — были Сталину преданы, вплоть до грозивших репрессиями ссор «интимного» характера.

Их как «внешников» закономерное поведение в 41-м *при вторжении «внешнического» сверхвождя*: опустившиеся руки даже в выигранной ситуации, а затем, в лучшем случае, паническое бегство.

В меньшей степени терять голову должны были только зрелые *неугодники* и яркие «внутренники». Однако, они были или в лагерях, или оказались в строительных частях «неблагонадежных» — лишенные по приказу «внешника» Сталина оружия.

«Внутренники» добровольцами на фронт идти не стремились, с удовольствием занимая освободившиеся места на предприятиях и в появившихся спецраспределителях. Отлынить от передовой было тем более легко, что одного солдата на фронте должны обслуживать 5–7 человек в тылу, в том числе и люди призывного возраста, одетые в военную форму.

Неугодники же стремились в партизаны.

Итак, на фронте 41-го типичный рядовой боец, включая и младших командиров, — «комсомолец».

Глава тридцать третья

«СТРАННОЕ» ПОВЕДЕНИЕ ПОЛИТРУКОВ. МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Политруки и комиссары — ступень в иерархии промежуточная между уровнем, скажем, генерала Власова и уровнем обыкновенного комсомольца-исполнителя.

Поведение политруков не есть просто среднее арифметическое между поведением командира корпуса (таковые вблизи противника оказывались редко, да и оказавшись в плену могли, как Власов и ему подобные, надеяться на сносную жизнь) и поведением рядового комсомольца.

Политруки и комиссары были в положении *особенном*: с одной стороны, они, в отличие от высоких ступеней иерархии, находились в непосредственной близости от противника, с другой, они были особенно *напуганы* тем, что знали наверняка, что их как *якобы* разде-

ляющих откровенно торгашескую идеологию марксизма (что люди якобы поступают так, как им *выгодно*) немцы приравнивали к евреям и, согласно приказу Гитлера, при пленении расстреляют уже в прифронтовой зоне.

Большая, по сравнению с обычными «комсомольцами», авторитарность мышления, близость к немцам и животный страх людей, так скажем, не увлекавшихся размышлениями, делал политруков и комиссаров многократно более гипнабельными, чем «комсомольцы»...

**Политдонесение
управления политпропаганды Западного фронта
в ГлавПУ РККА¹**

из Могилева

30 июня 1941 г.

Секретно

...В 43 БП 12 АД воентехник 2 ранга Бельман, парторг эскадрильи, будучи на аэродроме, крикнул: «Высадился десант, нас окрывают, бежим!..»

...В этой же дивизии воентехник 2 ранга 215 ап Мурашкин, капитан Клюев и капитан Щепкин 25.VI.41 г. услышали звук трактора, решили что это немецкие танки и убежали за 60 км от аэродрома, захватив с собой 6 бойцов...

...Нач. отдела укомплектования 3 армии полковой комиссар Сударикив в паническом состоянии, боясь окружения, открыл стрельбу по начсоставу штаба, ранил себя легко в бровь, порвал партийный билет и все документы...

...Панически бежали все работники 3 отдела (политотдел. — А. М.) 7-й армии во главе с зам. нач. отдела Саутиным...

...В 188 зенитном полку покончил жизнь самоубийством политрук Суровцев. В Уручье при окружении диверсантов, Суровцев каким-то образом попал в круг и, приняв командиров за немецких шпионов, покончил жизнь самоубийством...

...Командир батареи 24 кп 36 кд Ефимов с одной зенитно-пулеметной установкой настиг группу немецких танков и мотоциклистов. Подойдя в упор к противнику, тов. Ефимов принял бой. Огнем пулеметной установки он сжег два танка противника и один подбил, расстрелял офицеров-мотоциклистов и расчет танков...

...Капитан тов. Гастелло² 27.VI.41 года³, выполнив боевое задание, стал разворачивать самолет, но снаряд вражеской зенитки попал прямо в бензобак и огнем охватило весь самолет. Бесстраш-

¹ Цит. по: *Исторический архив*, № 2, 1995. В представленных документах сохранена орфография и пунктуация первоисточников. Выделения в текстах — автора. (*Примеч. ред.*)

^{2, 3} Так в документе. Правильно: Гастелло, 26 июня 1941 г.

ный коммунист направил горящий самолет на группу вражеских автомашин и бензоцистерн, десятки машин полетели от взрыва в воздух...

*Зам. нач. УПП Зап. фронта
бригадный комиссар*

Григоренко

(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 67. Л. 40–45. Копия)

**Политдонесение
отдела политпропаганды 11-й армии
в УПП Северо-Западного фронта**

г. Идрица

5 июля 1941 г.

Секретно

...Имеются факты проявления трусости и дезертирства со стороны командиров и политработников, оправдывающихся тем, что они «отбились» от подразделений. Немалое количество командиров и политработников срывали с себя петлицы и знаки различия, пример к чему дал заместитель командира 211 АП по политчасти батальонный комиссар Кузнецов...

...Часто можно было слушать заявления красноармейцев о том, что «наши командиры разбежались»...

...Часто у снарядов не было взрывателей, а у минометов мин...

...Большая часть раненых оставлена на поле боя...

*Начальник ОПП XI армии
бригадный комиссар*

Рудаков

(ЦАМО. Ф. 221. Оп. 1362. Д. 25. Л. 17–22. Подлинник)

**Политдонесение
политуправления Юго-Западного фронта
в ГлавПУ РККА**

2 сентября 1941 г.

Секретно

...Расширением контингента рекомендуемых *созданы условия, облегчающие вовлечение в партию отличившихся в боях бойцов и начсостав*...

...Заявления о приеме в партию поступают от бойцов и командиров, *проявивших себя в боях*...

...Принятый в партию лейтенант Рудник (558 сп 159 сд), будучи 29 августа с отрядом в разведке, лихим налетом выбил немцев из с. Григоровка, уничтожил 110 фашистов, захватил 10 пленных, ценные документы и др. трофеи. ...Рудник представлен к высшей правительственной награде...

...Имеются факты, когда секретари партбюро не помогают **боевому активу** (читай: препятствуют. — А. М.) в получении рекомендаций (к приему в партию. — А. М.) и оформлению документов...

...В районе Окуниново минометным огнем противника была разбита машина, на которой находился крупнокалиберный зенитный пулемет 212 ВДБ. Расчет во главе с командиром отделения Гуциным снял пулемет с машины, окопался и продолжал бой. Ими подбиты два танка, самолет и уничтожено до 50 немцев. Весь состав боевого расчета ранен, но до конца боя никто не ушел со своих мест...

...В 284 сд 27 августа... посланы в секрет 12 красноармейцев. На второй день было установлено, что 10 из них дезертировали...

*Начальник политуправления ЮЗ фронта
бригадный комиссар*

Михайлов

(ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 50. Л. 47–55. Подлинник)

**Спецсообщение
особого отдела НКВД Западного фронта
члену Военного совета Западного фронта Д. А. Лестеву
«Об изменнике Родины б/политрука¹ 1 роты 918 СП
Сидорякина¹ Ф. А.»**

*19 сентября 1941 г.
Совершенно секретно*

В ОО 250 СД 30 армии поступили агентурные материалы о том, что политрук 1 роты 918 СП Сидорякин Федор Антонович, 1901 года рождения, член ВКП(б), высказывает намерение перейти на сторону врага.

Проведенными допросами эти данные полностью подтвердились.

Допрошенный по делу командир отделения 918 СП Шляпин Петр Кузьмич показал:

«6 сентября с. г. я увидел на передовой линии в 30–40 м от немецких окоп стоящим открыто во весь рост политрука Сидорякина. Сидорякин что-то махал рукой немцам, после вернулся

в мое отделение и в присутствии красноармейцев Шишова Ф. И. и Шишова П. И. сказал: „Как воевать будем?“ — Я ответил, воевать будем пока не победим. Сидорякин сказал, все равно нам помирать, давайте пойдем в плен к немцам...».

Командир взвода того же полка Кривоший Сергей Григорьевич полностью подтвердил показания Шляпина, заявив:

«Часа в 3 дня, в 3 взвод пришел политрук Сидорякин и сверху во весь рост стал ходить по окопам. Немцы повывлезли из окопов и стали кричать: „Русь, давай сюда“. Наши тоже поднялись из окопов. С левого фланга к нашему расположению подошел Сидорякин, я стал звать его в окопы, на что он ответил: „Ничего, я с ними комрад“. Я спросил его, что это значит? Сидорякин разъяснил, что он с немцами приятель и предложил нам собираться, только без оружия и идти к немцам. При этом он говорил: „Вот мы здесь воюем, а наше начальство сидит в тылу“».

В результате проводимой Сидорякиным к/р агитации из расположения части исчезли два красноармейца и командир минометного отделения Поляков Михаил Архипович. Факт исчезновения проверяется.

Сидорякин Ф. А. нами арестован.

Результаты следствия сообщу дополнительно.

*Начальник Особого Отдела НКВД Западного фронта
комиссар государственной безопасности
3 ранга*

Л. Цанава

На документе имеется резолюция:

Григоренко. В 30-й армии это не первый случай. Видимо, работает какая-то сволочь. Надо составить, по фактам, обобщенное предупреждение В/С и п/отд. армии. Д. Лестев. 19.9.41.

(ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 23. Л. 101–102. Подлинник)

Политдонесения — важный массив задокументированных свидетельств о происходившем в 1941 году: прежде всего потому, что некоторая их часть, правда, весьма незначительная, сохранилась.

Как и все прочие документы, политдонесения объективную действительность искажают.

Вообще, действительность искажает, создавая документ, всякий человек (пророк [апостол, курьер], разумеется, в меньшей степени):

во-первых, **осмысленно-систематически;**

во-вторых, **непроизвольно-систематически;**

в-третьих, в состоянии аффекта.

¹ Так в документе. (Примеч. ред.)

Систематические искажения первого рода даже после смерти автора «вычислить» проще, чем второго.

В самом деле, чего не мог не бояться бригадный комиссар типа Григоренко, вокруг которого за последние несколько лет было расстреляно такое грандиозное число командиров и комиссаров разного уровня?

Естественно, бригадный комиссар не мог не бояться пыток в подвалах НКВД и последующего за этим расстрела.

Чтобы не быть расстрелянным, **надо было по велению сердца быть «внешником»**, и, как следствие, быть преданным Сталину (начальству) по-собачьи.

Это — на психоэнергетическом уровне, а на логическом?

На логическом уровне нужно было являть свою веру в мессианскую роль иерархии, называвшей себя коммунистической партией, говорить и говорить о верности всех ее догм.

Бригадным комиссаром мессианская роль коммунистической партии должна была по должности фиксироваться в виде политдонесений о поступках элементов военной иерархии — поступках действительных или мнимых.

Следовательно, бригадный комиссар под угрозой пыток и расстрела должен был **выискивать** героические поступки именно членов ВКП(б) и описать именно их, причем в приукрашенном виде. В ущерб описаниям действий, скажем, тех же «неблагонадежных» (кто знает о героизме Полярной дивизии из политзаключенных? или о том, какова боевая судьба сыновей раскулаченных, которых Сталин вывез в приграничную зону безоружными, но которые в плену почему-то не оказались? а о дивизиях из политзаключенных в составе армии Рокоссовского?).

С другой стороны, бригадный комиссар Григоренко предательское, паникерское поведение политруков и комиссаров не мог не прятать. Если бы из его донесений получалось, что главная на фронтах мразь — это политруки и комиссары (а следовательно, и секретари обкомов и... о-о-о!.. С-с-с-сам?..), то расстрел бригадному комиссару Григоренко, как и любому другому, был гарантирован — «за очернение советской действительности и учения Маркса-Ленина-Сталина».

Таким образом, очевидно, что попавшие в политдонесения поразительно многочисленные случаи предательского поведения парторгов, политруков, комиссаров, секретарей обкомов (стрельба по штабным и не желающим драпать, самоубийства, обычное лежание на дне окопа во время боя с приступом «медвежьей болезни», агитация сдать гитлеровцам — такое, оказывается, бывало систематически, вплоть до, как минимум, сентября 41-го!) — лишь верхушка айсберга происходившего в действительности.

И такое *осмысленное* процеживание информации проделывали комиссары **на всех уровнях**: высшие процеживали и без того уже процеженное на нижестоящем уровне, — тем, среди прочего, затрудняя будущую работу историков.

Но зато это вранье открывало шлюзы потокам вранья от верно-подданных *идеологов*.

Прежде чем перейти к рассмотрению принципов *непроизвольных* искажений действительности в документах, необходимо учесть то, что в документах *предателем ни в коем случае не мог оказаться элемент иерархии, назначенный самим пишущим донесение*. Вспомните резолюцию замполита: «не первый случай... видимо, работает какая-то сволочь...» А кто «сволочь»? Тот, кто назначал. Вор не тот, кто украл, а тот, кто попался. Вот и получалось, что голову снесли бы за *донесения* (не за измену прямых подчиненных, а за сообщение об этом) тому, кто *назначал*. Естественно, что в отчеты попадало более низкое звено, а в конечном счете — наинизшее вроде ротных политруков или батальонных комиссаров, ниже которых спуститься было просто некуда.

Итак, документы сохранили сведения о предательстве лишь высших комиссаров (тех из них, кто решался из тыла приблизиться к зоне боевых действий), а также низшего звена; поведение же среднего эшелона политкомиссаров по понятным причинам зафиксировано практически не было.

В политдонесения вносились искажения еще и *систематически-непроизвольные*. Писавшие политдонесения были носителями диких суеверий типа дарвинщины, суверенитизма, психологического равенства наций и известного учения о приоритете классовой борьбы. О том, до какой степени у комиссаров и гэбистов мышление было загажено учением о классовой борьбе, можно судить по тому, что когда из Европы стали поступать сообщения, что немцы массами уничтожают евреев, то сталинцы *совершенно искренно* в прессе «разъясняли»: не евреев-де уничтожают, а *богатых* евреев, гитлеровцы-де таким образом добывают себе материальные ценности.

Другим следствием «учения о классовой борьбе» было ложное представление, что Кавказец — никакой не невротик, не урод, не человек, склонный к болезненным зависимостям, но, напротив, борец за интересы мировой революции, что у него вообще никакой психики нет. Также следовало и то, что самыми лучшими бойцами должны быть не только коммунисты и политруки (отклонения *случайны*), но и секретари райкомов и обкомов — потому что они все **заинтересованы, им-де выгодно**. О глубине этой фанатичной веры можно судить по тому, какие выводы делались из статистических отчетов: скажем,

из того, что из 32 партизанских отрядов, созданных в Орловской области из партийцев и возглавляемых ответственными партийными работниками, действовало лишь 5, делался вывод (что интересно, даже в 1996 году!! — см. в кн.: *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М.: Наука, 1996), что коммунисты лишь кое-где и лишь порой не выполняли своего долга.

Об истинных масштабах предательского (*исполнительского*) поведения функционеров коммунистической иерархии известно не только по рассказам ветеранов, но косвенно по документам, составленным гитлеровцами. Можно вспомнить хотя бы, с каким ожесточением препирались между собой гестапо и вермахт, кому из них расстреливать — ох, и утомительная же это работа! — массы сдавшихся политруков и комиссаров: *из-за малого числа столь напряженно бы не спорили*. И это притом, что *исполнители* регулярной Красной Армии «внешнического» типа погибали первыми, следовательно, до плена доживала лишь малая часть политруков — остальные бездарно в истерической панике гибли, «не вовремя» выскакивая из окопов, кончали жизнь самоубийством, принимая свое непосредственное начальство за немецких диверсантов, или были вовремя арестованы «органами».

При изучении документов политуправлений **необходимо учитывать, что политруки и комиссары были одного типа — «внешнического»-«удобнического» — преимущественно в необстрелянных частях** (то есть, формировавшихся еще до войны, а после ее начала — в тылу; в таких условиях ценятся только подхалимы). Если же воинская часть уже побывала в бою и *назначенный начальством и удобный иерархии* комиссар или политрук куда-то исчезал (переходил на сторону немцев, погибал, как и прочие трусы, в первом же бою из-за «необъяснимого» поведения, или, перемазанный после принародных приступов «медвежьей болезни», бывал отозван в тыл — на повышение), то **новые политруки**, если и не выбирались рядовым составом, то **назначались из «проявивших себя в бою»** (были соответствующие традиционные приказы). В условиях отступления и оборонительных боев — **из способных вести оборонительный бой**.

Кроме того, надо учитывать, что, хотя политруком мог стать только член партии, а после сталинских чисток там остались понятно кто, однако уже летом 41-го порядок приема в партию людей *неудобнического* или вялоудобнического типа был облегчен — принимали **отличившихся в оборонительных боях**. Положенные три года испытательного срока сократили до месяца, кроме того, снизили продолжительность стажа тех, кто мог в партию рекомендовать, — и коммунисты-фронтовики стали вытеснять коммунистов «мирного» времени.

Характерно, что выжившие в чистках коммунисты (подсознательно одного со Сталиным типа, т. е. «внешники») **этому процессу сопротивлялись повсеместно** — что также нашло свое отражение в политдонесениях (см. выше).

Политруки-фронтовики *в обороне* действовали противоположно политрукам-подхалимам. Не только не хуже, чем беспартийные, но — поскольку выбирались самые достойные, — возможно, что и лучше.

Но это касается политруков и комиссаров только первого этапа войны: с августа 1941 по конец 1942 года!

На **втором этапе войны** положение стало возвращаться к исходному: *исполнители* действовали бесшабашней *неудобников* (разве не будущий вор в законе Булатов первым водрузил знамя над рейхстагом?), и теперь именно они, **проявившие себя в наступательных боях**, и стали определять лицо очередной волны принимаемых в партию, и соответственно, партийной элиты «на местах» — политруков и комиссаров.

Глава тридцать четвертая

ДРАП

ДРАПАТЬ, -аю, -аешь; *несов.* (прост.).
Убегать, улепетывать. // *однокр.* драпануть, -нү, -нëshь. // *сущ.* драп, -а (-у), *м.* Дать драпу (то же, что дать деру).

*Толковый словарь русского языка
Ожегова и Шведовой*

Этому слову меня научил отец — Меняйлов Александр Алексеевич (1907–1985) — фронтовик, техник-лейтенант запаса, доктор геолого-минералогических наук (1957), специалист в области геофизики и вулканологии, — рассказывая о замалчиваемых пропагандой и историками событиях 1941 и 1942 годов. У отца — 4 ранения, одно из которых тяжелое.

Войну он встретил на Урале, где, как обладатель инженерно-технического образования, был из геологов переведен на оборонный завод — изготавливал артиллерийские снаряды. В 1941 году он сделал рационализаторское предложение, стоившее гитлеровцам, верно, не одну тысячу жизней. Рацпредложение состояло в уменьшении числа витков резьбы на оберегающем взрыватель снаряда колпачке с двадцати до трех (все равно 95% силовой нагрузки сосредотачивается на первых трех витках резьбы), что позволяло резко уменьшить время подготовки снаряда к боевому использованию. При этом скорострель-

ность орудия увеличивалась и не снижалась даже при потерях в боевом расчете (что в артиллерии характерно для оборонительного боя).

С начала 1942 года отец на фронте (ему к тому времени уже исполнилось 34 года — кстати, родился в один день с генералом Власовым, 1 сентября). Боевой орденом Красной Звезды (порядковый номер — 344776) получил в том же 1942 году, в ноябре. Орден по тем временам достаточно редкий, а ведь была Финская и другие внешне победоносные войны. Это позднее, в 1944–1945 годах ордена обесценили, раздавая их направо и налево по поводу всякого отхода немцев, а медаль «За боевые заслуги» фронтовики окрестили медалью «За бытовые услуги».

Орден отец, правда, получил не за самый свой главный, в его понимании, бой. Самым главным был бой оборонительный, в составе пехотного батальона, куда отец был переведен из артиллерии. Бой шел весь день, и к вечеру **из штатных без малого тысячи человек в строю осталось четырнадцать**. Поскольку остальные офицеры выбыли из строя, то командование батальоном перешло к беспартийному отцу, *технику*-лейтенанту. Несмотря на отчаянное (с арифметической точки зрения) положение, остатки батальона позиции не оставили и продолжали драться — и победили! Среди прочего еще и потому, что **в сумерках на подмогу подошел один (!) танк**. С того момента, собственно, все остававшиеся в строю, оглохшие и перетомленные, и вздохнули с облегчением — *отстояли!*..

Танк Т-34 в обороне, действительно, — сила колоссальная!

Будь в их распоряжении хотя бы один танк с утра, батальон таких потерь, возможно, не понес бы.

Но танка не было! Даже, возможно, и в резерве.

Были в жизни отца и другие бои, и, хотя подсчитано, что *среднестатистический* срок жизни пехотинца в окопах во времена Великой Отечественной не превышал трех дней, отец, несмотря на громадный по тем временам рост — 179 (выше остальных чуть не на полголовы), выжил, хотя и получил два касательных ранения и был контужен.

Вскоре в том же 1942 году при освобождении русской деревеньки во время тех самых знаменитых бессмысленных «обычных атак русских» был немецким снайпером ранен навывлет *разрывной* пулей (запрещенной конвенциями). Спасибо какому-то немецкому бракоделу (может быть, пулю делал пленный?) — разрывная пуля «распустилась» в теле отца только на выходе, вырвав мягких тканей тела килограмма два. Но даже с таким непостижимым ранением отец, рухнув за деревянный сруб колодца, слыша топот подбегающего из-за угла избы бойца, во всю силу закричал: «Назад!!» — и спасенный боец искал себе путь вне сектора обстрела гитлеровского снайпера. Ту деревеньку, за которую отцу дали орден, у гитлеровцев отбили...

Вообще, пулевой канал ранения довольно необычен — **спереди снизу вверх**. Такое направление могло возникнуть только в ограниченном числе случаев. Например, если отец уже нависал над окопом снайпера и тот просто не успевал довести дуло винтовки выше, и, смотря в глаза смерти, дернул за спусковой крючок раньше времени. Отец, правда, не рассказывал, что он того снайпера кончил.

Другое объяснение то, что отец на бегу перепрыгивал забор или плетень (у отца первый разряд по лыжному спорту и первый разряд по альпинизму). Или откуда-то прыгал вниз, скажем, с чердака избы — ведь путь по стене избы вверх, а затем по чердаку вполне *естествен* для альпиниста и научного работника.

Год отец провел по госпиталям, пока нарастала и зарубцовывалась вырванная мякоть (кости, между которыми прошла пуля, чиркнув походя по мошонке — десятки доли миллиметра, и автор никогда бы не родился, — каким-то чудом оказались не задеты). Еще год на костылях, затем, даже в военной форме, — палочка, потом и ее оставил. Медкомиссия признала, что отец годен к нестроевой, и он стал преподавать в топографическом училище, а затем стал начальником училища — женского, потом полякам преподавал.

После войны — немедленно демобилизовался и вернулся к научной работе: кандидатская диссертация, затем — после смерти одного источавшего ненависть академика (уже забытого) — немедленное присуждение степени доктора наук.

Родители отца умерли в 1921 году во время знаменитого голода в Поволжье: они уморили себя добровольно, чтобы еда осталась детям. Все семеро их детей выжили — отец был старший. Он затем младших и кормил — с 14 лет работал грузчиком, а с 16 — курьером в ЧК — два нагана и прочий антураж. Происходило все это в городе Самаре.

С первой своей женой, еврейкой, отец развелся по причине ее неверности в период войны. От нее — сын Игорь и дочь Ирина. Игорь Александрович Меняйлов, вулканолог, погиб, как говорили в заглавных новостях всех телевизионных каналов по всему миру, «поглощенный раскаленной лавой» в Венесуэле, куда он на начавшееся извержение в числе группы ведущих вулканологов мира вылетел с международного конгресса.

Со второй женой, хотя и русской, но купеческой если не дочкой, то во всяком случае внучкой, отец развелся по той же причине — ее неверности.

Но прежде, когда отцу было уже 50, в 1957 году от нее родился сын Алексей — автор этой книги.

Умер отец в 78 лет, биологически преданный, в сущности, всеми, кроме некоторых своих учеников, которых он «вытягивал» на защи-

ту диссертации, когда они входили в конфликт с мышлением академической иерархии.

Отец! Прости меня! В том числе и за непонимание.

А рассказы твои я запомнил — все. Запомнил — и сохранил.

В том числе и о 1941 годе. О событиях, о которых ты, вопреки официальному, в сущности рискуя, говорил мне, мальчишке: *это был — драп.* Да и про 42-й год тоже говорил: *драпали.*

С каким чувством драпали верные Сталину комсомольцы, можно ощутить, естественно, только одним способом, — сосредотачиваясь на «характерных деталях». И понять, благодаря родовой памяти, можно, — если хоть один из предков это видел — *и хотел понять.*

Иных свидетелей быть не может, ведь невозможно составить картину происходившего в 1941 году по протоколам допросов тех немногих выживших профессиональных военных, которые для того, чтобы избежать передачи дела в трибунал, на допросах особистов обречены были «вспоминать», как они «отступали, отстаивая каждую пядь земли от превосходящих сил немцев, защищались до последней капли крови». Освобожденные в конце войны советские военнопленные еще *до* допросов особистов сочиняли себе легенды — они также на допросах были заинтересованы не рассказывать правду, но, напротив, спасти свою шкуру.

Остаются кроме свидетельств выживших *неугодников* еще рассказы тех, кто оказался в зоне оккупации, тех, мимо кого в 1941 году драпали политработники, а за ними коммунисты и комсомольцы.

«Характерная деталь» взята из истории уже упомянутого в главе «Комсомольцы-сталинцы» украинского села Великая Вулыга Тывровского района Винницкой области.

Много сел на Украине, очень много, но я, автор, был, наверное, только в десятке-двух. *Почему-то* меня *притянуло* неизвестное село Великая Вулыга — именно притянуло, потому что добраться до него было несколько сложнее, чем до многих прочих. Но я добирался, и работал там над рукописью (о русских еретиках XV века) *дольше, чем в других селах.* И даже когда увидел на памятнике павшим свою фамилию, целый список однофамильцев, не сразу понял, что притянуло меня, похоже, на родину прапрадеда.

Да, прапрадед был с Украины, но откуда, из какого села, города или даже области — на логическом уровне памяти родственники отца не сохранили.

Фамилия у автора редкая, и притом весьма, — тем многозначительнее встреча с однофамильцем, который на самом деле, скорее всего, дальний и не помнящий родства родственник.

За всю жизнь мне не удалось встретить ни одного однофамильца, хотя их по справочникам многих и многих городов я и искал.

А тут, в Великой Вулыге, на том самом памятнике в центре села в списке не вернувшихся с Великой Отечественной войны солдат и офицеров — я обнаружил пять или шесть имен; не то чтобы свою фамилию в точности, но самую близкую из известных мне форм — Міняйло.

Отец, родом из-за Волги, из Самары, рассказывал, что один из его прадедов (прапрадедов?) по мужской линии, судя по фамилии, был украинцем. С украинской формы на русскую отец фамилию изменил собственноручно в 20-е годы, приписав в конце букву «в». И это оправдано: украинская кровь с каждым новым поколением разбавлялась русской и, видимо, казацкой; у отца украинской крови было уже меньше восьмой части.

Из всего вышесказанного следует, что не позже середины XIX века, еще во времена крепостного права некий, видимо, украинец с Украины бежал в Россию, за Волгу, в места, где люди были свободны от крепостной («внешнической») зависимости.

Почему бежал? И при каких обстоятельствах?

Логической памяти об этом не сохранилось, но психологически достоверные обстоятельства, а главное, причины восстановить несложно.

Поведение жителей Великой Вулыги во время Великой Отечественной войны коренным образом отличалось от поведения отца.

Можно выразиться и так: поскольку предки отца по законам брачных предпочтений должны были воспроизводить, пусть расплывчато, отличительные черты характера прапрадеда по мужской линии, — то предок этот психологически с односельчанами не совмещался, был им противоположен.

Об одном великовулыжском комсомольце М., с ППШ драпанувшем от немецких диверсантов, будущем отце двух адвентистских пасторов уже было рассказано.

Великой Вулыге во время Второй мировой войны, как дружно говорит нынешнее поколение ее жителей, повезло: немцы, захватив территорию, прошли дальше, а оккупационные войска состояли из румын.

Румыны вели себя не в пример мягче, чем немцы: это немцы расстреливали, вешали и глумились над жителями изодранными способами по делу и без дела — преимущественно над русскими. Румыны же всего-навсего били. Но часто. И по взаимоисключающим друг друга поводам.

Согласно гитлеровскому четырехлетнему плану использования экономических ресурсов присоединенных территорий, бывшие жители

Советского Союза должны были работать и — в отличие от жителей Европы, которым гитлеровцы за работу хоть как-то, но платили, — *работать бесплатно*.

В обязанность румынских оккупационных войск входило следить за *правильным* ведением работ. И жителей в точности так же, как во «внешних» сталинских колхозах, сколачивали в сельскохозяйственные бригады и *работали с утра и до ночи заставляли*. Согласно приказу, отбирались **все** выращенные продукты.

Чем было питаться?

Оставалось одно — красть.

Если румыны в Великой Вульге ловили человека, несущего что-нибудь украденное, то его останавливали и били плетьюми — за то, что украл. Если человек не нес ничего, то его все равно останавливали и точно так же секли плетьюми: что не несешь ничего, о семье не заботишься?

Психологически все понятно: подданного, *исполнителя* надо воспитывать. Только добровольный вор в потомках станет самозабвенным *исполнителем* сверхвождя.

Таким образом, житель Великой Вульги, если не хотел деградировать до холуя и вора, — должен был стать партизаном. **Но в партизаны из Великой Вульги от такой жизни не ушел ни один — все жители всю оккупацию прилежно работали на сверхвождя, тем усиливая его стаю.**

Особенно прилежно работали адвентисты — они вообще в селе считаются лучшими работниками.

В сущности, жители села все вели себя психологически идентично с М., тот разве что проявил себя зрелищней.

Можно привести и еще одну «характерную деталь» соприкосновения жителей Великой Вульги с гитлеровцами.

Хотя линия фронта проходила через село дважды — когда кайфовавшие гитлеровцы шли к Москве и когда в несколько ином настроении откатывались назад, — ощутить войну стоящему в стороне от основных дорог селу удалось лишь однажды — в 1941-м. Тогда, в разгар лета, в село со стороны фронта влетела тридцатьчетверка — лучший танк Второй мировой войны. Но посреди села (**как раз метрах в двадцати от места будущего памятника**) остановилась — кончилось горючее. Из тридцатьчетверки выскочили четверо в танкистских шлемах и **бросились бежать**. Да-да, *не пошли, а бросились бежать*. А танк остался стоять. Целенький. Лучший танк Второй мировой войны.

В селе немцы появились только спустя сутки с лишним. Тридцатьчетверку — судя по всему, с полным боекомплектом — они куда-то отбуксировали и, естественно, использовали или в учебных частях, тем свои танки и их ограниченный моторесурс экономя для боевых

действий, или использовали в боях против советских войск напрямую. Это исторический факт: немцы в 1941–1942 годах в массовом количестве использовали захваченные советские артиллерию и танки. (На одном только складе в Дубно немцы захватили 215 танков, а всего их было захвачено 6,5 тысяч. Русскими танками укомплектовывались целые дивизии — в одной только Норвегии таких дивизий было сформировано две. И это не считая сотен более мелких подразделений. Такие полностью укомплектованные русскими танками подразделения были в *каждой* немецкой танковой дивизии.)

В приведенном эпизоде с брошенным в центре села танком каждая деталь характерна:

— тридцатьчетверка летела *в стороне* от основных путей, на которых окруженные *исполнители* сдавались не то что целыми полками и дивизиями (6–7 тыс. человек), но даже и армиями;

— хотя гитлеровцам оставалось еще более суток пути, выскочившие танкисты-сталинцы не пошли, а **побежали**;

— жители не отметили никаких особенных внешних признаков у четверых танкистов: они не были ни кавказцами, ни евреями, ни азиатами — обычные славянские лица. Не были они и идейными противниками Сталина — ни так называемыми националистами, меньшевиками, анархистами, монархистами или еще кем-нибудь — трудно представить, чтобы в одном танке собрались, ускользнувшие от ока доносчиков-политотдельцев, сразу четверо анархистов;

— буквально в ста метрах от места, где остановился танк, расположена Великовульжская машинно-тракторная станция (МТС), где было используемое в танках дизтопливо — на дозаправку понадобилось бы намного меньше часа; если бы танкисты заправились, они бы смогли уехать дальше, чем убежать;

— танк, тем более лучший в период Второй мировой войны, мог *один* (при экипаже из *неугодников*) задержать наступление врага на этом направлении на сутки и более, нанести большой урон наступающим (бывали случаи, когда один советский танк даже во встречном бою подбивал до десяти вражеских танков, и это не считая уничтоженной пехоты и орудий), — но экипаж был составлен из явных «комсомольцев»;

— в снаряжение танка обязательно входили толовые шашки и бикфордов шнур; учитывая, что боекомплект машины был явно не израсходован, танк можно было безопасно для себя взорвать вместе со снарядами, чтобы он уже не смог служить гитлеровской стае; на организацию подрыва (прикрепление к шашке бикфордова шнура и поджиг этого шнура) требовались секунды, — но и это лучшими из лучших (в танковые войска брали далеко не всех, но *поправившихся* тем, кто набирал) не было сделано.

Вот где был тот танк, из-за отсутствия которого в оборонительном бою почти полностью погиб батальон моего беспартийного в его 34 года отца!

Таким образом, получается, что *отца* — во многих проявлениях *неугодника*, действительно стоявшего насмерть в труднейший период войны, когда на направлениях ударов немцев многие драпали, — в сущности, *предали* Гитлеру *соседи*!

И это предательство было не случайным, лучше сказать — наследственным.

Есть серьезные основания полагать, что мой прапрадед был общиной отдан в рекруты, получил по окончании службы свободу от крепостной зависимости и с Украины *бежал*.

Иными словами, расслоение, происшедшее в XIX веке по психологическому принципу, в XX веке оформилось в прямое военное противостояние.

Война — лишь одна из форм Великой Борьбы психологических сущностей, продолжающейся на протяжении всей истории человечества!

Как прапрадед, вряд ли знакомый с географией, узнал, *куда идти*?

Да и добровольно идут, как правило, только к *своим*.

Если он был рекрутским солдатом и притом неугодником, то все становится на свои места.

Сходится все: после того, как его выдавила родня, он оказался наконец среди *своих*, — разве не нормально и после завершения службы остаться с теми, с кем ему нравится, — в России?

На помощь психологическим соображениям в пользу прапрадеда-рекрута приходит подтверждение ассоциативно-эстетического порядка.

Что отцу нравилось?

Мой отец даже в период принудительного атеизма дарвинщиной не страдал — признак нестайности, таких из общины — долой! К православию отец (он мальчиком пел в церковном хоре, и у него была возможность насмотреться на подноготную правду жизни в храмах) симпатий тоже не испытывал — о неправославности рекрутов в следующей части книги. Таким образом, отец — явный наследник прапрадеда-украинца, и неправославность его естественна.

То, что отец пел мне базарные частушки времен гражданской, — естественно и это: оставшись сиротой, он зарабатывал этим на базарах. Он пел мне также из репертуара синеглазников, что тоже естественно: он участвовал в самодеятельном театрално-художественном течении «Синяя блуза», которое к середине 30-х годов было полностью разгромлено. Отец рассказывал о войне — он в ней участвовал, ее видел и не хотел, чтобы я путался во внушаемом идеологами вра-

не, — и пел мне фронтовые песни. **Но почему он мне рассказывал народные (порой неприличные) присказки времен войны 1812 года?!** А это как его *лично* затронуло?

Однако если наш с ним предок был рекрутом — все сходится: и интерес к событиям 1812 года, и то, что рекрутский фольклор кажется *красивым*, и то, что отец с успехом вел оборонительный бой, — и не только во времена Великой Отечественной...

Один из дедов был с кунктатором Кутузовым! Уж не украинский ли?

Боже, неужели мне выпала такая наивысшая из возможных привилегий — быть не только праправнуком рекрута, но и внуком пожертвовавшего своей жизнью ради спасения детей деда, и сыном отчетливого неугодника, победившего в Великую Отечественную?

А что же мои отношения с вулыжцами?

Что говорить — понятно...

Но была одна-единственная жительница села, которая по-настоящему христиански-доброжелательно ко мне отнеслась. Но родилась она и жила до замужества совсем в другом селе.

Так что, прапрадед, — я *твой* праправнук.

А отца — сын.

И хочу знать о Великой Отечественной правду.

И о России тоже.

Глава тридцать пятая

ЧТО ПОД УГРОЗОЙ РАССТРЕЛА ЗАСТАВЛЯЛИ СКРЫВАТЬ О 28 ГЕРОЯХ-ПАНФИЛОВЦАХ?

Выдуманная сталинцами и держащаяся около полусотни лет легенда по поводу совершенного в районе разъезда Дубосеково подвига следующая.

16 ноября 1941 года один из взводов 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова героически сражался на подступах к Москве. Это был обыкновенный стрелковый взвод, у них был даже политрук В. Г. Клочков, который якобы сказал:

«Велика Россия, а отступать некуда: позади — Москва!»

Эти семь слов оказались столь зажигательны, что атаковавшие взвод немецкие танки запылали. Взвод даже без авиационной и артиллерийской поддержки, имея на вооружении всего два противотанковых ружья, гранаты и бутылки с горючей смесью, подбил и под-

жег — невероятно! — 18 танков противника. На поле боя, усеянном трупами немцев, было кровавое месиво.

Все 28 — герои, и все погибли, выполняя приказ Жукова и Сталина — и вообще всех начальников. Ура!

Мораль: вот на что способен обыкновенный советский человек, если послушно выполняет приказы начальства (Сталина, Панфилова, политрука и т. п.). Все могут и все должны поступать так же.

Все обстоятельства подвига, разумеется, перевераны до неузнаваемости. Причем, вранье затронуло не только безобидные уровни, но и уровни, серьезно деструктурирующие сознание. Главное, были преступно затемнены величие и смысл событий 1941 года.

Относительно безобидные уровни вранья отразились в спорах нынешних историков о числе героев: по одним данным, на стыке дивизии Панфилова и группы Доватора оборонялось больше сотни бойцов, а по другим — 29.

Двадцать девятого старательно замалчивали: он при приближении немцев поднял руки и бросился сдаваться. Не добежал. Кто-то из *наших* не промахнулся.

Фамилия этого 29-го неизвестна, так что почти наверняка, что она на памятнике в списке Героев — Золотыми Звездами были награждены 28 человек.

Отчасти безобидно вранье и о поголовной гибели взвода (как же, в таком случае, до нас дошли легендарные слова политрука?). На самом деле, как минимум четверо ранеными или контужеными попали в плен, а один из этих четверых даже служил немцам помощником старосты в поселке Перекоп родной Харьковской области на Украине. Кстати, этот угодник не кто-нибудь, а командовавший героическим взводом сержант Добробабин.

Еще как минимум двое попали в окружение. Кстати, первым из окружения вышел Даниил Алексеевич Кожубергенов, и произошло это лишь в мае 42-го. Хочется верить, что эти полгода на оккупированной территории он не сидел сложа руки. Естественно, под угрозой расстрела его заставили отказаться от своего участия в том бою, в котором «все герои, и все погибли, выполняя приказ командования». «Естественно» — потому как получалось, что Даниил сражался без участия «командования» не только в тылу у немцев, но и у разьеда Дубосеково.

Остался ли еще кто кроме упомянутых двоих в тылу немцев воевать с захватчиками «без дураков», то есть партизанить, — официальные историки в доступной литературе не сообщают.

Вообще всем уцелевшим Героям до самой их смерти органы затыкали рты, требуя, чтобы они отказались от воспоминаний об участии

в этом бою. Иерархо-сталинцам *нравилось*, чтобы трупами оказались все, кто способен оборонять Родину. Кроме того, не вымарывать же предателей из списков Героев Советского Союза? Не разоблачать же во вранье политуправленцев? Не снижать же авторитет покойного генерала Панфилова, которому нравилось любоваться в зеркале своей физиономией с усиками «под Гитлера»? Не признавать же, что победа на самом деле принадлежит только части взвода — остальные лишь балласт?

Да, наиболее зловредна именно эта ложь — что столь результативно дрался якобы *обыкновенный среднестатистический, случайно набранный взвод*.

Очевидность этой лжи бросается в глаза хотя бы потому, что у этого взвода не было даже номера. А его не было по той простой причине, что сколочен он был наспех из *остатков* нескольких даже не взводов, даже не рот и даже не батальонов, — а полков! Даже офицера не успели прислать, потому и командовал старший по званию — сержант. Но хотя эти 29 — и «сборная солянка», однако среди них было резко повышено содержание тех немногих, которые остались в строю после боев на сталинско-гитлеровский манер. С одной стороны, во взводе собрались вместе те, кто в бою не сдавался, но с другой — те, кто не остался партизанить. Иными словами — преимущественно не яркие. Ни в каком смысле. Но и не средний уровень.

«28 панфиловцев» даже не были панфиловцами — дивизия Панфилова в боях до сих пор не участвовала, задача перед ней была поставлена атаковать во фланг наступающих немцев; другое дело, что немцы упредили и начали наступление первыми. Взвод из чужаков был придан сформированной в Казахстане¹ 316-й дивизии всего лишь накануне боя — отсюда и сержант-предатель из Харьковской области, и отсутствие у взвода номера. Поскольку взвод был «чужой», то естественно и расположение его на самом опасном месте — на стыке крупных частей, вне дивизии Панфилова. «Панфиловцы» не были панфиловцами. Зато нас полстолетия с многомиллионными затратами на идеологов учили, что вот, сформированная в Казахстане (Киргизии) дивизия Панфилова сплошь состоит из героев. Какой героический народ в составе семьи советских народов!..

Сколько среди 29 было «комсомольцев»-«внешников», «внутренников» и *неугодников*?

Достаточно ярких «внешников» было как минимум двое — тот, который бросился сдаваться, и сержант, командир взвода, будущий помощник старосты.

А сколько было *неугодников*? Неизвестно. Но ясно одно: несмотря на то, что *неугодники* предпочитали побеждать в тылу у немцев,

¹ По некоторым источникам — в Киргизии.

их концентрация среди 29 была резко повышена по сравнению со средней по Красной Армии — ведь в 41-м не драпали в тыл и не бежали сдаваться в плен прежде всего именно они. (И, с другой стороны, резкое отличие поведения «28 панфиловцев» лишний раз подтверждает, что выживали в боях люди именно нестального поведения.)

Возможно, *неугодников* во взводе было аж трое. Или даже четверо. Может, больше.

Что значит хотя бы один несталдный боец во взводе? Вспоминается эпизод, случившийся при обороне Одессы. Один то ли краснофлотец, то ли красноармеец *по собственному почину* с ручным пулеметом прополз по кукурузному полю в расположение румынской части. Дело даже не в том, что он из своего ручного пулемета положил много оккупантов, а в том, что среди румын началась паника. Взвод смельчака успел на панику среагировать и окопы, освободившиеся от разбежавшихся румын, занял. В донесении же все это выглядело как удачная атака *всего взвода*, грамотно руководимого командиром и политруком. Командира и политрука — к наградам. Их начальство — тоже. Наградили ли защитника Родины?

Но сколько бы *неугодников* ни было среди 28 «панфиловцев», ясно одно, что победили они именно благодаря самим себе. А не благодаря, как внушалось десятилетиями, чуткому руководству героического Панфилова с усиками под фюрера.

И дело не в политруке (скорее всего, довоенного образца), который, кстати сказать, прибыл во взвод, когда из подбитых в тот день 18 танков горели уже 14. То есть после появления политрука средняя эффективность боя каждого из оставшихся к тому времени 15 бойцов резко упала, и фронт в этом месте был прорван.

И не в командире-предателе с Украины.

Судьба этого помощника старосты — с точки зрения *теории стаи* тоже строго закономерна. Он нравился всем «внешникам». Сначала предвоенному красноармейскому комсоставу — ими предатель был выделен, и ему было присвоено звание сержанта. Он понравился и гитлеровцам, которые не отправили его в подземные заводы, но назначили на хлебную должность помощника старосты. Когда *на втором этапе войны* в 44-м предатель вновь оказался в Красной Армии, то он, естественно, показался своим и новому начальству и был этим начальством за умение нравиться многократно награжден орденами и медалями.

После войны, когда он начал требовать Звезду Героя за бой под Дубосеково, то уже через 4 дня был арестован. Выяснилось его прошлое, и он получил срок за пособничество врагу — 15 лет.

До конца существования Советского Союза реабилитирован, несмотря на его требования, не был. В суверенной России — тоже. Зато

в самостийной Украине признан *хорошим человеком, своим* — официально. Тем самым русофобское украинское чиновничество себя разоблачило: что они такие же, как и Добробабин, — предатели.

Итак, дело не в генерале, не в политруке, не в командире. Но в тех нескольких из числа *неугодников*, которые в 41-м, собственно, и победили всепланетную «внешническую» стаю Гитлера. И которые совершенно закономерно официозом всех мастей не замечены и оболганы.

Глава тридцать шестая

ОТЕЦ: ПРАВДА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ, В КОТОРУЮ Я МАЛЬЧИШКОЙ ПОВЕРИТЬ НЕ МОГ

Интересны не столько те рассказанные отцом эпизоды о войне, которые я смог воспринять сразу, сколько то, что некоторые из них я смог воспринять лишь много лет спустя. А мальчишкой — не мог.

Например, отец мне рассказывал, что во время налетов фашистской авиации он не зарывался, подобно другим, лицом в дно окопа, но ложился на спину, брал винтовку — а он говорил, что у него была трофейная немецкая винтовка и аж целый ящик патронов к ней — и начинал стрелять по самолетам.

— Знаю, что не попаду, а если попаду, то не собью, — говорил мне он, — может быть и бесполезно, но все лучше, чем ничего вокруг не видеть.

И вот что удивительно: хотя я не считал, что стрельба по бронированным штурмовикам бесполезна, *я ему не мог поверить, что у него могла быть трофейная немецкая винтовка!*

Мне, когда он рассказывал про войну, не могло быть больше двенадцати лет, скорее вообще было лет десять или восемь, но я *твердо знал*, что *все немцы уже в 41-м были вооружены автоматами «шмайсер»*. Откуда, в таком случае, у немцев могут быть винтовки — тем более в 1942 году?

Можно предположить, что знание о вооружении гитлеровцев я почерпнул из фильмов про войну, которые в детстве любил смотреть, — в них немцы, действительно, переходили границу Советского Союза, все поголовно вооруженные «шмайсерами», и нещадно поливали свинцом наших солдат. В советский период всем вокруг было понятно, что мы проиграли кампанию 1941 года из-за того, что гитлеровцы были лучше вооружены, да к тому же напали они на нашу страну *неожиданно*. У немцев нескончаемые потоки танков, а у нас что? Кавалерийские части (помню учительницу истории, ее презри-

тельно искривленный рот, когда она говорила о кавалерии *только у нас*)... Разве можно сопротивляться танкам и непрерывно строчащим «шмайсерам», если вооружены красноармейцы были старыми винтовками образца 1898 года, да и кавалерия на добродушных конях... Вот и гнали немцы нас неделю за неделей, месяц за месяцем — все не могли, оказывается, мы опомниться от *неожиданности*...

В арифметически превосходящие силы немцев веровали все (единственно, отец говорил про драп — но не объяснял, или сам не знал, *почему*), верил ребенком и я, пока не стало вдруг выясняться, что про 41-й год все — тотальное вранье. И у немцев, оказывается тоже были кавалерийские части: в определенных ситуациях — когда сумятица, позиции перепутаны, бездорожье — тогда кавалерия предпочтительнее танков, всадники пройдут по грязи там, где ни один механизм не справится. Потом оказалось, что танков у немцев было лишь менее 4 тысяч, причем часть из них была вооружена *только пулеметами*, и из пулеметов же (крупнокалиберных) наши их и подбивали; а вот советских танков с *пушечным вооружением* было более 20 тысяч, и это не считая 1800 таких танков, как средний Т-34 и тяжелый КВ, равных которым у немцев не было.

А потом выяснилось, что и про автоматы «шмайсер» — тоже вранье. **«Шмайсеров» у немцев в 1941 году почти не было.**

Врали все киношники вместе со своими золотопогонными генералами-консультантами.

В 41-м «шмайсеры» были редкостью, гитлеровцы были вооружены винтовочками, такими же, как и у красноармейцев. И так немцы с винтовками до конца и провоевали, до самого разгрома в 45-м. Да и очереди из «шмайсеров» непрерывными быть не могли — всего двадцать патронов в магазине...

Беспрерывно стреляющие «шмайсеры» в фильмах понадобились для того, чтобы создать совместимые с суверенитизмом объяснения событий 41-го — *странных событий*, — когда немцы, *наступая*, к началу 1942-го убитыми и *ранеными* потеряли всего лишь 1 миллион человек (а у наступающих потери обычно больше, чем у обороняющихся, если те не побежали), но советские потеряли отнюдь не миллион, но 3 миллиона одной только регулярной армии, бесчисленное число мобилизованных, целые дивизии энкавэдэшников, милиционеров, ополченцев, курсантов...

Но интересно не то, что такое громадное число писателей, историков, кинорежиссеров, военных, учителей врали слаженно в унисон — подхалимы вообще прекрасно справляются с хоровым пением; интересно то, что я, ребенок, в «шмайсеры» верил, а в винтовку — нет. То есть руководим был чувством, внушением, а не словами — притом родного отца!

Есть, правда, и другое объяснение появления у меня веры в «шмайсеры», кроме «телевизионного»: невозможность винтовок у немцев в 42-м я воспринимал *психоэнергетически* — просто считал, *как все*. Все веровали, что дело в «шмайсерах», — и я тоже. *Как все*.

Приоритету у меня именно такого способа восприятия есть косвенное подтверждение.

Отец у меня не пил и не курил. А на фронте курево и 100 граммов водки (это в наступлении — 200) выдавали всем. Отец мой махорку подчиненным отдавал, а водку — **выливал**.

Меня, десятилетнего, возмущало: как это так — **водку — и выливать!** Откуда у меня, родившегося и воспитанного в семье, в которой не пил вообще никто, *такое* отношение к водке? Если в случае со «шмайсерами» я мог быть жертвой телевидения, то водку пить с экранов тогда еще не учили. Но я веровал в ее ценность!

Дело, как видно из случая с водкой, вовсе не в телевидении. Хотя и оно вносит свой вклад в дело унификации толпы.

Все просто: **я не воспринимал слов отца, потому что был тогда элементом стада!**

Отсюда — водка.

И неверие в существование немецких *винтовок*.

Но трофейная немецкая винтовка у отца все-таки была, и он из нее по самолетам стрелял, и это я запомнил — оставалось только *попытать*.

Еще одним проявлением моего пребывания в стаде было то, что геройским мне казалось только наступление — но не оборона. И мне ребенком казалось почти естественным, что за тот бой, когда от батальона осталось четырнадцать человек, отцу ордена не дали, а за освобождение неоправданно дорогой ценой деревеньки, во время которого у деревянного сруба колодца отец получил тяжелое ранение, — дали: ведь было *наступление!*

Но вот идет время, прибавляются седины, считать привыкаю не на годы, а на написанные книги, главным событием становится встреча с *неугодником*, а молитва превращается в ясную потребность — и вот я уже начинаю понимать, что атака та, в 42-м, может и не нужна была вовсе, а вот бой в обороне, когда от тысячного батальона осталось четырнадцать человек, — был высшим героизмом, **спасением чего-то большего, чем своих близких и земли предков**. Разумеется, это дар — дать возможность сыну гордиться отцом, но тот бой был чем-то еще большим. Отец защищал **Родину** — и притом, как теперь стало ясно, Родину **вселенскую**...

Это очевидно.

Прежде мне казалось странным, — а интонации отца я помню, — что самым *тяжелым* ему казался вовсе не штурм деревеньки и даже

не тот запредельный для человеческого сознания бой, спасенный подошедшей в сумерках тридцатьчетверкой... *Тяжело* было тогда, когда они — отец тогда еще был в артиллерии — по раскисшей грунтовой дороге, ночью, может быть, под дождем, волоком на себе тащили орудие.

Дело не в том, что орудие то, верно, было разбито при бомбежке или погибло при артобстреле — а иначе почему отец оказался в пехоте? — но самым трудным была та ночь. Отца тогда угораздило попасть ногой под колесо орудия, ему отдалило пятку, и как он то орудие потом тащил, можно только представить, — но тяжело было, похоже, не из-за физической боли.

Может быть, разгадка — в той стрельбе по самолету, грозившей вызвать ярость летчика пикирующего штурмовика и — побудить его расправиться именно со стреляющим — подобно тому как охотник непроизвольно поднимшуюся медведицу бьет меж устремленных на него глаз. Что ему, *фашисту*, жаждущему покорности русских *неугодников*, до тех, кто, обхватив руками голову, вдавливался лицом в грунт?..

Отец же хотел *видеть*, знать, *понимать*; ничего не могло быть хуже тьмы — потому он и стрелял, глядя на отблески очередей скорострельных пулеметов и пушек штурмовика, потому и ученым стал, потому и та ночь с отдаленной под орудием пяткой — *в темноте* — была одним из самых тяжелых моментов на войне.

Тем мой отец и отличался от многих.

И потому даже с редкой по тем временам степенью доктора наук в иерархию не вписался.

И для меня, своего сына, тьмы не хотел: потому и поперек всеобщего хорошего пения рассказывал про трофейную винтовку и твердо произнес слово «драп», потому тогда, в каменном карьере, указывая рукой на отвесные обрывы скальных пород, сказал мне, что вся эта эволюционная теория, в которую стадо тогда поголовно верило, — чушь.

Спасибо за правду, отец.

Глава тридцать седьмая

«ПРЕДАТЕЛЬСТВО» — ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

А что это вообще — предательство?

Подходов, очевидно, три: «внутреннический», «внешнический» и *неугоднический*. Истина же одна.

Обратимся к Полибию, из всех известных нам историков античности обладающему сравнительно сильным критическим мышлением.

Все остальные историки (известные) той эпохи события только пересказывали, даже не пытались выявить между ними причинно-следственные связи. А Полибий пытался.

Итак, трудно решить, кто же действительно заслуживает имени предателя. Все-таки мы наиболее подойдем к истине, когда приложим это имя ко всем тем людям, которые, пользуясь бесстыдным положением родины, предают свои города врагам ради собственного благополучия и выгоды или из вражды к противникам (из числа сограждан. — А. М.), а также к тем, которые пропускают в родной город неприятельский гарнизон и, пользуясь для своекорыстных целей поддержкою иноземцев, **подчиняют родину власти более сильной**, чем та, какую родина располагает. Всех подобных людей можно с одинаковым правом именовать предателями. *Всем ведомо, что никто из них никогда не стяжал себе ни корысти настоящей, ни почести, что они своими действиями уготовляли себе печальную долю.* Поэтому **не без удивления** можно спросить, о чем сказано в начале нашего рассуждения, **какую цель** имеют эти люди, или какими соображениями они руководствуются, **когда подвергают себя в такое несчастье?** В самом деле, никогда еще ни одному предателю города, войска или укрепления не удалось укрыться; если при совершении предательства виновный и оставался неизвестным, то последующее время обнаруживало всех участников. Потом, ни один предатель, раз он был открыт, никогда не пользовался благополучием; наоборот: те самые люди, в угоду коим совершено предательство, обыкновенно воздавали предателям заслуженной карой. Предателями часто пользуются ради своих выгод военачальники и владыки; но как только нужда в них миновала, с ними обращаются затем, говоря словами Демосфена, как с предателями, в том верном убеждении, что человек, предавший врагу отечество и давних друзей своих, никогда не будет ни благожелательным, ни неизменно верным. Потом, если бы предатели уберегли себя от наказания с этой стороны, то им нелегко укрыться от мести людей, которых они предали. Если бы наконец они и ускользнули от этого двойного преследования, то за ними на всю жизнь, везде, где есть люди, ходит по стопам мздовоздаятельница молва, которая денно и ночью создает перед ними всевозможные ужасы то воображаемые, то действительные, которая помогает своими указаниями всякому злоумышляемому на предателя, которая, наконец, не дает предателю забыться от своего преступления даже во сне и привносит в сновидения всякого рода козни и несчастья, ибо предатель сознает свою отчужденность от всех и общую к себе ненависть. **И все-таки, невзирая на все эти последствия, никогда еще ни для кого, за весьма редкими исключениями, не было недостатка в предателях.** Отсюда можно с полным правом заключить, что

человек, по-видимому (казалось бы. — А. М.), хитрейшее существо, во многих отношениях должен почитаться бессмысленнейшей тварью. Ибо все прочие животные, повинувшись единственно чувственным вожделям, через них только и подвергаются напастям, тогда как человек, сколько бы ни мнил о себе, впадает в ошибки и по влечениям чувственным, и по безрассудству.

(Полибий, XVIII, 15:1–16)

Даже такой мыслитель, как Полибий, не смог до конца объяснить столь *странное*, невыгодное с точки зрения интересов индивидуального самосохранения и выгоды (дарвинщины) поведения распространеннейшего типа людей — предателей. С какой стороны ни посмотри, предатели ведут себя противоположно интересам выживания, *антилогично*. Полибий, спасибо ему, это замечает, и говорит, что поведение предателей похоже на поведение животных, «бессмысленных тварей», — **всегда, стоило бы ему добавить, стадных.**

Иными словами, Полибию все-таки удалось подметить, что предательство есть плод *бессознательного* — оно их и отличает от героев. Предатель генерал Власов просто кокетничал, когда забалтывал своих сослуживцев по эфемерной РОА, что именно *мысли*, логические построения, одолевавшие его в те две недели, в течение которых он бродил по лесам и прятался в избе, и были *причиной* того, что он не стал партизаном (как те научные работники, которые как раз в это время и начали громить немцев в соотношении 1:1500), а перешел в благорасположение копрофила Гитлера.

Мысли — кто же спорит! — у Власова в голове циркулировали, но только они были не более чем рационализациями, самооправданиями.

Беда Полибия в том, что он, заметив бессознательность предателей, все равно рассуждал о неких **осознанных** целях, ради которых столь многие люди осуждают себя на бедствие предательства. Полибий запутался не случайно: время у него подумать было, сущность предательства он, грек на службе у римских захватчиков, понять *не согласился*.

Предательство выживанию не только не способствует, но, напротив, гарантирует гибель — так было не только в античные, психоэнергетически более, в сравнении с нашим веком, здоровые времена, но и во времена сверхвождя XX века.

В Великой Отечественной (в особенности в 41-м) погибли прежде всего предатели. Те, которые сдавались сверхвождю, — оказывались в концлагерях, где и гибли от тифа и голода.

Получалось: если Родина значима — жизнь; если Родина не значима (значим сверхвождь) — смерть.

А что это такое — **Родина**?

«Предательство» и «Родина» — понятия взаимосвязанные, еще Полибий пытался определить «предательство» через понятие «*Родина*». *Родина* — это что — территория?

Но управлять *территорией* может кто угодно; так значит, любящий Родину будет верен всего лишь тому, кто данное селение или группу селений захватил последним? (Как это делали православные священники в 1812 году?) Маловато для того, чтобы зрелый *неугодник* согласился отдать жизнь. А если захватчик подчинил территорию через браки (как евреи — Хазарский каганат, а немцы — Россию при Романовых) — им в угоду что ли гибнуть?

Итак, **Родина** — не территория (во всяком случае, для *неугодника* — и именно для *неугодника*!).

Может быть, «Родина» — это «народ», *ohlos*? Ведь как внушают многие *идеологи*, представляемые вождями как умные, Родина — это якобы общность истории, общность эмоций, общность крови, подсознательных образов, наконец. Так что же, немецкому *неугоднику* надо было умирать за Гитлера — идти убивать русского *неугодника*?

Между *ohlos*'ами нет принципиальной разницы, разве что со времен Вавилонского смешения языков и, как следствие, разделения единой толпы на стаи (при сверхвождях — субстаи), они действительно окончательно утратили связь друг с другом, *но только на логическом уровне — при появлении же сверхвождя понимая друг друга без слов.*

Итак, **Родина** — это не безмозглая толпа, любящая даруемое сверхвождем одурение; *неугодник* от этого состояния «*ничто*» бежит.

С чего начинается Родина?

С той песни, что пела нам мать...

Мысль о том, что основа Родины — колыбельная, напета *идеологами* уже всем народам, и не только напета. Из этой внушаемой «внутренниками» мысли есть маленькое следствие: достаточно создать всепланетное средство коммуникации и вновь и вновь передавать по ним одну и ту же песенку — и, учитывая переимчивость женщин, уже в следующем поколении вся планета покроется единой всепланетной стаей. Опять получается: Родина — всепланетная стая, поющая одну на всех песню? *Неугодникам* места не остается — ведь поющая стая не стесняется убивать всякого, не способного угадывать нюансы хорового пения.

Итак, **Родина** начинается не с колыбельной.

Вообще, **Родина** — понятие специфически *неугодническое*.

Следовательно, **Родина** — есть противоположность иерархии.

Родина — это тот самый Великий Город, который противостоит сверхвождю.

Следовательно, *предательство Родины*, как то заметил еще Полибий, есть исполнение воли сверхвождя.

Предательство — есть всякое действие по упорядочиванию всепланетной стаи.

Родина там, где нет предательства.

Где нет стаи.

Итак, любой *исполнитель* — предатель потому только, что он — *исполнитель*.

Лев Николаевич Толстой прошел намного дальше Полибия, и потому заметил, что *всякое соучастие во власти есть для Божьей души нечто противоестественное* (не за это ли его на самом деле отлучили от госрелигии?). По Толстому, человек только тогда *Человек*, когда он суверенен и, следовательно, вождю — всякому, а тем более, сильному — духовно противостоит. Толстой понимал, что такое *Родина*, не мог жить именно без России, и книги его спустя десятилетия были фактором победы над сверхвождем. Закономерно, что священники его отлучили, а дети этих священников кадили Гитлеру.

Предательство — это пребывание в состоянии *ohlos*; присоединение же к сверхвождю — всего только следствие.

Итак, *Родина* — это вовсе не территория (*метанация* порой меняет матричный этнос); это не общий язык; это не общий застревающий в теле памяти мусор преступлений, лицемерно укрытый словом «судьба»; это не колыбельная; это не определенные растения (например, русские березки, как то внушали *идеологи* коммунистической эпохи; Льву Толстому, не предателю, и в голову не пришло бы вспоминать о специфических растениях как признаке *Родины*).

Родина — *надтерриториальна*; другое дело, что перед Вторым Пришествием Христа сформируется страна, где будет повышенная концентрация не вписывающихся во всепланетную стаю людей.

Родина — *наднациональна*; другое дело, что на территории, где *неугодники* будут собираться в своих потомках столетиями — ввиду смешения кровей и того, что люди несущественное склонны забывать, — они будут называть себя по имени матричного этноса.

Родина — *надкультурна*; хотя у *неугодников* есть и эстетические предпочтения — естественно, иные, чем у «внешников» и «внутренников».

Из всего вышесказанного возникает множество вполне осязаемых следствий. В том числе конкретизирующие новую концепцию Второй мировой войны.

Одно из них следующее: **способность и тяга к власти уже есть признак предательства!**

Убедимся в этом на примере неслучайных действий, приказов, кадровых и ассоциативно-эстетических предпочтений в первые месяцы войны одного в ряду многих ему подобных субвождей — товарища Сталина.

Глава тридцать восьмая

САМОЕ СЛАБОЕ МЕСТО ГИТЛЕРОВСКОЙ СТАИ И САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУЖИЕ РУССКИХ

(Военно-исторический подход)

Всем без исключения известно еще с детства, со времен детских драк, что для того, чтобы победить противника, нужно самой сильной рукой (ногой, оружием) ударить в *самую слабую* из доступных точек тела. Это знают и девочки — сильнее всего уязвить можно, только затронув самую болезненную тему. Помнят об этом и став взрослыми, — скажем, офицерами, в том числе и военачальниками. И если эти военачальники действительно хотят защитить свой народ, они бьют противника *наиболее эффективным* приемом в самое слабое место. Предатель же, напротив, будет стараться отвести удар от самого слабого места своего тайного хозяина, а если наносить удары обязан по должности, то будет направлять их куда угодно, но не на слабое место. Именно таким образом и можно выявить предателя в своих рядах, анализируя, кто и от чего удары отводит, естественно, под видом нацеливания их на якобы тоже значимые объекты. Метод абсолютен: в *драках* совершаются не ошибки, а саморазоблачения.

Очень большая драка называется войной.

С теми же закономерностями в действиях противостоящих сторон.

Самым слабым местом в военной машине гитлеровцев, в особенности на *первом этапе войны*, была служба снабжения **сверхдефицитным горючим**: во-первых, потому, что средства доставки топлива уязвимы, тем более, что перевозки осуществлялись по оккупированным территориям, обедненным войсковыми частями; во-вторых, потому, что вследствие крайней ограниченности источников потери горючего невосполнимы; и т. п. **Наиболее эффективным** контингентом советских вооруженных сил на *первом этапе войны* были **русские неугодники (небольшие группы спонтанных партизан)**.

И о катастрофичном положении с топливом, и о наличии в России *неугодничества* (хотя бы в форме склонности к партизанской войне) отчетливо предзнали и Гитлер, и Сталин — в том числе не могли это не осмысливать и на логическом уровне.

Таким образом, даже если ограничиваться рассмотрением судьбы только этих двух факторов *первого этапа войны (1941 год)*, можно, ограничиваясь даже *военно-историческим подходом*, понять стержень всей Второй мировой войны.

Разумеется, внутренне непротиворечивая картина получается только в рамках *теории стаи*.

Итак, неугодики против горючего. А откуда у гитлеровцев вообще было горючее, и кто спонтанным партизанам в деле его уничтожения мешал — вплоть до того, что даже хотел этих партизан уничтожить?

Судьбы горючего прослеживаются в этой книге вовсе не потому, что автор в свое время, еще в институте на военной кафедре, получил, пройдя также и военные сборы, звание офицера запаса по военно-учетной специальности «служба снабжения горючим», а следовательно, в представлении людей, неспособных к самообразованию, должен лучше всего разбираться именно в этой стороне военной машины. Но будь автор офицером пехотным или химзащиты, то от этого его точка зрения не изменилась бы — наличие или отсутствие в частях противоипритовых пакетов не могло стать и не стало основным фактором Второй мировой войны. А горючее, действительно, в течение всей Второй мировой было самым слабым местом гитлеровцев, в особенности в 41-м и 45-м годах...

Предполагаемая должность автора при мобилизации — начальник армейского *полевого* склада горючего.

Склады горючего для авиации противника — цель номер один, поэтому в случае возникновения одной только *угрозы* военного конфликта горючее с крупных армейских складов мирного времени *немедленно* рассредотачивается по десяткам и даже сотням более мелких *полевых*, замаскированных по лесам и оврагам (отсюда и такое количество подготавливаемых военными кафедрами офицеров запаса службы снабжения горючим — начальников полевых складов горючего).

Другое дело, если противник достаточным количеством горючего не обладает, но идет в наступление — тогда, разумеется, никаких бомбежек, никаких артиллерийских обстрелов, но, напротив, попытки захватить склады без грозящих возникновением пожаров выстрелов. В этой ситуации (угрозе захвата склада и использовании его запасов противником) обязанность начальника склада и его подчиненных — обеспечить уничтожение горючего.

Это не сложно. Вернее, очень и очень легко.

Если нет специальных подрывных средств (а они обязательно прилагаются), достаточно открыть краник, который непременно есть внизу каждого резервуара, — и поднести спичку. Взрыва не последует,

потому что для взрыва необходимо, чтобы пары бензина смешались с воздухом в определенной пропорции — а это возможно только при достаточно жаркой погоде, когда нет ни малейшего ветра и есть достаточно времени, чтобы испарилось необходимое количество бензина. Одним словом, для работника склада открыть краник и тут же к струе бензина поднести спичку и убежать — совершенно безопасно. Складские работники вообще спокойно относятся к топливу: первое упражнение, которое им по прибытии на склад преподают, — *тушение окурка в ведре с соляркой*.

Итак, кран открыт, струя горючего подождена. За то время, пока работник склада убежит на трижды безопасное расстояние, произойдет следующее: образовавшийся факел постепенно разогреет резервуар, испарение в емкости усилится, из-за снижения вязкости от роста температуры также возрастет и скорость вытекания бензина — это увеличит факел, в результате чего ускорится испарение и за счет снижения вязкости жидкости увеличится скорость истечения, а это, в свою очередь, еще больше увеличит факел... Можно не продолжать, и так все понятно: врагу топливо не достанется, огонь потушить не удастся, а на взрыв хранилища полюбоваться можно будет с безопасного для поджигателя расстояния.

Исторический факт: **в период наступления 1941 года гитлеровцы более чем на треть обеспечили свои потребности в топливе за счет горючего, захваченного на сталинских складах!** Более чем на треть! На *своем* горючем немцы бы к началу морозов не добрались и до Смоленска. А это сотни тысяч и даже миллионы спасенных русских жизней.

Но немцы добрались.

Один из важнейших вопросов — сам по себе уже позволяющий понять смысл странных событий 41-го — почему склады горючего оказались не уничтожены — и притом почти повсеместно?

Неожиданность ситуации для складских работников?

Это смешно.

Какая может быть неожиданность, если мимо на бешеной скорости проносятся машины партийных — политотдельцев, энкавэдэшников, командного состава? **Мимо складов горючего вся эта сволочь (включая и парикмахеров с денщиками) проскочить не могла — хочешь не хочешь, а машины заправлять надо.** А и без того любящим похвастаться своей осведомленностью денщикам и вовсе скрывать нечего, тем более и так общеизвестное: прет немец, скоро здесь будет...

Отсюда, **судьба горючего определялась психологическим типом начальников складов — принципом подбора кадров** (партийная принадлежность, возраст, национальный состав, профессия предков), на

практике — *правился* или *не правился* начальник склада начальству, в конечном счете, все тому же субвождю Сталину.

Тому самому психоэнергетически зависимому Сталину, который вплоть до самого начала военных действий, о начале которых он заблаговременно знал из многочисленных донесений разведчиков, эшелон за эшелонам гнал Гитлеру через границу горючее...

30 сентября 1941 года. На всех участках идут бои с партизанскими группами.

*Начальник тылового района
группы армий «Центр»
генерал Шанкендорф*

23 ноября 1941 года. Во всем районе происходили многочисленные, местами упорные бои с партизанами.

*Оперативное донесение штаба
группы армии «Центр»*

Готовивший наступление Гитлер, разумеется, знал, что в России неугодники не перевелись. О чем же он в таком случае **не мог не мечтать?**

Первое: нацеливавшийся на победу Гитлер **не мог не мечтать** о том, чтобы все советские *неугодники* были если не уничтожены, то хотя бы отправлены подальше, в Сибирь, за Урал (Гитлеру вообще представлялось, что к немцам отойдут пространства только до Урала). Или безоружными подведены к границе с Германией, чтобы, взятые врасплох, не могли стать партизанами.

В 1922–1935 годах в западных областях Советского Союза заблаговременно формировались партизанские отряды. Государством выделялись средства на создание баз, обучение кадров, утверждался командный состав. Невозможно с уверенностью говорить, как к этому процессу относились *неугодники* — бежали ли они от официального мероприятия, или использовали хотя бы такую возможность обучиться приемам минно-подрывного дела. Видимо, люди в этом движении участвовали самые разные — «внешники», «внутренники» и *неугодники*.

Естественно, величайший гипнотизер XX века Гитлер **не мог не мечтать**, чтобы эти обученные минно-подрывному делу люди, способные к выживанию в любых условиях, а многие из них, к тому же, — особенной (неавторитарной) психики, — каким-либо образом существовать перестали.

Да, Гитлер **не мог не мечтать**, чтобы и *партизанские базы* (запрятанные в лесах, ущельях гор и вообще в труднодоступных местах

склады с горючим, оружием, взрывчаткой, продовольствием длительного хранения) тоже *были уничтожены!* Это — второе.

И — третье: одержимый неврозом борьбы с *великим городом* Гитлер также **не мог не мечтать** о том, чтобы вновь, уже *после* начала его вторжения на территорию Советского Союза, создаваемые партизанские отряды **уничтожались** еще и психологически, еще на стадии образования, — **тем, что в них подбирались люди с психологическими качествами, противоположными неугодническим**. Что, как следствие, вело к их ничтожной сопротивляемости вождю, то есть к ничтожной боеспособности.

Итак, три голубые мечты сверхвождя XX века:

— уничтожение психологически склонных к партизанской тактике кадров или их изоляция в концентрационных лагерях;

— уничтожение баз;

— фактическое уничтожение созданных отрядов путем авторитаризации мышления участвующих в них партизан.

Гитлер мечтал — и притом со всей страстью.

Мечты всякого великого гипнотизера — не указ только для *неугодников*, а вот для людей, мыслящих и чувствующих стадно, тем более для тех, кто по своим психоэнергетическим свойствам способен оказаться на вершине иерархии — указ. Для самого верхнего элемента государственной пирамиды — тройне. Исходящее через *бессознательное* руководство к действию.

Кремлевский субвождь не слушаться внутреннего голоса не мог.

Не мог!

Так что нет ровным счетом ничего удивительного, что после появления у Гитлера мечтаний об уничтожении партизанских баз и тех, для кого закладываемое в них военное снаряжение предназначалось, последовали противоестественные с точки зрения интересов обороны страны указания Сталина: базы уничтожить, руководящие кадры репрессировать. От уничтожения неугодников ограждала государственная потребность в рабах — у *неугодника* в руках все спорится, это иерархов расстреливали — от них все равно проку никакого. К тому же те, кто не сидел на месте, как загипнотизированные кролики, и кто не верил во внушения о всеисильности сталинской госиерархии, бежали, и — удивительный факт советской действительности времен сталинских репрессий! — энкавэдэшники скрывшихся даже не искали.

Характерная при уничтожении баз деталь: вооружение и военные материалы армейским частям подчас не передавали, а *взрывали*. Занятная «фантазия» вождя, в особенности если вспомнить, что публично он любил порассуждать о преданности принципу целесообразности в вопросах обороны страны.

Дождавшись воплощения Сталиным мечты Гитлера о ликвидации на территории Советского Союза линий обороны, УРов и партизанских баз, фюрер войну, как и следовало ожидать, начал.

Партизанские отряды после 22 июня 1941-го все-таки, несмотря на уничтожение баз, стали организовываться — **двух различных типов**.

Отряды первого типа возникали по приказам обкомов и райкомов и состояли сплошь из коммунистов; а если и были в них комсомольцы, то не более 2–3% — во всяком случае так следует из документов тех лет. Вопреки откровенно торгашеской теории марксизма (а также других аналогичных вероисповеданий, основанных на суверенитизме), но зато в полном соответствии с *теорией стаи*, эти **коммунистические отряды бездействовали**. Например, из 32 отрядов, сформированных из высших коммунистов Курской области, действовали только 5 (В. А. П. 44; ЦАМО. Ф. 15, Оп. 178359. Д. 1. Л. 272; *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М.: Наука, 1996. С. 44). Фактов того, что командиры и комиссары этих созданных на принципах авторитаризма отрядов бежали **первыми**, — предостаточно. То же происходило, естественно, не только в Курской области. Струсил и бежал, например, руководитель Малоярославецкого и Ново-Петровского отрядов Московской области — отряды, естественно, распались, ибо состояли из таких же стайных «внешников», как и их командиры. Архивы сохранили сведения и об аналогичных случаях в Козельском и Спас-Деменском районах Смоленской области, в оккупированных районах Ленинградской области (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 78. Л. 58; Ф. 214. Оп. 1510. Д. 1. Л. 8; Ф. 229. Оп. 213. Д. 3. Л. 327). И так далее, и тому подобное. (То, что из 3500 отрядов, заброшенных на Украину в 41-м, действовало только 22, т. е. 0,5% — случай особый: *Украина...* Там рады любому сверхвождю. В украинских лесах министр военной промышленности рейха Шпеер гулял **в одиночестве**, нисколько не опасаясь за свою жизнь даже в 43-м году!)

Как уже было сказано, из 32 отрядов, сформированных из коммунистов Курской области, действовали только 5. После войны из этого факта обладатели ученых степеней и соответствующих зарплат и привилегий десятилетиями делали вывод, что-де «некоторые (!) коммунисты кое-где (!) порой (!)» не выполняли своих обязанностей по защите Родины, а вместе с ней предавали и своих родителей, жен и детей. По-видимому, более обоснован и логичен другой, **противоположный** вывод. Если **в этих пяти** — по отчетам (достаточно мифологичным и приукрашенным в пользу политаппарата) числившихся коммунистическими — отрядах коммунисты в действительности участвовали, а не были в первые же дни неофициально замещены людьми

неавторитарными (ради возможности получить оружие можно и коммунистом назваться — проверять-то некому!), то обладатели партбилетов правящей партии, если фашистам и сопротивлялись, то только «кое-где», только «порой» и притом весьма и весьма «некоторые».

Косвенным подтверждением того, что оставленные партизанить иерархи властных структур в 41-м галопировали в плен первыми, является факт «странного» поведения политработников и комиссаров на фронте — они тоже сдавались или бежали первыми. Причисляли к «совести эпохи» (в те годы часть народа их называла «выскачками», а газеты — «выдвиженцами») при наличии только одного единственного качества — способности к самозабвенному угодничеству.

Итак, для гитлеровцев *иерархические* партизанские отряды в 1941 году угрозы не представляли. Коммунистические иерархи в 41-м или бездействовали вообще, или, если и действовали, то, как будет видно из ниже приведенных документов, **оказывали существенную помощь немцам**.

Помимо коммунистических создавались партизанские **отряды второго типа**, противоположного первому — **спонтанные, неугодные**.

Отряды этого типа возникали *стихийно*, **помимо** распоряжений иерархов и даже их воле вопреки. (Когда *идеологи* утверждают, что партизанское движение возникло по той причине, что, дескать, товарищ Сталин дал указание организовывать отряды, то невольно вспоминается отклик народа на подобные официозные толкования происходящего вокруг нас:

Прошла зима, настало лето —
Спасибо партии за это.
Теперь мы партию попросим,
Чтобы скорей настала осень.

Спонтанные партизанские отряды были разнородны во всех смыслах — социальном, возрастном, партийном, половом, национальном; но однородны, а это самое главное, психологически — и для немцев были опасны не менее отряда Бати из научных работников-ремесленников.

Эти самые отряды, раз уж они образовались, советской «внешнической» субстае во главе со Сталиным *подсознательно хотелось* уничтожить (или под уничтожение подставить), а в случае невозможности физического уничтожения хотя бы снизить их эффективность.

Снижения эффективности отрядов Сталин (а в те времена без его устных указаний не делалось ничего [см. в кн.: *Невежин В. А.* Син-

дром наступательной войны. М.: АИРО–XX, 1997]) добивался, среди прочего, следующими основными приемами:

- авторитаризацией мышления отряда как целого;
- разбавлением отряда за счет засланных с «большой земли» командиров и комиссаров;
- расстрела проявляющих склонность к самостоятельному мышлению — командиры и комиссары уполномочивались совершать немедленные казни в случае ему, засланному «выдвиженцу», неподчинения;
- подменой конкретных боевых действий строевой подготовкой (это в лесу-то!), приводящей к авторизации мышления, и т. п.;
- укрупнением отрядов;
- укомплектованием уже существующих отрядов тяжелым вооружением.

Теперь подробнее.

Партизанская разведка Думиничского района Смоленской (ныне Калужской) области обнаружила 7 октября 1941 года на станции Думиничи несколько вражеских эшелонов, один из которых был с горючим. Взрывчатки у партизан не было. Но это их не смутило. «Внезапным залповым огнем» (видимо, у них были только винтовки) они подожгли эшелон с горючим. Пожар быстро распространился и на другие составы. Начали взрываться боеприпасы, возникла опасность детонации всех находившихся на станции взрывчатых веществ. Среди гитлеровцев, естественно, началась паника. Этим партизаны воспользовались — и скрылись, не понеся потерь. (см. в кн.: *Глухов В. М. Народные мстители. Калуга, 1960. С. 65.*)

Цистерны с горючим (включая отдельные бочки и штабеля из них) — самое уязвимое имущество всех армий мира вообще, в том числе и гитлеровского вермахта. Поскольку стенки емкостей ради снижения их веса при изготовлении старались сделать как можно тоньше, то их пробивала пуля любого легкого стрелкового оружия, винтовочная с большего расстояния, чем автоматная. Бензин из поврежденных емкостей выливался и загорался либо от раскаленных от трения о воздух пуль, либо от искр любого происхождения. Заодно с горючим сгорало и взрывалось все, что оказывалось в зоне огня — мосты, автомашины, сами гитлеровцы, одежда, оружие, боеприпасы.

Хотя при нападениях на емкости с горючим уничтожалось множество разнообразного военного имущества, а нередко и личный состав, в 41-м самым выигрышным для выживания русских было уничтожение все-таки собственно горючего. В силу причин географических, геологических (не было собственных месторождений нефти), техно-

логических (еще не были введены в действие заводы по производству бензина из угля и газа) и политических (английский флот блокировал подвоз нефти из нефтеносных регионов планеты, а Сталин, в связи с началом войны, уже более не мог эшелон за эшелон гнать Гитлеру горючее), снабжение горючим в 1941 году было самым слабым местом в армии Гитлера.

Таким образом, в силу жесткой ограниченности источников топлива, **любые его потери были в 41-м для гитлеровцев невосполнимы.**

Москва, в октябре 41-го практически не защищаемая кадровыми войсками (они были практически уничтожены [91% танков, 90% орудий и минометов, 90% самолетов], большей частью пленены [затем уморены голодом]), как известно, не была захвачена во многом потому, что танковые дивизии гитлеровцев на ее подступах остановились — кончилось горючее. Не было смысла ни в еще не подбитых танках (без горючего это груды железа), ни в запасах боеприпасов (их не довести до орудий), ни в живой силе дивизий — военная машина из-за отсутствия всего-навсего одного элемента заглохла.

Если из автоколонны в десять машин с каждой из них украсть по одной запчасти — но разных! — остановятся не десять машин, а только одна, а остальные девять этой одной воспользуются как источником утраченных деталей. Другое дело, если из всех десяти будут изъяты *одинаковые* детали...

Этот принцип очевиден и понятен даже детям. Например, в городе Клин во время контрнаступления советских войск под Москвой «ребята школьного возраста более чем у 50 немецких автомашин утащили заводные ручки, в результате чего немцы были вынуждены бросить эти машины при отходе» (*Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: 1975. С. 172*). Очень может быть, что утащить *последнюю* заводную ручку в этой автоколонне с военными грузами было смертельно опасно, но весь смысл этой недетской по эффективности операции заключался в том, чтобы утащить именно *последнюю*.

Таким образом, с точки зрения целесообразности при защите России **в 1941 году** было выгодно не то, чтобы партизаны взорвали 10 мостов, 50 грузовиков, спустили под откос 3 эшелона с танками, 3 эшелона с боеприпасами, 3 эшелона с горючим, убили 80 немцев и полицаяев, а **чтобы, пренебрегая всеми остальными целями, самым примитивным винтовочным огнем подожгли 9 эшелонов с горючим.** Было выгодно, чтобы до передовой не дошло вообще ни одной капли горючего.

Немецкие войска, по воспоминаниям самих немцев (например, командира 4-й танковой армии Ф. Меллентина), отличались от русских психоэнергетической монолитностью своих частей и, как следствие,

невербальным ими управлением. Это отличие проявлялось в том, что гитлеровцы редко побеждали при фронтальных, лобовых атаках индивидуально стойких русских. При лобовых атаках события развиваются достаточно медленно, предоставляя время защищающимся изгот-товиться к отражению атаки. Однако гитлеровцы побеждали (даже в 44-м!) созданием неожиданных ситуаций, ключом к которым была дерзость маневра, и, главное, скорость, при выходе в тыл, во фланг, когда они обрушивались как снег на голову, а это без средств передвижения, без бронетранспортеров и танков, ускорявших передвижения этой психоэнергетически монолитной стаи, — невозможно. Техника (горючее!) обеспечивала эту внезапность, а следовательно, победу.

Из всего вышесказанного очевидно, что **разнообразные** потери — в боеприпасах, людях, технике — могли остановить полк, пусть даже дивизию, но **полное** отсутствие чего-то **одного** могло остановить армию, **все группы армий**.

Спонтанные партизаны были вооружены преимущественно винтовками, которые после бегства и истребления кадровой армии в изобилии валялись по всей захваченной врагом территории Союза. Например, винтовка на оккупированной территории стоила всего-навсего один пуд зерна, а пулемет — четыре (из донесения политуправления Брянского фронта от 2 мая 1942 года. — ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 275. Л. 47). Вооруженные винтовками партизаны не могли покушаться на мосты (нужна была взрывчатка), на гарнизоны (нужны были пулеметы, минометы и орудия), на артиллерийские склады (чтобы пробить *кованые* — то есть более прочные, чем обработанные на металлорежущих станках — корпуса снарядов, силы винтовочной пули было недостаточно). Одиночный гитлеровец даже для винтовки (тем более в руках *непрофессионала*) — цель слишком подвижная и мелкая, в такую малоопытным легко промахнуться, а вот в штабеля бочек, а тем более в цистерну, промахнуться из винтовки практически невозможно.

Отсюда, **то, что спонтанные партизаны были вооружены одними только винтовками, нацеливало их на самое слабое место гитлеровской стаи — на горючее!**

Поразительно, но естественно складывавшиеся обстоятельства прямо-таки вынуждали спонтанных партизан 41-го к наиболее выгодным для России и убойным для немецкого фюрера диверсиям!

Гитлер, понятно, был кровно заинтересован, чтобы горючее до его исполнителей доходило. А это означало, что он был заинтересован,

чтобы партизаны рассеивали свое внимание на **разнообразные** цели. Иными словами, **Гитлеру было выгодно, чтобы в руки партизан попало тяжелое оружие!! Чтобы его изымали с фронта, где оно единственно и было необходимо, и самолетами перебрасывали на оккупированную территорию!**

В результате послушная часть партизан вместо первоочередного уничтожения топлива стала взрывать мосты и уничтожать гарнизоны. Мосты споро восстанавливали многочисленные толпы пленных комсомольцев; а гарнизоны состояли преимущественно из полицейских: русских эмигрантов, уголовников, недавних комсомольцев (многие старательные по службе полицаи даже носили с собой комсомольские билеты [см. в кн.: *Вершигора П.* Люди с чистой совестью. М.: Современник, 1985]), донских казаков, чеченцев; а также испанцев, итальянцев, французов, румын, венгров, и так далее — в общем-то, вся эта биомасса предателей была ненужным для немцев балластом. Перепрофилированием партизан достигались сразу несколько целей: не только сохранялось драгоценное для гитлеровцев топливо, но и **осушестволялся отток с советского фронта тяжелых вооружений** — там-то как раз и необходимых!

Словом, простенькая комбинация — азы шахматной игры: жертвой малозначимой фигуры противник втягивается в неизмеримо большие потери.

И коммунистические иерархи времен Сталина — «внешники», и потому психоэнергетически послушные всякой мечте планетарного «внешнического» сверхвождя — рьяно взялись за работу. Была снята с бомбометания по наступающим гитлеровцам целая эскадрилья самолетов (одна — постоянно, были еще разовые мероприятия для других эскадрилий; и это в то время, когда фронты задыхались от слабости авиационной поддержки) и переключена на перевозку в тыл вермахта минометов, станковых пулеметов, изовравшейся газеты «Правда» и листовок.

Но мало того! Вредное действие тяжелого оружия, перенацеливавшего партизан на менее значимые для защиты Отечества цели и ведшего отряды к гибели (в результате снижения маневренности, увеличения уязвимости для авиации гитлеровцев), верхушка правящей иерархии подкрепляла и идеологическим оболваниванием: растиражированными типографским способом инструкциями для партизан!!

Вот один из образцов творчества Московского комитета ВКП(б) — листовка «Ждите нас — мы еще придем!» от 5 ноября 1941 года:

...Беспощадно истребляйте живую силу вражеской армии, уничтожайте немецкие танки и автомашины, взрывайте мосты и до-

роги, нарушайте пути подвоза боеприпасов и продовольствия, рвите телефонную и телеграфную связь врага, поджигайте склады и обозы немецких захватчиков!

(Клятву верности сдержали. Партизанское Подмосковье в документах и материалах. М., 1982. С. 27–28. Цит. по кн.: *Пережитое* В. А. Партизаны в Московской битве. М.: Наука, 1996. С. 68)

Перечислили все, даже о телеграфной связи с обозами вспомнили, но ни слова о самом главном — о горючем! Это столь же «естественно», как если бы терпящим бедствие в песках Каракумов послали сухое молоко, муку, соль, но забыли бы послать... воды! Можно не сомневаться, что у забывчивого снабженца были серьезные мотивы «забыть» про самое главное. И даже не важно, сознательно или подсознательно желает смерти оказавшимся в пустыне угодливый чиновник. (Кстати сказать, одной из первых целей отряда Бати из научных работников-ремесленников было нефтехранилище, оставленное «внешниками» врагу в целостности — горело оно славно!).

Немецкое наступление 41-го усилиями русскоязычной субстаи «внешников» было спасено.

Немцы вышли на подступы к Москве, хотя без «помощи» сталинцев не смогли бы добраться не то что до Смоленска, но даже до Киева.

Можно, конечно, с точностью до километра рассчитать, где бы заглохли двигатели немецких танков в каждом из следующих трех случаев:

— если бы Сталин перед войной не гнал Гитлеру эшелон за эшелон горючее;

— если бы горючее с советских складов, попадавших в зону оккупации, было уничтожено и не досталось гитлеровцам;

— если бы правящей верхушкой во главе со Сталиным столь многосторонне не подрывалось партизанское движение (*неугодническое*); в частности, если бы не перенацеливали партизан с легкоуязвимо горючего на трудноуязвимые и при этом не столь важные цели.

Однако рассеиваться на расчеты не будем — принцип предпринятых «внешнической» субстаи мероприятий и так ясен — самое сильное оружие русских всеми возможными способами или уничтожалось, или хотя бы перенацеливалось...

Второй прием, с помощью которого правящая «внешническая» иерархия резко снижала эффективность спонтанного партизанского движения, состоял в *укрупнении* отрядов.

Укрупнение советских партизанских отрядов тоже было голубой мечтой Гитлера. И вот почему.

Группа из двух-трех *неугодников* была неуловима, она вполне могла существовать на «подножном корме», не было проблем с созданием тайных складов и баз снабжения, упрощалась маскировка потайных жилищ, и так далее. Потери же гитлеровцев превосходили численность группы уже после одной-двух удавшихся засад. (А засад было много, потому что нападали на небольшие группы немцев, которые или гибли полностью, или, естественно, не могли организовать преследование.) Укрупнение же отрядов все эти преимущества уничтожало. Для сравнения можно рассмотреть такой весьма активный (!) отряд как «Дедушка» (уже само название, отклоняющееся от названий традиционных, скажем, «Имени XV съезда ВКП(б)», предполагает повышенную активность этого отряда; кстати, организатором этого сравнительно высокоактивного отряда был не кадровый офицер, а московский *ополченец*). Так вот, при численности в **шесть тысяч** человек отряд «Дедушка», *по отчетам*, за два года существования уничтожил лишь **около двух тысяч** гитлеровцев, то есть три партизана за два года уничтожили лишь одного гитлеровца. Если же убрать приписки, то малость цифры будет еще более шокирующей. (Напомним, что на фронте эффективность бойцов была многократно меньшей. Если же сравнивать с отрядом Бати из научных сотрудников, то учитывая, что последний действовал всего полгода, эффективность этого шеститысячного монстра — самого из них лучшего! — в **тысячу** раз меньше.)

Численность отрядов партработники пытались довести до штатов не то что батальона (800–1000 человек), а полка (1,5–3 тыс. человек) и даже дивизии (6–8 тыс. человек). По мере укрупнения отрядов все более утрачивалась их подвижность и эффективность. Более того, гитлеровцы эти монстры быстро обкладывали заставами.

Основное преимущество партизан — мелкие, но высокоэффективные, в пересчете на каждого участвующего, засады — выбивалось сталинистами из их рук. Если мелкими группами партизаны уходили безнаказанными, или потери немцев многократно превышали потери партизан, то теперь ситуация менялась на противоположную. Немецкие заставы вызывали авиацию, против которой партизаны были бессильны, а затем и танки — с соответствующими результатами. Отряд прекращал существование, оставляя, правда, возможность присланному с Большой земли комиссару и командиру-коммунисту перед смертью картинно поцеловать — в казенник! — изъятый с фронта столь необходимый там станковый пулемет — неподъемный и в немецком тылу бесполезный.

Но основной выигрыш от укрупнения отрядов с образованием неподвижных партизанских полков, дивизий и партизанских краев для гитлеровцев заключался даже не в снижении их маневренности и повышении их уязвимости. На территории партизанского края восстанавливалась большевистская власть, работали суды по численности

алиментов, собирались партсобрания, посвященные борьбе с захватчиками, к которым подолгу готовились, бойцы усиленно занимались строевой подготовкой, — в общем, бить захватчиков просто не оставалось сил. Факты свидетельствуют о том, что, когда коммунистам-сталинцам удавалось-таки склотить крупное соединение, занимавшее среди болот целый край, то они в него **стягивали множество мелких партизанских групп с обширных территорий. Тем самым гитлеровцы на этих освобожденных от партизан территориях обрели безопасность.**

Парадоксальный вывод: **крупные партизанские соединения армейского типа формировались по воле гитлеровской стаи — это была в тех условиях наиболее эффективная форма нейтрализации недоформировавшихся *неугодников!***

Действительно, безопасность для захватчиков — это большое дело: отведенные на отдых гитлеровские солдаты и офицеры только в безопасности могли восстанавливать боеспособность — со всеми вытекающими отсюда для советских фронтовиков последствиями. Очень может быть, что засланные в спонтанные партизанские группы и вскоре захватившие в них власть комиссары (трудно партизану пристрелить «своего», но о неприязни к «парашютистам» можно найти упоминания даже в варварски искромсанных советской цензурой воспоминаниях ветеранов), уведшие их в партизанские края, в своих отчетах сообщали, что их группа, дескать, с величайшими трудностями и лишениями за сотни километров добиралась до «своих», тем, оказывается, борясь с гитлеровцами. Но комиссары, которых подбирали в советском тылу преимущественно по принципу способности к подхалимажу, заблуждались относительно подлинных подсознательных мотивов своих действий, в лучшем случае путались искренно. Гитлеровцам эти слияния небольших групп были настолько выгодны, что они должны были бы с наслаждением выделить грузовик, найти сверхдефицитное горючее и сами довести такой замечательный отряд до партизанского края, а комиссара даже посадить — с почетом! — в кабину и угостить эрзац-кофе.

В статичных партизанско-коммунистических зонах немедленно возникали трудности и с продовольствием — если действующая небольшая группа могла себя обеспечивать, особенно не обременяя население, то многотысячное соединение, чтобы прокормиться, вынуждено было попросту обирать население до нитки. Естественно, местные жители, зная о строевой подготовке и партсобраниях при, в общем-то, бездеятельности, не могли не считать «организованных партизан» обыкновенными бандитами-бездельниками.

Итак, такими целенаправленными действиями, как:

— авторитаризация мышления тех немногих, кто брался за оружие в немецком тылу (путем засылки комиссаров с полномочиями

немедленной казни в случае ему, пришлому, неподчинения; строевой подготовки в партизанских краях и т. п.);

— укрупнение отрядов;

— укомплектования ранее действовавших партизанских групп и отрядов тяжелым вооружением, —

верхушка правящей в Советском Союзе иерархии «внешников» добивалась снижения эффективности спонтанного партизанского движения (в 41-м действовали отряды только такого типа) — как того и *желал* сверхвождь Гитлер.

Но и это еще не все.

Был еще один способ, посредством которого русскоязычные «внешники» помогали Гитлеру, не подвергая себя риску быть разоблаченными в предательстве.

Одним из наиболее действенных способов снижения эффективности партизанского сопротивления сверхвождю было **физическое уничтожение партизан**, уничтожение их поодиночке, **руками гитлеровцев и смершевцев.**

Название для предуготованных к такой технологии умерщвления или хотя бы нейтрализации было придумано следующее: *связные.*

Слово «связной» происходит, разумеется, от слова «связь». Правящая на территории России верхушка иерархии внушала, что беспартийные жители оккупированных территорий бороться с противником *самостоятельно* не способны, но только по указке чиновников, оккупавшихся по дальним тылам, — в политуправлениях при штабах армий или по обкомам, эвакуированным в глубокий тыл из оккупированных областей. Поскольку оперативной радиосвязи в 41-м с Большой землей почти не было, то считалось, что партизанам необходимо «для связи» послать в Центр человека. Путь из немецкого тыла в советский был не близким, тем более что передвигаться приходилось преимущественно по ночам, линию же фронта с наскака перейти удавалось далеко не всегда, а только после длительной разведки — поэтому на дорогу в один конец уходили недели. Разведанные связных при таких сроках безнадежно устаревали, смысл инструктирующих указаний свыше, даже если бы он в них изначально был, из-за постоянно меняющейся обстановки за такое время утрачивался полностью. Словом, *оборонительного* смысла в институте связных не было никакого.

Однако, раз какое-то действие производилось, значит оно было кому-то нужно.

Более всего от назначения связных выигрывал, естественно, сверхвождь-агрессор. Принудительным установлением института связных достигалось сразу несколько целей. Во-первых, активный партизан

(а кого еще послать на задание опасное и чреватое неожиданностями, как не лучшего из лучших? к тому же, и комиссару радость — из отряда удаляется *неугодник*) надолго выводился из строя (дорога за линию фронта; допросы в СМЕРШе, которые вполне могли завершиться расстрелом только потому, что допрашиваемый следователям *не понравился*; отдых после допросов; сеансы идиотических внушений от жирующих в тылу коммунистов на тему эффективной борьбы с захватчиком¹; возвращение в отряд и отдых — весь цикл занимал больше месяца). Иными словами, человека не менее чем на месяц ликвидировали как высокоэффективную боевую единицу, и все это время он для гитлеровцев, а опосредованно и для сверхвождя, опасности не представлял.

Временный вывод из строя — результат еще более-менее благоприятный, ведь связные по большей части не доходили. Их расстреливали или в СМЕРШе, или в гестапо.

О числе погибших под пытками, подстреленных патрулями, попавших под шальную пулю при пересечении фронта, подорвавшихся на минах и так далее косвенно можно судить по имеющейся статистике движения в противоположном направлении. Так осенью 1941 г. Орловский обком партии направил в тыл противника 116 связных, однако к началу 1942 г. вернулось обратно только 34 (РЦХИДНИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 61. Л. 1), то есть менее трети. Не вернувшиеся, разумеется, не обязательно все погибли, некоторые перешли на сторону гитлеровцев (как то сделал особо проверенный и особо надежный — по мнению коммунистических иерархов — армейский капитан, заброшенный в тыл к гитлеровцам с целью уничтожить генерала Власова), но хочется верить, что кто-то из невернувшихся плюнул на предательскую возню правящих «внешников» и начал с врагом, поставившим перед собой задачу уничтожить этнических русских на 85%, бороться не по-сталински, а по-*неугоднически*.

Удаление комиссарами из отрядов под видом связных *неугодников* приводило не просто к численному уменьшению реальных боевых единиц. Снижение боеспособности партизанского движения как целого было существенно большим. «*Вы — соль земли*» (Мф. 5:13) — этот принцип взаимовлияния людей друг на друга вечен. Поскольку из отряда удалялся один из лучших в смысле неавторитарного мышления человек, то психологически отряд менялся как целое, и тем дополнительно подрывалась его боеспособность. Иными словами, с удалением *сформировавшегося неугодника* утрачивалась не одна боевая

единица, а, скажем, три. (Речь, повторяем, идет о *первом этапе войны* со сверхвождем; на *втором*, с началом параноидальных галлюцинаций у сверхвождя, активность гипнабельного стада возрастает и поверхностным наблюдателем воспринимается как в чистом виде героическая борьба за освобождение Родины.)

То, что из отряда пытались удалить в первую очередь мыслящих неавторитарно, следует из незыблемых психологических законов: если власть над спонтанным партизанским отрядом или группой захватывал стандартный коммунист сталинского периода (не столько плут, сколько насильник), то терпеть в своем подчинении *людей мыслящих* он просто не мог — а где уж ему унять себя в стремлении от них избавиться?! Поэтому: избавиться любым путем! Предпочтительно наименее подозрительным — например, под видом преданности институту связных.

Иными словами, комиссар свою сущность проявлял в точности в тех же поступках, что и крепостники-помещики и старосты-угодники крестьянских общин, отправлявшие *неугодников* рекрутами на двадцатипятилетнюю службу в армию немцев Романовых.

Поскольку мыслящие неавторитарно в 1941 году были солью партизанских отрядов и групп, их психика ограждала отряд от каннского синдрома (неспособность поднять оружие, когда тебя убивают, страстное желание сдаться в плен), которым была одержима на первом этапе войны «ум, честь и совесть» эпохи. Устранение же *неугодников* из отряда меняло в нем психологический климат, и он превращался в солдафонское объединение, которое быстро уничтожали, — как показывают исторические факты, без заметных потерь для захватчиков.

Если рассуждать в высоких категориях, то получается, что соучастие в сталинском институте связных было, по сути, предательством Родины, соучастием в геноциде русского народа.

Потому и можно предположить, что высланные из отряда под видом связных на верную, а главное, бессмысленную гибель достаточно сформировавшиеся *неугодники* не гибли, а комиссаров *посылали ко всем чертям* и продолжали ошарашивающе эффективную войну против гитлеровцев в одиночку — свободные от «ценных указаний» кретивов с партбилетами. Спасая Родину и не соучаствуя в предательстве.

Об этих бойцах-одиночках мы из прокоммунистических отчетов и донесений, разумеется, не узнаем прежде всего потому, что отчеты зачислялись вовсе не для того, чтобы отражать объективную реальность, а для того, чтобы воспевать иерархическое начало в лице его носителей.

Но, к счастью, история хоть и удушаема, но не нема — в качестве источников мы можем использовать сохранившиеся донесения немцев.

У одиночного партизана, на стороне которого кроме преимуществ психики была еще и внезапность нападения (можно беспрепятственно

¹ В одной кабинетной обкомовской инструкции, например, партизанам советовали бороться с танками следующим образом: привязать к веревочке противотанковую мину, закопать в снег у дороги и, дождавшись, когда мимо будет проходить танк, подтащить эту мину ему под гусеницу.

бросить несколько гранат или произвести несколько прицельных выстрелов, прежде чем будет организовано сопротивление), оставалось также время при благоприятном рельефе местности, чтобы скрыться, — для подготовки к следующему «мероприятию». Результат — двое или трое убитых *на один ствол*. Убить столько оккупантов на фронте могла только рота, неся, правда, при этом потери (при извращенно-массовых сталинских атаках — десяти-, если не стократные) — да и то за сутки боевых действий.

Читаем немецкий приказ по 6-й немецкой армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау (надо отдавать себе отчет, что из идеологических соображений генерал-фельдмаршалу было выгодно, и даже необходимо, для поддержания боевого духа подчиненных одиночного партизана выдавать за группу):

В ночь с 5 на 6 ноября (1941 г. — А. М.) полковник Зин и два инженера его штаба убиты партизанами. Другая партизанская группа убила пять человек... Обязываю каждого солдата во всех случаях: во время работы, при отдыхе, обеде и т. д. всегда иметь с собой винтовку... Одиноким офицерам ездить только по главным и охраняемым дорогам...

(ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 78. Л. 18)

Подобного рода штабных отчетов архивы сохранили сотни, тысячи; об атмосфере кошмара, который создали *именно одиночные партизаны*, свидетельствуют многие трофейные письма, в которых солдаты вермахта, отведенные на «отдых», тоскуют о фронте как о месте, для них более безопасном и спокойном.

Вот строки из письма убитого немецкого офицера, погибшего в карательной операции против ленинградских партизан:

Лучше быть на передовой, чем здесь, там бы я знал, что противник находится на таком-то расстоянии. Здесь враг находится всюду, он вокруг нас, из-за каждого прикрытия выслеживает. *Несколько (!)* (курсив мой. — А. М.) выстрелов, и *обыкновенно эти выстрелы попадают...*

(Цит. по кн.:
На Северо-Западном фронте, 1941–1943 гг.
М., 1969. С. 284)

Гитлеровскую стаю психологически истощало, тем надламывая психику сверхвождя, одно только существование *именно одиночных партизан*, а вовсе не фигурирующие в бумагах коммунистических отчетов муштрованного ума отряды, поглощенные в партизанских краях и зонах строевой подготовкой.

Так что не случайно, что особо гипнабельные коммунистические иерархи, в соответствии с желанием Гитлера, пытались *неугодных* или уничтожить, или выманить на советскую территорию, или заставить заниматься строевой подготовкой в партизанских краях. *Пытались*. Да только всегда ли получалось?

Итак, если изъясняться достойным темой высоким слогом, то **человек, в 41-м отправляемый в связные, внешними обстоятельствами ставился в положение, в котором он был вынужден принять важнейшее для своей души *духовное* решение: или стать «внешником» и погибнуть без всякого смысла и пользы для Родины и вечности, и даже, хуже того — выжив, нанести Родине вред, укрупнив собой стаю и сделав ее еще более подвластной воле сверхвождя; или же, напротив, избрав Истину, выйти из стаи окончательно и действовать во вред противнику *самостоятельно* (вместе с себе подобными), — тем обретая жизнь вечную.**

В самом деле, ради кого было умирать — и биологически, и духовно? Ради, в конечном счете, Гитлера? Пусть даже с предсмертным воплем: «За Сталина!»?

Конечно, если рассуждать традиционно, задыхаясь в прокрустовом ложе суверенитизма в торгашеском его варианте, то была одна категория населения Советского Союза, впрямую заинтересованная в существовании института связных. Это были высшие местные иерархи власти: секретари обкомов, крайкомов, райкомов партии, драпанувшие в глубокий советский тыл из оккупированных областей, их заместители, инструкторы, а также чиновники в армейских погонах из политуправлений фронтов. Несмотря на то, что все вышеперечисленные могли повлиять на борьбу с захватчиками только отрицательно уже одним только своим существованием (во всяком случае, в *первый период войны*), они, тем не менее, приобретали оправдание своего отсиживания в тылу, — дескать, организуют отпор врагу на оккупированных территориях, систематизируя отчеты связных (подправляя документы под букву и дух марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации; не подправишь — могут и расстрелять) и давая ценные указания тем, кто, в отличие от них, не драпал, а защищал своих жен, детей, — друзей, наконец.

И эта драпанувшая и отсиживающаяся в тылу верхушка управленческой иерархии отнюдь не разделяла с остальным населением Советского Союза полуголодное существование, — нет, *она* жрала.

Во время военного голода, когда население питалось непонятно чем, хлеб пекли из смесей странного состава, даже с добавлением

древесных опилок, а картофельные очистки воспринимались как деликатес, что-то вроде подарка с неба, мать автора и его бабушка жили на втором этаже дома, в котором на первом этаже была пекарня. Да не простая, а «спец» — в ней пекли **сладкие сдобные** булочки из белоснежной **муки** — для коммунистической верхушки города Коврова. Терпеть голодным людям поднимавшийся снизу аромат было выше всяческих сил; и тогда еще молодая бабушка (сорока лет не было) не выдерживала, *врывалась* в коммунистическую пекарню, и, несмотря на тычки и побои, *хватала* в каждую руку по булочке и неслась из этого вертепа *прочь*.

«Ум, честь и совесть эпохи» жрала, естественно, не только в Коврове, а повсеместно, и — подобно проститутке Масловой, считавшей свое занятие высокодостойным только потому, что этим занималась она, — считала, видимо, этот осуществляемый ею процесс пищеварения для страны весьма полезным — ведь нужны же партиям были силы, чтобы внушать населению, что они есть «ум, честь и совесть» эпохи Гитлера...

Конечно, иерархам для борьбы друг с другом силы были нужны — ведь в тылах развелось множество партийных органов, каждый из которых отдавал **свои** приказы партизанским отрядам — естественно, противоположные и взаимонесовместимые.

Несмотря на важность и серьезность партизанского движения в Отечественной войне, до сих пор не решен в центре основной организационный вопрос — кто должен заниматься организацией и руководством партизанским движением... Существует ряд органов, пытающихся руководить партизанским движением... В результате на местах иногда дело доходит до **больших недоразумений**, даются отрядам и местным районным партийным и советским органам противоречивые указания.

*Начальник политуправления Северо-Западного фронта
бригадный комиссар Ковалевский, доклад в ГлавПУ РККА
17 октября 1941 года*

(ЦАМО. Ф. 221. Оп. 362. Д. 16. Л. 436;
Оп. 1366. Д. 6. Л. 255–256; цит. по кн.: *Пережогин В. А.* Указ. соч. С. 63)

Полезно поразмышлять, что кроется под эвфемизмом «**большие недоразумения**». Вообще говоря, неподчинение приказу влекло за собой, по законам того времени, только одно — расстрел (в новом сталинском Дисциплинарном уставе 1940 года было нововведение: в статье 6 специально оговаривалось — подчиненный должен выполнять **любое** приказание, если нет — расстрел на месте; согласно же статье 7 командир, который не принял **всех** мер к выполнению своего приказа, должен был предстать перед судом военного трибунала).

Всякое «недоразумение», видимо, заключалось прежде всего в том, что было непонятно, **кого же расстреливать** — из партизан, разумеется, — ведь, следуя *только одному* из противоположных приказов, они тем самым отказывались выполнять *другой*. **В сущности, при любом варианте действий расстрелу подлежал весь партизанский отряд!** Чего, как **очевидно** всякому знакомому с психологической наукой пусть даже поверхностно, подсознательно и добивалась верхушка коммунистической иерархии — психологически, как видно из ее поведения в годы войны, несмотря на взаимную ненависть, единая.

Иначе и быть не могло: всякая война — это попытка стаи цивилизовать *неугодников*, духовно уничтожить кроме обычных способов еще и угрозой немедленного расстрела.

Вообще, взаимная ненависть секретарей обкомов не должна вводить в заблуждение относительно их монолитности как стаи. Стая держится вертикальными связями, а не горизонтальными. К тому же центр ее может быть на территории другого — вражеского — государства.

Систематически выясняется, что субвожди, вообще говоря, не верят, что их подельщики любят их общего кумира-сверхвождя *по-настоящему*. Об этом умонастроении невольно проговорился среди прочих и Альберт Шпеер, министр военной промышленности нацистской Германии, осужденный в Нюрнберге на 20 лет тюрьмы, где он и написал свои воспоминания; в них, в частности, он несколько раз сообщил, что никто кроме него, Альберта Шпеера, интеллигента-архитектора, Гитлера по-настоящему не любил, только он один. А остальные вокруг Гитлера — холоуи и ничтожества, и его, Гитлера, тайные враги. Министр, естественно, со всей искренностью обыкновенной ревнивой бабы верил только в свою истинную преданность фюреру. Как, впрочем, и остальные его конкуренты в прислуживании вождю, — но все всегда делали только нужное их подверженному садомазохистским качаниям вождю.

Так и подсиживавшие друг друга секретари обкомов в 41-м также делали каждый свое — но все в угоду своему субвождю (постольку поскольку он был марионеткой сверхвождя).

Может, конечно, со стороны показаться, что суб-субвожди враждуют **между собой** несогласованно — но их ненависть напоминает взаимную ненависть супругов, от которых дети-исполнители все равно рождаются.

Секретари были едины в том, что главным их врагом были *неугодники*, — и неважно, что охота на них маскировалась кучами расстрелянных политруков и комиссаров, которые достойны были расстрела еще до начала Великой Отечественной — как подхалимы.

Подведем итоги.

Самое слабое место в военной машине «внешника» Гитлера — горючее, которого катастрофически не хватало.

Самое сильное оружие русских — психическая независимость (неустойчивость) незначительной части населения. Они-то, изгнанные из иерархий и со складов горючего, часто лишённые оружия, и обеспечили победу в Великой Отечественной — *прежде всего непосредственно над самим Гитлером.*

Анализ обстоятельств снабжения горючим вермахта и характера вмешательства русскоязычных «внешников» в спонтанное партизанское движение показывает, что действия Сталина и высших иерархов как *еще до войны*, так и после ее начала (1941 год и большая часть 1942-го) систематически реанимировали положение с топливом у Гитлера, параллельно старались разрушить партизанское движение вообще, а спонтанное — в особенности.

Это был отнюдь не хаос противоестественных ошибок.

Строго закономерные «ошибки» — не ошибки. Неважно, что хор потомственных предателей в свое оправдание будет отстаивать торгашеский суверенитизм.

Из одного только приведенного военно-исторического анализа следует, что Сталин — предатель.

Не важно, получал ли он за это деньги или что другое; главное, он — *предатель Родины.*

И судить об этом можно было заблаговременно: просто по тому, что он типичный субвождь-«внешник».

Глава тридцать девятая

ЛЮБОВЬ СТАЛИНА К ЛЕНИНУ. ВСЕПОБЕЖДАЮЩАЯ ПОТРЕБНОСТЬ В ВОСПРОИЗВЕДЕНИИ БОЛЕЗНЕННОЙ ЗАВИСИМОСТИ — ЗАКОН ДЛЯ СУБВОЖДЯ НЕИЗБЕЖНЫЙ

Из того, что Сталин *приспосабливался*, ограничивал свои желания формами, приемлемыми в данной цивилизации, может сложиться впечатление, что это есть проявление *личностных* качеств. Но это не так.

В конце концов, антилопы гну не пытаются всем стадом объесть одну кочку — каждая щиплет на своем участке; да и чайки при сколь угодно больших гнездовых не путают свои яйца с соседскими, — но от этого ни гну, ни чайки не становятся личностями. Разумеется, между *исполнителями* различных коллективных органов тела стаи

и животными того или иного вида есть некоторая разница. Если в лебединой паре погибает один супруг, то другой, взлетев высоко в небо, складывает крылья и камнем падает вниз, тем являя свою верность и память; а вот гну-мать будет отчаянно защищать своего новорожденного теленка от шакалов или гиен только до тех пор, пока они не затащат его в близлежащую пустующую нору; как только гну-мать перестает своего детеныша видеть, она тут же о нем забывает, немедленно успокаивается и начинает преспокойно щипать траву. Поведение разное: и у лебедей, и у чаек, и у гну, и у *исполнителей*, но все они — элементы стаи. Различия не личностные, но — *индивидуальные*. Сталин мог приспосабливаться, но ничем *принципиально* от стадных гну не отличался, — будучи в большей мере управляем сверхвождем, чем собственными невротами. Исключительность его случая та, что личный невроз не противоречил, но существенно способствовал стайному поведению.

Всякий «великий полководец», будь то Ганнибал, Наполеон или Гитлер, непременно невротичен и притом до состояния одержимости моноидеями.

Большая, по сравнению с остальными элементами стада, невротичность вождя следует из того, что стремление к неестественной форме взаимоотношений с ближними — *власти* — непременно ими *оправдывается, что приводит к дальнейшему извращению и утрате защищающего критического мышления* (а это приводит к еще большей невротизации), сохраняется логическое мышление разве что в виде узкопрофессиональной ориентации в технической информации.

Невротическое поведение бывает двух типов, они суть воспроизведение:

— греха, совершенного предками;

— травмы, воспринятой в течение жизни человека, — являющейся, по большей части, наслоением на грехи предков и их развитием.

В случае с Наполеоном все предельно прозрачно — он воспроизводил Ганнибала вплоть до мельчайших подробностей.

В случае же со Сталиным у нас, к сожалению, нет достаточных данных, кого из субвождей прошлого он является осознанным или неосознанным повторением — *пока*; возможно, некие предания сохранились. Какой-то аналог, несомненно, был — главарь банды (о нем туманно упоминают в биографиях Сталина) или националсвятенник; скорее всего, было и то, и другое (возможно, в одном лице).

Реализации *всяких* невротозов представляют собой *цепь* вновь и вновь повторяющихся (искусственно провоцируемых) жизненных ситуаций — однотипных браков и несчастных случаев, схожих по обстоятельствам изнасилований, утрат имущества, краж и т. п.

В своих брачных предпочтениях Сталин, не поднимавший на женщин глаз, не вышел за пределы унаследованного невроза — об этом говорилось в «КАТАРСИСЕ».

Продолжим исследование роли личности Сталина во всепланетной иерархии с его взаимоотношений с Лениным.

Ленин Сталина хвалил, Ленин Сталина же и ругал. В разные, правда, периоды. Пока Ленин над толпами властвовал, он Сталина превозносил; но уже больной, разбитый инсультом Ленин о Сталине отзывался скверно.

Знаменитое «Письмо к съезду», в котором Ленин поносил Сталина в свойственной юристам форме и требовал от съезда его снятия с высшей должности генсека, было лишь последним аккордом в симфонии вражды к некогда приближенному Сталину. (*Самым* любимым учеником Сталин никогда не был, — это миф, созданный самим Сталиным: даже на сохранившемся официальном фотомонтаже самых видных функционеров большевистского правительства [1920 год], Сталин среди шестидесяти человек отсутствует!) Сталин у Ленина был *исполнителем* — но не самым-самым.

Вражда к некогда любимому Сталину *началась* задолго до «Письма к съезду», *с начала болезни Ленина*.

Вот что пишет Мария Ильинична Ульянова, сестра В. И. Ленина:

Раз утром Сталин вызвал меня в кабинет В. И. Он имел очень расстроенный и огорченный вид: «Я сегодня всю ночь не спал, — сказал он мне. За кого же Ильич меня считает, как он ко мне относится! Как к изменнику какому-то. Я же его всей душой люблю. Скажите ему это как-нибудь». Мне стало жаль Сталина. Мне казалось, что он так искренне огорчен.

Ильич позвал меня зачем-то, и я сказала ему между прочим, что товарищи ему кланяются. «А», — возразил В. И. — «И Сталин просил передать тебе горячий привет, просил сказать, что он так любит тебя». Ильич усмехнулся и промолчал. «Что же, — спросила я, — передать ему и от тебя привет?» — «Передай», — ответил Ильич довольно холодно. «Но, Володя, — продолжала я, — он все же умный, Сталин».

«Совсем он не умный», — ответил Ильич решительно и поморщившись.

(РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 398. Л. 8;

Цит. по кн.: *Куманёв В. А., Куликова И. С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994. С. 18)

В этом отрывке каждое слово настолько значимо, что хоть пиши их все с заглавной буквы! К анализу некоторых из этих слов мы еще вернемся, чуть позднее.

Итак, заболевший Ленин свои отрицательные эмоции по отношению к Сталину облакает в форму высказывания: «*Совсем он не умный*».

А в декабре 1922 года *уже больной* Ленин в беседе с супругой Надеждой Константиновной так отозвался о Сталине: «У него нет самой элементарной человеческой честности» (*Троцкий Л.* Дневники и письма / Под ред. Ю. Фельштинского. «Эрмитаж», 1986. С. 77. [Цит. по кн.: *Куманёв В. А., Куликова И. С.* Противостояние: Крупская — Сталин. М.: Наука, 1994. С. 16.]).

Спустя несколько месяцев *больной* и уже устраненный от руководства Ленин продиктовал такое письмо:

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ

Строго секретно
Лично

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву

Уважаемый т. Сталин!

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*
5-го марта 23 года

(*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329–330)

Все вышеприведенные высказывания Ленина коммунисты в период всеобщей преданности Сталину, *до* «развенчания» «культы личности», вслед за своим субвождем из Кремля толковали как проявление *болезни* Ленина, а *после* «развенчания» *культы* — как его *прозрение* (как предполагалось, интеллектуального).

Дело, разумеется, не в том и не в другом — у иерархов типа Ленина эмоции определяются их положением в иерархии: пока лизоблюды типа Сталина смотрят снизу вверх — он *хороший*, но стоит ему изменить свое к вождю отношение... Он становится *плохим*.

Прежде чем обратиться к тому периоду, когда Сталин для Ленина был *хороший*, сгруппируем некоторые *факты*, которые выявляются в приведенных документах и свидетельствах:

— ревнивый Сталин очень ненавидел *жену* Ленина;

— Ленин относился к Сталину как к **предателю** (но только с начала своей **болезни**);

— способ, с помощью которого Сталин мог принудить не желавшего его замечать Ленина, использовался один, «внешнический», — грубость (*насилие*).

«Вождь мирового пролетариата» (так Ленина называли — одни с издевкой, другие на грани агонии восторга), действительно, не всегда *чувствовал* к Сталину неприязнь.

Мало кто знает, что в 1919 году Ленин даже предлагал Сталину, одному из преданнейших своих сподвижников, взять в жены свою сестру Марию Ильиничну. И очень удивился, когда узнал, что совсем недавно, в 1918 году, Сталин женился на Надежде Аллилуевой.

В этом эпизоде интересно и характерно все — прежде всего, сам факт того, что любимую сестру, с которой Ленин советовался (а с немудрой женщиной советоваться может только садо-мазохист — в фазе неуверенности в себе) и, видимо, ценил, — он не мог отдать ни за кого иного, как за *хорошего*. Из самого факта этого брачного предложения, сделанного лично Лениным, следует, что **Ленин считал Сталина умным** (отсюда понятно мнение гипнабельной Марии Ильиничны, что Сталин — «умный»). Да, считал умным и высококравственным — а кем еще может быть *хороший*? — и отнюдь не из соображений партийной дисциплины и интересов мировой пролетарской революции, а **совершенно искренно**.

Очень характерно также и то, что ревнивый (!) и, по всеобщим воспоминаниям, не поднимавший на женщин глаза будущий болезненный параноик Сталин после вступления в брак с откровенной валабиянкой Надеждой Аллилуевой, дочерью т. н. профессионального революционера и прямо-таки разнузданной шлюхой (этот тип женщин любит «бандитов»), **ничуть не изменился**. Вообще говоря, всегда бывает очень заметно, когда мужчина после продолжительного воздержания начинает вести *регулярную* половую жизнь — его как подменяет. А вот Сталина не «подменило». Если вспомнить про его исключительную ревнивость, паранойю, и про то, что кремлевский вождь заставлял мужчин (высших иерархов, секретарей обкомов и т. п.) танцевать друг с другом, то диагноз гомосексуальности очевиден (даже без воспоминаний о его отношениях с «голубым» венгерским евреем Паукером).

Другое дело, что сталинское влечение к Ленину, скорее всего, в известных действиях не оформлялось — вынужденно, мешали женщины, — отсюда понятна его подсознательная ненависть к Надежде Константиновне, *женщине*. Не по причине же разночтений Маркса эта неприязнь! Даже если Сталин и понимал смысл — тайный и фасадный — трудов Маркса, разделений людей из-за *логических* несовпаде-

ний никогда не бывало (этому учит опыт тысячелетий) и не будет никогда... Яркая неприязнь бывает или к конкуренту, или к противоположному психотипу — Надежда Константиновна была для Сталина как минимум первым...

Итак, пока Ленин был *здоров*, он воспринимал Сталина как хорошего-хорошего, преданного и умного; но как только Ильича разбил инсульт, одна половинка мозга усохла до размеров грецкого ореха, и Ильич ослаб — как вождь-гипнотизер, прежде всего! — то он якобы *прозрел* и распознал в Сталине мерзавца.

«Просто ошибался и прозрел», — типичный взгляд *исполнителя*, прежде всего, на самого себя, *хорошего*.

Хотя все, действительно, просто — но с точки зрения *теории стаи*.

Ленин — очевидный вождь, из чиновничьей семьи (чин отца соответствовал генеральскому, мать крутилась при дворе) сумевший подняться до уровня главы государства, властитель воли многотысячных толп. А раз подняться сумел, значит, влечению этому отдавался, а раз отдавался, значит власть ему, как таковая, естественна. Иными словами, из одного того, что **Ленин** смог стать во главе сплоченнейшей стаи, следует, что он **превыше всего ставил поклонение, обожание и собачью преданность**.

Пока Ленин не начал биологически разлагаться, психоэнергетическая сила его была колоссальна, причем настолько, что, как следует из тысяч и тысяч мемуаров, **его начинал любить всякий, кто оказывался в непосредственной к нему близости**. Причем, как это на первый взгляд ни покажется странным, **даже тот, кто до встречи считал себя его идейно-теоретическим противником**.

И Сталин тоже любил сверхвождя совершенно искренно и преданно, — и тем порождал у Ленина положительные эмоции; рационализации строились с использованием слов «умный», «способный», и т. п.

Но вот в жизни Ленина происходит в точности то же, что и в жизни Ганнибала, Наполеона, Гитлера и других: пройдя максимум своего влияния, его подавляющая сила идет на спад. В жизни Ленина эта точка перелома заметней, чем у других сверхвождей, — на Ленина было совершено удачное покушение, одна из пуль задела жизненно важный узел.

После ранения Ленин слабеет, а со временем все больше и больше; вскоре и вовсе становится беспомощным. Ленина перестают слушаться даже молоденькие секретарши и стенографистки (наиболее гипнабельный контингент). Дамочки *против воли прикованного к постели Ленина* доносили Сталину о всех высказываниях некогда ими обожаемого до самозабвения вождя, и из этого непослушания комсомолочек следует, что сила некрополя Ленина упала почти до нуля.

Как говорится, «сердцу» не прикажешь, — исчезли искорки обожания и в глазах Сталина тоже.

Но хуже того, о некогда испытываемом рядом с картавым вождем ломовом кайфе у «отца народов» осталось воспоминание! Это воспоминание хуже, чем забвение — поруганная «любовь» воспринимается как разочарование, как агрессия объекта любви, предательство (в понимании носителя стайного начала). «Разочарование» всегда высвобождает проявления ненависти.

Экс-водители выход из-под повиновения замечают немедленно — и всегда оскорбляются. И начинают мстить. При бессилии — обзывать. Ленин был не оригинален: вдруг оказалось, что Сталин — мерзавец и неумный.

Ленин наконец-то умер, как умирали и другие вожди, а Сталин остался до времени жить.

Подавленное психическое состояние Сталина очевидно.

Надо понимать, что рядом с еще не развалившимся Лениным Сталин **действительно был совершенно счастлив**, — и не важно, понимал он или не понимал некоторые нюансы марксизма-ленинизма. *Он был счастлив — восторженно.*

А еще — *что очень важно для понимания структуры психики Сталина* — при жизни Ленина **он был счастлив еще и от самого послереволюционного времени**. Ленинцам было внушено верить, что все их внутреннее несчастье души (которое проявляется в ревности, страстной влюбленности в жен своих друзей, скверности тех женщин, с которыми они оказывались повязанными юридическим браком, и вообще вся остальная боль), происходит, якобы, вовсе не от того, что они суть *неличностные* элементы иерархии, а потому, что виноваты внешние обстоятельства, якобы плохой социальный строй (сословный). Дескать, если банки и трудолюбивых крестьян ограбить, деньги забрать себе, а инвентарь и хозяйственные постройки передать так называемой бедноте — то есть не желающей ни работать, ни думать черни, которая если чего и желает, так это достижения состояния «счастье» (напиться, накуриться или попасть в психоэнергетическую зависимость на каком-нибудь «национал-социалистическом» собрании), — то боль исчезнет.

Когда в 1917 году власть в столицах Российской империи досталась ленинцам, напряжение их душ было колоссальным, — **как при первой любви, когда тешатся надеждой, что вот еще чуть-чуть, и боль души пройдет**. Словом, оставалось только перебить *тех, кто не нравится, тех, кому завидуешь* — и вот оно, ломовое счастье!

Процесс устилания страны трупами, разрушение городов и сел, учреждение чекистских пыточных подвалов уже само по себе есть удовольствие для всякого некрофила, будь он ярким или жухлым. Удовольствие, разумеется, усиливается от наслаждения процессом поглощения себя сверхваждем. И самое главное: ожидание избавле-

ния от боли — великолепное, ни с чем не сравнимое наслаждение *заведомо ложной* надеждой!! Ложь ценится толпой выше истины и распознается безошибочно.

И Сталин в 17-м наслаждался. Вместе с остальными верными ленинцами, забывая о своей сухой руке, сросшихся на ногах пальцах и прочих уродствах, забывая о муках ревности, о неисполненном желании *заставить* соратников по партии с мужскими половыми органами танцевать друг с другом, о невыясненности отношений с *любимым* Ильичом, на пути к которому стояли Инесса Арманд и Надежда Константиновна...

Но надежды скончались.

Гражданская война потухла, из чего следовало, что нет уже больше достаточно убедительного повода убивать, нет основания подписывать приказы о расстрелах конкурентов и *ненравящихся*.

Сословное общество разрушили, — но боль не прошла: то, что вызвало зависть на духовном уровне, обрести не удалось.

Хуже того — Ленин заболел, а потом и вовсе умер, тоже не оставив никаких надежд на возвращение былого счастья страстной влюбленности — ведь подобного Ленину чуда-юда на горизонте пока не вырисовывалось.

Жизнь Сталина утратила свой вкус — «отец народов» вынужден был коротать время в припадках гнева на законную жену-валабиянку, вспышках ненависти к номинальным детям, как говорится, сомнительного происхождения, — но сомнительного только для нас, а Сталин, прилюдно называвший свою мать «старой шлюхой», вряд ли обольщался насчет своей жены — «почему-то» точной копии его матери. Приходилось тянуть лямку ненавистной жизни, занимаясь внутренними разборками со всякими там Троцкими, Рыковыми и Зиновьевыми, червонными казаками (или «червонцами», т. е. казаками, перешедшими на сторону Ленина, но психологически несовместимыми со Сталиным, поскольку испокон веку ненавидели кавказцев) и прочими.

Что оставалось ждать не умевшему жить Сталину, кроме смерти?

Если в таких случаях невротики не кончают жизнь самоубийством, то на что надеются?

Только на одно.

На реанимацию прошлого. Во всех эмоциональных тонкостях и воссозданных обстоятельствах.

В таких случаях, со всей силой и мощью невроза, отрицающего ценность жизни, некрофилы стремятся впасть в транс «счастья», для воспроизведения которого необходимо найти аналог предыдущего вождя («ключ»), который подобно рубильнику под рукой подрывника в одно мгновение взорвет действительность и всякую осмысленную целесообразность.

Необходимо осознавать всю силу преступного влечения вождя к «счастью», по сравнению с которой тяга наркомана — ничто. А наркоманы, помнитса, не останавливаются ни перед чем: украсть — так украсть, убить — так убить, Родину предать — никаких проблем...

Воспроизведение «ключа» желательнее точное.

«Ключ» конкретен, он поддается измерению — он всегда психологический *аналог* ключа предыдущего.

Чтобы провалиться в невроз, полученный Сталиным от Ленина, необходим был *аналог* Ленина, «вождя российского пролетариата», то есть, это должен был быть:

- мужчина;
- примерно сорока лет (столько примерно было лет Ленину, когда с ним познакомился Сталин);
- человек, стремящийся захватить власть в стране;
- вождь, стремящийся войнами достичь мирового господства;
- называющий это преступление «революцией»;
- обещающий всем счастье;
- достигающий обожания толпы публичными выступлениями;
- неспособный к деторождению;
- использующий женщин для удовлетворения определенных (отнюдь не традиционных) потребностей;
- не стесняющийся с отдачей приказов к расстрелам и грабежам;
- автор публицистических работ, невнятность изложения которых и лозунговость выдает опыт гипнотического воздействия на аудиторию;
- достаточно аскетичный в быту.

Список можно было бы продолжить, но и без того ясно, что число людей с подобными «государственными» качествами весьма ограничено — их единицы.

В непосредственном окружении Сталина таких не было ни одного.

Таковых не было не только в окружении Сталина, но и вообще в России.

А вот за пределами России такой индивид появился.

Один-единственный!

И это был Гитлер.

Он удовлетворял всем приведенным требованиям: опирался на рабочий класс, был неспособен к деторождению, отдавал приказы о массовых убийствах, толпы у его ног впадали в кромешный транс и даже флаги в его государстве были революционно-красными.

Да и похожи они были по темпераменту — суетливый Ленин и экспрессивный Гитлер. Оба, как и Сталин, «внешники».

Ключ невроза не мог не сработать.

И сработал.

Сталин влюбился.

Страстно.

Со всей страстностью *последней* любви.

При которой угадывают и *исполняют* желания кумира — подобно тому, как психологически склонный к зависимостям Сталин предугадывал желания Ленина...

Сталин покорился бы любви к «внешнику» и безо всех более тонких совпадений, они, в конце концов, лишь увеличивали глубину садо-мазохистского чувства Джульетты к Ромео.

Может показаться, что Сталина могло остановить то, что Гитлер был *врагом*. Дескать, ненависть к врагу должна была остановить развитие любви — разве не так пишут в бульварных романах?!

Но ведь и Ленин Сталину был враг! Ведь Ленин, подобно всем сверхвождям, не мог не презирать своих восторженных холуев. Без ненависти страсть не разгорается. Страстная любовь соединила Ромео и Джульетту — единоборцев от враждующих кланов — в их приключениях на кладбище. Страсть соединила Еву Браун с Гитлером — на ковре. Почти все остальные «любовницы» фюрера тоже покончили жизнь самоубийством, выполняя невысказанную волю своего «возлюбленного». За Лениным шли те, кто не мог не знать, что революция обязательно пожирала своих детей...

Чувство, вообще говоря, в каком-то смысле было взаимным — «наездник» появившуюся «жертву» замечает сразу, да и вообще один го-мил другого *узнает* даже не с полувзгляда, а с полувздоха.

Ужас надвигавшегося на Россию кошмара заключался еще и в том, что невроз Сталина в предыдущей его реализации (с Лениным) был не то чтобы не разделен на уровне чувств, но не разрешился в физиологическом контакте. На пути непреодолимой стеной стояла ненавистная Надежда Константиновна; страховала Арманд — болезненный объект страстной любви множества мужчин. (Ленин, кстати, мог не замечать Сталина еще и демонстративно: *чем меньше «женщину» мы любим, тем легче нравимся мы ей* — этот лозунг целиком и полностью из области страстной любви, как давным-давно известно, всегда асексуальной.)

Таким образом, удовлетворяться Сталин мог только символически, на расстоянии, привлекая внимание объекта (Ленина, а затем и Гитлера) какими-либо поступками государственного масштаба. Сталин как субвождь не мог не привлекать внимание любимого вождя — и привлекал. И не стеснялся обилия кровавых жертв. А чего стесняться? — ведь, как учили еще в античных риторских шко-

лах, для того чтобы фраза воспринималась, была привлекательной, яркой и *сильной*, оратор должен был вплести в нее горы трупов и реки крови. И Сталин учился вплетать.

Для вождей вообще существуют только они сами и между ними одними взаимоотношения; было же, которое поклоняется им или какому другому вождю, — *ничто*. Необходимость в кровопусканиях как способе привлечения внимания — а что для влюбленного может быть хуже, чем безразличие возлюбленного? — могла подкрепляться тем, что Сталин реализовывал не столько *свои* кровавые мечтания, сколько *мечтания* Ленина, не вербализуемые им по соображениям *имиджа*. (Этим, вообще говоря, можно объяснить, почему Сталин был столь умерен в кровопусканиях в период между смертью Ленина и до времени вознесения Гитлера.) Вакханалия убийств — это *красиво*, а красота, как всем известно, спасет мир.

Таковы яркие некрофилы.

Итак, за годы служения «революции» Сталин научился быть «счастливым» — на расстоянии, украшая, во вкусе его стаи, мир.

В соответствии с неизбежными законами развития не вычищенных психокатарсисом неврозов, — и ненависть, и пространственная разобщенность должны были стать нормой и в очередной драматизации значимого невроза — сближение могло стать предвестником гибели счастья (как это было в случае с Лениным).

Ослабление сверхвождя — трясущиеся руки и ноги, седина — означало высвобождение ненависти — вплоть до штурма Берлина.

При выявлении внутренней логики до сих пор не объясненных *странных* (но лишь с точки зрения адептов суверенитизма) или, как их называют в мемуарной и исторической литературе, «загадочных» поступков Сталина в 1941 году надо иметь в виду, что даже у *индивида* есть некая нравственная грань, за которую он не преступает.

Это проявляется в жизни каждого, а экспериментально было подтверждено классическим экспериментом с участием гипнотизируемых женщин. Им после введения в гипнотический транс предложили раздеться — прямо *перед публикой*. При этом выяснилось, что начала раздеваться только та, которая прежде работала профессиональной стриптизершей. А вот так называемые «порядочные женщины» даже в состоянии транса на предложение раздеться не реагировали. Чтобы снять с женщин ограничения к безнравственным поступкам, гипнотизеры «порядочным» внушили, что они стоят вовсе не перед публикой, а в запертой ванной — наедине с собой — и готовятся принять душ, вокруг же никого нет. И вот тогда и остальные женщины начали снимать одежду. Перед публикой, — *но готовясь принять душ*.

Точно так же для совершения некоторых действий страстно влюбленный желает получить возможность представить, что ему «нужен душ» — и *сейчас*.

Практика показывает, что влюбленные все делают сами, никаких вспомогательных внушений им не требуется, да и *рационализацию* они изготовят *сами* — помните, как подопытный, получивший внушение о краже у него чертежей, подробно «вспомнил» все обстоятельства: и какой ценой ему эти чертежи достались, и в каких условиях они были украдены, и даже кто именно их украл.

Естественно, что раз так поступают все невротики, то *тем более так должен был поступать Сталин*.

Естественно, когда Сталин послушно *чувствовал*, что собранные под Москвой резервы должны погибнуть и притом самым оптимальным для гитлеровцев образом — с одной винтовкой на двоих, брошенных вперед, когда система огня немцев после трехминутной артподготовки была восстановлена, в полный рост на пулеметы *окопавшихся* гитлеровцев, — то дальше Сталин уже самостоятельно *додумывал*, что без «подвига» солдат погибнет вся страна, дескать, дело это политическое, на нас граница смотрит, еще какая-нибудь чушь про классовую борьбу, — и приказывал подхалимистым маршалам и генералам типа Власова атаковать.

И комсомольцы-сталинцы штабелями послушно ложились под пулеметным огнем.

В одну только зиму 1941–1942 годов погибло *миллион* пехотинцев, в последнюю минуту своей преданной Сталину жизни думавших, что их послали *в атаку*.

Погибли они без какого бы то ни было ущерба для Гитлера и его войск.

И это было *красиво*.

Появлялась некая ощутимая напряженность в страстных взаимоотношениях вождей.

Это так — как это ни больно для русского сердца (а у автора, как и у многих, погибло достаточно много родственников). Это — истина.

Любовь требует *жертв* — разве не каждый стайный одобряет этот принцип — ценой даже своей жизни?!

Глава сороковая

ДАЖЕ АСТРОЛОГИЯ И ТА ИЗОБЛИЧАЕТ

История Второй мировой войны до сих пор не написана *прежде всего потому, что ошибочно считается, что Сталин в 41-м воевал против Гитлера*.

Естественно, при таком ложном, ничем не подкрепляемом постулате (разве это доказательство, что Сталин сидел в Москве? сколько их, предателей в погонах, поймали именно в Москве!) концы с концами истории Великой войны не сойдутся никогда.

Но все становится на свои места, если признать, что Сталин стал воевать против Гитлера только *на втором этапе войны*.

А на первом он действовал как типичный субвождь. Что естественно, — он и был субвождем.

Предательская (субвождистская) сущность и действия Сталина выявляются не только при религиозно-философском подходе, но и при подходах психоаналитическом, военно-историческом и ассоциативно-эстетическом.

Но кремлевского субвождя избличают даже базовые истины астрологии.

Повторяться насчет особенной для *индивидов* значимости людей только определенных врожденных психотипов не будем — все это более чем доказательно описано в книге «КАТАРСИС. Подноготная любви».

Другое дело, что рядовые *исполнители*, совмещаясь со всеми элементами стаи, часто не выбирают, или выбор делается не ими, выбирают же только яркие — не только биофилы, но и некрофилы.

Некрофилы выбирают не в том смысле, что могут при потребности в болезненной зависимости на нее согласиться или не согласиться, но в том смысле, что из нескольких возможных равных претендентов в «наездники» выберут одного, и можно заранее предсказать, какого зодиакального знака (и даже в какой день был рожден или был зачат) этот выбранный «наездник».

Сталин был аж субвождь (правитель государства), и он — «выбирал».

В молодости, когда не выбирают, а попадают в зависимость от любого «яркого», он оказался в зависимости от Ленина.

Невротикам свойственно повторяться.

При жизни Сталина сверхвождем на планете было два.

Сначала это был Ленин, а потом — Гитлер.

Сталин «выбрал» Гитлера.

Что не удивительно: Ленин на Гитлера был похож по темпераменту. А как иначе? **Оба они были «Тельцами», более того, родились с расстоянием в одни сутки (а не в один ли час были зачаты?).**

О зависимости Сталина от Ленина написано много — что естественно, ведь у Сталина не было оснований ее скрывать — Ленин был *своей* революционер.

А вот Гитлер, хотя тоже был революционер, но не *своей*.

Разоблачающее Сталина знание об общности врожденных психотипов Ленина и Гитлера полезно для всякого, кто хотел бы понять «странности» поведения Сталина в 1941 году, «странности», которые привели к казалось бы бесцельной гибели десятков миллионов «внешников».

Глава сорок первая

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ЗА ЧТО ЕЕ, ПО СОВЕРШЕНИИ «ПОДВИГА», БИЛИ РУССКИЕ, И ПОЧЕМУ ЕЕ «ПОДВИГ» ТАК ПОНРАВИЛСЯ ТОВАРИЦУ СТАЛИНУ?

Справедливости ради надо отметить, что на первом этапе войны действовали не только партизаны-*неугодники*, но и некоторая часть партийно-советско-комсомольских активистов-«внешников». Типичный пример этой «активности», превращенной сталинской пропагандой в символ героизма той эпохи, — Зоя Космодемьянская, комсомолка, Герой Советского Союза.

Докладная записка¹ инструктора отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ Тищенко секретарям ЦК ВЛКСМ Михайлову Н. А. и Ершовой Т. И. от 30.12.48:

Директор и учителя школы № 201 г. Москвы имени Зои Космодемьянской сообщили, что в организации и проведении экскурсий к месту казни и могиле Зои Космодемьянской следовало бы устранить имеющиеся недостатки. В деревню Петрищево, где зверски замучена фашистами Зоя, приходит много экскурсий, большинство из которых — это дети, подростки. Но этими экскурсиями никто не руководит. Экскурсии сопровождает Вороница Е. П., 72 лет, в доме которой размещался штаб, где допрашивали и пытали Зою, и гражданин Кулик П. Я., у которой находилась Зоя до казни. В своих объяснениях о действиях Зои по заданию партизанского отряда они отмечают ее смелость, мужество и стойкость. В то же время говорят: «Если бы она и дальше продолжала к нам ходить, то принесла бы много убытка деревне, сожгла бы много домов и скота». По их мнению, это, пожалуй, Зое и не следовало бы делать. Объясняя о том, как Зоя была схвачена и попала в плен, они говорят: мы очень ждали, что Зою обяза-

¹ Все цитаты приведены по монографии: *Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтовое поколение*. М.: Российская Академия наук, Институт Российской истории, 1995.

тельно освободят партизаны, и были очень удивлены, когда этого не случилось. Такое объяснение не способствует правильному воспитанию молодежи.

(ЦХДМО. Ф. 7. Оп. 2. Ед. хр. 649. Д. 5. Л. 18)

Из показаний Петрушиной (Кулик) Прасковьи Яковлевны:

...Смирнова на ходу взяла чугун с помоями... Я быстро вышла и увидела, что Зоя вся облита помоями...

Из показаний Солнцева Ивана Егоровича:

...подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: «Кому ты загрозила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала»...

Итак, что же, собственно, известно о «Тане» — так назвала себя казненная девушка (пропагандистским аппаратом названная Зоей Космодемьянской уже позднее) — и ее действиях в дер. Петрищево? Каков психологический смысл ее поступков? Представителям какого из трех психотипов все это могло *понравиться*, и каким оставшимся двум психотипам вся эта история в деревне Петрищево, напротив, не понравилась?

Известно, что была *молодая* девушка или женщина (особо гипнабельный возраст), назвавшая себя Таней, которую впоследствии назвали Зоей Космодемьянской (мертвую «Таню» по фотографии в газетах опознали как свою дочь сразу несколько женщин, в конкуренции на право получения за нее пенсии, льгот и славы победила, естественно, та, которая лучше всего совмещалась с системой). Она не наносила вреда домам, в которых стояли немцы, но поджигала те, в которых жили только русские. «Таню» с помощью одного из таких погорельцев немцы задержали, и, очевидно, с целью привлечения к Гитлеру симпатий, поджигательницу на глазах успокоившихся по поводу сохранности своего жилья жителей — а дело было зимой! — повесили. Партизаны (какие там были — спонтанные, иерархические? да и были ли они в том районе вообще?) ее выручать не стали. Поскольку «Таня» не нанесла никакого урона немецкой армии, то ее действия влекли за собой только заключение в концентрационном лагере. Однако «Тане» удалось спровоцировать немцев на крайние меры. Она до конца отыграла шаблонную по тем временам роль, удобную гитлеровцам, — фанатички, не понимающей, что она не только не наносит немцам вреда, но, напротив, воюет против русского народа. Ее повесили. Считается, что она перед смертью высказалась о товарище Сталине в том смысле, что он герой и светлый витязь.

Вся эта ситуация интуитивно понравилась политработникам высокого ранга, — они и направили в Петрищево, после его освобождения, корреспондентов газет даже не фронтовых, но центральных — «Правды» и «Комсомольской правды». Корреспондентам, — естественно, проверенным сталинцам, — все случившееся в Петрищево тоже очень понравилось. 27 января 1942 года Петром Лидовым в «Правде» был опубликован материал «Таня». В тот же день был опубликован материал С. Любимова в «Комсомольской правде» «Мы не забудем тебя, Таня». 18 февраля 1942 года П. Лидов опубликовал в «Правде» же материал «Кто была Таня».

Сталину среди материалов «Правды» о многих и многих людях, возможно, и о тех, кто *реально* боролся с оккупантами, понравился материал именно о «Тане» (П. Лидова).

Сталин сказал: «Вот народная героиня!»

«Героине» было незамедлительно присвоено звание Героя Советского Союза (первое такое звание, присвоенное с момента начала войны женщине), был создан ее культ, события в Петрищево приукрасили, перетолковали и извратили, с годами создали мемориал, многие и многие *идеологи* писали нескончаемые очерки, научные труды и книги... В ее честь называли школы, ее знали все.

Но если «внешникам» поведение «Тани» казалось подвигом, то «внутренникам» и *неудобникам* — нет.

«Внутренники», которые даже приход Гитлера к власти по-марксистско-купечески объясняют рядом удачных закулисных интриг, несших участникам сговора *материальные выгоды*, учат, что «Таня» стала первой женщиной — Героем Советского Союза потому, что Сталину *в нужное время и в нужном месте* попали на глаза приписываемые «Тане» слова: «Сталин на посту!» (Так она, по П. Лидову, якобы ответила немцам, которые были, видимо, настолько очаровательно глупы, что веровали, будто комсомолке из леса непонятно зачем и почему были доверены важные государственные тайны, они ее и пытали якобы для того, чтобы их выведать: «Ти есть главный рус комсомолька, ти знайт секретный военный тайна. Или ти скажайт, где есть тепер Сталин, и мы дават тебе шоколадка, или мы будем тебя немножко пиф-паф!»). Возможно, вопрос о местонахождении [пространственном или психологическом] Сталина и был в действительности задан, но с какой интонацией и, соответственно, с каким смыслом?)

Очевидно, что «внутренникам» все происшедшее в деревне Петрищево душу не «греет». (Их нынешнее восхваление власовцев и самого Власова как антикоммунистов и, следовательно, демократов, и придание им статуса национальных героев понятно и как бы естественно, другое дело, что, поднимись власовцы из расстрельных ям, демократы с ними ни за что не сошлись бы.)

Аналогично, и русским из Петрищева вряд ли понравился весь этот балаган вокруг комсомолки, которая вместо того, чтобы бороться с захватчиками и убийцами, сжигала дома русских стариков, которым восстановить свое жилье уже было не по силам. *Неугодникам* эта «внешническая» вакханалия принести ассоциативно-эстетическое удовольствие тем более не могла.

Полагать, что появление символа «Зоя Космодемьянская» есть результат интриги, да тем более с *участием одного только Сталина* — заблуждение, противоречащее не только психологической достоверности, но и сохранившимся историческим свидетельствам. Прежде Сталина «Таня» понравилась политотдельцам высокого ранга, она понравилась и обоим вызванным журналистам, фамилии которых так похожи на псевдонимы, она понравилась и главным редакторам официозных газет. Необходимо иметь в виду, что поведение «Тани» не могло не понравиться также и немцам — она представляла собой великолепный пропагандистский материал — настолько великолепный, что русские старики били ее без понуждения. Более того, эти слова-вдох «*Вот народная (ohlos) героиня!*» более естественны для Гитлера, который к моменту публикаций в «Правде» уже поседел, и у которого начался тремор рук; логический смысл этого вдоха — «Эх, если б все русские были *такими* „героями“!»

Иными словами, то, что «Таня» уничтожала русских, не трогая немцев, «грело душу» и политотдельцам, и журналистам, и гитлеровцам, и Сталину с Гитлером. **Это и понятно: ведь поведение в тылу немцев «Тани», причем на первом этапе войны, классически «внешническое».**

Таким образом, придание поведению «Тани» статуса символа далеко не случайно.

А раз «Таня», как и все вокруг нас, закономерна, то она сама, ее поступки, являющиеся порождением не ее лично, но *стаи, к которой она принадлежит, как целого*, есть эффективный инструмент аналитического познания, — разумеется, не ее самой, а именно этой стаи и скрытой ото всех тайной жизни ее вождей.

Сама героиня непознаваема в том смысле, что «Таня» — не Зоя Космодемьянская. Зоя Космодемьянская, действительно, существовала и даже была послана в немецкий тыл, но не погибла, хотя судьба ее горька. Когда Зою наши наступающие войска освободили из немецкого концентрационного лагеря и она вернулась домой, мать ее не приняла и выгнала. Вообще, на опубликованной в газетах фотографии повешенной «Тани» именно свою дочь признали много женщин — и таковых, видимо, было бы тысячекратно больше, если бы «Правду» и «Комсомолку» читали в каждом доме, если бы у потенциальных «матерей героини» по документам были именно дочери,

и именно соответствующего возраста, и если бы они ушли добровольцами воевать. «Мать героини» познаваема — не столько по тому, что выставила из дома свою нуждающуюся в помощи дочь, а затем десятилетиями давала интервью на тему, как воспитывать молодых, чтобы они стали Героями, сколько по тому, что *смогла добиться признания своего места в системе* (не вызвала реакции отторжения у власть предержащих; более того, и ее сын — по слухам, не без вмешательства самой матери — оказался в Героях — *второго этапа войны*).

Но и поступки самой «Тани» также исчерпывающе характеризуют вознесшую ее иерархию — придание «Тане» статуса символа строго закономерно. Вознесение именно ее психотипа тем более интересно, что про нее, не сделавшую ровно ничего для победы над врагом, и даже напротив (немцы за счет ее казни могли привлечь к себе симпатии колеблющейся части населения), известили в сталинской и постсталинской Империи всех — в то время как о *действующем* партизанском отряде из научных работников могли только спустя много лет узнать лишь те немногие, кто позволил себе научиться читать «толстые» книги, — иными словами, они почти никому не известны.

Вообще говоря, такие символы как «Зоя Космодемьянская» в истории «внешнической» иерархии России не новость. Например, академик Панченко сообщает, что в святцах, например, есть такой святой, который ровным счетом ничего хорошего не сделал, он никогда не жил праведной жизнью, был в дружине какого-то князя, а умер и вовсе богохульно — покончил жизнь самоубийством, утопился. Неосознанно симпатизирующие православию (например, академик Панченко — в послеперестроечных высказываниях), *причину* смерти этого «святого» видят в том, что его *обидел начальник*, дескать, нехорошо о нем высказался, следовательно, покончивший с собой — *мученик*. Якобы именно это, в восприятии православных, и прекрасно. Но хамский поступок начальника для осмысливающих феномен некрофилии вовсе не *причина* самоубийства, а лишь к ней *повод*, надо сказать, довольно незначительный, и этой своей незначительностью обращает особое внимание к истинной *причине* не только самоубийства, но и канонизации самоубийцы. (Канонизируют, согласно традиции, только тех, кому молится значительное число низовых православных, одобрение иерархов лишь формализует канонизацию.)

Итак, *исполнитель*, обыкновенный княжеский дружинник, ничего не совершивший доброго, никогда не живший праведно, да и умерший богохульно — вопреки церковной догматике канонизирован *правящей* церковью как святой. Дескать, *несправедливо обиженный, муче-*

ник — и одно это уже прекрасно. Однако, того же Льва Толстого — который своими книгами защищал Родину от немцев даже после биологической смерти, которого несправедливо обижали монахи, харкая в его портрет всякий раз, когда мимо него проходили, — в святые не канонизировали. Так что причина канонизации, придания утопившемуся некрофилу статуса символа — не в совершенной несправедливости. И не в мученичестве.

Символ — это образец для подражания, и отнюдь не надуманный логически, — **это сама субстанция в ее элементах**: символ *на самом деле* эмоционально воспринимается поклоняющимися как *прекрасный*. Когда символ созерцают, созерцающим становится *хорошо*. А *хорошо* становится потому, что канонизированный святой — такой же, *свой*, как и созерцающий. Символ даже лучше — потому что званием «святой» он созерцающего еще и оправдывает в его аморальных поступках. Кумир толпы, религиозной в том числе, в конечном счете, — *некрофил*, и выбор его происходит на уровне не логическом, но ассоциативно-эстетическом.

Сам по себе утопившийся малоинтересен и безлик, зато им познается система, его канонизировавшая, разоблачается скрываемая за громозданием слов ее психотипическая сущность. Иерархия оказывается некрофилической (а всякая иерархия некрофилична), а именно — «внешнической».

Канонизирующие иерархии — как эпохи Романовых, так и эпохи Гитлера — оказались одного и того же типа: как в случае с утопленником, так и с напросившейся на повешенье «Зоей Космодемьянской». Сталинская иерархия Советского Союза была очередным явлением «внешничества», прежде представляемого немцами Романовыми.

Да, конечно, «Таня» понравилась лично Сталину, но не им одним была вознесена; прежде она понравилась великому множеству совместимых со Сталиным *исполнителей*. Она понравилась политработникам высокого (!) ранга, из тыловых (соответственно, — *довоенных*), то есть, из тех, кто сдавался немцам первыми; конкретно эти не сдались только потому, что были при штабах и успели, бросив все, бежать. Она понравилась газетчикам разного уровня, которые в иерархии занимались тем, что морочили голову *исполнителям*, в частности, суверенитизмом и теорией классовой борьбы, тем делая их более гипнабельными и потому для воли сверхвождя-оккупанта послушными.

«Таня» потому так понравилась Сталину, что она в каком-то смысле и есть Сталин: они оба делали на практике все возможное для уничтожения русских; оба с начала войны на логическом уровне были уверены, что борются — с фашизмом.

Сталин (*истерично*): «Товарищ Сталин не предатель, товарищ Сталин честный человек, вся его ошибка в том, что он слишком доверился кавалеристам...»

И. Сталин — маршалу И. Коневу, 4 октября 1941 года, когда тот как командующий Западным фронтом пришел просить разрешения (!) отвести ослабленные войска на один из тыловых рубежей. Конев удивился услышанному: ему показалось, что слова эти были сказаны ни к селу ни к городу...

Психоаналитики, рассматривая кровавую бойню, устроенную Сталиным накануне Великой Отечественной войны, давно обратили внимание, что преступления, которые вменялись осужденным, были не просто ложными, но **соответствовали тем преступлениям, которые совершал сам Сталин лично**. (Подобные действия для психоаналитиков не новость — этот механизм называется *проекцией*.)

Скажем, именно Сталин в 1917 году защищал идею явки Ленина на суд Временного правительства — и это исторический факт! — но, тем не менее, позднее Сталин в этом не признавался, а обвинил в этом Бухарина, за что того и расстреляли. Аналогичных примеров множество, — достаточно обратиться к специальной психоаналитической литературе или к мемуарам.

Вспоминают также и о невероятно обильном количестве расстрельных приговоров за якобы действия в интересах иностранных государств, чаще всего Германии. (Некто заметил, что если бы действительных завербованных шпионов среди расстрелянных за шпионаж была хотя бы десятая часть, то им вместо того, чтобы тратить время на составление шифрованных донесений, проще было захватить в Советском Союзе власть, — сопротивляться такому количеству профессионалов было бы попросту невозможно.) Западные психоаналитики, однако, в этих повальных обвинениях вождем в шпионаже видят мучительный след подписания аморального пакта Риббентропа-Молотова, вдохновителем которого был, естественно, Сталин лично.

Пакт — пустяк, дорогие психоаналитики-«внутренники»! Сталин, чье изображение выбито на медали «За победу над Германией», проецировал на многотысячные колонны расстрелянных за пособничество Германии (читай: Гитлеру) собственное, гораздо

большее, преступление. Как его ни назови: страстная любовь, болезненная зависимость, способность к власти или предательство Родины.

Глава сорок третья

КАК СТАЛИН ГОТОВИЛСЯ К ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ?

Великого вождя нашего народа Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила; сила, в которой народ наш ощущал собственную силу, которой он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях, которой он утешался в течение многих лет».

Патриарх Алексей I во время не санкционированного государством (а следовательно, от души идущего) отпевания Сталина в 1953 г., Елоховский собор

Самая главная подлость, какая только может быть совершена руководителем страны, соседствующей с государством, в котором нарывает очередной сверхвождь, — это принятие доктрины наступательной войны. Эта подлость — отнюдь не следствие логических построений или целесообразности, это — проявление психоэнергетической зависимости от готовящегося к нападению сверхвождя.

И эту подлость Сталин, «сила великая, нравственная», напоподобие отцеубийцы и кровосмесителя Александра I, не посовестился совершить.

Внушаемость военных — не новость. Тем более что солдафонство среди верных сталинцев накануне войны было доведено до абсолюта.

В воспоминаниях уцелевших можно встретить упоминание, что в первые дни войны — до того, как Сталин наконец выступил по радио и сказал, что война *началась*, — происходившее многими воспринималось как некий дурной сон, как некая *нереальность*. Сталинцы знали, что будут наступать, ничего не могло быть иного. А тут... Хрестоматийными стали радиogramмы из приграничных воинских соединений, в массе перехватываемые немецкими радистами, типа:

«Нас атакуют! Что делать?»

А из штабов им отвечали:

«Вы что с ума сошли? Почему открытым текстом?»

Гитлеровцы много потешались над интеллектом обменивавшихся подобными радиogramмами. Хотя если бы сами гитлеровцы были

способны задуматься над глубинным смыслом происходящих в этом мире событий, то перестали бы быть нацистами, покаялись, подорвали бы свой танк, а если кишка на такое тонка, то хотя бы ушли в лес к русским партизанам (бывали и такие случаи, да только всего лишь единицы на сотни тысяч немцев-исполнителей — задуматься и гитлеровцам тоже было *нечем*).

А вообще говоря, забавно: в профессиональных военных стреляют, убивают их самих, их жен, детей и их подчиненных, а они не могут сообразить, что нужно по этому поводу делать. Картина рельефна в особенности потому, что командиры еще застали Первую мировую войну, во время которой немцы любили развлекаться тем, что русских пленных, не доводя до концлагерей, замучивали до смерти всяческими вывертами. Все, смерть постучалась — и срочно радиogramма в тыл: *можно ли сопротивляться? ведь убивают? убивают?*

А из штаба — а там те же комсомолы — отвечают: обращайтесь по форме, найдите шифровальщика, поставьте перед ним задачу; потом, когда он сообразит, что от него хотят, и зашифрует послание, шифровку нам пошлете, мы по квартирам поищем нашего шифровальщика, потом он сядет расшифровывать, и т. д. Словом, «служи по уставу — завоюешь честь и славу».

Кто в большей степени имбецил — штабисты или кадровые командиры — решить трудно.

Весь этот с точки зрения *неугодника* маразм с нереальностью войны продолжался больше недели, — до тех пор, пока по радио не выступил товарищ Сталин (его упрасивали и даже требовали, чтобы он выступил, но он прятался) и не сделал внушение, что *война началась*.

По поводу наступательной доктрины офицерский корпус Красной Армии, надо отдать ему должное, остался холуйски преданным не полностью, были и несогласные. «Внешники» согласились; у редких «внутренников» появился повод для недовольства и еще большей разнузданности в воровстве; третьи, и вовсе раритетные, подобно тому, как поступил бы в этой ситуации Кутузов и его герои-зятья, возмутились.

Но в Красной Армии никаких Кутузовых, да и вообще *неугодников* по замыслу *Гитлера* быть было не должно. Да и «внешники» должны быть помоложе и созвучны влюбленной душе Сталина. И Сталин начинает в Красной Армии знаменитые чистки, особо кровавые в 1937 году. И в сталинизации «внешников» преуспел.

А вот *неугодники* в армии все равно сохранились. Накануне 22 июня, за несколько часов до нападения немцев на некоторых (как будет показано в V части, — строго закономерных) участках фронта командиры не очень высокого ранга вверенные им подразделения выводили из казарм, вооружали и выводили на позиции к обороне. Надо

отдать должное мужеству этих немногочисленных командиров: если бы начало вторжения было перенесено Гитлером на пару дней позже, их непременно бы расстреляли — **якобы** за паникерство.

Вообще говоря, все командиры частей о готовящемся нападении знали. Можно вспомнить того же мужественного подполковника из разведуправления В. Новобранца, который в декабре 1940-го вопреки приказам начальства разослал всем командирам вплоть до командиров корпусов сводку № 8 о готовящемся нападении. В. Новобранца сняли (поучительно, что этот *неугодник* — как выясняется, не единственный подобный — не был казнен, но выжил) и сводку дезавуировали. Но все получившие сводку лишней раз оказались наедине со своей совестью.

Можно себе представить, с какой откровенной наглостью и насколько неприкрыто гитлеровцы готовились к нападению у самых границ, если, невзирая на опасность расстрела, опираясь исключительно на то, что можно было видеть через бинокль, и на слова перебежчиков (были, были среди немцев и такие! низкий вам, братья, за это поклон!), эти *неподчинившиеся* командиры отдавали столь опасный для жизни в иерархии *неугоднический* приказ. (Чемпион мира по шахматам Михаил Ботвинник в своих мемуарах пишет, что его приятель *только на основании сообщений немецких радиостанций* вычислил, что война начнется именно 22 июня — и *накануне* сообщил об этом ему, Михаилу Ботвиннику.)

Но на большей части границы еще накануне вторжения верные сталинцы у солдат изымали патроны, приказывали разбирать танки и орудия, якобы для профилактики.

Исторический факт: даже в героической Брестской крепости (в которой на несколько тысяч человек гарнизона и приданных частей нашлась горстка людей, которые не оказались в близлежащем концлагере) ко времени нападения гитлеровцев по приказу, исходящему сверху, были разобраны все орудия! А специалисты, могущие их восстановить, были отправлены — ведь мирное же время! — в увольнительные в город. С верой в грядущую наступательную войну на чужой территории.

Список проведенных субвождем Сталиным перед войной поистине с немецкой педантичностью мероприятий огромен.

Гитлеровские офицеры с удовольствием отмечали, что не в пример той же Сербии **все** приграничные мосты, и не только приграничные, достались им в целостности и сохранности!

Удивительное дело! Мосты, в особенности приграничные, — даже, казалось бы, вполне мирного назначения, всегда и во всех странах находятся на учете у военных и непременно подготавливаются к унич-

тожению. Даже гитлеровцы, **в период самых блистательных своих захватнических акций в Европе**, еще не завершив возведение очередного моста, уже начинали готовить его к взрыву!

А тут ни один из сотен приграничных мостов взорван не был!

Однако секрет этой *странности* прост.

Товарищ Сталин лично распорядился, чтобы все мосты были разминированы! (Без его хотя бы устного распоряжения не делалось ничего. — См. в кн.: *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны, М.: АИРО—XX, 1997.)

Странное разминирование мостов в разгар полыхающей в Европе Второй мировой войны пытались, разумеется, объяснить — но всегда в рамках суверенитизма. В сущности, до сих пор придумано лишь два таких объяснения:

— Сталин — дурачок, разминирование мостов — одна из великого множества его *ошибок*;

— Сталин готовился захватить весь мир, и для того, чтобы наступлению на Европу ничто не мешало, приказал мосты разминировать.

Сторонников первого — *оправдывающего*, якобы, Сталина — объяснения о случайности множества *странных*, но весьма закономерных поступков Сталина не переубедить — это подсознательное оправдывание не Сталина, а себя, это *свои* закономерные гнусные поступки называют *ошибочными*, тем сохраняя за своим вождем право на самолюбование.

Что же касается второго объяснения, о подготовке «советизации» Европы, а затем и мира, то с его помощью, действительно, пытаются объяснить многое, — в том числе и приказ разрушить укрепления на старой границе (дескать, редко стоящие ДОТы мешали *советским* колоннам наступающих, а противотанковые рвы, соответственно, *советским* танкам. Глупое, конечно, объяснение — по уровню интеллекта напоминает майорское. Если с некоторых пор по-немецки педантичный Сталин так уж хотел захватить мир, то на сэкономленные от незасыпания противотанковых рвов (они никому не мешали) средства можно было вооружить еще одну дивизию. В которой пригодилась бы взорванная на ликвидированных партизанских базах взрывчатка.

Однако, нельзя не согласиться с главным «майорским» наблюдением — **расположение Красной Армии перед 22 июня 1941 года, действительно, никоим образом не соответствовало интересам обороны.**

Армия была так расположена согласно приказам Сталина — чего же он хотел?

Если не обороняться — то чего? Наступать?

Сталин, если чего *подсознательно* и хотел, то только не наступать, — хотя, действительно, оставлял в армии только тех, кто мог

мыслить исключительно категориями наступательной войны. Суб-вождь хотел не наступать.

Да, действительно, Сталин отдал очень много «ошибочных» приказов:

- приказал разминировать мосты;
- приказал переслать большое число здоровых обритых мужчин в военной форме ближе к границе (но без тяжелого оружия — оно, поперек всем законам ведения войн и даже правилам передислокаций в мирное время, *перевозилось отдельно*; обритость же облегчала задержание здоровых мужчин гитлеровцами и многочисленными, откуда ни возьмись появившимися, полицаями);
- приказал разрушить высокоэффективные оборонительные сооружения на старой границе;
- приказал разоружить минные поля;
- приказал выложить имевшиеся боеприпасы *вперед* скученных у границы безоружных здоровых мужчин;
- приказал разбавить русские части украинцами и лицами, выражаясь языком начштаба вермахта, «монгольской национальности»;
- приказал лишить войска навыков оборонительных сражений;
- внушил доктрину наступательной войны омоложенному офицерскому корпусу.

Сталин вести наступательную войну мог, но только в смысле каннского погрома — подставляя подчиненных под окружение и уничтожение. *Сталин весь 41-й и 42-й не уставал повторять это упреждение, посылая людей в бессмысленные атаки* — то есть действовал в точности как сын мясника Варрон.

Конечно, Сталин *рационализировал* свои «странные» произвольные действия по разрушению обороны страны тем, что готовился к мировой революции, к освобождению Европы от Гитлера. В таком случае концы манипуляций с обороной худо-бедно сходились, — и тем устранялась критика тех немногих оставшихся в его аппарате способных на критическое мышление. (Вообще говоря, сталинское бряцание оружием под лозунгом «Мировая революция!» Гитлеру было на руку и даже необходимо: европейские «внутренники» вместе с «болотом» пугались, становились гипнабельнее — и тем произвольно попадали в волю сверхвождя.)

И становилась более убедительной его, коротышки, роль — великого человека, *колосса*.

А вообще жизнь Кавказца была ничтожна и трагична. Он *любил* — и страстно. Но был обречен на платонические взаимоотношения, потому что и он, и Гитлер — оба физиологически были Джульеттами.

А две Джульетты, как ни крутись...

К тому же особую трагичность любви двоих диктаторов придавало то, что между ними стоял не какой-нибудь зацивилизованный до полного демократизма народ, но *русские*. Которые своим *неугодишеством* обрекали Сталина на повторение несчастной невротической судьбы его чувств к Ленину, — вслед за биологической деградацией кумира-параноика неизбежно наваливалась ничем не ограничиваемая к «возлюбленному» ненависть.

Вплоть до Парада Победы на Красной площади.

Глава сорок четвертая

МАССОВЫЕ РАССТРЕЛЫ «ВРАГОВ НАРОДА» В КРАСНОЙ АРМИИ — ВРЕД ДЛЯ ОБОРОНЫ СТРАНЫ В 41-М ИЛИ БЛАГО?

Существуют две противоположные оценки массовых расстрелов командиров и комиссаров Красной Армии в 1937–1938 годах.

Полки сноровисто списывающих друг у друга историков, философов, журналистов и т. п. со времен хрущевской так называемой «оттепели» утверждают, что Сталиным были расстреляны лучшие из лучших военных специалистов — например, Якир, Тухачевский, Дыбенко, — и вследствие этих расстрелов и произошло грандиозное поражение 1941–1942 годов. Следовательно, лично отслеживавший их расстрелы Сталин в лучшем случае — ошибающийся, гадающий под себя дурак, а в худшем — маньяк-разрушитель, хотя и психологически суверенный.

Рекламируется и противоположное мнение (из «внутреннического» мира): Сталин, умница, гений, светлый витязь и мировой сверхвождь — виновник Второй мировой войны, а дураки и маньяки, согласно более чем красноречивым фактам из их жизни — те самые расстрелянные командиры и комиссары, которые кроме всего прочего еще и не были Сталину послушны. Примеры — Якир, Тухачевский, Дыбенко. Последний, к тому же, неприкрыто демонстрировал свою готовность быть завербованным иностранной разведкой. На место этих кретинов, бездарей и алкашей Сталин ставил людей существенно меньше пивших, не успевших по уши перепачкаться в крови карательных экспедиций против собственного народа, да и были они, в отличие от своих предшественников, обладателями дипломов о военном образовании. Если бы этих новых было больше, то поражения 41-го не были бы столь значительными. Мало, стало быть, «врагов народа» расстреливали. Дескать, конечно, Сталин не мог этих маньяков любить уже хотя бы потому, что они были серьезными конкурентами в борьбе за Кремль, но расстреливала их великая суверен-

ная личность все-таки исключительно ради улучшения боевых качеств Красной Армии. Это улучшение Сталину было *выгодно*. И стране — *выгодно*.

Последнюю точку зрения отстаивает в книге «Очищение» такой широко разрекламированный коммерческий писатель-предатель, как Резун-Суворов, майор ГРУ, перебежчик из Союза в Англию, «озарения» которого запечатлены профессорскими и академическими званиями «почему-то» только во «внутренних» странах — США, Англии, Польше. Тепло принимают его и в Израиле. Еще бы! Ведь, по Резуну-Суворову, во всем виноваты русские, исчадь ада, — из-за них и Вторая мировая война началась — Гитлера немцы потому над собой поставили, что боялись большевистских раскулачиваний, немцам Гитлер был *выгоден*. И начать войну против сталинского Советского Союза, столь обильно помогавшего Германии и рвущего ради Гитлера английскую блокаду, вскоре убиенным немцам было *выгодно*. А Сталину, в свою очередь, было *выгодно* привести Гитлера к власти, а затем освободить от него рыдающую от счастья Европу. И т. п.

Однако кроме «внутренней» концепции жизни и типичных для предателя самооправданий, в книге Резуна-Суворова «Очищение» содержатся и интересные факты — скажем, описываются случаи вызывающего поведения командиров Красной Армии, конкурентов Сталина.

Например, ничтожный кавалерист-троцкист Шмидт, взбешенный исключением Троцкого из партии накануне XV съезда, подойдя к Сталину, непотребно выругался, и публично пригрозил:

— Смотри, Коба, уши отрежу! (*Рапопорт В., Алексеев Ю.* Измена родине. Лондон, 1989. С. 293; цит. по кн.: *Суворов В.* Очищение. М.: АСТ, 1998. С. 148.)

(Трактовка: дескать, потому троцкист Шмидт пригрозил Сталину уши отрезать, что это было ему *выгодно* — не терять положения во власти, и так далее.)

Но что в этом эпизоде распознается с точки зрения *теории стаи*?

Сталина, действительно, определенная часть военных безбоязненно оскорбляла в глаза и принародно. Сталину, правителю громадной страны, действительно, незадолго до начала репрессий мог дать по шее простой курсант военной академии даже на трибуне мавзолея. С Гитлером такие штучки не проходили. Стоило Гитлеру за один присест уничтожить гомика Рема и несколько десятков штурмовиков, как вся оппозиция кончилась — в сущности, навсегда. А вокруг Сталина, напротив, падает один военачальник за другим, а он все по шее получает.

Размышляя над этими фактами, лишний раз убеждаешься, что Сталин до времени самоубийства Гитлера сверхвождем не был, но,

напротив, жил в границах государства, в котором субстай, чьи вожди были сравнимы с ним по силе, было несколько. Его, субвождя, достаточно шатким положением среди других субвождей отчасти и определялись волны репрессий — меняющих свою направленность строго закономерно.

В общем случае у каждого субвождя-«внешника» три типа врагов: — конкурирующие стаи субвождей-«внешников»; — противостая «внутренников»; — *неугодники*.

Какой тип врагов боящемуся низвержения субвождю-«внешнику» ненавистней в первую очередь?

А в разных условиях разный.

В мирное, относительно спокойное время, когда сверхвождь — «внешник», но пока еще не агрессор, когда «болото» повсюду произвольно «внешнеет», а оставшиеся немногочисленные «внутренники», соответственно, не имеют никакой власти, для субвождя-«внешника» опасны только ему подобные конкуренты.

Другое дело, если этот субвождь уже стал среди «внешников» главным, эдаким эрзацсверхвождем (сверхвождь психоэнергетически выдохся, все однотипные конкуренты субвождем постепенно уничтожены или они сами перебили друг друга), то опасны ему становятся уже «внутренники». Тем более что кандидат в очередные планетарные сверхвожди — «внутренник».

Но когда же субвождю опасны и, следовательно, в первую очередь ненавистны *неугодники*?

В следующих двух случаях. Во-первых, когда субвождь деградирует до состояния «планетарный сверхвождь» — от спровоцированных *неугодниками* догадок о собственной невесильности можно в одночасье или поседеть, или начать испытывать невероятные трудности с мочеиспусканием, а преданные холуи, оставаясь по-прежнему таковыми, начнут повсюду добавлять яду...

Второй случай — когда субвождь сильно напуган, в частности, когда войско его от вторгшегося сверхвождя бежит. Субвождь пугается сам (повесят! в зоопарке показывать будут!), к тому же произвольно вовлечен в панический ужас, охвативший толпы своих *исполнителей*, — и *непроизвольно* оказывается полностью в воле атакующего сверхвождя. Как следствие, субвождь теряет остатки невротической индивидуальности и окончательно сверхвождем уподобляется — главный враг сверхвождя становится и его главным врагом.

Все эти повороты и наблюдаются в истории. Так было и во времена Сталина.

До середины 30-х Сталина бьют по шее на мавзолее, армейские подхалимы публично грозят отрезать уши. Сталин терпит, подолгу готовясь к каждой акции истребления субвождей-конкурентов — Троцкого с бандой, армейских иерархов, «червонцев» («червонные казаки»; костяк — донские казаки), остатков православной иерархии, сектантов.

Наступает 1937 год. Сталин вдруг ощущает в себе способность одним махом истребить остатки независимых от него субсубвождей — но, прежде всего, «внешников». И ощущает не только способность, но и потребность, исходящую от фюрера. А поскольку Сталин возможность кровавой бани устранением в предыдущие годы наиболее сильных субвождей уже подготовил, и позволить себе эту баню уже может, то, разумеется, ее и устраивает.

Полагая, естественно, что совершает несомненно хорошее дело.

А вот ко «внутренникам» Сталин до войны был безразличен, — хотя некоторые к их истреблению и подталкивают. Действительно, после многолетнего интернационализма, когда друг другу внушали, что национального характера не существует, но есть только классовые интересы, низовые функционеры вслух при Сталине уже начинают удивляться, почему на табличках вождельных многими кабинетов редакций главных идеологических газет страны «Правда» и «Известия» — сплошь еврейские фамилии, а во главе учреждений русского искусства не встретишь ни одного русского; все это, как указывали Сталину, — недвусмысленные проявления конкурентных поползновений к власти. Сталина-Джугашвили ущемление интересов русского народа, естественно, тронуть не могло, однако в этой ситуации поучительно то, что до войны евреи Сталиным как конкуренты не воспринимались. (Это касается только типичных для еврейства «внутренников»; горсточка же евреев-«внешников», последователей Троцкого и самих, кстати, ярких антисемитов, была разгромлена еще в двадцатые годы.) Это строго закономерно — «внутренники» при «внешническом» сверхвожде могут быть максимум говорливой оппозицией. В вялотекущей форме якобы антисемитизм стал появляться лишь в 39-м, только с появлением Берии. Впрочем, призрак антисемитизма вполне удовлетворялся тем, что в редакциях главных газет все остались на местах, только известного рода фамилии стали заменять на стилизованные под русские псевдонимы. Кроме того, стали появляться все более и более шовинистические («патриотические») статьи — якобы прорусские. (Чтобы понять смысл этого ныне взваливаемого на Сталина «русского шовинизма», надо вспомнить, что следующая волна «русского шовинизма» накатилась на Россию в 1990-х, идеологи — тоже безнадежные во «внутренническую» эпоху оппозиционеры — казаки-«внешники», генетически происходящие от хазар, то есть тоже, несмотря на русский язык, не русские.)

Но вот отгремела Великая Отечественная. Сверхвождь-«внешник», психически сломленный *неугодниками*, покончил с собой в берлинском бункере. Многие субсубвожди разных народов погибли в боях, покончили с собой, были за предательство расстреляны. «Внешники» призывных возрастов истреблены разве что не поголовно во всей Европе — «внешническое» некрополе на планете существенно ослабло. А вот советские «внутренники» отсиделись по продуктовым и вещевым спецраспределителям. Словом, со стороны «внешников» угрозы Сталину никакой, но только со стороны «внутренников» — как внутри страны, так и за ее пределами. Угроза захвата «внутренниками» власти в Советском Союзе, захвата под рассуждения о демократии, гуманизме, правах человека и благосостоянии народа, что неминуемо должно было привести не только к разграблению России и вывозу капиталов, ценностей и «специалистов» поближе к мировому центру «внутренничества», — но и к его, Кобы, оплевыванию, убийству и отрезанию ушей.

И вот тут-то в Сталине и просыпается знаменитый антисемитизм. «Дело врачей» и другие подобные дела; 300 тысяч евреев выпихивают в Израиль, основанный в 1948 г. исключительно усилиями Сталина (никуда от этого факта не деться!); с Америкой — «холодная война»; ужесточение наказаний расхитителям социалистической собственности, борьба со спекулянтами, искусственное усиление планового («внешнического») начала в экономике и т. п. Все в полном согласии с *теорией стаи*.

Ныне от «внутренников» приходится слышать, что Сталин после войны преследовал якобы агнцев божьих, свободомыслящих и являющих собою воплощенное благородство. В это нас заставляют верить только на основании самооценок самих «внутренников», расхваливших себя до небес, — дескать, и правоборцы они, и духовно независимые, и диссиденты, и цивилизаторы России, *благородно* ратующие за такие же в России порядки, как в самой расхорошей в мире стране — Америке; словом, сверхсоленая соль земли.

Стоит только развесить уши — и создается впечатление, что Сталин после войны преследовал прям-таки *неугодников*. Однако эти «неугодники» — цивилизаторы России — почему-то при первой возможности эмигрировали в Америку или к ее духовным союзникам, и им там *хорошо*. В то время как настоящие *неугодники*, как будет показано в V части книги, напротив, со всего мира собираются в Россию, невзирая на *невыгодность* такого поступка.

В самом деле, подробно знакомясь с событиями даже кровавого 1937 года, вновь и вновь убеждаешься, что Сталин очень ценил, когда перед ним не выгибались — он даже на «зализанность» своего зада жаловался (см. «КАТАРСИС»). Сталину можно было перечить, но не ради захвата власти, а во имя интересов *дела*. Примерам ува-

жительного поведения Сталина по отношению к людям с элементами неугодного характера несть числа. Так что субвождь Сталин в мирное время преследовал конкурентов, но не *неугодных*.

В отличие от Гитлера.

Так, с точки зрения *теории стаи*, и должно быть.

Единственный период, когда Сталин масштабно охотился на *неугодных*, — это 1941–1942 годы. В спонтанные партизанские отряды засылались комиссары и специалисты по авторитаризации мышления под видом инструкторов по строевой подготовке. Устраивались массовые расстрелы мужчин, стилизованные под ненужные атаки немецких позиций (от наступательной доктрины Сталин отказался, смешно сказать, только весной 43-го, после очередного разгрома под Харьковом). Антинеугодность Сталина в этот период естественно. И вообще если что и удивительно, так это не то, что Сталин через Берию просил у Гитлера мира и вообще фюреру всячески помогал, а то, что не подбрал себе усы — на новый фасон.

Парадокс: **самое безопасное место для неугодных на первом этапе войны — на самом остром борьбы, в самом, казалось бы, опасном месте** — в сверхмалых партизанских группах на оккупированных территориях.

Самое безопасное место, ведь только на **втором этапе войны** после психологической победы над сверхвождем Сталин отменяет институт комиссаров, партизанские отряды начинают разукрупнять, он даже устраняется от руководства крупными военными операциями, отказывается от доктрины наступательной войны и т. п.

Нет нужды заблуждаться, что сверхэффективные бойцы Великой Отечественной из партизанского отряда научных работников (Батеньки), которые отказались от эвакуации, не пошли добровольцами в строевые части и не влились в немедленно разгромленные немцами истребительные батальоны, были на территории России исключением. Такие были и в других местах — достаточно вспомнить, что герои из 28 «панфиловцев» из немецкого тыла выходить не торопились.

Словом, Сталин всегда был всего лишь субвождем, и потому *неугодники* ему были неопасны...

Конечно, слабоватый вождь Сталин жил не в безвоздушном пространстве, и элементы иерархии НКВД имели возможность репрессировать по *своему* вкусу, независимо от Сталина и даже вопреки его желаниям — чем ниже ступень иерархии, тем больше отклонение от воли Сталина. И потому на свежий воздух ГУЛАГа ссылали и «внутренников», и *неугодных*. Этому способствовала практика доносов с низшего уровня «внешнической» иерархии — повторявшей атмосферу крестьянских общин, которые выдавливали из себя рекрутов и поджигали лавки торгашей-мироедов.

На направленность репрессий оказывала некоторое влияние и государственная идеология «марксизма-ленинизма». Кулаков во многих брошюрах и статьях газеты «Правда» называли классовым врагом — их клеймили на собраниях, ссылали в Сибирь почти поголовно. Но — на удивление! — охраняли их настолько из рук вон плохо, что — а это исторический факт — больше трети (!) ссылаемых бежали из-под стражи еще в пути. Это ж насколько демонстративно надо было не охранять! Иными словами, не бежали только увечные, больные, ленивые и те, которые хотели бы приобщиться к просторам Сибири. Тех же, которые до Сибири добрались, власти очень быстро готовы были отпустить к месту прежнего жительства за «примерное поведение», однако многие, благодарные за халявную доставку, остались. А вот военных пролетарского происхождения стерегли крепко и шлепали немедленно по оглашении приговора.

Кого и за что надо расстреливать, или по отношению к кому гнев властей надо только имитировать, вождь Сталин объяснить, если бы и захотел, не смог бы — отсюда и казни палачей Ягоды и Ежова за своеволие. Отсюда же и массовые реабилитации их жертв. Жертвы «своеволия» (типа Бабеля и ему подобных), действительно, были жертвами субсубвождей и рядовых *исполнителей*, но не субвождя Сталина.

Итак, *Сталин* до войны выбивал «внешников» из конкурирующих субиерархий. После войны, в связи с изменением на планете психологической обстановки, — «внутренников».

Почему уничтожались и средние слои иерархий-конкурентов? Гитлер же этого не делал? Убил Рема — и все возлюбили фюрера.

А потому уничтожал, что *исполнители* эти никогда бы не подчинились слабому Сталину, пусть всего лишь по причине каких-то смехотворных «разногласий» — типа несовпадения темпераментов или национальных вкусов («червонцы» из поколения в поколение ненавидели всех кавказцев). Сталин — не Гитлер, ближайшие преданные сподвижники которого были совершенно разнообразных темпераментов, но их страстная «любовь» к сверхвождю проламывала все сдерживающие факторы. Сталин же так не мог — именно этим и определялась борьба за повсеместное единообразие — одинаковая форма, одинаковая обувь, то, без чего мог вполне обходиться сверхвождь Гитлер... Остальные шли в ГУЛАГ, а главные некрофилческие гниды — к стенке.

Так благом или вредом для оборонительной войны было уничтожение высшего командного и комиссарского состава Красной Армии, состоявшего из главарей бандформирований времен гражданской войны?

Лучше было бы, если бы оборонялись от Гитлера они, а не занявшие их должности подхалимы?

Вообще говоря, некорректно говорить о том, что было бы, если бы было то, чего не было.

Точно известно только то, что «враги народа» показали, как быстро они умеют бегать от малочисленных отрядов немцев — яркий тому пример донской казак Дыбенко, во главе эшелона революционных матросов добравший из-под Пскова аж до Самары — еще в 1918-м (см. в кн.: *Суворов В. Очищение*).

А вновь поставленные военачальники зрелищно показали, что они быстро бегают от немцев, в 1941-м.

В таком случае корректен только следующий вопрос: **а кто бы в 41-м драпал быстрее?**

Ведь при нападении Гитлера бежали бы и те, и другие.

Но кто быстрее?

Чем одни отличались от других?

Психологически?

А тем, что сталинские в 1941 г. были ленинских *моложе*.

Молодые же, как известно, существенно более гипнабельны. И потому, при прочих равных условиях, должны были сдаваться в плен Гитлеру и драпать с большей готовностью.

С другой стороны, после массовых репрессий 37-го сила некрополя в стране несколько снизилась — что было благоприятным фактором в оборонительной борьбе.

Итак, рассчитать, благом или вредом обернулись репрессии 37-го среди военных для оборонительных боев — невозможно.

Можно только предположить, зная то, как педантично Сталин разрушал оборону страны на других уровнях, что новые кадры, ввиду их большей гипнабельности, были для Гитлера менее опасны. Можно не верить аналитикам-суверенитистам из германского генштаба, одобрявшим репрессии в Советском Союзе. Однако важно мнение умевшего интуитивно безошибочно постигать ситуацию Гитлера — он действия Сталина по «чистке» армии одобрял.

Потому бойня 30-х и была тысячекратно зрелищней репрессий 20-х, что индивидуальное желание Сталина было помножено на мечту сверхвождя Гитлера беспрепятственно стереть русских с лица земли.

Глава сорок пятая

ТАЙНА ЗАГАДОЧНЫХ «НЕБЛАГОНАДЕЖНЫХ»

Любимец комсомольцев Сталин гнусность самого себя (и своих распоряжений) если и не мог выразить с помощью понятий, то подсознательно чувствовал. Это проявлялось во многом, в частности,

в тщательности, с какой он уничтожал следы. Даже из солдатских писем вымарывалось все, что касалось объективного мира — комсомольцы дошли до того, что любимым отправляли письма, переписанные из так называемых «письмовников».

Биоретрансляторы на должностях политруков и комиссаров этот запрет объясняли интересами якобы секретности, что, как очевидно, полнейшая чушь. Гитлеровцы дневники вели, и это нисколько не снижало качеств немецкой военной машины. Не влияло на нее и то, что некоторые дневники в качестве трофеев попадали в политотделы РККА.

Причина запрета на дневники — психологическая: всякий предатель Истину не приемлет как таковую, для него и всякая правда подсознательно ненавистна — вплоть до физического устранения свидетелей и свидетельств. Тем более, что **поражительные события 1941 года — открытое *Евангелие*: вышел из толпы — и спас себя, близких и Родину**. Подхалимствовавшие на гражданке «внешники» оказались уничтожены, а те, кто толпе противостоял и прежде, выживали и побеждали. Такое знание Сталин, как и сатана, не мог не ненавидеть!

Осмысление происшедших летом и осенью 1941 года *странностей* чрезвычайно важно для всякого *неугодника*.

К счастью, дневники писались и сохранились — немецкие.

Именно из дневника начальника генштаба вермахта Гальдера мы узнаем, что евреи и политруки, зная наверняка, что будут расстреляны немцами при первой же возможности, тем не менее сдавались во множестве — вопреки интересам выживания.

Из того же дневника Гальдера мы также узнаем, что:

— **в самые первые дни войны пленных было мало,**

— **расход боеприпасов в эти дни был незначительным.**

Как это на первый взгляд ни странно, но при отсутствии инженерных препятствий (приграничные мосты по приказу Сталина были разминированы, а фортификационные сооружения не возведены, и так далее) немцы в первый день войны продвинулись в среднем всего-навсего на 12 километров. *Идеолог* при соответствующем заказе объяснил бы столь малое расстояние героическим сопротивлением пограничников, отдельных частей Красной Армии и энкаведэшников. Но дело вовсе не в сопротивлении Красной Армии, — если бы оно было, немцы, которым экономить боеприпасы в первые месяцы смысла не было, израсходовали бы значительные их количества. Этого, однако, не произошло, о чем можно прочесть в том числе и в упомянутых дневниковых записях Франца Гальдера — следовательно, сопротивления не преодолевали: его не было. Просто для того, чтобы привести в движение большое число солдат вермахта, традиционно отягощенного гораздо большим обозом, чем у русских, требовались особенные усилия и время. Отсюда и незначительное продвижение

вглубь советской территории. (Кстати, в среднем на 12 километров немцы продвинулись в первый день и в Польше тоже, и не только в ней — так это дело не в обороняющихся, а в нападающих. Отличие русских от поляков немецкие похоронные команды начали чувствовать несколько позднее.)

Итак, какие же советские войска находились в непосредственной близости от границы? Кто *не* бил немцев — и почему?

Это не была кадровая армия — массовые сдачи ее частей в плен были еще впереди, через несколько дней. Кадровые части, очевидно, дислоцировались далее, чем в 12 километрах, и по большей части пытались догнать бегущих политработников и командиров.

Непосредственно же в приграничной полосе были три категории людей в форме:

- пограничники;
- строительные части из так называемых «неблагонадежных», которым оружие в руки не давали;
- части НКВД.

Доныне повторяется тезис сталинских идеологов, что пограничники героически вступили в бой — и погибли, сопротивляясь.

Но именно считается.

Всякий серьезный историк согласится, что героизм пограничников вполне может оказаться мифом — ведь никаких исторических исследований на эту тему не проводилось (в условиях социализма это означало, что начальствовавшие не субсидировали исполнителей этот вопрос исследовать; интересующихся же до архивов не допускали; из этого следует, что результаты исследования обещали быть для власть предержащих разоблачительными).

Некогда о Брестской крепости пропаганда не знала ничего, пока с подачи писателя Смирнова не стало всем известно, что в ее развалинах несколько недель сопротивлялась горстка людей, причислявших себя к этническим русским. Брестская крепость стала символом сопротивления, — но мало кто вспоминает про грандиозный лагерь военнопленных на тысячи и тысячи солдат и офицеров, который находился всего в нескольких километрах от крепости и заполнен был теми, кто мог бы защищать Родину.

С точки зрения суверенитета пограничники сражаться были должны: и оружие они знали где хранится — а у находившихся в наряде оно и вовсе должно было быть в руках, — и окопы у них были уже отрыты и тщательнейшим образом замаскированы, и соответствующие учения именно в этой самой местности с ними не могли не проводиться, и к виду немцев они привыкли. Возможно, пограничники и могли держаться — на условии, если они не были активными «внешниками» или «болотом». Если бы...

Сторонники гитлеровско-геббельсовского утверждения, что СССР собирался напасть на гитлеровскую Европу, видят в присутствии частей НКВД неоспоримое доказательство того, что СССР готовился к нападению, а готовые на все и всяческие подлости сталинские энкавэдэшники (кстати, тоже «внешники» и «болото»), и тоже не сопротивлялись, как то следует из учета израсходованных немцами боеприпасов) предназначались для «зачистки» захваченных территорий. При этом не упоминается, что кто-то должен был не допустить побега 236 тысяч *безоружных* «неблагонадежных» (из них 100 тысяч в Прибалтийском военном округе), вывезенных в приграничную полосу.

Да, в приграничной полосе был и третий тип воинских формирований — строительные части, сформированные из так называемых «неблагонадежных». Это были не столько сами раскулаченные, сколько их сыновья, по возрасту еще помнившие, что до коллективизации на селе у работающих еще был достаток. Идеологи в газетах называли их всех эксплуататорами, наживавшимися на наемном труде. Однако на практике «неблагонадежные» часто эксплуататорами не были: кулачество процветало по большей части на Украине, в России же процент кулаков был меньше, люди работали или в крупных хозяйствах, или самостоятельно. Поэтому в России в соответствии со спускаемыми «сверху» разнарядками, подкрепленными энтузиазмом «снизу», раскулачивали просто обладателей имущества, то есть нередко хороших работников, у которых все спорилось в руках. А это бывает или от «внутреннической» жадности, или от неугодуничества.

Для чего же были собраны 236 тысяч «внутренников» и *неугодушников* и вывезены безоружными к началу немецкого наступления, о котором Сталин и все крупные командиры, а главное, величайший гипнотизер столетия Гитлер — знали заблаговременно?

Якобы для строительства укреплений.

Доказывают это ссылками на теории идеологов и указанием на то, что «неблагонадежным» не давали в руки оружия, а только лопаты (если те были).

Объявленная цель сомнительна, — хотя бы потому, что мелкие подразделения из «неблагонадежных» были распылены настолько, что в обозримые сроки построить в принципе ничего не успевали, тем более к началу немецкого вторжения, о времени которого, повторимся, Сталину и всем крупным командирам было известно заблаговременно.

В соответствии с торгашеско-арифметической концепцией войн именно эти обиженные властями строители, наряженные в военную форму и обритые наголо (чтобы невозможно было их спутать — не только энкавэдэшникам, но и немцам), и должны были составить первый массив пленных. Но *в плену «неблагонадежные» не оказались*: не заметить аж 236 тысяч пленных начальнику генштаба вер-

махта Гальдеру, к которому стекались подробные донесения, и который записал в дневнике, что **в первые дни войны пленных было мало**, было попросту невозможно.

По торгашеской концепции человека такое антигитлеровское поведение «неблагонадежных» невозможно: ограбленные должны были быть материально *заинтересованы* в попытке вернуть отнятое коммунистами имущество, для чего необходимо встать на сторону Гитлера и сражаться с коммунистами. Но не присоединились. По законам торгашеских теорий не живут даже «внутренники», тем более «внутренники» русские.

Действительно, при нападении «внешнического» вождя типа Гитлера с наибольшим энтузиазмом должны были сдаваться прежде всего «внешники», во всяком случае с энтузиазмом большим, чем «болото»; «болото» же должно было сдаваться с большей готовностью, чем «внутренники»; а эти последние должны были идти в плен скорее, чем несформировавшиеся *неугодники*.

(Естественно, русские «внутренники» 41-го — оборонительная элита ситуационно; не духовно, но душевно, психологически, т. е. элита не потому, что они вообще защитники **Родины** и внутренне благородны [в 1812 году именно они активней других пособствовали «внутреннику» Наполеону], но всего лишь потому, что Гитлер был хоть и сверхвождь, но «внешник». Сыновья кулаков подобно комсомольцам не теряли голову не потому, что были мудры, а потому, что Гитлер был *не их* вождь. То, что именно «внутренники» сопротивлялись Гитлеру лучше «внешников» среди прочего, возможно, подтверждается тем, что англичане-лейбористы, несмотря на тотальные военные неудачи Англии, сдавать свою страну Гитлеру не хотели, а оказавшись в плену, редко переходили на службу в вермахт; политические противники Сталина [в основном не «внешники»], сведенные в Полярную дивизию и пошедшие в бой без привычных в петлицах «кубарей» и «шпал», а как были — с номерами воркутинских лагерей, успешно, не в пример кадровым военным, отстояли город Мурманск. Поляк Рокоссовский с еврейским штабом и дивизиями из политзаключенных сопротивлялся не в пример лучше других военачальников. В конце концов, знаменитый разведчик Кузнецов, *сын кулака*, не перешел на сторону врагов России, как то следовало бы ожидать по дарвиновской марксистской теории, но *уже в 41-м* являл образец независимости от гитлеровской стаи.)

С *неугодниками* в частях «неблагонадежных» и вовсе просто: для них именно Россия — **Родина** в особенном, духовном смысле слова.

Таким образом, с *психологической* точки зрения «неблагонадежные» в 41-м могли составить элиту войск **оборонительной войны** и сдержать гитлеровцев — если бы только у них было оружие!!!

Но оружия у них не было вовсе.

Это — факт.

Также факт и то, что **именно Сталин, прекрасно знавший день нападения на СССР, приказал, чтобы эта элита была выставлена в приграничную полосу.**

Осмысление этих фактов придает дополнительную четкость событиям 1941 года.

По объяснениям нынешнего и предыдущих поколений историков и вообще *идеологов*, получалось, что предвоенные распоряжения Сталина были якобы направлены на решение разнонаправленных целей: частью — на организацию оборонительной войны, а частью — на организацию наступательной; иными словами, в этом нагромождении разобрататься мог только подхалимистый министр обороны, а остальным оставалось только повторять его мнения.

Но, спрашивается, зачем нужны мероприятия по обороне, если якобы готовилось наступление на Европу, как то утверждают нынешние «внутренники»? Или: зачем мероприятия по подготовке наступления, если, как то утверждают нынешние «внешники», истинные намерения Сталина — оборона?

Для «оборонцев» безоружные строительные части в нескольких шагах от границы — вернейшее доказательство именно оборонительных намерений Сталина. Для «наступателей» же — вернейшее доказательство подготовки Сталина к захвату Европы: обритые люди с лопатами якобы должны были ввести немцев в заблуждение относительно намерений «всепланетного вождя пролетариата» (то, что строители были выведены *не для строительства* оборонных объектов, со всей очевидностью следует из того, что построить при такой распыленности эти части равным счетом ничего существенного не могли).

Спорящих между собой «внешников» и «внутренников» объединяет, однако, то, что для подтверждения «своих» концепций те и другие остаются рабами совершенно диких суеверий относительно суверенности поведения невозрожденных в духе людей.

Все, однако, становится на свои места, если выявить сущность каждого элемента предвоенного иерархического мира. К какому психотипу относился Сталин? А Гитлер? А комсомольцы с комиссарами? А «неблагонадежные»? А большая часть сербов? А большая часть евреев? Кто составлял инструкции обкомов, из которых следовало **не уничтожать горючее оккупантов**, — разве это были *неугодники*? Какого типа партизаны вызывали ненависть комиссаров? Для чего Сталин приказал разминировать приграничные мосты? Зачем «неблагонадежных» переодели в военную форму, обрили и подвезли под дула немецких винтовок и орудий?

Цель вывоза обритых наголо «неблагонадежных» на границу с точки зрения *теории стаи* очевидна: субвождь Сталин, выполняя тайное желание величайшего гипнотизера столетия, приказал своим холуям подвезти способных сопротивляться к границе, чтобы их захватили или уничтожили в первый же час после начала вторжения...

Происходившее в сталинском СССР целостно: потенциальных защитников выводят или в сибирские лагеря, или без оружия на сотню метров от границы, все оружие «благонадежных» или запирают на складах, или выдают «особо надежным» комсомольцам-«внешникам», которые его вслед за комиссарами бросают при первой же возможности (что приводит к тому, что уже зимой 41-го русских ополченцев и, опять-таки, тех же освобожденных «неблагонадежных» гонят с одной винтовкой на несколько человек в атаку на пулеметы); танки оказались на железнодорожных платформах, откуда сгрузить их без спецсредств было невозможно, да и некому (эшелоны с безоружными танкистами отправляют другой дорогой), командовать назначают офицеров и комиссаров подхалимско-«внешнического» типа; складами горючего, столь необходимого гитлеровцам, заведовать назначают тоже законченных скотов...

Судьба «неблагонадежных» — тема, мягко выражаясь, неудобная — для носителей стайной психологии. Поэтому как в России, так и за ее пределами, никакие *неугоднические* исследования не финансировались.

Документов касательно событий 1941 года на русском языке мало: послушный Сталин своего добиться смог. Писать разрешалось только политработникам — а им за рассказы о мужестве «классового врага» полагалось не просто понижение в должности, но расстрел.

Молчание распространилось и на постсоветское время. Сменившим «внешников» демократам-«внутренникам» правда нужна еще меньше.

Но кое-что все-таки сохранилось — на немецком. Разумеется, эти сведения косвенные, к тому же записи искажены стайной психологией. Но факты все равно выявляются: пленных в первые дни войны было мало (куда делись 236 тысяч безоружных?); потери немцев незначительны (чем занимались охранники из НКВД?); расход боеприпасов — тоже. Но были столь потрясавшие гитлеровских командиров случаи индивидуального мужества русских: когда отбивались до последнего патрона и предпочитали взорвать себя в подбитом танке, чем оказаться в плену. Началось столь ужасавшее немцев партизанское движение — но что немцы могли знать о социальном статусе партизан?

К тому же, от *немцев* мы никогда не узнаем, камнем ли или острой щепкой добывал оружие сумевший найти в себе силы бежать от пленения «неблагонадежный»...

Конечно, кто-то из «неблагонадежных» «внутренников» погиб при немецкой артподготовке уже утром 22 июня, кто-то сгинул среди русских «комсомольцев», проводистских украинцев и прибалтов-«внешников». «Неблагонадежные» «внутренники» стайного типа хоть и не сразу, но в плен сдались. Их как «благонадежных» (по мнению немцев) отправили батрачить в Германию, где они 41-й год, видимо, пережили. Правда, в 1944–1945 годах часть их была уничтожена при бомбежках американской авиацией, часть при продвижении наших войск расстреляна энкавэдэшниками, но многие предатели Родины всеми правдами и неправдами, любыми преступлениями против совести пытались попасть в Америку — и к *своим* попали. Из «внутренников» летом 41-го не сдавались до конца только самые яркие: отсиделись где-нибудь.

Но было и «золото, огнем очищенное» — *неугодники*.

Во многом усилиями именно неугоднической части «неблагонадежных» был летом-осенью 41-го надломлен хребет гитлеровско-сталинской «внешнической» стае — обеспечив тем самым победу над сверхвождем во Второй мировой войне, в которой *неугодники* и «внутренники» воевали против «внешников».

Именно неугодники 41-го и победили сверхвождя.

Парадокс истории заключается в том, что их подвиг — *самая сущность этой эпохи — почти не отмечен*, — разве что в немецких документах, в которых упоминаются — всего лишь упоминаются! — загадочные, наводящие на немцев ужас одиночные партизаны.

А где о них можно найти упоминания в советских документах? Не в официальных же отчетах о партизанской деятельности, в которых восхвалялись партизанские края и полки! И не в мемуарах партизан, фальшиво поющих дифирамбы партизанским полкам и дивизиям. Им *неугодники* чужды. Да и откуда им было знать, что происходит за пределами их края или дивизии?

Впрочем, найти кое-что все-таки можно и в таких мемуарах. Как, скажем, начинался знаменитый отряд Ковпака, ставший символом партизанского движения? Немцы прошли мимо, а в их тылу в лесу изо дня в день под руководством Ковпака проводились собрания на тему необходимости борьбы с агрессором. Так проходит неделя, вторая... Для собраний нужны силы; чтобы были силы, нужна еда; чтобы была еда, нужно идти в села и просить. В селах «партизанам» продукты давали с готовностью. Почему? Да потому что в округе на минах постоянно подрывались немецкие машины, и жители думали, что

это дело рук ковпаковцев. «Партизаны» провели свой первый «рейд» и виновника нашли. Им оказался парнишка, учащийся, кажется, ремесленного училища, который разоружал минные поля и ставил мины на дорогах, по которым проезжали машины немецких тыловых частей — с известным для захватчиков результатом. Вопрос: кто к кому присоединился? Во «внешнической» литературе пишут, что присоединился мальчишка. А с *неугоднической* точки зрения — наоборот: это любители собраний толпой присоединились к папану. Все кончилось к «внешническому» удовольствию: Ковпаку присвоили звание Героя Советского Союза, он, как и «Зоя Космодемьянская», Сталина нравился, а имя парнишки так и осталось неизвестным, хотя погиб он не скоро, и счет уничтоженных им гитлеровцев явно перевалил за сотню.

Мальчишка по молодости к ковпаковскому монстру присоединился, но были люди поумнее, которые не присоединялись. Какова их судьба после завершения оккупации? Чтобы доказать, что ты партизан, надо было привести свидетельства трех верных сталинцев. Но в том-то и штука, что эти верные сталинцы в 41-м были если не полицаями, то доносчиками; *неугоднику* с ними в 41-м ради спасения **Родины** лучше было не пересекаться. А сколько по селам и городам было проститутни, не только бескорыстно обслуживавшей гитлеровцев, но и бескорыстно им «стучавшей»! Исторический факт: население городов в 41-м встречало гитлеровцев хлебом-солью — совсем как крепостные в 1812-м...

Вот и получалось, что истинным победителям невозможно было ничего «внешникам» после победы доказать. Как они выворачивались? Намеренно шли на гибель, атакая из засад на отходившие немецкие части? Молчали всю оставшуюся жизнь? Дураками прикидывались? Что-де под юбкой отсиделись?

О судьбе некоторых из них могли бы поведать архивы следственных дел, заведенных смершевцами на оказавшихся на оккупированных территориях. Но кто знаком с положением дел в архивах, тот знает, что открыто все — кроме именно этого архива — и что власть предержавшие дожидаются, пока последний из упомянутых в документах человек умрет и будет забыт.

К тому же архивы порой чистят — и кто знает, какие массивы документов вычищаются и уничтожаются?!

О «неблагонадежных» писать запрещалось.

Они не могли в День Победы выйти на улицу с орденами планками, — их не награждали: согласно марксизму-ленинизму, героями они быть *не могли*.

Они были лишены привилегий, которыми до конца своих дней пользовались комсомольцы-предатели.

Демократы, придя к власти, не только выпустили из тюрем уголовников, но реабилитировали даже военнопленных, не пытавшихся ни бежать, ни раскроить череп конвоиру (одному на сотню, да и то с винтовкой, у него даже патронов на всех не было, следовательно, массовый побег был безопасен; но *исполнители* в 41-м бежать даже и не пытались) — но про *неугодников* из «неблагонадежных» демократы даже и не вспомнили.

Победители могли только, встретившись, помолчать.

Или обняться...

Или при встрече просто кивнуть — они завоевали больше, чем победу, — но мудрость, открывающую дверь в вечность.

Неугодники, несмотря ни на что, все равно победили.

И победа их была намного более значимой, чем спасение территории России и даже предуготованного к уничтожению русского народа от Гитлера и его стаи.

Неугодники продвинулись духовно — ближе к состоянию «курьер», пришелец, апостол.

Для истинных же *неугодников* трагические события 41-го несли благословение, — настолько жестко эти события призывали к очищению от иерархического начала.

Война трагична — но нерождение свыше трагично десятикратно. По большому счету, не было ничего трагичного ни в Вавилонском пленении, ни в Голгофских ужасах, ни даже в насильственной гибели апостолов, но одна только радость возрастания — радость вселенская, вечная, пребывающая вовеки.

Многие лучшие из «неблагонадежных» уже почили, чтобы восстать в Воскресение праведников, — и рассказать нам уже ничего не могут. Однако, подобно тому как из двенадцати апостолов в служении другим *неугодникам* не своею смертью погибли одиннадцать, а двенадцатый, апостол Иоанн, жил невероятно долго, чтобы своей судьбой рассказать о *будущем*, — так сохранен до наших дней хотя бы один из «неблагонадежных», ***русский***, который может *рассказать*.

И его воспоминания стоило бы записать.

Читатель, даже если ты не *неугодник*! Нужный человек, скорее всего, читает немного — и не потому, что не ищет Истины; просто он привык не находить в массовых изданиях ни слова правды. Этот человек странный — но мудрый.

Возможно, совмещающиеся с иерархией его считают сумасшедшим.

Он никогда не занимал высокой должности, хотя в руках его все спорилось. Маловероятно, что у него есть ордена. Наиболее вероят-

но, что он причисляет себя к этническим русским, хотя, возможно, по крови и не таков.

Читатель! Вспомни о знакомых тебе стариках! Может, *такой* тебе знаком? Вложи ему в руки эту книгу, — и я буду ждать его письма. Может быть, и встречи.

А может быть, твой отец или дед что-нибудь тебе рассказывал?

Важна каждая деталь: ведь в жизни России, **Родины**, это очень важно — *год 1941-й*.

Глава сорок шестая

СМИРНОВ АЛЕКСЕЙ ФЕДОРОВИЧ – КАПИТАН ЗАПАСА, 1918 ГОДА РОЖДЕНИЯ, ПЕТРОГРАД

Беседа эта состоялась летом 1997 года в Болграде (город на границе Одесской области и Молдавии; население на 60% — т. н. бессарабские болгары, то есть часть болгар, в XVIII–XIX веках отслоившаяся от балканских болгар-«внешников» по психологическому принципу, — уходили от издевательств турок вслед за русскими рекрутскими солдатами).

Участвующие:

П. — персонаж, известный по «КАТАРСИСУ» («Подноготной...»), с тем разве отличием, что к и без того обширному перечню своих специальностей он прибавил еще одну — историка-исследователя. Официальный статус: соискатель ученой степени в Институте Российской истории Российской Академии наук, тема работы: «Динамика общественного сознания на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны»; этот статус открывает доступ в архивы, на конференции, «круглые столы», дает возможность получать консультации у нужных специалистов;

С. А. Ф. — сосед П. в Болграде, капитан в отставке, 79 лет, держится достаточно твердо, несмотря на недельный запой — вино на юге Одесской области дешево.

Беседа стенографировалась непосредственно во время разговора; дается в несколько сокращенном варианте и, для понятности, несколько обработана стилистически¹.

¹ Приведенный ниже текст является записью живого разговора и не является изложением ни позиции автора, ни системой взглядов его собеседника. Надо иметь в виду, что в высказываниях обоих есть искажения фактов, ошибочные суждения и повторение распространенных предубеждений. Однако разговор все же был записан: писательская интуиция подсказала — надо. Хотя С. А. Ф. к подхалимам явно не относится, но и к *неугодникам* рука не поднимается его причислить.

...С. А. Ф.: А отцу, когда он помер, было 104 года.

П.: Ого! Раз так долго жил, значит, жить нравилось. Ведь люди перестают жить, когда им это надоедает...

С. А. Ф.: Да, он у меня крепкий был. Его отец тоже, кстати, долго жил — 102 года. А брат — девяносто... не помню сколько... И даже когда отец умирал, несмотря на возраст, в ясной памяти был, не путался.

П.: А кем он был до революции?

С. А. Ф.: Военным.

П.: А чин?

С. А. Ф.: Штабс-капитан.

П.: Он был кадровым?

С. А. Ф.: Нет. Закончил Петербургский университет. Факультет филологии.

П.: Как же ему, царскому офицеру, удалось пережить сталинские репрессии?

С. А. Ф.: А что ему было переживать? Он почти сразу перешел на сторону Советской власти, — никто его и не трогал.

П.: И вы не пострадали от того, что сын штабс-капитана?

С. А. Ф.: Нет. Я же говорю: он перешел на сторону Советской власти. Сразу же. В Красной Армии сражался.

П.: А в армии он был до конца Гражданской войны?

С. А. Ф.: Нет. В 18-м Ленин с Луначарским решили всех особо грамотных из армии отправить на учительскую работу. Отца тоже перевели. И отправили на Урал. Мы туда всей семьей переехали.

П.: А в какое место?

С. А. Ф.: Троицк — Челябинская губерния, Южный Урал. 200 километров до Магнитогорска. Там он и учил в школе. До сих пор наш дом в деревне стоит.

П.: А почему — в деревне?

С. А. Ф.: А что там было в городе снять? Нас ведь одних детей восемь человек было. Вот отец и купил в деревне дом. Мы жили там постоянно, а отец за пятьдесят верст каждое воскресенье приезжал. Первым делом — в баню... Потом уж остальное.

П.: А день его рождения когда? Какого числа родился?

С. А. Ф.: А это мне не говорили. Дни рождения он не справлял, а я не интересовался.

П.: Странно. Разве не интересно? Неужели не спрашивали?

С. А. Ф.: Спрашивал. Да мне не говорили.

П.: Как это — не говорили?

С. А. Ф.: А так. «Куда лезешь не в свое дело? Знай свое! А если что нужно, возьми дневник — и прочитай».

П.: А у него дневник был?

С. А. Ф.: Был. И мать тоже дневник вела. Свой. Отдельно.

П.: Они хотели, чтобы дети прочитали... А дневники эти сохранились?

С. А. Ф.: Племянники — гады! — растаскали. То ли до войны, то ли во время. Вместе с книгами. Так я ни в один и не заглянул. Меня же в 39-м в армию забрали. С третьего курса.

П.: А третьего курса — чего?

С. А. Ф.: Биологического факультета. Университета.

П.: Какого?

С. А. Ф.: Естественно какого — Свердловского. Тогда всех парней с потока взяли — и служить.

П.: А офицерское звание когда присвоили?

С. А. Ф.: Это уже потом. Сначала — рядовым, а когда война началась — краткосрочные офицерские курсы. И в 42-м — на фронт.

П.: А какой род войск?

С. А. Ф.: Известно какой — пехота.

П.: Я почему спрашиваю? Мой отец ведь тоже фронтовик. Только он 1907 года рождения. Тоже откуда-то с Урала забирали. И тоже кратковременные офицерские курсы. Только он артиллерист. Хотя потом в пехоте оказался.

С. А. Ф.: Ну, а меня сразу — в пехоту.

П.: А потом?

С. А. Ф.: Привезли нас на 2-й Украинский фронт. Но не под Сталинград — врать не буду. Хотя Сталинград — это как раз 2-го Украинского. Воевал. Потом ранение. «Болванка» по спине чиркнула — смещение позвонков.

П.: А как вы узнали, что это «болванка»?

С. А. Ф.: Не разорвалась — вот и узнал. Да их много было — болванок-то. Идешь — снаряд валяется неразорвавшийся. Новенькие в сторону: вдруг разорвется? А ты им: «идите спокойно — болванка». Да мне один, в плену который был, рассказывал: завод подземный, одни пленные работают, так, если есть песочек под ногами, — в снаряд его... Да и коммунисты немецкие были. Те — тоже. Так что «болванок» много валялось. А сколько в танки попадало?!.. И меня вот такая «болванка» по спине. Когда я с командиром полка был на рекогносцировке. Это когда командир вперед выезжает и решает — где орудия будут стоять, где окапываться. Ну, от этого ранения я оправился быстро. А вот следующее — уже все.

П.: Куда вас?

С. А. Ф.: Вот сюда — в ступню. В атаку шли... Ты думаешь, это нога — и нога? Нет. Пальцы на месте, пятка тоже, ну а вот те кости, которые должны быть между ними, — не все. Пуля раздробила, вот их и повытаскивали. Вот из-за этой ноги меня в конце концов Хрущев — суки кусок! — и комиссовал. В 56-м.

П.: А до 56-го?

С. А. Ф.: Служил. После госпиталя меня сюда, в Болград, и командировали. 44-й год был. Болград только-только от румын освободили. 28 августа.

П.: И чем вы занимались?

С. А. Ф.: Прикомандировали к военкомату.

П.: И чем — конкретно?

С. А. Ф.: Да всем. Тогда военкоматы всем занимались. Я вот занимался образованием. Например, ходил проверять, почему кто в школу не ходит.

П.: А почему военкомат этим занимался?

С. А. Ф.: Не знаю. Закон такой был — заниматься школами. Были инструктора по всеобщему — допризывниками занимались, а я по учебе был. Например, военруков в школы подбирал... Одни занимались начальной военной подготовкой, а я — вот этим... Тогда ведь многие в школу не хотели ходить... Она ведь при румынах (эти места после Брестского мира отдали Румынии. — *А. М.*) «гимназией» называлась, потом в 40-м, когда Сталин этот край опять присоединил, снова «школой» стала, оккупация — опять «гимназия», а прогнали фрицев — опять в «школу» переименовали. Так вот, в *школу* многие не хотели идти. Я ходил по домам — и разбирался.

П.: А почему не хотели? Население было против русских?

С. А. Ф.: Нет. Старики, которые помнили, как при царе с русскими жилось, те хотели, чтобы русские вернулись. Это молодежи румыны мозги намозолили, настрашали, — ничего знать не хотели. По 17 лет им было — а все недоучки. Я вот теперь смотрю на тех, кто не хотел ходить, все как один образованные: кто врач, кто юрист, кто учитель... Советская власть им добра хотела, а они... Вот я и ходил.

П.: А что вам более всего запомнилось при этих посещениях?

С. А. Ф.: Что?.. Наверное, как я инструктора райкома партии чуть не пристрелил.

П.: *Инструктора райкома партии?* Так вас же за это могли... А за что?

С. А. Ф.: Пошел я в одно село выяснить: почему дети в школу не ходят в одной семье. Прихожу, а там женщина — одна: муж на фронт ушел и не вернулся. Дети на печи сидят. Старшему — 11 лет, так ему в школу идти попросту не в чем. 11 лет, а штанов нет, — одна рубашонка. Нищета сплошная, безысходность. А с инструктором столкнулся, это когда я во второй раз к ней зашел кое-что уточнить, — я ведь запрос отправил в архивы, что с ее мужем произошло. И ведь ответили! «Погиб смертью храбрых на фронте». Ей, соответственно, пенсию и льготы разные...

П.: А большая пенсия?

С. А. Ф.: 28 рублей.

П.: А много это или мало?

С. А. Ф.: Кому как.

П.: А что можно было тогда купить на рубль?

С. А. Ф.: На рубль? Штаны можно было купить. Рубашку парню.

П.: И все на один рубль?

С. А. Ф.: Да.

П.: А питание дорого стоило?

С. А. Ф.: Дорого? Нет. Совсем ничего. Очень дешево... Так ведь глупая баба: не знает ничего про права свои, сидит бедует, хотя пенсию могла бы получать... И тут, когда я во второй раз пришел, — входит этот инструктор и еще с ним один с того же села — что-то вроде дружинника современного, бесплатно их тогда в помощь назначали... Входит он и видит: стоит в избе таз с зерном. Он к этому тазу! Забирай, — говорит своему помощнику, — эта стерва не сдала, утаила от Советской власти! Я ему говорю: постой, мил человек, видишь, парнишка без порток. А он на меня и не смотрит, хотя я в форме сижу; «забирай!», — кричит. Тут я не выдержал, выхватываю пистолет, кричу: если ты, кусок суки, сейчас же не уберешься отсюда, — пристрелю! Ну он и оставил это зерно — вылетел на двор...

П.: И как вас не посадили?!

С. А. Ф.: Один подполковник отстоял. Фронтовик. В Измаиле тогда служил. Да меня не то что посадить, чего похуже могли сделать.

П.: Я понимаю. Ведь — инструктор райкома партии!.. Я это очень хорошо понимаю. Я ведь, когда студентом был, тоже восстал против комсорга курса. Это такой мерзавец был! Карьерист просто законченный, подхалим и все такое. Меня ночью когда милиция из постели вынула и повезла, я им так и объяснил: гад, говорю, сволочь, *карьерист*... Я ему хотя удара-то три всего влепил, но поскольку я тогда спортом занимался, в сборной института во втором полутяжелом весе был, то... Словом, ему в травмопункте такой список травм для милиции накатали... Сотрясение мозга и все такое... Но мне не «хулиганку» лепили, а политическое дело: дескать, против *комсорга*... Это теперь он — «новый русский». А тогда — *комсорг*... Брежневские времена хотя, казалось бы, уже были либеральные, но неприятностей — море! Представляю, как могли над вами при Сталине надругаться!

С. А. Ф.: Да. Они и пытались. Но вступился подполковник из Измаила. Век помнить буду... А та женщина за мужа погибшего пенсию все-таки получила... А гадов тогда во власти было много. Прислали тогда в военкомат полковника одного — три класса всего образования. Начальником. Ух, и ненавидел он меня: я-то образованный! Это я уж потом узнал — совершенно случайно: земляка его встретил — полковник-то тот, как оказалось, на доносах выдвинулся, человек

двадцать заложил... У него всего три класса, а он вверх растет, а у меня почти высшее, а все — старший лейтенант.

П.: Это я знаю. Генералитет тогда подбирали из людей с трехклассным образованием. У меня в классе был сын одного такого генерала. Так он и вовсе был зам. директора военного исследовательского института. На даче даже у него был. Так что я эту публику мог наблюдать и изнутри... А где вы потом служили?

С. А. Ф.: В 46-м перевели меня в Молдавию. Там служил. Уже после Академии.

П.: После Академии?

С. А. Ф.: Да. В 45-м нас, — тех, которые пограмотней, — в Академию отправили. Ведь тогда много было разных неучей типа того полковника с тремя классами. Как были тупыми, так и остались. А меня — в Академию. Это уж потом нас, инвалидов — кто без руки, кто покалеченный, как я, — Хрущев демобилизовал. Девоч на наши места посадил — кусок су... А я приехал сюда, в Болград. Инвалидность три года была, платили пенсию, — потом сняли. Потом в лесхозе работал — вот там были заработки! Потом в детсаде: полставки — фельдшером, полставки — сторожем...

П.: А вас в каком звании демобилизовали?

С. А. Ф.: Капитан. Это не при Сталине, а уже при Хруще присвоили. Это ж сколько, посчитать, я старшим лейтенантом пробыв?.. А, все равно!..

П.: Странно... Войну в 42-м начали лейтенантом, всю войну прослужили, а остались только старшим лейтенантом. И это при том, что в войну внеочередные звездочки только так на погоны слетали.

С. А. Ф.: Слетали? Да, было такое дело. Некоторые очень быстро росли.

П.: Так все равно: очередное звание каждые три года, а вы и после войны сколько лет прослужили, но... Интересно... Меня почему это интересует? Ведь мой отец тоже лейтенантом войну начал — только *техником*-лейтенантом — и после тяжелого ранения в 42-м на фронт тоже по ранению не вернулся. С тех пор командовал топографическим училищем, должность уж никак не ниже майорской, если не больше, а войну почему-то, как и вы, всего лишь лейтенантом закончил. Образование высшее — законченное. А кругом генералы с тремя классами. Как бы вы это объяснили?

С. А. Ф.: Может, он членом партии не был? В то время это имело большое значение.

П.: Был. Точнее, в окопах вступил. Тогда, в 42-м, если в окопах принимали, то без проволочек и без, как прежде, обязательного угодничанья.

С. А. Ф.: Образование, я так понял, у него к тому времени было уже высшее?

П.: Да. Научный работник.

С. А. Ф.: Тогда все очень просто: *языком до нужной жопы не доставал*. Разве не знаешь, как у нас звания и чины присваиваются? Да и сейчас кто эти — «новые русские»? Это те, которые с Хрущевым пришли, — каким местом они себе карьеру делали? Головой, думаешь?

П.: А вы членом партии были?

С. А. Ф.: Не дорос, не доучился, не достоин.

П.: Как это?

С. А. Ф.: Это я *им* так объяснял: «Не дорос, не доучился, не достоин». Старший брат — коммунист, третий брат — коммунист, а я — не хотел.

П.: Понятно... А скажите, в вашем соединении... Вы чем командовали?..

С. А. Ф.: Ротой. Сто восемьдесят человек.

П.: *Сто восемьдесят?*

С. А. Ф.: Что тебя так удивляет?

П.: Просто в современной роте — сто человек. Даже девяносто шесть.

С. А. Ф.: Да разве сейчас армия? Что это за офицеры? Когда было видано, чтобы офицер шел вместе с солдатами и — матерился? А сейчас? Посмотрите на эту самостийную украинскую армию! Командиры пропивают солдатские пайки. А солдаты потом в Болграде по домам ходят, кусок хлеба у жителей выпрашивают! Раньше офицер — это был *офицер!* Когда разрешили офицерам ходить на базар в форме, — это был скандал. А теперь смотришь, он в форме, в погонах — сигаретами торгует! Это что — армия?! Это не армия, а... *кусок шантрапы!*

П.: Понятно. Я хотел спросить: были ли в вашей роте случаи перехода на сторону немцев? Ведь в Брестской крепости, если вы знаете, сдались все национальности, не то что украинцы, но и даже белорусы, в окружении дрались только из этнических русских.

С. А. Ф.: Да, я знаю. Еще во время войны узнал, — хотя пропаганда об этом всегда молчала. А о Брестской крепости вообще только в 60-е заговорили. Нет, у меня, в моей роте переходов не было.

П.: А этнические немцы в вашей роте были?

С. А. Ф.: Когда я до войны служил, еще рядовым, — были. А когда война началась, их всех быстренько из армии убрали и — за Урал. На заводы и в шахты. Как, впрочем, и здешних болгар. Ведь в 42-м году Сталин с царем Борисом заключил договор, что если тот не будет свои войска в Союз вводить, то Сталин уберет с фронта наших болгар. И их тоже — на заводы.

П.: А еврей? Мне отец рассказывал, что сколько он на фронте ни был, ни одного еврея на передовой не встречал.

С. А. Ф.: Это — да. У меня тоже народу в роте переменялось не-считно, — но ни одного еврея не было. И в соседних ротах тоже. Они все больше денщиками — при штабах, вот там они были. Переводчиками, писарями. Или — парикмахерами. Вот это — их. А в окопы — нет.

П.: А как вы думаете, почему они в окопах не оказывались?

С. А. Ф.: А очень просто. Раньше ведь как было? В каждой медкомиссии обязательно по еврею. А то и не по одному. И обычно еврей и возглавляет. Когда меня в армию забирали, медкомиссия была — еврей во главе. Когда меня на инвалидность сажали, чтобы из армии убрать, — во главе был еврей. А когда через три года, чтобы пенсию не платить, с инвалидности снимали, — опять председателем был еврей! Как будто у меня за эти три года костей в ноге прибавилось!.. Так вот: у нас в университете на потоке евреев полно было. А годным к армии та комиссия с евреем во главе признала только одного.

П.: А остальные?

С. А. Ф.: А что остальные? Все у них как обычно. У того выпадение прямой кишки, у того — кривой. Язвы и прочие маразмы. У нас на все офицерское училище всего один еврей был. Да и то! Всем — лейтенантов присвоили, а ему — только старшину.

П.: А почему? Притесняли?

С. А. Ф.: Что ты! Он просто к армейской службе совершенно не способный. Ну — никак! Дебилами сейчас таких называют. Хотя торговать, может, и смог бы... Или — денщиком. Не знаю, что с ним потом стало. Наверное, до следующей медкомиссии. И — на склад: заведовать... Бензином на сторону торговать... Его-то, дебила, годным признали, а вот остальных, из моего университета, — нет. Да они все такие! Когда Хрущев свои эксперименты над людьми проводил, чтобы вместо хлеба народ кукурузой кормить, и мы все питались черт его знает чем, — все евреи Болграда вдруг оказались диабетчиками, все в поликлинике справками обзавелись и ходили в центральный универмаг хлеб — белый, хороший! — получать. Так и было: все национальности города — в одно окошко, а еврей — в другое. Да что о них теперь говорить! У нас в городе их уж и не осталось. Почти все выехали: кто в Америку, некоторые — в Израиль, словом, кто — куда. За границу, в общем. И пусть. И хорошо.

П.: Казалось бы, медкомиссии разные, а психологически... Единое... И вас...

С. А. Ф.: Не меня одного.

П.: Понятно. Сейчас анекдот такой есть: русский в Израиле год с утра до ночи работал, возвращается — денег нет, топора нет, еще и должен — а вроде все правильно!

С. А. Ф.: Кому смешно, а кого они вышвырнули без копейки, как меня, — не очень.

П.: Ясно... Алексей Федорович, скажите, а предателей — полицаев всяких — здесь в городе много было?

С. А. Ф.: Много. Один, к примеру, вон, на углу жил. Через три дома.

П.: И что с ним стало?

С. А. Ф.: Не знаю. Когда наши подходить стали, с немцами сбег. А были и другие — те остались. Ну их, разумеется, — в оборот.

П.: А поподробней?..

С. А. Ф.: А что подробней? Увезли куда-то. Что с ними стало — не мое дело. Тут другое дело было. Когда война кончилась, и демобилизованные из армии стали возвращаться, вот тут фальшивых и стали вылавливать. Приходит человек в военкомат, становится на учет: звание, награды — номера переписывают. Ему говорят: предъяви документы на ордена! Потеряны! — отвечает. Проверяют — а орден-то другому выдан! Ему: откуда взял? И начиналось!

П.: А откуда брали? Покупали?

С. А. Ф.: Какое — покупали! Будут они покупать! Тратиться! С убитых снимали!

П.: Я почему про покупку заговорил? В те времена, когда я в ОБХСС работал, звание Героя Социалистического Труда стоило всего пять тысяч. Все честь по чести: вместе с документами, орденом Ленина и Звездой. В Верховном Совете выписывали. Помните, «узбекское дело»? Хлопковые приписки на миллиарды? Те, которые по делу проходили, все были Героями Соцтруда. Ведь Звезда среди прочего — право на немедленную амнистию: сам же Верховный Совет, в котором орденами торговали, и утвердил эту льготу. Разумеется, не только узбеки покупали. Так если во времена Брежнева, когда была относительная законность, купить Героя проблем не было, то я представляю, что было во время войны, когда контроля не было никакого.

С. А. Ф.: И с документами были — но все равно попадались. Ведь сколько их, с фальшивыми званиями, приходило! Офицеры — понимаешь ли! Кусок ... !

П.: Документы — не ордена, с убитого не снимешь. Значит, все-таки практика продаж была. А при покупке на мелочь не размениваются... А почему попадались?.. Попадались, как и всегда, мелкие сошки, к штабам подойти робеющие. А что ж эти... *фальшивые* не подумали, что могут начать проверять?

С. А. Ф.: А вот, значит, не думали! А тут — военкомат, постановка на учет, от учета не открутишься — а тут: проверка!

П.: А что они с орденов имели? Кроме безнаказанности по амнистиям? Еще знаю, у орденосцев право было в трамвай с передней площадки входить, но это до войны было. Еще какие-то деньги ежемесячно им выплачивали. А еще что?

С. А. Ф.: Что? А все! Вон у меня напротив, через дорогу жил один. До войны старшиной был в Чапаевской дивизии, — здесь ведь до войны Чапаевская дивизия квартировалась, — так он в ней старшиной был, подштанники, что ли, выдавал, или еще что. Может, и патроны, — не знаю. Так вот, как война началась, старшина уже на следующий день сбежал. Сюда только после войны вернулся. Так вот он, когда здесь жил...

П.: Так ведь это же дезертирство! За такое же судят! Вплоть до расстрела!

С. А. Ф.: Судят. А ему — ничего. Бумаги какие-то справил, наверное. Да я ж знаю точно: он — не воевал. Так ему в 56-м или в 57-м одну ногу отрезали, а через год — другую. Так вот, чуть снег выпадет, он в райком партии звонит: я, кричит, — безногий инвалид войны! мне снегом все перед домом завалило! И ему из райкома тут же — пионеров, снег перед домом чистить. Герой войны! А ты говоришь: что получали?.. Выгодно, почетно. Для хохлов это как сало в шоколаде. А взять тех же евреев? Я думаю: в Израиле, если участник борьбы с фашизмом, — то пенсию большую платят. Если у них там за каждый орден платят отдельно, так наши городские евреи, которые в Израиль дернули, а в войну по тылам отсиживались, на себя, наверное, целый иконостас уже нацепили. Проверять никто не станет — да и не выгодно им: вроде все кругом герои ходят... Собою гордятся. Друг другу кланяются. Представляю!..

П.: Но я знаю два места, где они вполне официально получали.

С. А. Ф.: Где?

П.: Например, в артиллерии БМ. Я читал военные дневники академика Иноземцева (в войну — сержант и старшина), так судя по упомянутым им фамилиям, чуть ли не половина состава батареи — евреи.

С. А. Ф.: В артиллерии-то большой мощности? *Там* — очень может быть. Бээмщики вечно по глубоким тылам, а потом их перед самым наступлением — на позиции; отстреляются — и назад. Нам — населенные пункты брать в лучшем случае за медальку, а им — ордена. Награждали в основном при успешных наступлениях — и даже просто при отходе немцев. Тогда даже все денщики и прочие штабные б... получали. БМ с участка на участок перевозили, — вся грудь в орденах должна быть.

П.: Точно. Бээмщики самое страшное пересидели — в Татищевских лагерях. С конца 41-го до начала 43-го. Почти полтора года. Пока наши в наступление не перешли... Кстати, о штабах. Я тут познакомился с одним одесским депутатом. От коммунистов. Он, пока из армии не уволился, политотдельцем был, среди прочего и при штабе группы войск в Афганистане. Кое-что рассказал про Афгани-

стан: какие нации первыми сдавались, почему энтузиасты «дедовщины» погибали в первую очередь, и так далее. Так вот, его отец тоже был политотдельцем, а во время войны — в армии Рокоссовского. В 41-м, среди прочего, занимался формированием не то двух, не то трех дивизий из политзаключенных — дрались, рассказывает, не в пример лучше других! Их, естественно, не награждали. Зато штабные Рокоссовского, которые сплошь были евреями — правда фамилии еврейские были только у каждого третьего, — награждали друг друга не стесняясь. Поскольку на награды был лимит, то на тех, кто реально сражался, наград часто не хватало, — все по штабным расходилось... А потом отец его служил с Драгунским, командиром дивизии, евреем — трижды, кстати говоря, в танке горел! — дважды Героем Советского Союза... Так что штабы, действительно, то место, где все делалось вполне легально. Кроме артиллерии БМ. Из Татищевских лагерей.

С. А. Ф.: Да и потом они под пулями не оказывались. Позиции километрах в шести от передовой, не ближе. Да что там говорить — евреи, одно слово.

П.: Я почему интересуюсь? Есть одна странность в истории Великой Отечественной. С одной стороны, кого из фронтовиков ни спроси, — никто еврея в окопе не видел. А по спискам Героев Советского Союза получается, что на первом месте в абсолютном исчислении среди награжденных — русские; а на втором — евреи, хотя евреи численно, естественно, уступают и белорусам, и украинцам, и азиатам с татарами. Самый получается воинственный народ.

С. А. Ф.: Да какие они воинственные!

П.: Вот-вот. Но если верить документам, то именно так и получается. **И в связи с этим вообще встает вопрос: можно ли о войне что-либо узнать по наградным листам?** Если верить, то евреи — самый героический народ. С другой стороны, читаю воспоминания — только удивляюсь, насколько безропотно десятки тысяч евреев позволяли немцам себя расстреливать! Если сопротивлялись, то только еврейки. В воспоминаниях партизан — только еврейки. Кстати, взять то же восстание в Варшавском гетто. Евреи купили у немцев несколько десятков пулеметов с патронами...

С. А. Ф.: Вот-вот! *Это* они могут. Так голову заморочат, что и пулемет продашь, который на тебя же и направят!

П.: Да! Но как они этими пулеметами распорядились! Дело в том, что кроме пулеметов у немцев было куплено несчетное количество пистолетов. Так вот, во время восстания на все это количество стволов было убито всего 16 немцев! Причем сами немцы вспоминают только о еврейках, которые стреляли из пистолетов с двух рук. Да какие евреи герои! Я понимаю: белорусы или татары, или даже ев-

рейки, — знаю про одну летчицу, кажется, на ПО-2 летала, ночная бомбардировщица, дважды Герой Советского Союза — но *евреи...* Но странно то, что те же евреи поразительно активны в период свержения типа Наполеона — в том числе и как бойцы.

С. А. Ф.: Что?

П.: Оставим это. Так, одна теория... Вот и получается, что обилие евреев — Героев Советского Союза психологически достоверно объясняется тем, что они эти звания или друг другу поприисуждали в штабах или понакупали: во-первых, выгодное вложение денег, — можно воровать не боясь, а во-вторых, купить звание уж несравнимо проще, чем обитателю гетто, предуготованного к уничтожению, купить у немцев несколько десятков пулеметов... Есть, конечно, ничтожная часть евреев — землешцы, подобно евреям древности, — они, может, и хорошо воевали, хотя присваивали Героев только за бои наступательные...

С. А. Ф.: *Землешцы?* Мы таких не видели. И в Израиле на земле работают все те же украинцы, — вон, даже у нас объявления о найме висят. Какие там землешцы!..

П.: И все-таки они редко-редко, но встречаются, только наберется ли их на всю страну хотя бы сотня?.. Вообще, по наградным листам историю войны не составить. Награждение было делом политическим. Ведь не наградили же Героем того, кто первым знамя над рейхстагом водрузил.

С. А. Ф.: Как? Егоров и Кантария — оба Герои. При коммунистах о них каждый год в каждой газете.

П.: Но не Кантария был *первым*. Первым был будущий вор в законе Булатов. Вы когда кадры о водружении флага над рейхстагом видите, то там никакого грузина нет. Там — Булатов, видимо, тот у которого одни часы на левой руке, а другие — на правой. Это в кадре видно. А грузин появился потом, когда кому-то из высших политработников пришла подхалимская идея под грузина Сталина подлизаться, — вот и появился Кантария, которому и присвоили Героя. А Булатову и остальным из его группы — нет. А то, что съемки не переделали, так это потому, что рейхстаг уже передали американцам. Так у нас все советское время и было: на экране Булатов, а текст про героического грузина. Который, кстати, был такой нравственный, что от своего геройства не отказался.

С. А. Ф.: Не знал. Впрочем ничего удивительного. С наградами всегда был бардак — разнарядки, лимиты; у штабных — свои интересы.

П.: Точно. Как при форсировании Днепра. Были разнарядки — такое-то количество Героев. В соответствии с заданием изобрели и легенды. А если что и было, то в наградных листах перевирали до неузнаваемости. Скажем, знаю случай, пятеро в 44-м совершили под-

виг, — а их в наградных разбросали по разным участкам фронта: получилось, что каждый из пяти независим друг от друга, результат политико-воспитательной работы политорганов, словом, политотдел армии *работает*. Естественно, в тех наградных умышленно все переврано. Кто знает, может быть, те пятеро действительно герои, хотя на втором этапе войны групповой героизм *особенного рода*, но это разделение — как минимум перевираание *психологии* войны, самого для нас, потомков, главного!.. Вот и получалось, что Кантария — Герой, потому что — *грузин*, а штабные при Рокоссовском герои не из каких-то соображений нравственной справедливости, а потому что — *евреи*. Соответственно, те, которые войну выиграли, оказались безвестны.

С. А. Ф.: Кусок ... !

П.: А что сейчас с тем старшиной? Безногим? Любимцем райкома? Подох?

С. А. Ф.: Подохнет он! Нет, живой еще. Кстати, как Союз развалился, он так радовался... А потом — уехал. В Крым.

П.: В Россию не захотел? Все-таки в России чуть богаче сейчас живут.

С. А. Ф.: А что ему в России? Он здесь, на Украине, герой. А в Крым — так у него там дочь живет. Как раз она и родилась тогда, когда из части дезертировал. Ведь он же на телеге — не знаю украл в части или еще как достал — жену беременную повез. У нее под Харьковом родители. Он у них там за печкой войну и пересидел.

П.: Под Харьковом? Там же зона оккупации была.

С. А. Ф.: А что ему оккупация?.. За печкой сидеть даже удобнее.

П.: А в вашей роте подобные случаи дезертирства были? Только не то что *слышали*, а что *видели*.

С. А. Ф.: Да сколько угодно. У меня был командир пулеметного взвода — старшина Петренко, хохол. Что-то я стал замечать: как в наступление — у Петренко кровавый понос. Ой, говорит, не могу: у меня дизентерия — и в лазарет. Наступление кончилось — возвращается. А потом выясняется, что он мыло жрал. Он и еще несколько азиатов. Мыло ели. И у них от этого кровавый понос.

П.: А может, ну их совсем?

С. А. Ф.: Кого — «их»?

П.: Да всех этих азиатов. Мне отец тоже рассказывал, что от них толку в 42-м никакого не было. Наступление, все из окопов, но только одного ихнего убьют — так весь аул сбегался, в кружок вокруг трупа усаживались — и ну голосить, ну причитать! Пули в них, мины — а им без разницы: только громче оставшиеся голосят. Вперед не идут — так и гибнут. Да и в дневнике начальника генштаба вермахта Гальдера читал, что в первую очередь сдавались в плен те части,

в которых наивысший процент «монгольской национальности», — это он так азиатов называл. Может, ну их совсем? Только портят.

С. А. Ф.: Ну как это? *Нельзя*.

П.: Почему — *нельзя*?

С. А. Ф.: *Не знаю*. Люди... А потом ведь многие воевали хорошо. В наступление ходили со всеми. В 44-м, во всяком случае.

П.: Как же «все» — если вы только что говорили, что мыла наедались?

С. А. Ф.: Разве?.. Это они прежде наедались, когда я только-только ротным был назначен. А после и в наступление ходили. Значит, в 44-м.

П.: Ясно. Две фазы войны. В 41-м сдавались, в 42-м мыло ели и голосили под минометным обстрелом, а в 44-м — прекрасно ходили в наступление. В точности и уголовники: в 41-м на стороне немцев, а в 45-м вор в законе, бандит то есть, знамя над рейхстагом водружает. Да и казаки тоже: в 41-м — первыми в плен, а в 45-м — Берлин брали. Хорваты тоже... Все как по писанному... А по-вашему, азиаты от русских чем отличаются?

С. А. Ф.: Ничем. Такие же люди.

П.: А мне говорили, что значки классности азиаты любили у прапорщиков покупать — всю грудь увешивали. Если у русских этим увлекался каждый второй, то у азиатов — все сто процентов.

С. А. Ф.: Очень может быть. Но — они *такие же*.

П.: Но ведь народ от народа отличается?

С. А. Ф.: С чего бы это? *Все народы равны*.

П.: Но ведь вы только что мне рассказывали, что люди бывают разные: одни получше, другие — похуже?

С. А. Ф.: Да.

П.: Народ составляют одинаковые — в своем роде — люди. Следовательно, народы — отличаются?

С. А. Ф.: *Народы — равны*.

П.: Но ведь евреев вы выделяли?

С. А. Ф.: Я? Разве?

П.: Да. Значит, народы, как и отдельные люди, разные?

С. А. Ф.: Нет, конечно. И вообще, такие вещи надо *знать*: все народы равны. Знать надо! Я-то вот знаю: образованный. И университет почти закончил, и училище, и даже Академию. Так что — знать надо. *Равны!* Мы все вместе плечом к плечу боролись с фашизмом — и победили!

П.: Да? А что это такое — *фашизм*?

С. А. Ф.: Фашизм? Странный вопрос... Фашизм — это... Это... Впрочем, не знаю. Да и не важно это. Если очень нужно знать, можно посмотреть справочник.

П.: Понятно... Впрочем, и немцы не знали, что такое «новый порядок», за который они гибли, — это так никогда нигде и не было сформулировано. Да и что такое «коммунизм», с которым они боролись, они тоже не знали... Старая история! «Религиозные» войны тоже велись теми, кто никогда Священное писание не читал... Понятно. А еще случаи дезертирства помните? Уровня выше старшины?

С. А. Ф.: Маршал Куликов, например. Того и вовсе в телеге под сеном в тыл вывезли. Его люди гибнут, — а он под сено, денщики и вывезли. Их тогда, командармов, 33 человека судили. В конце ли 41-го или в начале 42-го — не помню. Расстреляли, конечно. И правильно: перед началом войны технику разобрали, офицеров — в отпуск. Какая может быть война? Правильно, что Сталин их расстрелял.

П.: Может, не Куликов, а Кулик? Но маршала Кулика расстреляли, кажется в 50-м. Может быть, не Кулик? А если Куликов, то не маршал?

С. А. Ф.: Возраст. Начинаю забывать. Может и не Кулик, а другая какая птица.

П.: А рожа у маршала Кулика запоминающаяся — челюсть огромная, ну вылитый современный бригадир «крутых». Читал я его выступление на совещании 1940-го — подхалим просто откровенный. Да! Ведь и усики у него на предвоенной фотографии — под Гитлера! Точно, нет ничего нового под солнцем: его копии сейчас на американских джипах ездят, да и вообще по прикиду — чистые американцы, не отличишь, а на ворованное в России дома в Калифорнии покупают. А Кулик — военный. Тоже, кажется, Герой. Жаль, его дело до сих пор в закрытых архивах — не удивлюсь, если он был действительно уличен как предатель.

С. А. Ф.: Он и есть предатель. До чего фронт в 41-м довели! Их тогда многих расстреляли, — и правильно!

П.: Так в разгроме виноваты — *они*?

С. А. Ф.: Они. А кто же еще?

П.: А Сталин? Вы *лично* Сталину верили?

С. А. Ф.: Вот Марксу и Ленину я верил. А Сталину?.. То, что нужно — верил, что не нужно — не верил... Сталин, жаль, часто ошибался.

П.: Хорошо. А еще случаи дезертирства?

С. А. Ф.: Да какие могут быть еще случаи?

П.: Ясно. Скажите, а вы танк БТ-7 застали?

С. А. Ф.: Я — пехота. У меня в роте столько дел было — не до танков! Вот Т-34 — это был танк! Жаль, что его только в 43-м году стали выпускать.

П.: Да их уже к началу войны больше 1000 штук было!

С. А. Ф.: Не может быть! Они только в 43-м появились!

П.: На вашем участке фронта. А в армии Т-34 чуть ли не с 39-го. А вот БТ как-нибудь иначе называли? В шутку?

С. А. Ф.: Как это — *в шутку*?

П.: Сейчас БМП, боевую машину пехоты, в шутку называют «братской могилой пехоты». А БТ тогда?

С. А. Ф.: А *тогда* никто не шутил. Не то время было. Кругом уши. Да и что эти танки! Толку от них! Идем мы раз в наступление. Нашему полку придают 12 тридцатьчетверок. Так они, враги, делятся на две группы — и только мы их и видели! А немцы как раз через наш полк — контр-наступление! И полк погиб. От моей роты 20 человек только и осталось.

П.: Как вы сказали? Разделились? Как это?

С. А. Ф.: А так. Шесть налево ушли, шесть — направо. А немцы потом — как подгадали! — через нас!

П.: А что потом было? С немцами?

С. А. Ф.: Да с ними потом в тылу нашлось кому разобраться. А эти враги...

П.: *Враги*?! Тех танкистов так и называли: «враги»?

С. А. Ф.: Да.

П.: Здорово! Ведь есть же люди, которые все понимают сразу! Знаете, Алексей Федорович, а на границе в 41-м красноармейцы разбегались с криками: «измена»! Есть ведь какая-то прослойка в народе!! Все понимают!

С. А. Ф.: А я что-то ничего не понимаю. Болею. Уже неделю. С головой не очень. Не понимаю.

П.: Интересно у нас, говорю, общество устроено: есть какая-то прослойка в народе, вне иерархии, которая все понимает. И иногда высказывается... Скажите, а вы в Россию возвратиться не хотели бы?

С. А. Ф.: Куда мне — такому-то?.. Недостоин я. Пью... Да и не хочу. А вот сын мой — он в России. Под Сталинградом живет. Виталий Смирнов — доктор биологических наук! У меня не было возможности доучиться на биологическом — он докончил.

П.: Как и вы подобно отцу стали военным, а потом в системе образования. Значит, кровью-то своей вы все-таки вернулись? *Русской* кровью?

С. А. Ф.: Почему — русской? Мать у него — болгарка. Из этих мест.

П.: Тем более.

Слова Смирнова Алексея Федоровича изобилуют, с одной стороны, массой интереснейших деталей, характеризующих и его, и эпоху; а с другой стороны — толкованиями, характерными для его социальной группы (военный, пьянь, русский, молодость прошла при Сталине, фронтовик и т. п.).

Детали интересны даже мельчайшие — взять хотя бы то, что помогать вдове фронтовика в некое село района он именно «пошел». Чтобы оценить эту деталь, надо знать, что от Болграда до ближайше-

го села 5 километров, и очень может быть, что нужное село было отнюдь не ближним. Такие расстояния не радость даже для здорового человека, что уж говорить про того, у кого утрачена часть костей стопы, да и само ранение произошло не так давно!

И таких деталей множество. А воспоминания о масштабе жульничества с орденами, выявляемого при демобилизации, и вовсе в мемуарной литературе уникальны.

Маловероятно, что Алексей Федорович являет собой пример *неугодника*. Надежду на зарождение в нем этого начала дает эпизод с отказом подличать под руководством инструктора райкома партии, — если это не было просто проявлением ненависти фронтовиков к тыловикам. Скорее Смирнов просто — русский (в смысле матричного этноса*: пьет, курит, книгами, достойными над ними размышления, явно не увлекается и т. п.). Даже в старости он свято верит, что боролся с гитлеровцами из идейных соображений, с *идеологией* фашизма. Хотя, несмотря на дипломы, никогда не знал, что такое фашизм, — типично для фронтовиков.

Кажущаяся в разговоре акцентуированность на евреях связана не с Алексеем Федоровичем, а со мной. К моменту разговора я уже успел познакомиться с психологическими и историческими судьбами донских казаков, ярчайших представителей «внешников», и теперь, естественно, пытался разобраться в особенностях поведения в войну народов-«внутренников» — на примере евреев.

Осилить эту тему, сложно — требуется не только значительный статистический материал, но, главное, верное мировоззренческое направление. Наряду с массовыми проявлениями наследуемого национального характера в каждом народе встречаются проявления неугодничества и нетипичной для этого народа преступности (среди донских казаков встречаются подчас и жулики, среди евреев — откровенные бандиты, например, Левка Троцкий) — другое дело, что процентное содержание «внешников», «внутренников», «болота» и *неугодников* для каждого народа свое. Меняется лишь в процессе расслоений, селективного истребления или растворения в себе пришельцев.

На фронтовом передке еврей-мужчины все ж таки были: скажем, дед по материнской линии редактора обоих «КАТАРСИСов» был лейтенантом-танкистом (пропал без вести в 41-м под Смоленском). Справедливости ради надо сказать, что к типичным евреям, Россию по большей части уже покинувшим, и сам редактор психологически явно не относится. И не удивительно — в том смысле, что в истории написания этой книги все не случайно — не случайно и более чем неформальное участие именно этого редактора...

Кстати, одно из объяснений, почему евреев на передке не замечали, но зато замечали в тыловых организациях, может заключаться

в том, что тыловики из евреев свою принадлежность к «избранной нации» подчеркивали, а еврей-фронтовики, напротив, скрывали — как минимум из уважения к ассоциативно-эстетическим предпочтениям окружающих, а может, и из духовных соображений. Естественно, еврей-фронтовики и по поведению нисколько не походили на привычных евреев-«внутренников», которых презрительно именуют в общем-то нейтральным когда-то польским словом «жид» не только русские, но и истинные потомки Авраама. Всякая подсознательная несовместимость, всякое неприятие — не национального происхождения и, тем более, не идеологического, а психологического.

Такое объяснение — предположение, и, несмотря на свою психологическую достоверность, таковым и останется до тех пор, пока не найдется исследователь, который подтвердит это добросовестным анализом свидетельств ныне живущих ветеранов и мемуаров, написанных ветеранами уже ушедшими.

часть пятая
синкретический подход

**Грядущий
наднациональный
сверхвоздь –
последний**

Опасные
следствия
теории
стаи

Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало.

А. П. Чехов

Глава сорок седьмая

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СТАИ

Распространяющаяся по поверхности планеты крысиная стая истребляет *чужих* — хотя и себе *биологически* подобных (это истребление себе подобных, как признают сами же эволюционисты, противоречит их суверенитической теории выживания *видов*), — и так до тех пор, пока истреблению не начинают препятствовать все возрастающие расстояния.

Тот факт, что нас окружает не одна всепланетная стая крыс, являющаяся идеал иерархо-религиозного общежития, но пока еще множество региональных стай, элементы которых при столкновении начинают грызться друг с другом, а подчас и между собой тоже, можно объяснить именно «пешим» способом передвижения крыс.

Исследователями даже измерена ширина ничейного пространства, обеспечивающего в стаях «благостно-христианское» спокойствие — примерно 50 метров.

Можно с уверенностью предположить, что будь в распоряжении стаи крыс бронетранспортеры, танки, самолеты или хотя бы некие животные, которые позволяли бы крысам себя седлать (как лошадей), — то крысы тут же, одним махом преодолев чрезмерное для пешего ничейное пространство, распространились бы за пределы границ своего «государства».

Можно выявленную закономерность сформулировать и иначе: стая крыс, расширившись до определенных пределов, стабилизируется — *вынужденно*: из-за расстояний, требующих для их преодоления значительных биологических усилий.

Смысл биопритчи очевиден:

— стая некрофилов не в состоянии сдержаться в нападении, для расширения «государства» нужны лишь средства передвижения носителей некрополя. С появлением таких средств одна из существующих стай людей-некрофилов вберет в себя наиболее активных

угодников из соседних стай, прочих — уничтожит или под уничтожение подставит, и покроет собой весь мир;

— **усилия по созданию всепланетной стаи всегда будут совершаться под лозунгом создания идеального государства бескорыстной любви (на самом же деле — крысиной)** — вера индивидов в слова лозунга будет совершенно искренней. Конкуренты, равно верующие в «любовь», будут отличаться лишь оттенками «справедливости» — «внутреннической» и «внешнической».

Формулированию логически красивой, то есть истинной теории, которая бы непротиворечиво охватывала все жизненно важные аспекты бытия, испокон веков мешали невротические предпочтения (эмоции) даже лучших из мыслителей. Поэтому для того, чтобы ничто не препятствовало мысли, целесообразно вообще забыть о том, что рассматриваемый объект исследования — живые существа, более того — мы сами, и при рассмотрении *всемирной истории стай* использовать образы нейтральные, скажем, графические.

Технически это просто: достаточно взглянуть на нашу планету с некоторого удаления. Разрушающие землю некрофилы-исполнители с такого удаления воспринимаются только как **точки**, — да и то еле различимые. (Точка в геометрии — это вообще *ничто*, нечто, не имеющее ни площади, ни цвета, никакого смысла, кроме учетно-статистического.)

Субвожди воспринимаются несколько крупнее, чем простые точки, они различимы отчетливей, это как бы центры — **субцентры**. Они потому *жирнее*, что притягивают к себе *исполнителей*, образующих *свиту*, и эти несколько индивидов, отличающиеся от рядовых *исполнителей* особо болезненной зависимостью и способностью к власти, сливаются в **жирную точку**. Итак, субцентр — это точка со свитой.

Все же множество точек-исполнителей, притягиваемых к жирной точке (вождю со свитой), воспринимается на поверхности нашей преكرасной планеты как расплывшееся **пятно**.

Пятен на планете много, — к сожалению, она вся запятнана!

Цель пятен одна, — чтобы планеты не стало видно вовсе.

Пятна, подпитанные современной цивилизацией, втиснуты в каменные джунгли городов. Но еще не так давно, всего несколько тысячелетий назад, пятна двигались, меняясь в очертаниях в зависимости от неровностей местности. Скорость, характер и направленность изменения конфигурации пятен (вокруг вождей-субцентров) зависела от плотности кочевого и земледельческого населения, номинального национального состава населения, урожайности в данном году зерновых и особенностей этнического характера аборигенов (следствие

разных преступлений предков, невротически воспроизводимых потомством).

Но даже если пятно обездвижено государственными границами или стенами городов, оно все равно меняется — как минимум по интенсивности окраски (плотности точек вокруг *центра*), и зависит от изменения силы некрополя вождя (от его биологического возраста и скорости самоизуродования души). Раз зародившись, всякое пятно растет и, достигнув наибольшей «темности», начинает тускнеть; со смертью же вождя, в особенности в результате тотальных войн, может даже исчезнуть.

Или поменять цвет. После наполеоновских войн «внешническая» Франция стала существенно более «внутреннической» — вплоть до способности быть верной союзницей Англии. Так же и немцы Европы — после Мировых войн XX столетия. Тем более, что выжившее «болото» было психоэнергетически прищиплено оккупировавшими западную зону Германии демократами-«внутренниками». Причина новой политики Германии та же, что и у Франции: «внешники» в результате тотальных войн оказались по выбиты, выжили отсидевшиеся по складам интенданты-жулики и уроды-белобилетники, склонные, естественно, к «внутренничеству». (Психологическая ситуация в Германии несколько изменилась после наплыва в Германию *настоящих* довоенных немцев, сохранившихся во время Второй мировой на шахтах и заводах внутренних областей России — что и привело процветающую Германию к психологической дестабилизации и, как следствие, к экономическому кризису.)

Стая после смерти очередного вождя не исчезает, субвождям несть числа — иными словами, пятна как таковые до времени Третьего Пришествия на нашей планете неизбежны. Другое дело, что центр пятна может переместиться за пределы границы прежнего государства и даже за пределы континента.

Итак, **пятна вслед за перемещающимся субцентром по поверхности планеты движутся — даже при пространственной неподвижности точек-исполнителей.**

Разрастание пятна *сверхвождя* происходит за счет поглощения пятен более мелких, а главное, не столь интенсивно окрашенных; с ослаблением силы некрополя пятно тускнеет и распадается. В терминах исторического подхода это — мелкие войны, «мирные» переговоры между князьками, заканчивающиеся подписаниями пактов о ненападении, союзными договорами или капитуляциями.

Совершенно изолированных пятен не бывает, во всяком случае в *последнее время*, когда численность населения на планете умножилась в сотни и тысячи раз по сравнению со, скажем, античными временами — поэтому рассматривать какое-нибудь государство *изолиро-*

ванно от пятна сверхвождя (мировых центров) неестественно, каждое пятно вовлечено в движения — укрупнения или рассасывания.

Но время от времени случается, что внутри какой-нибудь замкнутой линии пограничных государственных столбов одно пятно быстро поглощает все остальные и покрывает страну полностью, — а силы сверхвождя не истощились. Такое пятно *неминуемо* норовит выплеснуться за пределы границы. Порой возведенные еще при прошлых пятнах эшелонированные долговременные линии обороны его сдерживают, а порой и нет — вспомним аншлюс Австрии и капитуляцию Чехословакии. Более приграничных укреплений надежны некоторые отличия психики соседей — тоже преступной, *но по-другому*. Только тогда оборонительные линии имеют смысл.

Если верить патологическим лжецам Наполеону и Гитлеру на слово, то «внешнические» Великие армии были остановлены именно шириной Ла-Манша и многократным перевесом сверхдержавных англичан-«внутренников» в военно-морском флоте. Якобы именно техническое отставание вынудило великих полководцев, не уничтожая некрофилов Англии *и тем не снижая общий фон некрополя на планете*, повернуть самозабвенно верные им армии на Восток, на Россию.

А чем Ла-Манш принципиально отличается от Березины?

Да ничем.

Если бы Чичагов не был утонченным подхалимом, а был *неудником*, то Березина показалась бы Наполеону шире Ла-Манша.

Одну и ту же линию Маннергейма в союзной Гитлеру Финляндии Красная Армия в 1940-м прорывала три месяца, а в 1944-м прорывала за десять дней. А ведь укрепления за эти несколько лет были только усилены.

Не в толщине бронеклопаков дело.

Планета наша не только трехцентровая, но и трехцветна.

Одни пятна — желтые, это цвет золота; а другие — коричневые, любимый цвет Гитлера. Третий же цвет, небесно-чистый — пятен не оставляет. Он вообще — некое воспоминание о прошлом нашей беспорочной некогда планеты.

Впрочем, в разные времена интенсивность этого загадочного цвета на определенной территории усиливалась — образуя *метаназию*.

Желтых пятен поначалу не было — первое пятно было коричневым: Каин Авеля не обманул, а убил.

Желтые пятна, едва заметные в послепотопном мире и даже во времена единственного в своем роде Карфагена, в наше время со все возрастающей скоростью коричневые вытесняют. Это просто — доста-

точно идеологам «желтых» столкнуть «коричневых» друг с другом лбами: а золотистый оттенок есть у каждого даже наираскоричневого пятна...

Фактор, определяющий интенсивность войн, — цвета противостоящих пятен.

А инженерно оборудованные «линии» и природные препятствия — дело пятое.

Вот еще одно очень важное свойство пятен и их центров, которое необходимо при рассуждениях учитывать: **ограничить само себя пятно не в состоянии. Пятно — течет.** Растекается. Это свойство неизбежно.

Точки могут пространственно оставаться на месте, разделенные границей или проливом, но поскольку **подавление одного пятна другим происходит прежде всего психоэнергетически**, то слияние произойдет, — и пятно переместится.

Незаметным это перемещение останется только для неопытного глаза, который за действительную принадлежность к какому-нибудь центру принимает признаки лишь внешние: цвет флага, количество полосок на погонах, мелодию гимна, образы-якоря, вплетаемые в ложь официоза. Мелодии остаются — а «болото» меняет окраску в зависимости от цвета субцентра. В XX веке цвет коммунистической партии в России поменялся несколько раз: с коричневого (Ленин, Сталин) на желтый (после смерти Сталина) и опять на коричневый (после отлучения компартии от власти и перехода большинства желтой компартии в правящую желтую «партию власти» демократов).

Цвет флагов и погон — пустяк, главное — цвет пятна. Вожди лживы и любят грим; а вот *поступки* «болота» — предельно откровенны, являясь поэтому *единственным индикатором*.

«Странные» поступки графа Ростопчина, адмирала Чичагова, Александра I, банды политруков и комиссаров июня 41-го, генерала Власова, генералиссимуса Сталина — **вся история всех иерархий соткана из предательства.**

Психоэнергетическое влияние одного человека на другого распространяется на колоссальные расстояния — кто не знает, что мать чувствует своего ребенка подчас за тысячи километров? А сверхвождь, как несложно убедиться, для матерей есть нечто более важное, чем собственный ребенок, — ими, как они утверждают, движет *любовь*, важнее которой нет ничего на свете. Следовательно, два пятна могут сливаться поверх не только государственных границ, но и более значительных преград. Чичагова от Наполеона отделяла вскрывшаяся с началом оттепели Березина — не самая узкая на свете река. А может отделять и море. Или океан. Или степь. Бескрайняя степь — это

не такое уж большое расстояние. Сталина от Гитлера отделяли и степи, и горы, и множество рек...

В самом деле, *вдруг* на нашей планете начинают происходить странные вещи. «Вдруг» *исполнители* — от придворных до крепостных крестьян — начинают Наполеона страстно любить и столь же страстно желать, чтобы он пришел, — и это при том, что на понятийном уровне прадеды комсомольцев почти ничего о «великом человеке» не знали. А потом столь же «вдруг», сами ничуть не изменившись, его, недавно еще любимого, — дубьем...

Спустя столетие история повторилась в точности. Только вместо придворных были маршалы и генералы, чумеющие на партсобраниях, вместо старост — комиссары и политработники, а вместо крепостных крестьян — комсомольцы; дегенеративного же сверхвождя звали не Наполеоном, а Гитлером, и особенно активны были не купцы, а новые партийцы...

«...Нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1:9) — это, наверное, еще и до Екклесиаста было замечено.

Для Наполеона «желтые» были *свои* — не случайно в Англии и ее владениях в конечном счете поселились доживать свой век не только Наполеон, но и Чичагов, и Ростопчин. А то что Наполеон после того, как стало ясно, что звезда его закатывается, поубивал много английских «внешников» (в английскую армию набирали здоровых и добровольцев), так это услуга «желтой» Англии XIX века; без этой услуги Англия бы перед Гитлером через сто с лишним лет не стояла. Да, убитые при Ватерлоо и погибшие от болезней в колониях английские «внешники» своей гибелью усилили желтизну Англии — и «коричневому» Гитлеру «желтая» Англия стала не по зубам.

Таковы свойства времени и пространства: «внутренник» Наполеон, сам того не подозревая, воевал против «внешника» Гитлера, которого еще на свете не было.

Вместе, как ни странно, делали они общее дело, выцеживая из населения планеты «внешников» и их убивая. И оба действовали непроизвольно.

Но эти два сверхвождя — враги не *духовные*, но всего лишь *душевные*; во всю же мощь азарт Великой Борьбы разгорается лишь в противостоянии сверхвождей и их стай с *неугодниками*.

Так что причины событий, как и происхождение страстей, не в водах Ла Манша...

Знание о трехцветности мира важно настолько, что об этом говорят пророки. Лет за двести до Христа планета была почти вся коричневая, желтело лишь одно пятно — Карфаген; был и народ Божий, метанация, — земледельческий Израиль. «Внутренников» гоня-

ли как хотели и кто хотел, даже повально в рабство продавали. Но вот проходят две тысячи лет, и в XX веке мы уже видим, что все изменилось: «внутренники» гоняют «внешников», да еще как — можно вспомнить американо-иракскую войну 1991 года: при разгроме армии в полмиллиона иракских солдат (классических «внешников») погибло всего 78 американцев.

И этот процесс убыстряется: стоит «внутренникам» стравить два пятна «коричневых» — и вот они уже бьют друг друга, их страшно желтеют и, будучи неопытными в обмане, обречены на судьбу дойной коровы всемирного центра «внутренников».

Во времена Ганнибала это называлось демократизацией.

Это уж позднее исследователи уточнили: *рабовладельческая* демократия...

В *последнее время* даже «болото» должно встать на борьбу за «демо»кратию.

Мы увидим миллионные толпы.

И уже видим.

Всемирная история стаи проста.

Сначала планета была чиста — и цвет ее был прекрасен.

Затем возникло пятно коричневое.

Его эволюция до времени строительства Вавилонской башни туманна. Но как бы то ни было, первым сверхвождем, одержимым грандиозным строительством, был, раз о нем упоминается в Библии, Нимрод (фараоны, Гитлер, Наполеон, Сталин, американские вожди и вообще великие разрушители, страдавшие манией строительства грандиозных сооружений, Нимрода лишь повторяли, да и то, похоже, ущербно).

Нимрод строил Вавилонскую башню-иерархию из бескорыстных солдафонов — «внешников»; в библейских терминах эта иерархия — *зверь*. И вот на планете на наших глазах заканчивается формирование всепланетной «внутреннической» стаи, в которой будет, естественно, царить крысиная «любовь» — госрелигия; в библейских терминах — *образ зверя* (Откр. 13). Да-да, вот уж и инквизиторское католичество после истребления в мировых войнах значительной части «внешников» перекрасилось и переродилось — в *демократов*.

Когда наконец в трехцветном мире «внутренники» подставят под гибель последних ненужных в новой стае «внешников», когда тех окончательно поглотит «болото», — тогда победившая стая и возьмется за народ Божий — объединение заканчивающих свое формирование *неугодников*, метанацию.

Об этом пожелтении нас предупреждают пророки.

О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью.

Ибо когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут.

Но вы братия, не во тьме...

(1 Фес. 5:1–4)

«*Мир и безопасность*» — это общество, из которого выбиты «внешники» (бандиты), а «болото» произвольно мимикрировало.

«*Вы, которые... не во тьме*», помните весть из «Апокалипсиса» о купеческой сущности общества последнего времени? Это вам «*нельзя будет ни покупать, ни продавать*» (Откр. 13:17).

«*Вас*», начав с ваших предков, будут окончательно выживать. А куда? Известно, — в метаназию, до времени Второго Пришествия.

Завершение всеобщей истории стаи — в очищении запятнанной планеты — и восстановлении ее небесного цвета.

Глава сорок восьмая

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ СТЕПЕНИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРИБЛИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ К СОСТОЯНИЮ ВСЕПЛАНЕТНОЙ СТАИ

Вновь, теперь уже более основательно можно рассмотреть сформулированный выше парадокс: **несмотря на то, что правящий класс сословного общества есть наиболее некрофильный слой этноса, тем не менее сословное общество как целое может быть более биофильным, чем бессословное, — поскольку сословный принцип деформирует психоэнергетическую иерархию.**

Рассмотрим две умоглядные модели государственного устройства:

- предельно некрофильную;
- предельно биофильную.

В предельно некрофильной модели устройства общества (вовсе не деспотия, часто довлеющая к сословному обществу; но — наполеоновщина, бессословное общество, демократия) *исполнитель* заморочен настолько, что повинуется приказам не вербальным, а психоэнергетическим (чтобы не бедствовать от краха *несвоевременного* бизнеса, вынужден о намерениях вождя «*догадываться*», предугадывать его прихоти). Сверхяркий некрофил, появившись на свет, в демокра-

тических странах на пути к вершине иерархии не встречает никаких преград — традиции и юридические нормы, могущие ему в этом помешать, уничтожены демократическими преобразованиями и революциями.

Идеальные рядовые «Великой армии» (элементы иерархии) не должны быть способны на горизонтальное общение, а только на вертикальное. **Идеальный рядовой должен искать забвения в одиночестве:**

- в индивидуальной келье ли,
- комнатах просторных домов,
- толпе,
- наркотиках,
- в карьере, —

именно при деградации связей, способных развиваться в биофильные (по горизонтали), крепнет вертикальная психоэнергетическая связь со сверхвождем. (Закономерно, что в демократических странах этот процесс оскоотинивания уважительно называют *индивидуализацией*. Идеальная демократия — это форма устройства общества, при которой *исполнителей* с вождем связывает исключительно психоэнергетическая связь, без вербальных приказаний, к которым вынуждены прибегать авторитарные режимы, пытающиеся управлять психологически более раскованным, чем при демократии, населением.)

Маршалами «великой армии» сверхвождя в предельно некрофильной модели устройства общества могут стать кто угодно, **без различия сословий и родового прошлого** («сын за отца не отвечает» — апофеоз демократии) — некрофилы, не только так называемые «сливки общества» (герцоги и графы), но и сын конюха, всю жизнь имевший дело только с навозом (Жак Ланн, впоследствии — герцог Монтебелло, маршал Наполеона), и прислуга из публичного дома (маршал Мюрат, король Неаполитанский), и сын лакея (маршал Ожеро, герцог Кастильоне, предавший Наполеона в 1814 году).

А вот *неугоднического* мышления люди — такие, как князь Кутузов — в *наступательной* «Великой армии» удержаться не могут: во-первых, потому что вызывают психологическую реакцию отторжения у руководства, во-вторых, потому что проигрывают в соревновании по доставанию «языком до задницы»; а в-третьих, потому что по мере возмужания начинают со все возрастающей волей из иерархии, как из братской могилы, рваться.

Такие, как Фабий и Кутузов, на высшей военной должности оказаться могут — но только в сословном обществе, из-за ограниченности числа наследственных князей, обладающих достаточным физическим здоровьем, чтобы лично переносить трудности походов. (Еще один парадокс: развитие техники весьма не выгодно **обороняю-**

щимся: даже в сословном обществе изобретение комфортабельного автомобиля и замена им лошадей снижает возможности обороняющейся страны к сопротивлению вторгшемуся сверхвождю: прежде не выдерживавшие трудностей самые яркие князья-дегенераты теперь в состоянии остаться в армии и кутузовых оттесняют.)

Итак, с техническим «прогрессом», нисколько не обогащающим духовную жизнь личности, армии, и без того часто возглавляемые дегенератами, становятся все более наступательными.

Наступательное войско, духовная сущность которого — преданность сверхвождю — любому! главное, своего типа, — кроме как наступать, умеет только сверхвождю сдаваться. Но не защищаться.

Умеющим же понимать вечное и сокровенное более естественно защищаться.

Здесь мы и подходим к необходимости создания умозрительной модели предельно биофильного государства.

Командующего армией во все времена назначает правитель.

Таким образом, повышение биофильности командного состава защищающейся армии возможно *при одном единственном условии*: если правитель, назначающий главнокомандующего *неугодниками*, сам является биофилом.

Предельный из всех возможных вариантов: Правитель — Сам Бог.

Объединение людей с целью полного личностного самовыражения в созидательной деятельности называется теократическим государством. (*Teos* — по-гречески «божество, Бог»; *kratos* — власть.)

Однако реальные церковные организации теократическим государствам по духу противоположны. Они суть иерархические пирамиды, власть в которых, естественно, принадлежит исполнителям с вождистскими устремлениями, бессовестным настолько, что не стесняются объявлять себя проводниками божественного духа. Во все времена, в рамках всех цивилизаций находились вожди, которые, организовав стаю и подчинив ее своим вождельениям, — обманутыми всегда оказываются лишь угодники, — объявляли себя заместителями Бога на земле, тем самым претендуя на образование теократических государств. Примеры: империи Навуходоносора, Нерона, Калигулы, римского папы, немецкой крови династия Романовых, исламские государства, и т. п. — словом, претензиям в истории человечества несть числа.

На самом деле, истинно теократическое государство в послепопной истории человечества известно только одно (единственное! а главное, последнее!). *Недолгое* существование этого государства описано Моисеем и несколькими более поздними библейскими пророками. Однако при всем обилии благословений вскоре после обра-

зования этого уникального государства его подданные возмутились и потребовали, чтобы над ними оказался *такой же, как и у других народов, царь*.

И собрались все старейшины Израиля, и пришли к Самуилу (судье Израиля, пророку Божьему. — А. М.) в Раму, и сказали ему: ...поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов. И не понравилось слово сие Самуилу... И молился Самуил Господу.

И сказал Господь Самуилу: послушай голоса народа во всем, что они говорят тебе; ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовал над ними... Итак послушай голоса их; только представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними.

И пересказал Самуил все слова Господа народу, просящему у него царя, и сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и сделает всадниками своими, и будут они бегать пред колесницами его; и поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничный прибор его.

И дочерей ваших возьмет... и поля ваши и... сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим...

...и... возьмет... и употребит... и сами вы будете ему рабами.

И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда.

Но народ не согласился слушать голоса Самуила, и сказал: нет, пусть царь будет над нами; и мы будем как прочие народы...

(1 Цар. 8:4–20)

Господь, как известно, *допускает* из многих зол наименьшее, вернее, наиболее полезное для духовного развития именно *неугодников*, и Он допустил в те времена хотя еще и не демократию, но самодержавие, сословное общество.

Итак, **царизм — это уже принципиально худший вариант, чем теократическое государство.**

Царь — это непременно иерархия, хотя и не худшая из возможных.

Бог *отказывается* участвовать в такой форме государственного устройства, как царская власть, — хотя ее как наименьшее из возможных зол (не считая теократического государства) *допускает*.

Но и теократическое государство отнюдь не высшая форма коллективного способа существования личности!

Действительно, управлять народом Моисею удавалось *только* в весьма специфических условиях — *в пустыне*, то есть на удалении

от психоэнергетического воздействия вождей типа фараона, а также вне *зримого* примера других этносов; напротив, перед глазами народа ежедневно являлсядвигающийся столб облачный (днем) или огненный (ночью); с неба они получали манну небесную, которая обладала «неестественным» свойством: она сохранялась пригодной в пищу только в течение суток (если была собрана утром в воскресенье, понедельник, вторник, среду, и четверг), а к утру следующего дня *непрерывно* портилась, и только манна, собранная в пятницу (на вид и по вкусу в точности такая же, как и обычная), хранилась уже двое суток, и ею можно было питаться и в ключевой день недельного цикла — в субботу, когда новая манна с неба не падала.

Только при наличии таких ломовых чудес народ хоть и роптал, но с теократической государственностью мирился.

Но даже и теократическое государство, руководство в котором целиком принадлежит наиболее биофильным людям общества — избранным *Богом* пророкам — и которое невозрожденным людям было в тягость, Богом было всего лишь *допущено*, потому что **сотворил Он нечто иное**.

А сотворил Он такое общество, которое у нас и обществом-то называть не принято.

Из людей это были только Адам и Ева, причем Ева сотворена была как *продолжение* Адама (и совпадение с ним! — *половинка*), его **досозданная** из ребра (плоть от плоти!) часть, что и определяло их биоэнергоритмическое взаимосоответствие. Только это полное взаимосоответствие и отсутствие вокруг них обоего пола валаби (валабей?), зацивилизованных до состояния стаи, и позволяло Еве полностью раскрыться в своей чувствительности, возможно, до пределов вселенной. И в своей индивидуальности — потому что окружающий мир неизвращенно осмыслить женщина может, постигая его только через *своего* мужчину. *Не свой* превращает ее в тупицу, способную преуспеть только во «внешничестве» или «внутренничестве», превращает ее в Вавилон, в элемент, назначение которого — воспроизводиться как элемент всемирной стаи.

Кстати говоря, Адам и Ева превратились в стадо *немедленно* после того, как Ева, а вслед за ней и Адам, совершили грехопадение: первопавшие настолько утратили критическое мышление, что попытались от *всеведующего* Бога *спрятаться!* Такая безмозглость свойственна только толпе.

Адам и Ева до грехопадения были счастливы познанием друг друга — а через свою *половинку* и всего остального мира (гармония с самим собой — инструмент познания намного более совершенный, чем созданные всеми цивилизациями всевозможные технические приспособления вместе взятые).

Союз семей, состоящих из половинок, которым доступна вся Вселенная, и есть предельная модель биофильного государства!

Итак, четко выстраивается следующая градация форм общественного устройства:

1. Единое целое из двух *половинок* — вне психоэнергетического воздействия стаи, сверхвождя и вселенского противоначала, его подпитывающего.

2. *Теократическое государство*. Биофилы составляют лишь часть общества — но их голос (на логически-вербальном уровне) благодаря искусственным, подчас необязательным приемам, слышен. Эта форма организации общества нестабильна — возможна только при обвальном большом числе чудес типа манны в *безводной и бесплодной* пустыне, где всякие другие виды продовольствия отсутствуют. Бог в управлении таким государством принимает *непосредственное* участие.

3. Биофилы — меньшинство общества, люди с *элементами* биофильности в характере получают доступ к власти не по слепой воле толпы толпы, но фактически случайно, по наследству. У власти почти всегда некрофилы, однако Кутузовы возможны. Это — *сословное национальное общество*.

4. Биофилы в меньшинстве. От должностей устранены полностью. В сообществе с преобладанием «внешников» такой вид объединения, построенного на грехе бескорыстного убийства, называется *деспотией*; в обществе с преобладанием «внутренников», основанном на жадности и обмане бескровном, — *демократией*. И та, и другая форма суть стая, стремящаяся к контролю за всей планетой. Охлократия.

Не нужно особенных познаний в истории, чтобы подметить, что **суть всеобщей истории стаи заключается в том, что человечество от предельно биофильной формы своего существования деградирует до предельно некрофильной**.

Далее будет показано, что **образование законченной всепланетной и всевременной стаи — по пророчествам и согласно теории стаи — будет моментом ее гибели и устранения ее с пути предельно биофильной формы — вечности**.

Глава сорок девятая

СТРАННЫЕ УБИЙСТВА В ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЕ (1853 ГОД)

Неугодников в России захватчики пытались перебить не только при Гитлере, но и до него тоже. И тоже с помощью российских угодников.

Рассмотрим некоторые странные обстоятельства Восточной войны (1853–1856 гг.).

Период царствования Николая I выбран для рассмотрения потому, что в XIX столетии толпа именно этого царя боготворила столь же неистово, как и через сто лет Сталина. С тем разве отличием, что Николаю I, будущему самоубийце (см. в кн.: *Тарле Е.* Крымская война), о его неземной мудрости и не менее как небесной святости пели дифирамбы не только внутри границ подвластной ему страны, но и по всей тогдашней ойкумене. Причем государственные деятели не только Германии и Австрии, что было бы понятно, ведь Николай I — немец, но и Франции, Англии и других стран. Восхваления не были наигранным обманом корыстных чиновников — расстилавшиеся перед Николаем I (при посещении им Англии) английские леди были материально вполне независимы, независимы настолько, что позволяли себе любого рода демарши даже против *собственного* правительства.

Восточная (Крымская) война интересна еще и тем, что в ней кроме тех, кого мы называем рекрутами, участвовал еще и зоркий наблюдатель — Лев Николаевич Толстой. Замеченные им *странности* этой войны он пытался, минуя строжайшую «внешническую» цензуру, описать в «Севастопольских рассказах». Приобретенный на этой войне опыт общения с рекрутскими солдатами он пронес через всю жизнь, выведя в «Войне и мире» *неудобников* в солдатской форме (включая капитана Тушина) как **единственный (кроме Пьера и Наташи) виденный им в жизни осязаемый идеал человека-личности.**

Мерзавца Николая I толпа в России не просто любила, но обожала. Закономерным следствием этого обожания было то, что в его правление, точно так же, как и в правление Сталина, доносительство расцвело махровым цветом.

Англия, морская сверхдержава, «кидавшая» всех, кому обещала помощь, в 1827 году объединилась с Россией («внутренники» с «внешником» Николаем I) против слабой Турции — разгром мусульман был полный — все урвали по куску; кроме того, было истреблено некое число русских *неудобников*. Однако и Николай I состарился, и поэтому, когда ему удалось спровоцировать так называемую Крымскую войну (предтечу Мировых войн — военные действия шли и на Балтике, и на Белом море, и на Камчатке), то воевать пришлось не с одной только Турцией, но с объединенными силами Турции, Англии и Франции — впрочем, возможно, это входило в его планы.

«Странные» военные действия начались с того, что русские полки под командованием немецких генералов пересекли границы княжеств Молдавии и Валахии (то есть вошли на территорию современ-

ной Румынии). Население княжеств было православным — христианских истин, естественно, не знало, Библии не читало, просто было послушно своим вождям-«внешникам», — правительства тоже находились в зависимости — от исламского «внешнического» руководства Турции. Местное население княжеств, как считается в исторической науке, частью не желало оказаться под господством немецкого российского царя (якобы крестьянам это грозило крепостной зависимостью; постулируется, что это *плохо* и их страшило), частью же, напротив, зависимости от немецкого царя желало (крупные землевладельцы и православное духовенство). Естественно, что эти эмоциональные предпочтения определялись и психоэнергетическими причинами — именно от эксплуататоров скорее следует ожидать любви-привязанности к вторгшемуся «небесной праведности», обожаемому толпой и «ледеями» царю.

Существовавшие в княжествах войска общей численностью 11 тысяч человек вторжению не сопротивлялись, но и на сторону армии пришельцев не становились — их не разоружили и возложили на них полицейские функции.

Вот что пишет русский о странной войне 1853 года:

«...Готовы ли мы к войне? По совести говоря: *нет*, далеко *не готовы*... Во-первых, мы дурно вооружены. Наша пехота снабжена гладкоствольными ружьями, винты которых большей частью *нарочно расшатаны* для лучшей отбивки темпов... а внутренность стволов попорчена... чистой; от этого наши ружья к цельной стрельбе совершенно непригодны»... <96 человек на батальон (около тысячи человек. — *А. М.*) имели бельгийские штуцеры, но малопригодные...>¹ «Затем у нас очень мало людей, умеющих стрелять, так как этому искусству никогда не учили толком, систематически, никогда не употребляя по назначению порох, отпускавшийся в ничтожном... количестве для практической стрельбы, а раздавая большую его часть знакомым помещикам...» <или продавая за деньги>¹. «...Затем, другим оружием пехота не снабжена, так как нельзя же без шуток считать оружием тесаки, болтающиеся сзади у унтер-офицеров и солдат... Тесак решительно ни к чему не пригоден... Вообще говоря, ни солдаты, ни офицеры не знают своего дела и ничему не выучены толком... У нас все помешались, что называется, исключительно на маршировке и правильном вытягивании носка».

Алабин П. Четыре войны. Походные записки. Москва, 1890

(Цит. по кн.: *Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1950)

¹ В угловых скобках приведены вставки Е. В. Тарле («Крымская война»). (*Примеч. ред.*)

Далее этот участник описываемых событий пишет:

«Наш солдат не только дурно вооружен и дурно обучен военному ремеслу, но он дурно одет; его головной убор (каска) крайне неудобен; его обувь не выдержит больших переходов... он дурно накормлен; его только ленивый не обкрадывает; он навьючен так, что надо иметь нечеловеческие силы и здоровье, чтобы таскать обязательную для него ношу... Ни к чему не пригодный мундир... вовсе не греющий, а между тем решительно отнимающий у солдата всякую возможность фехтования, быстрой и цельной стрельбы и вообще всякого проявления ловкости, столь необходимой солдату, особенно в бою — шинель... не закрывающая ни ушей, ни лица... мешающая ходить... а от недоброкачества сукна... в продолжение похода делающаяся ажурною, не защищающая ни от сырости, ни от холода».

<Вообще вся амуниция> «верх безобразия и как бы **нарочито сделанное изобретение**, чтобы стеснить и затруднить все движения человека. Грудь солдата сжата, его тянет назад сухарный запас, ранец, скатанная шинель, патроны в безобразнейшей суме, по икрам его бьет ненужный тесак, ему обломило затекшую руку держание „под приклад“ ружья».

Когда вдвое превосходившие силы турок через несколько месяцев на введение русских рекрутов под командованием немецких генералов отреагировали, то начали с того, что заняли Калафат. Это был ключевой город, захват которого турками привел впоследствии ко многим бедам (для рекрутов, разумеется, но не для генералов). Потерю Калафата офицерский корпус приписывал **личной бездарности** генерала Фишбаха. Приписали носителю немецкой фамилии, заметьте, **бездарность** — то есть, не до конца доведенный хладнокровный расчет, нечто **личное**, — а не некое «внешническое» подсознательное движение.

Дело Фишбаха продолжил генерал Данненберг, который 30 сентября (12 октября) 1853 года отдал приказ за номером 839, в котором давалось категорическое распоряжение в случае, если турки вздумают переправиться на наш, левый берег Дуная, не завязывать с ними дела, а «только» (!) не пускать их дальше. Генерал Павлов, стоявший около Ольтеницы, был возмущен этим поразительным по нелепости распоряжением и даже рискнул уведомить своего начальника Данненберга, что ни он сам, ни его офицеры не понимают: как это можно, «не завязывая дела», «не пускать» кого-либо идти, куда тот хочет? Павлов указал даже и позицию, где удобнее всего можно было бы дать бой туркам. **Но Данненберг, подобно педантичному Сталину в 41-м, настоял на своем.**

Дальше — больше.

20 октября (1 ноября) генерал Павлов получает известие, что турки переправляются через Дунай на большой лесистый остров и прямо угрожают Ольтеницкому карантину. Генерал Павлов немедленно доносит об этом Данненбергу. Тот в саркастичной манере приказывает генералу Павлову не беспокоиться. Генерал Павлов, наблюдая накапливающихся турок, отнюдь не проявил тех *неугоднических* свойств некоторых командиров советских частей, которые накануне 22 июня 1941 года вопреки приказу Сталина и под угрозой расстрела, точно так же видя накапливающихся гитлеровцев, свои войска из казарм все-таки вывели. Считающийся русским генерал Павлов смотрел, видел и — видимо, выполняя святое святых армейца — приказ вышестоящего в иерархии, — *не беспокоился*.

Турки, естественно, через Дунай переправились и, оттеснив недостаточно сильный отряд охранявших карантин казаков, его заняли.

Далее: для того чтобы при попытке русских взять карантин обратно им были нанесены гораздо большие, чем у обороняющихся потери, туркам необходимо было время — для того, чтобы укрепиться.

Это — элементарно. Когда Наполеон, перегруженный золотом, но уже испытывавший недостаток в продовольствии, пытался через Малоярославец прорваться в хлебные районы Украины, город 8 раз переходил из рук в руки. Выбитые превосходящими силами наполеоновцев войска Кутузова контратаковали **немедленно**, не давая наполеоновцам времени освоиться с незнакомой местностью и наладить систему огня. И потрясенные француско-немецкие войска всякий раз откатывались назад, не умея наладить оборону в *незнакомом* месте. Быстрота в подобных случаях — азы, известные не то что офицеру, а тем более генералу, но и рядовому. (Офицеры-сталинцы в 41-м, помнится, приказывали солдатам атаковать по завершении артподготовки *после паузы*.)

Генерал Данненберг тоже, старательно протянув сколько можно, необходимые туркам несколько дней предоставил.

После того как туркам дано было достаточно времени, чтобы полностью подготовиться, по приказу Данненберга утром 28 октября русская бригада пошла на штурм Ольтеницкого карантина. Но когда русские на глазах наблюдавших с безопасного расстояния немцев к Ольтеницкому карантину еще только подходили, они подверглись страшному артиллерийскому огню:

Возвышенность правого берега Дуная <где стояли турки, была> причиной, что выйдя из Новой Ольтеницы, мы были перед турками как на ладони... спокойно, безопасно, отчетливо они могли направлять на наши части, по усмотрению, выстрелы своих кре-

постных орудий и мортир... Туркам предстояло действовать как на практическом ученье: мы были их подвижной мишенью.

Алабин П. Четыре войны, ч. II, стр. 113–114

К карантину можно было подобраться с разных сторон, там везде были защищающие от прицельных выстрелов заросли, но генерал Данненберг приказал атаковать «против правого крыла, с той единственной стороны, где атакующие подвергались огню, *<и> с господствующего правого берега Дуная, снабженного батареями*» (Алабин).

После того как была отбита первая атака, по усеянному трупами пути было приказано, как бы в издевку, наступать вновь. *Только по этому, обстреливаемому с двух сторон, маршруту! И ни по какому иному!*

Российская артиллерия тоже не была оставлена немцами без внимания. Постреляв час с четвертью и не успев подавить батареи противника, она была вынуждена по приказу Данненберга огонь прекратить, хотя и дальше могла бы действовать с полной силой. *Но самое интересное то, что артиллеристам было приказано обстреливать только те батареи противника, в сектор обстрела которых наступающие русские не попадали! В те же орудия, в сектор обстрела которых русские попадали, было приказано не стрелять.*

Однако несмотря на всю невозможность ситуации, громадность потерь (900 человек!) и численное меньшинство, русские солдаты первые укрепления захватили, тем пробудив параноические чувства у турок. Было отчетливо видно, как частью побросав орудия — важнейший трофей войн той эпохи, — частью начав их свозить с валов, они бросились к посланным им с другого берега лодкам.

Отовсюду было отчетливо видно — победа полная!

И в этот момент генерал Данненберг приказывает отступить.

Турки были настолько ошеломлены представшей перед ними картиной, они настолько не могли поверить в реальность происходящего, что не сделали вслед отступающим ни одного выстрела!..

Бой и приказы были классическим предательством русских. Естественно, даже младшие офицеры (русские) догадались заговорить о суде — подобном тем, которые устраивал Наполеон над своими офицерами за стократ меньшие преступления против интересов войска.

Отстоял Данненберга человек с русской фамилией, о котором во всех мемуарах вспоминают как о законченном угоднике, не способном изъясняться на русском языке, — начальник штаба армии князь Горчаков. Объяснения Данненберга были столь неумны и смешотворны (даже в рамках суверенитизма), что над ними издевались и гене-

ралы тоже, но Данненберг от немецкого командования и царя, естественно, никаких взысканий не получил.

А с какой, собственно, стати? Он ведь выполнял свой *особый* долг! За выполнение которого он и получал немалое денежное вознаграждение от царя-немца.

Другая история с участием полковника Баумгартена и генерала графа Анрепа впечатляет не менее — своей издевательской откровенностью.

Это было второе сражение 1853 года — под селением Четати.

Про Фишбаха те, кому вопреки очевидному выгодно было верить, что царь предоставил командование немцам для того, чтобы *выиграть войну* (занять новые территории, захватить трофеи *на благо русского народа*), говорили, что даже генерал Данненберг на его фоне мог сойти за способного военачальника. Фишбах сделал много, но его перед «странным» сражением под Четати заменили — начатое делявали другие «внешники», хотя тоже, естественно, немцы.

Вообще говоря, если бы хоть *один из десяти в тот день погибших офицеров* русской крови, накануне в пьяном ужоре бахвалившихся, что они жизнь готовы положить *за Россию*, пристрелил хотя бы одного немца — а их не так уж и много было, в сущности, единицы: генералы и один полковник — и был бы за это расстрелян (а какая разница, от чьей пули погибать — немецкой или турецкой), то он все равно спас бы от смерти под перекрестным огнем турецких орудий не только девятых своих собутыльников-офицеров, но и сотни рекрутских солдат. Однако, как всегда среди *исполнителей*, дальше пьяного офицерского бахвальства и выяснения, кто кого «круче», дело, разумеется, не пошло.

Итак, сам полковник Баумгартен, чей отряд, несмотря на личное мужество рядового состава, был практически полностью истреблен, столь же откровенно, как и его соплеменник при штурме Ольтеницкого карантина, действовать не мог: так получилось, что *единственный раз* за всю кампанию 1853 года *под угрозой оказалась жизнь немца*. Отряд Баумгартена то окружали, то отрезали превосходящие силы турок, и угроза жизни полковника Баумгартена была более чем реальная. Если он хотел остаться в живых, то вынужден был сохранить жизни хотя бы нескольких защищавших его русских. Тут и выяснилось, что немецкие старшие и высшие офицеры вовсе не тупицы и способны командовать не хуже любого русского младшего офицера.

Баумгартен принимал решения такие же, какие принял бы любой другой солдат или офицер, — посылал солдат в контратаку, *когда в этом был смысл*, — и, несмотря на *пятикратное* превосходство турок, захватывал у них пушки, стволы их заклепывал, а лафеты раз-

ламывал. Большие потери у русских (2300 человек) объясняются исключительно тем, что им приходилось отступать. Поле боя оставалось за турками, а всех захваченных беспомощных раненых, вопреки понятиям порядочности, в те времена еще сохранявшимся, турки, просветленные милым их сердцу Пророком, убивали.

Вообще говоря, воины ислама убивали не только оказавшихся беспомощными *военных*. При взятии крепости св. Николая «турки неистовствовали страшным образом. Они распяли таможенного чиновника и потом стреляли в него в цель; священнику отпилили голову; лекаря запытали, допрашивая его, куда он дел деньги, перерезали женщин и детей; и, наконец, у одной беременной женщины вырезали еще живого ребенка и тут же на глазах еще живой матери резали его по кускам» (ЦГИА. Фонд 722. Д. 174. Л. 150. Письмо Меншикова от 10 ноября 1853 года).

Итак, окруженный отряд полковника Баумгартена истаявал, но еще надеялся получить помощь от двух соседних отрядов: одного небольшого, не могущего повлиять на ход событий, под командованием генерала Бельгарда, и другого, весьма значительного, под командованием генерала графа Анрепа. Основания для ожиданий были — ведь **канонада была отчетливо слышна в обоих этих отрядах**.

Малый отряд пришел, ударил в самую невыгодную лобовую атаку — и тоже понес значительные потери, практически не изменив ситуацию, — разве только перевес турок стал не пятикратный, а «всего лишь» трехкратный.

А что же большой отряд?

Предоставим слово Петру Кононовичу Менькову, свидетелю и участнику этих событий, рассказ которого, конечно, грешит идеологизацией событий, однако действительные события выявить, по размышлению, удается:

Посмотрим, что во все это время делал граф Анреп. Немецкий граф затеял справлять *русский* праздник Рождества Христова. Для этого он нарядил церковный парад. В 8 часов утра в Бийлешти услышали первый выстрел, раздавшийся в Четати. *Праздничный* граф Анреп *забыл* данную им накануне диспозицию (т. е. он прекрасно знал о многократном численном превосходстве турок и неминуемом уничтожении русских. — *А. М.*) и, приняв поздравления от валахской сволочи, пошел творить церковный парад. Несмотря на все представления (просьбы, требования. — *А. М.*) идти навстречу неприятелю, на выручку своих, — Анреп пошел в церковь! Впервые молитва русского солдата в Христов день замирала на устах православного или изрыгалась вместе с бранью на начальника — немца, который, несмотря на сильную канонаду, оставался равнодушным зрителем чуждого ему обряда... и не шел

на выручку товарищей! наших бьют, а мы молимся, как старые бабы, вместо того, чтобы выручать своих! Нехорошо, братцы, говорили между собой солдаты, — Бог не простит нам этого!

Но вот **к 2 часам дня** Анреп выступил. (То есть **шесть часов** слушал канонаду турецких орудий под помахивания кадиллом!)

Со свежими силами он подошел к месту сражения, где турки уже были достаточно изморожены немногочисленными сопротивлявшимися.

Турки, струсив, толпами бросились бежать.

Нестройными толпами, в виду Анрепа и казаков, пробирался неприятель от Гунии, через Молдовиту к Калафату. Видел все это Анреп и *не тронулся с места*. Между тем отряд стоял на месте; молчаливое спокойствие выражало общее неудовольствие, но все было тихо! Без приказа начальства не двигается солдат вперед и не рассуждает! Меж тем там и сям слышны были рассказы: «А что, Сидорыч, отчего мы неидем вперед-то? Вишь ты как бегут, окаянные; хорошо бы их накрыть-то было? — Неидем? Видимо оттого неидем, — приказа не было! — Да почему же генерал Анрапов приказа не дает? — Известное дело — почему не дает приказа. Не дает потому, что он сам из ихних!»

Меньков П. К. Записки. Т. I. СПб., 1898. С. 87

(Цит. по кн.: *Тарле Е. В.* Крымская война)

Так анреповцы и не произвели ни одного выстрела по турецким войскам, которые, будучи тем сохранены, впоследствии пролили немало русской рекрутской крови.

Нужно иметь сильнейший стимул к подобному «возвышенно-набожному» поведению — отказаться от победы над официально обозначенным противником, соответственно, отказаться от всей славы победителя, а также от значительных денежных и прочих наград, от которых воспетому с амвонов самодержцу Николаю I было, по традициям тех лет, ну никак не отвертеться!

Однако не позарился Анреп на награды, не жадность, видимо, им руководила — предвкушал он награду более значительную. Если в нем оставалась хоть толика человеческой способности выбирать. Скорее, он *чувствовал*, что поступать надо только так, как он и поступает. Но чувство его происходило не от психоэнергетически ничтожной по тем временам субстаи турок.

Разоблачителен материал, с помощью которого Анреп структурировал шесть часов своей жизни и не делал того, что обязан был по писанному уставу сделать.

Трудно не обратить внимания, что в новой истории Руси самые православные из православных — это немцы, убийцы русских *неугодников*. Это не только генералы типа Анрепа, но и отвратительные своей безнравственностью немецкой крови императрицы и императоры. Русские же рекруты, *успешные в оборонительных сражениях*, напротив, — набожны, но, мягко выражаясь, не сильно православны. Можно также вспомнить и о тех немногих не бегавших с фронта в 1904 году от «японской кавалерии» полках, — они состояли из сибиряков, а в Сибири жители госрелигиозностью тоже не страдали. Аналогичных примеров предостаточно.

Православный священник перед Анрепом нудил предельно долго — в интересах не одного генерала-«внешника», но *иерархии как таковой*. Дух, которым был водим священник, в нем не возмущался — мало ли, что рядом шло кровавое жертвоприношение, ведь не «своих» же убивают. Возможно, священник даже наслаждался — Гитлер тоже во время своих ответственных выступлений приказывал совершать в концлагерях массовые казни. Словом, тот священник типичен — его собратья по вере поступали так же и раньше, при татаро-монголах, при Наполеоне, и позже — при Гитлере.

И в этом нет ничего удивительного. Все немки-императрицы становились утонченно-православными — без дураков, с целованием рук любителям полежать в гробах, с целованием засушенной расчлененки и т. п.; при этом оставаясь некрофилчески разнузданными, — вспомним извращения Екатерины II и других. Выводов из искреннего оправославливания императриц-немок можно сделать только два:

— или что немки действительно становились *русскими*, такими же, как и их дети, как то из поколения в поколение внушалось с амвонов;

— или что православная иерархия есть — за исключением небольшой прослойки патологических жмотов — всего лишь «внешническая» иерархия, для немок *своя*, что, естественно, приводило к тому, что после «искреннего обращения» они оставались такими же «внешническими» скотами.

Можно не сомневаться, что из этих двух ответов истину сможет выбрать лишь меньшинство населения.

Случай с подставлением рекрутов под Четати *дополнительно* проясняет уже и так достаточно понятное.

Между кем и кем идут войны?

Между Гитлером и Сталиным? Нет. Пока Гитлер не поседел, сын шлюхи был его марионеткой.

А между кем и кем шла война в 1853 году? Между турками с одной стороны, а немцами и русскими — с другой? Странные тогда действия у немецкого генералитета.

А может, между *неугодниками* и вождем-«внешником»?

Разумеется, баснословно оплачиваемые немецкие генералы сребролюбивы не были, обильное российское золото для них было скорее символом, заставлявшим *исполнителей*-«внутренников» переговаривать от зависти и еще больше угодничать, — но генералы вряд ли осмысливали истинные мотивы своих поступков. Глупы и бездарны были не немецкие генералы, как в то угодливо веровало пьянствующее русское офицерство, а те, которые, наблюдая происходящее, ехидничали насчет немецкой «тупости» и не понимали истинного смысла происходящего.

Когда в 1856 году был подписан мирный договор, все удивились: несшая основное финансовое бремя войны Англия не смогла получить по договору ничего. Французы, пролившие крови больше остальных союзников, — тоже. Русские — кое-что потеряли. Турки были на грани разгрома.

Кто же выиграл?

Оказалось, что выиграли вообще не участвовавшие в войне европейские немцы — в особенности в Пруссии.

Дело в том, что между Англией и Россией циркулировали значительные объемы товаров. С началом Восточной войны *прямой* товарооборот прекратился, а роль посредника взяли на себя немцы-«внешники», возможно, при помощи наследственных торговцев. Они и в Англии, и в России товар брали дешевле (война! кому продашь?!), но оплаты с покупателей требовали тройной (война! трудно доставлять!). Бандитизм откровенный! Не ударяя палец о палец, немецкая стая обретала грандиозные доходы.

Мыслящие в прокрустовом ложе суверенитизма подозревают существование тайных договоров и взаиморасчетов, циркуляцию наградных сумм денег, предназначенных для «продажного» немецкого генералитета и Николая I. С точки же зрения *теории стаи* все естественней — так живут стаи всех типов, управляемые психоэнергетически.

Но лавина денег была не единственным приобретением стаи «внешников» в 1853 году. Не все знают, что в Средние века костью в горле римских пап (тогда еще «внешников») была Сербия. Туда в XIV–XV веках, спасаясь от садистов из инквизиционных трибуналов, стекались еретики со всей Европы. Еретики бывают разные: «внешники» во «внутринических» стаях, «внутренники» во «внешнических» и *неугодники* вообще. О том, что сербские *неугодники* сделали с гитлеровской стаей, речь в главе «Сербы и казаки», но и так понятно, что существование сербского народа — а кровь *неугодников*

за столетия проникла во многих — стаю, в которую кроме римских пап психоэнергетически входил и Николай I, не радовало.

Жившие в Австрии сербы *неугодничеством* не отличались. Однако рядом, в Сербии жили психологически уже совсем иные сербы, которые вождей и ужасали: вожди боялись, что настроения сербских сербов якобы перекинутся и на сербов австрийских.

Ни Пруссия, ни Австрия не могли Сербию захватить (с целью ее «вычистить») прямым военным вторжением — она входила в Оттоманскую империю. Выбить турок по силам было только русскому солдату XIX века. Вот и была разыграна следующая комбинация: Николай I приказал послушным ему одураченным войскам вторгнуться в Дунайские княжества, якобы защищая православное население от мусульман, затем, естественно, пришла очередь «освободить» Сербию.

Однако, **для мирового центра «внешников» это было только полдела**, поскольку российская армия состояла из русских рекрутов и после чисто военных побед над турками «вычищать» из сербов *неугодников* ни при каких условиях не стала бы. Зато этим с удовольствием занялись бы немцы. Поэтому немецкий генералитет и разыгрывает в Дунайских княжествах комедию войны (при этом еще подставляя русских рекрутов). Находящийся под откровенным управлением англичан султан просит защиты у Австрии, тоже ломающей комедию дипломатического противостояния России, и для защиты от нее и «ради мира во всем мире» **просит** ввести австрийские войска в Болгарию, Сербию, Албанию, Валахию и Молдавию.

И христиане-австрийцы свои войска вводят. Только **почему-то** проявляют неслыханную жестокость к *охраняемому* от русских *христианскому* населению:

В Бухаресте один австрийский поручик, идя со своей ротой по улице, ударом сабли отрубил у валахского мужика руку за то, что он не довольно скоро своротил с дороги. Другой офицер, квартировавший у одного кушца, потребовал, чтобы в отведенную ему комнату поставлена была шифоньерка; и когда валах объявил ему, что не знает что это за мебель, то австриец проколол ему саблею живот... Подобные неслыханные дерзости (бытовавший в те времена эвфемизм убийства. — А. М.) возобновлялись безнаказанно **каждый день**. «Защитники» не просто убивали, но перед убийством еще и измывались.

Палаузов С. Н. Румынские господарства. СПб., 1859. С. 259

(Цит. по кн.: Тарле Е. В. Крымская война)

Поведение странное лишь на первый взгляд, но вполне закономерное, если различать все три мировых психологических центра.

Итак, донныне считается, что Дунайская кампания 1853 года никому никакой выгоды не принесла. Это не так. «Внешники» войну начали — они и выгадали: «внутреннические» союзники Англия и Франция разорены, в России уничтожены в боях тысячи рекрутских солдат.

Да, Дунайская кампания для *России и русских* была бедственна биологически и материально — но не бесполезна с точки зрения духа. *Неугодники*, которые позволяют себе действовать по указке «внешников», — еще *дети*. Им расти надо — и мужать. «*Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю*» (Откр. 3:19) — этот принцип в мире действует и будет действовать вплоть до Второго Пришествия Христа.

Да, они, выданные односельчанами, обряженные как Пьеро в тесные мундиры, в «как будто нарочито сделанное изобретение» для лишения обряженного способности защищаться, с ненужным тяжеленным тесаком, всю жизнь приучаемые к кордебалету, — не могли не быть объектом тайного веселья. Это в одном из противостоящих лагерей. А в другом — сострадания.

И в крови и боли приходило постепенно понимание: что их начальники — «из *ихних*».

Познание следствий из *теории стаи* — составная часть познания Слова вообще.

Ту же задачу потомкам духовно подросших *детей* приходилось решать уже через несколько поколений — в 41-м. Не думающие и не желающие *понимать* гибли. А об Истине хотя бы догадывающиеся в тех же страшных условиях выживали и побеждали — прежде всего, самих себя.

Глава пятидесятая

ТАК РАДИ ЧЕГО НА САМОМ ДЕЛЕ РИСКОВАЛИ ЖИЗНЯМИ ДЕКАБРИСТЫ?

В чем именно заключалась цель общества, *объявленная* всем членам, и *сокровенная*, известная только некоторым?

Генерал-адъютант Бенкендорф, главный следователь, 1826 год

...Казалось мне, что со вступлением его (Николая Павловича, будущего Николая I. — А. М.) на престол множество прусаков вступят в русскую службу и наводнят Россию, которая и без того кажется как бы завоеванной.

Подполковник Г. С. Батеньков, русский, 11 ранений, заключенный, одиночный

ная камера Шлиссельбургской крепости, 22 марта 1826 года, лист уголовного дела — 120-й; главный следователь — генерал-адъютант Бенкендорф, немец, ранений нет.

Исследователи разделяют тексты на:

- источники;
- литературу.

Из того и другого факты извлекать приходится с усилием — из-за извращенности окружающего нас мира вообще, а источников и литературы — как следствие.

Знакомство с текстом даже так называемых документов есть знакомство не столько с *исполнителем*, рука которого этот документ писала, сколько с его вождем.

Впрочем, изредка встречаются и авторы-*неугодники*.

Документы есть то, что читать жаждут лишь немногие; но из них власть имущими в архивы бывает допущена лишь незначительная часть.

Понятно, что способные к власти следят, чтобы к документам были допущены только законченные *исполнители*.

Эти *исполнители* и пишут «литературу» — для остальных *исполнителей*. «...*Чтобы прельстить, если возможно, и избранных*» (Мф. 24:24; Мк. 13:22).

В советскую эпоху, точно так же как и при царизме (оккупации немцами), все читали «литературу». Советскому народу, среди прочего, поясняли, что декабристы боролись с самодержавием и деспотизмом — поди проверь, правда это или нет!

Но вот в период правления над Россией, наверное, первого за последние три столетия достаточно этнически русского правителя — Л. И. Брежнева, при котором сословное начало стало оживать, Академия наук СССР дерзнула выпустить многотомное собрание документов следственной Комиссии, разбиравшей дела о восстании 14 декабря 1825 года. Тираж, разумеется, был ничтожным — 5 200 экземпляров. Его не хватило бы даже на библиотеки Советского Союза. Однако в коллекторах библиотек поступили мудро: комплекты томов разрознивали, и многим библиотекам хоть по одному тому да досталось. И неважно, что их из общего пользования изымали и хоронили в запасниках, — чувствительные к истине руки отыскивали их и там.

Что же с большим для себя интересом могли обнаружить на допросных листах эти странные, рыщущие по запасникам библиотек читатели?

Во-первых, что часть декабристов, этих борцов якобы с самодержавием, страстно желая освободиться любыми путями — убийством

ли, высылкой ли за границу, изоляцией ли внутри страны — от Николая Павловича (будущего Николая I) и ему подобных держиморд-«внешников», **хотели самодержавие сохранить**, посадив на престол императрицу Елизавету Алексеевну. Да, ту самую Елизавету Алексеевну, которая под страхом смерти (врачи-немцы обещали ей выздоровление, лишь если она покинет пределы России) русской земли не оставила — для нее это было худшим из возможных *наказаний*. Ту самую, почти единственную при дворе (не считая мужеподобной великой княгини Екатерины Павловны), которая требовала не сдавать Россию цивилизатору Наполеону.

Во-вторых, читатель допросных листов мог обнаружить, что когда допрашиваемые говорили об установлении «республики», то здесь была заключена явная двусмысленность. «Республика» — это «*власть в интересах народа*». Не в интересах одного только *правлящего класса*, тем более иной, чем сам народ, национальности, но, напротив, — *народа*. Двусмысленность в том, что республика в понимании некоторых декабристов, похоже, могла быть только сословным обществом. Этого *идеологи* советской эпохи, наследственные демократы, понять попросту не могли.

В-третьих, *некоторые* декабристы (скажем, тот же подполковник Батеньков) говорили прямо, что хотят свободы отечеству — от немцев.

Многие декабристы на допросах говорили только о смене формы воцарения верховного правителя; царь, говорили они, не должен наследовать трон, царя надо выбирать волей народа. Следует ли из этого, что декабристы были против сословного для России общества? Что они хотели: отменить сословия, как нас учили *идеологи* советского периода («внутренники»), или, будучи патриотами, сменить кровь (и подсознание!) правящей династии?

В России по закону, установленному, похоже, немцами, воссесть на престоле имел право только тот представитель семьи Романовых, который родился от матери-иноземки, способной к такой противоестественной для здорового человека деятельности, как власть. Этот антирусский (антибиофильный) принцип был, разумеется, завуалирован словами о том, что наследником престола мог стать только отпрыск, рожденный от якобы освященных Богом царских родов: поскольку же в России династия была только одна, то на практике претендентки на материнство следующего наследника российского престола оказывались иностранками — как показывает история, преимущественно немецкой крови. Таким образом, принцип браков с царскими отпрысками на вечные времена закреплял порабощенное состояние русского народа — и управление им ненавидящими его.

Таким образом, **выборность**, о которой декабристы-русские говорили немцам-следователям, на самом деле вела к возможности появ-

ления на российском престоле человека, ненавидящего русский народ не столь сильно.

Выборность — выигрши для России тактический — в условиях оккупации немцами.

Желающие выборности власти могли недоосмысливать истинные мотивы своих желаний или при допросах искажать свои намерения осознанно — главный следователь-то был немцем!

Злить допрашивающего тогда, когда можно не злить, неумно. Христос на допросах порой вообще ничего не отвечал.

Были, конечно, в бригаде следователей и русские, как, например, Сукин, генерал-адъютант, комендант Шлиссельбургской крепости (см. дело подполковника Батенькова, лист 139). Это что ж такое сделали предки тюремного коменданта Сукина, чтобы их окрестили *таким* прозвищем!

Таким образом, при рассмотрении подсознательного смысла движения, названного декабризмом, необходимо учитывать, что люди не называли своих истинных мотивов, скрывая их за рассуждениями о республике, о конституционной монархии, словом, изъяснялись с помощью нейтральных (для чувств немцев-следователей и их царя) понятий. Все понятно. Никакого противоречия немцам-«внешникам» — якобы полная им преданность. Дескать, всего-то навсего блажили желанием иметь представительное собрание. Ничего в этом оскорбительного для властвующих *немцев* или принципа некрофилии нет — **просто** хотелось другую политическую систему... Систему — и ничего больше. И только такие любители порассуждать, как писатель подполковник Г. С. Батеньков, иной раз проговаривались, называя вещи своими именами.

Нерусскость своего подсознания российские цари династии Романовых разоблачали своими эстетическими предпочтениями. Это их «внешничество» и объясняет в истории России много странностей. Вспомнить хотя бы Аустерлицкое сражение, в котором русские пехотинцы, увлеченные потоком бегущих от сверхвождя Наполеона немцев, также побежали. Казалось бы, после этого спровоцированного немцами бегства, после того как немцы бегали целыми армиями во всех остальных европейских сражениях, а русские, напротив, даже перед Наполеоном являли потрясающую современников стойкость, Александр I должен был немцев из руководства армии удалить и усилить его, руководство, русскими типа Кутузова.

Однако произошло все противоположно тому, что подсказывает **логика защиты отечества**. Из генералитета были удалены не немцы, а русские, в том числе и Кутузов. Если бы Александр I Романов был русским, как то внушали с амвонов православных храмов, то его

следовало бы назвать интеллектуальным уродом. Но он был немец и поступил вполне предсказуемо: Александр I поставил во главе армии *хороших*; эстетически же хорошими он воспринимал, кроме Наполеона, только немцев. Что вполне гармонирует с сущностью Александра I как субвождя: Наполеон явно мечтал, чтобы военачальников русской души в России не было.

Наполеонолюба Александра I на престоле сменил палач декабристов Николай I, который тоже современников удивлял. Вот свидетельство удивленного иностранца, Фицрума фон Экштеда:

Если Николаю Павловичу желательно о чем-нибудь внешнеполитическом **секретно** поговорить, то он зовет лично ему очень приятного прусского посла генерала фон Рохова и по душе с ним беседует. А если фон Рохову покажется, что не худо было бы сообщить и маленькому Нессельроде (канцлеру и министру иностранных дел России. — А. М.) кое о чем из царских желаний и намерений, то фон Рохов просит у Николая позволения поговорить с канцлером Российской империи и, если получает на то позволение, то сообщает канцлеру что найдет нужным.

(Цит. по кн.: *Тарле Е. В.* Крымская война. М., 1950. Т. I. С. 77)

Поведение Николая I было бы удивительным — если бы он был *русским* царем, но он был всего-навсего царем *над* русскими.

В определенном смысле, прародитель Гитлера.

Всякий великий полководец должен свою стаю перед броском вперед «накачать» идеологически (если вождь «внешник», то он нанимает *идеологов*) — давным-давно замечено, что деструктурирование сознания какой-нибудь чувшью, в точности как и страх, повышает монолитность и управляемость войск. *Исполнителям* надо под видом доказательства внушить, что народ, который они сейчас будут грабить и подчинять, лучшего не заслуживает, и предстоящее убийство есть веление самой вселенской справедливости. Свое стадо необходимо возбудить *эмоционально (подсознательно)*.

Каким же образом этого добивался Гитлер? Что для *немцев* было эмоционально значимо?

А Гитлер всего лишь сообщал, что русские — это паршивая нация, и доказывал это среди прочего тем, что **в России своей смертью не умирал ни один царь!**

Как это немцев возмущало! Какой злобой и ненавистью к русским наполняло сердца! Убийство *российских* царей они воспринимали как *личное* оскорбление! И готовы были на то, что они вскоре и стали делать, то есть насаживать на штыки младенцев, сжигать се-

ла вместе с жителями, производить медицинские эксперименты по замораживанию живых людей, умерщвлению через откачивание воздуха из барокамер, распятие на кресте и тому подобное.

Если веровать во внушения православной иерархии, что династия Романовых была *русской*, то прилив ярости у немцев, не гнушавшихся, между прочим, при смене вождя убивать должностных лиц, более чем странен. Однако, все становится на свои места, если согласиться с очевидным: в России **порой смели убивать господствующих немцев!** Да кожу содрать с этих русских за это мало!..

У немецких авторов нередко можно встретить слова удивления по поводу обожаемого толпой Николая I — дескать, как **странно**: талантливейшие дипломатические комбинации ему удавались, а вот армию из русских вооружить перед крымской войной не смог. Да и в обучении солдат дал маху: заставлял их с утра до вечера муштроваться, обучая никому не нужным приемам шагистики (вспомним комиссаров-сталинцев в партизанских отрядах!), самый понятный из которых — хождение в геометрически выверенном строю, словом, кордебалет да и только; а вот оружия не дал, да и командиры оказались предателями.

Однако, ни в авторитаризирующей сознание муштре, ни в прочем подобном нет ровным счетом ничего ни удивительного, ни противоречивого — в случае со Сталиным все было в общих чертах так же. Если отчетливо осознавать, что на планете идет борьба между Сверхвождем и вселенским добром, а наиболее зримо это проявляется в противостоянии стаи и *неугодников*, то цель всякого субвождя — низвести психику *неугодника* до уровня психики *исполнителя* (комсомольца, госверующего и т. п.). Путь же достижения этого, кроме собственно убийства, один — авторитаризация (деструктурирование) его мышления искусственными приемами: муштра, завоевательные походы, провоцирование на грабежи, попойки (Николай I, как и Сталин, выдавал водку рядовым — те же гитлеровцы этого не делали).

Великая борьба началась от начала и шла повсеместно. В России для изведения *неугодников* был изобретен простой до гениальности способ: выщепленных соседями *неугодников* отправляли на военную службу. Условия жизни в армии в противоположность тем же европейским армиям были настолько физиологически неестественны, что службу в армии, дававшую приличную пенсию, российские *исполнители* воспринимали как несчастье и всячески от нее отлынивали, выбирать рекruta предоставляли старостам и помещикам — и в армию отсылались *неудобные*. Их муштровали, их спаивали, их отправляли подальше к границам и по возможности подставляли врагу, нередко безоружными.

В сущности, их убивали (во всяком случае, пытались убить) только за психоэнергетические выгоды — от новых территориальных за-

хватов помазанные на царство Романовы больше жрать не начинали. Как жрали в одно горло, а не в три, так и продолжали.

Можно вспомнить ту же Крымскую войну 1853–1856 годов, когда англо-французские войска были вооружены нарезным огнестрельным оружием, а столь любимые графом Игнатьевым (об этом удивительном человеке речь в следующей главе) и графом Львом Толстым русские рекруты — всего лишь гладкоствольным, дальность полета пули из которого была в три раза меньшей. Естественно, что русские солдаты начинали гибнуть еще задолго до того, как их пули могли «достать» цивилизаторов.

О «странностях» русско-японской войны 1904–1905 годов (без пулеметов, без орудий, без снарядов, но с немецким генералитетом) уже говорилось.

В 41-м году — все то же. «Странные» приказы разминировать мосты, атаковать окопавшихся на высотах немцев в полный рост с одной винтовкой на троих, и так далее.

Словом, поведение Романовых узнаваемо — оно всего лишь типично «внешническое».

Если вещи называть своими именами, в частности, немцев — немцами, а не эвенками, не башкирами и не русскими, а именно немцами, то от схемы: *цари русские, просто часто ошибались*, — можно легко освободиться. И тогда выясняется, что **никаких ошибок вожди не совершали**. Они поступали вполне целостно и **закономерно**. Они прежде всего пытались уничтожить *неугодников*, а территориальные и материальные приобретения — дело пятое, можно обойтись и без них, как в 1853–1856 годах.

Декабристы, часть которых, видимо, могла бы быть принята в партизанский отряд Батеньки, — правда с испытательным сроком, — попытались это положение исправить.

Глава пятьдесят первая

ТАК ЛИ УЖ ПЛОХА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ *ТЕОРИИ СТАИ* ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ? УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА ГРАФА ИГНАТЬЕВА

Регрессом или *прогрессом* какого из трех начал было свержение в России царского режима, о сохранении которого заботилась мыслящая часть декабристов? В чем психологическая сущность установления в России так называемого «социалистического строя»? Бедствием ли для России обернулась, в конечном счете, Октябрьская революция, как утверждали эмигрировавшие «внешники»-аристократы и торгов-

цы-«внутренники», или — прорывом к *экономическому* благополучию, как то 70 лет утверждали коммунисты?

Было ли уничтожение царского общества для России благом или злом?

Перестала ли Россия быть *Россией* с приходом к власти новых волн все тех же некрофилов, но уже безродных? Или стала *Россией* в еще большей степени?

Вопрос вполне конкретный, определявший дальнейшие поступки человека, и отвечать на него приходилось в 1918–1920 годах очень многим, решая: оставаться ли им под властью неизвестных им большевиков или бежать, а если бежать, то куда: в Америку, Германию, Сербию, Францию?

На этот вопрос пришлось для себя отвечать графу Игнатьеву Алексею Алексеевичу, кавалергарду (соединение элитарное даже среди гвардейцев — для охраны Ее Императорского Величества; требования к кавалергарду: знатность, образованность, наличие состояния *для содержания солдат своего полка* (!), крупная статья и физическая сила) и образованнейшему человеку — офицеру генштаба времен Николая II. Этот перешедший на сторону большевиков граф, получивший у них подтверждение своего генеральского чина, оставил после себя толстенную книгу воспоминаний — бесценнейший документ души человека (*Игнатьев А. А. «Пятьдесят лет в строю»* — первое издание вышло в 1940 году; приведенная ниже цитата — по 150-тысячному изданию 1986 года).

Граф Игнатьев, хотя ему временами и казалось, что он в состоянии себя объяснить, был, однако, достаточно мудр, чтобы в последней главе (в которой он описывает, как после десятилетних усилий получил **высочайшую награду — право вновь вернуться в Россию** — большевистскую) написать следующие строки:

Не берусь судить (!), в силу каких причин русская земля мне всегда казалась легче французской, почему-то по ней легче было ходить. И как-то необычайно легко дышалось в этот приезд в Москве, и встречные люди казались как-то по-новому любезными.

Эти две на первый взгляд случайные фразы об исключительно *ощущениях* многое открывают нам о душе графа Игнатьева — *русско-го*. С одной стороны, этот красивый человек жил, как и все другие, прежде всего *чувством* — и был достаточно умен, чтобы это признать; кроме того, не стеснялся, что его чувства не совпадают с ощущениями многих окружающих его людей. С другой стороны, человек, пол-

ностью лишенный критического мышления, не смог бы написать «не берусь судить, в силу каких причин» — а повторил бы что-нибудь шаблонное от *«идеологов»*: дескать, потому легко дышится, что на *родине* оказался, родился здесь, да и березки белые тут растут — их-де во Франции нет. Но кавалергард граф Игнатьев *понимал, что легко дышится в России не потому, что он здесь родился, и не потому, что здесь неповторимый, иной, нежели в других частях света, ландшафт, и не потому, что есть специфические растения.*

Если бы он мог эти шаблонные мысли допустить, он бы их записал. Тем более, что они были восточнее разработаны *идеологами* советского периода, которые и цензурировали русского графа.

Но не написал.

Потому что причина легкого дыхания была иная — *ничто*, а вот что именно, граф Алексей Игнатьев выразить не мог. Он просто *чувствовал*.

Ничто.

И этим наслаждался. Хотя обладание этим ничто стоило ему всего его состояния.

Это *ничто* осмыслить желательно — ибо всякое понимание прекрасно.

Отчетливей всего человек постигается через:

— эстетические предпочтения;

— притягивающиеся к нему события жизни.

Граф Игнатьев был при армии смолоду. Начало карьеры было суровым: его отец-чиновник, посчитав, что его крупный старший сын чрезмерно плаксив, поэтому для становления характера, еще ребенком, отдал его в кадетское училище в Киеве. Затем Алексей для продолжения обучения был переведен в элитный Пажеский Его Императорского Величества корпус, после которого, получив кроме прекрасного для его возраста образования еще и офицерское звание, занялся обучением *солдат* (всеобщая воинская повинность была еще впереди, соответственно, солдаты были почти как рекруты 1812 года) — и **общение с ними Алексею Игнатьеву, как и Льву Николаевичу, нравилось.**

Граф Игнатьев образование решил продолжить — в Академии Генерального штаба.

Академия Генерального штаба во времена Николая II была противоположностью Академии генерального штаба советско-сталинского периода.

Противоположность ее заключалась в том, что в Академию принимали отнюдь не подхалимов.

Если по порядкам, установленным еще Сталиным — и до сих пор не измененным, — чтобы попасть в Академию Генштаба, необходимо одно: *желание вышестоящего начальника*, зафиксированное в рекомендации, — иными словами, этой авторитарной скотине нужно было показаться *хорошим*, перед ним выслужиться и, в конечном счете, вылизать ему ... в той мере и с той страстностью, с которой требуется, — то во времена графа Игнатьева в Академию Генерального штаба мог поступать *любой* офицер — хоть корнет, — и зачислялся он по результатам честной *интеллектуальной* борьбы — на многочисленных экзаменах, включавших такие экзотичные предметы, как астрономия и геология. Набравший наивысший балл получал право несколько лет работать над собой с помощью книг.

Таким образом, если в сталинской армии попавший в Академию Генштаба был, как правило, законченным карьеристом (скажем, прославленный маршал Жуков написал три варианта воспоминаний, содержание которых было скандально разным и определялось тем, какой в то время был у власти правитель — Сталин, Хрущев или Брежнев), то попавший в царскую Академию (за исключением периода Николая I) был, напротив, — искателем познания.

Как следствие, генштабист советского образца не вызывал никакой неприязни у нижестоящих офицеров-пропойц и комиссаров-предателей, — он был *свой*, хотя и вызывал некоторую зависть; а вот генштабистам времен Николая II, несмотря на часто очень незначительные звания (по окончании Академии Генштаба присваивалось всего только *одно* внеочередное звание), завидовали люто, но главное, — многие из них офицерам-солдафонам были *чужие*.

Действительно, тип офицера-помещика, с наслаждением получившего домашнее образование по всем сохранившимся шедеврам античной книжной науки, к концу XIX века давно канул в Лету. Разночинный же по происхождению офицерский корпус, во главе которого сплошной стеной стояли немцы, — они же его и пронизывали, — по своей психологии был прост. Когда в период Первой мировой войны граф Игнатьев во Франции вел расследование инцидента в русском экспедиционном полку, в котором солдаты убили офицеров, укравших их жалование и пропивших его по публичным домам Марсея, в этом происшествии не было ничего удивительного — нажраться до поросычьего визга в онемеченном («внешническом», гитлеровском, сталинском) офицерском корпусе времен династии Романовых тоже считалось доблестью.

Итак, почитавшее за верх прекрасного пребывание в собственной блевотине офицерство психологически противоположных ему генштабистов-интеллектуалов, по несколько лет готовившихся *самостоя-*

тельно (!) по книгам (во!), чтобы поступить в Академию и *учиться*, — *ненавидело*.

Граф Игнатьев, который *по академическим результатам* закончил Академию Генштаба *первым*, «внешническому» офицерскому корпусу отчетливо предпочитал рядовых.

Но не всяких. А только тех из них, которых, как утверждает граф Игнатьев в своей книге, невозможно найти более нигде на свете.

Поясним.

На графа Игнатьева, в ту пору штабс-капитана, сильно повлияла русско-японская война в Манчжурии 1904–1905 гг. — *проигранная*.

Сражения происходили по большей части в горах или так называемых сопках, по которым русским артиллеристам практически невозможно было перемещать тяжелые полевые *неразборные* орудия-трехдюймовки. У японцев же на вооружении были *разборные* горные орудия, которые перевозились ими во вьюках. Неравенство очевидное, лишавшее русских солдат огневой поддержки.

Пулеметов у российских войск на несколько сот тысяч пехотинцев и кавалеристов приходилось с полсотни, не более, а вот у японцев их было, похоже, несчетное число.

У русских были одни только шрапнельные снаряды, при разрыве дававшие множество маленьких пулек, и достаточно было японцу спрятаться в дрянной рассыпающейся глинобитной фанзе, как он становился на поле боя для артиллерии практически неуязвимым. В отличие от русского солдата, которого обстреливали бризантными снарядами.

Кто виноват во всем этом, как не *высшее* — известной национальности — руководство?

Да, действительно, высшее руководство состояло из генералов-немцев — не только педантичных, но и очень спокойных. Спокойствие их заметнее всего было во время убийства русских пехотинцев в соседней части — генералы-немцы на помощь, поперек азам военной науки, не приходили. После разгрома соседей начинали убивать и их подчиненных тоже — и тоже при полном спокойствии генералитета. Немцы в штабах оставались живы-здоровы, ежемесячно получали положенное им жалование, услаждались наградами от своего единоплеменника-царя, обильно ели и педантично посещали отхожее место.

Явное предательство немцев замечали все, но когда главнокомандующий Куропаткин послал телеграмму императору Николаю II с просьбой (!) заменить навязанных двором немцев, обычно бесхарактерный Колька-Миколька (так помазанника православной церкви звали в Москве уже в 1904 году) проявил твердость, ему обычно не свойственную, — и распорядился немцев при командных должностях оставить. (И все это еще *до* появления при дворе германофила Гриш-

ки Распутина! Что может русский главнокомандующий, профессор Академии, против немца или конокрада-германофила? «Внутренничество» охватило Кольку-Микольку позднее — видимо, тактическое — в противовес сладкой парочке Гришки и Александры Федоровны.)

Штабс-капитан граф Алексей Игнатьев, русский, с горечью наблюдал, как с позиций в панике бежали целыми полками, — такого в истории русской армии со времен Аустерлица не было! — и тоже объяснял происходящее *только* «странным» командованием.

Но граф Игнатьев, оскорблявшийся бегством русских полков (кроме сибиряков), — бегство само по себе приводило к излишним потерям в живой силе, — не учел, что и рядовой солдат был не тот, что прежде.

Дело в том, что перед русско-японской войной был изменен порядок набора в армию! Была введена всеобщая воинская повинность! Впервые в истории России.

Вместо *неугодников* под ружьем оказалась толпа. Кроме того, помимо *толпы* русских в армии оказалась еще и *толпа* инородцев.

Для Игнатьева, как и для всех логически не осмысливающих сущность происходящего на планете, — по бумагам русский он и есть русский — следовательно, как и в 1812 году, способный проявлять героическую стойкость.

Но русские разные.

Есть *исполнители*, а есть *неугодники*.

Только *неугодники* способны действовать так, что Наполеон погружался в трудности с мочеиспусканием, а у враз поседевшего Гитлера начинали трястись руки и ноги. А вот *исполнители*, отцы будущих комсомольцев, полками бегали с позиций с воплями о наступлении *японской кавалерии* — хотя у японцев кавалерийских частей вообще не было.

Однако граф Игнатьев в *теории стаи* недоразобрался: **для него существовал только русский солдат его первой молодости** — времен рекрутских наборов. Только такого русского солдата Игнатьев знал досконально, его застал до поступления в Академию, о нем же он читал у Толстого в «Войне и мире» и в «Севастопольских рассказах», и его, солдата-рекрута (и, видимо, Льва Толстого), любил.

Естественно, раз он не мог не любить их общества, то, следовательно, не мог не любить и территории, их притягивающей.

Что это именно так, показали дальнейшие события жизни графа Игнатьева. **Выбирая между обществом *неугодников* и обществом ужирающегося водкой на ворованные деньги, а впоследствии ушедшего в эмиграцию офицера и немецкого генералитета, граф Игнатьев предпочел Россию.**

Предпочтение это стоило графу Игнатьеву всего его состояния.

Вот как это было.

После далеко не самого позорного мира с выдохшимися и обескровленными японцами граф Игнатьев был переведен на дипломатическую работу военным атташе (дипломатический представитель, занимающийся еще и военными вопросами, в том числе и закупками вооружений, оборудования и материалов) или, как тогда говорили, военным агентом. Начал работать в странах, по тем временам предельно захолустных, — скандинавских, а за несколько лет до начала Первой мировой войны был переведен военным атташе Российской империи во Францию. Началась четырехлетняя Мировая война. Потом грянули российские революции. Фамильные поместья были, естественно, конфискованы. Жалование Игнатьеву — к тому времени уже генералу — платить перестали. Пришлось ограничивать себя в средствах, жить впроголодь, — *и это при том, что на руках его оставались колоссальные казенные средства, сотни миллионов золотых франков!*

Во Франции, где под видом служения Родине в разного рода государственных комиссиях спасались от фронта сынки и родственники многих влиятельных лиц распутинско-миколькиной субстаи, казенные суммы были в ведении многих. В конечном счете, все эти суммы перекочевали в карманы за них ответственных персон — благо поводы к оправданию хищений придумать было не сложно: ликвидация выдававшего жалование царя-батюшки, претензии на компенсацию за конфискованные имения, «справедливая» доплата за услуги в ничем не занимающихся комиссиях, — словом, один к одному рассуждения Иуды-предателя — хранителя денежного ящика со средствами, пожертвованными Христу и Его ученикам на проповедь Евангелия, — Иуды, о котором в Евангелии так и написано — *вор* (Иоан. 12:6).

Граф же Игнатьев поступил довольно странно, а для офицеров из комиссий и вовсе «неудобно»: несмотря на подступившую бедность, к казенным суммам он не притронулся, более того, тщательно их от притязаний различных лиц охранял, да еще периодически напоминал новому российско-большевистскому правительству о существовании этих денег. Однако, этим многочисленным напоминаниям не верили — как это может быть: классовый враг и вдруг рвется в социалистическое государство? — и графу Игнатьеву даже не отвечали.

Разум ли, дух ли, или то и другое одновременно подвигли графа Игнатьева к биофильному решению, которое обеспечивало его материально в течение нескольких лет, прежде чем он был вновь принят на российскую дипломатическую службу. Решение было изящнейшее. Непосредственно перед окончательным поражением немцев в 1918 году — а именно тогда, когда *немцы* предприняли последнее

свое наступление, и притом мощное — граф Игнатъев продал немногочисленные драгоценности своей второй безродной жены (в момент *немецкого* наступления драгоценности, естественно, в цене поднялись) и на полученные деньги приобрел дом в Сен-Жермене, предместье Парижа, которое подвергалось немецким бомбардировкам, и где дома, подвергавшиеся риску разрушения или же захвата немцами, продавались срочно и за бесценок.

Более выгодного момента — а ненавистных офицеров генштаба армейские офицеры-пропойцы обзывали «моментами» за их утверждение, что на все есть *свой момент*, — подобрать было невозможно: буквально через несколько дней соотношение цен на дома и драгоценности резко качнулось в противоположную сторону.

Приобретенный дом был необычный: одной стены в нем не было, ее заменяла скала. Каждый этаж состоял только из двух-трех комнат — просторных — зато таких этажей было где три, где четыре. Этот необычный дом, как впоследствии выяснилось, построил в конце XVII века для своего верного человека бежавший из Англии король Иаков — ему было что прятать. Дом был построен над обширнейшими подвалами, их соединяли переходы, вся эта система заканчивалась подземным залом с нишами, к появлению графа уже вскрытыми, хотя некоторые ходы еще оставались по-прежнему замурованными.

Силач граф Игнатъев, умевший ценить то особенно легкое состояние души и раскованности ума, которое возможно только внутри метанации, и любивший общество безродных *неугодников*, совершенно закономерно не стал заниматься кладоискательством, а взял в руки лопату и, самолично впрягшись в тачку, обустроил подземную плантацию шампиньонов.

(Вообще говоря, читая различные мемуары, невольно обращаешь внимание, что те выходцы из знатных семейств, которые, невзирая на Советскую власть, предпочли остаться в России, — иными словами, остаться с *неугодниками*, — в трудные годы гражданской войны при материальных затруднениях выбирали занятия ремеслом или сельским хозяйством [подобно графу Льву Толстому — водоносу, козцу и сапожнику], а вот разворовавшие казенные средства эмигранты, впоследствии оказавшиеся на стороне Гитлера, выбирали занятия торговых посредников, шоферов такси, вообще прислуги [тот же глава Временного правительства адвокат и демократ Керенский, тайно бежавший из Зимнего дворца, служил лакеем-лифтером, а закончил жизнь в Америке], а их родовитые женщины с ужимками страдалиц уходили на панели в проститутки. Уже из одного этого выбора профессий можно догадаться об *истинной сути* происходивших в России событий при установлении Советской власти — очищения России от многих ярких носителей стайного начала!)

Созидательное крестьянское занятие не было первым *ремеслом* графа Игнатъева — еще в Манчжурии в периоды бездействия японских войск он занимался поварством, в чем, судя по тому, что другие офицеры, оставив офицерскую столовую, перебрались обедать к нему, преуспел.

Наконец, на исходе первого десятилетия Советской власти руководство большевиков смогло заставить себя отреагировать на одного из тех, кто может не украсть тогда, когда за это точно не накажут, — и миллионы золотом от шампиньонщика с мозолистыми руками Алексея Игнатъева приняло. И опять о существовании русского, равше-гося в страну *неугодников*, было забыто. Прошло еще несколько лет, прежде чем Игнатъеву предложили работу в советской зарубежной торговой организации. Затем прошло еще четыре года, и Игнатъеву удалось добиться советского паспорта.

Итак, блестяще образованный человек и ремесленник (знакомые мотивы: вспоминаются Толстой, партизанский отряд Батеньки) граф Игнатъев не скрывал, что мыслит он все-таки, как и свойственно здоровому человеку, не только логически, но еще и образно: русского рекрутского солдата он предпочел дипломированной пьяни в погонах, на языке *теории стаи* — предпочел биофильное начало некрофильному. За что и отдал не только мнимое ощущение безопасности, но и все свое зарубежное имение — удивительный дом и сотни миллионов золотых франков.

Интересно и то, что **граф Игнатъев также почувствовал, что после завершения гражданской войны в России, по сравнению с довоенной (до 1914 года) порой, дышаться стало легче!**

Что с точки зрения *теории стаи* не удивительно: ведь несмотря на то, что к власти вместо ослабевшего Николая II пришли Ильич и Троцкий, на выступлениях которых толпы буквально сходили с ума, а затем сын бескорыстной («внешница») шлюхи из Гори, — **несмотря на все это, психоэнергетически Россия, как это ни покажется на первый взгляд странным, стала более биофильной!**

В самом деле, из кого состояла так называемая «первая волна» (1918-й и далее) эмиграции? Пусть дипломированная, пусть увешанная орденами и обогащенная денежными наградами, пусть государственно-набожная и родовитая — все это в некрофилогенной культуре выдается за ценности, — но — никуда не денешься, — волна состояла из проститутки, пьяни и потомственных в десятках поколений священников, «авторитетов» в искусстве, суверенитической науке, — словом, *угодников-некрофилов*.

Это были не только немцы-«внешники», подставлявшие русских под уничтожение не только в 1853 или 1904 годах, не только власть предрержащее дворянство, но и сотни тысяч «внутренников» — купцов и богатых евреев (адвокатов, журналистов и тех же купцов).

А вот *неугодники* — смысл и сущность России — остались на **Родине** или из эмиграции возвратились.

Это выясняется при любом подходе. Исторический подход: оказавшиеся за рубежом «простые» домой вернулись. За исключением разве что казаков, которые остались прислуживать лакеями у князей. Да, история свидетельствует, что «простые», из кого набирались рекруты, не эмигрировали, а если и были вывезены в составе экспедиционного корпуса (многих из них «свободолюбивые» французы отправили в Африку на каторгу за желание вернуться в Россию), все равно даже через черный континент вернулись к *своим*. Психологический подход: Гитлер, не встретивший в Европе серьезного духовного противостояния, поседел, не повоевав в России даже полугода.

Так что после событий 1910–1920-х годов, несмотря на «ужасы», разрушившие благополучие крысиной стаи, духовная атмосфера в России стала более биофильной. Это распознается не только по *положительным* ощущениям одних (скажем, «странного» графа Игнатьева, не нарушавшего заповеди «не кради»), но и по *отрицательным* ощущениям ему противоположных.

Например, будущему *изобретателю телевидения* (а подробно о телевидении как мощнейшем унификаторе элементов *всепланетной* стаи распространяться, очевидно, нужды нет) Владимиру Козьмичу Зворыкину в 1919 году, *когда еще ничего не было понятно относительно будущего России* (ведь гражданская война еще не кончилась, а голодали даже во Франции), *стало нестерпимо плохо*. О своем ухудшающемся душевном состоянии он писал в сохранившемся дневнике (см. в: Американец с русским акцентом. Из воспоминаний „отца телевидения“ В. К. Зворыкина // Сб. «Неизвестная Россия». Т. 4. М.: Издательство объединения «Мосгорархив», 1993). Зворыкину, *сыну процветающего купца* из Мурома, стало настолько плохо, что он не просто уехал в Америку, но самозабвенно был ее сущности предан, — день и ночь работая над созданием электронного всепланетного унификатора *исполнителей*; и *от ощущения, что он делает то, что «надо», ему было хорошо*.

Интересно, что Конгресс русских американцев, объединяющий выходцев из России, в 1978 году удостоил В. К. Зворыкина «чести» быть внесенным под первым номером в Русско-американскую палату славы (*там же*, с. 27). Вот ведь: *сами дают показания*, разоблачают сущность русской эмиграции, — никто их, как говорится, за язык не тянул...

Интересно также и то, что детище наследственного «внутренника» Зворыкина в виде Останкинской телебашни приняло в России название символа предательства Отечественной войны 1812 года — села Останкино, — причем предательства сверхвождю не какому-нибудь,

а именно «внутренническому», — и это детище стало с захватом власти в России «внутренниками» настолько откровенно, что вынудило к возникновению движения за... автономию русских в России. Не удивительно: разоблачающее переплетение подобного с подобным многоуровнево!

Таким образом, на единственно достоверном уровне — ассоциативно-эстетическом — совершенно целостно выясняется, что *обе революции 1917 года и последовавшая за ними гражданская война*, взбудоражившие Российскую империю, *были ступенями в некрофильно-биофильной поляризации нашей планеты*. Гражданская война и антидемократическая революция октября 1917 года расслоили население России, выбросив часть ярких «внешников» и ярчайших «внутренников» за пределы **Родины**, тем увеличив в России концентрацию биофильного (*неугоднического*) элемента.

Это — исторический факт.

И чтобы понять смысл происходящего в России в последние столетия, размышлять можно, только осмысливая направленность изменения духа населения той или иной территории на нашей трехцентральной планете...

Так уж не святой ли умывшийся в крови Ульянов-Ленин?

Не апостол ли? Не благодетель ли?

Ведь благодаря отчасти ему множество воров, грабителей, авторитетов и проституток ушли за пределы России, сохранив в ней *неугодников*? Но с другой стороны — другие — ярчайшие! — ворвались во власть, а также был уничтожен принцип монархии (оправдание: это был не русский царь и генералитет), казнен Николай II — царь, разыгравший сложную комбинацию с «внутренническими» Англией и Америкой и «внешнической» Германией, в результате которой должны были быть повыбиты русские *неугодники*...

Нет, Ленин не святой.

Социалистическую революцию Бог допустил, — да-да, именно так! — ибо только она, к сожалению, была величайшим благом для России, **Родины**, *неугодников*. «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Мф. 18:7).

Социалистическая теория, не понимаемая никем и потому соединявшая противоположные психологические движения, оказалась великим благом, потому что, победы одни только «внешники», — немцы-некрофилы бы остались (скажем, в 1940 году, в разгар сталинских репрессий далеко не все немцы с присоединенных к СССР территорий воспользовались предоставленной им пактом Риббентропа-

Молотова возможностью переехать в Германию; но они или их потомки стали дружно выезжать, когда к власти пришел «внутренник» — будущий лауреат Нобелевской премии мира Горбачев); а победы демократия, несущая баснословные состояния любому виду жулья, — и остались бы евреи...

Поэтому Октябрьская революция, хотя и добила и без того уже практически распавшееся при Николае II сословное общество, но:

— существенно повысила уровень некрофилии в странах, где осели эмигранты;

— в России с выездом ярких некрофилов уровень биофильности в целом повысился, хотя подмявшая под себя толпу правящая верхушка по сравнению с дореволюционной сословной элитой стала существенно более кровавой и омерзительной.

Глава пятьдесят вторая

СОКРОВЕННЫЙ СМЫСЛ РАЗВИТИЯ РОССИИ В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО СОТ ЛЕТ

Вырисовывается следующий сокровенный путь России и русских как метанадии в последние примерно триста лет.

В России в системе власти к XVIII веку сформировалась ситуация, в истории не новая. Нечто похожее произошло при формировании Хазарского каганата.

Каганат начинался с воспетой поэтами, любимцами толпы, страстной любви. Отпрыски семейств хазарской знати страстно влюблялись в евреек (*следовательно*, дамы были ярко некрофильны, во всяком случае ярче, чем хазарки, и своих будущих мужей втайне презирали и ненавидели), женились на них, затем, естественно, рождались дети, которые, возможно, были иногда похожи на номинальных отцов внешне, но по духу, естественно, были «внутренниками»; хазарской толпой воспринимались по номинальному отцу — хазарами. Мальчикам, рожденным в этих браках, естественно, нравились *еврейки*, они были обречены жениться только на них, рождались дети, те влюблялись, естественно, не случайным образом, и так далее. Словом, через несколько поколений в низовьях Волги воспроизвелся все тот же Карфаген: правящей элитой были одни только «внутренники», в данном случае евреи, а коренное хазарское население впадо в нищету и рабство. Яркие «внешники» — потомки древних хазар, не смешавшихся с евреями-«внутренниками», — из каганата вышли, отошли западнее, назвались «бродниками», приняли в IX веке право-

славие, за несколько сот лет вобрали в себя психологически близких к ним выходцев из самых разных народов, переняли от Черниговского княжества русский язык, и ныне называются донскими казаками (см. в кн.: *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М.: Мысль, 1993. С. 213).

Нечто похожее произошло и в России. Только Петр I из-под другого садо-мазохиста вынул не еврейку, а немку, причем такую, в которую *страстно влюблялись все*. История сохранила и такую вполне закономерную деталь: совокуплялась она, не чувствуя различия, со многими. Своей страстной любовью германо- и протитутуофил Петр I, не гнушавшийся педерастии, и положил начало онемечиванию верхушки российской правящей иерархии — и без того «внешнической». Естественно, что его потомки (фактические или номинальные — неважно) хотели в жены непременно «мать» — мать же была немкой, что со временем и привело к полной потере и следов русской крови в представителях династии Романовых (все это без учета валабиянства — а ведь эти выросшие среди немцев и родившиеся от немцев немки в вопросах воспроизводства должны были предпочитать немца, пусть даже конюха!).

Дело ставилось солидно. На века. Подправленная Петром I православная церковь — в прежние времена запятнавшая себя духовными прелюбодеяниями с захватчиками — с курением ладана и фимиама воспевала немцев как русских. Более того, сообщалось, что на *это* воля Божья, а скоты на престоле — самые Божьи из всех Божьих людей, надо за них всем миром молиться.

И народ *«стоял и смотрел»*.

Опасность для Романовых и немецкого генералитета исходила в России не от «внешников» любого рода, но от «внутренников» и *неугодников*. «Внутренников» ограничивали в том смысле, что, хотя внутри своей субстаи они могли составлять идеальную иерархию, но ее как целое ни к административной, ни к военной, ни к полицейской власти не допускали. *Неугодников* же выщеживали в рекруты, высылали на границы, подчас, как и неблагонадежных 41-го, безоружными, и пытались их там тем или иным способом уничтожить — тем поддерживая в России благополучие крысиной стаи.

Эта политика «внешников» продолжалась из десятилетия в десятилетие — *отсюда и такое количество войн при миролюбивом характере русских вообще!* — однако дело уничтожения *неугодников* доведено до конца не было — неугодные вымирать упорно не хотели, в лучшем случае уходили за Волгу или в Сибирь.

Свидетельства сохранения *неугодников*: паранойяльный бред Наполеона, восстание декабристов (явно не «внутренников»), превращение Гитлера в развалину всего за несколько месяцев...

На смену сославшему декабристов Николаю I пришел Александр II, такой же «внешник», ему на смену — Александр III, тоже такой же, — Россия все расширялась, якобы в интересах веры и отечества.

Но на рубеже XX столетия для «внешников» произошло несчастье. Николай II, хотя в выборе жены от предков не отличался — как и положено Романову, он страстно влюбился в немку, поражавшую даже некрофильский петербургский свет своими злобно поджатыми губами, — однако, по силе некрополя напоминал скорее пехотного офицера (об этом сохранились мемуары), да и стал заглядываться, возможно в пику супруге, в сторону «внутренников» — тем расшатывая правящее положение «внешников». Подобные «заглядывания» на российском престоле не новость — такой урод-параноик, как Иван Грозный, хотел даже эмигрировать в Англию.

Но, как бы то ни было, субвождь Николай II совершил величайшее преступление против «внешников» — завел демократию торгового пошиба, перешел ко всеобщей воинской повинности (побочный эффект: перестал изничтожать склонных к *неугодничеству*), а в 1914-м даже посмел объявить войну Германии, стал слать колоссальные деньги в Америку (в ущерб России отправил три тысячи лучших русских инженеров в Америку для организации там военной промышленности), — словом, оказался *не тот*.

Недовольны оказались многие — и «внутренники», и «внешники».

«Внешникам» (типа «обрусевших» немцев, которые на потеху людям мыслящим из Гансов Вильгельмовичей переименовывались в Иванов Васильевичей) нововведения понравиться не могли; «внутренникам» же не нравилось, что реформы идут слишком медленно. Все бы ничего, но у Николая II, любящего порассуждать, не было вождистских качеств, за что его как монарха не могли не покарать — *смертью*.

«Внутренники», разумеется, рвали одеяло зубами в свою сторону — в этом смысл Февральской революции, во главе поставили «адвокатов», которые и объявили, что война с Германией будет идти, естественно, до победного конца: «внутренники» немецкие «внешнические» порядки на дух не переносят. В хаосе перестройки конца 1916-го — начала 1917-го в тылу и столицах стали побеждать «внутренники», и эта их временная победа естественна: «внешников» по-выбивало на фронтах Первой мировой войны, недобитые сидели в окопах.

Стало очевидно, что для победы «внешников» надо вынуть их из окопов. И вот в запломбированном *немцами* вагоне (а сейчас уже никто не сомневается в истинности слухов о немецком золоте) в Россию приезжает яркий вождь Ленин — фронт рухнул, солдаты рину-

лись в столицы. Немцы стали занимать большие территории, «внутренническое» правительство адвоката-«внутренника» Керенского было арестовано.

Потом — Вторая мировая война, «внешники» были перебиты, и когда культ фронтовиков, обеспечивающий им власть, выдохся в связи с одряхлением последних представителей, началась та вакханалия «внутренничества», которую не без основания называют демократией.

Демократы, однако, наворовав, из не нравящейся им России постепенно стекают в страны «устоявшейся демократии», тем увеличивая долю «внешников» в населении России...

Но есть и третья сила — *неугодники*. Тот, против Кого «внешники» и «внутренники» пытаются играть, все равно переигрывал их на несколько ходов.

Ибо должно при противокачаниях маятника «„внешники“ — „внутренники“» возрастать *метаназии* — притягивающей к себе существенную часть народа Божия со всей земли...

Именно в формировании русского народа как *метаназии* и заключена сокровенная суть бурных событий, происходящих в России. Одни должны уйти (освободительная борьба сначала против «внешников», а затем и против «внутренников»), а вот *неугодники* должны собираться со всего мира.

Декабризм вбирал в себя вообще недовольных — солью его было освобождение *Родины* от «внешничества».

Но Октябрьская революция была даже большим благом, чем логические мечтания декабристов, потому что вычищала из России многих — и «внешников», и «внутренников».

Ушли Романовы. Ушел немецкий генералитет. Ушли купцы. Ушли боготворившие графиню Софью Андреевну Толстую ее сыновья и многие родственники, «отец телевидения» Зворыкин...

Остались рекруты, граф Игнатъев, граф Толстой — в крови более других похожего на него сына — русские *неугодники*; из разных народов планеты пришли многие, о некоторых из которых речь впереди.

Декабристы все-таки победили — в потомках своих.

И потому трижды прав умница граф Игнатъев — недаром не только окончил Академию Генерального штаба и притом первым по академическим знаниям — который, не удосужившись тратить время на изучение так называемого марксизма-ленинизма, просто посмотрел: *кто оказался где*.

Вчувствовался: *где особенно легко*.

И принял решение.

Отдал все свое во Франции имущество за право оказаться на **Родине**, которая на планете сжимается до размеров России, на **Родине**, смысл которой — не земля, не специфические растения, не колыбельные, но — тот ни с чем не сравнимый дух России, *неугодники*.

Те, кто не подчиняется тайным желаниям вождей.
Свои.

Глава пятьдесят третья

НЕУГОДНИК — С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ БОГОСЛОВИЯ

Люди, по большому счету, выбирают один из двух путей:

— одни после первого воскресения мертвых будут жить вечно;
— другие же после второго воскресения (через тысячу лет после первого), сколотившись в компактную толпу, пойдут на штурм Города Божьего, Нового Иерусалима, *Великого Города*, однако неожиданно, как их и предупреждало подсознание, окрестности *Великого Города* окажутся местом их окончательной гибели — они окажутся в «*озере огненном*» (Откр. 20:15) — это «*смерть вторая*» (Откр. 20:14) или «*вечная погибель*» (2 Фес. 1:9).

«*Ибо возмездие за грех — смерть, а дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе*» (Рим. 6:23).

Эти две категории людей разделяет великий рубеж — **рождение свыше**.

Большинство людей начинали свой жизненный путь из одного состояния — «погибшего» (в терминах *теории стаи* — начали жизнь наследственно абсолютно преданными стае), но кто-то согласился из этого состояния выйти, а другие — в нем остались.

Рождение свыше — это не **покаяние**, как многие полагают.

Покаяние — это только переход из бездумного состояния в состояние размышления: родиться свыше или не родиться. Иными словами, покаяние — лишь *начало духовного пути*.

Между покаянием и рождением свыше простирается **пустыня**.

«Пустыня» — это символ, хотя когда-то ее горячий песок был осязаем.

Попытка преодолеть пустыню описана в библейских книгах — от «Исхода» до «Книги Иисуса Навина».

Евреи-рабы, **в крови которых текла кровь Божьих праведников Авраама, Исаака и Иакова**, за годы египетского рабства (несколько поколений) на логически-цифровом уровне мышления утратили всякое познание о Боге, однако же *услышали* (в особом смысле этого слова) призыв Моисея вновь Бога *познать* — и, несмотр-

ря на бешеное противодействие со стороны иерархии (египтян во главе со строителем гигантских пирамид фараоном), вышли из Египта (символ рабства, в общем смысле — рабства греха) в *пустыню*. Целью их путешествия была так называемая Земля Обетованная, до которой было **всего несколько дней пути**. Если идти по прямой.

Однако вел их Бог туда не по прямой, а, если восстанавливать по Библии их путь, — кругами, и не несколько дней, но **сорок лет!**

И на то были серьезнейшие основания — духовные.

В **покой Земли Обетованной** (Царствие Божие для «родившихся свыше») могли попасть только те из покаявшихся (пожелавших начать знакомиться с Истиной, в том числе и о Боге), которые не только решили окончательно отказаться от греха, — но это решение **проявили в конкретных поступках**. Печально, но из миллионов покаявшихся евреев — рабов фараона в Землю Обетованную вошли всего несколько человек. Остальные, познакомившись в пустыне с характером Бога, предпочли вернуться в Египет садомазохизма.

Между покаянием (исходом из Египта, первым шагом на пути от греха к Богу) и рождением свыше (вхождением в покой Земли Обетованной) были сорок лет пустыни, когда Бог весьма активно себя проявлял, — достаточно вспомнить манну, которая, подчиняясь особому семидневному циклу, ежедневно питала множество людей.

Итак, пустыня — это состояние **выбора**. Только в пустыне принимается **окончательное** решение об обращении к одному из двух духовных полюсов Вселенной. До момента покаяния **самостоятельный** выбор невозможен, человек *водим*¹.

Итак, путь многих (за исключением рожденных от родителей-праведников типа Иосифа и Марии): сначала — пребывание в каком-либо коллективном органе стаи, первый шаг из стаи — покаяние, затем — духовная борьба, терзания выбора (порой продолжительные), и только потом — в зависимости от результата этого выбора — или чудо рождения свыше, или вечная погибель. Разумеется, вечная погибель ожидает также и тех, кто и не пытался через покаяние — шаг необходимый, но недостаточный — из стаи выйти.

Библейская схема последовательности основных событий жизни человека идеальнейшим образом согласуется с *теорией стаи*. Действительно, человек в стае — абсолютный валаби и шимпанзе, в том смысле, что свободой выбора не обладает вовсе; он хотя и ограничен унаследованными и приобретенными невротами, значимость которых

¹ Автор признателен В. Корытину и Е. Рузину, которые познакомили его с идеей несовпадения терминов «покаяние» и «рождение свыше» в приложении к известному библейскому образу пустыни, символизирующему процесс духовного преобразования человека на пути к покою Земли Обетованной.

с возрастом повышается, но руководствуется прежде всего приказами вождя, — включая и невербальные. Особенно в молодости, определяя тем самым всю свою дальнейшую жизнь и судьбу. Именно желаниями вождя (точнее, желаниями того темного противоначала Вселенной, которое вождем-марионеткой руководит) и определяется отношение *исполнителя* к пище, к противоположному полу, к выживанию.

Развитие критического мышления — следствие покаяния; другое дело, что одно только покаяние еще не открывает путь в вечность.

Как это ни парадоксально звучит, но **именно покаявшийся когда-то индивид может особенно умно доказывать, что Бога нет!** Эти доказательства — нечто большее, чем простое озвучивание внушений от учителей.

В этом парадоксе нет ровным счетом ничего удивительного: выбирая, люди строят равновысокие пирамиды противоположных рационализаций.

В результате борьбы в пустыне с собственным естеством покаянные порождают две категории людей — одни *окончательно* выбирают (сами!) сторону сатаны, а другие — Бога.

О первых в Библии говорится, что их уже невозможно привести не только к рождению свыше, но и к покаянию:

Ибо невозможно — однажды просвещенных, и вкусивших дара небесного, и соделавшихся причастниками Духа Святого, и вкусивших благого глагола Божия и сил будущего века, и отпадших, опять обновлять покаянием...

(Евр. 6:4–6)

Вторые — это те, которые в терминах *теории стаи*, как и в Библии, называются *апостолами*.

В таком случае, кто же *неугодники*?

Неугодники — это понятие более широкое, чем *апостолы*. Оно включает в себя как всех уже рожденных свыше (*апостолов*), так и *тех покаявшихся*, кто к этому рождению свыше еще только подступает. *Неугодники* — это *не все* покаявшиеся, но только те из них, которые в данный рассматриваемый момент движутся прочь от стаи (впоследствии могут и поменять свое мнение, в отличие от *апостолов*, окончательно избравших сторону Бога). Это движение прочь от стаи проявляется в определенном рода поступках.

Таким образом, термин «*неугодник*» обозначает особую категорию людей (часть покаявшихся и все рожденные свыше), которой в письменной культуре обозначения нет — поэтому введение нового термина оправдано.

Для кого-то может показаться странным, что в рамках *теории стаи* апостолы могли в 41-м оказаться в партизанской группе где-нибудь в Брянских лесах. Кому-то, видимо, непривычно представить себе апостола Петра, досылающего патрон в противотанковое ружье и целящегося в намалеванную свастику на проходящей железнодорожной цистерне с горючим. Или апостола Варфоломея с трехлинейкой в руках, отстреливающего пальцы какому-нибудь развлекающемуся стрельбой по детям гитлеровцу. Или апостола Иоанна Богослова, швыряющего гранату в окно православному попу, засасывающему поллитру перед тем как благословить казаков на бой со спонтанными партизанами **первого этапа войны...**

Между тем, странного в этом ровным счетом ничего нет. Апостолы — не дешевые пацифисты. Точно так же, как и не дешевые патриоты.

Дешевый пацифизм — антибиблейский богохульный лозунг о невойне в любых условиях. Дешевый пацифизм на самом деле — это всего лишь законченное «внутренничество», философия жулика, которому выгодно доить *исполнителей* всю их жизнь — желательно долгую. Невозможно придумать такую систему законов, в которой бы жулик не вывернулся, остановить его может только произвол монарха или диктатора — потому жулик и против насилия, за «демократию».

Дешевый патриотизм — лозунг войны при любых обстоятельствах, вне зависимости от воли Божьей; убийства за якобы родину (понимаемую как территория, общая колыбельная и т. п.). На самом деле дешевый патриотизм — это всего лишь законченное «внешничество», выполнение деструктивной воли «внешних» вождей.

Но есть и третий подход к проблеме войны. Полезно вспомнить событие, которому в Библии уделено внимание, судя по объемам посвященных ему текстов, возможно, не намного менее значимое, чем воплощение Христа. Это — Вавилонское пленение народа Божьего. Еще задолго до него Бог, видя, что для очищения иудейской *метанации* необходимы бедствия, надрывающие покаянную душу испытаниями, и притом тяжкими, предрек: **плен**. О необходимости плена Бог покаявшихся и рожденных свыше предупреждал Духом Святым, а также — словами пророков, которые, вызывая ненависть «патриотической» толпы, призывали вавилонянам не сопротивляться.

Да, было много таких, которые Богу противостали и требовали противоположного — «героического» сопротивления Вавилону. Они считали себя патриотами, но были всего лишь «*дешевыми патриотами*», «внешниками».

Так и с пацифизмом. Несопротивление агрессору хорошо только в конкретном случае: когда на то есть воля Божья. Ведь было: **Бог** послал древний Израиль воевать с народами, населявшими Землю Обетованную. Не говоря уж о войнах оборонительных. Да и плен — ценность неабсолютная, целесообразная только в конкретных, **полезных для метанации**, обстоятельствах.

«*Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное. Время убивать... <...> ...и время миру*» (Еккл. 3:1–8) — истина эта с тысячелетиями не стареет.

Индивиды — «внешники» и «внутренники» — не меняются, поэтому всегда находятся называющие себя христианами, которые «время миру» *возводят в абсолют*, — тем отвергая пример пророков и противопоставляя себя Богу. Своим абсолютизмом (фанатизмом) они разоблачают себя: выдают отсутствие прямого общения с Богом. Это еще и разоблачение оскверненности предков — трусостью, предательством и сдачами в плен в ущерб *Родине*. Выдают дешевые пацифисты и свое настоящее — психоэнергетическую принадлежность к стае «внутренников».

Истина не дешева. Истина — в *прямом* общении с Богом, без посредников.

Из «Деяний» (Деян. 19:1–7) мы узнаем, что рождение свыше (или, что то же самое, принятие Святого Духа, Иисусово крещение духом и истиной; водное крещение — это лишь символ *покаяния*, крещение Иоанново) никак не связано со взаимоотношениями с людьми, пусть даже апостолами, но только с Богом.

Всякий неугодник учится от непосредственного общения с Богом.

Неугодник — понятие, безусловно, религиозное. Без его помощи не объяснить ключевых событий мировой истории, в частности важнейшего этапа Великой Отечественной — и не важно, что такой символ как крест в событиях не фигурировал.

Отсюда приходим к очередному парадоксу: **главную религиозную войну XX столетия Бог вел на стороне единственного в мире атеистического государства!**

Это — нормально: Бог, будучи предельно творческой Личностью, *никогда* не повторяется. Он — такой.

Это самоочевидное духовное знание о взаимоотношениях Бога и метанации можно подтвердить даже математически.

Вообще интерпретация фактов зависит исключительно от мировоззрения и психологической принадлежности к той или иной части

трехцентрового мира. Ясно, что толкований того или иного факта будет три типа.

Скажем, о чем свидетельствует то, что в России госбезопасность, самая хорошо оплачиваемая организация, в течение нескольких поколений занималась охотой на Библии и их уничтожением; в то время как в Соединенных Штатах Библии сходили с печатных станков непрерывным потоком, так что на каждого жителя приходилось их по нескольку штук, а коллекционеры и профессионалы кафедр и вовсе могли похвастаться десятками Библий в различных переводах и обложках — и такой, и эдакой? О чем свидетельствуют эти *внешние* обстоятельства? О сатанизме России — как учат демократы? О святости Америки? Или о противоположном?.. В самом деле, зачем вырывать оружие из рук остывшего трупа — оно уже бесполезно.

Можно ли знать Истину без перелистывания той или иной книги, скажем, Библии? Можно ли познавать библейские истины, пользуясь только родовой памятью и критическим мышлением?

Математиками одной из восточноевропейских стран незабвенного социалистического лагеря была поставлена странная на первый взгляд задача: *рассчитать, сколько понадобится лет, чтобы в крови у каждого жителя их страны оказалась хотя бы капля княжеской крови.*

При расчете предполагалось, что жены до адюльтера (внесемейного валабиянства) вообще не опускаются, то же самое отличает и мужей. Предполагалось также, что потомство князя выживает на общих основаниях, — все потомки князя-родоначальника и по мужской, и по женской линии не могут занимать единственный престол, и слабейших, в иерархическом смысле, не убивают, но все они спокойно растворяются в рядовом населении.

Согласно расчетам любознательных математиков, получилось, что **для проникновения княжеской крови в каждого жителя их восточноевропейской страны 400 лет вполне достаточно.** Для страны покрупнее срок, конечно, будет чуть больше, но принцип понятен. (Хаотичное валабиянство не убыстряет, но только упрощает процесс, снимая сословные преграды, а также разрушая традиционное брачное обособление «внешников» и «внутренников».)

Сюжет можно сформулировать и так: если к народу присоединяется какой-нибудь способный к деторождению князь, то уже через четыреста лет (каких-то десять-двадцать поколений!) все население может считать себя приобщенным к голубой крови и обращаться друг к другу просто: **князь.**

Итак, у каждого ныне живущего человека в роду были и «внешники», и «внутренники», и неугодники.

ТЯНЕТ – НЕ ТЯНЕТ. СЕРБЫ И КАЗАКИ

В каком-то смысле каждый видел, как распинали Христа: евреев явно не по одному на каждый народ, следовательно, еврейская кровь — по причине в том числе и валабиянства — есть в жилах каждого. Как и кровь, скажем, филистимлян. Или немцев. Или — чего уж там! — русских.

Возможности наши — трехцентровы; родовая память у каждого — *многоотомна*.

Действительно, родовую память человека можно представить как некую обширную многотомную библиотеку. Ею человек воспользоваться не только может потенциально, но и пользуется в действительности, неважно, осознает он это или нет. Проявляется это, прежде всего, с невыгодной стороны — в воспроизведении унаследованных неврозов.

Самые из них актуализованные и формируют объединения *исполнителей* — исполнителей неврозов, — особенно падких на волю *своих* (по неврозу) вождей, тоже невротиков.

Разные национальности не только формируются, но и сохраняются разными неврозами (типом преступлений прошлого — преступлений той или иной заповеди Десятисловия).

Но есть неврозы и наднациональные.

На один из них и обратил внимание Зигмунд Фрейд — и, потрясенный, отказался от пустопорожного университетского суверенитетского знания.

Это — невроз протоорды.

По Фрейду, это как бы *общая бумага* для всех книг библиотеки родовой памяти; бумага, насыщенная информацией, — основа для последующих «записей».

Конкретные обстоятельства жизни отдельного индивидуума зависят только от того, какой том он позволяет себе из этой библиотеки вытащить.

Но человек может *решиться* и вытащить *неугоднический* том, — и начать *жить*.

Ведь этот том, в отличие от всех остальных, написан *на другой бумаге* — *Божьей*, той, которую Фрейд в своих концепциях не заметил.

Всякая *Истина* — библейская, где бы она ни обнаруживалась — но принять ее может только *неугодник*.

И ему для познания Божьей Истины не обязательны типографские книги.

Апостол живет в каждом из нас, весь вопрос в том, будет ли ему разрешено продолжить свое приостановившееся со смертью лучшего из предков развитие.

Девушка: Пойдем сегодня вечером к Мише, а?

Прожженная: К Майклу? Нет, меня туда *не тянет*. Пойдем к Бобу в компанию.

Девушка: К Боре? А что у него? Поговорить с ним не о чем. Шутки плоские. Пьет. Скучно. Пойдем лучше к Мише.

Прожженная: Неужели не понятно? Меня — ***не тянет!***

Разговор двух современниц, видимо, бывших одноклассниц

Подобное — к подобному; поэтому на планете кроме разных стай, в которые их элементы «тянет», можно, должно и полезно искать и выявлять метанации, в которые собираются *неугодники* из различных народов.

Неугодники в некрофилогенной культуре* незаметны, в ней ценятся образцы болезненной психики, на вершины субиерархий возносятся уроды. Но *неугодники* заметны по результатам производимых действий; особенно же ярко — во время отражения нападения сверхвождя на *Родину*, метанацию.

Во время Второй мировой выяснилось, что Гитлеру в самые трудные месяцы 41-го сопротивлялись только два этноса: этнические русские и этнические сербы.

«Этнические сербы» — понятие условное: «сербами» стали в XIX веке называть себя все христиане-некатолики (православные и представители малых церквей — *вне зависимости от национальности*) близлежащих к Сербии земель, после того, как в результате освобождения от турецкого ига восстания образовалось это государство. Но и в прежние времена сербами себя называли выходцы из разных народов. В частности, в XIV–XV веках в православной Сербии (а может, наоборот — в *сербском* православии?) спасались от «внешнической» католической инквизиции еретики со всей Европы — разумеется, *неугодниками* были не все беглецы, бежали в Сербию также и «внутренники» самых разных национальностей.

Вообще, размышляя над историей Югославии и сербов в особенности, трудно не сообразить, что многие из обрушивавшихся на сербов несчастий — карательные крестовые походы, нашествие мусульман, нападение гитлеровцев — вели к очищению их от «внешников» в первую очередь. Протосербов пространственно пододвигали, не желавшие стайного «внешничества» компактно уходили в сторону,

а «внешники» оставались и массово принимали ислам или католичество — в зависимости от внешней атрибутики волны насильников. Результаты этого расслоения классически проявлялись во все времена, даже во времена социалистического лагеря: югославский социализм был существенно более торговый и капиталистический, чем в остальных социалистических странах. Внутри же страны сербы отличались от, скажем хорватов, с готовностью работающих на конвейерах, своими крестьянскими пристрастиями и тем, что они им не изменяют, несмотря на более низкий, чем у хорватов, уровень жизни.

В результате и образовалась современная Югославия, в которой все говорят на сербскохорватском, но католики-хорваты и косовские мусульмане зверски ненавидят сербов якобы за православие. Стайное начало на планете с этой ненавистью солидаризируется — вплоть до угроз вторжения со стороны Америки и НАТО. Сербь были костью в горле не только у римских пап, но и у Гитлера, на которого, как известно, крестились набожные католички.

Ненависть — как «внешников», так и «внутренников» — подтверждает: в Сербии действительно веками собирались *неугодники*.

Все эти проявления и «притягиваемые» события небезынтересны, однако, такой способ постижения, скорее, академичен — взять хотя бы малоизвестное знание о средневековых еретиках.

Автором истина познавалась и помимо книг тоже.

Я, вообще говоря, привык и, может быть, даже уже избалован тем, что скандальные и особо ценные исторические и психологические факты мне подносятся, что называется, «на тарелочке с голубой каемочкой». (В частности, книгу воспоминаний об *идеологах* не замеченном партизанском отряде из научных работников-ремесленников я обнаружил у себя в подъезде, почти под дверью квартиры. История о том, *почему* это старое издание в благодарность везли с другого конца Москвы — не мне, разумеется, — и как оно у меня оказалось под дверью, как выяснилось, очень романтическая.) Но изящество способа, с помощью которого мне было сообщено об одной *важнейшей детали* из жизни *переселившихся в Россию* сербов — сообщено всего *через пару дней* после того, как «всплыла» роль Сербии во Второй мировой войне, и стало очевидным, что некая часть сербов не могла не оказаться в России и среди русских раствориться, — поразило даже меня.

За последние лет десять внутренне доброжелательным разговором с поездными попутчиками маршрута «Одесса-Москва» мне насладиться не удавалось ни разу, а тут с единственным в купе соседом разговор именно такого уровня и глубины завязался сразу.

И скоро выяснилось, что Алексей Андреевич Дюбаров — а он родом с брянщины, из-под Локтя, — *и есть потомок одного из тех самых сербов, которые в XIX веке переселились в Россию!* Ма-

ло того, Алексей Андреевич оказался не просто потомком, но и любителем истории, собирателем всех и всяческих деталей из жизни своих разнонациональных предков.

— Прадеда по материнской линии звали Лукьяном Стефановичем. Фамилия, как видите, сербская — *Стефанович*, — улыбаясь, рассказывал Алексей Андреевич. — Так вот, его дочь, а моя, соответственно, бабушка, рассказывала мне, что она прекрасно помнит, что когда ей было четыре-пять лет, ее привязывали к стулу, чтобы она не убежала на берег Дона купаться...

Вот так, ни много ни мало. Переселившиеся в Россию сербы, видно, поверив в официозные рассказы о донских казаках как носителях «свободного начала», ушли из Сербии жить в низовья Дона, *но с казаками не ужились — и ушли на север на более бедные земли, на брянщину, где и остались*.

Вот это и есть — *важнейшая деталь*.

Одно постигается через другое — по взаимному притяжению и отталкиванию. Перечисли *всех* своих недругов, и я скажу тебе, кто ты.

О донских казаках известно много:

— ревностно служили немецкой династии Романовых, завоевывая новые территории, — это называют *«русскими завоевательными походами»*;

— казаки, в 1812 году предавшие новобранцев дивизии Неверовского в бою под Красным, с поля боя бежали, зато весьма проявили себя на втором этапе войны: скажем, к отвращению присутствовавших русских, крюками вытаскивали из-под льда Березины трупы наполеоновцев, чтобы их обобрать;

— яростно сопротивлялись революции под водительством Ленина, первое правительство которого сплошь состояло из евреев;

— в 41-м *первая* воинская часть, которая организованно перешла на сторону Гитлера (22 августа 1941 года, 436-й пехотный полк под командованием И. Н. Кононова), состояла исключительно из казаков;

— казаки-власовцы специализировались на подавлении партизанского движения, отличились особенным зверством в Югославии в действиях против сербов;

— в 43-м при отступлении гитлеровцев после разгрома под Сталинградом немобилизованные казаки вместе со своими «конкурентами» чеченцами дружно бросают Россию и массами уходят к Гитлеру;

— после поражения Гитлера многие казаки сдались англичанам образца 1945 года — и были выданы России (казаков тут же, в пункте передачи, расстреливали у ближайшей стенки); незначительная часть казаков лесами пробралась к американцам, которые, вопреки договоренности на Крымской конференции, *часть казаков отобрали* (всего-навсего, по принципу «нравится — не нравится») и *переправи-*

ли в Соединенные Штаты, а не вызвавших симпатии выдали советским властям для расстрела;

— Ростовская область, место компактного проживания казаков, отличается от остальной страны тем, что там многократно выше процент серийных маньяков-убийц.

Донские казаки во всех своих проявлениях были ярчайшими «внешниками» — отсюда их антисемитизм, преданность Романовым, Гитлеру, послевоенному Сталину.

Но кроме «внутренников» они должны были люто ненавидеть и *неугодников*. **И именно этой ненавистью к неугодничеству и объясняются многие их поступки.**

Современные донские казаки, объясняя переход предков на сторону Гитлера, говорят, что повальное пьянство казаков на территории Гитлера никакого значения не имеет, важно же то, что все они были сплошь философами, противостояние было идеологическим — и кому как не казакам было бороться с коммунизмом?

Если казаки действительно боролись с коммунизмом, то почему вели боевые действия против западных союзников, тоже борцов, как утверждается, с коммунизмом? Почему издевались над гражданским населением Италии? Почему эти «философы» зверствовали в капиталистической Сербии? Если бы эта пьянь действительно боролась с коммунизмом, всего этого не было бы!

Но даже не это главное. Почему еще в XIX веке, когда коммунизмом и не пахло, сербы не смогли ужиться с донскими казаками? Почему русских рекрутов тошнило от казаков, обирающих выловленные в Березине трупы?

Казаки, перейдя на сторону Гитлера и сражаясь с русскими и сербскими партизанами, боролись не с коммунизмом. **Казаки — «внешники», и пуще «внутренников» ненавидели неугодников.** От того и зверства, потому и страстное, вплоть до самоубийств, нежелание вернуться в Россию, где не участвовавшие в казнях могли отделаться всего лишь сроками в сибирских лагерях — но зато остаться там, где другим «дышится особенно легко».

Но предателям хорошо там, где таким, как граф Игнатъев и сербы-неугодники, плохо.

Именно противоположностью психики казаков и сербов и определялись *симметричные* события разных столетий: сербам, которые в 41-м партизанили против Гитлера на брянщине, было в XIX веке душно жить на Дону, среди будущих предателей; а пьянствующие казаки были чудовищно жестоки в Сербии.

Югославия страна многонациональная и многоконфессиональная. Есть и немцы, и хорваты, и македонцы, и десятки других национальностей. Но казаки зверствовали именно над православными сербами-

единоверцами, а не над, скажем, хорватами-католиками или боснийскими мусульманами.

Но хорваты — классические «внешники», психологические братья владовцев. Как пишет в своем дневнике Гальдер, главная трудность при завоевании немцами Югославии состояла в том, чтобы *пробиться сквозь толпы сдающихся хорватов и македонцев* (гитлеровцы разбросали с самолетов листовки, в которых сообщалось, солдатам какой части в какой город идти сдаваться, вот почему дороги и оказались запружены идущими сдаваться в плен). «Хорваты» — это самоназвание, в переводе — «бандиты». И опять возникает аллюзия с донскими казаками и чеченцами!

У всякой стаи непременно есть *три* врага-жертвы:

— более слабый конкурент (в случае хорватов — «внешники» типа цыган; хорваты перед более сильными немцами самозабвенно пресмыкались до 43-го, а с 44-го ослабевших немцев, естественно, стали бить);

— противостая (в случае хорватов — «внутренники»);

— *неугодники*.

Хорватам в 41-м были ненавистны три народа:

— цыгане;

— евреи;

— сербы.

Цыгане в Югославии отличились в день нападения Германии на Югославию. Рано утром на Белград налетела первая волна немецких бомбардировщиков — и в столице воцарился хаос пожаров, многие оказались под завалами. Когда через несколько часов налетела новая волна, то в Белград ворвалось множество повозок, управляемых хлещущими коней цыганами. Но не откапывать раненых они ворвались — а грабить магазины. Югославские цыгане — типичные «внешники», хорватам конкуренты.

А вот евреи — классические «внутренники». Об этом свидетельствует история Югославии, в основных чертах воспроизводящая историю Европы в целом. После изгнания турок из Сербии как-то очень быстро оказалось, что все землевладельцы говорили на немецком языке, — они, соответственно, владели и деньгами. Но уже в начале XX века, с развитием так называемого капитализма, оказалось, что все деньги оказались у евреев. Словом, евреи — закономерный враг хорватов номер два.

И, наконец, сербы. Сербы, разумеется, разные. В 41-м хорваты устраивали состязания, кто больше перережет сербов. Победил один студент-хорват, который специальным ножом зарезал 1360 сербов, за что и получил в награду памятные часы. Но, надо заметить, на территории Хорватии жили не *сербы*, а *сербь*, которые *уживались рядом с хорватами*. В сущности, они скорее хорваты — потому и вели себя, как типичные «внешники»: при нападении сверхважда покорно подставляли горло. Но есть и другие сербы. *Неугодники*, но с «внут-

ренническим» отливом, потому что «внешническая» составляющая протосербов периодически вымывалась то волнами ислама, то волнами католичества, а в 41-м ей резали горло специальными ножами. Именно то, что сербы, если можно так выразиться, *неугодники*-«внутренники», и определило их способность столь эффективно сопротивляться гитлеровцам-«внешникам».

В сущности, по психотипу сербы близки российским «неблагонадежным», которых предусмотрительный Сталин безоружными подвез к границе под дула немецких орудий, и отчасти дивизиям из политзаключенных, которые, не в пример кадровым военным, дрались прекрасно.

Вот так. Мало общего между евреями, цыганами и сербами, но все они — враги хорватам, которых высоко ценил Гитлер.

Кстати, и Гитлер в *Европе* ненавидел те же национальности.

Если что было по-настоящему *странного* во Второй мировой войне, так это «бессмысленное» сопротивление сербских партизан — гражданских лиц, поднявших восстание после капитуляции регулярных войск Югославии — **в 41-м году!**

До 22 июня 1941 года!

Даже за те пять дней, пока гитлеровцы вязли в толпе сдающихся хорватов, сербы успели разрушить не только ключевые мосты и туннели, но и рудники по добыче стратегического сырья — результат существенно лучший, чем добились за такой же срок «комсомольцы»-сталинцы.

Действительно, с точки зрения суверенитизма — а именно, арифметически-технической (торгашеской) модели войн — малочисленные необученные партизаны *не могли даже надеяться* на победу над вооруженной многочисленной, победившей армии всех европейских стран, гитлеровской армией. Ждать помощи было попросту неоткуда: англичане после пережитого сокрушительного разгрома под Дюнкерком заняли глухую оборону на своем острове, отгородясь самым дорогостоящим в мире флотом, американцы, собираясь в толпы, скандировали: «Америка превыше всего», — и в войну, как им казалось, не вмешивались, а Сталин заключил с Гитлером пакт о ненападении и всячески экономически и политически ему помогал.

Но сербы восстали.

В *литературе* сообщается о **двух** антифашистских силах в Югославии, двух иерархиях: националистах (четниках) и коммунистах. Эта слепота разоблачительна: ведь в событиях 41-го отчетливо просматривалась и **третья сила!**

С установлением оккупации и началом обычных для цивилизаторов зверств четники были восстали, но под благовидным предлогом

тут же из борьбы вышли. Коммунистам же их руководство отдало приказ в бой не вступать, а ограничиться разведкой.

Но восстание состоялось!

Были, соответственно, и конкретные люди, которые не подчинились приказам вождей. Именно эта третья сила и определила во многом исход Второй мировой войны!

Восстание, разумеется, было утоплено в крови, уж слишком неравные были силы, но, несмотря на это, именно **сербские неугодники во многом победили Гитлера!**

О великой роли во Второй мировой войне «третьей сербской силы» на удивление, а вернее, совершенно закономерно, не пишут ни во «внешнических» странах, ни во «внутреннических». Умолчание удивительно потому, что роль восстания неиерархичной части сербов огромна. Одни только русские обязаны сербским *неугодникам* спасением сотен тысяч людей. Закономерно же это умолчание потому, что... потому что существуют вожди и подхалимы, бессознательно обслуживающие их интересы.

Однако Истина от этого не умалается.

Своим «бесперспективным» восстанием весной 1941 года «неуправляемой» части сербского народа удалось сковать ряд дивизий Гитлера и довести фюрера до белого каления. В результате вынужденных незапланированных Гитлером карательных операций:

— было пережжено горячее (**треть всего запаса, предназначенного для наступления на Россию!**);

— начало реализации плана «Барбаросса» пришлось отодвинуть **на месяц;**

— в конце 41-го Гитлер был вынужден для подавления восстания перебросить в Югославию дополнительно три дивизии гитлеровцев.

Таким образом, получается, что сербские *неугодники*, несмотря на то, что не нанесли гитлеровцам значительных потерь в живой силе, сделали намного более важное: лишили гитлеровцев топлива и тем ограничили их в возможности в России наступать!

Дело в том, что с началом осенних дождей и, как следствие, наступления знаменитой российской распутицы, гитлеровская техника начала буксовать и застревать, что приводило к сверхнормативному расходу горючего — примерно на треть. Перенос начала операции «Барбаросса» по вине сербов на месяц ближе к распутице означал, что путь, который могли пройти гитлеровские танки, укорачивался еще и из-за этого!

Таким образом, если умевшие почти беспрепятственно наступать на территории Советского Союза — **но только летом!** — немцы не успели захватить Москву до наступления холодов 1941 года (а согласно планам Гитлера, население Москвы должно было

быть уничтожено *полностью*), то спасенные сотни тысяч москвичей должны благодарить **во многом сербов**.

На самом же деле число спасенных русских и людей других национальностей существенно больше — в Москве располагались такие отрасли военной промышленности (например, изготовление прицелов для орудий и снайперских винтовок), которых больше нигде в Союзе не было. Ликвидация этих производств означала разоружение армии.

Итак, немцы не вошли в уже практически не защищаемую Москву во многом потому, что:

- запасы горючего перед началом войны оказались недостаточными;
- не хватило месяца хорошей погоды;
- не достало живой силы, чтобы войти в Москву пешком (три дивизии отправлены в Сербию!).

Спасенные москвичи и жители многих других областей должны быть благодарны *неугодникам* вообще, сербским — в особенности.

«В особенности» — потому, что сербским *неугодникам* было с каким-то смыслом сложнее, чем русским. Русские *неугодники* хотя бы знали, что их много, что за спиной Волга, Урал и Сибирь, куда веками бежали от Романовых не умеющие быть подхалимами; они знали, что их сопротивление, помноженное на пугающие неизвестностью просторы России, не могло не заставить Гитлера поседеть и пробудить в нем самоубийственные паранойяльные галлюцинации.

Если многие русские *неугодники* выжить могли, то для сербских надежда была существенно более призрачной.

Но они собой пожертвовали.

Ради *русских*.

Ради **Родины**.

Да, стадной психологии индивиды представляют собой монолитную стаю, но и *неугодники* не есть нечто разобщенное. Это братство иного типа — по Духу.

И сербские *неугодники* пожертвовали собой ради **Родины**, которая постепенно перемещается в Россию, — и подвиг их сродни апостольскому — все, кроме Иоанна, жертвенно для пользы дела погибли, — совершенному тогда, почти две тысячи лет назад.

И если где-нибудь на подступах к Москве еще не воздвигнут памятник *сербским неугодникам*, то только потому, что со времени окончания Второй мировой войны у власти в России еще не было ни одного достаточно *русского* правительства.

Вот почему эта книга, которая, казалось бы, должна быть посвящена моему непризнанному герою-отцу,

посвящается —

коленипреклоненно —

сербским неугодникам 41-го.

Итак, на планете идут три процесса:

- психологическое расслаивание бытового и внутригосударственного;
- пространственная поляризация некрофилов и биофилов;
- изменение соотношения «внешников» и «внутренников» на планете как целом.

«Внешники» постепенно истребляются, преимущественно своими же собственными руками, а «внутренники» и *неугодники* тяготеют к разным территориям (в 41-м были и такие сербы, которые смеялись в лицо тем, кто взял против захватчиков оружие, и уезжали к себе подобным в Америку — им, как и предателям из других народов, там хорошо); «болото» заполняет все.

О, видимо, «странном» итальянце, который вопреки выгоде предпочел остаться в разоренной послевоенной России, и о закономерной прекрасной судьбе его сына упомянуто в главе «*Тайна человека, внесшего крест на Голгофу*».

Один из классических, но индивидуальных случаев.

А теперь другой, более массовый и не столь персонифицированный.

Место: самый юг Российской империи, угол, составляемый западным побережьем Черного моря и Дунаем, — юг Бессарабии, Буджакские степи (ныне — юго-запад Одесской области близ ее границы с Молдавией и Румынией).

Несмотря на теплый климат и великолепное по красоте, громадное по размерам, вытянутое на несколько десятков километров пресное озеро Ялпуг, Буджакские степи много веков были местом как бы проклятым. Ровная непересеченная местность от Черного моря вглубь материка, отсутствие географических препятствий на востоке и севере обращали эти плодородные места если не в перекресток Европы, то, во всяком случае, в одну из удобных для передвижения больших воинских соединений дорог. Естественно, многие завоеватели и следовавшие за ними толпы волнами перекатывались через Буджакские степи, разрушая и уничтожая все на своем пути. Оставшиеся в живых местные жители разбежались, — и богатейшие земли вокруг красивейшего озера пустовали. На протяжении всей истории человечества только вхождение подобных земель в крупные империи обеспечивало процветание для решившихся на них поселиться. Так и с Буджакскими степями: во второй половине XVIII века Екатерина Великая объявила, что эти земли, отошедшие к Российской империи, теперь уже навсегда переходят во владение династии Романовых и что все, кто желает переселиться в этот край, будут освобождены

от налогов в течение 40 лет. Также гарантировалось, что и рекрутов в армию набирать из этого края не будут.

Слова Екатерины Великой возымели действие, и в Буджакские степи хлынули переселенцы из различных европейских стран. Каждый народ селился отдельно, поэтому и появились селения албанские, немецкие, молдавские, гагаузские и даже французские. Были и русские — из староверов, бежавших от безбожных издевательств «новых православных». Здесь старообрядцев называли «липованами» — происходит это странное название, как полагают, от названия лесов, в которых они селились подальше от гонителей.

Прцветание переселенцев началось незамедлительно: богаты были не только вскоре распаханые степные земли, но и воды озера; даже овраги вокруг озера в те времена были прекрасным местом для охоты.

Были волны переселения и болгар — *но происходили они не по коммерческим соображениям, как то делали остальные переселившиеся сюда народы, но по иным мотивам.*

Последняя из «неугоднических» переселенческих волн пришлось на начало XIX века, в эпоху царствования Александра I. Начавшуюся в 1806 году русско-турецкую войну, победоносную для русских, царь, подозревая приближение войны с Бонапартом, стремился поскорее завершить и заключить мир. И мир был заключен — *за день до вторжения Наполеона в Россию.* При такой поспешности в заключении мира и при том, что и турки не находились в неведении о происходящем в Европе и прекрасно понимали причину, по которой Александр I торопится высвободить 60-тысячную Молдавскую армию под командованием адмирала Чичагова, условия мира выгодными для России быть не могли. В частности, русские войска были обязаны оставить уже освобожденные от турок территории Болгарии¹.

Болгары за столетия турецкой оккупации хорошо прочувствовали на себе, что такое носители истинной веры испытывавшего трудности с женщинами Магомета: болгар безнаказанно резали, грабили, насиловали. Для турок одним из любимых развлечений было, например, запрячь несколько болгарских юношей в повозку и, хлеща их бичом, разгонять повозку так, чтобы ветер свистел в ушах. Словом, издевались в полное свое удовольствие.

Люди таковы, что одним такое с собой обращение нравится, хотя слова могут произносить самые жалостливые, а другим — нет.

¹ В те времена Османской империей были оккупированы не только Болгария, но и другие православные страны — Сербия, Греция, Валахия (юг нынешней Румынии), Молдавское княжество (включавшее в себя, кроме территории нынешней Молдавии, еще и северо-восток Румынии — Молдову и Буковину) и другие территории помельче.

Болгары, оставшиеся в Болгарии, не воспользовавшись предоставленной им возможностью перейти под защиту России, выбрали власть турок, разумеется, не из христианского смирения. Истинная причина та, что оставшимся быть объектами унижения подсознательно *правильно* — обыкновенный садомазохизм, одно из проявлений стадного мышления.

Те, кому издевательства не нравились по-настоящему, получив возможность уйти, присоединялись к уходящим русским войскам — *неугодникам.*

Действительно, российская армия, освобождавшая оккупированную турками Болгарию, состояла, в сущности, из двух несмешивающихся категорий людей:

— немецкого генералитета, чуть разбавленного русскими типа предателя адмирала Чичагова, — некрофильское начало (включая пьянствующее «русское» офицерье);

— рекрутских солдат, в те времена набравшихся преимущественно из этнических русских, не угодивших помещику или старосте, а также нескольких офицеров типа Кутузова или графа Толстого — пусть разбавленное, но биофильное начало.

Болгары-переселенцы к знати не принадлежали и, в силу уже одного только своего социального положения, общались, естественно, не с «внешническим» генералитетом, а с русскими рекрутскими солдатами. Таким образом, населению приходилось выбирать между турками-некрофилами и рекрутами-биофилами. Да, **выбор был именно такой:** уходить не в Россию, не к Романовым-немцам, не к русским вообще, но к *неугодникам.*

Жить, наслаждаясь *переживаниями* под хлыстами турок, или уйти с рекрутскими солдатами, уйти на **Родину?**

«Подобное — к подобному», — естественно, **вместе с российской армией ушли преимущественно те болгары, которые были склонны к независимости мышления,** чуждые немецкой неодушевленной регламентированности. Соответственно, те **болгары, которые остались в Болгарии, напротив, были преимущественно противоположной подсознательной ориентированности.**

Картина исхода была впечатляющая: семьи болгар — тысячи и десятки тысяч людей — бросали свои хозяйства, и, если были лошади или вола и собственная повозка, то грузили, что можно было увезти, и повозки длинными вереницами присоединялись к обозам войска из русских рекрутов.

Те, кто обнаружил в себе желание уйти, перешли Дунай и в основном осели на берегах большого, в десятки километров длиной озера Ялпуг, а частью ушли дальше, к Азовскому морю, вглубь тогдашней Российской империи, подальше от турок.

На берегу озера Ялпуг был в 1821 году основан город Болград, который и стал своеобразной столицей *всего* болгарского народа — во всяком случае, центром интеллектуальной и культурной его жизни. И это понятно: ведь турки не успели понять, что оставшимся в Болгарии доверять самовыражение уже вполне можно — оно будет закономерно «внешническим».

Период процветания для болгар Болграда закончился вместе с падением царизма — в 1917 году. В 18-м здесь уже были румыны, которые прославились в Европе тем, что сердце у них расположено не к работе, а к грабежу. Преданность румын Гитлеру не случайна, а столь же психологически закономерна, как и преданность фюреру хорватов.

После почти двадцатилетнего пребывания в Болграде румын территория в 1940 году оказалась под властью Сталина. Энкавэдэшники убивали активнее, чем румыны, и, может быть, отчасти и поэтому тоже, когда союзные с Гитлером румыны (вместе с немцами и хорватами) в 41-м пришли на берега Ялпуга вновь, никакого партизанского движения не было. (Правда, возможны и некоторые другие объяснения. Во-первых, современные бессарабские болгары психологически уже не те, что их переселившиеся предки: были достаточно массовые переселения неугодных «внешническим» правителям России — в Сибирь; *шел этот процесс и добровольно*. Сибирь в восприятии современном, а уж тем более человека XIX века — это место хотя и сытое, но небогатое: богатство начинается там, где есть торговля [скажем, рядом с морем], грандиозность же сибирских пространств ассоциируется со свободой благодаря неограниченности, *независимости от начальства*. И тот, и другой механизм переселений в Сибирь выцеживал из бессарабских болгар сущность этого народа, определившую его в свое время исход из-под власти турок. Еще одно объяснение отсутствия партизанского движения то, что здесь проходил самый благополучный участок советско-германского фронта — очевидно, не случайно: была проведена мобилизация, а *неугодники* из немобилизованных, предвидя трудности с сопротивлением в степи, эвакуировались.)

Причина того, почему именно здесь, в Бессарабии, проходил самый благополучный участок границы (удерживали больше недели), да и фронта тоже, — разумеется, психологическая, точнее, психоэнергетическая. Вообще сопротивление в 41-м было тогда успешным, когда низовые военные «посылали» высших командиров. В Бессарабии в этом смысле многое было сделано еще до начала вторжения: в частности, как пишет маршал Крылов в своих, увы, вполне маршальских воспоминаниях, именно по *настоянию* нижестоящих были прерваны санкционированные верхушкой иерархии сборы, расчеты вернулись к орудиям, а авиация буквально за день была рассредоточена по полевым аэродромам — как следствие, в первые дни войны было

потеряно от бомбежек всего 3 самолета (на остальных участках потери превышали 80% от числа самолетов). Способность войск к обороне усиливается от присутствия неугодников — в том числе среди местного населения. Когда анализируешь тип народов, располагавшихся вдоль границ тогдашнего Союза, то натываешься то на «внутреннических» поляков с их знаменитым некогда десятипроцентным присутствием евреев, то на малокольных белорусов, то на «внешников» Западной Украины и Прибалтики. *Неугодническое* же население можно предположить всего на двух участках государственной границы — на Крайнем Севере, где крепостное право не удалось навязать и куда из крепостнических зон бежали соответствующей психологии люди, и в Бессарабии за счет полумиллиона болгар — оба этих участка и были наиболее благополучными в июне 1941-го.

Так что болгары в войне участвовали — как минимум, одним своим существованием. Кроме того, с высокой степенью вероятности можно предположить, что отличились бессарабские болгары в Великой Отечественной и теми из них, кто ушел в Сибирь, и кому там *поправилось*...

В 44-м в Бессарабию вновь пришли сталинцы, и с тех пор болгары жили в этих местах не в пример спокойней и благополучней, чем в других уголках Союза — до времени его распада.

Город Болград неоднороден и состоит из двух частей: собственно Болграда, утопающего в зелени, и обширного военного городка, основанного Чапаевской дивизией. Позже военный городок разросся: здесь квартировались офицеры элитной десантной дивизии вместе со своими семьями. После развала Союза и перевода русской части десантников в Россию, городок населяют преимущественно украинцы. В гарнизонном Доме офицеров есть библиотека с роскошным — иначе не скажешь — книжным фондом. Библиотека некогда пользовалась популярностью, но с развалом Союза и уходом русских военных не посещается из нынешнего гарнизона почти никем.

Есть в городе знаменитый парк им. А. С. Пушкина, заложенный еще в XIX веке. В парке — дом с башней, по виду напоминающий старый замок, в котором при Советской власти располагалась библиотека им. А. С. Пушкина. С приходом к власти демократов «старый замок» переоборудовали в кабак «под Запад», который по причине обнищания населения был вскоре закрыт, загаженное здание по ночам разбирают на стройматериалы — эволюция предельно символическая.

Приезжим показывают самое стоящее и добротное, и оба этих учреждения построены при царизме — грандиозных размеров и удачных пропорций православный храм и гимназию с завидно высокими потолками — символы болгарского возрождения XIX века...

После развала Союза и прихода к власти демократов насильственная украинизация проводится всесторонне, и, естественно, среди про-

чего проявляется в изменении школьных программ. Однако на этот раз болгары достаточно активно этому сопротивлялись, отстаивая русский язык! Так же отстаивают и русскую классическую литературу, в которой предостаточно, разумеется, несутрастей, но аналоги Мазепы-предателя из русофобского украинского пантеона хотя бы не выставляются как образец для подражания при формировании нравственной основы детских душ...

Эстетические предпочтения — путь к постижению направленности подсознания человека; состояние его подсознания — наиважнейшая характеристика. Казалось бы, этнос в Болгарии и Болграде один — болгары, но болгары в Болграде, несмотря на трудности, отстаивают право изучать русский язык и русскую литературу; а вот в Болгарии, после развала коммунистической системы, свирепствует русофобия, и любые прорусские высказывания попросту небезопасны.

Ничего случайного в этой противоположности эстетических предпочтений, разумеется, нет. Можно утверждать, что **эта противоположность есть продолжение процессов, приведших к расслоению и поляризации этнических болгар по психологическому признаку во времена переселений рубежа XVIII–XIX веков.**

Эта противоположность психологий и проявилась в последующих событиях истории Болгарии.

Оставшиеся в Болгарии болгары стали всеевропейским символом рабской психологии. Когда в самом начале Восточной войны 1853–1856 годов российские войска стали вытеснять турок из Дунайских княжеств и встал вопрос о поддержке антитурецких восстаний в остальных оккупированных мусульманами христианских странах, то возможными эти восстания казались где угодно: в Сербии, в Греции или еще где, **но только не в Болгарии.** Про тамошних болгар говорили, выражаясь языком генерал-фельдмаршала Паскевича, что они, «как негры, привыкли к рабству».

Болгария, как сообщается в учебниках, все-таки была освобождена от турок-«внешников», но повсюду стыдливо замалчивается, что силами не балканских болгар, а боевых дружин, которые добровольно формировались в Болграде из *болгар Бессарабии*.

Балканские болгары, конечно, воевали. Но с кем?

С Сербией!..

И с Россией. И в Первую мировую, и во Вторую.

Это не решение одних только правительств, чем некоторые, стыдясь поведения болгар Болгарии, пытаются оправдаться. Правительство само собой, но и рядовые балканские болгары во Вторую мировую войну если и участвовали в антигитлеровском партизанском движении, то **не на первом этапе войны.** Но и даже на втором, как злорадствуют болгарские русофобы, видя в отсутствии заметного

партизанского антигитлеровского движения основание гордиться своими предками, этих партизан можно насчитать лишь около семи с половиной сотен, да и то с натяжкой. Более того, русофобы находят возможность гордиться, что 56 политэмигрантов, бежавших от авторитарного режима Болгарии еще в двадцатых годах в Советский Союз, и которых в 41-м десантировали на парашютах в горы Болгарии для организации антигитлеровской борьбы, были выданы «своими», самим населением, и частью перебиты в бою, частью казнены гестаповцами после пыток...

Антирусизм конца XX века и торгово-накопительское прозападничество вплоть до вступления Болгарии в НАТО — поступки для потомков выбравших турецкие плети закономерные.

Несовпадение, если не сказать противоположность болгар Болгарии и болгар Бессарабии проявляется и в быту — в частности, в отношении к авторитарным сектам (любого толка).

Если рассматривать национальный состав такой откровенной секты, как известные своим комсомольским задором «Свидетели Иеговы», на «богослужениях» которых под видом духовной музыки играют бравурные марши и организация которых расцвела в Болграде махровым цветом вместе с демократией, то адептов «обращают» преимущественно из неболгарского военного городка (именно там расцветают и другие формы того же самого — скажем, та же наркомания), — то есть, в основном, из украинцев, а в самом Болграде — из гагаузов. («Гагауз» в переводе с турецкого означает «предатель»; существует несколько объяснений причины присвоения этого «титула» [об этом несколько подробнее в главе «А помнишь?»].) А вот болгар, которых в городе более 60%, среди «Свидетелей» практически нет. Но если *болградских* болгар в «Свидетелях» отнюдь не 60%, то в Болгарии все это ну просто «благоухает».

Аналогичная картина наблюдается и в несколько менее откровенной форме — в официальном адвентизме. Болгар в Болградской общине адвентистов седьмого дня тоже далеко не 60%, а многократно меньше. Если в самой Болгарии один правоверный адвентист приходится на полтысячи человек, то в Болграде и окрестностях — аж на **десять и более тысяч!**

Отношение бессарабских болгар к сектам напоминает отношение населения центральной и северной России, в которой адептами авторитарных сект становятся преимущественно приезжие украинцы. Русские же представлены лишь наиболее гипнабельными категориями населения — стариками, женщинами, молодежью из определенного рода семей. Наибольшая популярность, скажем, «Свидетелей Иеговы» наблюдается в таком от основания откровенно пронемецком городе, как Санкт-Петербург; на Украине же их центр, как легко догадаться, — Львов.

Итак, исходя из одного только отношения к авторитарным обществам, можно говорить, что болгарские болгары — русские

(в том смысле, в котором и русских можно назвать *болградскими болгарами*), но не потому, что эти два народа долго жили рядом (кстати, они и не жили), а потому, что в Буджакские степи изначально переселялись люди с психологическими особенностями такими же, как у русских, — *неугодники*.

Итак, при любом подходе, историческом или психологическом, мы получаем один и тот же результат: при переселениях на рубеже XVIII–XIX веков произошло расслоение болгарского этноса по подсознательно-психологическому принципу — склонные к самостоятельному (истинно-божественному) мышлению ушли жить в страну русских рекрутов, а носители стадного мышления остались в Болгарии жить под турками.

Естественно, можно говорить только о переселении *преимущественно*, вернее о *повышенном* содержании того или другого психологического типа среди переселенцев и среди оставшихся — ведь переселялись и оставались целыми семьями, а они сплошь и рядом неоднородны. И среди болгар Болграда предостаточно тех, кого *тянет*. И вообще привычная картина следующая: он — пьет, она — болеет...

Таким образом, традиционное отнесение людей к этносу вовсе не фундаментальная характеристика человека. Каждый этнос (отличающийся от других народов общностью быта, обычаев и суеверий) представляет собой на самом деле как бы взаимопроникновение *трех* — не сливающихся! — народов. *Народов, которые при определенных условиях могут расслоиться* — подобно евреям Иудеи I в. н. э., испанцам XIV–XV веков, немцам времен Второй мировой войны и т. п. И если у болгар это расслоение произошло на рубеже XVIII–XIX веков, то у других народов это случилось раньше, а у третьих происходит в настоящее время или еще только предстоит...

Глава пятьдесят шестая

ЦИКЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИСТОРИИ

У мантинейн есть храм; в нем на столбе стоит изображение Полибия, сына Ликорта.

Pausan, VIII, 9:1

Препираться со всеми не стоит, но спорить с Эратосфеном, Гиппархом, Посейдонием, Полибием и другими подобными почетно.

Страбон, I, 2:1

Предполагаемое спиралеобразное развитие человечества естественным образом раскладывается на две составляющие: поступательную и циклическую.

Суверенитетских концепций поступательной составляющей исторического движения всегда существовало только две, *взаимоположные*.

Сторонники первой концепции утверждают, что человеческий род развивается от скверного к лучшему, то есть *эволюционирует*; естественное следствие этого предположения то, что в конце концов на земле наступит Золотой век (рай, коммунизм, торжество демократии и т. п.). Мысль о том, что мир и его элементы эволюционируют, принадлежит, разумеется, не Дарвину — за тысячи лет до него ее высказывал Птолемей. Сторонники эволюции были особенно истерично активны на рубеже XIX–XX веков, рационализируя свою веру в Золотой век рассуждениями о достижениях техники: появлении автомобиля, самолета и пулемета, делающих, по их мнению, всякую войну бессмысленной. Считалось, что с появлением очередного технического устройства возможности человека расширяются, следовательно, он идет к совершенству. Однако мировые войны, невиданная доселе в них жестокость иллюзии развеяли — у тех, кто вообще способен от иллюзий как таковых избавляться.

Сторонники же противоположной точки зрения считают, что человеческий род развивается от хорошего к скверному, т. е. *деградирует*; следствие — мир в конце концов постепенно *естественным образом* погибнет. Отсюда представления о Золотом веке как колыбели человечества.

Стоящая особняком библейская точка зрения во многом извращена церковниками, однако она следующая: из Эдема была изгнана *толпа* (хоть и из двух человек), которую Бог, после того как она размножилась, периодически осаживает (при потопе, при строительстве Вавилонской башни, во время Второго Пришествия Христа), испытания приводят большинство к дальнейшему остервенению, некоторых же — к покаянию, а из них единицы — к рождению свыше. Рожденные свыше обретают вечность еще до смерти первой и еще до воскресения праведников погружаются в наслаждение Истиной. Толпа же в конце концов — во время Третьего Пришествия Христа — достигнет своего «совершенства», т. е. станет всепланетной и всевременной — и самоуничтожится.

Теория стаи лишь расшифровывает емкие обмолвки пророков: скажем, психологические предпосылки неизбежных «мира и безопасности» Вавилона.

На этот поступательный процесс накладываются процессы циклические (маятникообразные).

В частности, так называемые политические.

Стилистически роскошнейшее описание циклической составляющей исторического процесса составил из всех античных историков наиболее критически мыслящий — Полибий.

Язычник Полибий считал, что или в результате потопа, о котором сохранилось, по его словам, множество свидетельств, или после очередной опустошительной чумы, или от неурожая, или по другой какой причине, существовавшие государственные структуры время от времени разрушались.

Если со временем из уцелевших остатков, как из семян снова вырастет известное число людей, то непременно они, подобно прочим живым существам, станут собираться вместе, — так и должно быть, ибо присущая отдельному существу слабость побуждает их собираться в однородную толпу, — один из людей будет превосходить прочих телесною силою и душевною отвагою. Он-то и будет вождем и владыкой. То же самое наблюдается и у всех неразумных животных: мы замечаем, что и у них, у быков, например, кабанов, петухов, наиболее сильные непременно бывают вожаками. Вот почему порядок этот надлежит признавать непререкаемым делом самой природы. Таковым следует представлять себе и первоначальное существование людей, именно: наподобие животных они собирались вместе и покорялись наиболее отважным и мощным из своей среды; меру власти этих последних составляла сила, а самое управление может быть названо единовластием (монархией).

(Полибий, VI, 5:6–9)

Полибий, разумеется, далеко не Фрейд и уж тем более не Лев Толстой. Если бы Полибий расширил поле зрения, то заметил бы, что уже у некоторых копытных если вожак чем и превосходит свое стадо, то силой отнюдь не физической. Да и не смекалкой тоже, и не опытом, и не здоровьем. В особенности это заметно у обезьян и у людей (Наполеон, Гитлер, Сталин и т. п.).

Но сердцу не прикажешь: действительно, люди прислушиваются не к разуму, поэтому очевидно, что Полибий выбирал себе философию и примеры из природы по тем же подсознательным критериям, что и любовника.

Однако главное Полибий заметить смог: **в начале была толпа, и толпа была у вожака, и вожак для нее был бог.**

Далее, в трактовке «внешника» Полибия, эрудированного в исторических событиях обильной государствами Греции, происходило следующее (Полибий, VI, 4:1–9).

Благородный **монарх** — царь над городом-государством — **в процессе властвования** превращался в свою нравственную противоположность — **тирана** с соответствующими приемами правления. Измученные прихотями и несправедливостями самодура лучшие люди подвластного тирану города стараются его свергнуть. Силу может

одолеть только, по Полибию, еще большая сила. Тирана свергают и начинают править нравственно наиболее благороднейшие люди общества, **несколько человек** — **аристократия**. Истинная аристократия управляется на выборной основе, выбираются только справедливейшие и разумнейшие люди (VI, 4:3). Но *уже во втором поколении*, по наблюдениям Полибия, благородная аристократия вырождается в свою противоположность — **олигархию**. Это тоже власть нескольких людей, но правит этими людьми порок: снедающая жадность («внутренники»? — А. М.) и (или? — А. М.) страсть к насилию («внешники»? — А. М.).

В государстве торжествуют безобразия, граждане (*демос*) в конце концов якобы не выдерживают глумления над собой и свергают **нескольких** во имя **всеобщего** самоуправления — наступает **демократия**. Ее отличие от **охлократии** — по Полибию — заключается в том, что все-все толпящиеся на рыночной площади движимы стремлением к справедливости и действуют бескорыстно и бесстрастно.

По Полибию, демократия в охлократию все-таки вырождается, и притом быстро, стадо же без вожака не может, появляются **демагоги**, среди них побеждает сильнейший, и — вот оно! — опять монархия! **Начинается новый исторический цикл смены типов государственного устройства.**

Последняя мысль у Полибия особенно «сильна»: гнусная толпа выбирает над собой царствовать наиболее благороднейшего — ни дать ни взять толпа евреев, науськанная бесами, пытающаяся хитростью поставить Христа-Истину царем-администратором (Иоан. 6:15) — а затем Его распявшая.

Но, Полибий, — а с тобой, Страбон сказал, спорить почетно, — это все чушь: авторитарная или плутократическая власть чужда не только Христу, но и вообще всякому минимально мудрому человеку. Монархии, так уж чтобы *монархии*, бывают только в сказках для народа, иерархия — всегда тирания, да и *демократия* — всегда *охлократия*. Что же касается привлекательной видимости с голосованиями, выражаясь по-современному, *имиджа*, — так то правила игры, вранье для усиления кайфа толпы... Так что, брат-историк, стоило бы тебе разобраться с твоей системой ценностей, отказаться от любовников, найти себе женщину, а лучше — *половинку*, и все станет на свои места и в политике, и во многом другом...

Но, оставаясь рабом множества суеверий, Полибий, тем не менее, совершенно верно подметил, что внешняя форма управления есть проявление того, что происходит с совокупностью людей как целым, — разве только не произнес он слово «стая».

Полибий был также абсолютно прав, сказав, что **всякая демократия** (в те времена, похоже, «внешническая») **непременно вырождается в тиранию.**

Или иначе: *тирании должна предшествовать демократия!*

Или иначе: **всемирной иерархии с явным вождем должна предшествовать развитая всемирная демократия!**

Предшествовать должна именно демократия, а не совокупность мелких тираний-царств.

Апофеоз демократии — это когда *исполнитель* повинует даже без вербальных приказов. В новое время не кто-нибудь, а именно демократ Наполеон, величайший гипнотизер своего времени, выдвинул лозунг, что каждый солдат должен действовать **самостоятельно**, не дожидаясь приказов. Такое поведение во время наступления более эффективно — как минимум, нет нужды прибегать к системе письменных приказов, весьма медлительной. Занятная самостоятельность, тем более если вспомнить, что даже орудийные батареи в присутствии молчащего Наполеона палили в унисон — сотни удаленных друг от друга орудий!

Естественно, когда нет достаточно сильного вождя, приходится прибегать к диктатуре показательных казней, децимаций и письменных приказов, и так до следующего сверхвождя — что и воспринимается как циклическое движение.

Это и есть якобы циклическая составляющая истории — сильного вождя (демократия) сменяет слабый (тирания).

О том, что пришел мировой Сверхвождь, можно будет узнать по тому, что на всей планете установится «истинная», «настоящая» демократия.

О безнравственности демократии, вступая в противоречие с поднимавшими голову *идеологами*, говорил и такой хороший человек как Лев Николаевич Толстой. Основываясь на нравственном чувстве, Толстой заявлял, что **любая** власть одного человека над другим безнравственна в принципе — и **развращает**. Ужасно, когда правит *один*, но несравнимо хуже, когда во власти участвуют *все*. Жить в обществе, в котором не один человек, а все население участвует во властном развороте, Человеку (с большой буквы) особенно отвратительно. Поэтому демократия (власть многих) хуже монархии (власти одного).

Елена Уайт (1827–1915), повторяя ту же мысль, подходила к ней несколько иным, чем Полибий и Толстой, путем. К «колесу» истории она подошла классическим пророческим способом — вернее, была подведена.

За ней не оставалось неисповеданных грехов, которые бы прищипывали ее веровать, что новые технические устройства сделают человечество совершенней.

И насчет эволюции проплутократической политической и законодательной системы, «лучшие» образцы которой выставляются на обозрение именно в Америке, она тоже не заблуждалась.

В частности, она *пророчествовала*, что кичащаяся демократическими традициями Америка, вопреки мнению населяющей ее толпы о божественном происхождении демократии, в недалеком будущем, перед Вторым Пришествием **непрерывно** станет мировой тиранией. Она предсказала, что Америка, при жизни Елены Уайт кичившаяся своим протестантизмом, по духу станет католической (деспотичной — не важно, во «внешнической» или во «внутринической» форме), и это приведет к новой волне **инквизиции** (хотя и несколько более «цивилизованной» в смысле формы уничтожения инакомыслящих).

Уточним: инквизиции *спонтанной*, естественным образом «узаконенной» голосованиями в парламентах.

И вот в этот-то период вновь и вновь проворачивающееся «колесо» истории Господом будет остановлено — Вторым Пришествием Христа!

Глава пятьдесят седьмая

ЖЕЛАНИЕ ВЕКОВ

Второе Пришествие Христа — событие не случайное, в том смысле, что время его определяется не по прихоти, — время Дня Господня *строго* закономерно. Строгая закономерность Второго Пришествия Христа среди прочего всегда подчеркивалась тем, что пророки предсказывали его не само по себе, а включали в *цепь пророчеств*.

Пророческая цепь — это предсказание не одного события, но *целой последовательности* событий; в этом закономерном ряду отдельный эпохальный узел планетарной истории предсказывается с той естественностью, с какой земледелец, перекатывая на ладони пшеничное зерно и удостоверившись в его целостности, уже видит будущее: сначала будет вспахано поле, затем посеяны зерна, борона прикроет их землей, потом появятся всходы, зазеленится все поле, потом выйдет колос, и так до зрелого доброкачественного зерна. И так *будет*, — если не погаснет солнце и вовремя будут выпадать дожди.

В точности по тому же принципу пророками предсказана и последовательность всех трех Пришествий Христа, а также и их время: в качестве опорных событий выбирались такие будущие события мировой истории, мимо которых невозможно пройти даже при самом беглом знакомстве с этой историей.

Людам вообще свойственно интересоваться жизнью великого завоевателя — чем больше он подчинил себе людей (захватил большую территорию), тем он *интересней*, известней, а следовательно, если можно так выразиться в рамках пророческой истории, — опорней.

Такие события-вожди суть: империя Александра Македонского и ее немедленный после его смерти распад; победившая торговый Карфаген Римская республика; супердемократ Наполеон; и так далее (см. Дан. 2:31–35; 7:1–27).

Именно «цепочность» пророчеств о Пришествиях Христа, — а пророки записывали пророческие видения *подряд, не разделяя их* на Первое, Второе или Третье Пришествия, то есть подавая их как единое целое еще и по форме, — соблазнила книжников времен Христа утвердиться в своей подсознательной мечте, что грядущий Мессия-Христос есть своеобразный «великий военачальник», который, явившись, поставит на колени все народы, а править при нем будет «царственное священство» — этнические евреи и им угодные подручные. Из цепи изымалось только одно звено, и только одно оно и рассматривалось. Однако, лишённое соседних звеньев, оно превращалось в двусмысленность, а в отягощенных умах и вовсе — в собственную противоположность.

Грядет Бог наш, и не в безмолвии: пред ним огонь поедающий, и вокруг Него сильная буря.

Он призывает свыше небо и землю, судить народ Свой:
«Соберите ко Мне святых Моих, вступивших в завет со Мною при жертве»...

...Ибо судия сей есть Бог.

(Пс. 49:3–6)

Это сказано за тысячу лет до Первого Пришествия Христа.

Господь Иисус и при Первом Пришествии был Судией, но только не того рода, который встречается в «цивилизованных» судах.

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.

Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они были злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

(Иоан. 3:19–21)

Публика-стая полагает, что о Первом Пришествии ей худо-бедно известно — по крестам и изображениям распятого на нем подобия человеческого тела.

О Втором же Пришествии публика обычно не знает ничего достоверного — хотя в Библии оно тоже описано претворенно.

Но смысл Первого Пришествия столь же непонятен без осмысления Второго, как и Второе Пришествие непонятно без осмысления

Третьего. А о ключевом Третьем, как это ни удивительно, вообще практически никто из публики не знает ничего. **Свет же есть знание о всех трех Пришествиях сразу.**

Дело, разумеется, не только в том, что в погоне за суетным люди обессиливают настолько, что не в силах дочитать «Откровение» до конца. И даже не в том, что после долгих лет обучения в проиерархических по сути своей школах и университетах люди утратили способность понимать очевидные, имеющие простой смысл тексты. Это все лишь способствующие факторы. Истинная причина в том, что *«люди более возлюбили тьму, нежели свет... и не идут к свету, чтобы не обличились дела их»*. Отсюда — и базовые эстетические предпочтения, и неспособность к чтению наиболее интересных текстов человечества.

Начнем знакомство с основной пророческой цепью с конца — с Третьего Пришествия воплощенной Истины, того самого события, которого, собственно, только и есть смысл ждать; и — мечтать.

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...

И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

...Он (Бог. — А. М.) будет обитать с ними; они будут Его народом...

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло. <...>

...боязливых же и неверных, и скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов — участь в озере, горящем огнем и серою; это — смерть вторая. <...>

И вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий город... <...>

И не войдет в него ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни.

(Откр. 21:1–10, 27)

Цель земной истории достигнута: произошло полное *очищение* нашей планеты — **катарсис**. Не останется ни одного лжеца, ни одного вождя, ни одного *исполнителя*. Вождям вместе с их субстанциями — смерть вторая.

Как нам сообщают пророки, включая и Иоанна Богослова, Третьему Пришествию Христа — завершающему историю отнюдь не нашей планеты, но грехопадения всей Вселенной, — предшествовало с промежутком в тысячу лет Второе Пришествие. (Сейчас мы не будем останавливаться на том, буквальный это срок или символический, — пусть просто: *очень продолжительный* срок.) В это время и идет тот

самый следственный суд, который предсказывали разве что не все ветхозаветные пророки, и с описания которого мы и начали эту главу, процитировав Пс. 49:3–6. Ниже приводится описание того же самого времени небесного следственного суда, составленное уже другим пророком, новозаветным — апостолом Иоанном Богословом:

И увидел я Ангела, сходящего с неба, который имел ключ от бездны и большую цепь в руке своей.

Он взял дракона, змия древнего, который есть диавол и сатана, и сковал его на тысячу лет...

И увидел я престолы и сидящих на них, которым дано было судить, и души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие, которые не поклонились зверю... Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет; прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет...

Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет.

(Откр. 20:1–6)

Но вот тысяча лет прошла, суд из обитателей Вселенной (из падших и рожденных свыше) пришел к выводу, что все осужденные **самоосуждены**, то есть в устремлениях своих тяготеют не к жизни, но к смерти — некрофилы. В глазах судий с Бога снимается тень от сатанинской клеветы, обвиняющей Бога в жестокости и несправедливости. Праведность восторжествовала!

И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места.

И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. <...>

И кто не был записан в книге жизни, тот оказался в озере огненном.

(Откр. 20:11–15)

Расслоение населения планеты произошло полностью — *каждый получил свое*. Любящий смерть (некрофил) получил предел *своих* подсознательных мечтаний — полное ничто, смерть вторую, из состояния которой воскресение в вечность невозможно; а биофил не получил ничего — жизнь вечная у него началась еще прежде начала суда.

Само собой разумеется, что во взаимозависимой Вселенной смерть и жизнь каждого создания — дело отнюдь не частное. Поэтому, чтобы удостовериться в справедливости, точнее, *закономерности* должного

произойти при Третьем Пришествии самоистребления толпы, необходима доступность информации о каждом элементе стаи. Этим и занимается суд — срывает маски с событий, выявляет их истинную подоплеку, полнота же информации открывает путь к здоровому суждению.

Вселенский суд — праздник для интересующихся правдой. Чтобы на нем могли присутствовать *все* желающие, т. е. **из всех времен и народов**, необходимо выполнение двух условий: воскресение умерших и умерщвленных стаяей, и сбор желающих в *одном* месте. Это и произойдет во время Второго Пришествия Христа.

...Тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великою; и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их.

(Мф. 24:30–31)

Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше.

(Лук. 21:28)

Не дивитесь сему: ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия, и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло в воскресение осуждения.

(Иоан. 5:28–29)

Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы (дожившие во плоти до Второго Пришествия. — А. М.) изменимся; ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — облечься в бессмертие.

Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: «Поглощена смерть победою».

«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?».

(1 Кор. 15:51–55)

Итак, праведники изменятся плотью (очистятся от всех болезней и их внешних проявлений, а также от отметин прошлых недугов), будут «восхищенны» ко Христу и, пользуясь высвобожденными из-под гнета болезней и травм возможностями своего организма, вместе со всей Вселенной удостоверятся, что в место, называемое в Библии «Новый Иерусалим», в котором и будет проходить суд, они попали далеко не случайно.

Чтобы понимать «Откровение», надо помнить, что есть *два* суда — нравственный и юридический; Христос при своем воплощении (Первом Пришествии) говорил о суде первом:

Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы.

Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они были злы; а поступающий по правде идет к свету, дабы явны были дела его, потому что они в Боге соделаны.

(Иоан. 3:19–21)

Это тот суд, который не прекращался в течение всей истории человечества.

Суд же, о котором говорится в «Откровении», — другой. Суд нравственный — это суд Бога, а тот, о котором идет речь в «Откровении» — людей и творений вообще.

Кстати, в этом суде Бог лично не участвует.

О всех трех важнейших событиях истории — Пришествиях Христа — людям было известно всегда и *не только* на уровне родовой памяти. Об этом пророки говорили и писали:

Поглощена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц, и снимет поношение с народа Своего по всей земле; ибо так говорит Господь.

И скажут в тот день: вот Он, Бог наш! на Него мы уповали, и Он спас нас! Сей есть Господь; на Него уповали мы; возрадуемся и возвеселимся во спасении Его!»

(Ис. 25:8–9)

Это — Исаия, потомок царского рода; погиб. Шесть столетий до воплощения Христа. **Воскреснет.**

Видел я наконец, что поставлены были престолы, и воссел Ветхий днями; одеяние на Нем было бело, как снег, и волосы главы Его — как чистая волна; престол Его — как пламя огня, колеса Его — пылающий огонь.

Огненная река выходила и проходила пред Ним; тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред Ним; судьи сели, и раскрылись книги.

(Дан. 7:9–10)

Это — Даниил, еще отроком уведенный в Вавилонское пленение, но даже и там не отказавшийся постигать жизнь и обретший ее глубокое познание. Пророк Даниил в точности предсказал (знал) даже год, в который должно было родиться Иисусу. **Воскреснет.**

Листая Библию, убеждаешься, что писали ее люди, которые не только не боялись наблюдать жизнь, но и не боялись высказывать о ней свое *собственное, отличное от взглядов толпы* мнение — редкое,

согласитесь, среди людей качество. Именно они, *неугодники, кунктаторы*, видя вокруг непрекращающиеся войны, по воле Божьей оказавшиеся среди перемещаемых масс населения, призывали остановиться — духовно — и указывали единственный путь выхода из стаи.

Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; для чего умирать вам?

(Иез. 33:11)

Это — Иезекииль, сын священника, был женат, очень любил жену (Иез. 24:16), но овдовел на девятом году вавилонского пленения; об обстоятельствах его гибели или смерти не известно ничего. **Воскреснет.**

Последнее наступление объединенных стай на Истину произойдет во время Третьего Пришествия. Стая будет нападать даже в последние мгновения перед своей гибелью! Убьет ее не столько сплоченность и тесное стояние плечом к плечу множества излучателей некрополя, **но та последняя волна злобы**, которая прокатится по ней, когда все ее *элементы*, окончательно потеряв человеческий облик и превратившись в тупое стадо, бросятся на штурм *Великого Города!*

Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы (воскресшие во второе воскресение. — А. М.), находящиеся на четырех углах земли... и собирать их на брань; число их — как песок морской.

И вышли на широту земли и окружили стан святых и город возлюбленный.

И ниспал огонь с неба [по допущению] Бога и пожрал их...

(Откр. 20:7–9)

Это — Иоанн Богослов, присоединился ко Христу семнадцатилетним юношей. **Воскреснет.**

Глава пятьдесят восьмая

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ

(В пророчествах Библии)

Первое Пришествие Христа было *предсказано в десятках мельчайших подробностей*, предсказан был даже год рождения Младенца — за сотни лет (!); исполнилось все. Точность исполнения про-

рочеств о Первом Пришествии косвенно подтверждает верность всех звеньев пророческих цепей, оканчивающихся Третьим Пришествием и вечностью (рожденным свыше ничего «подтверждать» необходимости нет, все и так *понятно*).

Но если время Первого Пришествия указано было точно, то время Второго в пророческих цепях указывается приблизительно — намеренно, чтобы тем по возможности отсеивать фанатиков от способных воспринимать Истину (к чему ведет сталинское разбавление метанагии «монгольскими [в смысле: *авторитарными*] национальностями» — напоминают памятники над братскими могилами). Иными словами, признаки Второго Пришествия напоминают бутоны на кустах роз: взглянешь на них — и на душе становится лучше, а ведь они еще только-только распускаются! Для *знающего* неперменное будущее столь же реально, как и настоящее.

Коль скоро произошел переход на уровень богословия, то основа для рассуждений — цитаты из Библии, описывающие *последнее время* (перед Вторым Пришествием). Упомянутых деталей *последнего времени* много, потому ограничимся в основном пророчествами только относительно *психологического* состояния человечества. Этот тип пророчеств выбран потому, что **большую их часть можно вывести логически из основных положений теории стаи!**

Итак, ограничимся только семью из предсказанных тысячи лет назад *знамений последнего времени* — то есть, периода всемирной истории, предвещающего Второе Пришествие Христа, — периода, от всех предшествующих эпох отличающегося.

Знамения Пришествия:

1. В области психики (Лук. 21:25–27).
2. В быту (Лук. 17:26–30).
3. В мире бизнеса (концентрация капитала, транснациональные компании) (Иак. 5:1–6).
4. В религиозном мире (2 Тим. 3:1–5; 1 Тим. 4:1–3; Ис. 2:6–9; Откр. 17:7–8, 11).
5. «*Мир и безопасность*». Отсутствие конкурирующих вождей — единоводие (1 Фес. 5:1–4).
6. Ругатели (2 Петр. 3:3–4).
7. Всепланетное благовестие миру (Мф. 24:14; Откр. 7:9; Откр. 14:6–7).

Рассмотрим эти пункты по порядку.

1. В области психики.

Евангелие от Луки, глава 21-я, стихи с 25-го по 27-й:

И будут знамения в солнце и луне и звездах, а **на земле уныние народов** и недоумение; и море восшумит и возмутится;

Люди будут издыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную, ибо силы небесные поколеблются.

И тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаке с силою и славою великою.

Ключевые слова — «**на земле уныние народов**». Парадоксально! Многие мечты людей исполнятся: богатств будет много, как никогда (п. 3); наконец-то сбудется то, о чем мечтательно говорили всегда — «мир и безопасность» (п. 5); восточная «духовность» будет у всех разве что не из ушей фонтанировать (п. 4), — казалось бы, жить, да радоваться!

Ан нет, вместо этого — «уныние народов». Депрессии, самоубийства (их количество и процент самоубийц в населении — величина измеримая; следовательно, показатель объективен). Даже молодые жалуются на «синдром хронической усталости», хотя, казалось бы, множество технических устройств облегчили и быт, и работу. Людей мучает **одиночество и непонимание**, и это:

- при всеобщей унифицированности, вплоть до неразличимости;
- при проникших в каждый дом средствах связи!

Все эти эмоции разоблачают стайное (иерархическое) состояние умов: отсутствие общения с теми немногими, кто способен на горизонтальные связи, следствие психоэнергетической зависимости по вертикали.

С точки зрения суверенитизма с его рассуждениями об удовлетворении потребностей, ухудшение качества жизни элементов человечества нелогично. С точки же зрения *теории стаи* все предельно закономерно: сколоченная из десяти маленьких стай большая стая психоэнергетически давит сильнее, чем те десять, друг от друга изолированных. Сказывается не только упорядочивание стаи некрофилов, но и численное их увеличение. Усиление общего некрополя *доставляет* — отсюда самоубийства, чувство одиночества, появление синдрома хронической усталости и прочее.

2. В быту.

Евангелие от Луки, глава 17-я, стихи с 26-го по 30-й:

И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех.

Так же, как было и во дни Лота: ели, пили, покупали, продавали, садили, строили; но в день, в который Лот вышел из Содома, пролился с неба дождь огненный и серный и истребил всех: так будет и в тот день, когда Сын Человеческий явится.

Никогда не было недостатка в лжепророках, которые обещали, что счастье — вот оно, не за горами, достаточно только построить библиотеки (санатории, дороги, всем — квартиры, социализм, капитализм, национал-социализм, всемирную религию, наконец...) Все это строили, строили, столько ради этих строек поубивали несогласных, но... все оставалось как всегда: надо было жить, для воспроизведения численности семьи детства искать себе хотя бы *партнера*, надо было возвести крышу над головой и добыть что-нибудь поесть. «Как всегда» — *в основе*, хотя смена оттенков стаи и объединение мелких стай во всепланетную немудимо предупреждает, что близится конец, он уже для многих настал...

3. В мире бизнеса.

Послание апостола Иакова, глава 5-я, стихи с 1-го по 8-й:

Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся (на вас)...

Золото ваше и серебро изржавело, и ржавчина их будет свидетельством против вас и съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни.

Вот плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа.

Вы роскошествовали на земле и наслаждались; напитали сердца ваши, как бы на день заклания.

Вы осудили, убили праведника; он не противился вам...

В небольших странах возможны лишь большие состояния, грандиозные же возможны только если небольшие государства сольются — т. е. сформируется всепланетная стая. При демократии торговой (рабовладельческой — кандалы железные сменились на психоэнергетические), пределов размерам состояний, как мы можем наблюдать, похоже, нет. Соответственно, нет пределов мукам зависти. Это еще одна причина, по которой, несмотря на абсолютное увеличение богатства *исполнителей*, — их бесчисленные стенания. Но и у владеющих горами золота вместо всё возрастающего счастья — всё увеличивающееся нежелание жить, и это нежелание, накапливаясь, воспроизводится в еще более, чем они, ущербном потомстве.

4. В религиозном мире.

Второе послание апостола Павла к Тимофею, глава 3-я, стихи с 1-го по 6-й:

Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие.

Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы,

недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся.

Первое послание апостола Павла к Тимофею, глава 4-я, стихи с 1-го по 3-й:

Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, *внимая духам обольстителям* (спиритизм. — А. М.) и учениям бесовским, чрез лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением.

Книга пророка Исаии, глава 2-я, стихи с 6-го по 9-й:

Но Ты отринул народ Твой... потому что они *много переняли от востока*: и чародеи у них, как у Филистимлян, и с сынами чужих они в общении.

И наполнилась земля его серебром и золотом, и нет числа сокровищам его...

И *преклонился* человек, и *унизился муж*; и Ты не простишь их.

Откровение Иисуса Христа апостолу Иоанну Богослову, глава 17-я, стихи 7-й, 8-й и 11-й:

И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей (великой блудницы, сидящей на водах [народах] многих. — А. М.) и зверя, носящего ее...

Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится. <...>

И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель.

Картина недвусмысленная и узнаваемая: вместо непосредственного общения с Богом — «духовные практики», ассоциирующиеся с Востоком: авторитаризация мышления (в частности, развитие экстрасенсорных и, как следствие, гипнотических способностей), взаимоотношения типа «учитель — ученик», что автоматически подводит под власть «великой блудницы» — «*и унизился муж*», а свою половую бестолковость, как мы видели в «КАТАРСИСЕ», начинают прятать, в том числе и за рясками и клобуками «запрещающих *вступать в брак*

(якобы избранным. — А. М.) и употребляют в пищу то, что Бог сотворил».

5. Отсутствие конкурирующих вождей — единовозжие.

Первое послание апостола Павла к фессалоникийцам, глава 5-я, стихи с 1-го по 4-й:

О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью.

Ибо когда будут говорить «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут.

Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать; ибо все вы — сыны света и сыны дня: мы — не сыны ночи, ни тьмы.

Технические средства ускоряют сбор толпы с больших пространств («карфагенянин» из Иерусалимского Храма трансформировался в организованного туриста), все совершенствующиеся средства связи позволяют одному вождю воздействовать на все большее и больше число элементов публики (*исполнителей* и субвождей) даже у них дома — словом, насыщающаяся техникой цивилизация, соединяя *исполнителя* с вождем и его свитой, способствует отнюдь не возрастанию в живущих личностных качеств, но, напротив, формированию унифицированной всепланетной стаи. Стаи будут трансформироваться во «внутреннические» и, естественно, сливаться, пока не соединятся в одно психоэнергетическое целое — а это и есть те самые, тысячелетиями ожидаемые, «мир и безопасность», которые исследователями наблюдаются в крысиных стаях, при абсолютности иерархии...

6. Ругатели.

Второе послание апостола Петра, глава 3-я, стихи 3-й и 4-й:

Прежде всего знайте, что в последние дни явятся наглые ругатели, поступающие по собственным своим похотям и говорящие: «где [исполнение] обетования пришествия Его? ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же».

Втягивание все большего числа людей и народов в формирующуюся на наших глазах всепланетную стаю увеличивает планетарную силу некрополя; одно из свойств некрополя то, что оно отключает защищающее логическое мышление и заставляет проявлять подсознательные желания. Подсознательно человек желает смерти не только себе, но и Спасителю, один раз уже распятому — но «неудачно». Как

ни парадоксально, но и некрофил томится от подсознательного желания скорейшего наступления Третьего Пришествия — **попробовать еще раз**. Отсюда и провоцирующие шуточки: «где исполнение обетования пришествия Его?». А в каждой шутке, как известно, шутки лишь лишь доля. Во всякой насмешке — прямое подсознательное *желание*.

7. Всепланетное благовестие миру.

Евангелие от Матфея, глава 24-я, стих 14-й:

И проповедано будет сие Евангелие Царствия по **всей** вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец.

Откровение Иисуса Христа апостолу Иоанну Богослову, глава 7-я, стихи 9-й:

...Великое множество людей, которого никто не мог перечесать, из **всех** племен и колен, и народов и языков стояло пред престолом и пред Агнцем в белых одеждах (спасенных. — А. М.).

Откровение Иисуса Христа апостолу Иоанну Богослову, глава 14-я, стихи 6-й и 7-й:

И увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу;

И говорил он громким голосом: убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его; и поклонитесь Сотворившему небо и землю, и море и источники вод.

Комментарии излишни.

Глава пятьдесят девятая

ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ—2

(Уточнения пророков последнего времени)

Среди духовных столпов новейшей истории есть одна, так скажем, *вестница Божья*, которая уточнила, в каких формах *конкретно* в *последнее время* будет происходить противостояние противоначал Вселенной. То, что она родилась американкой, не помешало ей не впасть в заблуждение относительно духовной сущности своей родины-территории; светлое же начало она видела именно в России.

Об особых обстоятельствах России непосредственно перед Вторым Пришествием Христа заблаговременно кто-то был должен сказать, ибо, как сказал пророк Амос, «...*Господь Бог ничего не делает* (допускает. — А. М.), *не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам*».

Однако по порядку и чуть издалека.

Пророк Амос, «*один из пастухов Фекойских*» (Амос 1:1), **не считал и не называл себя пророком**, о чем сказал прямо: «*Я не пророк и не сын пророка... но...*» (Амос 7:14–15).

Эти слова Амос за семь с лишним столетий до н. э. сказал Амасии, главному иерарху госрелигии (Амос 1:10), когда тот потребовал, чтобы Амос не пророчествовал «*против*» своего народа. Именно так — «*против*» — первосвященник понимал вскоре сбывшееся пророчество Амоса: «...*Израиль непременно отведен будет пленным из земли своей!*» (Амос 7:11).

И отвечал Амос и сказал Амасии: я — не пророк и не сын пророка; я был пастух, и собирал сикоморы (плоды фигового дерева, самые дешевые из всех плодов той местности. — А. М.).

Но Господь взял меня от овец и сказал мне Господь: «*иди пророчествуй к народу Моему Израилю*».

Теперь выслушай слово Господне. Ты говоришь: «*не пророчествуй на Израиля и не произноси слов на дом Исааков*».

Но вот что говорит Господь: жена твоя все равно будет обещена в городе¹; сыновья и дочери твои падут от меча; земля твоя будет разделена межевою вервью, а ты умрешь в земле нечистой, и Израиль непременно выведен будет из земли своей.

(Амос 7:14–17)

Итак, если коротко: самый главный в иерархии госсвященник, один из череды *идеологов*, почитаемый толпой и правителями за способность убедительно извращать суть мессианства (христианства), пытается приказать человеку без диплома, пастуху и собирателю сикомор заткнуться и не мешать ему, уважаемому человеку, врать и наслаждаться пребыванием во лжи.

К счастью, встречаются иногда люди, которым легко и приятно говорить только правду. В том числе легко и приятно предсказывать совершенно закономерные и для здорового и верно направленного ума совершенно очевидные события будущего, тем более что сбываются их предсказания не частично, как у лжепророков, но полностью.

¹ Текст по сравнению с извращенным на торгашеский манер синодальным переводом поправлен, что обсуждалось в главе «Вавилон „Апокалипсиса“ и занимающиеся на его улицах торговлей».

Амос не внял напору самой уважаемой религиозной иерархии. И не замолчал. И, очевидно, первосвященник-предатель и его семья, как и было предсказано, в результате любви ко лжи погибли в «нечистой земле».

За тысячелетия не изменились не только первосвященники.

Не изменились и пророки Божьи.

Не могла молчать и одна женщина, родившаяся в XIX веке в Соединенных Штатах. Не молчала, хотя ей пытались заткнуть рот священнослужители и первосвященники разных иерархий, — словом, иерархии как таковые.

И ее предсказания тоже исполнялись полностью.

Хотя она, подобно Амосу, тоже не называла себя пророком. Но просто: Елена Уайт, христианская писательница.

Или: вестница Божья.

Но мысли она высказывала поистине нетипичные.

К примеру, все многочисленное множество «пророков» и «просветленных» сходятся в общем для них кредо: уж моя-то *организация* есть самая правильная из всех организаций, учитесь в ней... у нас учитесь... у меня учитесь, **я** вам передаю Божью мудрость.

Но Елена Уайт говорила: учиться надо у *Бога*. И в слова эти, достаточно затасканные и извращенные, Елена Уайт вкладывала изначальный смысл. В частности, она говорила (предсказывала), что ее собственная церковь (адвентистов седьмого дня — кстати, единственная организация, которая причислила ее к пророкам, после ее смерти, разумеется, и беспардонных над ней издевательств при жизни), — это всего лишь *организация*, которая как была при ее жизни *мертвой* (Лаодикийей — см. Откр. 3:14–22), так таковой и останется вплоть до Второго Пришествия. Будут, писала она, спасенные и среди адвентистов, но только один из сотни, да и то «*как бы из огня*»... **Но зато будет великое множество**, — говорила эта адвентистка, — **спасенных вне адвентистской иерархии**. Разве не ересь для ушей всякого «благонадежного»?!

Елена Уайт (1828–1915) много писала, что еще при ее жизни пасторский корпус некогда живого адвентистского движения превратился в бездуховное сообщество не знающих Бога людей, и, следовательно, не научившись сами, они ничему *научить* не способны, — и иерархия адвентистов ей мстила не только при жизни, но **пуще всего отомстила ей после смерти**.

Месть заключалась в том, что ее канонизировали в старых «добрых» традициях религий для масс — и превратили в цитатник, «источник полноты Истины».

В этой абсолютизации всякий, хоть слегка задумывавшийся над содержанием ее книг, обнаруживал внутреннее противоречие: если к каждому записанному слову покойной относиться как к непогрешен-

мой истине, то как быть с ее собственными многочисленными высказываниями о том, что по многим вопросам Бог ей ничего не открывал (*следовательно, высказывала она по ним всего лишь традиционные суеверия, характерные для самохвальной американской «культуры» XIX века*)? Как относиться к ее, Елены Уайт, многочисленным вариациям на тему «будущим поколениям будет явлен еще больший свет», и если уж писанное мерило веры существует, то это не ее книги, а — Библия? Как вообще относиться к ее очевидной позиции, что каждый человек должен заново переосваивать пространство Истины, и авторитетов в этом деле быть не может, а одно только *прямое* общение с Богом?

Позиция самой Елены Уайт ясна и однозначна: ее творчество — лишь подспорье в *самостоятельном* освоении пространства Истины. Иерархия же все извратила — и превратила в подобие внутренне противоречивого марксизма.

Итак, противоречие, недоступное умам иерархов, если коротко, в следующем: если *каждое* ее слово верно, то верны и все ее косвенные указания на то, что в ее текстах много неверного, следовательно, *каждое* ее слово верным считать нельзя. Если же считать, что неверны ее прямые высказывания об ошибочности ее некоторых воззрений, но, напротив, она права во всем, — то она все равно *не во всем* права, следовательно, *каждое* ее слово, а значит, и все творчество в целом, последней инстанцией Истины быть не может.

Месть иерархии в том и состояла, что ее фактически объявили *оракулам* — какие по поводу ее слов и текстов могут быть рассуждения! Превратив ее в цитатник, субиерархия адвентистов над Еленой Уайт в очередной раз надругалась. (Вообще-то, подобное желание умертвить живое откровение, превратив его в цитатник, присуще всем *идеологическим* субиерархиям. Вот уже третью тысячу лет множество различных церковных субиерархий издеваются подобным же образом над Святым Духом, пытаясь превратить в цитатник живое Слово Бога — Библию.)

Конечно, были проведены и специальные административные мероприятия: иерархия, завладев ее архивом, к более чем половине ее литературного наследия доступ перекрыла полностью, а остальное издается или в порезанном виде, или... словом, способов множество.

Но затемнить и перевернуть *всё* иерархии не удастся: даже пропускаемые церковной цензурой отрывки, не говоря уж о книгах, прорываются к тому, кто стремится мыслить, идеями — и какими по насыщенности идеями!

Впрочем, хорошего писателя не перескажешь, его надо читать.

Для наших же целей ограничимся только теми некоторыми предсказаниями Елены Уайт, которые **можно получить и без мистических видений, — а строго логически, выводя логические следствия из теории стаи.**

Елена Уайт, презрев обязательный для американцев дешевый патриотизм, многократно повторяла, что демократическая и протестантская **Америка станет центром последней волны борьбы с инакомыслием, последней волной кровавой инквизиции.** (Это предсказание адвентистские «внутренники» и «болото» по всему миру обычно понимают так: была хорошая-хорошая демократическая страна, наилучшая в мире, но **вдруг, неожиданно, наперекор самой себе** становится деспотией. Однако, *теории стаи* никакое **«вдруг»**, типа джинна из бутылки, не требуется. Все закономерно и внутренне не противоречиво. Так уж ли будет палочная деспотия? А может быть, демократия-наполеоновщина и есть тот самый питательный бульон, на котором неминуемо произрастет Антихрист? Нет, вовсе не кнутом он будет помыкать «просветленными» энтузиастами...)

Елена Уайт предупреждала о том, что Америка в *последнее время* будет представлять собой единство отступившего протестантизма с католичеством, и католики будут «вести». Католичество изменится и приспособится, но в основе своей — стайно-инквизиторской (чего стоят те зверства, которые оглашались на процессе в Сербии в 1946 году над шестью католическими священниками-францисканцами — палачами-садистами Ясеновацкого лагеря смерти!) — не изменится.

В XIX веке слышать про грядущее окатоличивание в тогда еще по форме **протестантской** Америке было охлосу невозможно — но не потому, что в те времена католиков в Соединенных Штатах насчитывалось ничтожное меньшинство, а большинство составляли никак не могущие между собой договориться о конкретных догмах «истины» разноконфессиональные протестанты, не мыслившие существования без тесноты многолюдных еженедельных «собраний».

Сейчас, в конце XX века, католиков в Штатах уже больше 40% — и их удельный вес в населении растет.

Исполнилось ли и это предсказание Елены Уайт? Исполняется!

Она предупреждала также и о том, что Америка, в XIX столетии бывшая занюханной провинцией, не представлявшей ни малейшего интереса для таких людей как граф Толстой и граф Игнатъев и не имевшей никакого политического влияния в мире, перед Вторым Пришествием станет сверхдержавой, гегемоном мира. «Здравомыслящим» и это казалось невозможным, однако — *исполнилось*. И вот уже американские самолеты бомбят «внешников», навязывая выжившему «болоту» свою «внутренническую» логику, а американское жулье чувствует себя хозяевами уже в большей части мира.

Итак, Америка — которая в средствах массовой так называемой информации самовозвеличивается как оплот *свободы* — центром последней волны инквизиции естественным образом будет.

«Невозможно! У нас *правовое* государство! У нас Конституция это запрещает!»

Но был опыт Второй мировой войны, когда в погоне не то что всех законов, но даже и собственной Конституции, всех американцев японского происхождения в одночасье арестовали и поместили в концентрационные лагеря — до самого разгрома «внешнической» Японии объединенными силами союзников. Да, оставшимся в живых выплатили аж спустя полсотни лет компенсацию и принесли извинения. Выжившим. А вот реабилитированным в 1977 году Сакко и Ванцетти, казненным безо всяких доказательств в начале 20-х на электрическом стуле только по желанию верного раба «внутринической» иерархии судьи Кацмана, извинений уже не принести...

В сущности, Елена Уайт ничего *нового* не предсказала (пророчества о событиях вообще были на периферии ее интересов; главное — личность Христа и осмысленные прямые с Ним взаимоотношения), — она лишь *уточнила* некоторые библейские пророчества.

Скажем, в 1850 году, когда первые вести о спиритических сеансах воспринимались как некая экзотика, *когда спиритисты еще отчетливо противопоставляли себя христианству*, Елена Уайт печатала статьи с предупреждениями, что спиритизм есть обман сатаны *последнего времени*. Скоро, — предупреждала она, — он станет не только популярен, но и сольется с популярными формами христианства. Что это, как не *уточнение* известного библейского пророчества:

Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, *внимая духам обольстителям* (спиритизм. — А. М.) и учениям бесовским.

(1 Тим. 4:1)

Это — уже новозаветное пророчество, уточнение предыдущего пророчества, ветхозаветного, произнесенного Исаией:

Но Ты отрунул народ Твой... потому что они *много переняли от востока*: и чародеи у них, как у Филистимлян, и с сынами чужих они в общении. <...>

И *преклонился* человек, и *унизился муж*; и Ты не простишь их.

(Ис. 2:6–9)

Точно так же, Елена Уайт — подобно Амосу возвестив неприятные для *исполнителей последнего времени* слова об особенной богопротивности Америки, этой возделанной ярыми сектантами и уголовным жульем территории, — в сущности, лишь *уточняла* пророчества «Апокалипсиса» о последнем времени, об участии в событиях идеологизированной государственной власти («зверя»), и того, что форма идео-

логии будет не новой, но лишь повторением одной из прошлых («*восьмый из числа семи*»), *христианской* лишь в восприятии *охлоса*, путающего *переживания с покаянием*.

Что это как не уточнение пророчества?

Откр. 17:7–8, 11:

И сказал мне Ангел: что ты дивишься? я скажу тебе тайну жены сей и зверя, носящего ее...

Зверь, которого ты видел, был и нет его, и выйдет из бездны и пойдет в погибель; и удивятся те из живущих на земле, имена которых не вписаны в книгу жизни от начала мира, видя, что зверь был, и нет его, и явится...

И зверь, который был и которого нет, есть *восьмый, и из числа семи*, и пойдет в погибель.

Стоит ли повторять, что и библейские пророчества, и уточнения Елены Уайт идеально согласуются со следствиями из *теории стаи*?

Глава шестидесятая

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ РОЛЬ РОССИИ ПЕРЕД ВТОРЫМ ПРИШЕСТВИЕМ ХРИСТА В ПРЕДСКАЗАНИЯХ ДУХОВНЫХ УЧИТЕЛЕЙ РАЗНООБРАЗНЕЙШИХ РЕЛИГИЙ. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ИХ ПРОРОЧЕСТВ (ПРОЗРЕНИЙ) СЛЕДСТВИЯМИ ИЗ ТЕОРИИ СТАИ

О Россия!
Ты мчишься, летишь,
И в движение своем
Ты свободна.
Ты одна паришь над *всеми* странами...

Момота Содзи, японский поэт

...*Одна мятежная Нация*
Противостоит *благу, которого мы желаем*,
Ее губительное влияние
Отравляет воздух, которым мы дышим.
Остров, от нас отделенный...

П. Шанен, французский поэт
«Поэма о Русской кампании»

Всякое движение как знамя воздымает некую книгу (неважно, выполняются ли адептами записанные в ней заповеди, или нет) или даже многотомник писателя, желательно покойного. Елена Уайт как писательница, генератор идей и, в сущности, пророк, признается в раз-

ных религиозных течениях, равно считающих себя истинно адвентистскими. Таких организаций много, они едины в трех десятках догматических вопросов, организационно же взаимовраждебны; центр самой массовой из них иерархии — Всемирной Церкви (Генеральной Конференции) христиан-адвентистов седьмого дня — в Соединенных Штатах.

История адвентистских *организаций* в России началась в 1886 году в Крыму с крещения иностранным (немецким) миссионером существовавшей и прежде общины из этнических немцев. Немцы были настоящие, довоенные, т. е. «внешники»; и отчасти этим, отчасти отсутствием связи с Соединенными Штатами российский адвентизм с 1886 по 1928 год придатком американской головки иерархии не был, а если и был, то эфемерным. А с 1928-го по, примерно, 1988-й, по причине «железного занавеса», российские адвентистские иерархии, даже самая из них массовая, и вовсе развивались, несмотря на переводные брошюры, административно самостоятельно. «Внешничество», среди прочего, поддерживалось и тем, что штат пасторов вполутайне от прихожан подбирался с одобрения соответствующего отдела КГБ, а нередко и по его инициативе.

А на рубеже 80–90-х годов XX столетия самую массовую из российских адвентистских иерархий *подменили* — в прямом смысле слова. Со стадионов американские «евангелисты» привели десятки тысяч созвучных «внутреннической» воле — приведенные попросту растворили в себе старых «внешников», которых от власти где устранили впрямую, а где создали такую атмосферу, что они ушли в отколы сами. «Болото» же, естественно, спокойно восприняло, что во главе должностной иерархии вдруг оказались американские подданные, что пришли «новые пасторы», психологически подобные тем, кто их подбирали — словом, церковное имущество, непрерывно приносящее немалые деньги (десятину и другие сборы, аккуратно выплачиваемые любому, кто профессионально горячится на кафедре) и собранное прежними поколениями «внешников», перешло во владение «внутренников» из Америки и подобранных ими «новых пасторов», — узнаваемая махинация.

Былая *относительная* независимость дореволюционной и советской адвентистской иерархии от американского центра — случай в массиве адвентистских организаций не уникальный: существуют десятки отколов от «внутреннической» иерархии. **Естественно, кроме как в советской церкви именно в отколах могли позволить себе помнить то, что «внутренническая» иерархия, ограждая себя от боли обличения, должна была забыть (а лучше извратить) любой ценой.**

Например, если Елена Уайт в конце XIX века предупреждала, что центром зла на планете станут Соединенные Штаты, то в наиболее мас-

совой адвентистской иерархии постулируется, что Соединенные Штаты — свет миру. (Разумеется, постулируется с оговорками, причем достаточное неумными, — сущность же постулата сохраняется: *свет миру*.)

Интересный факт: в старом советском адвентизме из уст в уста передавались приписываемые Елене Уайт пророчества о не просто некой особой роли России перед Вторым Пришествием Христа, но роли исключительно возвышенной — как о «последнем островке **свободы** на планете».

Если бы эти устно передаваемые пророчества циркулировали только среди адвентистов из этнических русских, или, хотя бы, среди российских адвентистов, то это было бы понятно: национальная гордость, дешевый патриотизм: как-никак, лестно принадлежать к *наивозвышенной* территории!

Но эти пророчества сохранялись и передавались не только среди этнических русских, но и среди адвентистов других народов (автору известно про румын, молдаван, финнов, гагаузов, болгар; видимо, список этими народами не ограничивается).

Вообще говоря, об особенной, чуть ли не мессианской роли в будущем планеты именно России восклицали и Рерихи, и Блаватская, и преподобный Серафим Саровский, и Даниил Андреев, и Порфирий Иванов, и даже Адольф Гитлер (перед самоубийством) — но никто из них не объяснял (да, видимо, и сам не понимал) — *почему*. Вивекананда, индуст и индеец, почитаемый среди своих за великого учителя, тоже говорил о величайшем в будущем значении именно России — и тоже не знал — *почему*.

Упомянутые же прорусские адвентисты, в абсолютном большинстве, как говорится, не отягощенные университетским образованием и навыком книжного самообразования, знали все-таки больше — пусть и ненамного.

Итак, передаваемые из уст в уста приписываемые Елене Уайт пророчества гласили, что:

— во-первых, непосредственно перед Вторым Пришествием Христа, когда христианствующая толпа в форме государства — планетарного гегемона начнет на этот раз уже *всемирные* гонения на истинных христиан, — а предсказание об этом записано в Библии (Откр. 13:15), — то **Россия будет последним островком истинной свободы на планете**, и придет время, когда некоторые «неправильные» американцы будут *именно в России* спасать свою жизнь;

— во-вторых, непосредственно перед Вторым Пришествием **Российская империя начнет распадаться на части**.

Американцы-«внутренники», подмявшие под себя высокодоходное адвентистское движение (вернее, только *массовые*, явные, зримые, уже теперь согласованные с правительствами всех стран, его формы)

утверждают, однако, что, хотя в *сохранившихся публикациях и рукописях* Елены Уайт и есть предсказания, что после начала гонений многие американцы будут бежать в «пустыню», но вот что понимать под термином (символом?) «пустыня» — это вопрос. Толкования могут быть самые различные: от понимания буквального — пески и барханы, до ультрасимволического — вынужденного отказа от общения с окружающими, обета молчания и т. п. Короче, слушайте *нас*. Мы — без всяких хи-хи! — свет миру.

В этом известном подходе — «есть бумажка? нет бумажки!» — и является слабина академического богословского подхода. Дежурная шутка на этот счет следующая: если в Библии не приведена таблица умножения, то можно ли верить, что дважды два — четыре??. Иерархо-академический богослов при подобных вопросах обычно яритя до истерики.

Используем историко-психологический подход.

Логически правомерно полагать, что последняя волна преследования истинных христиан (при этом под погромы непременно подпадут и люди, лишь *внешне* кажущиеся истинно верующими) начнется не одновременно повсюду, а с одного места (согласно пророчествам, с Соединенных Штатов), центра последней цивилизации; **остальные же страны будут угодливо уподобляться, но с разной скоростью и с неодинаковым рвением.**

Следовательно, выявится государство, которое унижится до холуйского подражания первым; но в то же время будет и такая страна, которая окажется последней. **Иными словами, можно утверждать, что на планете есть такая страна, в которой движение сопротивления американскому гегемонизму будет особо сильным.** Остается только эту страну «вычислить».

Вообще «внутренникам» психологически или духовно сопротивляться могут только «внешники» (после уничтожения генофонда довоенных немцев это — некоторые страны фундаменталистского ислама) и *неугодники*.

Очевидно, что грядущим Сверхвождем-«внутренником» в последнее время окажутся «обманутыми» стадные *всех типов*, не только собственно «внутренники» и «болото», но и сохранившиеся «внешники».

Психологическое подчинение (пленение) даже «внешнических» национальных вождей — президентов, царей и т. п., всегда, согласно правилам игры, симулирующих психологическую независимость (соблюдение национальных интересов), — перед Вторым Пришествием будет еще более эффективным, чем подчинение Гитлером Сталина и пленение миллионов комсомольцев-сталинцев.

Комсомольцы-сталинцы много на «антифашистских» собраниях горячились, волновались вполне искренно, хором скандируя, что «ес-

ли враг нагрянет», то воевать будут, и притом непременно на территории врага. А что вышло?

Грядущий Сверхвождь (со слащавым, сладеньким выражением лица «супер-истинного христианина») будет настолько дегенеративен, что проломится в родовые «внутреннические» невроты даже самых ярких «внешников».

Итак, при появлении в конце *последнего времени* Сверхвождя, на планете не окажется ни одного субвождя, который сможет, как в прежние века, отгородиться оборонительными линиями, расстояниями и населением. Для многих случится неожиданное: даже те, кто более других с седилица правителя страны обличал гегемонизм Соединенных Штатов, Сверхвождю подчинится — став сообщником и преследователем *неугодников* (с того момента уже *курьеров*).

Те из читателей, которые следят за событиями в мире, видимо, догадались, что речь идет о странах ислама, в которых многие видят противовес англоязычному миру. Государственные чиновники именно мусульманских стран громче других клеймят американцев, противопоставляя гяурам, как кажется этим чиновникам, полную противоположность — воинствующий ислам. Тот самый ислам, соблюдая предписания которого, мужчины длинными рядами в затылок друг другу в точно установленное время становятся на четвереньки и ритмично, как мириады одновременно мигающих светлячков, отбивают поклоны, нисколько даже не сомневаясь, что происходящий классический массовый транс и есть *молитва* — интимный и всегда *индивидуальный* разговор с Богом.

Для доказательства возможности рабского подчинения мусульман гяурам достаточно вспомнить упоминавшуюся Восточную войну 1853–1856 годов.

Вот что пишет саркастически настроенный академик Тарле о перебитых атакующими русскими и **добываемых *своими же*, стоящими во втором ряду, союзниками-англичанами** турках в деле под Балаклавой в 1854-м:

Эти поистине несчастные турки, превращенные в Камышовой бухте ***французами*** в вьючных животных, ***англичанами***, напротив, были обращены в передовых, так сказать, бойцов и посажены на редуты, чтобы защитить своей грудью английский лагерь и склады в Балаклаве. Турок принято было кормить очень скудно, бить смертным боем за провинности, к общению не допускать, даже офицеров турецких за стол с собой не сажать. И вообще если в свое время в Константинополе султан Абдул-Междид буквально не знал, куда ему спрятаться от великодушного покровителя и спасителя Оттоманской державы лорда Стрэдфорда-Рэдклифа (энергично подталкивавшего султана к войне с Росси-

ей. — А. М.), то подданные султана, страдавшие в Балаклаве, еще меньше чаяли найти себе где-нибудь спасение от хлыстов и палок своих английских союзников... Уцелевшие турки были безжалостно перебиты и изранены англичанами...

(Тарле Е. В. Крымская война. Т. II. Гл. 6)

В конце концов, можно вспомнить, что «внутренник» Наполеон принял ислам и вполне был принят восторженным населением ограбленного им Египта за *своего*. И свой абсолютный восторг мусульмане *рационализировали* тем, что пришел *свой* — мусульманин. Как будто, не прими Наполеон ислам, его бы любили меньше... Но живут люди не по умозаключениям, опирающимся на рационализации.

Таким образом, не исламский мир, претендующий на некую культурную и духовную особенность и исключительность, сможет противостоять Сверхвожде.

Итак, если не мусульмане, то кто же?

Не китайцы — достаточно вспомнить, как японцы-«внешники» во время войны выстраивали не сопротивляющихся китайцев в длинные шеренги и, пользуясь одной палочкой для риса, которую они, вставив в ухо жертвы, ладонью вгоняли ей в мозг, — уничтожали всех. Так было умерщвлено 15 миллионов «евреев Юго-Восточной Азии» — так называют китайцев, — о которых планетарные *идеологи*, поглощенные оплакиванием намного менее многочисленных жертв Аушвица, не вспоминают.

Какая страна, какой народ своими поступками выделялся из числа остальных в обозримом прошлом, скажем, в течение последних столетия-двух существования человечества? Где гибли сверхвожди?

Это — Россия, русские.

Она распознается при разных подходах:

- по отклоняющемуся поведению при нападении сверхвождя;
- по тому, что в нее столетиями стекаются *неугодники*;
- по, наконец, нетипичному фольклору (у Иванушки-дурачка, как, впрочем, и у чудо-богатырей, нет обязательного в других национальных традициях учителя — Пьер вынужден мужать *сам*).

Выявляется эта единственная в своем роде страна и по характеру из нее эмиграции. Действительно, Россия — единственная страна, которая активно денекрофилировалась, причем, **что самое главное**, многими *противофазными* волнами:

- исход сотен тысяч евреев («внутренников») в США в 1881 году;
- исход трех миллионов *ярких* «внешников»-дворян и части «внутренников» в 1917–1922 годах;
- истребление законченных «внешников» в 37-м;
- истребление «комсомольцев» в 41-м;

- истребление немцами сдавшихся или не успевших эвакуироваться евреев-«внутренников» в 1941–1942 годах;

- исход в англоязычный мир предателей Родины в 45-м — отобранных «правоверными демократами» в погонах армии США;

- массовые расстрелы сотрудничавших с Гитлером русскоязычных «внешников» в 45-м;

- исход трехсот тысяч евреев («внутренников») в 49-м;

- исход немцев («внешники»), отделение «внешников» (Чечня) и эмиграция «внутренников» (воров и мошенников всех национальностей) на рубеже 80–90-х годов;

- исход в англоязычный мир проституток, чемпионов, секретарей комсомола, истеричных «диссидентов», художников и определенной части «остепененных» научных работников (типа доктора наук — сына генсека Никиты Хрущева, на попойках танцевавшего перед Сталиным украинские народные танцы), кинорежиссеров и прочей мрази в 80–90-х годах.

Никакая из стран столь активно в XX веке не очищалась!

А когда Россия стала не как все?

Скажем, какой она была в 1812-м?

Определить это можно только по эстетическим предпочтениям совмещающихся с иерархией — желательно, придворных лизоблюдов.

Легче всего проговариваются поэты. Ниже приведены несколько выдержек из стихотворных опытов знаменитейших французских авторов эпохи Наполеона, написанные ими по поводу взятия Москвы.

...Падите, башни Кремля!

Падите, час настал!

Вот эти воины, **столь часто не поддававшиеся!**

Ваша безнаказанная гордыня чрезмерно возвысилась:

Как она обрушилась к вашим подножиям.

...Не спорь с его блестящей победой, Москва!..

Ж. Б. Баржо. Ода «Завоевание Москвы»

...**Одна мятежная Нация**

Противостоит **благу, которого мы желаем,**

Ее губительное влияние

Отравляет воздух, которым мы дышим.

Остров, от нас отделенный...

П. Шанен. «Поэма о Русской кампании объединенных армий Франции и Германии»

(Цит. по кн.: *Верещагин В. В.* Наполеон I в России. С. 131)

Итак, в 1812-м Россия уже была не как все, а раньше что? Судить не беремся.

Курсы истории мало что дают, потому что их авторы, судя по результатам, выполняли заказы на прославление иерархического начала, и потому суть курсы истории иерархий.

Сохранившиеся источники? Они тоже порождение иерархий.

Разве что необычный фольклор — только его древность и указывает, что Россия как **Родина** существует уже не первое столетие.

При недостатке исторических сведений можно только предполагать, но зато с высокой степенью достоверности (а психологическая достоверность, вообще говоря, намного более надежное доказательство, чем обычно однобокие доказательства исторической науки), что сущность истории России подобна сущности истории Сербии. Из того, что в XIV–XV веках еретики со всей Европы спасались именно в Сербию, видимо, следует, что она уже отличалась от других стран и психологически тоже. Вообще история метанации всегда начинается с первого *неугодника*, имя которого история наверняка не сохранила (за исключением разве что Авраама и Моисея).

Россия *началась* прежде 1812 года — о чем и свидетельствует *русский* фольклор. И уже тогда стала раздражать стаю Наполеона больше, чем маленькая, но удаленная Сербия — о чем и пишут поэты-«внутренники», прославлявшие Наполеона. О том же свидетельствует и тот факт, что Наполеон дошел до границ Сербии — но повернул обратно.

Сербия и Россия, действительно, не одно и то же не только по размерам территории — они разные и по психологии матричного этноса* (матричный этнос — метанация за вычетом *неугодников*). Российская «глубинка» даже после грандиозных потерь во Второй мировой войне — по-прежнему, скорее, «внешническая» (отсюда и обожаемые таких вождей, как Николай I и Сталин, и презрение к торгашам); Россия — империя, в то время, как Сербия — преимущественно «внутренническая» (отсюда, скажем, и особый оттенок югославского социализма, и изначальная массовость партизанского движения в 1941 году).

Именно это различие оттенков матричного этноса и определяет, что метанацией в последнее время будет прежде всего Россия.

«Враг моего врага — мой друг» — принцип известный и, пока враг не ослабел, работает безотказно. В соответствии с этим принципом, во времена сверхвождей «внешнического» типа (когда и «болото» становится «внешническим») *неугодники* оказываются «естественными» союзниками «внутренников», которые *неугодников*, в особенности если те себя таковыми не осознают, вполне готовы терпеть. Во времена же сверхвождей-«внутренников», когда в большинстве своем психологически зависимое население становится «внутренническим»,

неугодники становятся «естественными» союзниками уже осажденных «внешников». Наполеоновские войны, а вслед за ними и войны Мировые изменили пропорции типов населения на планете — и завистливая ненависть к *неугодникам* со стороны «внутреннического» мира выдавливает их в мир «внешнический». То есть, в Россию.

Указанное психологическое различие также отчасти объясняет, почему Наполеон меньше ненавидел Сербию, чем Россию. Наполеон дошел почти до границ Сербии, но повернул и занялся другими европейскими странами, вернее истреблением в них «внешников», а потом и вовсе главной и единственно по-настоящему ненавистной страной — Россией. Спасибо верноподданным французским поэтам, благоденствующим только за счет угадывания чувств хозяина, — выразили они чувства своего повелителя отчетливо.

Пророчества говорят о *единственном* островке истинной свободы. А как же Сербия? Произойдет ли исход всех сербских *неугодников* в Россию? Возможно, и произойдет. Хотя и не исключены и другие варианты. Возможно, Сербия будет уничтожена. Или заключит политический союз с Россией и, по аналогии с Советским Союзом, это содружество подхалимами всей планеты будет с ненавистью называться одним словом — **Россия**.

Глубинная причина всех во Вселенной конфликтов — это ненависть носителей некрофильного начала к носителям начала биофильного. Не будь *неугодников*, один из типов стайности давно бы возобладали — с установлением «христианской» любви крысиного типа; это, в географических, правда, терминах, осмысливал даже Гитлер.

Но всякие бедствия, в особенности войны, обладают оборотной, а на самом деле главной стороной — любое бедствие превращается в катарсическое (очищающее) испытание — для *неугодников*.

Отсюда следует, что история метанаций не может, к сожалению, не быть кровавой.

Бедствия вообще, в частности ужасы Великих войн, в результате которых на территории России концентрировались *неугодники*, есть воля Провидения, идущая, в конечном счете, на благо, которое заключается в том числе и в постепенном очищении России от некрофилов. Способность к психоэнергетической независимости от сверхвождей, в частности, способность сопротивляться усилиям толпы вовлечь каждого в свои преступления, не возникает по мановению волшебной палочки. Все это результат самовоспитания, вернее, боговоспитания — в том числе и в масштабе нескольких поколений. Отсюда и допущенные ужасы Великих войн.

Революции 1917-го и последующие за ними события вели к **духовной поляризации планеты**: *неугодники* концентрировались в России, «внутренники» — в англоязычном мире, а «внешники» друг друга частично повыбивали.

В точности к тому же результату привела и Вторая мировая война.

В плену у немцев оказывались разные люди, некоторые действительно попадали туда в беспомощном состоянии, контуженные — словом, против собственной воли (подсознательной). Они совершали побеги из лагерей, присоединялись к партизанам и рвались в Россию. Они отделались сравнительно небольшими сроками в ГУЛАГе или вовсе туда не попали. Но сотни тысяч пленных, казаков, кавказцев и прочих власовцев на *родину* не хотели — вплоть до истерик и вскрытия себе вен. Но их все равно репатриировали и, согласно их нежеланию в России *жить*, — немедленно по выгрузке расстреливали.

Американцы оказавшихся в их зоне оккупации русскоязычных делили на классические три части. Те, которые рвались в Россию, естественно, были возвращены, тем более, что американцы на Крымской конференции обязались репатриировать *всех*. А вот не желавших в Россию вернуться американские военнослужащие делили на две части — **тех, кто офицерам нравился, и тех, кто не нравился!** Никакого следствия не проводилось, — все решали одни ассоциативно-эстетические предпочтения. Тех, кто *нравился* — то есть *таких же, своих*, — в обход международных договоренностей прятали от репатриации и отправляли к себе, где эти *поправившиеся* впоследствии давали потомство, которое, собственно, и составляет сущность нации-гегемона; а тех, кто *не нравился*, то есть «внешников», — вывозили под пули энкавэдэшников.

Кто оказался отобранным к размножению в Америке? Одни только «внутренники», или некоторая часть «внешников» тоже?

«Внешники» в стае «внутренников» нужны, но лишь в ограниченной, строго дозированной пропорции, — подобно тому как в стае «внешников» нужны *идеологи* — но немного.

«Внешники» попадали в Соединенные Штаты все-таки скорее как исключение, несмотря на обилие примеров. Скажем, американцы выбрали в себя множество нацистских преступников, освободив их от ответственности или подведя под знаменитые амнистии (в результате которых приговоренные на десятки лет изоляции вышли на свободу уже через несколько месяцев). В частности, в американском народе растворились (**но не исчезли!**) врачи-садисты, которые на военнопленных ставили эксперименты: замораживали в ледяной воде, измеряя время, через которое наступала смерть, или хладнокровно наблюдали через толстостенные стекла, как русские военнопленные

гибли в барокамерах, когда оттуда откачивали воздух. Также в Соединенные Штаты вместе со своим потенциальным потомством перебрались все ученые, участвовавшие в проекте «Фау»; с помощью ракет, созданных этими «интеллектуалами», немцы убивали мирных жителей Англии.

Но американцы отбирали для размножения, разумеется, прежде всего близких себе по духу «внутренников».

Как бы то ни было, но и во Вторую мировую войну тем или иным способом часть «внешников» и часть «внутренников» **от себя Россию очистили.**

Итак, очередной катаклизм (Вторая мировая война) привел к дальнейшей поляризации психоэнергетического поля на планете, направленность процесса расхождения биофилов и некрофилов к разным полюсам была та же, что и в 1917 году.

XX век завершился распадом Советского Союза — и **опять движения масс людей отчетливо указывали на продолжение процесса поляризации психоэнергетического поля планеты!!**

Массовые переселения за пределы Советского Союза после войны (если не считать переселения отпущенных трехсот тысяч евреев во вновь образовавшееся государство Израиль) начались в 80-х годах и особенно возросли после развала Советского Союза.

Как уже отмечалось ранее, несложно заметить, что пределы бывшего Союза, и в особенности России, покинули совершенно определенные категории населения.

Прежде всего, это потомки отсидевшихся в войну по штабным парикмахерским «внутренников» и *идеологов* — эти категории Отечественная война вычистить из России не смогла.

Уехали не уехавшие перед войной немцы (тоже интересно: перед войной немцы не хотели уезжать из нищеземель, однако «внешнической» сталинской России, но стоило прийти к власти «внутреннику» Горбачеву...). И потомки выбравших власть Сталина (этот тип «внешников» войну пережил в шахтах и на заводах) из России вымелись.

Выезд в период развала Союза и резкого падения уровня жизни требовал значительных денег; естественно, набрать нужные суммы могли только те, кто в прежние времена умел «достать языком» до главного во всякой иерархии места — или жульничал в системе госторговли.

Уехали чеченцы — в Германию охранниками.

Уехали певички, проститутки и победительницы конкурсов «красоты».

Уехали комсомольские вожди (или вошли в банковские структуры — что то же самое).

Уехали успешные торговцы.

Уезжают «крутые» и «новые русские», опасаящиеся мести ими обворованных.

Этому исходу тех, которых «тянет», можно только радоваться!

Ужасы и нищета «перестройки» России были необходимы — а как иначе от них избавиться?

Поляризация населения планеты продолжается. Все отчетливее проявляются два разноименно заряжающихся психологически противоположных полюса: Соединенные Штаты и **Родина** — и это является даже при ограниченных возможностях исторического подхода.

Результаты, получаемые в рамках исторического подхода, подтверждаются результатами, полученными при богословском подходе. Скажем, то же пророчество умершей еще в 1915 году Елены Уайт о том, что некоторые американцы в *последнее время* будут бежать из своего самопрославленного вертепа «свободы» не куда-нибудь, а именно в проклинаемую всеми иерархиями мира Россию. Словом, истина она и есть истина, как ее ни называй: божественным ли откровением или научным открытием.

Елена Уайт во множестве сохранившихся ее публикаций и рукописей полюс некрофилии называла — Соединенные Штаты. К подобного рода словам относятся, вообще говоря, спокойно или с иронией — относя их к бульварному жанру самобичевания или ужастиков. Но была ли у Елены Уайт возможность безопасно пророчествовать о полюсе противоположном, биофильном, — о России?

Вряд ли.

Такие ее слова могли быть встречены с несдерживаемой агрессией со стороны верующих.

Пророчества Елены Уайт об особенной роли России могли сохраниться только в двух формах: или на бумаге, или в устной традиции. О многократно продублированной устной традиции сказано в начале главы, а что письменные источники?

Истина о России могла проговариваться, скажем, в письмах, которые она отправляла в Россию. Однако надо знать условия в России в XX веке, чтобы понимать, что письма сохраниться не могли. Менялись власти, менялись символы и цвет знамен, но не менялось главное — преследование любых верующих адептами атеизма. Вспомним, чем грозила при Сталине простая переписка с заграницей. Так что даже старые, дореволюционные письма получатели или уничтожали сами, или им их уничтожить «помогали».

Что касается автографов Елены Уайт в самих Соединенных Штатах, то все сохранившиеся ее труды вплоть до черновиков и писем

ныне отовсюду изъяты и перешли в ведение той самой церковной иерархии, которая более других пылала к Елене Уайт ненавистью, — Церкви адвентистов седьмого дня, иерархии, надругавшейся над Еленой Уайт и после ее смерти, превратив ее в пугало цитатничества, привлекающее к официальной адвентистской церкви толпы тех, кто мыслить самостоятельно не желает, но отвращающее более или менее здоровых людей. Как свидетельствует история, иерархии в подобных случаях не стесняются ничем — вплоть до уничтожения «неправильных» рукописей, угрожающих налаженной системе выдаивания из стада денег.

В самом деле, по меньшей мере странно, что у Елены Уайт (во всяком случае, в том объеме и виде, в котором ее труды представлены на обозрение) о *России*, одной шестой мира, **ровным счетом ничего не говорится!** Никаких упоминаний — не считать же упоминанием несколько обращений типа «русский брат», «русская сестра». Это тем более странно, если вспомнить, что Елена Уайт умерла в 1915 году, а столь потрясшая мир Первая мировая война началась в 1914 году с *Сербии* — времени у Елены Уайт было предостаточно, чтобы высказать свое отношение к происходящему.

Итак, для богословского подхода в постижении ныне происходящего остаются только устные предания — к счастью, сохранные.

Второе приписываемое Елене Уайт пророчество о России: непосредственно перед Вторым Пришествием Христа **Российская империя будет разваливаться на куски.**

Странное это пророчество не могло не запомниться тем, кто его слышал, — ведь произнесено оно было **до начала** Первой мировой войны, когда Российская империя была державой настолько благополучной и экономически, и политически, что воспринималась почти как символ незыблемости. (То, что это пророчество было произнесено **до** 1914 года, следует из того, что устное предание передавалось как внутри официального адвентизма, так и внутри адвентистов так называемого «реформационного движения». Поводом для раскола послужило начало Первой мировой войны; рационализация раскола — разногласия по вопросу: участвовать или не участвовать адвентистам в боевых действиях [адвентисты реформационного движения решили, что брать в руки оружие нельзя *ни при каких условиях и ни на чьей стороне*]).

Однако предсказанный развал Империи **совершился**: при мощных потоках отторжения из России ярких некрофилов вообще, шло отделение также и территорий — Польши, Финляндии, Прибалтики, Молдавии, Украины, Кавказа...

С точки зрения *теории стаи*, и это пророчество Елены Уайт закономерно и истинно. Упорядочивающаяся и растущая всепланетная стая начинает излучать все более и более сильное некрополе; ее центр начинает все сильнее *притягивать* к себе всех *угодников*; не имеющие корня становятся как перекасти-поле, или же переподчиняются мировому гегемону вместе со своей территорией, а *неугодники* — не исключено, что уменьшающиеся в числе, — не могут контролировать и прежние территории, что и приводит к сжатию географической области, где духовное сопротивление мировому сверхвождю ярче всего.

Оба пророчества Елены Уайт совместимы: **по мере увеличения толпы, рвущейся в «мир и безопасность», уровень некрополя внутри центра всепланетной стаи будет становиться настолько нестерпимым, что найдутся и среди американцев такие, которые, бросаю имуществу, устремятся туда, где веками собирались более отчетливые неугодники.**

Можно выразиться и иначе: **предсказание о том, что непосредственно перед Вторым Пришествием Христа от Российской империи будут отваливаться куски, обедненные неугодниками, логически вытекает из пророчества о гегемонии Соединенных Штатов в последний период истории человечества и анализа направленности эмоций таких сверхвождей, как Гитлер и Наполеон, — и закономерного их в России психологического срыва.**

И последнее: а Елена ли Уайт была автором этих двух странных для XIX века пророчеств? Или кто другой?

Вообще говоря, для нас **совершенно не важно** — Елене ли Уайт или безвестным *неугодникам* дано было знать эти две важные подробности *последнего времени*.

Главное, что оба пророчества — Истина.

Глава шестьдесят первая

КУНКТАТОР

Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще.

Се, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.

Откр. 22:11–12

Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день.

Не медлит Господь исполнением обещания, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию.

2 Петр. 3:8–9

Ей гряди, Господи Иисусе!

Откр. 22:20

О Втором Пришествии Христа верующие говорят с надеждой вот уже почти две тысячи лет. Но Христос *медлит*...

Медлитель, *Кунктатор*... Знакомые интонации. Всё те же, что и во все прочие времена! Так же уничтожали победителей сверхвождей — кунктаторов Фабия и Кутузова!

Сын мясника Варрон клеветал на кунктатора — и последовавшая за ним толпа была разгромлена. Этот клеветник (*греч.* дьявол) мечтал бы «прельстить, если возможно, и избранных» (Мф. 24:24) — но не получилось, и сверхвождь Ганнибал перегорел, предоставленный Фабием собственной злобе.

Так и Кутузов — предоставил Наполеона самому себе, и тот за месяц стояния на пепелище вознесшегося к небу города потерял все что можно, а 30 тысяч наполеоновцев — того лишь малая часть.

Ситуация самопожирания толпы, собравшейся вокруг боготворимого сверхвождя, воспроизводилась во все времена и не только при кунктаторах Фабии и Кутузове. Точно так же во все времена воспроизводилось странное поведение сверхвождей у стен *великого города*.

А потому воспроизводилось, что войны на земле — отражение чего-то более значительного, происходящего в масштабе всей Вселенной. Противостояние *Великому Городу* начиналось между переродившимся в сатану ангелом света — и понятно Кем.

Да, невроз *великого города* — это паранойяльный бред не Ганнибала, Наполеона или других сверхвождей — но их духовного хозяина, главного во Вселенной кукловода. Именно сатана предзнает, что у стен Великого Города, Нового Иерусалима, его и водимую им стаю ждет Величайшее Поражение, смерть вторая — вечная. И именно поэтому *неугодники* во все времена вызывали звериную, нечеловеческую ненависть всех сверхвождей — ведь, по большому счету, *кунктаторы* были врагами не этих *недогипнотизеров*, но величайшего гипнотизера Вселенной.

Воспроизведения паранойяльного невроза потому не совсем точны, что и Ганнибал, и Гитлер, и Наполеон хоть в незначительной степени, но нечто человеческое все-таки сохранили. И потому своего

духовного хозяина оказались недостойны, сумев увлечь за собой лишь часть угодников. Великие сверхвожди (толповоды) — не более чем приближения к тому известному идеалу, который и воплотится в образе Антихриста-Сверхвождя. Он-то уже и будет настолько лишен личностных качеств, настолько будет полным «мертвяком», настолько патологически лжив, что сумеет пробиться к самым глубинным неврозам всех без исключения исполнителей, сметая даже остатки логического мышления, — и восторженной всемирной толпой безоговорочно будет принят за Христа.

Великим же городом Второго Пришествия будет Россия или ее, нынешней, часть — своеобразная предтеча Нового Иерусалима Третьего Пришествия, истинного *Великого Города*, прообраза, поселившегося в паранойальном сознании всех сверхвождей.

Истинный же Кунктатор, медлящий тысячелетиями, наблюдающий самопожирание великих армий, — Христос. Ему не будет нужды, как то полагают носители массового сознания, толпу, кайфующую (*торчащую*) в стае падшего архангела, уничтожать.

Зачем?

Толпа под стенами *Великого Города*, все более пламенея любовью-ненавистью, *сама*, наконец-то, от своего собственного кайфа *сторчит*ся.

Глава шестьдесят вторая

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(Хотя последняя глава еще впереди)

Вот, собственно, почти все. Таков наш трехцентровый мир, в котором позднего Фрейда толпа окрестила выжившим из ума стариком, Льва Николаевича даже собственные дети называли сумасшедшим, зато его жену Софью Андреевну множество госслужащих считали и считают идеалом верной жены, любящей матери и благодетельной хозяйки дома. Мир, в котором православного Достоевского, любившего подолгу жить в Германии, заставляют считать *русским* писателем, а в портрет Льва Николаевича, который вне России жить не мог и был ее защитником даже после биологической смерти, дисциплинированно и педантично харкали православные монахи, потомки которых, лишь только оказывались в зоне оккупации, начинали кадить Гитлеру. Мир, в котором «внешник» считается героем, а «внутренник» — умницей.

Книга завершена, написана и последняя глава, которая еще впереди, — осталось только Послесловие.

Послесловие — это почти всегда информация об авторе, и если человек, которому было поручено написать послесловие, не глуп, то сообщает он не то, что важно с точки зрения иерархии, но, напротив, нечто противоположное. Некие существенные *странности*.

Среди прочего, в хорошем послесловии, — если обсуждаемая книга не чтиво, а *произведение*, — будет сделана попытка ответить на вопрос: почему автор без материальной для себя выгоды столь много времени и сил положил, чтобы это произведение создать?

Книга, — если она не чтиво, — это попытка *понять*; ее написание — *процесс* понимания, удобная форма сосредоточения. Результат сосредоточения — одно из двух:

- или самооправдание — и тогда это чтиво (а всякое легкое чтение — всегда завуалированное самооправдание, потому оно для толпы и *легкое*);
- или жесткое, если не сказать беспощадное, самопостижение.

Про чтиво забудем. Итак, пишущий пытается понять себя, а читающий — себя. Как это ни парадоксально, но именно для постижения себя читателю и необходимо исследование автором *направления* развития собственной души. И в этом умном деланье самое полезное — знание о «притягивающихся» к автору событиях. Если оказывается, что автор устремлен в ту же сторону, что и читатель, то сразу же обретается объем, становится намного больше воздуха для дыхания. **Именно поэтому «Послесловие» должно располагаться вовсе не в конце, а, если возможно, в середине книги.**

Или даже раньше.

Итак, кто же я — автор «КАТАРСИСов»?

Самооценка в познании себя есть тупик, следовательно, остается рассмотрение себя чужими глазами: суждения окружающих — тоже событие. Но важны не столько оценки, сколько — **упорядочение протиположных о себе оценок.** Кому ты нравишься, а кому — нет? С кем ты сходишься, а с кем — нет?

Каждый «нравится» только себе подобным.

Познание себя возможно только через познание типа людей, тебя одобряющих; а это возможно при одновременном познании вообще всех, в том числе и тебя отторгающих.

Один из надежных путей познания типа — в расследовании предыстории появления у оценивающего «ассоциативно-эстетических» предпочтений.

Таким образом, всякий действительно познающий непременно — вечный следователь, и даже более того, он — многомерный биограф, причем высокого класса, ведь люди тайны предков, разоблачающие их сущность, всеми силами скрывают.

Но как бы какой клоун ни вживался в уготованную ему стаей роль, он не в состоянии комедиантствовать постоянно, — даже в «звездные» его часы стая, с которой он совмещается, его выдает — уже одним своим существованием.

Путь из темницы иллюзий, покинув которую, попадаешь в пространство Истины, — анализ *странных* событий.

Постигающий — вообще охотник до *странностей*.

Я, выстрадавший эту книгу, с юношества замечал некоторые притягивающиеся ко мне повторяющиеся **странности**. С возрастом эти *странности* стали рельефней.

Скажем, в те времена, когда я еще был глуп настолько, что в словах видел только прямой, логический их смысл, — а именно, в тот период, когда уже уверовал, но еще не был отлучен от адвентистской

церкви (мне тогда только-только 30 лет минуло), — я поехал помогать — бесплатно — строить новый адвентистский молитвенный дом в Ленинграде.

Во время строительства у ленинградского пастора случился припадок: он на меня не просто орал, он *визжал* — требовал, чтобы я немедленно со стройки убрался. А что я ему такого особенного сказал? Только то, что, строить из трех дней буду только два, а каждый третий день — в кои-то веки довелось оказаться в Ленинграде? — музеям. Ведь именно после этих слов по непонятным мне тогда причинам у пастора *пошло наружу*.

Уж насколько массовые адвентисты отучены от каких бы то ни было проявлений самостоятельного мышления, но и то нашлось несколько таких, которые решились высказаться, что их пастор поступил как законченный хам.

Странным было не столько то, что пастор об обычной своей роли забыл, странной была *сила* его чувства — ненависть ко мне клокотала в нем прямо-таки звериная. *Почему* — мне удалось выяснить лишь через несколько лет. Постепенно. Исследуя и по горизонтали — пасторский корпус как целое, — и во времени — предков людей, составлявших этот легион, судьбы пасторов и даже их детей.

У ленинградского пастора был сын — вылитый отец. Сын не скрывал, что ненавидит Россию, и, поскольку в советские времена просто так никого за границу насовсем не выпускали, он, имея в виду эмиграцию, вслух мечтал жениться на французенке. Но сойтись он, несмотря на разнообразие предлагающих себя в Питере иностранок, не смог ни с кем, кроме как с болгаркой *из Болгарии*, на которой и женился, — и из России выехал — в Болгарию. Где, подобно отцу, оказался на сцене — только со скрипкой в руках (в национальном оркестре).

Оценить этот факт можно только подметив, что православные болгары Болгарии с немцами-лютеранами (в том числе и с гитлеровцами) или православными румынами ладят прекрасно, а вот с другими своими единоверцами — православными же сербами и русскими — нет; в войнах постоянно принимают сторону врагов русских и сербов. Так что у адвентистского русофоба со скрипкой именно болгарка — балканская! — закономерна. Как и моя с его папашей-пастором психологическая несовместимость.

Кстати, с ненавистными балканским болгарам сербами *в России* у меня были контакты — успешные.

Начиная со школьной скамьи — моим соседом по парте был чистокровный серб. Сербь в Россию приходили не только в периоды ее экономического процветания, скажем, в XIX веке, но и, что особенно ценно, в трудные ее времена, скажем, в революцию или при Сталине, целая волна переселений сербов в Россию была после Великой

Отечественной. В одной из семей этой волны и родился мой сосед. Вряд ли усидишь несколько лет рядом с человеком, с которым нет ничего общего...

Вообще, школа, в которой я учился, — «английская» спецшкола № 4, — в Москве считалась элитной. В ней учились дети высокопоставленных чиновников дипломатического корпуса (понятно, законченных подхалимов, хотя я тогда этого не понимал). Они и в моем классе составляли без малого половину. Были, соответственно, и не «дипломаты». Я, например. Сын доктора наук, причем такого, который, несмотря на редкую по тем временам высокую ученую степень, не получил в иерархии никакой должности. Был еще сосед-серб. Было очень много евреев — треть, наверное, — во всяком случае, в процентном отношении их в классе было многократно больше, чем в среднем по населению, — как они все в эту школу попали, не знаю. (Чего стоило отцу меня в ту школу в шестом классе впахнуть! Орден и все медали надел, лучший костюм, несколько раз ходил — кулаком по столу стучал и про пролитую кровь вспоминал!) Была дочь эмигрантки из Испании. Была даже дочь сантехника — у нас на всю школу в почти тысячу человек детей рабочих было аж двое.

Время тогда было такое, что внушалось, что все люди равны, прежде всего в своих внутренних устремлениях, естественно, в основе своей благородных, только некоторые якобы что-то *недопонимали*; им *объясни* — и они *исправятся*. Я в это равенство веровал искренно, однако с одними из класса сходилась, а с другими — нет. С «дипломатами» я не сходилась — ну никак. А вот учился у нас сын крупного спекулянта — подпольного, разумеется, тогда это было уголовное преступление, тянуло лет, помнится, на восемь с конфискацией имущества, — так он с «дипломатами» сходилась прекрасно. А вот со мной — нет.

Все евреи прекрасно совмещались с этим спекулянтско-дипломатическим кругом. Кроме разве что одного — того самого, что мне запрещенное Евангелие дал, когда мне было лет пятнадцать, — он единственный сейчас в России. Остальные — уехали, хотя в Израиле нет ни одного. Эстетические предпочтения у них и в школе были монотипные — «внутреннические», естественно.

Да, были в классе и такие, с кем я сходилась, и кто сходилась со мной. И, на удивление, из этих трех-четырех одноклассников двое были из первого поколения потомков иммигрировавших в Россию. Один — упомянутый серб, а другая — дочь русского доктора наук и испанки. Тогда, перед Великой Отечественной, когда гитлеровцы вторглись в Испанию, чтобы решить исход гражданской войны, не-«внешники» вынуждены были бежать или хотя бы отправить своих детей за пределы Испании — одни выбрали Америку, другие — Россию. Так вот, мать этой «испанки» была из тех детей, которых родители от-

правили в Россию. Видимо, последняя *неугодническая* кровь, которая в XIV веке не ушла в Сербию от инквизиции. Так что с «испанкой» я, как и с сербом, сходилась. С двумя иммигрантами из двух! Все сто процентов. Хотя статистика для доказательства ничтожная, тем не менее, *странность* угадывается.

Сходилась я не с *иностранцами*, а именно с *иммигрантами*, переехавшими в более бедную с точки зрения их жизненного опыта Россию (вообще, о тех, кто приезжает в Россию ради выгоды, речь не идет). С иностранцами мне приходилось много и по разным поводам работать, начиная со студенческих лет. Несколько венгров, например, было в нашей студенческой группе. А с немцами, венграми и болгарами строил БАМ в интернациональном студенческом стройотряде. Болгарки были шлюховаты, давали всем подряд — кроме русских. Это было даже предметом шуток. Венгры и немцы, союзники по Второй мировой против нас войне, мне по молодости казались разными. Венгры — услужливы. А немцы, мягко выражаясь, — хамоваты. Это я теперь только понимаю, что услужливость и хамоватость — противоячие одного и того же садомазохистского маятника. Так что не могли венгры и немцы не быть против нас союзниками. С этими «внешниками» я не сходилась тесно, так же, как и с одноклассниками-«внутренниками». Как, впрочем, и с прочими разными турками и американцами.

Идеологи, которые при социализме лишь из-за границ России позволяли себе вещать, что Россия — это такая страна, из которой все «нормальные» только и мечтают что уехать (чтобы можно было остаться, надо народ поменять, вариант — «возродить»), теперь это делают и с главной телебашни страны, построенной на месте «внутреннического» села-предателя Останкино, и, вообще говоря, в своей оценке России искренни. Подобное — к подобному, рыбак видит издалека только рыбака, так что из того, что *идеологи*-останкинцы вокруг себя видят одну только дрянь — закономерно.

А вот мой круг общения иной — противоположный. Я не только встречался с десятками людей, которые лично или в своих предках, в ущерб материальным интересам уходили в Россию, — но *они мне всегда помогали*.

В разное время и в разных городах мне, например, очень помогли два чеха, потомки последователей Яна Гуса, от предков, очевидно, на уровне подсознания лучшие традиции древности унаследовавшие; ныне оба — низовые до полной незаметности адвентисты. Один из них десять лет проработал в Америке в исследовательских лабораториях, — а потом ушел в Россию (предсказанный Еленой Уайт исход американцев? или просто заблудившийся чех?), где, по понятным причинам не получив доступа в исследовательские институты,

был счастлив на физической работе. Я пока в его доме по его приглашению жил, все его спрашивал: *почему? ведь толпы рвутся в противоположном направлении! не сюда, а отсюда — в Америку?!* — но он от ответа уходил, отделялся недомолвками, дескать, понимаешь, парень, *Россия...* Но я тогда его ответа не понял...

Я все пытался понять, что же нас сближает? И поначалу думал, что комбинация научной работы с физическим трудом. Ведь я тоже всю свою жизнь периодически приостанавливаю интеллектуальные занятия и начинаю то строить (с десятков строительных профессий!), то лес валить, то лес сплавлять, даже подпольным ювелиром довольно долго зарабатывал... Сейчас вот прокладываю компьютерные сети. В сущности, я всегда занимаюсь умственным и физическим трудом одновременно, меняется только их пропорция: то я научный работник, увлекающийся ремесленничеством, то ремесленник, отдыхающий за письменным столом, — словом, в партизанский отряд Батеньки меня бы приняли в любой фазе.

Что ж, теперь, с годами, я того потомка гуситов, надеюсь, понимаю лучше: он во мне, тогда еще вполне правоверном адвентисте, во всяком случае по букве, некие задатки, похоже, видел, но не более чем задатки, а имбецилу что *скажешь?*.. Действительно: тогда понять слова Эйзенштейна, что, чем быть первым в Америке, лучше быть двадцать первым в России, я понять не мог — хотя и в толпе, для которой естествен был лозунг, что Россия XX век *проиграла*, я не был...

Где уж было понять истинную причину, по которой мне помогали потомки соратников еретика Яна Гуса?..

Итак, кому я *чужой*, а кому *свой*?

Спекулянтско-дипломатическому кругу и вообще ворью — *чужой*. Это — «внутренники».

«Крутым», пасторам-немцам, и вообще бандитам — тоже. Это — «внешники».

Я вообще с предателями *Родины* разошелся еще в предках.

Но с одним весьма узким спектром иммигрантов в Россию схожусь. Причем очень даже схожусь.

И не только с ними.

Вспоминается, например, такой случай.

...Случилось это тогда, когда я писать еще только учился, а именно года за полтора до встречи с Возлюбленной. После вирусного гепатита А (воспаление печени), выйдя из больницы, зарабатывать я несколько месяцев, естественно, не мог, необходимые для выздоровления яблоки были попросту не по карману, поэтому из Москвы я перебрался в сельскую местность, в «яблочный» совхоз на самом севере Молдавии (население — преимущественно украинцы). Нашел в небольшом поселке начавший разрушаться домишко, а поскольку

дело было зимой, обрывками ватного одеяла заткнул дыры, а быстро остывавшую печку (кто-то не догадался вмонтировать в нее заслонку!) топил стволами засохших деревьев, которые выламывал каждый день в не столь далеком лесочке, — чуть, бывало, не падал от слабости под рюкзаком с этими стволами (гепатит дает о себе знать много месяцев). Так и жил. Вокруг было тихо, даже гула машин не было: из России только-только перестали задарма выкачивать нефть, а покупать ее молдаване еще не научились. Много читал и по силам, завернувшись от холода в одеяло, писал.

Но вот однажды в работе произошел сбой: загрустил — и вот почему. Я тогда уже больше года находился под впечатлением дешевого пацифизма, который внушила мне старуха родом из деревни Останкино (мать заведующего прачечной, вознесенного американцами на одну из высших во всероссийском адвентизме «духовных» должностей, в то время как прежде, при «внешниках», его оттесняли даже от низшей в Церкви должности — пастора). Старуха много и со вкусом рассказывала, каким образом останкинским адвентистам в 41-м удавалось увильнуть от фронта (интересно, что именно в Останкино еще с дореволюционных времен была одна из тогда редких в России общин официальных адвентистов — в советское время четвертой по численности из христианских деноминаций в России). Она с подробностями рассказывала, кто и, главное, как выворачивался: кто на лесопилке руку себе по локоть отпил, кто броню купил, кто еще как устроился. Подавалось матерью будущего высокого «внутреннического» иерарха это дезертирство, конечно, как величие духа, «духовная» реализация заповеди «не убий». Мне тогда ее слова хотя и не *понравились*, но врезались болью внушения — не меньше года понадобилось, чтобы осмыслить истинный, столь явный в Библии смысл этой заповеди, а именно: «защити». А поскольку еще не осмыслил и от психоэнергетического вторжения старухи не освободился, то в полуразрушенном доме, читая про расстрелы во время Великой Отечественной войны паникеров и дезертиров, загрустил. Дело в том, что мой отец после того боя, когда от батальона осталось четырнадцать человек, из-за отсутствия офицеров был назначен комиссаром батальона, а когда батальон был пополнен и снова вступил в бой, то лично отдавал приказы о расстреле паникеров и трусов. Отец мне рассказывал, как эти паникеры — теперь я понимаю, что это были «крутые» «внешники», — ползали на коленях, все в соплях просили помиловать, дать еще хотя бы один шанс искупить свое предательское поведение, — но их все равно расстреливали. И правильно — до наступательных действий конца войны, в которых они бы стали орденосцами, было еще далеко. Так вот, поскольку я тогда еще путал дешевый пацифизм с христианством, я и подумал: а вдруг среди расстрелян-

ных были не одни мерзавцы, но и христиане? Отказывавшиеся защищать свои семьи из-за неких религиозных убеждений?

В таком случае получалось, что мой неповторимый отец, столь от многих отличавшийся, — обыкновенный безбожник, палач, *антихрист*?

Какая при таких мыслях работа?..

И вот всего лишь на второй день этих грустных размышлений неожиданно раздается стук в дверь, и на пороге появляется небольшого росточка дедок — мне незнакомый. Молча из сумочки выкладывает на стол творог, ставит банку молока, рядом — литровую банку сметаны — одно это для меня, второй месяц перебивавшегося картошкой, фасолью и яблоками, было чем-то на грани с чудом. Выложил дедок все эти драгоценности на стол, сел на ободранный табурет и без всяких вступительных слов стал рассказывать как его... *два раза расстреливали!*

Первый раз — а дед с гитлеровцами бился всю войну, и притом без дураков, — в 1941 году. Дедок (тогда, естественно, еще молодой) в окопе, **имея в виду гитлеровцев**, сказал: *«Кто ведет в плен, тот сам пойдет в плен; кто мечем убивает, тому самому надлежит быть убиту мечем»* (Откр. 13:10). И не скрыл, что эти слова не из Устава, а из Библии. Это потом, уже в 42-м, вышел пропагандистский фильм, в котором Александр Невский говорит перефразированное из Библии: *«Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет»*, — и политруки стали эти слова взახлеб повторять. Но в 41-м этого фильма еще не было. Соответственно, не знали, как к этой мысли относиться. Ну и кто-то из комсомольцев тут же расстарался и политруку «стуканул». Тот — выше... Словом, вот уже и трибунал, за столом знаменитая тройка: комиссары бок о бок сидят за импровизированным столом; рота построена, с него уже ремень сняли — приговор: расстрелять за измену Родине. Дед заволновался — за что?! Но комиссары начала войны — они и есть комиссары. Словом, вот уже осталось только последнюю команду отдать...

Но в этот момент подлетает вестовой и сообщает, что немцы в тылу десант на парашютах выбросили. А надо знать эмоции 41-го, чтобы понять, насколько магическими были в тот период слова: *«немецкий десант»*. Комиссары, все побросав и ни слова не говоря, бросились к машине — драп, одним словом, главные в 41-м паникеры. А дед (будущий) стоит перед построенной ротой без ремня, ждет. А ротный и говорит: не я тебя приговаривал, не мне тебя и расстреливать, — одевайся!..

А второй раз деда к расстрелу приговорили уже в 44-м, где-то, кажется, то ли в Венгрии, то ли в Румынии, тоже что-то с его высказываниями было связано. Но он мне не стал рассказывать ни обстоятельств доноса, ни того, как выпутался, а только: **«А ко второму расстрелу я отнесся уже спокойней...»**

Ну как тут не вспомнить слова, сказанные Пилату: *«ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше!»* Хотя сколько раз к расстрелу или распятию ни приговаривай...

Дед закончил рассказ про расстрелы и так же неожиданно, как и пришел, поднялся и — к двери. Сказал только зачем-то напоследок, что сам он сейчас, хотя и здесь, в Молдавии, живет — *но русский*. И еще зачем-то добавил, что дети его — *в России...* И ушел.

В этом случае, конечно, интересно все: и само «недетерминированное» появление деда, и его без всяких вступлений рассказ о расстрелах, да и сам выбор темы для монолога, а еще то, что он обстоятельства второго расстрела не счел достаточно важными, чтобы тратить на них слова, но сообщил главное: **спокойнее...**

Очень емкое, многоуровневое слово — в устах такого человека.

Но дедок этот не единственный такой в моей жизни.

Наитруднейший для всякого писателя период — когда еще нет ни одного коммерческого издания, и никто в рукопись даже заглянуть не хочет. Чтобы быть опубликованным, надо быть известным писателем, а чтобы быть известным писателем — надо публиковаться — этот заколдованный круг известен, неизвестно только, как его разорвать. К тому же книгоиздательский бум прошел, тиражи упали... Вот я с рукописью «КАТАРСИСа» в руках, как нищий, и ходил по издательствам, — меня отфутболивали рецензиями, из которых было очевидно, что никто рукопись не читал. И вот тогда мне и помог Дмитрий Петрович Глазков. Дима работал редактором в одном крупном столичном издательстве, ему главред передал мою рукопись, и хотя Дима быстро понял, что «протолкнуть» «КАТАРСИС» ему не удастся (конечно, не за эти попытки он был вскоре уволен, а за те свойства души, которые побудили его мне помогать), он тем не менее добиться этого пытался. А еще он не пожалел нескольких своих выходных дней, чтобы существенно поправить архитектуру книги — к лучшему.

Мало того — *он еще и оду в честь «КАТАРСИСа» сочинил!*

Разумеется, ода оде рознь, — все зависит от личности автора, от сущности его души, притягивающей события того или иного рода. А события следующие. По окончании филологического факультета университета он был призван в армию, воевал в Афганистане. Это сейчас демократы из «Останкино» всей России «объяснили», что русские ребята в Афганистан пришли, чтобы миллионами истреблять афганских детей, но Дима вокруг себя видел противоположное.

...Они шли на двух БТРах по дороге, из засады по головной машине ударили ракетой — там наши ребята погибли все. А вот со второго БТРа, где был и Дима, солдаты соскочить успели. Сидевшим в засаде четверым стрелявшим оборонительный бой был, видать, чужд,

они трусили и драпанули. Наши ребята, хотя и молоденькие, «отжали» этих выхоленных здоровяков от «зеленки», выгнали их в поле, бежать оттуда было некуда — там их и расстреляли. По документам — да и тип лиц подтверждал — американцами оказались! Все четверо. Так вот, Дима рассказывая мне про этот бой, *удивлялся* и не понимал, *почему* у него перед глазами, когда он короткими очередями бил из «калашников» по этим откормленным демократам, стояли мать с бабушкой. Но Дима точно запомнил чувство — *будто сейчас их защищает*.

Впрочем, то была не единственная *странность* в описанном им эпизоде: скажем, почему Дима по прочтении «КАТАРСИСа» рассказывал именно об этом бое — ведь, казалось бы, «Подноготная любви» — всего лишь взгляд *неугодника* на взаимоотношения мужчины и женщины... Взгляд *неугодника*...

Спасибо за помощь, брат. Тогда мне было особенно трудно.

Когда поднакопился жизненный опыт, стало ясно, кому я *свой*: тем, кто Россию в Великую Отечественную отстоял от сверхвождя, и тем, кто в Афгане был не просто так, а *защищал Родину*. *Свой* я и для потомков еретиков. *Свой* для потомков «неправильных» эмигрантов, не умеющих понимать своей материальной выгоды, — тех, которые, бросив все, едут в *Россию*. Много ли ума нужно, чтобы, глядя на фотографии нескончаемых колонн пленных правоверных комсомольцев, догадаться, что Россию от сверхвождей отстаивали всегда именно еретики?!

А отсюда рукой подать и до не особо православных рекрутских солдат, и до стойких сибирских полков, и до отлученного от церкви Льва Толстого, которому рекруты казались самым прекрасным, что есть на свете, и до своего отца, отпавшего свое в православном храме и кровью своей защитившего Родину и сына.

В самом деле, а с чего это я так люблю Толстого? С чего это, в первый раз прочитав его собрание сочинений лет в 13, причем по собственному почину, с тех пор все перечитываю и перечитываю? С чего это разве не пол-«КАТАРСИСа» посвятил Толстому? С чего бы все это?

Удивляться есть чему: опровергаю одну его идею за другой, а все равно ставлю выше других писателей (кстати, и Дима тоже)!..

Все встало на свои места буквально вчера, когда уже начал писать эту главу, — как только соединил рекрутство моего как минимум одного предка, мою несовместимость с потомками выславшей прапрадеда общины-предателя и то, что Толстой считал русских рекрутов самым прекрасным, что есть на свете. Все естественно: Толстой выше всего ставил моего предка по отцовской линии, а я еще тогда, когда не разбирался в истории России, — еретика и защитника *Родины*

Толстого. Подобное — к подобному. Думаю, мы и при его жизни подружились бы.

Эта догадка о моей со Львом Николаевичем общности ассоциативно-эстетических предпочтений, соединенная с представлениями о трехцентровости мира в рамках *теории стаи*, дает целостный континуум исторических событий и действующих в нем сущностей; меняются лишь названия, сущности же остаются неизменными. Если в XVIII–XIX веках многие из *неугодников* оказывались в рекрутах (если к тому времени их предок службой в армии уже не заработал личной свободы и не уехал за Волгу), то их биологические и духовные потомки в 1941-м и составляли воевавший почти без потерь партизанский отряд из научных работников, из них «рекрутировались» и герои из числа 28 «панфиловцев», и те одиночки, которые наводили ужас на гитлеровцев в «странной» войне 1941 года, когда одиночный танк останавливал целую танковую группу немцев, и те были против него бессильны, зато танковые корпуса полного состава исчезали безо всякого ущерба для захватчиков. Ну и комсомольцы тоже не с неба упали и с ликвидацией комсомола не исчезли. Их потомки приняли формы не только традиционные, разоблачения которых на слуху, но и, на первый взгляд, новые.

Но, может быть, я *свой* «неправильным» иммигрантам в Россию не потому, что *еретик*, а потому только, что один из многих моих предков сам — иммигрант?

Да, действительно, один из моих пра-пра-прадедов — выходец с Украины. Но кровь его уже давным-давно растворилась в русской и, видимо, отчасти казацкой. Казаки со стороны отца — из Самары он, а там казаков предостаточно. Установить соотношение русской и казацкой кровей сейчас возможности не представляется. Да, конечно, есть и другая кровь: скажем, мать моей матери хотя по документам во многих коленах и русская, но внешность ее — наиклассическая татарская. Ген определенный активизировался, или она есть плод валабиянства — сейчас не выяснишь. Но кем бы я ни был по крови, я хочу быть — и есть — *русский*.

Национальная принадлежность, разумеется, не приговор.

Вспомнить хотя бы того же графа Льва Толстого — уж какая нравственная мерзость его предки, да и племянники с потомками (какое счастье, что они все из России повыехали! за исключением Сергея Львовича, старшего сына, хотя и отдаленно, но более других на Льва Николаевича похожего), но каков сам Лев Николаевич! Смог ведь выбраться из «гнезда», смог с этой наиважнейшей из жизненных задач справиться!

А потому нет извинения всем остальным из его рода.

Впрочем, этим предателям жизнь медом не кажется. Совесть годов мучает.

Из малоизвестных родственников Льва Николаевича можно упомянуть его племянника Николая Дмитриевича Толстого-Милославского, который в своей книге «Жертвы Ялты» дал страстную отповедь «русским зверям», которые по завершении Великой Отечественной расстреливали предателей: донских казаков, власовцев и т. п.; Н. Д. Толстой-Милославский отчитал также и англичан, которые часть этих предателей русским выдали, зато Милославский расхвалил цивилизованных американцев, которые оказавшихся в их зоне оккупации русскоязычных гитлеровцев перевезли к себе на родину и тем спасли их для размножения — и дальнейшего формирования американского народа. Любой психоаналитик скажет, что страстность, с которой эмигрант из России Н. Д. Толстой-Милославский проникся к судьбе предателей, разоблачает его собственное самоощущение — как предателя.

Толстой-Милославский в своей книге, стена по расстрелянным казакам-предателям, оправдывал себя! И своих предков и родню тоже.

Многие детали в жизни Н. Д. Толстого-Милославского вполне для предателя закономерны: живет он в Англии, книга его переведена и опубликована под патронажем А. И. Солженицына, получившего Нобелевскую премию за повторение в разных формах символа веры про якобы проигранный Россией XX век, сын которого прижился на Западе, и так далее. Не удивлюсь, если узнаю, что переводчик Е. С. Гессен и редактор Ю. Г. Фельштинский работали над «Жертвами Ялты» почти или вовсе бесплатно. Не удивлюсь, если узнаю, что и их из России уже смыло.

Лев Толстой, разумеется, не единственный выбравшийся.

Есть они и среди донских казаков.

Да, Дима — потомок *донских казаков*; но не казацкая часть моей крови подвигла его мне помочь.

Предыдущий том («КАТАРСИС. Подноготная любви») тоже был попыткой познания себя — но только через женщин. Но если выявляя, для каких мужчин я *свой*, я узнаю *себя*, и прошлое своего отца, то изучая оказывающихся рядом женщин, узнаешь скорее не о себе, а о своей матери или отце очередной дамы.

В обоих подходах есть много общего. Если никакой закономерности не выявляется, то это свидетельство о высокой степени стадности — именно на этом уровне все равно, кого «любить» и с кем

«дружить», отбор идет только по социальному принципу (принадлежность к одному коллективному органу стаи или субстаи). Обилие женщин, то есть неразборчивость, говорит о высокой степени стаинности (индивид «созвучен» современному сверхвождю). Если в предпочтениях наблюдается закономерность (в случае с женщинами — биоритмическая), то поступки определяет уже не связь со сверхвождем, которого, кстати, в данную эпоху может и не быть, а «индивидуальные» невроты. Но и эти невроты личны лишь в некоторых случаях, на самом же деле — суть наслоение «родовых травм», унаследованных всемирной стаей от всех сверхвождей прошлого. Высшую степень развития комментировать нужды, надеюсь, нет.

Но, как бы то ни было, **половинка может быть только у защитника Родины.**

И совсем последнее: я ничего не пытался *доказать*. Ищущий повода все равно всегда его найдет. «Доказательства» вообще возможны только в пределах одного из трех психологических миров нашей планеты. За пределами «своего» субмира они не работают — *неудобникам* же и вовсе ничего доказывать не надо.

Глава шестьдесят третья, заключительная

А ПОМНИШЬ?

— *А помнишь?* — спросила Галя, когда провожала П., уезжавшего с ее дочерью на лето в Болград. — *Помнишь наше первое там лето? Сложно было, но... хорошо. Потому что первый раз были вместе.*

— *Помню,* — сказал П. — *Ведь и теория стаи зарождалась во многом там...*

«*Из мелочей,* — подумал он. — *Деталей, казалось бы, не стыкующихся. Станных...*»

П., ошеломленный странными и пожалуй противоестественными словами адвентистского пастора, медленно закрыл за ним и его женой дверь, вернулся в комнату и тяжело опустился на стул у большого стола, заставленного опустошенными тарелками.

— Что ж, — задумчиво почесав рыжеватую бороду, вздохнул он, — давай, что ли, посуду мыть? Вместе?

Вздохнул же П. потому, что только что была совершена большая несправедливость, истинной причины которой П. пока не мог понять.

Галя подошла к нему и, как бы ища защиты, тихо прижалась лицом к груди.

— Не так я себе это представляла, — тихо сказала она. — Я думала будет — *собеседование*... А тут просто... посидели, поговорили — да и все. Вопросы — ответы... Много вопросов...

— А ты что, думала, придут *двадцать четыре старца*, седых, как сама вечность? И восседают будут на престолах? — расправляя пряди ее волос, усмехнулся П.

— Почему именно — *двадцать четыре*?

— Не знаю. Возможно, два раза по двенадцать, а двенадцать — число полноты. Образ из «Апокалипсиса». Описание Страшного суда между Вторым и Третьим Пришествиями. — П. понизил голос до театрально-гробового. — Мужики-братия! Мы собрались решать вопросы вечности. Вечная смерть или... вечная жизнь. Решается вопрос: крестить крещением Иоанновым или не крестить Галину такую-то?!.. — П. поперхнулся и заговорил нормально: — Только в такой *форме* ты представляешь *собеседование*?

— Я, конечно, все понимаю, — задумчиво продолжила Галя, — люди вокруг обыкновенные... Но все же... *Чего-то* не хватало... Только не знаю чего.

— Что они спрашивали? — П. догадывался, что и жена пастора тоже задавала вопросы по богословию.

— *Всё*. Такая уйма вопросов была, — Галя улыбнулась. — Я сейчас чувствую себя совсем как студентка. Которой экзамен сдать удалось. Успешно...

Может, Галя и ответила правильно на все вопросы, и в этом смысле экзамен сдала, только вот ко крещению ее низкорослый пастор-гагауз¹ не допустил. Об этом, уже выйдя за порог квартиры, он и сказал П., тем его ошеломив. И сейчас П. предстояло сообщить Гале об отказе ей в водном крещении.

— Может быть, ты на какой-нибудь из вопросов ответить все-таки не смогла? — спросил он.

— Я на *все* ответила. Как понимала — так и ответила.

П. прекрасно знал, что основы церковных догматов Галя освоила блестяще: она была из тех редких людей, которые самое трудное — *библейскую логику* осваивают прежде, чем раскрывают саму Библию. Приехав на лето в Болград, она занялась богословием систематичес-

¹ «Гагауз» в переводе с турецкого — *предатель*. Народ живет в Молдавии и на юге Одесской области. Язык — турецкий, быт — болгарский, при «внешних» отличаются жестокостью, вероисповедание — православие, стремительно растет влияние «Свидетелей Иеговы», центр которых — в Соединенных Штатах. Когда говорят об их «взаимоподдержке», то приравнивают их к чеченцам, хорватам и евреям.

ки и в традиционных формах — по наиболее логично, по мнению П., составленным сводам библейской догматики.

П. ей, естественно, помогал обсуждением, — потому прекрасно знал, что с академической точки зрения она была подготовлена настолько хорошо, что могла бы пройти не то что собеседование-допуск ко крещению, но и блестяще справиться с приемным экзаменом в богословскую семинарию. Или даже в академию.

Однако ко крещению ее не допустили.

— Ты знаешь, — ласково прижимая к груди жену, сказал П. — Ты только не расстраивайся... Я тебе должен сказать...

Свой отказ болгарский пастор в ближайшую субботу подтвердил по завершении проповеди. Он объяснил, что в крещении Гале отказано по причине ее неготовности.

П. спросил, в чем именно она не готова, но ответить пастор многословно отказывался — ссылаясь на дела здесь, в церкви.

П., дождавшись вечера, отправился к пастору домой и потребовал — теперь уже именно потребовал! — сказать, на какие именно вопросы Галя не смогла ответить. И низкорослый пастор, привыкший, вообще говоря, только к подобострастному к нему обращению, наконец сказал, что дело, конечно, не в ответах — отвечала Галя блестяще, — просто был против совет общины.

— Как так совет общины? — удивился П. — Ведь вы же сразу, ни с кем не посоветовавшись, сказали, что она не будет допущена?!

— Сказал, — согласился пастор. — И оказался прав! На следующий день совет собрался и решение мое одобрил. А что я один против всего совета?

П. обошел дома нескольких членов совета и, в общем-то, нисколько не удивился, когда каждый сказал, что Галю они, вообще говоря, на совете не обсуждали, и что лично он или она персонально за то, чтобы Галю покрестить, — дескать, человека видно сразу, да и времени познакомиться было достаточно.

Пастор врал, врал нахально, в глаза. И хотя было понятно, что врать он будет и дальше, П. все-таки пошел к нему опять. Сказать, что члены совета согласны.

— Мы ее не знаем, — отрезал пастор. — Церковь не имеет права.

Странность ситуации была не столько в том, что пастор неудачно врал прежде, сколько в том, что сейчас он уже восставал против «Церковного руководства». Согласно этому растиражированному документу, **ни одному из согласных с двадцатью семью основными догматическими пунктами библейского учения Церкви** (типа: «Сын Божий есть ли Бог?» или «Смысл Пришествий Христа?») **ни один служитель церкви адвентистов седьмого дня в крещении *отказать***

не имел права. В «Церковном руководстве» особенно отмечается, что знание основ догматики — достаточное выполнение условия Христа ко крещению: «*научите и — крестите*», отказывать на основании иных соображений неправомерно, потому что не в компетенции «человека, вне зависимости от его в церкви должности», определять: покался — как то Христос ставил неперменным условием для крещения — человек, или нет.

Крещение Гали согласно «Церковному руководству» совершить были обязаны.

Об этом положении «Руководства» знал П., знал о нем и пастор; знал пастор также и о том, что П. с «Руководством», в отличие от большинства членов церкви, знаком. Все знали.

— *Мы* не имеем права, — наставительно, как с кафедры во время проповеди, опять повторил пастор.

П. окончательно повернулся к пастору спиной и пошел в военный городок, где они с Галей снимали квартиру.

Однако на несправедливость пастора и бесхребетность совета Гали не обиделась; как того следовало бы ожидать, но вместо того, чтобы избегать пастора и ему подобных, захотела посмотреть, как в церкви проводится обряд крещения.

Обряд был назначен на воскресенье — на противоположном берегу «лимана» («лиманом» в Болграде все называют свое чрезвычайно вытянутое озеро Ялпуг, с Черным морем не соединяющееся и пресное). Всех желающих посмотреть обряд везли в кузове грузовика — второй ходкой, потому что в первую везли хор и участвующих дьяконов.

В кузов поставили вынесенные из церкви скамьи и стулья, которые, когда грузовик подбрасывало на ухабах, съезжали к тому или иному борту. Эти «землетрясения» были прекрасным для П. оправданием плотнее прижать к себе Галю — несмотря на отворачивающиеся лица не привыкших к столичной фривольности членов болгарской церкви.

— Здорово! — рассмеялась Галя, когда грузовик особенно сильно трянуло.

Противоположный от города берег «лимана» был глинистый, родники и потоки после дождя его заовражили, склоны образовавшихся оврагов, глубиной порой в несколько десятков метров, поросли дикими смоковницами, вишней и шелковицей. Но вишни, хотя и мелковатые, были вкусны, а шелковица сладка — сейчас как раз было их время.

Ровных удобных спусков к воде поблизости было всего несколько, крещение было решено провести на ближайшем. Поскольку П. с Галей приехали со второй ходкой грузовика, все удобные места были

уже заняты, — собрались оказавшиеся неподалеку купальщики. П. с Галей, чтобы происходящее на берегу не скрывали спины, выбрали место повыше — но, естественно, несколько поодаль.

— Ну вот, теперь мы на виду, — сказала Галя, увидев, что к ним направилась жена пастора-гагауза.

Она была Галина ровесница, русская. Замужем за гагаузом она оказалась не случайно: в адвентизме, как, впрочем, и во всех прочих деноминационных иерархиях, считалось, что «духовный» брак — это когда оба брачующихся вписаны в регистрационные книги церкви — жена пастора была, естественно, и дочерью пастора, а ее будущий муж, к моменту брака безродный руководитель церковной молодежи, хотел карьеру в церкви продолжить — стать пастором. Словом, обыкновенная, если не сказать стандартная, история.

Жена пастора, мельком поздоровавшись, заговорила характерной для нее взволнованной скороговоркой:

— Это так несправедливо, так несправедливо, что тебе отказали! Когда мы ушли, я так с мужем спорила, так спорила! Так тебя защищала!.. Но что я могла поделать?! Что на мужа *нашло* — до сих пор не понимаю. Он же не имел никакого права тебе отказывать! Да что там не имел! Сейчас вообще такое поветрие пришло — всех подряд крестят — даже зевак с берега, если кто захочет! У нас уже такое было. А тебе, *тебе* он почему-то отказал!..

Действительно, с того времени, как на высших должностях в «духовной» администрации российского адвентизма оказались американцы (в отделе кадров, включая не только подбор пасторов на высшие должности, но и отбор в семинарию — негодных исключали; на высших должностях в издательстве, а главное, во всех финансовых структурах церкви), крестить в России и бывших союзных республиках стали даже из случайно подвернувшихся зрителей, в особенности тех, кто истеричней других этого требовал. Называлось это «действие Святого Духа». До появления американцев такого не было.

«Хорошая она женщина», — подумал П. про жену пастора. Всегда приятно встретить человека порядочного, — хотя бы в бытовом смысле слова.

— А я что говорю? — обрадовался П., еще теснее привлекая к себе Галю. — Не имел он права отказывать. Нарушение «Церковного руководства». А что, — П. кивнул в сторону Гали, — она на все вопросы по догматике смогла ответить?

— Она? Ответила! Да еще как! Я могу даже сказать, что за последние несколько лет она, наверное, лучше всех отвечала. И полнее. Да не наверное, а — точно. Лучше. И осмысленнее. Во всяком случае, я не помню, чтобы кто-нибудь на моей памяти вообще с ее ответами мог сравниться.

Жена пастора в церкви была очень деятельна — правда, преимущественно в рамках хора и хозяйственных вопросов. Мужу, в общем-то, подчинялась, хотя в средней адвентистской пасторской семье жена верховодит во всем. Есть даже такой анекдот среди студентов адвентистских семинарий: пастору предлагают новую должность, а он отвечает: пойду помолюсь, послушаю, что Бог мне скажет. Приходит домой и спрашивает жену: принимать предложение или нет, как скажешь?..

— Галя очень хорошо отвечала, — повторила жена пастора. — Но что я могла поделать?

— Моя школа, — принял картинную позу Ал. — Я курировал. Иначе, кроме как на «весьма и весьма отлично» и быть не могло.

— Любит он покрасоваться, — извиняясь за П., рассмеялась Галя. — От скромности он не умрет.

— Смотри, что говорит, — подхватил П. — Умереть — умру, но не от скромности. А смерти от чего ты бы мне пожелала?

Галя с женой пастора рассмеялись. Ничего особенно смешного в словах П. не было, просто обе искали возможности разрядить обстановку.

— Дело не в отсутствии скромности, — продолжил П., — просто объективная реальность такова, что ты знала догматику лучше всех, но почему-то, причем непонятно почему...

— ...не допустили?.. — обращаясь все-таки к жене пастора, закончила Галя.

— А хотите я еще раз с ним... *с ними*, — поправилась жена пастора, зная, видимо, легенду о принятии решения якобы советом и решив мужу все-таки подыграть, — поговорю? Может быть, они...

— Не надо, — остановила ее Галя. — С мужем из-за меня ты не ссорься. Не надо. Отказали, — значит, я еще не готова. Или, — она явно непроизвольно взглянула на П., — *что-то должно быть по-другому*. Ты иди, вон, видишь, весь хор на нас смотрит. Верно, тебя ждут. Как же хор — да без тебя?

— Все будет в порядке. Вот увидишь, — сказала жена пастора и, ткнувшись тонкими губами в Галину щеку, быстро пошла к хору...

— Жалко мне ее, — вздохнув и прижимаясь к П., сказала Галя, когда жена пастора отошла достаточно далеко, чтобы ей не были слышны Галины слова. — Жалко...

Впрочем, жене пастора надо отдать должное, блистательно счастливой она, подобно женам коллег своего мужа, не выставлялась. И вообще была сравнительно со своими товарками... *живой*, что ли?..

На берегу из жердей и одеял были сооружены две кабинки для переодевания — одна для женщин, другая — для мужчин. По колебанию свисавших до земли одеял было понятно, что там допущенные ко крещению уже переодевались.

В стороне от остальных у самой кромки воды стояли несколько съехавшихся из разных мест пасторов и, хотя действия им предстояли привычные и отработанные, судя по напряженности их спин, могло создаться впечатление, что совещались они о чем-то необыкновенном.

Болградский пастор крайне дружелюбно касался рукой пастора Жорика, тоже гагауза. (Пастора Жорика в «пастора Жулика» прихожане его общины переименовали уже потом, примерно через год, когда поймали его за руку на махинациях с гуманитарной помощью, выделенной для бесплатного распределения; он бежал, его разыскивали; а потом он вынырнул в Сибири — тоже пастором, но уже не сельской гагаузской общины, а центральной церкви города Иркутска, да к тому же на должности секретаря-казначея [совмещение сразу двух высших после поста президента должностей] Восточно-Сибирской миссии, входящей в состав организованной американцами на территории Сибири и Дальнего Востока Восточно-Российской унионной миссии. Организованной спешно и при очень недвусмысленных обстоятельствах. Дело в том, что должностные лица миссий назначаются сверху, в отличие от руководителей унионов и конференций, которые хотя и запутанным образом и достаточно фиктивно, но все же выбираются. Реорганизация в церковных структурах была проведена в одночасье, когда сибирские адвентистские общины во главе с Робертом Линком, русским немцем, захотели от американцев, вернее, от их дел и делишек, отмежеваться, защищая от чуждого духа ими же самими и созданное. Американцы и назначенные ими «новые пасторы» сразу же подсутились, оправдали реорганизацию малочисленностью прихожан, — и вместо выбираемых стали назначаемые. Вот эти-то назначенные руководители Восточно-Российской унионной миссии — естественно, предельно американцам верные — и назначили [или *рекомендовали*? впрочем, разница невелика] на все нижестоящие должности себе [а следовательно, и американцам] созвучных, типа пастора Жорика. Прежних — убрали. В приобретенные таким образом церковные здания американские стадионные «евангелисты» привели понятно кого.

Болградский пастор спустя несколько лет тоже, как и пастор Жулик, ушел на повышение: отвергнув все предложения о новых приходах, согласился на материально-ответственную должность — церковной литературой на всем Юге Украины не просто торговать, но, более того, определять, что читать прихожанам церквей, а что — нет. Понятно, что в доме этого «эксперта» по книгам книг отродясь не водилось, разве только некоторые сугубо церковные издания; не будь на приобретение их специального распоряжения начальства, не было бы, видимо, и их.

Справедливости ради надо заметить, что болгарский пастор с пастором Жориком все-таки через несколько месяцев рассорился. Болгарский пастор однажды пришел помочь пастору Жорику с отопительным котлом, спустился в подвал и там — а дело, естественно, происходило зимой — обнаружил запертую, плачущую и избитую девочку. Дело в том, что в то время когда советские толпы млели от множества журналистских материалов о том, как в Америке счастливы приемные дети-сироты из Союза, а редкие материалы о садизме по отношению к этим приемным детям и даже их убийствах «почему-то» никто не замечал, пастор Жорик тоже захотел удочерить сироту из детдома. В процесс воспитания входило не только запираение в холодный подвал — там хотя бы стены есть и не дует, — но девочку раздетой и всю в синяках выгоняли на снег. Но поскольку этим бывали недовольны соседи-болгары, то приходилось себя сдерживать и ограничиваться неотапливаемым подвалом. Свидетелем одного из таких актов воспитания и стал болгарский пастор — возмутился, возможно, искренне, и, в конечном счете, сыграл не последнюю роль в изгнании пастора Жорика. Но тогда, на берегу, внешне они были сама братская любовь.)

В нескольких шагах от сладко улыбающихся друг другу пасторов-гагаузов — они были почти сверстниками, и из гагаузов своего поколения выделялись низкорослостью, в особенности пастор Жулик, — стояло приезжее начальство. Начальство от пасторов-гагаузов отличалось более солидной одеждой, да и приехало оно на дорогах, явно не по официальной зарплате, машинах.

Запел хор.

Но послушать его Гале и П. помешали.

— Ну как там Москва? — это подошла женщина-гагаузка, у которой родственник жил в Москве в соседней с П. многоэтажке. Родственник выгодно сумел устроиться и при советской власти, будучи заведующим министерским ателье — по тем временам в определенных кругах голубая мечта, — купил в Москве квартиру, машину, ну, и все остальное. А с приходом к власти демократов он и вовсе развернулся: загородный дом и все такое. Так сложилось по прошлым приездам П. в Болград, что единственной темой его, П., кратких разговоров с подошедшей сейчас женщиной были успехи этого самого родственника. П. заранее стало скучно. Галя же гагаузку рассматривала с интересом.

— Представляете, — полухвастливо-полувосхищенно, но при этом как бы осуждающе сказала женщина, — *пятнадцатилетнюю* дочку, *одну* — одну, без матери! — отправляют учиться в Америку?! Десять тысяч долларов — представляете! — в год за нее платит! За одно только обучение! Да на такие деньги здесь два дома можно купить! Если

не три. И как там девочка *одна*? В таком возрасте? Ведь пятнадцать лет всего! Что из нее только вырастет?! Как будто нарочно из девочек делают *такое*...

П. с Галей, когда нужно — улыбались, когда нужно — удивлялись, кивали, когда нужно — и охали тоже. П. был готов и на большее, лишь бы она поскорее отошла.

— Дочка, наверное, *там* останется... Замуж для этого выйдет. А потом они и сами в Америку переберутся — а то иначе не уехать. Брат-то его уже уехал — но дальше Новой Зеландии пока не получается. Но это уже шаг.

— Да, — кивнул П., — разругались братья, и он из его фирмы ушел. Не смогли вместе работать.

— Своя *фирма!*.. Вот ведь как там наши-то у вас в Москве! Процвечают! А мы-то все здесь его глупым считали. Пока молодым был. Как взлетел, а? Как взлетел!

П. пожал плечами и промолчал.

— Говорят, многое у вас в Москве изменилось.

— В каком смысле?

— Начальство в церкви новое.

— Да, — кивнул П. — Теперь все сплошь американцы. И высшая администрация, и отдел образования, и издательство, а главное — вся иерархия бухгалтеров.

— Чего-чего? — не поняла гагаузка.

— Я говорю: если в отделе образования, издательстве и церковной администрации американцы занимают высшие должности, то там, где идет движение собираемых с нашего населения денег, американцы занимают бухгалтерские должности не только высшие, но и пониже, — вплоть до главного бухгалтера в церковной стоматологической клинике.

— Да, хорошие времена наступили, — вздохнула гагаузка, — опять же вот коммунистов прогнали... А куда наше прежнее адвентистское начальство-то делось?

— А кто где. Украинцы — в Америку перетекают. Пасторы-немцы по большей части в Германию отчалили. Теперь, судя по письмам, кто мусор на лесопилках подметает, кто еще где в прислуге.

— Здорово, — завистливо вздохнула гагаузка. — И как им?

— Пишут, что наконец-то стали счастливы.

— А что, уже всем удалось выехать?

— Всем, кто захотел. Есть некоторые, кто остался. Двух, похоже, типов. Главный по семинарии, например. У него жена русская — ему она, наверное, не велит. А еще остались некоторые оригиналы в Сибири — в отколы церковные ушли. Один — да вы его знаете, Роберт Линк, над всеми адвентистами России был главный — стал что-то

про порядочность говорить и в Сибири откол решил организовать. Дали, конечно, ему по шапке. Не знаю, чем дело закончится. Поступится совестью — сунут ему какую-нибудь должность.

Но гагаузка слов П., казалось, не слышала.

— Есть, которые остались?! — удивилась женщина. — Да еще в Сибири?.. Хотя кто его знает, Сибирь, говорят, особенная... Болгары наши, бывает, в Сибирь уезжают... Да болгары вообще... безбожники: видите, — гагаузка кивнула в сторону берега, — в основном наши гагаузы только и крестятся, а болгар нет... А что еще про начальство слышно?

— Да, кто-то из вашего села в начальстве. Да и вообще гагаузов по нему-то в России в пасторах да начальниках много.

— Да, — обрадовалась она. — Теперь и наш брат-гагауз над Россией начальник. Хотя мы теперь — незалежна Украина.

Происхождение этнонима «гагауз» интересно и поучительно. В переводе с турецкого это слово означает «предатель». Кто кого и когда предал — история документально не зафиксировала. Самим гагаузам приятно думать, что их называли «предателями» мусульмане, когда они, гагаузы, оставили ислам и приняли православие. Концепция более чем сомнительная: быт у гагаузов с болгарами Болгарии и болгарами Болграда общий, что говорит о том, что гагаузы — это, скорее всего, один из болгарских кланов, перенявший язык оккупантов-турок: язык перенять несравнимо легче, чем быт, да и вообще потребность в изучении языка будущих оккупантов обнаруживается еще прежде начала буквальной оккупации. Гагаузы гипотезу о том, что они болгары, перенявшие турецкий язык, воспринимают как оскорбление и говорят, что они внешне на болгар не похожи и в их внешности есть нечто турецкое. Что ж, не удивительно. В эпохи свержений знаменитая жестокость гагаузских мужчин должна была валабиянство их жен с турками-захватчиками не останавливать, но, напротив, удесятерять.

Что касается предпочтения американцами гагаузов, то трудно не обратить внимания, что адвентистские пасторы вообще редко бывают по национальности русскими. При «внешниках» многие пасторы были немцами — и главарем себе — *это в России-то!* — выбирали то своего брата немца, то прибалта, то выходца из донских казаков (в «КАТАРСИСЕ» один из таких шел под кличкой «красный помидор»). А новая «внутренническая» волна церковного руководства, смывшая немцев, прибалтов и часть семейного клана донского казака, помимо гагаузов состояла преимущественно из молдаван и колхозников западных областей Украины (то есть из тех самых, которые в войну поголовно дезертировали и переходили на сторону гитлеровцев), да

еще редких русских типа выходцев из «внутреннического» села-предателя Останкино, привлеченных американцами. Естественно, что и гагауз пастор Жулик в этой компании принят был как *свой*.

Свои терпят только своих, так что в общем-то закономерно, что если «внешники» в свое время отлучили от церкви П., то теперь «внутренники», не стесняясь, поступали в том же духе и с его женой!

Может показаться глупым, что П. и В. при том, что их столь отчетливо отторгала иерархия как таковая, вне зависимости от того, «внешническая» или «внутренническая», все-таки к ней тянулись, да еще пытались доказать, что в церкви многое не так, как пишется в рекламных изданиях и символе веры. Глупо не это, глупо верить, что слово всегда используется в прямом логическом смысле. Это бывает очень редко — а в иерархиях никогда.

Так что П. еще предстояло слово «иерархия» перестать употреблять в обыденном смысле, узнать, чем село Останкино вошло в историю, и почему именно американцы, а не немцы на ассоциативно-эстетическом уровне выцедили выходцев из этого села на высшие в церкви должности; заметить, наконец, что «посланцам небесной Истины» из Америки любви потомки предателей родины вообще и времен Великой Отечественной в частности. (Вот ведь на чем «посланцы неба» из Америки «прокололись» — на эстетических предпочтениях! Кто им нравится, и кому они! Так что этот метод применим не только к постижению Александра I или Сталина.)

Для того, чтобы П. мог *соединить* вместе все происходящие в церкви *странности*, ему еще предстояло *разъединить* две сменивших одна другую иерархических волны, а это было трудно, потому что пасторы и той, и другой волны относились к нему, П., с одинаковой, порой прямо-таки звериной ненавистью. Трудно было также и потому, что в официальной церкви, которую поначалу он, заблуждаясь, считал достаточно единой, нет-нет да и встречались люди (типа того деда с творогом и сметаной, дважды приговоренного к расстрелу), которые П. помогали — и как помогали!

— В церкви в начальниках не только гагаузы появились, — сказал П. гагаузке. — Но и молдаване, азербайджанцы тоже. А теперь еще и евреи. Это прибалты с немцами уходят, а евреи наоборот.

— Да-да! Я слышала! — радостно заулыбалась гагаузка. — Ведь как все переменялось! Раньше евреев в церкви не было вовсе, а сейчас, говорят, валом крестятся.

— Ну не «вовсе», — поправил любивший корректность П. — Были. Несколько человек на весь Союз было. Везде, как говорится, есть свой еврей. А вообще, согласитесь, интересно: за столетнюю историю церкви в России, тысяч за сотню, наверное членов было, евреев сре-

ди них — всего двое-трое, хотя все евреи в Союзе сидели, и их не выпускали; а теперь, когда массами выезжают, и число их уменьшилось в несколько раз, такое их в церкви количество появилось...

— Да, даже у нас в глухомани, — закивала гагаузка, — где евреи почти все уехали, и то в общине еврейка покрестилась! Учительница! Она сейчас в Израиль навсегда уезжает. Хотела в Америку, но не получается. Так что в Израиль. Слышали про нее?

— Слышал и видел, — кивнул П. — Болград невелик, поневоле все знаешь. Учительница истории.

— Да, грамотная женщина. Она только покрестилась, и ее тут же учителем субботней школы поставили.

— А почему не директора винзавода? — спросил П. с иронией. Причиной же иронии было то, что по «Церковному руководству» член церкви не имел право участвовать ни в производстве, ни в распространении алкоголя. — Он тоже с дипломом.

— А ты разве не знаешь? — удивилась гагаузка.

— Что?

— Так он же еще не крещеный!

— Разве? Не знал.

— Но судя по всему, скоро крещение примет. Уж столько мы церквями за него молились!

— С подачи пастора что ли? — кивнул П. в сторону воркующих пасторов-гагаузов.

— А кого же еще?! Его-его! А сколько он, наш пастор, к директору ходил, сколько уговаривал! Так что скоро крещение примет. И уж только после станет учителем.

(Так, кстати говоря, и случилось.)

«А Галю вот не то что не уговаривают, а наоборот...» — подумал П. и сказал:

— Понятно.

Хотя ни в тот момент на берегу, ни в тот даже год так еще *ничего и не понял*.

— А что до евреев, — назидательно продолжила гагаузка, — так это пророчество известно. Сказано: перед самым Вторым Пришествием евреи будут присоединяться к народу Божьему в большом числе.

Действительно, такое пророчество адвентистам было известно. Причем ссылались не только на Елену Уайт, но и на некий стих из Библии. Вся адвентистская иерархия, включая и утвержденный американцами преподавательский состав семинарии, толковали это пророчество, по сути, следующим образом: хотя евреи в десятках поколений Христа и отвергали, но тут *вдруг, чудесным образом, чудотворно* массово уверуют, покаются, родятся свыше и станут присоединяться к церкви адвентистов — дескать, Бог силен еще и не то в их душах

совершить. Предположить же в этом пророчестве обратный смысл — что народ Божий (в смысле: та из деноминаций, которая будет носителем — но лишь на бумаге — наиболее верной системы догматики) всего-навсего, как и предсказано Еленой Уайт, деградирует донельзя, жуликами («внутренниками») станут уже практически все пасторы, соответственно, и почти вся церковь, потому-то и ставшая с *массовыми* невосрожденными евреями совместимой, — такое в иерархии, не смотря на отчетливость пророчеств, не могли даже предположить. Не евреи массово и чудотворно изменятся, это — чушь, а церковь постепенно деградирует в иерархию, и закономерным образом на планете возобладает «внутреннический» тип стаи, которая поглотит также и «народ Божий».

Вообще, если присоединения значительного числа евреев к «народу Божию» совместить с более чем отчетливыми предсказаниями о том, что Божьих людей в «народе Божьем» практически не останется, а также с предсказанием, что церковь адвентистов приобретет заметное влияние в мире (практически исполнилось: естественное следствие извращения духа церкви), то массовое вхождение евреев — *естественно*.

Если же эту мысль довести до логического завершения и соединить с пророчествами из «Апокалипсиса» (глава 18-я, в особенности стихи с 4-го по 11-й) о последней волне гонений на соблюдающих заповеди (включая и соблюдение заповеданной субботы), то получается, что в последние дни перед Вторым Пришествием, когда двери благодати уже будут навсегда закрыты (то есть распознавание исполняющихся признаков приближения Второго Пришествия уже никак не сможет повлиять ни на духовный выбор некрофилов, ни на их судьбу в вечности), тягостное предчувствие конца перерастет не только в попытку уничтожить защищенных Богом *неугодников*, но и в грандиознейший всепланетный еврейский погром. Погромщиками будут, очевидно, не только обманутое «болото» и уцелевшие «внешники» (традиционные антисемиты — точнее, анти-«внутренники»), но и «свои» — «внутренники»-конкуренты. Им отвести удар от себя *выгодно*. И начнется этот грандиознейший еврейский погром, как это ни странно для адептов суверенитизма, именно в наиболее привлекательном для евреев «демократическом рае» — Соединенных Штатах.

— Исполнилось пророчество, — торжественно сказала гагаузка. — Так что время Пришествия близко. При дверях. И хорошо, что евреи в церковь валом пошли. И то хорошо, что теперь наши американские братья все в церкви решают: свет нам несут... А кто еще *нас* научит различать: что есть добро, а что зло? Сейчас все так неопределенно... Эх, английский язык надо учить. Просто — *надо*... Английский сейчас — *всё*...

— И не дорого берут, — не удержавшись, язвительно сказал П. — всего-то надо, что чемоданчик через границу перевезти.

— Чего-чего? — не поняла женщина.

Галя сжала П. локоть, дескать: замолчи, — но П. остановиться не мог, его, что называется, понесло.

— Так, — сказал он. — Мне перед отъездом сюда один пастор, несостоявшийся магистр богословия, рассказал, что должен был поехать в Америку учиться на магистра богословия, а ему перед отъездом кто-то из руководства велел чемоданчик через границу — запертый! — перевезти. А пастор тот возьми да и не согласись. Говорит: конечно, перевезу, но только если буду знать, что там внутри. Но это самое «там внутри» ему почему-то не показали... Как вы сами понимаете, магистром богословия стал другой. Не отягощенный принципами. А пастора этого — москвича, между прочим, — в провинцию сослали. А для столичных общин молдаван на должности пасторов завозят, кроме зарплаты еще и квартиры им снимают... Так что недорого берут. Главное, делай что говорят — только внутрь не заглядывай.

Женщина, как будто только что проснувшись, ошарашенно посмотрела на П. — и отошла. Подальше.

— Зачем ты, — с упреком сказала Галя. — Они тебя все равно не поймут. А неприятностей не оберешься.

— Правду говорить легко и приятно, — сказал П. — А поймут или не поймут — это их проблема. — Но он прекрасно понимал, что Галя была права.

— Удивительно, — сказал П., — несколько лет сюда приезжаю и не смог сойтись ни с одним гагаузом. И ни с одним украинцем, кстати, тоже. С русскими, переехавшими сюда из России, — тоже не схожусь, разве что с женой пастора отчасти. И получается, что из многих национальностей, которые здесь живут, схожусь с одними только болгарами. Но именно местными, потому что с болгарами из Болгарии не схожусь. Почему так?

— А Витя и Клава кто? — спросила Галя.

— Болгары.

— Значит, и я с болгарами схожусь, — улыбнулась Галя.

— И еще: один-единственный пастор в моей жизни спрашивал у меня совета. Из, наверное, двух сотен пасторов, с которыми я сталкивался. Единственный, кажется, в церкви пастор-болгарин. Представляешь: *советовался*...

— Вот его и сослали, — серьезно сказала Галя. — В глухомань. В дальний гарнизон.

— Нет, все-таки сначала — сослали, а уж потом перед отъездом — он совета пришел спрашивать...

— Да, — согласилась Галя. — Он мне тоже понравился. Хотя несколько прямолинейно некоторые вещи понимает. Это ему дорого обойдется.

— А я ведь жил в гагаузской деревне, — задумчиво сказал П. — Три недели. В Виноградовке. В той, которую проезжали. В доме раскулаченного. Много земли до 1940 года у них было, работники. У него в доме одно время молитвенное собрание было. Все честь по чести — принимали. Кормили — я тогда после травмы сюда на виноград приехал. Все, вроде бы, как надо, но... Но... не схожусь! Может, он на жизнь обиженный? Ведь — раскулаченный.

— А ты знаешь, — сказала Галя, — а ведь мой прадед тоже раскулаченный.

— Разве? — удивился П. — Не знал.

— Да. Только ни у него, ни у родни никогда никаких батраков не было. В нашей деревне вообще кулаков не было. Все работали сами. Просто семья его была большая, работающая — вот дом и был самым большим и самым в деревне красивым. А большевики пришли — все отняли, дом тоже.

— Прадеда, понятно, не расстреляли. А сослали?

— Нет. Никого не сослали, они так в деревне жить и остались. А в доме нашем сначала сельсовет был, а потом клуб сделали. До сих пор дом стоит. Я, когда в школе училась, на лето в деревню приезжала, так в кино, представляешь, *в собственный дом* ходила. Знаешь, как это было интересно! У нас в деревне поход в кино — целый ритуал: гладиться мы начинали с утра... И, знаешь, ведь с запасными туфлями ходили: туда — в новых, выбираешь куда ногу поставить, а обратно — темно, грязь, да никто и не видит, так назад — в стареньких...

У П. аж горло сдавило. Но он с собой справился.

— Сейчас внукам награбленное возвращают, — дом можно вернуть.

— Я знаю. Но никто из родственников не стал связываться. Ну их. Пусть берут, если они такие жадные... Да и раз это произошло, то нас, наверное, от этого имущества надо было освободить. Не нужно оно нам тогда было... — Галя помолчала. — А деду как сыну раскулаченного во время войны оружие не давали. Так он всю войну кашеваром и был. Каждый день в окопы ведра с едой носил. Без оружия...

— *Неблагодетельный?*

— Да. Он хотел воевать, просил оружие, ведь все равно на передовой, но коммунисты не давали...

— И выжил, — задумчиво сказал П. — Всю войну под пулями, да притом не в окопе, — ведро ведь ползком не пронесешь. Интересная

ведь деталь! Всю войну и это притом, что средний срок жизни на передовой — три дня... Получается, был *сохранен!*.. Скажи, а этот дед по отцу или по матери?

— По матери.

— Значит, по законам психологии я должен на него больше походить, чем на другого деда. Похожие мы, значит, получается. Только вот чем? Он что, крупный был?

— Нет. Совсем наоборот — небольшого роста. Плотником был. Да каким! Его даже из дальних деревень нанимали. А мы, дети, всегда ждали его возвращения. У нас даже такое соревнование было: кто первым к нему добежит. Какой визг стоял, пока бежали! Но у него все равно всегда конфет на всех находилось. Ради чего тогда бежали — не знаю... Как бы далеко он ни работал, никогда там ночевать не оставался — всегда домой приходил. Пешком по много километров приходилось идти. Он вообще любил ходить...

— Так! Вот и первое сходство! Когда идешь, лучше всего думается! Я тоже по несколько часов в день пешком хожу... Может, он нарочно работу в *дальних* деревнях выбирал, чтобы было оправдание пройтись подумать?.. Похоже... А вот насчет конфет с меня спрос никакой... Значит, говоришь — *неблагонадежный?*.. Интересно получается! У меня отец хотя и не был репрессирован, но угодником не был. В конце концов, и твой дед, и мой отец под пулями были *сохранены*... А ты знаешь, ведь был в жизни отца такой бой, когда пройди пуля в полумиллиметре в стороне — и я бы никогда не родился... — И П. рассказал, как это было.

— Интересно. Может — совпадение? — сказала Галя. — Случайность?

— Может быть, — пожал плечами П., — хотя случайно даже кирпич на голову не падает... Но я еще одного знаю, который всю войну на фронте — и тоже целым остался. Как он мне помог! Это ж потрясающая история! Я тогда после болезни в разрушающемся доме жил, на севере Молдавии... — И П. рассказал. Коротко. Но про прощальные, уже в дверях, слова деда, что он — *русский*, и что дети его — в России, не сказал — зачем?

Галя задумалась.

— Его приход — не случайность, — сказала она. — Такое ощущение, что эта встреча была чем-то очень-очень важным...

— Наверно, — согласился П. — Только я, похоже, до конца не понял, что же было самым в его вести главным.

— *А мы вместе подумаем*, — сказала Галя и потерлась щекой о плечо П.

На берегу опять запел хор, на этот раз нечто более, чем прежде, торжественное, тем показывая, что приготовления к обряду за-

кончены. Дирижировала уже не жена пастора, а его сестра. Все собравшиеся на берегу — и привезенные на грузовике адвентисты, и собравшиеся купальщики — заметно подтянулись и стали как-то строже. Продолжали еще подходить привлеченные пением хора отдыхающие. Из импровизированных раздевалок стали выходить люди. Одеты они были в одинаковые белые лабораторные халаты. У мужчин головы были не покрыты, а на женщинах были белой материи косынки, из-под которых выглядывали куски полиэтиленовой пленки, — наматали, чтобы не замочить волосы. Из восьми крещаемых пятеро были гагаузами, хотя население в округе было далеко не гагаузское. Лабораторные халаты привычно ассоциировались с лабораториями и экспериментами.

Когда хор закончил петь, вперед шагнул один из приезжих пасторов-начальников. Одним движением руки он построил сбившихся было в кучу крещаемых в ровную шеренгу и начал проповедь о спасении. Поскольку крещаемые это все уже много раз слышали, то тридцать минут говорения явно были рассчитаны только на привлеченных хором купальщиков.

— *Не так*, — обернувшись к П., сказала Галя. — Я себе *не так* это представляю. Почему обязательно — *халат*?

— Не знаю, — пожал плечами П. Он сам ровно семь лет назад был крещен в таком же халате, только происходило это в баптистерии (небольшой храмовой купели, наполненной подогретой водой) в центре Москвы, и ни тогда, ни впоследствии не задумывался: почему *халат*. — Так *им* нравится, наверное. Эстетическое предпочтение. Вообще говоря, это уже давняя традиция. Не одно десятилетие так.

— *Не так*, — повторила Галя. — Надо надеть самое лучшее платье — и вообще все лучшее. Ведь праздник же!

— Так и давай, — сразу же согласился П.

— Что?

— Завтра ты наденешь свое лучшее платье, — и я тебя окрещу. В конце концов, ты и собеседование прошла, и совет церкви хоть и поодиночке, но проголосовал за твое крещение.

Галя ничего не ответила и опять стала смотреть на происходившее у кромки воды.

Ждать, когда проповедник, как ругательствами пересыпавший речь латинизмами типа «мы сейчас имеем возможность иметь благословение наблюдать манифестацию Святого Духа», наконец, закончит повторять про «духовность» те прописные истины, которые с некоторых пор стали публиковаться даже в бульварных газетах, — было невыносимо мучительно. Но проповедник все говорил и говорил, и конца, похоже, было не дожидаться.

— Давай, — после размышления, наконец, ответила Галя.

— Тогда прямо с утра. Позавтракаем — и сюда.
— Только не на это же самое место. Хорошо, Алеша?
П. наклонился и поцеловал Галю в висок.
— Конечно. Как скажешь...

Обряд над крещаемыми был проведен без осложнений, по отработанной десятилетиями, если не столетиями, методике.

После поздравлений и неизменных букетов цветов обратно всех отвезли на том же грузовике.

А вот самим на следующий день попасть на противоположный от Болграда берег лимана было непросто: топлива на Украине после развала Союза не было, и рейсовые автобусы были отменены. А это означало восемь километров пешком по жаре. Но ни Галя, ни П. это не смущало, и они втроем с дочерью отправились.

Но им повезло: когда они из военного городка, где снимали квартиру, спустились через сосновые посадки к дороге, рейсовый автобус как раз появился из-за поворота.

П. поднял руку, — и автобус остановился.

От центральной площади гагаузского села, конечной остановки автобуса, до озера надо было еще идти — около получаса.

— Как хорошо, — сказал П., когда, свернув с разбитой проселочной дороги, они вышли на берег. — Ни одного человека!

— Ну и замечательно, — сказала Галя. — Нечего театр устраивать.

Они шли по тропинке вдоль кромки воды, выбирая где остановиться. Подошли к тому месту, где вчера проводили крещение. Ни одного человека!

— Пойдем дальше, — даже не замедляя шага, сказала Галя.

Они пошли дальше. П. пропустил Галю вперед — пусть выбирает сама.

— Смотри, как уютно! — обернувшись сказала Галя. — Мне здесь нравится.

Лужайка была небольшая, в десяток шагов шириной, наполовину затененная ореховыми деревьями.

— Ну и прекрасно, — снимая рюкзак, сказал П. — Здесь и остановимся. — И принялся распаковываться: одеяло, мяч для дочери и прочее.

— Не сразу, — хотя П. еще ничего не успел предложить, сказала Галя, — надо сосредоточиться... Она стала перебирать в рюкзаке вещи. Пересмотрела все клапаны, потом опять рюкзак и опять все клапаны. — Какой ужас, — наконец сказала она. — Я осталась без купальника. Деталей взяла две, но при этом ни одного «верха».

Все рассмеялись — пуще всех дочка: возраст такой — двенадцать лет.

— Ничего страшного, — сказал П. — Кругом — ни души! И *так* даже красивее.

— И все же... — смущенно сказала Галя. И осталась в футболке.

Дочь сразу отправилась к воде. А П. улегся загорать. Вернее, сделал вид, что загорает, — ведь надо же найти себе какое-нибудь занятие, чтобы своим явным ожиданием не подгонять события.

Галя села рядом с П. на расстеленное одеяло и задумалась. Даже глаза прикрыла. Минут через десять встала, достала из пакета тщательно выглаженное накануне лучшее свое платье и переоделась.

— Ну все, — сказала она. — Я *готова*.

— Посиди со мной, — любуясь Галей, сказал П. — Хотя минут десять платье останется глаженным.

— Пожалуйста, Алеша, пойдем, а?

П. поднялся, Галя взяла его за руку и они вместе ступили в воду.

— И меня, и меня крестить! — запрыгала Галина дочка, обещавшая вырасти выше мамы, и, подбежав к матери, ухватила за подол.

— Рано, — твердо сказала ей Галя. — Это — серьезное решение.

Дочка обиженно отвернулась, но мамино подол так и не выпустила.

— Смотрите, смотрите, змея! — ткнула она пальцем.

— Где? — испугалась Галя.

Действительно, у листьев кувшинок, всего в двух-трех метрах от берега виднелась голова гадюки. В лимане это достаточно обычное явление: высунувшаяся застывшая голова и часть туловища охотящейся гадюки или безвредного полоза. Но это была гадюка.

— А вон еще! — чуть в сторону ткнула пальцем дочка. — А вон еще! И еще!

В самом деле, вода скрывала кольца нескольких змей.

— А вон еще! — не унималась дочь.

— Сколько же их? — упавшим голосом спросила Галя.

П. стал считать и насчитал восемь штук. Он поднял ветку, кинул в ближайшую, но не попал, и змея даже не нырнула.

— Никогда не поверил бы, — чтобы разрядить обстановку, деланно хохотнул П., — если бы своими глазами не видел. Прибыли по присутствовать. Вместо вчерашних отдыхающих.

— Вот так всегда, — сказала Галя, — одним — хор и цветы, а мне — все змеи лимана...

И шагнула в воду!

— Парадоксальная, если вдуматься, ситуация, — шагнув вслед за ней, сказал П. — Отлученный от церкви крестит ту, которую в церковь, против ими же самими рекламируемого устава, принимать отказываются...

— Может быть, *так надо*, — найдя его руку, сказала Галя. Чувствовалось, что она все-таки побаивается.

— Конечно, на все есть свои причины. И закономерности. Понять бы только их — эти закономерности...

Озеро Ялпуг вообще-то мелкое. Нужно пройти не один десяток метров прежде чем вода достигнет пояса, тем более груди. Галя с П. благополучно преодолели заслон из змей и, сделав еще несколько десятков шагов, остановились.

— Ну прощай, *грешница*, — полушутя-полусерьезно сказал П.

— Прощай, — серьезно сказала Галя. И почти заплакала.

— *По вере твоей крещу тебя во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!* — сказал П. и, погрузив Галю на мгновение в воду, подхватил из воды повыше, прижал к груди и поцеловал ее, всю мокрую, в губы.

«*Ей, гряди, Господи Иисусе!*»

СЛОВАРЬ

(Глава, крайне необходимая
для повторения введенных в книге понятий
и содержащая также некоторые новые сведения)

АДВЕНТИЗМ (лат. *adventus* — пришествие) — христианское религиозно-философское движение, возникшее в т. н. «золотой век христианства» (первая половина XIX века), в 1844 году. Согласно пророчествам пророка Даниила (Дан. 8:14), в этом году должно было произойти эпохальное событие — «очиститься святилище». На это пророчество обращали внимание во многих уголках земли во всех христианских конфессиях, независимо друг от друга. О том же, что есть «святилище», были большие разногласия: одни считали, что святилище — это территория Иерусалима, и его очищение в том, что оттуда будет изгнан последний еврей; другие считали, что очищение — в изгнании из Иерусалима последнего нееврея; третьи надеялись на долгожданное очищение авгиевых конюшен Ватикана и католической церкви вообще; четвертые же считали, что святилище — это наша планета, а ее очищение произойдет в момент Второго Пришествия Христа. Последнее предположение, со страстью проповедуемое американским фермером-баптистом Миллером, было особенно популярно, в одной только малонаселенной тогда Америке активистов-миллеритов было более 30 тысяч. Многие из миллеритов распродавали имущество и отдавали все на проповедь приблизившегося Адвента (Пришествия). Как и всякое недуховное движе-

ние, миллеризм сопровождался многочисленными «чудесами». То, что это движение было недуховным, распознается хотя бы по тому, что после того, как десятки тысяч изгнанных из своих прежних церквей миллеритов, завернувшись в белые простыни, колоннами вышли в определенный день ноября 1844 года встречать Христа на близлежащие холмы, и Он не пришел, то они в абсолютном своем большинстве разувверились в справедливости Библии, ее философии и пророчеств — и оставили христианство вообще. Одна из причин распада миллеризма заключалась, очевидно, также и в том, что за несколько дней до белых простыней основатель движения, собиравший на свои проповеди огромные толпы, Миллер умер... Из более чем 30 тысяч его последователей нашлось лишь семь (!) человек, которые после великого разочарования посчитали виновными в ошибке не Библию, а человеческие толкования. Они вновь открыли книгу пророка Даниила и прочли то, что там, собственно, и было написано — что в 1844 году очистится *небесное* святилище, и начнется предпоследний этап человеческой истории — *последнее время* перед Вторым Пришествием Христа. Собственно, этих семерых, в числе которых была и юная Елена Уайт (все они в белые простыни не заворачивались), а вовсе не Миллера, справедливо считать

основателями адвентизма. У этих семей, уже раз столь зрелищно обжегшихся на вере в авторитет вождя, все развивалось особенно — они взялись сравнивать догматику существовавших церквей с тем, что написано в Библии. И удивлению их не было предела... Естественно, исправление ими накопившихся в христианстве заблуждений и суеверий привело к появлению новой системы догматики. В 1863 году была организационно оформлена Церковь христиан-адвентистов седьмого дня, не имеющая с миллеризмом ничего общего, кроме, может быть, слова «адвентус» в названии. Но со временем в среде примкнувших к церкви людей произошло то, что происходило и во все времена, — возникла иерархия, а в периоды слабых вождей она раздробилась на десятки и сотни организаций разной численности. Елена Уайт оказалась в массовой адвентистской церкви чужой, ее унижали, ее ссылали, ее тексты начальство признавало антидуховными. После смерти та же иерархия Елену Уайт канонизировала.

АНТИХРИСТ — предреченная пророками предельная форма деградации носителя принципа вождизма. Маска добропорядочности, понятно, религиозная, более того — христианская, возможно, с модным «восточным» оттенком; стержень же нанизывания индивидов в стаю — «внутреннический». Великие СВЕРХВОЖДИ (толповоды) — не более чем приближения к «идеалу», который и воплотится в образе Антихриста-Сверхвождя. Он будет настолько лишен личностных качеств, настолько будет полным «мертвяком», настолько патологически лжив, что сумеет пробиться к самым глубинным неврозам всех без исключения исполнителей — «внешников» и «внутренников», сметая даже остатки логического мышления. Закономерным образом толпа будет обожать его еще более иступленно, чем Гитлера или Наполеона, вплоть до образования всепланетной стаи.

Рационализация стайной сверхпреданности — комбинация некоторых разрозненных библейских мыслей. Для

победившей на планете «внутреннической» стаи последними врагами окажутся *неугодники*, — однако, согласно пророчествам, стае дозволено будет уничтожить только их часть. Самопожирание стаи Антихриста завершится в Третье Пришествие Христа, но в особо зрелищных формах начнется в **краткий** период между закрытием «двери благодати» (когда *все*, способные к рождению свыше, уже сделают свой выбор) и моментом Второго Пришествия Христа.

БИОФИЛЫ (греч. «биос» — жизнь, «филео» — любить) — те, кто любит жизнь во всех неразрушительных ее формах. Феномен рассмотрен автором в книге «КАТАРСИС. Подноготная любви». Поскольку у биофилов отсутствует подсознательное желание кого бы то ни было умерщвлять, они не действуют подавляющим образом на подсознание окружающих их людей, не стремятся подчинить окружающих своей воле, не наносят ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ТРАВМ (это выявляется методами ПСИХОКАТАРСИСА). И наоборот: более других категорий населения — НЕКРОФИЛОВ ярких и жужлых — устойчивы к попыткам разнокалиберных вождей принудить их жить по стайному шаблону «как все», заставить их стать элементами иерархии. Отсюда — их *неугодничество*, желание духовно и психологически выйти из-под власти стай во всех областях жизни — семейной, профессиональной, культурной, — проявляемое, как и биофильность, в большей или меньшей степени в соответствии с их духовной зрелостью. Эволюция биофилов может идти как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения биофильности, в зависимости от их подсознательного желания быть *личностью* или *индивидом*. Биофилы в высоком смысле слова, полностью реализовавшие дар биофилии, — то же, что и апостолы, *курьеры* — редкий на нашей планете род людей.

«БОЛОТО» — часть населения планеты, носителей стадной психологии. «Болото» отличается от жестких

«ВНУТРЕННИКОВ» и «ВНЕШНИКОВ» **равнопреступностью**. «Болото» — это «равнопреступные». равнопреступность не есть результат свободы выбора — просто «болото» равнодоступно преступным сверхвождям любой специализации. Принадлежность индивида к «болоту» не означает, что он в данном историческом стаде менее страстен, чем жесткие невротики «внешнического» и «внутреннического» типа. Потомок предка-«болота» может по поведению от родителя отличаться, и даже быть *исполнителем* в субстае другого типа, но не потому, что он другой и стал личностью. Просто на данной территории сменился тип психоэнергетического поля. См. КОМСОМОЛЫЦЫ.

ВАЛАБИЯНСТВО — одно из проявлений принадлежности к стаду и преданности вождю; проявляется в форме неразборчивости в половых связях и, как следствие, случайности полового или брачного партнера. Прямое валабиянство — хаотичное стадное поведение: коллективный мужчина входит в коллективную женщину. Наличие в случайных партнерах и супругах некоторой системы говорит о непрямом валабиянстве; оно определяется унаследованными от предков неврозами. Возрастная динамика выбора партнеров зависит, в частности, и от скорости деградации. С возрастом «разборчивость» появляется. При деградации, ускоренной алкоголизмом, наркоманией и некоторыми «духовными практиками», «разборчивость», напротив, исчезает. Термин введен автором с целью иллюстрации одностинности процессов, происходящих в стае животных и стае человеческой.

ВЕЛИКИЙ ГОРОД — символ-мыслеформа, царящая в невротическом подсознании сверхвождей и субвождей. Именно из-за невротичности мышления элементов стаи у индивидов складываются столь странные с точки зрения суверенитизма взаимоотношения с буквальными столицами (скажем, Ганнибал после победы под Каннами не стал брать беззащитный Рим, весьма

похоже действовал если не сам Спартак, то его войско; Сципион, Наполеон, Гитлер — примерам несть числа). **Проборазный Великий Город** — это Новый Иерусалим Третьего Пришествия Христа, описанный в «Апокалипсисе». Происхождение «невроза *великого города*» коренится в будущем и относится к особому, до сих пор избегаемому в научной литературе типу неврозов. В науке (а как заметил еще Лев Толстой, смысл науки — это оправдание всякой безнравственности) — прищипывающую к нравственным преступлениям боль хотят видеть только как тень прошлого, — на самом же деле часть неврозов напрямую связана с будущим. Бессознательная сила, подхлестывающая *сверхвождей* к военным действиям, — если не стадного, то невротического происхождения; только поэтому топтаться у великих городов сверхвождям и не скучно. Великий военачальник отличается от привычных рядовых маньяков тем, что ему *великий город* «интересен» больше, чем собственно кровь, — если бы интересовала она, то ей можно было бы насладиться, перебив население ближайшего несопротивляющегося селения. «Невроз *великого города*» описывается в литературе впервые.

ВЕЛИКИЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК. — Если рассматривать отличие великих военачальников от военачальников обыкновенных с точки зрения сугубо военной, то великий военачальник — это *полководец, которому для победы вообще ничего не нужно — кроме желания*. Если психика великого военачальника не омрачена параноидальными мыслеформами, то он все равно побеждает в любых климатических и географических условиях, при любой численности войск — Гитлер уже в Первую Мировую с одним револьвером за раз взял в плен 15 хорошо вооруженных французов, корсиканцу Наполеону даже безоружному те же французы сдавались сотнями. Великому военачальнику, как гипнотизеру-некрофилу, в разрастании его стаи могут помешать: болезнь, старость (не биологическая, а психо-

энергетическая — то есть ослабление его гипнотических способностей) и приступы паранойи. Великий военачальник и толпа взаимно притягиваются. «Великий военачальник» — то же, что и СВЕРХВОЖДЬ.

«ВНЕШНИКИ» — стайные индивиды, тип поведения которых определяется страстью (бессознательной — стайной или невротически закрепленной) к насилию не только против слов подсознания жертвы, но и против **внешних** слов ее естества — оболочек физической, интеллектуальной и т. п. Управление **исполнителями**, несмотря на их произвольное психоэнергетическое подчинение вождю-гипнотизеру, **все равно** сопровождается неадекватным насилием и угрозами. Синонимы понятия «внешник» — «крутой», «бандит», «мужлан», «солдафон», «сталинец», «тоталитарщик», «фашист» и т. п. Сущность «внешнической» стаи — первостепенная невротическая значимость преступлений, подпадающих под нарушение заповеди Десятилетия «не убий»; бывает, могут обойтись и без преступлений, очевидно подпадающих под другие заповеди. Многие входящие в стаю индивиды, оставаясь «внешниками», могут «оттягиваться» в страсти к насилию всего лишь принадлежностью к «внешнической» стае (душой «переселяются» в палача из стаи, персонально же рук не марают).

«ВНУТРЕННИКИ» — стайные индивиды, тип поведения которых определяется страстью (бессознательной — стайной или невротически закрепленной) к насилию, **минуя внешние (физическую, интеллектуальную) оболочки индивида, непосредственно против оболочек внутренних, подсознательных.** Управление «внутренниками» в идеале — исключительно психоэнергетическое, не прибегая к разжигающей жадности рекламе. Идеал «внутренников» — стая как таковая: «законопослушность», «мир и безопасность», «любовь» — все, как у крыс. Первостепенная значимость преступлений, подпадающих под нарушение заповедей «не

пожелай», «не кради». Поглощенность этим грехом такова, что нарушающие другие заповеди, ту же «не убий», вызывают реакцию отторжения, которое можно спутать с неприятным нравственным. *«И не бойтесь убивающих тело («внешники»), души не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне»* (Мф. 10:28).

ВОЖДЬ — понятие расплывчатое, предельно широкое, в общем совпадающее с бытовым смыслом этого слова. В рамках **теории стаи** понятие «вождь» вбирает в себя следующие понятия: СВЕРХВОЖДЬ, СУБВОЖДЬ, ИСПОЛНИТЕЛЬ.

ГИПНОТИЗЕР — это не эстрадный ловкач, вводящий в гипнотический транс истеричных женщин, используя для этого блестящие шары, качающиеся маятники и прочие подручные средства. Настоящий, **великий**, гипнотизер умеет заставить огромные толпы людей выполнять его сознательные и бессознательные желания, не прибегая ни к каким подручным средствам, да так, что жертвы до конца жизни будут твердо убеждены, что действовали самостоятельно. В книге «КАТАРСИС. Подготовная любви» показано, что гипнотическими (подавляющими) способностями обладают в той или иной мере все подавляющие индивиды (НЕКРОФИЛЫ).

ДАРВИНЩИНА — потому не дарвинизм, что Дарвин не привнес ровным счетом ничего нового. Дарвин — не автор идеи эволюции вообще; он лишь автор одной из конкретных теорий биологической эволюции. Идея же эволюции как явления высказана еще в античности, возможно, раньше Птолемея: человечество-де как целое, не деградирует, но эволюционирует.

ДЕМОКРАТИЯ (греч. «демос» — народ, «кратос» — власть) — понятие «демократия» разработано античными мыслителями и подразумевает наличие того, что в принципе существовать не

может: объединение в государство тысяч и тысяч людей, каждый из которых движим исключительно возвышенными нравственными принципами. Отсюда употребление этого слова умными людьми **глубоко саркастично**, а из уст политиков и журналистов воспринимается смешно и омерзительно. Реальная демократия **всегда** является всего лишь ОХЛОКРАТИЕЙ (властью толпы). В данной книге под «демократией» всегда подразумевается охлократия, то есть этот термин обозначает не философскую мечту, а действительность. **Политическая** же мечта о демократии и устройстве демократического общества удивительным образом напоминает порядки в крысиной стае, после того как она уничтожила всех, к ней не принадлежавших. Иными словами, политическая мечта о всемирной демократии есть законченное «внутренничество».

Демократия — это стая с самым типом связи исполнителей с вождем — психоэнергетическим; при высшей форме демократии психоэнергетическое прищипывание нет необходимости подкреплять вербальными приказами и показательными казнями, как то необходимо при авторитарных режимах, пытающихся ускоренно подчинить психологически более раскрепощенное, чем в «демократических» странах, население.

ЖУХЛЫЕ (жухлые некрофилы) — термин, введенный в «КАТАРСИСе». Отчасти синонимичен понятию «ИСПОЛНИТЕЛЬ» (субвождь тоже исполнитель, но не «жухлый»). Использование термина «жухлый» указывает на слово «некрофил», тем подчеркивается тот факт, что бессознательный идеал исполнителей — смерть; исполнитель может оказаться на планете один и исполнителем уже не будет, а некрофилом все равно останется.

ИДЕОЛОГ — элемент одного из коллективных органов тела стаи вождя. Назначение этого органа — деструктурирование остатков логического мышления исполнителей. Деструктурирова-

ние достигается перевираанием всякой истины. «Идеологи» — орган стаи многоголовый (коллективный), одни головы поддерживаются высшими иерархиями впрямую — премиями, учеными степенями, деньгами; другие действуют тоньше, изображая из себя оппозицию (при ублажении толпы на самом деле все равно ублажается вождь, только удовольствие его тоньше). Распространенные профессии **идеологов**: писатели, политруки, актеры, режиссеры, адвокаты, журналисты и т. п. Наиболее мощные идеологи — потомки удачных торговцев с базаров: чтобы покупателям продать ненужное для души, ему необходимо прежде заморочить голову.

ИНДИВИД — не ЛИЧНОСТЬ.

ИСПОЛНИТЕЛЬ — человек, исполняющий вербальные приказания вождя не поперек его психоэнергетической воли, но согласно ей. У исполнителя та же, что и у вождя, иерархия «ценностей», он подвержен ВАЛАБИЯНСТВУ (хотя бы в форме мечтаний), у него могут быть и подчиненные; нет подчиненных только у наинизшего в иерархии исполнителя — хотя он не может о подчиненных не мечтать.

КАЙФ — промежуточная цель некрофила. В состоянии кайфа утрачиваются личностные качества — способность к критическому мышлению, волевая самостоятельность.

КАТАРСИС (греч. «очищение») — см. ПСИХОКАТАРСИС.

КОММУНИСТЫ — этот термин в книге указывает не столько на обладание партийным билетом, сколько на духовно-психологическую принадлежность к правящей части иерархии. Коммунист — это не носитель какого-то учения (реальные коммунисты, к примеру, российские, смутно, если вообще что-либо знали о так называемом марксистско-ленинском учении, внутренне противоречивом), но человек, жаждущий более высокой ступени в иерархии. Таким образом, «коммунист» —

лишь одна из исторических форм прослойки, близкой к верхушке пирамиды иерархии. Реальные правящие коммунисты Советского Союза то были частью «внешнической» волны, то частью «внутреннической»; и все это без изменения буквы самого учения — может быть, только в качестве рационализаций и самооправданий акценты на разных цитатах Маркса и Ленина делались разные. «Коммунисты» были и есть во всех культурах и во все исторические и доисторические эпохи. Стадия, предваряющая формирование «коммуниста», — «КОМСОМОЛЕЦ».

КОМСОМОЛЬЦЫ — наиболее гипнабельная часть иерархии, квинтэссенция исполнительства — в силу юного возраста. «Юношеский максимализм» К., на самом деле, — это подсознательная неразборчивость, духовная слепота и незрелость. Типичный пример «комсомольцев» в некоммунистическом обществе — студенты, чьи «волнения», например, потрясли в конце 60-х «добропорядочную» (в смысле: «болото») Европу. «Комсомольцы» существовали всегда — только назывались по-разному.

КУНКТАТОР (*лат.* «медлитель») — презрительное прозвище Фабия, вопреки мнению толпы победившего сверхвождя Ганнибала. Подобную же *психологическую* тактику для уничтожения сверхвождя Наполеона применил Кутузов. Истинный Кунктатор — Господь Христос. Он и является духовным источником всякого истинно неугодиического (кунктаторствующего) поведения.

ЛИЧНОСТЬ — человек, который встал на путь освобождения от манипулирования им яркими некрофилами. Это возможно только в содружестве с Богом, в живой с Ним связи. См. ИНДИВИД.

МАРКСИЗМ — совмещение на бумаге несовместимого: с одной стороны, заявляется, что люди поступают согласно своей *выгоде*, с другой — без какого-либо перехода выдвигается требо-

вание организации принудительных трудовых армий и диктатуры пролетариата. Отсюда неизбежное разделение марксистов на два несовместимых лагеря — «внутренников» и «внешников». Ленин со своей теорией насильственной социалистической революции и военного коммунизма — несомненный «внешник», поэтому термин «марксизм-ленинизм» оправдан — для отмежевания от «внутренников»-ревизионистов, тоже марксистов. Внутреннее неразрешимое противоречие марксизма отнюдь не ошибка, противоречие оправдывает создание иерархии «экспертов» — академиков, профессоров, инструкторов райкомов и т. п. На том же принципе алогичности непременно построены все учения государственных религий и тоталитарных сект.

МАТРИЧНЫЙ ЭТНОС — МЕТАНАЦИЯ за исключением ее квинтэссенции — НЕУГОДНИКОВ. Матричный этнос может быть как неярко «внутренническим» (например, сербы), так и неярко «внешническим» (например, русские, а в древности — евреи [кроме ярко «внутреннической» диаспоры]).

МЕТАНАЦИЯ — народ (нация, этнос), внутри которого собираются *неугодники* из разных народов. *Неугодники* перенимают язык МАТРИЧНОГО ЭТНОСА и ассимилируют, но только в языковом, бытовом и отчасти культурном отношении — не сливаясь в духовно-психологическом отношении. Иными словами, метанация состоит как бы из двух народов, *взаимовлияющих друг на друга*. Метанацией были евреи в эпоху от Авраама до Христа; сейчас из самых заметных — русские и сербы. Сербы в XIV–XV веках аккумулировали в себе еретиков-беженцев, психологически устойчивых к насильственному, под угрозой костра инквизиции, обращению в госверу и слиянию со стаей. Отчасти наследуемое *неугодиичество* проявилось в частности в том, что в XX веке сербы были единственным народом Европы, из которого вышли антигитлеровские партизаны *первого этапа войны*.

Своеобразный трагизм метанации — в том, что матричным этносом управляют функционеры иерархий, планетарные центры которых территориально с метанацией никогда не совпадают; отсюда, при «внешническом» планетарном сверхвожде — военные разгромы *первого этапа войны* (например, России при Сталине, психоэнергетической марионетке Гитлера), а при «внутренническом» — экономическое разорение (например, России в посткоммунистическую эпоху). См. **РОДИНА**.

МНЕНИЕ — мнимо логическая взаимосвязь понятий; основывается на памяти, а не на критическом мышлении. Цель распространения «мнений» (т. н. «образование») — деструктурировать сознание людей, ликвидировать критическое мышление, тем самым сделав их более гипнабельными (наряду с истеричными женщинами, студенты — наиболее гипнабельная часть населения). Поскольку выгодами одурачивания «мнений» сами распространители «мнений» (корпус преподавателей школ, университетов) воспользоваться не могут, то очевидно, что распространитель «мнений» есть не более чем орудие вожака (функциональный орган стаи). «Ученые» вождями всегда ценились наряду с воинами-исполнителями. «Умные», в представлении толпы, — это те, в изложении которых «мнения» воспринимаются толпой как убедительные. Сам факт существования «мнений» разоблачает ненависть вождя к послушной ему толпе.

НАРОД БОЖИЙ — в богословии термин имеет два значения:

- 1) люди, возлюбившие Истину (личностного Бога), что проявляется в приближении к Ней; невидимая Церковь;
- 2) иерархия, являющаяся носителем наиболее верной, как она сама провозглашает, системы догматов.

НЕКРОПОЛЕ (*греч.* «некрос» — мертвый) — исходящее от павших индивидов энергетическое поле, несущее смерть. Практически всегда некрополе выдается за *биополе*, на том двусмыс-

ленном основании, что носителем его являются «живые» люди. Некрополе — это то поле, подавшись которому, человек становится объектом *манипуляций*.

НЕКРОФИЛ (*греч.* «некрос» — мертвый, «филео» — любить) — человек, излучающий некрополе. В книге «КАТАРСИС» показано, что понятие «некрофил» эквивалентно понятиям «подавляющий индивид», «ГИПНОТИЗЕР». Некрофиличность человека можно идентифицировать, рассматривая любую сферу его существования — манеру приема пищи, половые взаимоотношения, предпочтения в одежде, стиле жилья, взаимоотношения с окружающими и т. д. Иногда поступки бывают следствием инверсированных желаний, поэтому более надежный способ — анализ изменений в поведении тех, кто оказался рядом с изучаемым субъектом. Яркий некрофил — некрофил, способный подчинить себе и заставить восхитаться собой других некрофилов, во всяком случае, большее количество, чем может подчинить индивид среднестатистический. Противоположность некрофилов — БИОФИЛЫ.

НЕКРОФИЛИЯ (*греч.* «некрос» — мертвый, «филео» — любить) — любовь к мертвому, к смерти. Термин в XX веке стал применяться не в узко психиатрическом смысле (половое влечение к трупам), но в более широком — психологическом (см., например, в кн.: *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. М.: Республика, 1994).

НЕКРОФИЛОГЕННАЯ КУЛЬТУРА — культура, порожденная носителями некрофилического начала (толпой и ее вождями) с целью:

- самооправдания;
- деструктурирования сознания не только собственного, но, если возможно, и избранных;
- воспроизведения себе подобных индивидов (неличностей);
- формирования стаи большей величины, в идеале — всепланетной.

История человечества суть смена некрофилогенных культур, последняя

из которых будет «внутреннической» и всепланетной.

НЕУГОДНИК — ЛИЧНОСТЬ, не желающая подчиняться тайным желаниям вождей и сделавшая хотя бы один шаг из стаи; биофил в широком смысле слова (см. «КАТАРСИС»).

ОХЛОГОГИ (греч. «охлос» — толпа) — неологизм, возникший в результате уточнения двусмысленно-саркастичного понятия «демагоги». Психоэнергетически слабые вожди, чтобы толпу подчинить непосредственно, вынуждены ее предварительно «заговаривать».

ОХЛОКРАТИЯ (греч. «охлос» — толпа, «кратос» — власть) — власть толпы. См. ДЕМОКРАТИЯ.

ПАРАНОЙАЛЬНЫЕ ГАЛЛЮЦИНАЦИИ — мыслеформы, в которых «сновидца» преследуют, побеждают и убивают заговорщики, армии или народы. Если ПГ начинаются у индивида с гипнотическими способностями, то *исполнители* его же собственной (!) субстаи эти невысказанные желания исполняют. Парадоксально: убийцы своего патрона — предатели лишь кажущиеся, на самом же деле они верные из верных в психоэнергетическом смысле.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО — слово многозначное. В наиболее распространенном упрощенно-бытовом смысле — переход из услужения одному господину в услужение другому; такой переход некогда карался смертью (при возможности).

Трудно себе представить, что некогда главным понятием, объясняющим услужение какому-нибудь субвождю, было слово «честь», а не ныне привычное «выгода». Это отражает процесс селективного истребления «внешников» и вытеснения их «внутренниками».

Однако, понятие «предательство» в рамках *теории стаи* имеет иное значение — это переход из состояния *неугодник* и апостол — в состояние *исполнитель*. Или упорное подсознательное

нежелание совершить обратный переход. Иными словами, предательство — это присоединение к стае, к сверхвождю. Предательство может сопровождаться переходом на сторону другого государства, а может и не сопровождаться. Предательство в бытовом смысле слова для внешнего наблюдателя совпадает с предательством с точки зрения *теории стаи* только тогда, когда предатель предаёт метанадию. См. **РОДИНА**.

ПСИХОКАТАРСИС (греч. «психо» — душа, «катарсис» — очищение, и притом нравственное) — освобождение бессознательного от внушений; как следствие — выход из стаи и неосложненное освобождение от многих болезней тела, проистекающих от болезней души и духа. Возможен визуальный, психотерапевтический контроль психокатарсиса — методика описана в предыдущем томе («КАТАРСИС. Подготовленная любовь»). В высоком смысле этого слова истинный психокатарсис — это полное духовное очищение человека Богом, потому и достигается исключительно в живом с Ним общении (молитве).

ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ТРАВМА — устойчивое искажение энергетического поля человека. Такие травмы приводят не только к обессиливанию и болезням, но и к неадекватности поступков. Методами ПСИХОКАТАРСИСА могут быть вылечены быстро и эффективно. См. ТЕЛО ПАМЯТИ.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ (лат. rationalis — разумный) — ложное объяснение или оправдание своих неадекватных поступков — без осознанного, в отличие от обмана, желания солгать. Скажем, если на сцене человеку, не имеющему ни малейшего отношения к технике, в состоянии гипноза внушить, что у него украли чертежи с ценнейшим изобретением, а затем его из состояния гипноза вывести, то человек впоследствии «вспоминает», что это были за чертежи, сколько было листов и какого формата. Он даже «вспоминает», при каких обстоятельствах эти чертежи у не-

го похитили, и тем объясняет обоснованность своего враждебного отношения к «похитителю». Люди в жизни сплошь и рядом «вспоминают». Скажем, после краха советского атеизма комсомольцы хором «вспомнили», что они всегда уважительно относились к «идее Бога».

РЕКРУТЫ — каково бы ни было точное историческое значение этого слова, в книге оно почти синоним *неугодника*. «Почти» — потому, что не всякий новобранец российской армии периода 1704–1874 гг. был выслан из поместья именно за недостаточное угодность вообще, а перед старостой общины и помещиком в частности. Бывало, брили в солдаты и за воровство, и за другие проступки и преступления. Но, тем не менее, русские рекруты — это особенная историко-социальная группа, в которой процент *неугодников* существенно выше, чем в среднем по населению. Что, естественно, сказывалось на поведении и остальных солдат армии.

РОДИНА. — *Теория стаи* в это слово вкладывает смысл неизмеримо более глубокий, чем в рамках идеологических концепций, основанных на суверенизме. Понятие «**Родина**» основано на самой сущности бытия. Понятие «**Родина**» может быть воспринято до конца только теми, кто смог из стаи выйти. **Родина** — это Истина, а следовательно, Бог и жизнь в Боге. Предательство **Родины** — это возвращение в стаю, подчинение стае, жизнь по законам стаи, увеличение амплитуды качаний садомазохистского маятника, карьера. **Родина** надтерриториальна — в том смысле, что *неугодники* в разные эпохи могут быть рассеяны, а могут, поскольку их друг ко другу притягивает, собраться на некоей территории. **Родина** — наднациональна, хотя и может временно принять форму МЕТАНАЦИИ (но не обязательно: после распятия Христа метанадии *временно* не стало). В книге бытовое значение слова «родина» отделяется от духовного не только контекстом, но и шрифтом. Если предателя **Родины** ждет погибель вечная, то пре-

дателя родины могут всего лишь приговорить к смертной казни.

РУССКИЕ — понятие в новейшее время не столько этническое, сколько нравственное, обозначающее не национальность, а духовную принадлежность к МЕТАНАЦИИ *последнего времени* (к русским *неугодникам* присоединяются *неугодники* из других народов планеты). Особенность русских как метанадии выявляется в их психологической устойчивости к сверхвождям, а также в неприятии русских людьми и народами стайной психологии. Именно духовно-психическое здоровье русской нации и объясняет, почему много столетий русские не оказываются в своей стране у власти.

Когда в этой книге автор положительно говорит о русских, он имеет в виду именно неугодническую квинт-эссенцию русского народа, определяющую духовный климат в России, в то время как «комсомольцев», жуликов и прочих *угодников*, к какой нации по крови они бы ни принадлежали, автор относит лишь к материалу для наднациональной стаи. См. также РЕКРУТЫ.

СВЕРХВОЖДЬ — один из *исполнителей* стаи, стоящий на самом вершине *планетарной* иерархии того или иного типа («ВНЕШНИКОВ» или «ВНУТРЕННИКОВ»). Безусловные сверхвожди — Ганнибал, Пирр, Наполеон, Гитлер, Александр Македонский, Николай I, строго говоря, — не сверхвождь, хотя таковым в книге и называется. См. СУБВОЖДЬ.

СЕКТА — сформировавшаяся иерархия, независимо от ее численности. Любая организация, совместимая с некрофилогенной культурой, стремится стать сектой и неизбежно в нее превращается.

СОСЛОВНОЕ ОБЩЕСТВО. — Многие наблюдатели не только со времен Великой французской революции, но и со времен более ранних, чем рабовладельческая демократия Карфагена, обращали внимание, что демократии

намного более кровавы и подлы, чем сословное (часто тоталитарное) общество. Естественно, сравнение различных систем устройства общества должно было породить несколько несовместимых толкований, принадлежащих «внешникам», «внутренникам» и *неугодникам*. С точки зрения *неугодников*, ценность сословного общества, разумеется, — не в интересах монархов или членов их семей: их часто убивали, дегенератизм их детей известен. И не в интересах правящего сословия. Сословное общество, как это ни парадоксально, предпочтительнее демократии для незаметнейшей прослойки вне иерархии — *неугодников*.

«СТРАННОСТИ» — слово-указание. «Странности» (несообразности) — обогащающее приобретение внимательного наблюдателя, который рвется из навязываемой вождями трактовки окружающего мира. Для выбирающегося из толпы обнаружение *странности* — одновременно и удача (был поставлен в обстоятельства, позволяющие эти *странности* разглядеть), и наслаждение (осмысление есть еще один шаг к свободе от вождя и толпы).

СТРАСТНАЯ ЛЮБОВЬ — деструктивное состояние патологической зависимости, подстегиваемое болью от неврозов, выросшее на корне нераскаянных нравственных преступлений — личных или унаследованных от предков. То, что страстная любовь асексуальна, давно подмечено психоаналитиками. Кумирами толп СЛ выдается за любовь, наивысшее из возможных положительных чувств. Феномен «страстной любви» детальнейшим образом на ряде конкретных примеров рассмотрен в книге «КАТАРСИС. Подноготная любви».

СТРАХ — состояние души, в котором человек становится более гипнабельным. Человек в состоянии страха не только непременно беззащитен перед подавляющей волей «вожака» и непременно оказывается в его стае (иерархии), но, главное, сам жаждет в этой чужой воле забыться. Те мысли-

тели, которые видят общество как совокупность враждующих стай, считают, что боящийся в стае пытается найти защиту. Такая формулировка подводит к ложному выводу, что человек авторитарного мышления вопрос «быть или не быть в стае?» может решить самостоятельно. Но на самом деле человек, соглашающийся бояться, в выборе не волен. Страх, как о том пишет пророк Иеремия, есть результат забвения первой заповеди Десятилетия: «не имей других богов». Поэтому не случайно со страниц Библии десятки, если не сотни раз раздаются призыв: «Не бойся!» Отсутствие страха порождает не трюкачей (имитаторов отважности), но способных к сопротивлению сверхвождям *неугодников*.

СУБВОЖДЬ (приставка *суб...* обозначает *почти*). — Вождь на самой вершине *планетарной* иерархии называется в рамках *теории стай* СВЕРХВОЖДЕМ. Вождь на самом верху *государственной* иерархии, но не сверхвождь, называется субвождем. В широком смысле термином «субвождь» могут быть обозначены и ближайшие помощники номинального правителя страны — сверхвождя или субвождя. Субвожди отличаются не только большей по сравнению с обычными *исполнителями* гипнабельностью и подхалимством, но, что немаловажно, большей скоростью реагирования на изменение психоэнергетической обстановки.

СУБСТАЯ (приставка *суб...* обозначает *почти*). — Стаю можно уподобить организму человека или животного, в котором каждый орган выполняет отдельную ограниченную задачу: глаз — видит, рука — хватает, а не наоборот. Так вот, рука и глаз — суборганизмы, по которым, с одной стороны, можно восстановить весь организм, а с другой стороны, для поверхностного наблюдателя они есть нечто самостоятельное, имеющее самостоятельную структуру — клеточную и т. п. Субстая есть аналогичная структура из ИНДИВИДОВ, подсознательно объединенных неким особенным комплексом преступлений предков.

СУВЕРЕНИТИЗМ — вера в то, что каждый из *исполнителей* стай есть психоэнергетически независимый объект. В рамках этой ложной веры считается, что *исполнитель* делает только то, что ему *выгодно*, даже в экстремальных ситуациях (все равно *выгодно*, но с точки зрения немасштабного выигрыша). Несмотря на неподтверждение этой веры никакими экспериментальными данными, эта вера, тем не менее, активно внушается *ИДЕОЛОГАМИ* в рамках якобы разных идеологических школ.

ТЕЛО МИРОВОЗЗРЕНИЯ (ТЕЛО СОЗНАНИЯ) — несет в себе уродства, которые человек нанес себе сам, делая противные истине умозаключения. Понятие введено автором в книге «КАТАРСИС: Подноготная любви».

ТЕЛО ПАМЯТИ — условное обозначение пространства, в котором можно наблюдать ПСИХОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ, *нанесенные извне*.

Это пространство, видимо, существенно превышает физическое тело человека. Слово «память» указывает на вторжение в настоящее травм прошлого, которые для желающего *жить* — обуза. Понятие введено автором. Подробнее об освобождении от травм тела памяти см. в книге «КАТАРСИС. Подноготная любви».

ТОЛПА — «скопление людей, сборище» (словарь Ожегова). Однако в рамках *теории стай* этот термин имеет более широкое значение — не только пространственное, но психологическое. Оно означает:

- публику (рассеянную, распыленную толпу);
- организованную, но не вполне однородную толпу (армию, парламент, преподавательский состав университетов);
- толпу, психологически весьма однородную (секты, партии до их прихода к власти и т. п.).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. Биологический подход.

ВОЖДЬ И ИСПОЛНИТЕЛИ – СТАЯ.

- Что исследователи, изучая животных,
упорно не хотят замечать? 5
1. Почему шимпанзе, даже голодный, далеко не всегда достает из «хитрого» ящика банан? 7
 2. Валаби и валабиянки 16
 3. Теория стаи 23
 4. Самый успешный биологический противник человека 30

ЧАСТЬ II. Исторический подход.

СВЕРХВОЖДЬ XIX ВЕКА.

- А был ли великий Наполеон действительно Буонапарте? 37
5. А с какой стати, собственно, Лев Толстой возмущался, что в постели его женой был ценим не он, а император Наполеон? Почему – Наполеон?! 39
 6. Последняя великая идея Фрейда, за которую стая возвеличила его в сан сумасшедшего, и которую забыли – старательно. Теория стаи как развитие последней идеи Великого Психоаналитика 44
 7. Трехцентровый мир 56
 8. Наполеон как маменькин сынок (*Психоаналитический подход*) .. 61
 9. Сверхвождь Ганнибал, «почему-то» проигравший Фабию. «Невроз Ганнибала» у Наполеона 67
 10. Граф Ростопчин – две противоположные точки зрения 83
 11. «Чудо» на Березине 91
 12. А был ли Александр I, действительно, – *первым*? 106
 13. Бородино Каннами, однако ж, не стало 112
 14. «Москву сжег я!» 123
 15. Судьба «женщин» в наполеоновской орде 132
 16. Сколько «женщин» убивало Наполеона на о. Св. Елены? 141
 17. Ахиллесова пята сверхвождя 154
 18. Так сдаются русские или не сдаются?!
Бараны они или *неугодники*? 157

19. Почему Кутузов – *странный*,
а Наполеона Нострадамус предрек антихристом? 171

ЧАСТЬ III. Теологический подход.

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ НЕУГОДНИКИ.

- Сокрытая церковниками библейская истина о толпе (стае) 183
20. В чем же на самом деле была виновна женщина, взятая в прелюбодеянии? 185
 21. Акустический подход к мести изгнанных бесов 197
 22. Вавилон «Апокалипсиса» и занимающиеся на его улицах торговлей 211
 23. Тайна человека, внесшего крест на Голгофу 226
 24. Грызня внутри стаи – один единственный случай (*Синкретический подход – совмещение биологического, исторического и теологического подходов*) 246
 25. А ведь евреи-то уже давным-давно не евреи! 253

ЧАСТЬ IV. Исторический подход.

СВЕРХВОЖДЬ XX ВЕКА.

- Нераскрытая тайна величайшей любви-ненависти 267
26. Новая концепция Второй мировой войны 269
 27. Месторасположение на планете трех психологических центров перед началом Второй мировой войны 276
 28. Этапы Великой Отечественной войны – естественное деление .. 285
 29. «Блицкриг» Гитлера – сильнейшего гипнотизера столетия; его специфические мечты, которые «внешники» – вне зависимости от национальности – естественно для себя исполняли 289
 30. *Странно* не замеченный госпропагандой партизанский отряд из научных работников. На каждого погибшего партизана – более полутора тысяч уничтоженных немцев 291
 31. Что демократы скрывают о генерале Власове? 297
 32. Комсомольцы-сталинцы 306
 33. «Странное» поведение политруков. Материалы к истории Великой Отечественной 311
 34. Драп 319
 35. Что под угрозой расстрела заставляли скрывать о 28 героях-панфиловцах? 327
 36. Отец: правда о Великой Отечественной, в которую я мальчишкой поверить не мог 331
 37. «Предательство» – философский подход 334
 38. Самое слабое место гитлеровской стаи и самое сильное оружие русских (*Военно-исторический подход*) 339
 39. Любовь Сталина к Ленину. Всепобеждающая потребность в воспроизведении болезненной зависимости – закон для субвождя неизбежный 360
 40. Даже астрология и та изобличает 371

41. Первая женщина — Герой Советского Союза. За что ее, по совершении «подвига», били русские и почему ее «подвиг» так понравился товарищу Сталину?.....	373
42. Психоаналитическое доказательство	379
43. Как Сталин готовился к Великой Отечественной?	380
44. Массовые расстрелы «врагов народа» в Красной Армии — вред для обороны страны в 41-м или благо?	385
45. Тайна загадочных «неблагонадежных»	392
46. Смирнов Алексей Федорович — капитан запаса, 1918 года рождения, Петроград	402

ЧАСТЬ V. *Синкретический подход.*

ГРЯДУЩИЙ НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ СВЕРХВОЖДЬ — ПОСЛЕДНИЙ.

Опасные следствия теории стаи	421
47. Всеобщая история стаи	423
48. Формы государственного устройства как отражение степени психологического приближения населения к состоянию всепланетной стаи	430
49. Странные убийства в Восточной войне (1853 год)	435
50. Так ради чего на самом деле рисковали жизнями декабристы?	447
51. Так ли уж плоха с точки зрения <i>теории стаи</i> Великая Октябрьская социалистическая революция? Удивительная судьба графа Игнатьева	453
52. Сокровенный смысл развития России в последние несколько сот лет	464
53. <i>Неудодник</i> — с точки зрения богословия	468
54. Тянет — не тянет. Сербь и казаки	475
55. «Неправильные» болгары Болграда	483
56. Циклическая составляющая истории	490
57. Желание веков	495
58. <i>Последнее время</i> (в пророчествах Библии)	501
59. <i>Последнее время-2</i> (уточнения пророков последнего времени)	507
60. Особая роль России перед Вторым Пришествием Христа в предсказаниях духовных учителей разнообразнейших религий. Подтверждение их пророчеств (прозрений) следствиями из <i>теории стаи</i>	513
61. Кунктатор	526
62. Послесловие (<i>Хотя последняя глава еще впереди</i>)	529
63. А помнишь?	541
Словарь	561

ЧИТАЙТЕ УВЛЕКАТЕЛЬНЕЙШИЕ, ПАРАДОКСАЛЬНЫЕ КНИГИ АЛЕКСЕЯ МЕНЯЙЛОВА!

КАТАРСИС. Подноготная любви. *Психоаналитическая эпопея.*

М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 640 стр. с илл. Переплет твердый, целлофанированный.

Готовится к печати первая часть «КАТАРСИСа-3» — более чем неожиданный роман о Понтии Пилате

Задуманный автором «КАТАРСИС-3» включает в себя уже написанный роман о Понтии Пилате и только еще намечающиеся авторские комментарии к этому роману.

И сам роман, который скоро будет издан отдельной книгой, и комментарии-исследования к нему являются продолжением и дальнейшим углублением тем, поднятых в первых двух «КАТАРСИСах».

Объем романа — 10 а. л. (вместе с комментариями психоаналитического, богословского, этнокультурологического и мистического характера — ок. 20 а. л.).

Условия получения этих книг по почте вы сможете узнать, написав по адресу: 117333, Москва, до востребования, Меняйлову А. А. или позвонив по телефону (095) 283-9663 (спросить Галину Викторовну)

Не забудьте в письмо с вашей заявкой вложить конверт с маркой **и вашим адресом**. Только в этом случае ответ гарантирован.

По этому же адресу автор будет очень рад получить от вас **отзывы, замечания и предложения о сотрудничестве.**

Особенно автор будет рад получить весточки из малых городов и сёл.

Автор просит прощения за то, что он физически не сможет ответить на все письма.

Научное издание

Алексей Меняйлов

КАТАРСИС-2

**Россия:
подноготная любви**

Психоанализ Великой Борьбы

Не давал автору спокойно спать, терзая его домогательствами,
выдаваемыми за литературное, смысловое и техническое редактирование,
а впоследствии осуществлял корректуру,
портил компьютерный набор всяческой правкой
и наконец сверстал оригинал-макет этой книги —

Леонид Беленький

Корректоры на заключительном этапе работы —

Елена Барина, Екатерина Колобова